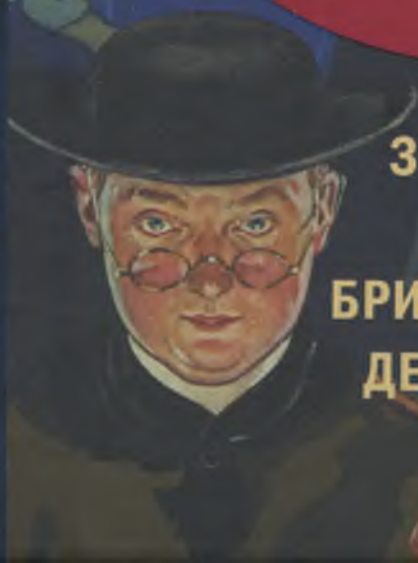

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ
ВЕК
БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

издательство
АСТРЕЛЬ

ТОЛЬКО ≡ НЕ ≡ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

Об этой книге	5
Слова благодарности	7
Александра Борисенко	
Золотой век британского	
детектива	9

Дж. С. ФЛЕТЧЕР	39
Показания судьи	41
Рой ВИКЕРС	53
Образцовая подделка	56
Г. К. БЕЙЛИ	71
Длинный курган	73
Эдгар ДЖЕПСОН и РОБЕРТ ЮСТАС	95
Чайный лист	97
АГАТА КРИСТИ	115
Изумруд раджи	118
Пуаро и родосский	
треугольник	131
Дж. Д. Х. КОУЛ и МАРГАРЕТ КОУЛ	153
У телефона	155
ЭНТОНИ БЕРКЛИ	173
Карающий случай	175
Г. УОРНЕР АЛЛЕН	193
Вино кометы	195
РОНАЛЬД А. НОКС	207
Методом пристального	
взгляда	209
ЛОРД ДАНСЕНИ	221
Две бутылки приправы	223
ЛОЭЛЬ ЙЕО	235
Дознание	237
ДОРОТИ СЭЙЕРС	255
Убийство	
в Пентекост-колледже	258
Толбойз	268
ГЕНРИ УЭЙД	287
Пропавший студент	289
ФРИМЕН УИЛЛС КРОФТС	303
Железнодорожный переезд ..	305
НАЙО МАРШ	317
Смерть в эфире	319

Лесли ЧАРТЕРИС	343
Человек, который любил игрушки	345
Уилл Скотт	361
Голубая улика	363
Г. К. ЧЕСТЕРТОН	377
Деревенский вампир	381
Марджери Аллингем	399
Старик в окне	401
Сирил Хэйр	421
Загадочная смерть Эми Робсарт	423
Э. К. БЕНТЛИ	445
Настоящий табар	447
Ангел-хранитель	463
Николас Блейк	477
Клуб убийц	479
Дэвид Винзер	489
Убийство накануне регаты	491
Ричард КЕВЕРН	503
Железное алиби	505
КАРТЕР ДИКСОН	521
Дом в Гоблинском лесу	523
Джозефина Белл	543
Смерть в больничной палате	545
Николас БЕНТЛИ	553
Бдительный ювелир	555
Энтони ГИЛБЕРТ	563
Черный — цвет невинности	565
А. А. Милн	573
Хлеб по водам	575
Алан ТОМАС	583
Сила привычки	585

КОММЕНТАРИЙ*

От войны до войны: "длинный уик-энд"	595
Дворецкий и другие слуги	596
Загородный дом	601
Столичная жизнь	607
Мир иллюзий	616
Иностранцы	619
Дела семейные	625
Оксфорд и Кембридж	633
Англиканская церковь	641
Мода на археологию	650
Медицина	657
Морские купания	666
Транспортная революция	672
Орудия убийства и технический прогресс	678
Детектив и громкие преступления века	682
Клерихью и поэзия нонсенса	690
Шерлок Холмс	697

ГЛОССАРИЙ

.....	704
Список иллюстраций к рассказам ..	723
Литература	724

* Осторожно: в комментарии могут быть раскрыты сюжетные ходы некоторых рассказов.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

T55

Все права на произведения, включенные в настоящее издание, принадлежат авторам и их наследникам.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко, Дмитрия Черногаева

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Научные редакторы: Александра Борисенко, Виктор Сонькин

T55 **Только не дворецкий.** Золотой век британского детектива : новеллы / Пер. с англ.; Составление А. Борисенко, В. Сонькина. — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 728 с.

ISBN 978-5-271-38533-9 (ООО "Издательство Астрель")

Золотой век британского детектива — это Г. К. Честертон, Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс; это автор "Винни-Пуха" А. А. Милн, поэт Сесил Дэй-Льюис, а также множество других очень разных и оригинальных авторов, многие из которых совершенно неизвестны русскому читателю. Все они принадлежали к одному кругу, общались, дружили и превратили написание детективов в увлекательную интеллектуальную игру. Они создали Детективный клуб с целой системой правил и ритуалов, сочиняли коллективные опусы и пытались разгадывать реальные преступления. Все это легкомысленное, веселое творчество пришлось главным образом на двадцатые-тридцатые годы XX века — мирный промежуток между двумя страшными войнами. Тревожная, бесшабашная, ностальгическая эпоха застыла в детективных рассказах, словно муха в янтаре, — читателю остается лишь перевернуть страницу и погрузиться в этот интереснейший мир. Книга проиллюстрирована рисунками из журналов 1920–1930-х годов, снабжена предисловием, комментарием и глоссарием в картинках.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-271-38533-9 (ООО "Издательство Астрель")

- © А. Борисенко, В. Сонькин, составление, научное редактирование, 2011
- © А. Борисенко, предисловие, 2011
- © Участники семинара А. Борисенко и В. Сонькина, перевод, комментарий, глоссарий, 2011
- © А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2011
- © ООО "Издательство Астрель", 2011
Издательство CORPUS®

===== ОБ ЭТОЙ КНИГЕ =====

ЭТА КНИГА — логическое продолжение антологии “Не только Холмс”*, в которой были собраны рассказы современников Конан Дойла. Так называемый Золотой век британского детектива — это главным образом период между двумя мировыми войнами, хотя провести строгие хронологические границы не удастся. Так, в книгу включены несколько рассказов из выпусков газеты “Ивнинг стандарт” 1950 года, поскольку их написали люди, принадлежавшие Золотому веку и продолжавшие следовать его канонам.

Принципы отбора рассказов несколько отличаются от тех, которыми мы руководствовались в предыдущей книге. Во-первых, пришлось отказаться от мысли объединить под одной обложкой британский и американский детектив — после Первой мировой войны их пути разошлись, и, чтобы рассказать о развитии жанра на другой стороне Атлантики, требуется отдельная книжка (над которой мы уже начали работать).

Во-вторых, в этом сборнике нет “фигуры умолчания” — никак нельзя было назвать книгу “Не только Пуаро” и исключить из нее рассказы Агаты Кристи, ведь Пуаро никогда не был главным сыщиком эпохи в том смысле, в каком им был Шерлок Холмс. На этот раз мы не избегали известных имен, иначе пришлось бы обойтись без Г. К. Честертона (первого председателя Детективного клуба) и без Дороти Л. Сэйерс с ее блистательным сыщиком лордом Питером Уимзи. Тем не менее большинство авторов незнакомы русскому читателю, и большинство рассказов переводятся на русский язык впервые, а некоторые знаменитости предстают в неожиданном качестве — например, А. А. Милн, создатель “Винни-Пуха”. Нам хотелось показать писателей Золотого века в

* Не только Холмс. Детектив времен Конан Дойла. — М.: Иностранка, 2009.

их единстве и взаимодействии, потому что именно так они жили и работали: основали Детективный клуб, публиковали книги в соавторстве, бесконечно ссылались друг на друга, пародировали друг друга и писали друг о друге критические эссе.

В-третьих, помимо глоссария в картинках, в конце книги дан более развернутый комментарий (тоже иллюстрированный), рассказывающий о различных сторонах жизни Англии между двумя мировыми войнами. Это была удивительная эпоха: эпоха джаза и кинематографа, радио и автомобилей; эпоха, когда женщины получили право голоса, мужчины устали воевать, а король отрекся от престола ради любви. И еще это время романтической ностальгии по безвозвратно утраченному. Именно поэтому дворецкий — символ и осколок “доброй старой Англии” — должен оставаться вне подозрений.

Все рассказы, выходившие в иллюстрированных журналах, воспроизводятся с оригинальными иллюстрациями. К остальным — изданным в книгах или журналах без картинок — подобраны рисунки соответствующего периода. В конце книги приведен список иллюстраций с указанием имен художников, а также список литературы, которой мы пользовались при создании антологии.

Каждый переводчик написал биографическое эссе о своем писателе, и мы приложили немало усилий для того, чтобы читатель увидел лица авторов. Удивительным образом это оказалось очень непросто — многие изображения авторов Золотого века отсутствуют даже в самых авторитетных справочниках и энциклопедиях. Переводчики показали себя неплохими следопытами, и потому лишь один писатель остался без портрета.

На этот раз в книге нет послесловия, которое рассказало бы о том, как на самом деле работала британская полиция в межвоенные годы. Ушел из жизни человек, который мог бы его написать, — наш друг и “волшебный помощник” Степан Поберовский (он участвовал в предыдущей антологии под псевдонимом Светозар Чернов). Мы не пытались найти ему замену, поскольку он совершенно незаменим.

Остается напомнить, что “мы” — это переводческий семинар, работающий на филологическом факультете МГУ. На этот раз в создании книги участвовало двадцать три человека, включая двух преподавателей. Мы получили большое удовольствие — надеемся, что и вы не будете разочарованы.

≡ СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ ≡

СОСТАВЛЕНИЕ комментированной антологии сродни детективному расследованию. Как положено сыщикам, мы искали следы и бесконечно расспрашивали (а то и допрашивали) множество самых разных людей о самых неожиданных вещах. Пришло время поблагодарить их всех за терпение, эрудицию и отзывчивость.

Каким образом чек, который герой выписал героине и отдал ей в руки, через несколько дней вдруг оказался в его кармане? Мы никогда бы не узнали этого, если бы не Брайан Холл, директор британской компании “Аминекс ПЛС”.

Что за странное помещение служило “телефонной комнатой”, в которой обнаружили труп? Ответ на этот вопрос нам дал автор популярных книг по архитектуре Тревор Йорк. Он также любезно предоставил для глоссария несколько своих рисунков. Еще несколько архитектурных рисунков сделала специально для нас Наталья Мещерякова.

Не найдя нигде сведений о точной дате и месте публикации рассказа Сирила Хэйра “Загадочная смерть Эми Робсарт”, мы обратились к сыну писателя, Чарльзу Гордону Кларку. И он не только сообщил нам, где и когда был опубликован рассказ, но и описал обстоятельства его создания.

Сын писателя Генри Уэйда подполковник Эдвард Обри-Флетчер, при содействии Сары Роберты Обри-Флетчер, любезно предоставил нам портрет отца. Фотографию Люси Беатрис Мэллесон (она же — Энтони Гилберт) разыскал для нас ее племянник Джон Мэллесон, а фотографию Джозефины Белл — исследовательница ее творчества Б. Дж. Ран. Джон Карран, расшифровавший дневники и тетради Агаты Кристи, подсказал, где искать портрет Г. Уорнера Аллена. Изображения всех этих писателей невозможно было найти в других источниках.

Особую благодарность хочется выразить сэру Эдварду Казалету, сыну Элеоноры Казалет (в девичестве Вудхауз), и Британскому обществу Вудхауза. В ходе

обширной переписки он помог нам с точностью установить авторство рассказа “Дознание” — насколько нам известно, этот рассказ, написанный под псевдонимом Лозль Йео, атрибутирован впервые.

Информационный редактор издательства “Харпер Коллинз” Элизабет Уилсон с азартом помогала нам в нашей розыскной деятельности и дала множество ценных советов.

Мы также обращались с вопросами к автору замечательного блога писателя Мартину Эдвардсу и к автору лучшего сайта о детективе математику Майку Гросту.

Исследовательская работа, необходимая для создания антологии, не могла бы состояться без обращения к фондам нескольких крупных библиотек и без содействия их сотрудников. Это Бодлеанская библиотека Оксфордского университета, Британская национальная библиотека, Библиотека иностранной литературы им. Рудомино и библиотека Бергенского университета, сотрудники которой по просьбе переводчика заказали все книги с упоминанием Роберта Юстаса — таким образом удалось написать биографическую справку об этом загадочном авторе и даже найти его изображение, хоть и не слишком удовлетворительное.

Поскольку многие из писателей, включенные в этот сборник, учились и преподавали в Оксфорде, мы консультировались с архивариусами и смотрителями библиотек Оксфордского университета — Сомервиль-колледжа, Мертон-колледжа и Бэйлиол-колледжа, а также с нашими оксфордскими друзьями Антониной Калининой, Георгием Кантором, Оливером Реди.

При редактировании ряда рассказов нам помогали носители языка — Натали Корбетт, Эндрю Роуз и Нэнси Грисперд, — прояснявшие различные нюансы, недоступные иностранцу. Елена Валкина чемоданами возила нам из Америки нужные книги.

Работая над книгой несколько лет, воображаешь ее в мельчайших подробностях, и очень важно найти единомышленников, способных воплотить мечту в жизнь. Нам посчастливилось сотрудничать с издательской командой Варвары Горностаевой: Ириной Кузнецовой, Ириной Гачечиладзе, Гаянэ Арутюнян, Инной Заявиной и другими сотрудниками издательства *Corpus*, а также с замечательными художниками Андреем Бондаренко и Дмитрием Черногаевым. Мы бесконечно благодарны им всем за талант и любовь к своему делу.

Если мы забыли упомянуть кого-нибудь из наших многочисленных помощников и доброжелателей, мы просим у них прощения.

Все ошибки, которые могли быть допущены в этой книге, остаются всецело на нашей совести.

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник...

М. Ю. Лермонтов

Обычно под Золотым веком британского детектива подразумевают период между двумя мировыми войнами. (Часто говорят об “английском” детективе, но это несправедливо, ведь среди авторов были валлийцы, шотландцы и ирландцы, а Найо Марш и вовсе жила в Новой Зеландии.) Исследователи спорят о хронологических рамках — закончился ли Золотой век с началом Второй мировой войны или еще продолжался во второй половине сороковых? Начался ли в двадцатых или чуть раньше? Но эти вопросы не имеют решающего значения. Золотой век скорее литературное течение, чем временной отрезок, а еще точнее — творчество компании единомышленников, хотя это творчество, несомненно, плоть от плоти своей эпохи.

В чем исследователи удивительно единодушны, так это в том, что ранним

Фронтиспис первого издания книги
Э. К. Бентли “Последнее дело Трента”, 1913 г.

предвестником Золотого века стал роман Эдмунда Клерихью Бентли “Последнее дело Трента”, опубликованный в 1913 году сначала в Америке, а потом в Англии. Бентли — журналист, оксфордский выпускник — задумал свой

Молодой Э. К. Бентли. Рис. Х. Г. Ривьера

детективный опус не вполне всерьез, скорее как некую пародию на популярный жанр. Он не собирался писать продолжений и оттого дал роману такое категоричное название (слишком поспешно, как выяснилось: Тренту суждено было вновь появиться еще в одном романе и целой серии рассказов). В Америке, впрочем, роман вышел под интригующим заглавием «Леди в черном».

В книге воспоминаний «В те далекие дни» Э. К. Бентли подробно описывает появление на свет своего героя, объясняя, что ему хотелось создать совсем нового сыщика, не похожего на Шерлока Холмса и вереницу вдохновленных им персонажей. Восхищаясь со школьных лет рассказами о великом сыщике, Бентли тем не менее всегда досадовал на неправдоподобие его характера. Образованный викторианец, не знающий, что Земля вращается

вокруг Солнца, никогда не читавший Карлейля, стреляющий из пистолета в гостиной и употребляющий кокаин в качестве лекарства от скуки, — нет, все-таки это чересчур. Кроме того, Бентли огорчала непоколебимая серьезность самого Холмса и его имитаторов.

Нужно сказать, что в самом намерении придумать сыщика, не похожего на Холмса, не было ничего нового — все, кто писал детективы начиная с девяностых годов XIX века, занимались исключительно этим. Бентли просто пошел дальше других, замахнувшись на непогрешимость героя. Трент находит разгадку преступления, но эта разгадка оказывается ошибочной. Более того, он позволяет себе влюбиться во вдову убитого и позже женится на ней. Уязвимость сыщика застала читателя врасплох, но гораздо больше поражал сам тон повествования — легкий, чуть насмешливый, замешенный на самоиронии. Именно эта небрежная, ироничная интонация станет визитной карточкой Золотого века.

Роман «Последнее дело Трента» Бентли посвятил своему школьному другу — Г. К. Честертону*. Честертон к тому времени уже имел устойчивую «детективную» репутацию: сборник «Неведение отца Брауна», в котором появляется низенький священник с младенчески-голубыми глазами, вышел в 1911 году.

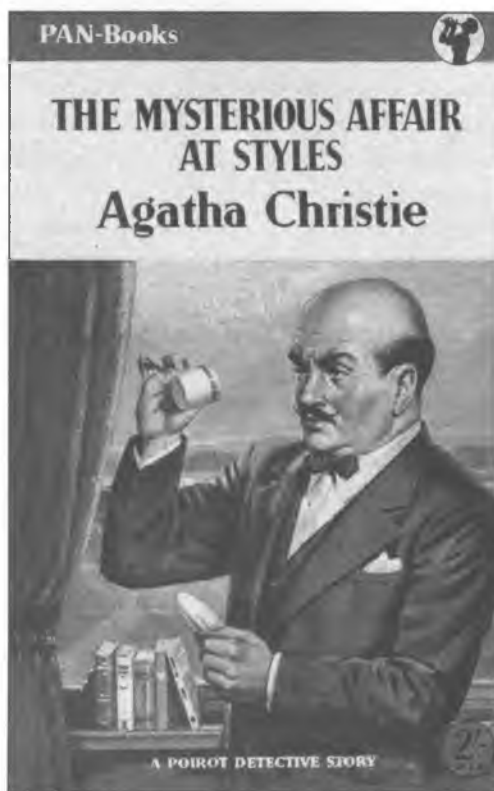
Г. К. Честертон занимает промежуточную позицию в истории детектива — он стоит особняком вместе со своим героем, чья невинность кажется поистине детской, а проницательность граничит

* Это было ответное посвящение — роман Честертон «Человек, который был Четвергом» (1908) начинается стихами, обращенными к Э. К. Бентли.

с цинизмом (благонравная старая дева мисс Марпл, созданная Агатой Кристи, несомненно, многим обязана отцу Брауну). И конечно же он тоже старался сделать своего героя как можно более непохожим на Холмса.

Однако предвестником “нового детектива” считается именно Бентли, и не в последнюю очередь потому, что “Последнее дело Трента” — это роман, в то время как все наиболее яркие произведения дойловского канона — рассказы и новеллы. Послевоенное развитие жанра пошло по “романному пути” — исследователи объясняют это целым рядом социальных, экономических и технических причин. Прежде всего, подешевело производство книг, и они стали доступны более широким слоям публики. Кроме того, появилось множество библиотек, передвижных и абонементных — в газетных киосках “У. Г. Смит”, в аптеках сети “Бутс” и других магазинах. Послевоенная эмансипация и облегчение бытовых условий привели к тому, что у женщин образовалось больше свободного времени, и именно они стали главными потребителями романов — как любовных, так и детективных.

В начале двадцатых годов один за другим появляются несколько детективов, сразу завоевавших широкую популярность: “Таинственное происшествие в Стайлз” Агаты Кристи (1920), в котором читатель впервые знакомится с Пуаро, “Бочонок” Фримена Уиллса Крофтса (1920) и “Тайна Красного Дома” А. А. Милна (1922). Романная форма была быстро подхвачена другими авторами. Конечно, рассказ никуда не делся — журналы по-прежнему печат-

*“Таинственное происшествие в Стайлз” —
первое появление Пуаро*

тали детективы и, как правило, неплохо платили авторам. Иногда рассказ впоследствии перерабатывался в роман и выходил отдельной книгой*.

Все новое, как известно, — хорошо забытое старое. Написав детективный роман с любовным интересом и ошибающимся сыщиком, Э. К. Бентли вернулся к истокам английского детектива — в “Последнем деле Трента” явственно слышатся отголоски “Лунного камня” Уилки Коллинза. Детектив вообще многим

* Например, рассказ Энтони Беркли “Карающий случай” лег в основу романа “Отравленный шоколад”, а рассказ Агаты Кристи “Пуаро и родосский треугольник” обрел новую жизнь в романе “Зло под солнцем”.

обязан “роману с загадкой”, столь популярному в XIX веке, но не меньше он обязан и приключенческому роману — увлечение Фенимором Купером с его пионерами и следопытами не прошло даром ни для Конан Дойла, ни для его современников. От приключенческого направления отпочковался триллер, все больше тяготевший к простой схеме, закрепленной в сотнях рассказов из журналов для мальчиков: сильный, храбрый, никогда не сомневающийся герой борется с мировым злом.

Дороти Сэйерс считала, что сам основатель жанра Эдгар По привел детектив на это распустье: романтически-приключенческий путь, намеченный “Золотым жуком”, вел в одну сторону, интеллектуально-логический, как в “Тайне Мари Роже”, — в другую. Конан Дойл мастерски удерживал равновесие, но уже к концу Первой мировой войны детективная литература окончательно разделилась на “триллер” и “чистый детектив”. И это разделение сыграло большую роль в формировании канона Золотого века.

ФОРМУЛА ДЕТЕКТИВА

“Да” и “нет” не говорите.

Черное и белое не берите.

Детская игра

К бесчисленным заслугам Конан Дойла нужно прибавить еще одну: благодаря ему детектив полюбили интеллектуалы. Их, разумеется, притягивала главным образом “логическая” сторона — красота изобретательно составленной задачи, простота и неожиданность решения, игра ума.

Полюбив детектив, интеллектуалы стали не только пробовать свои силы в сочинении криминальных головоломок, но и выступать в качестве критиков и законодателей жанра. Честертон в статье 1928 года “О детективных романах” жалуется, что критики, как правило, ничего не понимают в детективе и даже не пытаются серьезно разобраться в его устройстве. Почему существуют учебники, объясняющие, как писать сонет, и не существует учебников, объясняющих, как писать детектив? — возмущается Честертон.

Справедливости ради надо сказать, что к моменту написания статьи уже было опубликовано эссе Р. Остина Фримена “Искусство детективного рассказа” (1924), эссе самого Честертона “Как пишется детективный рассказ” (1925), вступление американца Э. М. Ронга к сборнику “Преступление и расследование” (1926) и американца У. Х. Райта к “Великим детективам” (1927). Райт (писавший детективы под псевдонимом Ван Дайн) сформулировал также двадцать правил написания детектива, которые были удивительно созвучны десяти правилам Рональда Нокса (изложенным в предисловии к сборнику “Лучший детективный рассказ”) — оба свода правил были опубликованы в 1928 году. В том же году появилось и предисловие Дороти Сэйерс к составленной ею антологии “Собрание детективов”, где подробно излагалась история жанра и анализировалась его структура.

Практики жанра решительно прибирали к рукам теорию и первым делом стремились оградить себя от какой бы то ни было ассоциации с триллером.

Обложка одной из книг Эдгара Уоллеса — самого популярного автора триллеров

Предположим, я отправлюсь в ночной клуб, и там эффектная женщина с зелеными глазами, проходя мимо меня, обронит платок, а когда я галантно нагнусь, чтобы его поднять, прошепчет мне в ухо: “Ради бога, держитесь подальше от дома 568 по Кромвель-гарденс!” — иронизирует Рональд Нокс. — <...> Такое начало не возбуждает любопытства, это не загадка, а просто вранье. Люди никогда не говорят мне ничего подобного, а если и говорили бы, то мне бы и в голову не пришло отправиться на Кромвель-гарденс, 568.

Подобная завязка, добавляет Нокс, неизбежно означает, что в злодеях не

будет ничего человеческого, герой и героиня будут вести себя как полные идиоты, а загадки, появившиеся в начале, не будут объяснены в конце, потому что к тому времени и писатель и читатель забудут о них начисто.

Мастера жанра не упускали случая подчеркнуть, что элементы чистой загадки и логического расследования встречаются во многих шедеврах мировой литературы — у Эзопа, Шекспира, в “Тысяче и одной ночи” и т. д. — и что сам детектив тоже может быть подлинным произведением искусства. “По крайней мере в одном отношении детектив имеет преимущество перед другими романскими формами, — писала Дороти Сэйерс. — Он обладает прямо-таки аристотелевским совершенством, имея четко выраженные начало, середину и концовку”*.

Не ограничиваясь описанием, иные из авторов перешли к предписаниям. Центральной метафорой детектива с самого начала была игра: если Эдгар По сравнивает разгадывание преступлений с шахматами, шашками и вистом, то Рональд Нокс упоминает кроссворды и крикет (спортивную игру, близкую сердцу англичанина). И если честное единоборство между сыщиком и преступником определяется доказательным правосудием, то честная игра между автором и читателем тоже требует свода законов.

Десять правил, которые устанавливает Рональд Нокс, призваны превратить детектив в чистое интеллектуальное состязание, избавленное от

* Здесь и далее предисловие Дороти Сэйерс к “Собранию детективов” цитируется в переводе С. Белова по изданию: Как сделать детектив. — М.: Радуга, 1990.

Рональд Нокс. Рис. П. Эванса

любых нежелательных, “низменных” примесей:

— преступник должен появляться достаточно рано в повествовании, и им не должен оказаться персонаж, за чьими мыслями позволено следить читателю (явный камень в огород Агаты Кристи с ее скандальным романом “Убийство Роджера Экройда”);

— запрещены любые проявления сверхъестественного;

— не допускается более одного потайного хода или тайной комнаты (тут следует мягкий упрек Милну за подземный ход в “Тайне Красного Дома”);

— нельзя использовать неизвестные науке яды и любые другие элементы, которые потребовали бы длинных объяснений в конце (на этом месте он поминает Остина Фримена и его доктора Торндайка с неизбежной научной лекцией, прилагающейся к расследованию);

— в детективе не должны действовать китайцы;

— сыщику не должен помогать счастливый случай или интуиция;

— сам сыщик не должен совершать преступление;

— сыщик должен немедленно предьявлять читателю все улики;

— глуповатый друг сыщика, “доктор Ватсон”, не должен скрывать от читателя своих мыслей, причем его интеллект должен быть чуть-чуть — но только чуть-чуть! — ниже интеллекта среднего читателя;

— читатель должен быть надлежащим образом подготовлен к появлению братьев-близнецов, двойников и виртуозов перевоплощения, если уж без них никак нельзя обойтись (здесь Нокс хвалит Бентли за ненавязчивое упоминание сценических успехов одного из героев, который впоследствии имитирует голос жертвы в “Последнем деле Трента”).

Как уже было сказано, все эти правила Нокс формулирует в предисловии к сборнику рассказов и в своем рвении заходит настолько далеко, что сообщает читателю, в каком месте каждого рассказа следует прерваться и попытаться самому отгадать загадку. Этот интерактивный прием, ставящий читателя на одно игровое поле с автором, окончательно превращает детектив в одну из настольных игр, которые были столь популярны в то время.

Конечно, Нокс не мог не опасаться, что “формульный” детектив исчерпает себя, истощив запас приемов. Те же опасения высказывает и Дороти Сэйерс — читатель становится все более изощренным, сетует она, его все труд-

нее обвести вокруг пальца, он уже наизусть выучил повадки и фокусы каждого автора:

Он знает, что если Остин Фримен утопил кого-то в пруду, полном улиток, в этих улитках будет нечто важное, связанное с особенностями данной местности; он знает, что если персонаж Уиллса Крофтса обладает железным алиби, то в нем рано или поздно найдутся прорехи; он знает, что если отец Нокс бросает тень подозрения на католика, тот окажется невиновным.

Так, обсуждая литературные тонкости и подтрунивая друг над другом, писатели оттачивали детективную формулу. Теперь они играли уже не только с читателем, но и друг с другом. Игра становилась все увлекательней и все серьезней.

ДЕТЕКТИВНЫЙ КЛУБ

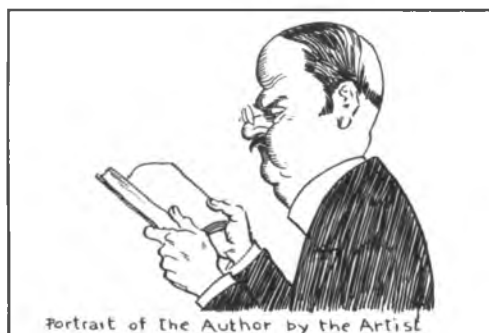
...И я спросил его: "Это кровь?" —
"Чернила!" — ответил он.

А. Галич

Детективный клуб (*Detection Club*) стал первым и самым престижным объединением авторов, работающих в детективном жанре. Однако создан он был главным образом для того, чтобы раз в месяц собраться приятной компанией, вкусно поесть и пригласить каких-нибудь интересных гостей, вроде криминалиста или судьи.

Инициатором создания этой удивительной организации стал Энтони Беркли. В 1928 году он обратился к нескольким писателям с предложением

собираться время от времени за обедом и обсуждать свое ремесло. После нескольких весьма приятных встреч было решено придать предприятию более основательный характер. В эту затею деятельно включилась Дороти Сэйерс, сразу же ставшая душой клуба. Еще в студенческие годы в Оксфорде она, по воспоминаниям современниц, вечно бегала по лестницам с чайником, устраивая очередную "вечеринку с какао", а также основала Общество взаимного восхищения, где студентки читали друг другу свои стихи. Кроме того, Дороти играла в любительских спектаклях и обожала эпатировать публику — именно благодаря ей ритуал инициации обрел свою красочную эксцентричность и театральность.

Вверху: портрет Энтони Беркли работы Джорджа Морроу. Внизу: портрет Джорджа Морроу работы Энтони Беркли

Современники вспоминают, как на одно из собраний клуба, проходивших в общем обеденном зале, Дороти Сэйерс явилась в костюме для игры в регби, а на груди у нее красовались огромные часы. Во время обеда обсуждали известного дирижера; мисс Сэйерс объявила, что он дирижирует, словно пьяная мельница, — и тут же, вскочив, принялась размахивать руками, чтобы наглядно продемонстрировать, как именно. Тяжелые часы прыгали на ее обширной груди. Зрелище это совершенно парализовало посетителей ресторана.

Детективный клуб ни в коей мере не ставил себе целью стать профсоюзом.

Напротив, это был узкий круг избранных, компания друзей и единомышленников. В начале своего существования клуб объединял около трех десятков писателей, к началу Второй мировой войны в него вступили еще человек десять.

С самого начала члены клуба приняли два важных решения: во-первых, членские взносы будут чисто номинальными и, во-вторых, у клуба должно быть свое помещение. На первый взгляд эти решения могли показаться взаимоисключающими, однако выход был найден: писатели стали публиковать коллективные описания и на вырученные деньги содержали штаб-квартиру на

Старая гравюра, висевшая в Детективном клубе;
на ней изображены сюжеты, относящиеся к громкому убийству 1824 г.

Джеррард-стрит, 31, с библиотекой и коллекцией гравюр. На время войны клуб был распущен, а после возобновил свою деятельность, переехав на новое место.

Клуб взял на вооружение десять правил Рональда Нокса, несколько переработав и сократив их; в новом варианте запрещалось делать убийцами слуг и вводить “любовный интерес”.

Г. К. Честертон был первым председателем (“правителем”) клуба — в 1933 году он опубликовал в журнале “Стрэнд” что-то вроде манифеста, в котором разъяснял публике принципы и ритуалы этой “небольшой компании заговорщиков”. Помимо “более высокой и идеальной цели развлечься”, писал Честертон, клуб имеет целью сделать два утверждения:

(1) Детективная история — это история, и она подчиняется тем же законам повествования, что и любовная история, волшебная история и любая другая литературная форма, и (2) писатель, сочиняющий детективную историю, — это писатель, который имеет обычные писательские обязательства перед Богом и людьми — как если бы он сочинял эпос или трагедии.

Говоря о критериях отбора авторов, Честертон не упускает случая пнуть самого знаменитого автора триллеров: “Не думаю, чтобы клуб мог ужиться с той колоссальной международной популярностью, какой обладает, к примеру, Эдгар Уоллес. Я говорю это не потому, что его произведения — бестселлеры, а потому, что они — массовая продукция. Мы все получаем удовольствие от его изобретательных сюжетов, однако подобный

тип сюжета непременно приводит к той неловкости, какую мы склонны испытывать при появлении Вездесущего Китайца или Лиги алых скорпионов”.

Клуб строго придерживался этого формального ограничения: принимались только авторы “чистого детектива” — ни в коем случае не триллера и не шпионского романа. Попасть в Детективный клуб было непросто, но писатель, удостоившийся этой чести, тут же оказывался в числе мастеров жанра. Для вступления требовалась рекомендация двух членов клуба (“поручителей”) и согласие всех остальных. Ежемесячные собрания проходили обычно в неформальной обстановке, в каком-нибудь ресторанчике в Сохо, однако обряд инициации обставлялся гораздо более торжественно — новых членов принимали в клуб на ежегодном банкете в знаменитом “Кафе-Рояль” на Риджент-стрит (до обеда, чтобы никто не забыл своей роли).

Сохранилось несколько подробных описаний ритуала инициации. Новичок должен был принести клятву (текст которой был написан Дороти Сэйерс), положив руку на череп с горящей внутри свечой. Череп хранился в клубе и носил имя Эрик*.

Церемония начиналась с того, что президент спрашивал зловещим голосом: “Что означают эти огни и это напоминание о нашей бренности?” (кивок в сторону Эрика). Секретарь в ответ на это представлял двух кандидатов. Каждого из них спрашивали, тверд ли он в

* Это был настоящий человеческий череп, добытый для клуба мужем Элен Симпсон (он был хирургом). Эрик — единственная реликвия клуба, пережившая войну, он и сегодня участвует в торжественных церемониях мастеров детектива.

своем желании вступить в клуб. “Да, таково мое желание”, — отвечал кандидат.

Затем кандидат клялся чтить королевский английский, не скрывать от читателя важных улик, проявлять умеренность в использовании гангстерских банд, лучей смерти, привидений, загадочных китайцев и неизвестных науке ядов, а также обещал, что его сыщик будет заниматься истинным сыском, а не полагаться на Божественное Откровение, Женскую Интуицию и Фокусы-Покусы.

(Честертон с особым удовлетворением отмечает твердую позицию клуба в вопросе о китайцах. “Авторы сенсационных романов заставляют китайцев делать за европейцев всю грязную работу”, — пишет он, называя это одной из самых беззастенчивых форм эксплуатации китайского труда. Как нетрудно догадаться, жестокие и коварные китайские злодеи были непременной принадлежностью триллера.)

В конце кандидат клялся святым для себя предметом или именем, что будет исполнять данные обещания, сохранять верность клубу и ни при каких обстоятельствах, включая опьянение, не выдаст сюжеты и секреты, услышанные от коллег во время заседаний клуба.

Церемония завершалась словами правителя:

Такой-то и такой-то, ты законно избран членом Детективного клуба, но если ты нарушишь свою священную клятву, да будут другие авторы предугадывать твои сюжеты, да будут надувать тебя издатели, а незнакомцы подавать на тебя иск за клевету; и пусть страницы твоих книг кишат опечатками, а продажи их бесконечно падают. Аминь.

И все хором повторяли: “Аминь”.

Люси Беатрис Мэллесон, больше известная под мужским псевдонимом Энтони Гилберт, получила приглашение в клуб, подписанное Дороти Сэйерс, в котором подробно объяснялись цели и правила клуба.

Цели меня совершенно не интересовали, — замечает Мэллесон. — Весь снобизм, имеющийся в моем организме, возрадовался при мысли о том, что я встану на одну доску с Великими. А Детективный клуб был местом действительно элитарным. Энтони Беркли основал его несколькими годами ранее, чтобы собрать аристократию детективного мира. Условия приема были очень жесткими: популярность не имела значения, продажи не имели значения. Ни при каких условиях туда бы не приняли автора триллеров. Если бы Эдгар Уоллес и Сидни Хорлер пришли к воротам с полными карманами золота, им пришлось бы уйти ни с чем. Не то чтобы я была без ума от аристократов, но приятно раз в жизни почувствовать себя одной из них.

Люси никогда до того не видела Дороти Сэйерс, но хорошо помнила ее послевоенный сборник стихов и поэтому представляла себе томную тонкую деву поэтической внешности. Однако когда она прибыла в отель на Нортумберленд-авеню*, где должен был проходить торжественный обед, ее встретила величавая дама весьма внушительных размеров, в черном платье и пенсне. Среди

* На Нортумберленд-авеню находятся чрезвычайно дорогие и престижные отели; возможно, речь идет об отеле “Виктория”. По-видимому, в тот год банкет проходил там, а не в “Кафе-Рояль”.

присутствующих было много знаменитостей, обед был великолепен, но самое большое впечатление на Люси произвел “необычный порядок инициации”:

Вряд ли когда-либо мистер Честертон выглядел более величественно, чем в этой роли. Гигантская фигура в черной мантии торжественно вплыла в холл, освещенный лишь факелами, остальная процессия медленно обтекала его. По бокам шагали факелonosцы, позади шел Джон Род с Эриком. Поручители стояли по обе стороны от трепещущих кандидатов <...> Мистер Честертон задавал вопросы голосом, как будто исходящим из бездны; мисс Сэйерс отвечала голосом, от которого задрожали бы и ангелы. Мой поручитель яростно зашептал: “Ну-ка склони голову! Ты всего лишь неофитка!”

Это была удивительная церемония; я чувствовала себя так, будто иду к алтарю в камере смертника. Мое платье было единственным ярким пятном во всем шествии. Позднее мне сообщили, что следовало надеть черное — видимо, чтобы не нарушать атмосферу мрачного застенка. Увы, мое единственное платье было зеленым.

Во время церемонии вокруг черепа стояли диковинные фигуры — Смотритель Обнаженного Клинка, Смотритель Тупого Предмета, Смотритель Отравленного Фиала (с соответствующими атрибутами в руках); по окончании церемонии Сэйерс стреляла из револьвера — самого настоящего! — а все остальные должны были вопить во всю мощь своих легких (для руководства этим процессом назначался специальный Распорядитель-кричальщик).

Дороти Сэйерс с Эриком

Позднее для Честертона было специально сшито красное атласное одеяние (через много лет Агате Кристи довелось надеть его, чтобы провести обряд в качестве правителя). Должность председателя была пожизненной — Э. К. Бентли сменил на этом посту Честертон в 1937 году, в 1949 году председателем стала Дороти Сэйерс, после нее в 1957-м — Агата Кристи (поставив условие, что не будет выступать публично). Таким образом, до 1976 года клубом правили писатели Золотого века, бывшие среди первых его основателей.

Найо Марш присутствовала на церемонии посвящения Бентли в президенты клуба. Члены клуба собрались в отдельном обеденном зале отеля “Гровнер-хаус”, главный констебль Суррея был приглашен в качестве основного выступающего.

Дверь в дальнем конце отворилась медленно (как всегда открываются двери в детективных романах). На пороге появилась мисс Дороти Сэйерс в академической мантии, освещенная единственной свечой. Она поднялась на трибуну. Представьте мой испуг, когда я заметила, что она прячет в складках мантии большой автоматический револьвер. <...> Затем появилась мрачная процессия со свечами и орудиями убийства — там был Смотритель Тупого Предмета — с устрашающей дубинкой, Смотритель Обнаженного Клинка — кажется, это был кинжал, Смотритель Отравленного Фиала, а последним следовал Джон Род с ухмыляющимся черепом на черной подушке. И среди этой толпы, с несколько напряженным выражением лица — что неудивительно! — стоял бедный мистер Бентли. Он принес клятву, после чего, без всякого предупреждения, в гостиной отеля “Гровнер-хаус”, в 11 часов летнего вечера, мисс Сэйерс разрядила свой шестизарядный револьвер.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ИГРАЛИ В ИГРЫ

Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа.

В. И. Ленин

Кто же были все эти люди, так самозабвенно валявшие дурака в самых респектабельных ресторанах Лондона?

Биографии авторов, составивших цвет Золотого века и вдохнувших новую жизнь в детективный жанр, грешат некоторым однообразием. Родители их,

как на подбор, люди просвещенные — священники, врачи, юристы, писатели, аристократы.

Большинство из них окончили ту или иную престижную школу (Итон, Харроу, Рагби, Чартерхаус и так далее). Почти все получили университетское образование — главным образом в Оксфорде (Беркли, Бентли, Аллен, Джепсон, Викерс, Коул, Нокс, Уэйд, Блейк, Хэйр, Винзер) или в Кембридже (Милн, Чартерис, Томас). Это относится и к писательницам — Дороти Сэйерс была среди первых женщин, получивших оксфордскую ученую степень, Маргарет Коул окончила первый женский колледж Кембриджа — Гиртон (но степени так и не получила, поскольку Кембридж начал присуждать женщинам ученые степени только после Второй мировой войны). Джозефина Белл училась на врача в Кембридже и в Лондоне, Марджери Аллингем заканчивала школу в Кембридже и Политехнический университет, Найо Марш — колледж в Новой Зеландии. Единственное исключение составляет Агата Кристи, которая не получила вообще никакого формального образования, хотя и ее семья принадлежала к верхушке среднего класса, отличалась любовью к чтению и водила литературные знакомства.

Многие семьи обеднели после войны, и почти всем нашим авторам в молодости приходилось тяжело зарабатывать свой хлеб. Многие из них доблестно воевали — кто в Первую мировую, кто во Вторую; были и такие, кто успел на обе.

У Агаты Кристи в одном из ее легкомысленных приключенческих романов есть такой эпизод: с молодой аристократкой заговаривает безработный

бродяга, однако она немедленно чувствует к нему доверие и пытается деликатно сформулировать некий вопрос. Незнакомец понимает ее с полуслова и говорит с некоторым смущением: “Да, вы правы. Итон и Оксфорд”. Это не преувеличение — любой англичанин без труда узнает университетский разговор, а “школьный галстук” видно за версту, даже если он хранится в самом дальнем углу шкафа.

Если бы писатели Золотого века не создали “компанию заговорщиков”, они все равно сталкивались бы в лондонских клубах и университетских обществах, в издательствах и в гостях у общих друзей. Да и не все создатели “чистых детективов” входили в клуб. Но все они принадлежали к одному кругу, говорили на одном языке, были связаны тысячами невидимых нитей. Можно потянуть наугад за любую — и тут же начнет разматываться клубок...

Например, Э. К. Бентли работал в газете “Дейли телеграф” вместе с Г. К. Бейли, написал роман “Собственное дело Трента” в соавторстве с Г. Уорнером Алленом и, как уже было сказано, с детских лет дружил с Г. К. Честертоном.

Честертон и Бентли вместе учились в школе Св. Павла в Лондоне и пронесли школьную дружбу через всю жизнь. Бентли с нежностью пишет о друге: “Г. К. Ч., когда я познакомился с ним, был необычайно высоким, долговязым мальчиком с серьезным, задумчивым выражением лица, которое неожиданно легко преображалось в счастливый смех. Он по природе своей был самым счастливым юношей — а позже мужчиной — из всех, кого я знал...” Их сотворчество тоже началось с детства: в шестнадцать лет Бентли придумал но-

вый стихотворный жанр, который позже был назван *клерихью* по его среднему имени. Это были своеобразные стихотворные биографии великих людей, причем четверостишия имели строгие формальные ограничения*. Честертон пришел в восторг и не только включился в игру, но и проиллюстрировал несколько стишков — через много лет вышел небольшой сборник “Биографии для начинающих” с клерихью Бентли и иллюстрациями Честертона.

Г. К. Честертон в возрасте 15 лет

Позднее вышел и второй сборник, где были рисунки сына Э. К. Бентли, Николаса (он был художником и тоже пробовал себя в детективном жанре). Эту книгу Бентли посвятил доктору Аллингтону, тогдашнему директору Итона. Тот отозвался благодарственным письмом:

* Подробнее о клерихью можно прочитать в комментарии на стр. 692–696.

Не могу передать Вам, как глубоко я был растроган, увидев посвящение на Вашей прекрасной книге. Мне не оказывали такой чести с тех пор, как отец Нокс, тогда еще ученик Итона, посвятил мне свой первый, и, как мне кажется, лучший, сборник стихов. Вероятно, я должен добавить, что второй его сборник посвящен Деве Марии.

Так протягивается следующая ниточка, ведущая к отцу Рональду Ноксу, уже знакомому нам по десяти правилам детектива. Нокс был католическим священником, а также блестящим ученым и преподавателем. Он с детства увлекался разного рода играми: писал шуточные стихи на греческом и латыни, использовал в преподавании всевозможные загадки и головоломки, сочинял пародии. Но более всего он известен своим переводом латинской Библии св. Иеронима. Когда умер Честертон, отец Рональд Нокс читал проповедь на погребальной службе в Вестминстерском соборе.

Можно разматывать дальше этот клубок: от Нокса к Честертону (католическая вера, религиозные трактаты), от них обоих — к Дороти Сэйерс (религиозные трактаты, литературный перевод — мисс Сэйерс много лет посвятила переводу “Божественной комедии” Данте), от Сэйерс — к Сирилу Хэйру (Хэйр — в миру судья Гордон Кларк — читал отрывок из Откровения Иоанна Богослова на ее похоронах в том же соборе, где отпевали Честертон).

Однако остановимся на этом — пересечения между авторами Золотого века столь многочисленны, что нет никакой возможности их распутать. Они про-

низали собой и их литературное творчество, сказались в постоянном взаимном цитировании и удивительных формах соавторства.

История литературы знает много случаев, когда книгу писали два человека, но роман, написанный четырнадцатью соавторами, встречается нечасто. Тем не менее именно так был написан “Плавающий адмирал” (1931) — каждый участник писал одну главу, следуя тем уликам и намекам, которые оставил предыдущий автор. При этом, с одной стороны, каждый следующий участник не знал, к чему ведут улики предшественника, и придумывал им собственное применение. С другой стороны, каждый должен был приложить к своей главе предполагаемую разгадку — чтобы не было соблазна осложнять жизнь коллегам загадками без ответа. Получалось что-то вроде игры в чепуху, однако результат вышел на удивление связным.

Корни у этого начинания были самые что ни на есть прагматические — как мы помним, члены клуба решили, что взносы будут чисто номинальные, и клуб, таким образом, зарабатывал на свое содержание коллективными произведениями. Скоро представился удобный случай — в 1930 году государственное радио Великобритании Би-би-си предложило авторам Детективного клуба по очереди читать в эфире главы нового детектива, каждая из которых публиковалась в журнале “Слушатель” (*The Listener*) через неделю после трансляции. Так появились детективы под названием “Сенсация” и “За ширмой” — их главы по очереди придумывали Дороти Сэйерс, Агата Кристи, Э. К. Бентли, Энтони Беркли и другие.

The second chapter of
'THE SCOOP,'
 the serial detective story by six
 different authors, will be broadcast
 by
AGATHA CHRISTIE
 tonight at 9.20

Анонс очередного выпуска "Сенсации"
 в журнале "Слушатель"

В следующем коллективном сочинении "Спроси полисмена" (1932) один писатель придумал название, другой — завязку с убийством, а еще четверо представили свои версии расследования, одновременно пародируя друг друга. Примечательно, что Сэйерс и Беркли в этой книге поменялись сыщиками.

В книге "Шестеро против Скотленд-Ярда" каждый из участников описывает идеальное преступление, а настоящий инспектор Скотленд-Ярда, суперинтендант Корниш, объясняет, почему эти преступления вовсе не идеальные и как полиция бы в два счета раскрыла каждое из них. Надо сказать, объяснения инспектора далеко не всегда звучат

убедительно — очень вероятно, что обратиться мастера жанра к практике, им удалось бы выйти сухими из воды.

Наконец, в сборнике "Анатомия убийства" (1936) знаменитые авторы детективов пытаются разгадать реальные преступления прошлого, так и оставшиеся нераскрытыми.

Манера пародировать друг друга проникла и в индивидуальное творчество членов клуба: если на рубеже веков все пародировали только Конан Дойла, то у писателей Золотого века диапазон оказался гораздо шире. Скажем, Агата Кристи в серии рассказов "Партнеры по преступлению" заставляет своих героев расследовать преступления поочередно в манере доктора Торндайка, отца Брауна, Реджи Фортуна и так далее. А Бентли, сочинив довольно безжалостную пародию на оксфордский роман Сэйерс, делает лорда Питера героем клерихью.

НОВЫЕ СЫЩИКИ

Питер Уимзи, титулом горд,
 Выглядит глупо, даром что лорд.
 Но он настоящий гений
 В распутывании преступлений.

Э. К. Бентли

Детективный жанр появился тогда, когда на сцену вышел новый герой — сыщик. Изменившийся образ сыщика означал начало новой детективной эпохи. В своем эссе "Как написать детектив" Энтони Беркли комментирует новые веяния моды:

Конечно, *первейший признак действительно великого сыщика — его непо-*

хожестъ на всех остальных; человек с обыкновенной наружностью должен оставить всякую надежду стать настоящим детективом. Он также должен иметь несколько странных привычек и выражать эмоции при помощи диковинных ужимок. Настоящие детективы не выражают эмоции обычным образом. Они на это просто не способны. Несколько лет назад в моде был сыщик с ястребиным взором и чеканным профилем, весь — мозг, практически никакого тела, который и во сне оставался сыщиком и никем более — благо он всегда выглядел именно так. Теперь все это изменилось.

Если вы хотите, чтобы вашу книгу напечатали, то ваш сыщик должен быть похож на что угодно, только не на сыщика. Он должен быть необъятным толстяком с пустым взглядом холодных рыбьих глаз, с флегматичными, умеренно приятными манерами. Конечно, все будут над ним потешаться и недоумевать, с чего это он возомнил себя детективом; так что читатель, который прекрасно знает, чем все кончится, сможет преисполниться восхитительным чувством — чувством собственного превосходства. Читатели это обожают.

Золотой век сохранил и преумножил эксцентричность сыщика, но при этом позволил ему быть смешным и человечным. В отличие от рациональной головы Холмса, хранящей лишь полезные ему сведения, голова нового сыщика забита массой ненужных знаний — включая стихи и спряжения латинских глаголов. Станным образом он умудряется извлекать пользу из классического образования. Новый сыщик — интеллеktуал и сибарит, знает толк в вине и изысканных блюдах; он более чувствителен и

“Современный сыщик”.

Рис. Джорджа Морроу

уязвим, чем его аскетичные предшественники.

Многие исследователи считают, что в этих переменах повинны женщины. Нельзя сказать, что женщин-писательниц стало больше, их и прежде было немало. Однако в детективе Золотого века женщины вышли на первый план — Кристи, Сэйерс, Аллингем, Марш гораздо лучше известны сегодня, чем их современники-мужчины. Кажется, что это по их капризу сыщики изнежились и утратили былую суровость. Но это не так — мужчины-писатели одного за другим создавали раздумчивых, чувственных, привередливых толстяков с гуманитарным (в крайнем случае медицинским) образованием.

Давайте мельком глянем на некоторых сыщиков, которые предстают перед нами на странице этой книги.

Филипп Трент. Рис. Г. А. Сибрайта

Уже знакомый нам Филипп Трент — художник с университетским образованием, знает латынь (что не раз приходится очень кстати в его расследованиях), разгадывает загадки под настроение.

Реджи Фортун. Рис. М. Б. Кричлоу

Реджи Фортун явился своему автору, Генри Бейли, в самые мрачные дни войны; про него известно, что он

окончил престижную школу Чартерхаус и Оксфордский университет; что по профессии он врач и помогает полиции в качестве консультанта; знает латынь и древнегреческий (что помогает ему раскрывать преступления).

Инспектор Пул, детище Генри Уэйда, окончил Оксфорд, но работает в полиции; латынь пригождается и ему.

Отец Браун. Рис. Дж. Уилкинсона

Отец Браун — низенький священник с голубыми глазами, крайне негероической внешности. Безусловно, получил неплохое образование. Надо ли говорить, что он знает латынь?

Все это — творенья мужчин. А теперь — персонажи, придуманные женщинами.

Лорд Питер Уимзи (сыщик Дороти Сэйерс) — аристократ, престижная школа, Оксфорд, сыплет цитатами (часто — на латыни). Сыщик-любитель.

Лорд Питер Уимзи. Рис. Джона Кэмпбелла

Альберт Кэмпиион (герой Марджери Аллингем) — неясное аристократическое родство, Оксфорд (латынь!), сыщик-любитель.

Альберт
Кэмпиион.
Рис. Джека
М. Фолкса

Родерик Аллейн (придуманный Найо Марш) — из хорошей семьи, университетское образование (классические языки, само собой), профессиональный полицейский.

Эркюль Пуаро — маленький, упитанный, нелепо одетый и к тому же иностранец. Сыплет французскими междометиями, но неплохо знает английскую классику.

Эркюль Пуаро. Рис. Э. Ратклиффа

Нет, сыщиков, придуманных мужчинами, никак не отличить от сыщиков, придуманных женщинами. И еще они мучительно нам напоминают — кого? Престижная школа, университет, невозмутимо-ироничный тон...

Среднестатистический автор детектива глядится в зеркало и видит среднестатистического сыщика. Конечно, это зеркало ему льстит — но как же иначе?

У некоторых сыщиков были вполне конкретные прототипы: например, сэр Генри Мерривейл Картера Диксона списан

Доктор Фелл — сыщик, прототипом которого был Г. К. Честертон. Рис. М. Б. Кричлоу

с Черчилля, а другой его сыщик, доктор Фелл, — с Честертона. Сыщик Уорнера Аллена, виноторговец мистер Клерихью, являет собой гибрид своего создателя и своего тезки, Эдмунда Клерихью Бенгли. (Аллен был знатоком вин, и большинство его книг посвящены именно этому предмету.) Сыщик поэта-лауреата Сесила Дэй-Льюиса, писавшего под псевдонимом Николас Блейк, внешне напоминает его лучшего друга, поэта У.Х. Одена. (Оден чрезвычайно серьезно относился к детективному жанру и даже посвятил ему обстоятельное эссе, в начале которого признается, что детектив для него — своего рода наркотик.)

Конан Дойл умолял “не путать творца и творение”, но следующее поколение авторов, по всей видимости, не имело ничего против такой путаницы.

Но, пожалуй, самое поразительное в биографиях новых сыщиков — это их жены. Да-да, у большинства из них есть жены! Причем жены эти вовсе не сидят на кухне, а добиваются успеха на самых невероятных поприщах — они писательницы (леди Уимзи), художницы (миссис Аллейн), путешественницы (миссис Стрэнджуэйз) и даже авиаинженеры (миссис Кэмпбион)! А уж если жена все-таки домохозяйка, то она по крайней мере водит машину и помогает мужу разгадывать загадки. Правда, Пуаро и отец Браун одиноки, но и они чувствуют себя с женщинами вполне уютно, на равных. И это, наверное, самое смелое и важное нарушение стереотипа.

Тем более странно, что Золотой век породил так мало гениальных сыщиц. Нужно признать, что несколько наиболее значительных представительниц этой редкой породы по разным причинам не попали в наш сборник. Прежде всего это, конечно, мисс Марпл, проницательная старая дева, которая разгадывает все загадки, находя аналогии в жизни родной деревушки, Сент-Мэри-Мид. Интересно, что отец Рональд Нокс, включив в свою антологию один из ранних рассказов о мисс Марпл, не опознал в ней сысского гения — он написал, что у мисс Кристи разгадку находит “самый недалекий участник обсуждения” просто потому, что ему знакомы некоторые “технические детали”. Другой яркий персонаж — миссис Брэдли, придуманная Глэдис Митчелл, детектив и врач-психиатр (в более поздних детективах она становится Кавалерственной Дамой Британской империи). Миссис Брэдли во всем противоположна консервативной и благовоспитанной мисс Марпл — эта несколько брутальная

Мисс Марпл. Рис. Э. Ратклиффа

пожилая дама внешне напоминает птеродактиля, она — феминистка до мозга костей с крайне эксцентричным нравом и сомнительным прошлым. Увы, появляется она главным образом в романах (немногочисленные рассказы, где действует миссис Брэдли, отличаются крайней невразумительностью). В романах Дороти Сэйерс есть целое женское сыскное агентство во главе с достойной мисс Климпсон. Приставив нескольких старых дев к сысному делу, лорд Питер надеется решить проблему “лишних женщин” — эта тема после войны была довольно болезненной.

Интересно, что те немногочисленные сыщицы, которые появляются на страницах детектива Золотого века, — немолодые дамы с солидным жизненным опытом. Как заметил Джон Диксон Карп, “спокойная пожилая незамужняя дама давно уже рассталась с манией убийства, чтобы стать детективом”. Совершенно исчезают со сцены юные

прекрасные леди, возглавляющие какой-нибудь таинственный женский отдел Скотленд-Ярда, над которыми так ядовито насмехалась Дороти Сэйерс:

Непонятно, почему эти очаровательнейшие создания в свои двадцать с небольшим шутя распутывают сложнейшие загадки, в то время как детективам-мужчинам приходится ждать своего звездного часа до тридцати-сорока лет. Откуда черпают они необходимые знания? Во всяком случае, не из собственного житейского опыта, ибо тут они чисты, как свежесвыпавший снег. Надо полагать, все дело в интуиции.

СТО СПОСОБОВ УБИЙСТВА

Это мое собственное изобретение!

Льюис Кэрролл. “Алиса в Зазеркалье”

И все-таки далеко не все сыщики Золотого века — интеллектуалы в пенсне или пожилые дамы. Родившиеся в Викторианскую эпоху поджанры “научного” и “полицейского” детектива, призванные поучительно и увлекательно знакомить читателя с достижениями науки и тонкостями полицейской работы, продолжали развиваться и между войнами. Правда, именно эти направления подвергались критике членов Детективного клуба — как мы помним, Нокс протестовал против длинных научных объяснений, а Милн писал, что с печалью осознает свою детективную никчемность, когда читает, что “пятно крови, упомянутое на стр. 87, оказывается не просто красными чернилами, но черни-

лами III группы, а пятно красных чернил со стр. 123 — кровью, причем кровью, произведенной до 1882 года”.

“Научный” детектив и впрямь несколько отодвинулся в тень. То и дело кто-нибудь из писателей поддавался соблазну построить сюжет на каком-нибудь малоизвестном научном факте (довольно типичный пример такого построения — рассказ “Голубая улика”), но эти попытки остаются скорее эпизодическими. Послевоенное поколение не находило уже в науке той успокоительной надежности, которую видели в ней викторианцы.

Были, однако, весьма уважаемые мастера жанра, которые работали в реалистичной и чрезвычайно скрупулезной манере. Как правило, их герои — профессиональные полицейские без всякого Итона и Оксфорда, без кулинарных капризов и “диковинных ужимок”. Они расследуют преступления, сличая расписания поездов, уточняя показания барометра, простукивая стенки и половицы. Джулиан Саймонз в своей хрестоматийной книге “Кровавое убийство” уничижительно прозвал их “канительщиками”. К их числу относится в первую очередь Фримен Уиллс Крофтс, который бесконечно пишет про поезда, подробнейшим образом описывая их устройство, а также чета экономистов Коулов. Интересно, что именно они полнее всех воплотили в жизнь мечту о “чистой” детективной головоломке. Ибо что же может быть чище, чем расчет времени движения поезда по минутам и секундам?

В целом же детектив Золотого века не слишком внимателен к деталям полицейской рутины, не слишком достоверен в описаниях вскрытий и осмотра

мест преступления. Это особенно бросается в глаза по сравнению с современными требованиями детективного реализма — после Второй мировой войны стали придавать гораздо больше значения точности такого рода. Ф. Д. Джеймс, наследница великих “королев” детектива, жалуется, что современному автору не сходит рук то, что сходило его предшественникам, — читатель стал более требовательным и знающим, он уже вряд ли поверит, что деревенский врач проводит вскрытие прямо на кухонном столе, после чего может рассказать о совершенном убийстве во всех деталях, с точностью, не снившейся и сегодняшним патологоанатомам. Зато, добавляет она, методы убийства были поистине изобретательными — “в тридцатые недостаточно было убить жертву, ее нужно было убить загадочным, изощренным, невиданным способом”.

И в самом деле, главный вопрос в детективе Золотого века не столько “кто убил”, сколько “как убили”. Дороти Сэйерс жизнерадостно делится секретами ремесла:

Вот краткий перечень удобных способов совершения убийства: отравленные зубные пломбы, отравленные почтовые марки, кисточки для бритья, зараженные ужасными микробами, отравленные вареные яйца (блестящая находка!), отравляющий газ, кошка с отравленными когтями, нож, брошенный через потолок, укол отравленной сосулькой, отравленные матрасы, смертельный удар током из телефонной трубки, укус чумной крысы, зараженные тифом вши, закапанный в уши расплавленный свинец (куда более действенный, чем колдовское зелье из

*склянки), инъекция воздуха в артерию, взрыв гигантского "Принца Руперта"*¹, умение напугать до смерти, повешение вниз головой, замораживание в жидком кислороде, стреляющие иглами шприцы, выставление на мороз в бессознательном состоянии, пистолеты, спрятанные в фотоаппаратах, термометр, который приводит в действие взрывное устройство, когда температура в комнате поднимается до определенного уровня, и так далее.*

Джон Диксон Карр (он же — Картер Диксон) включает в один из романов довольно длинную и обстоятельную лекцию доктора Фелла об убийстве в герметично закрытой комнате, перечисляя все возможные способы и варианты. Как и в перечислении Сэйерс, способы убийства не кажутся особенно практичными или хотя бы правдоподобными. Однако доктор Фелл отвергает подобные упреки как нелепые — «ведь наша любовь к детективам в большой мере основана как раз на любви к неправдоподобному».

Плутовской детектив оказался созвучен легкомысленному и слегка циничному духу эпохи — неотразимая Фиделити Доув, созданная Роем Викерсом, и загадочный преступник Святой, придуманный Лесли Чартерисом, вполне органично вписались в новый канон.

Пришлась ко двору и судебная драма — несколько театральный дух Золо-

того века проникал и в торжественные залы уголовного суда. Состязательное правосудие во многом опиралось на риторику и актерское мастерство — в конце концов, задача барристера** заключалась прежде всего в том, чтобы убедить в своей правоте присяжных. Громкие процессы привлекали внимание журналистов и читающей публики, красноречивых адвокатов знали в лицо, каждое судебное заседание, куда допускалась публика, становилось своего рода представлением. И конечно, многие яркие сцены в классическом детективе — сцены суда, с драматическими паузами, сенсационными показаниями и неременным замешательством судьи.

Отточилась форма «герметичного детектива», когда убийство совершается в загородном доме, на корабле или в отеле. Узкий круг респектабельных подозреваемых, которые все как один имели мотив и возможность для совершения преступления; ложные улики, ведущие по очереди к каждому из героев; дворецкий что-то скрывает, но, разумеется, невиновен.

Не было утеряно и главное открытие детективного жанра — «производственность», интерес к профессиональной кухне. Это поле несколько расширилось — теперь читатель детектива все чаще мог наблюдать не только ежедневный труд полицейского или врача, но и работу рекламного агентства, театра, съемочной группы или даже банка.

Появилось у Золотого века и собственное изобретение — университетский детектив. Изобретение это было очень удачным и получило бурное развитие в

* Капли Принца Руперта образуются при попадании расплавленного стекла в холодную воду. У таких «капель» длинный стеклянный хвост; если его повредить, вся капля немедленно взорвется. Этот опыт был придуман в Голландии, а его популяризации в Англии поспособствовал принц Руперт Пфальцский.

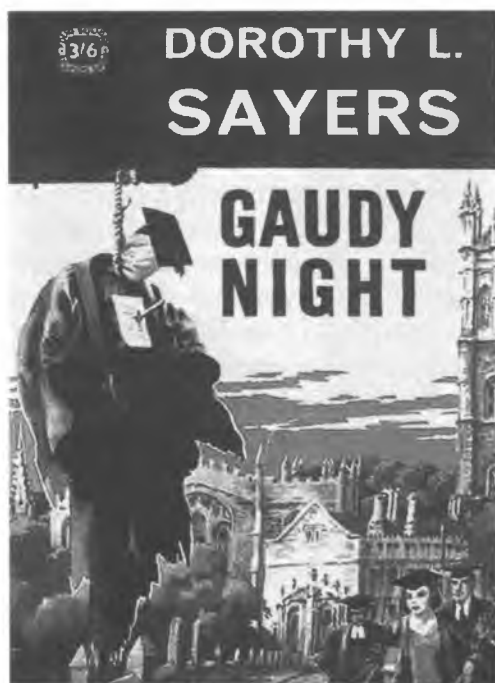
** См. глоссарий (7).

дальнейшей истории жанра — сегодня Оксфорд для многих в первую очередь город инспектора Морса*.

Тут сошлось все: и замкнутый, монастырский мир колледжа с его неприступными стенами и темными галереями, и ограниченный набор подозреваемых — не просто респектабельных, но еще и в мантиях, и множество деталей повседневной жизни, вызывающих острое — и не всегда доброжелательное — любопытство публики. И, что немаловажно, большинство авторов Золотого века действительно знали этот мир изнутри и могли убедительно писать о его непостижимых ритуалах, правилах и чудачествах.

С конца двадцатых годов университетские детективы идут косяком: “Шаги на шлуже” Рональда Нокса (1928), “Оксфордские убийства” Адама Брума (1929), “Оксфордская трагедия” Джона Мастермена (1933), “Смерть в доме ректора” Майкла Иннеса (1936), “Отрубите ей голову!” супругов Коулов (1938) и др. Самым сенсационным из них оказался роман Дороти Сэйерс с непереводаемым названием *Gaudy Night* (1935) — слово *Gaudy* означает встречу выпускников оксфордского колледжа (причем только оксфордского, и никакого другого), кроме того, это словосочетание можно перевести как “бурная ночь”. Роман этот оказался дважды скандальным: во-первых, это детектив без убийства, во-вторых, действие происходит в женском колледже, а женские колледжи даже в тридцатые годы воспринимались как нечто не совсем нормальное.

* Инспектор Морс — оксфордский полицейский, герой британского писателя Колина Декстера.

Обложка оксфордского романа
Дороти Л. Сэйерс

Идея явно носилась в воздухе — даже в этой книге читателю встретятся три “оксфордских” детектива и один рассказ, где разгадка преступления зависела от знания оксфордских реалий. И где бы еще сыщику так пригодилась латынь?

ДЕТЕКТИВ, ЛИТЕРАТУРА, ЖИЗНЬ

Принципы надо нарушать,
а то какое от них удовольствие.

Э. М. Ремарк. “Три товарища”

Детектив Золотого века не раз становился мишенью беспощадной критики. Его упрекали в неправдоподобии, в

искусственности, в снобизме, в оторванности от жизни и литературной несостоятельности. Иные из этих стрел летят мимо, никого не задевая, иные попадают в цель.

Авторы Золотого века с самого начала задали себе непростую задачу — остаться в рамках четкой и логичной игровой структуры, но не впасть в бездушный автоматизм кроссворда. Впустить в свое творчество живых людей, колоритный диалог, острые наблюдения — но не допустить излишней серьезности или сентиментальности. Они тщательно выбирали свое место в литературе, отмежевываясь не только от низкопробного триллера, но и от высоколобого модерна. Джеймс Джойс, Дэвид Г. Лоуренс, Вирджиния Вульф вызывали у них не больше доверия, чем Эдгар Уоллес. Они не упускали возможность поиздеваться над глубинами психоанализа и над теми, кто, как выразился Нокс, “пытается писать стихи без метра и рифмы, романы без сюжета, прозу без смысла”. Нельзя написать детектив в стиле Гертруды Стайн, говорит он дальше, и в этом утверждении чувствуется некоторое превосходство.

Мастерам детектива был близок по духу кружок писателей, работавших в жанре фэнтези, — Дж. Р. Р. Толкиен, К. С. Льюис, Чарльз Уильямс* и другие. Эти писатели тоже объединились в своего рода творческий союз под названием “инклинги”, они еженедельно собирались в оксфордском пабе “Орел и дитя”, более известном среди местных как “Детка и птичка”, и читали друг другу свои произведения. (“Только не

про чертовых эльфов!” — стонали слушатели, когда Толкиен начинал неумолимо читать очередную главу.)

Созвучен детективу Золотого века и Ивлин Во с его абсурдистским изображением “золотой молодежи” и ностальгическими воспоминаниями об Оксфорде. (Ивлин Во был близким другом, душеприказчиком и биографом Рональда Нокса.)

Но главным литературным кумиром детективных авторов был П. Г. Вудхауз, один из самых популярных писателей того времени, придумавший безупречного дворецкого Дживса и глуповатого аристократа Берти Вустера. Его влияние сказывается во всем — в изображении самой английской на свете Англии с загородными поместьями и взбалмошными тетушками, в легкости тона, в чуть горящей ностальгии. Сын А. А. Милна, Кристофер Робин Милн, вспоминает, что отец никогда не читал ему детских книг — только Вудхауза. И конечно,

*П. Г. Вудхауз и его приемная дочь
Леонора, 1927 г.*

* Чарльз Уильямс регулярно рецензировал детективы — как правило, очень доброжелательно.

лорд Питер Уимзи с верным Бантером и Альберт Кэмпбелл с не менее верным Лаггом — откровенное подражание мастеру. Энтони Беркли даже написал пародию, изображающую рассказ Конан Дойла, написанный в стиле Вудхауза, — там появляется гибридный персонаж Берти Ватсон.

Вудхауз, в свою очередь, любил детективы и сам пробовал их писать, но неизменно скатывался в водевиль. Его мечту осуществила за него обожаемая приемная дочь, Леонора Вудхауз, опубликовав в “Стрэнде” классический детективный рассказ под загадочным псевдонимом.

Упрекать в неправдоподобии детектив так же смешно, как сетовать на нереалистичность Бильбо Бэггинса* или Дживса. Доктор Фелл (сыщик Карра) так прямо и говорит: “Мы сами находимся в детективном романе и не морочим голову читателю, делая вид, будто это не так”.

Однако детективу присуща достоверность иного рода — безудержная фантазия заземляется точностью бытовых деталей, географическими подробностями (вплоть до карт и схем), двустраничным описанием рождественского меню. Мир детектива зачастую убедительнее любой реальности.

Законы интеллектуальной игры во многом облегчали авторам художественную задачу (как это всегда бывает со строгими формами, будь то сонет или акrostих), но они накладывали и ограничения, которые очень скоро стали мешать наиболее одаренным писате-

Самое скандальное произведение Агаты Кристи “Убийство Роджера Экройда” шло на сцене под названием “Алиби”.
Сцена из спектакля. “Панч”, 1928 г.

лям. К счастью, многие из них догадались, что запреты можно не соблюдать. Нетрудно было бы составить сборник — по одному детективу на каждое нарушенное правило. В этой книге, хотя мы и не ставили перед собой такой цели, читателю встретятся и длинные научные объяснения, и любовный интерес, и рассказ от лица преступника, и даже... даже... впрочем, увидите сами.

Пожалуй, с особым азартом правила нарушала Агата Кристи — меньше всего она заботилась о том, чтобы читатель имел равные шансы с Пуаро в деле установления преступника. Да и кому нужны равные шансы? Откуда возьмется тогда неожиданная развязка? Нет, детектив не должен уподобляться фокуснику-недоучке — читателю положено ахнуть, застыть в недоумении, а потом досадливо и восторженно раз-

* В разных русских переводах этот персонаж появляется как Торбинс, Сумникс и т. д.

мышлять, как это его в очередной раз обвели вокруг пальца.

Тем не менее Агата Кристи всегда оставалась в рамках игрового поля — если ей хотелось написать что-то действительно серьезное “про жизнь и про любовь”, она делала это под псевдонимом Мэри Вестмакотт. Дороти Сэйерс рискнула пойти дальше — ее последние истории о лорде Питере в гораздо большей степени “романы нравов”, поиски ответов на болезненный и актуальный для нее самый вопрос: может ли женщина совмещать жизнь ума с жизнью сердца (она сама в этом не очень преуспела, однако своей героине Гарриет Вэйн подарила более счастливую судьбу). При этом ее романы все дальше уходили от детектива в собственном смысле слова.

Значит ли это, что детектив обречен на легковесность? Что искрометная игра не коснулась болевых точек эпохи? В конце концов, что знали о настоящей жизни все эти доны в мантиях, игроки в бисер, обитатели башен из слоновой кости?

Джулиан Саймонз неодобрительно замечает, что в романном мире Агаты Кристи не было Всеобщей стачки 1926 года (он вообще редко что-нибудь одобряет). Этот технически точный упрек оставляет острое ощущение несправедливости. Почему? Может быть, понять это нам поможет другой исследователь детектива, Говард Хайкрафт, который в книге “Убийство для удовольствия” приводит удивительный факт: за несколько месяцев до начала Второй мировой войны фашистское правительство Италии запретило распространять книги двух английских авторов: Агаты

Кристи и Эдгара Уоллеса. Детективы были запрещены и в нацистской Германии. Э. К. Бентли пишет в своих мемуарах, что русский перевод “Последнего дела Трента” не удалось опубликовать в России по цензурным соображениям. Не странно ли, что именно оторванный от реальности детектив стоял костью в горле у диктаторов?

В 1940 году, когда Гитлер бомбил Лондон, жители города вынуждены были постоянно прятаться под землей. В бомбоубежищах стали формироваться библиотеки. Что же читали люди, чья жизнь ежеминутно подвергалась опасности? Да, вы угадали. Они читали детективы. Детективы, в которых царили логика и порядок, закон и состязательное правосудие. Детективы, в которых, как в стихотворении Руперта Брука — молодого поэта, погибшего на фронтах Первой мировой, — церковные часы показывали без десяти три и еще оставался мед к чаю. Детективы не просто позволяли уйти от страшной реальности — они напоминали людям, кто они такие.

Замечательная переводчица Лилианна Лунгина вспоминает, что одна из ее подруг выжила в тюрьме и в лагере, потому что умела “*рассказывать романы*”*. Ничто не ценилось в заключении так, как хорошая история. И неслучайно, конечно, новый расцвет детектива пришелся на “длинный уик-энд” — перерыв между двумя мировыми войнами. Детектив расцвел именно потому, что была и страшная война, на которой погиб цвет английской молодежи, и безработица, и Всеобщая стачка 1926 года. И предгрозовые тридцатые,

* Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. — М.: Астрель; CORPUS, 2010.

когда жизнь стала легче, но каждый чувствовал, как сгущаются тучи новой войны. И усталый, трезвый стоицизм, с которым англичане встретили новую войну, — в те дни их девизом стала фраза “Работаем как обычно” (*Business as usual*). И неслучайно тогда же был джаз, золотая молодежь и самозабвенное увлечение американским кинематографом. Своевольные, коротко стриженные девушки, которые отслужили войну сестрами милосердия и которых не так-то просто было теперь загнать в прежние рамки. Слуги, воевавшие бок о бок со своими хозяевами, и служанки, привыкшие к вольной фабричной жизни. Разорившиеся благородные семейства, вернувшиеся с войны солдаты, не знающие, куда себя деть в мирной жизни. Мир перевернулся, земля качнулась под ногами — оставалось только танцевать. Детектив с его жизнерадостным цинизмом легко подхватил джазовую мелодию времени.

Искусственность? Снобизм? Бегство от реальности? Дороти Сэйерс, ютясь в съемной комнатке, поселяет лорда Питера в просторной квартире на Пикадилли. Генри Бейли в грязи окопов выдумывает оригинала и гурмана Реджи Фортуна. Агата Кристи, стоя в мрачной послевоенной очереди на автобусной остановке, радуется, что где-то есть автомобили, блеск и роскошь: “Всегда приятно волнует мысль, что кому-то улыбнулась удача, что кто-то живет в достатке и носит *драгоценности*. Кому нужен тусклый мир, где нет ни богатых, ни знатных, ни красивых, ни талантливых?”

Звонит к обеду гонг, зеленеют английские холмы, сыщик сыплет цитатами, невозмутимый дворецкий подает херес в библиотеку. И мы — как многие до нас — погружаемся в уютный и легкомысленный мир британского детектива, черпая в нем мужество, юмор и здравый смысл.

Александра Борисенко

И. С. Флетчер

≡ ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ ≡

ПОВЕСТИ

J. S. FLETCHER

Дж. С. Флетчер

1863–1935

Перевод и вступление Дарьи Горяниной

КАК-ТО РАЗ один из детективов Джозефа Флетчера — «Убийство в Среднем Темпле» — попался двадцать восьмому президенту США, Томасу Вудро Вильсону, восстанавливавшему свои силы после нервного срыва. Президенту так понравилась эта книга, что он назвал ее лучшим детективом, который ему приходилось читать. Можно себе представить, как подскочили продажи книг Флетчера. Между прочим, Вудро Вильсон был единственным президентом США, имевшим докторскую степень, так что он знал толк в литературе.

У Джозефа Флетчера было две страсти — детективы и история его родного Йоркшира, но хотя обе и кормили его при жизни, посмертной славы они ему не обеспечили. Всего он написал почти две с половиной сотни произведений, среди которых детективные рассказы и романы, работы по истории Йоркшира и даже несколько рассказов на йоркширском диалекте английского языка. Он был одним из ведущих авторов Золотого века — умение закручивать сюжет, внимание к деталям и легкость пера, усвоенная во время работы в прессе, помогли ему заслужить любовь читателей. Несмотря на столь богатое литературное наследие, после смерти Флетчера не осталось никаких его личных текстов — ни писем, ни дневников.

J. S. FLETCHER

Джозеф Смит Флетчер родился 7 февраля 1863 года в Галифаксе. Он рано осиротел — его отец, священник, умер, когда сыну было всего восемь месяцев от роду, — и его воспитала бабушка. После учебы в школе Силкоатс в Уэйкфилде он изучал право, но юристом так и не стал. В 20 лет юношу приняли на должность редактора отдела в одну из лондонских газет. Параллельно он писал книги и статьи по истории Йоркшира, а с 1914 года полностью посвятил себя детективу. Как и Конан Дойл, Флетчер всегда говорил, что история для него — любовь, а детективы — средство заработка. Однако убийства и кражи оказались ничуть не менее плодотворной темой, чем загадки истории: всего за двадцать лет Флетчер написал около ста детективных романов и рассказов. Порой на написание книги у него уходило всего несколько недель.

Флетчер был женат на ирландской писательнице Розамонде Лэнгбридж. Скончался он в 1935 году в возрасте 72 лет.

РАССКАЗ “Показания судьи” очень характерен для творчества Флетчера. Его действие происходит в Лондоне — любимом городе писателя, куда он помещал персонажей большинства своих произведений. Этот рассказ не является детективным в полном смысле слова — речь идет о преступлении, но мы следим не за расследованием, а за судебным разбирательством: как мы помним, Флетчер изучал право и собирался стать барристером, так что он писал о судопроизводстве с полным знанием дела.

Сам себя Флетчер характеризовал так: “Я обычный человек, который умеет рассказывать истории и хорошо делает свою работу, а многие современные писатели и этого не умеют”.

© Д. Горянина, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ПОКАЗАНИЯ СУДЬИ”
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1919 ГОДУ
В ЖУРНАЛЕ “РЭД МЭГЭЗИН”.

THE JUDGE CORROBORATES

//////////////// THE RED MAGAZINE, 1919. //////////////////

Д Ж. С. Ф Л Е Т Ч Е Р

Показания судьи

С того момента как Дикинсон арестовал Гэмбла по обвинению в краже со взломом, он никак не мог отделаться от неприятного предчувствия. Все прошло без шума: Гэмбла арестовали в районе Мэйда-Вэйл, когда он в одиночестве выходил из таверны "Гордость Лондона". Если прохожие что-то и заметили, то только то, что двое хорошо одетых мужчин подошли к третьему хорошо одетому мужчине, обменялись с ним несколькими словами, после чего все трое, словно лучшие друзья, ушли вместе. Но Дикинсону не давали покоя последние слова Гэмбла.

— Вы дали маху, старина, — сказал Гэмбл. — Можете не сомневаться. Вскоре вы в этом убедитесь. А покамест...

А покамест Гэмблу, разумеется, ничего не оставалось, кроме как проследовать в компании двух детективов до ближайшего участка и оказаться под стражей. Гэмбла обвинили в том, что в ночь на 21 ноября он преступным образом проник в дом Мартина Филиппа Тиррела, располагающийся на

Авеню-роуд, Сент-Джонс-Вуд, и похитил оттуда ряд ценных предметов. На это Гэмбл еще раз покачал головой и со смешком сказал:

— На этот раз — мимо, приятель. Не я это был. Так что давайте завязывать с этим делом.

Напарника Дикинсона это озадачило, он уставился на прославленного Гэмбла с неподдельным любопытством.

— На что ты рассчитываешь? — спросил он дружелюбно. — Алиби?

— Что-то вроде того, старина, — отвечал Гэмбл. — На этот раз никому не добиться обвинительного заключения против вашего покорного. — Он повернулся и с ухмылкой взглянул на Дикинсона. — Считаете себя большим умником? А зря!

Что бы там ни думали другие, Дикинсон не сомневался в своем уме. Он знал также, что отдал расследованию этого дела много сил. Оно оказалось в его руках с самого начала, и он распутывал его с тем терпением и усердием, которые обеспечили ему высокое положение в Департаменте уголовных расследований. На пер-

вый взгляд случай казался совершенно обычным. Из окруженного садом особняка мистера Тиррела однажды ночью были похищены драгоценности и столовое серебро. Взломщик проделал свою работу аккуратно и бесшумно и покинул дом, не разбудив никого из обитателей. Но он оставил след, а вернее — два следа, которые указывали на его личность. На буфете стоял графин с виски, стаканы и кувшин с водой. Взломщик не удержался от искушения. Он выпил, оставив четкие отпечатки пальцев и на стакане, из которого пил, и на кувшине, из которого наливал воду. Дикинсон был хорошо знаком со сливками криминального общества. Он провел много часов за изучением отпечатков пальцев и, увидев эти, сразу же сказал себе: Джек Гэмбл!

Джек Гэмбл тоже вполне заслужил свою репутацию. Этот ловкий малый неплохо зарабатывал своими талантами. В свободное от взломов и краж время он занимался другими темными делишками, главным образом связанными с лошадьми, — порой оставаясь в рамках закона, порой переступая их. Как бы то ни было, он частенько попадался и как раз незадолго до своего ареста у "Гордости Лондона" вышел на свободу, отбыв срок. Терпеливый Дикинсон не упускал его из вида и, разглядев отпечатки, уже не сомневался, что вскоре Гэмбл вновь попадет в его руки. Он тщательно сравнил эти отпечатки с теми, что хранились в картотеке, а затем провел небольшое секретное расследование, выясняя, чем Гэмбл был занят в ночь ограбления. Обнаружив, что тот отсутствовал дома с

десяти вечера до шести утра, Дикинсон приступил к делу. Он был одним из самых убежденных сторонников дактилоскопии и заражал своей верой других.

Упрятав Гэмбла под замок, Дикинсон был, однако, смущен его бодрым настроением. Он продолжал навещать его. Он присутствовал и когда Гэмбл предстал перед магистратом, который, хотя и не был безоговорочно предан дактилоскопии, все же нашел улики достаточно убедительными, чтобы передать дело в суд. Дикинсон спустился в камеры полицейского суда*, где Гэмбл ожидал отправки в следственную тюрьму** — там ему предстояло пребывать до следующего рассмотрения его дела в Центральном уголовном суде***. Гэмбл приятно кивнул полицейскому.

— Думаете, все чертовски хорошо идет? Так нет же! — заявил он. — Еще получите от ворот поворот, уж попомните мои слова! Кстати, когда представление? На следующей неделе? Вам, мистер Дикинсон, случаем, не известно ли, кто будет в кресле-то сидеть?

Дикинсон верил в необходимость ровного и даже добродушного обращения с преступниками: в беседах с ними он усвоил тон снисходительного учителя.

— Твой случай скорее всего будет разбирать судья Степлтон, — друже-

* Полицейский суд рассматривал дела о мелких преступлениях. Он прекратил свое существование в 1949 г. (Здесь и далее — прим. перев.)

** Тюрьма предварительного заключения.

*** Центральный уголовный суд (Central Criminal Court) находится в лондонском Сити и больше известен как Олд-Бейли (Old Bailey). Подробнее см. глоссарий (4).

любно ответил он. — Алиби, на которое ты постоянно намекаешь, должно быть чертовски убедительным. Что это тебя так насмешило?

Гэмбл посмеивался, словно ему пришла в голову в высшей степени забавная мысль.

Но прежде чем он ответил, непреклонные стражи увели его и вместе с другими подследственными джентльменами препроводили к распахнутым дверцам “черной мариин”*. Гэмбл удалился, не переставая хихикать.

— Увидимся, мистер Дикинсон! — сказал он, уходя. — Встретимся в суде на следующей неделе! Вас ждет хорошенький сюрприз.

Это еще более усилило подозрения Дикинсона. Во время предварительного слушания Гэмбл держался странно — дерзко и высокомерно. Он даже не потрудился нанять ловкого адвоката, не раз защищавшего его перед судом и однажды уже вернувшего его друзьям и родственникам. Насмешливо улыбаясь, он выслушал показания касательно отпечатков пальцев и представленные доказательства его отсутствия дома в ночь ограбления. Когда Гэмбла спросили, что он имеет сказать по этому поводу, он ответил, что скажет все, что надо, в нужном месте и в нужное время — “и ни о чем не смолчу, вот увидите”. В общем, он был так уверен в себе, что Дикинсон даже стал сомневаться в своей правоте. Но он полагался на теорию, гласившую, что двух одинаковых отпечатков пальцев не существует, и был абсолютно уверен, что отпечатки, найденные на стакане и

кувшине мистера Тиррела, принадлежали Джеку Гэмблу.

Когда Джек Гэмбл предстал перед судьей Степлтоном в Центральном уголовном суде, против него были только показания экспертов и косвенные улики. В действительности же, как показалось по крайней мере одному из присутствующих, перед судом предстал не Гэмбл, а теория дактилоскопии. В течение часа или двух искомые отпечатки пальцев передавались между судейским креслом, скамьей присяжных и адвокатским столом. Еще пару часов эксперты высказывали свои мнения, со знанием дела опираясь на теоретические и практические выкладки таких авторитетов, как Бертильон, Гершель, Гальтон и Генри**. А Гэмбл сидел на скамье подсудимых, — предполагая, что рассмотрение дела может затянуться, ему любезно разрешили присесть, — и следил за происходящим со скучающе-насмешливым видом.

Он снова заявил о своей невиновности и снова отказался от того, чтобы кто-либо выступал в суде от его имени. Однако он весьма живо спросил, может ли он давать показания от своего собственного имени и может ли вызвать свидетеля, и, услышав, что это возможно — о чем он был прекрасно осведомлен, — улыбнулся и насмешливо подмигнул сержанту уголовной полиции Дикинсону.

* См. глоссарий (5).

** Здесь перечислены те, кто совершил прорыв в деле точной идентификации преступников. Альфонс Бертильон (1853–1914) придумал систему антропометрической идентификации (бертильонаж). Уильям Гершель (1833–1917), Фрэнсис Гальтон (1822–1911) и Эдвард Генри (1850–1931) заложили основы дактилоскопии. Подробнее см. комментарий, стр. 687–690.

Изложение обвинения наконец закончилось. Каждый специалист подтвердил под присягой, что отпечатки пальцев на собственности мистера Тиррела были, по их экспертному мнению, идентичны отпечаткам пальцев заключенного, хранящимся в картотеке. Были приведены доказательства того, что на протяжении тех часов, когда было совершено ограбление, Гэмбла не было дома.

Доказательства были, пожалуй, не слишком убедительными: украденные вещи не были найдены и ни единого предмета из них не обнаружили в квартире обвиняемого. Не было и свидетельств о том, что в соответствующий период времени он продавал какие-либо ценные предметы. Но, хотя в суде об этом и не говорили в открытую, уважая строгие принципы британского правосудия, рассматривающего дело исключительно по существу, все, включая судью и теоретически несведущих присяжных, знали, что Гэмбл был таким же специалистом в своей сфере, как дактилоскописты — в своей. Все присутствовавшие в суде полагали, что его осудят и вновь отправят на каторжные работы.

Все, кроме Дикинсона. Дав показания, он уселся в углу и угрюмо и подозрительно наблюдал оттуда за человеком на скамье подсудимых.

Дикинсону не нравилось, как держался Гэмбл. Он выглядел слишком безразличным, слишком скучающим, слишком высокомерным. Он напомнил Дикинсону игрока, у которого на руках все тузы и еще кое-что припрятано в рукаве.

Когда Гэмбла вызвали и он с улыбкой направился к трибуне для дачи свидетельских показаний, Дикинсон ощутил легкую тошноту; ему хотелось изобличить Гэмбла, но он чувствовал, что тот собирается положить конец происходящему здесь. Но как?

Гэмбл принес присягу столь благочестиво, как будто всю жизнь только тем и занимался, что проводил религиозные обряды. Возможно, он действительно ощутил торжественность момента. В любом случае перед судьей, наблюдавшим за ним с любопытством, он предстал с необычайно благочестивым выражением лица.

— Милорд, раз у меня нет адвоката, могу я рассказать все сам? — обратился Гэмбл к судье. — Я дал присягу, милорд.

— Конечно, рассказывайте как можете, — ответил его светлость. — Вы отдаете себе отчет, что сторона обвинения имеет право задавать вам вопросы на основе услышанного?

— Вполне отдаю, милорд, — с готовностью ответил Гэмбл и улыбнулся сидящим перед ним барристерам. — Я готов ответить на все вопросы любого из этих джентльменов — или на ваши, милорд, — которые могут прийти к ним в голову — или к вам, милорд.

Он сделал паузу и улыбнулся двенадцати присяжным, раскрывшим рты от изумления.

— Что ж, милорд и господа присяжные, что я имею сказать по поводу этого обвинения, так это то, что у меня есть алиби! Я собираюсь доказать это алиби, а когда я его докажу, то ожидаю, что меня отпустят, и никак иначе. Отпечатки, не отпечат-

что двадцать первого ноября я якобы вломился в тот дом на Авеню-роуд в Сент-Джонс-Вуд, и случилось это, по свидетельствам, между десятью вечера двадцатого ноября и шестью

*Последнее слово
Гэмбл произнес театральным
шепотом, и судья вздрогнул и устремил
на него пристальный взгляд.*

ки — в ночь ограбления я не подошел к Сент-Джонс-Вуд ближе, чем на шесть миль. А почему? Да потому, что был кое-где еще!

Гэмбл не раз участвовал в заседаниях уголовного суда как главный герой или же как заинтересованный зритель и прекрасно отдавал себе отчет в важности драматической паузы, каковую он и сделал, наклоняясь к барьеру трибуны и спокойно, торжествующе улыбаясь. Внезапно он выпрямился и заговорил, загибая короткие и толстые пальцы.

— Начнем, джентльмены, — произнес он. — Меня обвиняют в том,

утра. Джентльмены, с десяти часов вечера двадцатого ноября и по половину шестого следующего утра я был в Уимблдоне.

Последнее слово Гэмбл произнес театральным шепотом, и судья вздрогнул и устремил на него пристальный взгляд.

— Где, говорите, вы были? — спросил он, нагибаясь в сторону обвиняемого.

— В Уимблдоне, где изволит проживать ваша светлость, — с готовностью пояснил Гэмбл.

Судья снова вздрогнул и нахмурился. Он в самом деле проживал в

Уимблдоне, в довольно старом доме, стоящем на общинных землях*, и, судя по всему, его не слишком обрадовало сообщение о том, что мистер Джон Гэмбл побывал в этой респектабельной округе.

— Продолжайте, — сказал он резко. — Вы говорили...

— ...что был в Уимблдоне, милорд, — ответил Гэмбл, улыбнувшись Дикин-сону, сидевшему в углу. — Некоторое время в Уимблдоне, а некоторое — в Уимблдон-Коммон**. И, джентльмены, — продолжил он, драматически поворачиваясь к ложе присяжных, — что же я там делал? Джентльмены, я здесь, чтобы говорить всю правду, только правду, и ничего, кроме правды, так что буду говорить начистоту. Я был там с незаконным намерением, которое мне так и не удалось осуществить.

Гэмбл неожиданно умолк, делая очередную эффектную паузу, чтобы аудитория могла осмыслить услышанное. Внезапно он указал пальцем на председателя присяжных, толстого мужчину с глазами навывкате, и продолжил свою речь:

— Заметьте! Я собираюсь оговорить себя, чтобы очиститься от данного обвинения. Не буду отрицать, это было бы бессмысленно, я уже попадал в подобные неприятности. И последствия одной из них сказывались на мне вплоть до прошлого октября. И я себе сказал: все, завязываю,

оно того не стоит. Но где-то семнадцатого или восемнадцатого ноября — в дате не уверен — мы встретились с одним товарищем, который знает, что я мастак в своем ремесле, на улице Лонг-Акр — одно дельце у меня там было с лошадьми. Ну он мне и говорит, доверительно так, мол, Джек, мальчик мой, ежели тебе нужна работенка на одного, то будь я проклят, ежели я тебе не собираюсь сейчас кое-что присоветовать. А я его спрашиваю, что это за работа, потому что я сейчас работы не ищу, но, дескать, ежели это что несложное, то можно. А он и отвечает, что, мол, это дельце можно обстригать, даже стоя на голове. И спрашивает меня, знаю ли я, что он живет в Уимблдоне. Конечно, говорю, знаю. Ну вот, говорит он, а в Уимблдон-Коммон есть один милый домик, в котором живет старикан, с которым я мог встречаться по рабочим вопросам. То есть, значит, господин судья Степлтон.

Господин судья Степлтон, который к этому моменту уже несколько минут беспокойно ерзал, повернул к Гэмблу свое изрядно покрасневшее лицо.

— Я надеюсь, вы не вздумали шутить с судом, обвиняемый? — спросил он с кислой миной. — В существующих обстоятельствах вы можете рассчитывать на некоторое снисхождение, но...

— Это все святая правда, милорд, — успокаивающе ответил Гэмбл. — Ваша светлость все поймет через минуту — мне никак иначе все не рассказать, милорд. Так вот, — продолжил он, и судья, придав своему лицу выражение кротости, наклонился вперед. — Так вот, джентльмены, вот

* Общинные земли (common) — неразделенная земля, принадлежащая всем членам общины (жителям района или округа); в современных условиях коммон часто представляет собой что-то вроде неогороженного парка.

** Уимблдон-Коммон — одна из трех частей района Уимблдон на юго-западе Лондона.

что мне рассказал мой товарищ — я бы не хотел называть его имя или адрес или вызывать его сюда, если на то не будет особой необходимости. Он сказал, что господин судья Степлтон из тех ребят, что не закрывают ставни на ночь, и что он не раз проходил мимо окна его столовой, когда там горел свет, и видел, как подкрепляется его светлость. И буфет там, говорит он, просто ломится от золотых и серебряных кубков и тарелок и всего такого прочего. Я так понимаю, говорит он, что в молодости его светлость был вроде как атлетом и наполучал кучу призов, а потом еще больше на выигрывал в стипль-чезе*. В общем, говорит он, в этом буфете куча всякого добра, ради которого стоило бы нанести старику визит.

Что ж, джентльмены, природа есть природа, и я это слышу и думаю: ежели подъехать в Уимблдон-Коммон и, так сказать, произвести разведку, вреда же не будет, так ведь? И вот в девять вечера двадцатого ноября — обратите внимание на дату, джентльмены! — я отправился в Уимблдон и встретился там со своим товарищем, и мы прогулялись рядом с домом вашей светлости.

Гэмбл внезапно повернулся к судье. Все присутствующие в зале сделали то же самое. Было очевидно, что Степлтон не столько раздражен, как озадачен. Его взгляд был одновременно испытующим и полным любопытства. Мгновение казалось, что он хочет что-то сказать, но вместо этого он сделал обвиняемому знак продол-

жать. Гэмбл улыбнулся и продолжил свой рассказ.

— Так вот, джентльмены, тогда мой товарищ — достойный джентльмен! — сказал, что дом его светлости стоит недалеко от дороги со стороны общинных земель. Окна его столовой выходят на дорогу. И, как и говорил мой товарищ, ставни не были закрыты, и мы видели все, что происходит внутри. Теперь я прошу особого внимания его светлости к моим словам. Комната была вся освещена электричеством, в большом камине горел славный огонь. В глубине комнаты стоял буфет черного дуба, весь набитый золотой и серебряной посудой — подносы, кубки, вазы и тому подобное, и все это дивно сверкало на свету. Трое человек сидели в креслах перед огнем. Возможно, его светлость сочтет нужным обратить внимание на их описание. Одним из них был сам его светлость, в вечерней одежде. — его описывать мне нет нужды. Второй была леди — супруга его светлости, как я понял, — она сидела и вязала и напомнила мне мою матушку, джентльмены, уж так она мирно выглядела. А третий...

Степлтон слегка подался вперед в сторону обвиняемого и нетерпеливо ожидал следующих его слов. Прежде чем продолжать, Гэмбл бросил на него быстрый взгляд.

— Третий, — сказал он, — был высокий благообразный старый джентльмен, иностранец, похоже, с острой белой бородкой и вощеными усами. Он сидел между ними и курил большую сигару. Он тоже был одет по-вечернему, а на шее у него была повязана красная ленточка с какой-

* *Стипль-чез* (steeplechase) — скачка с препятствиями, чрезвычайно популярное в Англии состязание.

то звездой или медалью. Очень мирно они выглядели со своими сигарами и стаканами.

Степлтон, непонимающе взглянув на барристеров, снова выпрямился и, погрузив руку куда-то во внутренний карман, скрытый в складках мантии, вытащил записную книжку. Гэмбл умолк, но кивок судейского парика побудил его продолжить.

— Ну так вот, джентльмены, — произнес он, одобрительно оглядывая толстого председателя. — Мы с моим товарищем увидели все это и пошли себе пропустить по паре стаканчиков, а потом направились к нему домой и поужинали. А потом он спросил меня, что я думаю об этой работе — дело, мол, плевое, особенно для джентль-

мена с моими способностями. Может быть, говорю я, но мне бы хотелось еще разок прогуляться по окрестностям, когда все стихнет. Просто чтобы освоиться. А он говорит, что, во всяком случае, ни кошек, ни собак дома нет. Его светлость, мол, их терпеть не может. Как по мне, кошки значения не имеют — мне не раз приходилось работать в присутствии пары кошек, и они вроде бы даже с интересом за мной наблюдали. Но собаки — это, конечно, другое дело. Так ты уверен, спрашиваю, что там нет собак? Ни единой, говорит. Вот лошадей его светлость любит, а собаки ему нипочем не нужны. Ну отлично, говорю. Тогда давай-ка, говорю, посидим еще, а после полуночи я схожу на разведку.

OH! GIVE HIM AN ALLENBURYS PASTILLE

You MAY GET HUSKINESS IN THE THROAT AT THE MOST AWKWARD MOMENT

To prevent this take

Allenburys
Glycerine & Black Currant **PASTILLES**

Your Chemist stocks them In tins

2 oz. 8d.	8 oz. 2/3
4 oz. 1/3	1 lb. 4/3

Не то чтобы, говорю, я собирался работать прямо сегодня, но на двери и окна взглянуть надо. Так что мы еще промочили глотки, поговорили о том о сем, и в половину первого я пошел обратно, прошел тем удобным лесочком, чтобы взглянуть на дом его светлости в темноте.

Тем временем судья Степлтон сверился с какими-то записями в своей книжечке и захлопнул ее. Теперь он сидел, оперевшись подбородком на руку, испытующе смотрел на Гэмбла, и видно было: все, что он слышит, его изрядно развлекает. Так он и наблюдал за тем, как обвиняемый с готовностью излагает свою историю, а тот продолжил свое чистосердечное повествование, словно бы подмигнув присяжным.

— Итак, джентльмены, — и он перегнулся через трибуну, словно желая поверить некую тайну всем присутствующим в суде, — вы видите, что я с вами честен, раз уж сам выдаю себя! Ведь когда я вошел в сад его светлости, я очутился там, где мне не следовало бы находиться, и к тому же с намерением совершить тяжкое преступление. Правда, я не собирался совершать его прямо тогда, может, через пару вечеров. Я просто хотел оглядеться. Ну я и огляделся — со всеми предосторожностями. Я взглянул на двери и окна — спереди, сзади и с боков дома. Выяснил, что там нет никаких чертовых собак, и пошел осторожно взглянуть на окна в столовую, где в буфете были расставлены тарелки. И пока я, тихо как мышонок, сидел там, в комнате внезапно вспыхнул свет, и вошел его светлость, держа в руке свечу из спальни. И чтобы

доказать вам и ему, что я его видел, я скажу, что на нем была пижама в розовую и белую полоску, а горло его было замотано белой шалью. И как, спрашивается, уважаемые джентльмены и ваша светлость, я мог бы это все увидеть, если бы меня там не было?

За этим последовала еще одна драматическая пауза, во время которой Гэмбл спокойно и пренебрежительно взглянул на Дикинсона. В гробовой тишине он продолжил:

— И более того, джентльмены! Секундой позже пришел второй джентльмен. Тот самый, с острой бородкой и воцелеными усами. На нем был ярко-красный халат с черным поясом. У него тоже в руках была свеча, и я понял, что их обоих разбудило нечто, о чем я не имел ни малейшего понятия, так как сам я не издавал ни звука и всего лишь смотрел в окно. Они немножко поговорили друг с другом, затем его светлость ушел в залу и тут же вернулся в большом пальто и с фонарем. И тогда, джентльмены, я свалил оттуда, выбрался из сада и укрылся между деревьями на другой стороне дороги. Минуты через две пришел полисмен, и я услышал, как его светлость обращается нему с порога, и пошел себе оттуда через общинные земли и домой к моему товарищу. Там я сидел, пока не начали ходить рабочие поезда*, после чего уехал в Лондон. И вот он я, и я вопрошаю всех присутствующих: как я мог побывать этой ночью на Авеню-роуд, если я был в Уимблдоне, во многих ми-

* С 1883 г. специальные поезда функционировали в утренние часы, чтобы рабочие могли добраться до заводов и фабрик.

лях оттуда? И я прошу его светлость, как джентльмена, подтвердить мои слова, поскольку он может их подтвердить!

Внимание присутствующих в суде переключилось с обвиняемого на судью. Каждый взгляд был устремлен на господина судью Степлтона. Он медленно выпрямился и взглянул поверх очков сначала на Гэмбла, а затем — на обвинителя.

— Это, безусловно, весьма знаменательное утверждение со стороны подсудимого, — начал он. — Я в весьма любопытном положении. Меня просят одновременно выступить в роли свидетеля и судьи. Если бы это дело разбирал один из моих коллег, обвиняемый, видимо, представил бы ту же позицию защиты и вызвал бы меня в качестве своего свидетеля. Я в некотором затруднении, но тем не менее я подтверждаю, что сказанное обвиняемым является правдой. В самом деле, я всю жизнь питаю некоторое предубеждение — признаю, это довольно глупо — против использования ставень и занавесок. Правда и то, что в буфете у меня хранится изрядное количество золотой и серебряной посуды, и по вечерам, если комната освещена, все это, вероятно, можно разглядеть с дороги. В данном случае я не придаю большого значения этим подробностям — заключенный мог выяснить их в любое время. Но, — и его светлость взял свою маленькую книжечку, — не могу не подтвердить, что упомянутые события действительно произошли в моем доме в ночь с двадцатого на двадцать первое ноября и в точности так, как описал их обвиняемый. В тот вечер у меня ужи-

нали ночевал старый друг, меcье Поль Лавонье, знаменитый французский ученый. Выглядел он именно так, как рассказал заключенный, — на нем был воротничок и богато украшенная звезда. Примерно в час ночи мне действительно послышался какой-то звук в саду, и я спустился в столовую, будучи одетым именно так, как описал обвиняемый. Вместе со мной спустился меcье Лавонье, одетый в полном соответствии с описанием. Я действительно набросил пальто, зажег фонарь, который храню в холле, открыл парадную дверь и позвал проходящего мимо констебля. Тот осмотрел сад и не увидел ничего подозрительного. И по правде сказать, — продолжал его светлость с понимающей и веселой улыбкой, — я не думаю, чтобы человек, той ночью ставший свидетелем описанных событий в моем доме в Уимблдон-Коммон, мог в то же время совершить ограбление на севере Лондона. Возможно, он покинул Уимблдон сразу после того, как его спугнули в моем доме, в час ночи или около того, и направился на Авеню-роуд. Но как вы помните, господа присяжные, согласно показаниям мистера Тиррела, он лег в два часа ночи и проспал всего два часа, так как ему надо было успеть на поезд, отправляющийся с вокзала Кингс-Кросс. Таким образом, ограбление произошло между двумя и четырьмя часами ночи. В этот промежуток нет ни одного поезда из Уимблдона в город, и представляется невероятным, что обвиняемый мог бы до четырех утра преодолеть многомильный путь от моего дома, где он определенно был около половины второго, до Авеню-

роуд. В данный момент я неофициально подтверждаю показания обвиняемого — в этой исключительной ситуации у меня нет другого выхода. Таким образом, обвинение базируется исключительно на отпечатках пальцев, и по этому вопросу я выскажусь чуть позже.

Судья взглянул на обвинителя:

— Есть ли у вас вопросы?

— Да, ваша светлость, — ответил ошеломленный барристер и повернулся к Гэмблу: — Почему вы не рассказали все это раньше?

— Потому что хотел рассказать все здесь, — парировал Гэмбл.

— Знали ли вы, что это дело будет разбирать его светлость?

— Нет, пока Дикинсон мне не сказал, когда меня передали суду, — ответил Гэмбл, указывая на детектива.

— Вы собирались вызвать его светлость в качестве свидетеля?

— А вы как думаете! — ухмыльнулся Гэмбл. — Еще бы.

— Почему вы не вызвали сюда вашего товарища из Уимблдона?

— Что? — воскликнул Гэмбл. — Выдать его за то, что он предложил мне работу? Нет уж, он весьма уважаемый человек, у него там магазинчик.

— Вы могли бы и не указывать, что этот уважаемый владелец магазина предложил вам работу! Вы могли бы вызвать его, чтобы он подтвердил, что большую часть ночи вы провели с ним в Уимблдоне, без объяснения причин. Чем еще вы можете доказать, что были в Уимблдоне?

Гэмбл, усмехнувшись, полез в карман своего жилета. После усиленных поисков где-то за подкладкой он выудил бумажку и передал ее судье.

— Вот! — произнес он. — Билет из Уимблдона до Ватерлоо. Контролеры его не забрали, а я не выбросил. Взгляните-ка на дату.

После некоторой консультации между судьей и стороной обвинения его светлость снял очки, неторопливо повернулся к присяжным и завел беседу об отпечатках пальцев. А Дикинсон тем временем хмурился и толкал своего коллегу, сидящего рядом, — он знал, что господин судья Степлтон весьма скептически относится к данной теории, не раз язвительно отзывался о ее приверженцах. Нетрудно было предположить, чем все закончится. Присяжные огласили вердикт “невиновен”, и Гэмбл сошел со скамьи подсудимых свободным человеком. Он нашел Дикинсона и широко ухмыльнулся.

— Что я вам говорил, господин Умник? — Он скорчил рожу детективу. — Говорил я вам, что в этот раз вы сели в лужу?

— Умник здесь ты, — ответил Дикинсон. — Ты обвел вокруг пальца меня и всех остальных. Я бы не отказался дать тебе пятерку, чтобы узнать, как все было на самом деле.

Но Гэмбл лишь скорчил очередную рожу и отправился за вожденной выпивкой.

Дикинсон был уверен, что Гэмбл каким-то образом одурачил суд и на самом деле именно он — виновник случившегося на Авеню-роуд. Но как Гэмблу удалось все это проверить, он не понимал. Еще какое-то время детектив приглядывал за ним, и каждый раз при встрече Гэмбл насмешливо подмигивал ему. Гэмбл радовался не произошедшему эпизоду,

а тому, что он завязал и Дикинсон теперь не сможет к нему прицепиться. Как бы пристально Дикинсон ни наблюдал за Гэмблом, ему не удавалось выяснить ничего нового.

Внезапно Гэмбл исчез с горизонта. Его не видели в обычных местах, он пропал бесследно. Когда с момента его исчезновения прошло уже некоторое время, до Дикинсона дошли первые сведения о нем, исходившие от одного из тех странных людей, что кружат между преступниками и их ловцами и, не принадлежа ни к одному из этих кругов, не обладают даже и той честью, что существует в воровском обществе. Этот человек, беседуя с Дикинсоном, внезапно свернул на интересовавший его предмет.

— В последнее время не слышали о Джеке Гэмбле, так ведь? — спросил он. — И не услышите. Он начал с чистого листа и свалил в Австралию с товарищем, лошадьми торговать. Все по-честному.

— Вот и все, — заметил Дикинсон.

— Вот и все, — подтвердил его собеседник и рассмеялся, как будто от удовольствия. — Хорошо он вас провёл с этим дельцем с Авеню-роуд, а? Были, конечно, люди, которые знали,

как все произошло, — я, например. Раз уж теперь старина Джек на другой стороне Земли, я вам, пожалуй, расскажу все по секрету. Дело было так. Когда Джек вернулся с последней отсидки, они с одним парнем стали приглядываться, чего бы такого грабануть. Одним из вариантов был дом на Авеню-роуд, другим — дом судьи в Уимблдон-Коммон. Они договорились, что возьмут их одновременно. Джек был на Авеню-роуд, другой направился в Уимблдон, и у него там ничего не вышло. Это с ним произошло все то, о чем Джек говорил в суде! На следующий день он все подробно рассказал Джеку, дал ему тот билет, и они сговорились, что если одного из них возьмут за дело на Авеню-роуд, он использует Уимблдон как алиби. Взяли Джека, и он рассказал все, что было с тем парнем, как будто это произошло с ним — память-то у него хорошая. Все просто, да, мистер Дикинсон?

Мистер Дикинсон сухо ответил, что всегда полагал Джека Гэмбла умным малым, и отправился к господину судье Степлтону, чтобы пополнить копилку знаний этого ученого джентльмена.

Рой Викерс

1888(?)–1965

Перевод и вступление Барисби Алборова

УИЛЬЯМ Эдвард Викерс (известный также как Рой Викерс, Дэвид Дарэм, Сефтон Кайл и Джон Спенсер) — весьма загадочная фигура. Подробности его бурной, полной приключений и авантур жизни затерялись на страницах истории. Неизвестна даже точная дата его рождения — с уверенностью можно только сказать, что появился он на свет не раньше 1888 года, а умер в 1965-м. Он окончил школу Чартерхаус — одну из девяти старейших и самых престижных школ Англии, после чего несколько лет провел в колледже Брэйзноус в Оксфорде. Колледж этот славился своими выпускниками, людьми во всех отношениях исключительными и выдающимися. Рой Викерс, однако, к их числу не принадлежал. Так и не получив степени, он бросил Оксфорд и перебрался в Лондон, где и начал свою писательскую карьеру. В это же время он женился и предпринял еще одну попытку получить юридическое образование — история умалчивает, увенчалась ли эта затея успехом или нет; известно лишь, что Викерс не проработал адвокатом ни одного дня.

Не стоит, однако, полагать, что причиной этой неудачи было безделье или недостаток трудолюбия — наоборот, во всем были виноваты бьющая через край энергия и неукротимый писательский энтузиазм. В ранние годы, еще не добившись известности, Викерс подрабатывал коммивояжером, журналистом, редактором и литературным негром; последняя карьера, впрочем, не задалась

ROY VICKERS

из-за бросающейся в глаза яркой оригинальности его произведений. При таком многообразии литературной деятельности времени на юриспруденцию у него просто не оставалось. Кроме того, эта деятельность приносила ему неплохие деньги.

Избрав стезю судебного журналиста, Викерс продал в различные журналы и газеты сотни статей и очерков. Переход к художественной литературе был неизбежен — свой первый рассказ Викерс опубликовал в 1913-м, а первый роман — тремя годами позже. Стартовой площадкой ему послужил “Новел мэгэзин”, в котором он подрабатывал редактором; а всего за десятилетия вдохновенной безостановочной работы Викерс написал шестьдесят семь детективных романов и как минимум восемьдесят четыре детективных рассказа.

Среди других авторов его выделяли стройность повествования, тонкий юмор и мечтательная романтичность. Страницы его произведений пестрели гениальными преступниками, грандиозными аферами и пронизательными, обаятельными героями, пылко бросающимися на выручку невинным красавицам, которые зачастую оказывались не такими уж и невинными. Викерс был мастером интриги и умелым писателем, его рассказы высоко ценились любителями жанра.

САМЫЙ известный цикл Викерса — “Департамент тупиковых дел”. В центре повествования — специальный отдел Скотленд-Ярда, занимающийся старыми нераскрытыми делами, на которые другие инспекторы когда-то в отчаянии махнули рукой. И жертвы и убийцы изображены так живо и правдоподобно, что читатель поневоле начинает сопереживать героям. Поскольку в рассказах цикла фигурируют представители почти всех социальных прослоек Англии, из них, словно мозаику, можно собрать необычайно полную картину жизни англичан того времени. Именно серьезные, сложные рассказы “Департамента тупиковых дел” принесли Викерсу всемирную славу и признание. Однако задолго до них из-под его пера вышел другой, замечательно легкомысленный и авантюрный цикл — “Похождения Фиделити Доув”, который Викерс писал под псевдонимом Дэвид Дарэм. Главная героиня цикла — юная мисс Фиделити Доув, прелестная и дьявольски коварная воровка, прославившаяся невероятными аферами, абсолютной неуловимостью и безупречными манерами. Перед вами — один из шестнадцати рассказов цикла.

© Б. Алборов, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ
“ОБРАЗЦОВАЯ ПОДДЕЛКА”
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН
В 1924 ГОДУ В СБОРНИКЕ
“ПОХОЖДЕНИЯ ФИДЕЛИТИ ДОУВ”.

THE CLASSIC

РОЙ ВИКЕРС

Из предисловия к сборнику “Похождения Фиделити Доув”

Сегодня, оглядываясь назад, цивилизация понимает, скольким обязана она необыкновенной и удивительной личности, заключенной в хрупкой оболочке мисс Фиделити Доув. В тяжелые послевоенные годы изможденное, истощенное налогами человечество завороченно следило за ее подвигами на страницах утренних газет, а потом отправлялось на работу, веря, что дух романтики и рыцарства все еще жив.

Те немногие, кто был способен побороть неодолимую силу ее задумчивого очарования, не раз заявляли, что за детской невинностью голубых глаз мисс Доув скрывается коварный, расчетливый, одержимый алчностью ум. Они утверждали, что она увлекла на путь порока и преступления дюжину порядочных и талантливых мужчин, которые никог-

да не изменили бы своим принципам и убеждениям, если бы их рассудок не помутился от любви к ней. А более всего осуждали ее за напускное пури-танство.

Но было ли оно напускным? Каждый волен сам ответить себе на этот вопрос. Стоит, однако, признать, что какое-то величие не могло не быть свойственно женщине, сумевшей так поговорить с инспектором уголовного отдела о его матери, что тот не сумел сдержать слез; женщине, чье рыцарское благородство было публично засвидетельствовано главным комиссаром Скотленд-Ярда; женщине, нажившей своими аферами состояние настолько баснословное, что она с легкостью отмахнулась от гонорара в пятьдесят тысяч фунтов, предложенных великой актрисой мисс Мэри Пикфорд за то, чтобы Фиделити выступила в качестве ее дублерши.

FORGERY

THE EXPLOITS
OF FIDELITY DOVE.
L., HODDER &
STOUGHTON, 1924.

Образцовая подделка

Фиделити Доув — единственный в истории человек, который может похвастаться тем, что украл (коль скоро мы обязаны использовать столь грубое слово) целую деревню. Кражей этой она нечаянно подарила нашим правоведам изумительный с точки зрения юриспруденции прецедент.

Похищенная деревня называлась Своллоусбат. Если в последние годы вы приезжали туда, чтобы насладиться красотой поросших густым лесом холмов, изумрудных пастбищ, прелестных старосветских коттеджей и волшебной долины, через которую, сорвавшись водопадом с невысокой горы, весело бежит река, — знайте, что, не укради Фиделити все кругом: леса, холмы, реку, деревню и луга, — вы любовались бы лесопилкой и каменоломней.

Загородная резиденция мисс Доув находилась — и находится — в Своллоусбате. Ей принадлежат семь акров земли и дом, выстроенный по образу фермерских домиков эпохи Тюдоров*.

Когда Фиделити его приобрела, это и был настоящий тюдоровский дом, однако...

Дело было так.

Фиделити, уставшая от городской суеты, сбежала на недельку в Своллоусбат. С собой она пригласила лишь свою пожилую тетюшку. Все четыре мили пути от станции тетюшка дремала, а Фиделити любовалась милыми сердцу лесами и полями. Ее машина остановилась у подлинной тюдоровской двери Фермерского дома, и Фиделити нежно помогла старушке выбраться наружу. И тут она заметила тени на лицах слуг и поняла: что-то не так. Из их бессвязных объяснений стало ясно, что над Своллоусбатом нависла беда.

Фиделити отдохнула, приняла ванну и, переодевшись в скромное серое платье, подобрала к нему подходящую шляпку. Затем она отправилась в деревню, которая, как вы знаете, состоит из дюжины коттеджей и двух весьма милых гостиниц, построен-

* См. глоссарий (22).

ных архитекторами не только знавшими свою работу, но и любившими Своллоусбат.

Повстречавшаяся ей миссис Джорман была вся в слезах.

— Вы разве не слышали, мисс? Все этот мистер Стрэнек. Он и леса, и долину, и гостиницы, и всю деревню прямо так и скупил на корню у бедняжки его светлости. И теперь нам велено в три месяца отсюда убраться, гостиницы закрывают...

— Моя милая, горе застит вам глаза. Беда не так страшна, как кажется. — Прекрасные фиалковые глаза Фиделити светились сопереживанием. — Он не может выгнать вас из ваших домов.

— Человек его светлости нам так и сказал, но он может, еще как, — сказала миссис Джорман. — Всех мужчин, у кого есть дом, он нанял в каменоломню за Инчфилдом и выдал там каждому по коттеджу, которые специально для этого и построил, так что нам всем придется уехать. Неужели вы, мисс, ничего не слышали? Ведь если Джордж все понял правильно, мистер Стрэнек хочет через ваши земли пустить железную дорогу.

— Боюсь, Джордж тоже ослеплен горем, — произнесла Фиделити. — Я не арендую землю у его светлости — она, как и дом, принадлежит мне. И никакой железной дороги, обещаю вам, миссис Джорман, на ней не будет.

— Ох, как вы меня успокоили, мисс, — посветлела миссис Джорман. — А ведь я ему говорила, Джорджу, говорила: ты только подожди, вот приедет мисс Доув! Боже правый, да вот же он! То есть не Джордж, а...

Мимо них проехала желтая спортивная машина. За рулем сидел шофер в желтой ливрее — миссис Джорман приниженно поклонилась, а Фиделити пристально взглянула на пассажира из-под полей шляпки. Машина покатила дальше и через полмили свернула на дорогу, ведущую к дому Фиделити.

— Миссис Джорман, он едет повидаться со мной. До свидания. Я не подведу вас — и Своллоусбат.

Машина мистера Стрэнека медленно выезжала из ворот, когда Фиделити подошла к дому. Перевесившись через борт, он окинул оценивающим взглядом стройную фигурку в сером.

— Не подскажешь, где тут мисс Доув?

— Конечно, сэр. — Фиделити присела в реверансе.

— Ну так где она? Давай говори, я не слышу.

— Я здесь, сэр, — кротко ответила Фиделити.

— Что-что? Это ты? То есть — прошу прощения, мисс. — Мистер Стрэнек сорвал шляпу и выскочил из машины. — Я надеялся повидаться с вами, мисс Доув. Как вы, посмею предположить, уже слышали, Своллоусбат теперь принадлежит мне. Поэтому я и пришел с вами поговорить — и вам, смею сказать, от этого разговора кое-что перепадет.

— Мне? Перепадет? — изумленно произнесла Фиделити. — Вы очень щедры, мистер Стрэнек. Не откажетесь ли зайти в мое скромное жилище?

Мистер Стрэнек зашел в дом. Он настолько мало знал о деревянных панелях, резьбе, апостольских лож-

ках и веджвудском фарфоре*, что продолжал считать Фиделити простодушной дочерью почившего фермера.

— Пустая болтовня мне не по нраву, мисс Доув, — объяснил он. — Все кругом я уже купил, за исключением вашей земли. А теперь и вашу землю хочу купить. Признаю это без лукавства. А теперь вы, наверное, затребуете за нее баснословную цену.

Фиделити всегда думала молниеносными вспышками. Судьбу мистера Стрэнека она решила еще на подъездной дорожке. Ее лицо приобрело выражение почти неземной невинности.

— Баснословную цену! — повторила она. — То есть больше, чем все это стоит на самом деле? Ах, я никогда бы так не поступила! Неужели вы могли подумать, что я потребую больше денег потому, что вы так честно признались в желании приобрести мою собственность?

На лице мистера Стрэнека появилось сначала озадаченное выражение, потом — подозрительное, а затем, после испытующего взгляда, — крайне довольное.

— Что ж, подобная порядочность делает вам честь, конечно, — пробормотал он. — Теперь, наверное, пора договориться о цене. Пять тысяч фунтов — и вы подписываете договор. Что скажете?

Именно за столько лорд Кэрронмер продал имение Фиделити — потому что знал, как хорошо она понимает Своллоусбат. Она могла легко удвоить сумму.

Шляпка Фиделити упала ей на спину. Золотые локоны сияли, словно ангельский нимб. Ее голос был звонок и нежен.

— Пять тысяч фунтов! Но это наверняка слишком много. Я не могу злоупотребить вашей щедростью, мистер Стрэнек. Вы специально предложили больше, потому что я женщина. Если моя земля действительно вам нужна, цена ей — три тысячи.

Мистер Стрэнек был почти испуган. Фиделити могла представить, как он щиплет себя, желая удостовериться, что все это не привиделось ему во сне. Спустя несколько секунд он взял себя в руки.

— Мисс Доув, вы — первая леди, да и вообще первый человек, если уж так подумать, кто не попытался злоупотребить моей добросердечностью. Договорились. Так что насчет владенной**? Могу я сегодня вечером прислать за ней своего стряпчего?

— Ах, пожалуйста, не надо! — взмолилась Фиделити. — Я так боюсь стряпчих! Это дело касается только меня и вас, мистер Стрэнек. Завтра вечером, если вы вновь приедете, я лично передам вам документы. Потом ваши стряпчие могут проделать все необходимое, а вы передадите мне оставшиеся бумаги на подпись.

* См. глоссарий (30) и (31).

** Процедура продажи собственности, описанная в рассказе, построена вокруг трех документов. Первым из этих них является *владенная* (title deeds) — своеобразный паспорт имения, в котором указаны все его предыдущие владельцы, а также их права и обязательства по отношению к собственности. Владенная передается адвокату, который проверяет правомочность сделки и составляет договор — акт купли-продажи, который подписывают как покупатель, так и продавец. После того как деньги переходят из рук в руки, продавец дает расписку в том, что получил оговоренную сумму.

The Wahl Eversharp Company, Ltd.,
Premier House,
150, Southampton Row, London, W.C. 1.

EVERSHARP

Always sharp — never sharpened.

— Доброе утро, мистер Рейсон. Это Фиделити Доув.
Не могли бы вы мне помочь?

Мистер Стрэнек согласился. Он бы согласился на что угодно. Фиделити понимала, что просить его до поры до времени хранить молчание об условиях сделки будет излишне. Вместо этого она рассказала о Своллоусбатской гильдии юных девиц, судьба которой необычайно ее занимала. Оказалось, что их салону не хватало пианино. Мистер Стрэнек достал чековую книжку, выписал Фиделити чек на пятьдесят фунтов и сказал себе, что никогда не видел подобных глаз.

Когда он уехал, Фиделити позвонила в Лондон и спустя полчаса говорила с Эпплби, ученым, быть может самым блистательным из тех блистательных людей, которые вверили ей свою жизнь и честь.

— Эпплби, мой друг, способны вы совершить чудо и пропустить свет через пергамент — так, чтобы он стал прозрачным, как папиросная бумага? Тогда приезжайте. И захватите с собой трех наших приятелей и те несимпатичные ломы и паяльные лампы, какие бывают у взломщиков. Приезжайте завтра в полночь в строящейся тайне.

Следующим вечером, в половине десятого, мистер Стрэнек ушел от Фиделити с владенной на дом и семь акров земли. Ему предстояло составить договор и через три дня вернуться за подписью. Фиделити мягко выразила неприязнь к чрезмерной спешке.

В полночь, когда весь Своллоусбат спал, Эпплби прибыл с тремя подручными. Он привез с собой сложную конструкцию, напоминавшую раму, и чертежную доску, а также мощную электрическую лампу. Варли, Мейнс и Гарфилд были вооружены несим-

патичными атрибутами профессиональных взломщиков.

Поприветствовав гостей, Фиделити раскрыла им тайные закоулки своего сердца.

На следующий день, оставшись дома в компании старой тетушки, она вновь позвонила в Лондон. На этот раз ей был нужен Скотленд-Ярд.

— Доброе утро, мистер Рейсон. Это Фиделити Доув. Не могли бы вы мне помочь?

На другом конце провода воцарилось потрясенное молчание.

— По-моему, мисс Доув, я только и делаю, что вам помогаю, — произнес Рейсон — человек достаточно большой, чтобы не бояться шутить над самим собой.

— Но на этот раз дело серьезное! — взмолилась Фиделити. — Я у себя в Своллоусбате. Прошлой ночью взломщики проникли в дом и вскрыли мой сейф. Я ничего не стала говорить местной полиции, потому что не питаю к ней особого доверия. Полисменов всего двое, и их подготовка...

— Я приеду, мисс Доув, — сказал Рейсон.

Его голос прозвучал весьма мрачно. Фиделити вздохнула и закрыла глаза, словно молилась.

Рейсон прибыл днем. Фиделити встретила его на станции и подвезла. В тот день она была хороша, как ангел, и Рейсон поневоле обратил на это внимание. По дороге к Фермерскому дому они говорили о погоде, посевах и пчелах.

— Не желаете ли выпить чаю перед тем, как приступить? — спросила Фиделити.

— Нет, благодарю, — ответил Рейсон, и Фиделити вновь вздохнула.

Она проводила его в кабинет, показала грубо вскрытый сейф, следы ботинок на приоконнике* и прочие неотъемлемые признаки кражи со взломом. Рейсон несколько секунд изучал детали. Потом он кивнул и усмехнулся.

— Позвольте заметить: вы немного перестарались, мисс Доув, — произнес он спокойно. — Десять лет назад истоптанный приоконник выглядел бы убедительно, но сегодня грабители научились замечать следы.

В пустой комнате не было никого, кроме них.

— Пожалуйста, не обижайтесь, мистер Рейсон, — умоляюще произнесла Фиделити, и голос ее был нежен, как пение птиц в серебристых сумерках.

— Я не обижаюсь, — не переставая улыбаться, ответил Рейсон. — Напротив, мне лестно, что вы не стали себя особенно утруждать. Вы понимали, что я распознаю инсценировку в любом случае. Долгие ночи, что я пролежал без сна, размышляя о ваших методах, кое-чему меня научили. Вы в точности знаете, как работает управление, и строите свои планы соответственно. Вы знаете, что служебные инструкции обязывают меня относиться к произошедшему как к ограблению. Это и дает вам преимущество. Мы не можем сражаться с вами на равных, разум против разума. Полицию связывают устав и доказательное право. А ведь сколько раз я думал, что вы у меня в руках! Это помогло мне кое-

что понять — в том числе и поговорку о кувшине, который повадился по воду ходить.

— И что будет, если кувшин разобьется, мистер Рейсон? — Ее идеальный голос чуть подчеркнул эти слова.

Рейсон замялся. Его ответ прозвучал немного скованно:

— Об этом я не думаю, мисс Доув. Моя работа — его разбить.

— Быть может, все-таки чаю? — вновь предложила Фиделити. — Я угощу вас медом из моих ульев.

— Сначала формальности, — произнес Рейсон, а потом устало добавил: — У меня будут неприятности, если я не пройду по всему списку. Не могли бы вы перечислить, что пропало из сейфа?

— Два золотых подсвечника, владенная на дом и окружающую землю, алтарная пелена, сотканная триста лет назад в Мехелене — весьма дорогая даже по мирским меркам, — а также экземпляр первого издания "Пути паломника"*** и два медальона с портретом моего дедушки.

Рейсон записал предметы с сардонической усмешкой на лице. Потом он принял предложение Фиделити выпить чаю. Они вновь поговорили о погоде, природе и приплоде. В Лондон он вернулся последним поездом.

— Мы тут же сообщим вам, когда что-нибудь узнаем, — произнес он официальным тоном на прощание.

— Я уверена, что вы уже напали на

** Речь идет о чрезвычайно известном сочинении Джона Беньяна "The Pilgrim's Progress", опубликованном в 1678 г. "Путь паломника" — русское заглавие этого аллегорического романа в переводе Т. Ю. Поповой, изданном в 2001 г. Первый русский перевод 1878 г. назывался "Путешествие пилигрима".

* См. глоссарий (25).

след, — прошептала Фиделити, и золотой локон упал ей на щеку.

Три дня спустя мистер Стрэнк подъехал к Фермерскому дому с готовым договором в кармане. Фиделити сказала, что больна. На следующий день он приехал вновь, но не застал ее дома. Позже он позвонил. Фиделити радушно его приветствовала.

— Ах, простите меня! — мелодично произнесла она. — Однако, боюсь, сегодня я не смогу вас принять, так как пригласила на обед викария и мистера Кларджеса, моего поверенного. Не могли бы вы прислать мне договор и заехать за ним завтра?.. О да, конечно, понимаю. Я попрошу гостей заверить мою подпись.

Фиделити едва успела повесить трубку, как прибыл викарий. За столом разговор, разумеется, перешел на неотвратимую гибель Своллоубата.

— Говорят, — произнес викарий уныло, — что он не может повернуть свою махинацию, не завладев вашей землей, мисс Доув. Насколько я понял, она нужна ему для постройки... эээ... железной дороги.

— Мистер Стрэнк действительно просил меня продать дом, — сказала Фиделити. — И я, конечно, ответила ему так, как ответил бы на моем месте каждый. Мне было больно его разочаровывать. Бедняжка был просто раздавлен, но тем не менее вел себя вежливо.

— Вся эта затея — настоящая катастрофа, — сказал поверенный. — Леса! Долина! — Ему не хватало слов.

— Давайте не будем горевать, пока не грянула беда, — попросила Фиделити. — Если это вас успокоит, мои друзья, скажу без сомнения: глубоко в душе я уверена, что напасть обойдет

нас стороной и это прекрасное место останется нетронутым.

Викарий и поверенный, которые знали о Фиделити лишь то, что она молода, необычайно красива и любит Своллоусбат так же сильно, как и они, казалось, несколько утешились, однако продолжали размышлять о том, зачем Стрэнеку понадобилась железная дорога.

На следующий день в десять часов утра мистера Стрэнека проводили в кабинет Фермерского дома. На письменном столе времен королевы Анны лежал договор, передававший собственность Фиделити в его распоряжение.

— Доброе утро, мисс Доув. Вы закончили наше дельце? Очень любезно с вашей стороны. Дайте-ка гляну.

Мистер Стрэнек пробежал глазами по документу. Глаз у него был в этих делах наметанный. Подпись Фиделити Доув, засвидетельствованная викарием и поверенным, передавала в его имущество земли, которым на рынке цена была десять тысяч, а для него и все пятьдесят — и всего за жалкие три тысячи! Повезло же ему наткнуться на эту дурочку!

— Да, думаю, все верно. Осталось лишь получить от вас подтверждение оплаты. Деньги у меня с собой, в банкнотах.

— Я уже все подготовила, — сказала Фиделити, протянув ему расписку.

Стрэнек проверил и расписку, нашел ее подходяще составленной и достал бумажник.

— Раз, два, три, четыре по пять сотен — две тысячи — и еще одна тысяча. Итого — три тысячи. Сумма не-

маленькая, мисс Доув, но, не будь вы настоящей леди, мне пришлось бы заплатить сотен на пять больше.

— Ах, вы мне льстите, — скромно потупившись, произнесла Фиделити. — Я лишь пытаюсь жить честно и молюсь, чтобы мой пример вдохновил других людей.

— И я тоже, — отозвался мистер Стрэнек. — И я тоже. А, вот еще что. Вы, конечно, поняли из этого документа, — он помахал актом продажи, — что передали мне в немедленное владение, вместе с землей и домом, мебель и прочие пожитки. Так когда вы намереваетесь съезжать? Пару недель я вам дам, но ровно на пятнадцатый день мои люди начнут копать.

— Все уже подготовлено, — ответила Фиделити. — Я покину дом завтра.

К концу недели мистер Стрэнек вывез мебель. К концу месяца дом был взорван динамитом, а рабочие вовсю готовились прокладывать узкоколейку.

Примерно через месяц после того, как Фиделити покинула Своллоусбат с тремя тысячами фунтов мистера Стрэнека в своей глубокой серой сумке, она сидела в приемной своего адвоката, сэра Фрэнка Роутона, и горько плакала. Она плакала две или три минуты. Сэр Фрэнк уже собирался прибегнуть к нюхательной соли, когда Фиделити наконец смогла связно объясниться.

— Фермерский дом! — всхлипнула она. — Мой прекрасный домик в Своллоусбате!

— Да? — спросил сэр Фрэнк, пытаясь разглядеть, на самом ли деле влажны глаза Фиделити: ведь в про-

шлом его прекрасная клиентка не раз и не два давала ему поводы крепко задуматься. — Что случилось с вашим домом?

— Он разрушен! Его сровняли с землей! Мои милые лужайки разрыты и перекопаны!

Недоверие на лице сэра Фрэнка сменилось испугом. Он попытался выудить из нее подробности, но тщетно. Фиделити не могла — или не хотела — рассказать ничего больше, так ее переполняли чувства. Сэр Фрэнк проводил ее до машины и пообещал немедленно во всем разобраться. А раз уж сэр Фрэнк был адвокатом Фиделити, то, значит, свое дело он знал великолепно.

К ленчу он успел выяснить, что Фиделити продала все свое имущество мистеру Стрэнеку. Извинившись перед адвокатом Стрэнека за доставленное беспокойство, сэр Фрэнк задумался о том, как получилось, что Фиделити забыла упомянуть незначительный факт продажи ею Фермерского дома, всей мебели и пожитков, а также семи акров земли. Намереваясь это выяснить, он направился к телефону.

— Но это ложь! — всхлипнула она. — Я бы ни за что не стала продавать эту собственность. Я ее люблю — в той мере, в какой благочестивый человек может любить собственность.

Сэр Фрэнк издал неопределенный звук.

— Ах, я начинаю понимать! — воскликнула Фиделити. — Вы помните то ограбление? Владенная была среди украденного. Может быть, в этом все дело, как вы думаете?

Сэр Фрэнк так не думал.

— Человек, купивший вашу землю, практически миллионер, — пояснил он. — Он очень богат и не стал бы покупать собственность у кого ни попадя. Тем не менее я попытаюсь разобраться, в чем тут дело. Что-то здесь, несомненно, не так.

Сэр Фрэнк начал с самого очевидного. Адвокат мистера Стрэнека, весьма озадаченный таким оборотом дела, показал сэру Фрэнку договор и расписку Фиделити на три тысячи фунтов.

— Три тысячи фунтов! — вскричал сэр Фрэнк. — Она приобрела собственность за пять, а продать могла за десять в любой день. Это смехотворно...

— Это вне моей компетенции, — ответил адвокат. — Сделку провел мистер Стрэнек лично, от меня потребовалось лишь составить документ. Насколько эта сделка, хм, этична — не моего ума дело. С точки зрения закона она была проведена безупречно. Деньги, насколько я понимаю, были выплачены в банкнотах. Вне всякого сомнения, мой клиент располагает номерами — я их вам предоставлю. Мы выясним, разменяла ли мисс Доув банкноты, и это все решит.

Но это ничего не решило. Наоборот, все стало еще запутанней. Банк Фиделити слыхом не слыхивал ни о каких банкнотах. Номера были проверены и перепроверены в расчетных палатах. Никаких результатов.

— Что ж, подытожим, — сказал сэр Фрэнк адвокату мистера Стрэнека. — Моя клиентка утверждает, что ничего не знает о сделке. Иными словами, она заявляет, что ее подпись на документах — подделка. Позвольте ли

вы ей взглянуть на них? Могу ли я ее сюда привести?

Фиделити робко согласилась прийти. Когда она прибыла, прекрасная муза в сером и серебряном, мистер Стрэнек оказался тут как тут.

— Ах, мистер Стрэнек! — воскликнула она, завидев его. — Мне сказали, что это вы разрушили мой дом. Скажите мне, что это неправда! Я ни за что не поверю, что это были вы.

— Ни за что не... какого... вы же сами продали мне и дом и землю! Чем вы теперь недовольны? — бессвязно прорычал Стрэнек.

Фиделити повернулась к сэру Фрэнку и оперлась его руку.

— Я не понимаю, — запнувшись, произнесла она. — Он заявляет, что я продала ему землю. Он что, действительно в это верит?

Сэр Фрэнк потер подбородок. Адвокат мистера Стрэнека посоветовал своему клиенту сесть.

— Послушайте, вы, — произнес Стрэнек, снова обретая дар речи. — Мы дважды встречались у вас дома. Я могу это доказать.

— Но ведь я сама вас приглашала, — сказала Фиделити, — потому что вы заинтересовались нашей Гильдией юных девиц. В первый раз вы выписали нам щедрый чек на покупку пианино, а во второй...

— Да, и этот чек у меня в кармане*,

* Внимательный читатель удивится: каким образом чек, который мистер Стрэнек выписал Фиделити, вновь оказался у него в кармане? Произошло следующее: мистер Стрэнек выписал чек на имя Фиделити, и она расписалась на обороте. После того как чек был обналичен в банке мистера Стрэнека, банк послал ему этот чек в качестве подтверждения данной денежной операции. В современной Великобритании такой процедуры уже не существует.

с вашей подписью на обороте! — выкрикнул Стрэнек. — И я сравнил ее с подписью на документе. Что вы на это скажете?!

Фиделити показали обе подписи. Несколько секунд она переводила взгляд с договора на чек, а потом повернулась к сэру Фрэнку.

— Что же мне делать? — всхлипнула она. — Я не могу сказать, что это подделка. Подпись просто неотличима от моей. Но я ничего не подписывала. Я никогда раньше не видела этот документ.

— Очень хорошо, мисс Доув. Значит, вы объявляете его подделкой? — спросил сэр Фрэнк.

— Боюсь, у меня нет иного выхода, — произнесла Фиделити дрожащим голосом. — Пожалуйста, уведите меня отсюда.

Дальнейшие события развивались быстро. Сперва графологи сфотографировали подписи, сделали по фотографиям слайды и изучили их на экране. Графологов было пятеро, и все они пришли к одному заключению. Подписи Фиделити на договоре и расписке были подделаны. Более того, как это часто бывает при подделке подписи, в обоих случаях подписи были подделаны с конца — злоумышленник начинал с “в” в “Доув”.

Затем последовала еще одна встреча, на которой выступил банкир Фиделити. Он проверил чек на пятьдесят фунтов, выданный для покупки пианино, и заключил, что подпись была скопирована именно с него. Подтвердил он свою теорию, указав на едва заметную небрежность в написании “и” — там, где у Фиделити скользнуло перо. Небрежность была тщательно

Когда она прибыла,
прекрасная муза в сером
и серебряном, мистер Стрэнк
оказался тут как тут.

воспроизведена на других двух документах. Тем временем викарий Своллоусбата и поверенный были допрошены и показали, что никаких подписей не заверяли. Подтверждением этих показаний послужили их собственные подписи, которые оказались абсолютно не похожи на те, что стояли в договоре.

Более того, путем, неизвестным мистеру Стрэнеку и его адвокату и чуть менее неизвестным сэру Фрэнку Роутону, газеты каким-то образом прознали о каждой мелочи, касающейся дела, и превратили его в сенсацию. Газеты, конечно, весьма тщательно избегали любых обвинений — но факты говорили сами за себя. Открытое письмо мистера Стрэнека к прессе, в котором он заявлял, что заплатил мисс Доув три тысячи фунтов в банкнотах за собственность, стоившую в три раза больше, ничуть ему не помогло. Мистер Стрэнек даже не попытался объяснить, почему, как засвидетельствовал банк, мисс Доув так и не поместила на счет те банкноты, которые он якобы ей передал.

“Где пропавшие банкноты? — вопрошала “Ивнинг рекорд”, осмелевшая больше других газет. — Мистер Стрэнек предоставил прессе их номера, присовокупив к ним просьбу о помощи в розысках. Со своей стороны мы готовы предоставить мистеру Стрэнеку любую помощь, какая ему может понадобиться, — при условии, что кто-то из сотрудников редакции сможет обыскать его лондонский дом”.

Угрожая засудить всех за клевету, мистер Стрэнек позволил сотруднику редакции “Ивнинг рекорд” обыскать его лондонский дом. Сотруд-

ник редакции (не без помощи, стоит признать, анонимного телефонного звонка) нашел банкноты на три тысячи за плинтусом в столовой — номера совпали с опубликованными.

После того как эти факты были доведены к заявлению Скотленд-Ярда о том, что из дома мисс Доув, помимо прочего, была похищена владенная, дело против мистера Стрэнека было готово: его обвиняли в хищении, вовлечении ничего не подозревающего адвоката в махинацию с договором и подделке подписей мисс Доув и двух свидетелей. Никто не верил, что он мог проявить интерес к Гильдии юных девиц, поэтому чек, выданный им на покупку пианино, воспринимался как предлог для получения подписи Фиделити.

После обнаружения банкнот сэру Фрэнку Роутону осторожно наметнули, что мистер Стрэнек, хотя и не признает заявления мисс Доув, готов обсудить вопрос возмещения ущерба, который, как она полагает, был причинен ей его действиями.

Фиделити опоздала на встречу, назначенную в конторе сэра Фрэнка. Когда она вошла, сэр Фрэнк, адвокат Стрэнека и инспектор Рейсон одновременно поднялись. Сам мистер Стрэнек остался сидеть.

Разговор начал адвокат мистера Стрэнека:

— Мадам, мой клиент полагает, что слух о вашем намерении подать в суд...

— Ха! — взорвался мистер Стрэнек. — Кончай болтать! Меня надула эта мошенница! Это я должен подавать на нее в суд!

Присутствующие запротестовали, но рык мистера Стрэнека заглушил их доводы:

— Думаете, я не понимаю, когда меня пытаются подставить?! Кто грабанул сейф?! Да вы сами, вы, мисс Доув, — спросите инспектора. Кто подделал подпись на договоре и расписке?! Вы сами — с чека, который обманом вынудили меня выписать какой-то дурацкой гильдии. Кто подбросил банкноты мне домой?! Один из ваших дружков-грабителей. Спросите инспектора!

— Подобные вопросы инспектору можно было бы задавать, мистер Стрэнек, — вставил слово сэр Фрэнк, — если бы он был свидетелем на суде по делу о заговоре мисс Доув.

— Молчать! Думаете, я сам не знаю? Думаете, она бы сюда заявила, если бы не знала, что я у нее на крючке? Что в суде мне пришьют фальсификацию документов, грабеж и еще пару статей? А против инспектора я ничего не имею, это он мне глаза и раскрыл — но в суде мне делать нечего. Придется просто сидеть и слушать, во что мне вся эта история обойдется.

Фиделити посмотрела глазами милосердного, всепрощающего ангела на человека, который хотел отнять у жителей Своллоусбата дома и уничтожить дивную красоту этого места в угоду своей алчности. Потом она промокнула уголки глаз кружевным платочком и надломленным голосом произнесла:

— Сэр Фрэнк, вы могли бы оградить меня от этих оскорблений. Зачем вы позволили мне сюда прийти? Но — ах! — как же мне больно за этого несчастного человека.

— Лицедейство! — завопил Стрэнек, а потом, когда Фиделити направилась к двери, торопливо добавил: — Что вы намерены делать, мисс Доув?

— Я ничего не могу поделать. Полиция и так уже здесь. — Она слегка кивнула Рейсону. — Я ничего не знаю о законе — но уверена, что никак не смогу отвести от вас руку Справедливости. Разве не так, сэр Фрэнк?

— Думаю, сэр Фрэнк поддержит меня, — произнес адвокат мистера Стрэнека, — если я скажу, что сейчас все дело зависит от вашего взгляда на происшедшее, мисс Доув. Если вы готовы принять заверения моего клиента, что он никоим образом не причастен к случившемуся — и очернен невероятным, но ужасным стечением обстоятельств...

— Но, мистер Уорн, — произнесла Фиделити пылко, — верит ли он сам, в глубине души, в то, что говорит?

Сэр Фрэнк обменялся взглядом с Рейсоном. Оба мужчины, пожав плечами, отвели глаза.

— Что ж, тогда вот что я скажу, — процедил Стрэнек. — Я всему виной. Я был небрежен. Я купил владенную у грабителей, уверивших меня, что ваша подпись подлинна. Мне стоило предпринять шаги и удостовериться, что это так, но я бездействовал. Я приказал снести ваш дом. Я искренне молю вас о прощении и прошу позволить возместить нанесенный ущерб.

Мистер Стрэнек говорил с ядовитой иронией — было ясно, что он не верит ни единому своему слову.

— Это меняет дело, не так ли, сэр Фрэнк? — спросила Фиделити. — Я не желаю быть причиной чужих страданий.

ний. Мы не должны отворачиваться от тех, кто искренне раскаялся.

— Мой клиент предлагает десять тысяч фунтов, — сказал адвокат.

— Это — примерная рыночная цена собственности, — отозвался сэр Фрэнк, успевший прийти в себя. — А как же моральный ущерб?

— Моральный ущерб, — произнесла Фиделити с видом кроткой доброжелательности, который показался Рейсону весьма знакомым. — Об этом я и не думала. Как можно возместить моральный ущерб от уничтожения красоты? Ах, от этого не откупиться простыми деньгами, мистер Стрэнек. Красоту можно компенсировать лишь красотой. Способны ли вы на это, мистер Стрэнек?

— О да, я способен. Я готов отдать вам весь Своллоусбат с потрохами — леса, дома, гостиницы и все остальное, если пожелаете! — ответил мистер Стрэнек, подчеркнув бездонность своей иронии невероятно громким хохотом.

— Да, это было бы настоящее раскаяние, — сказала Фиделити с одухотворенной улыбкой. — Я принимаю ваше предложение...

— *Что?!* Вы что, приняли это всерьез? — проревел мистер Стрэнек, подпрыгнув на стуле.

— Вы *шутили* на такую тему? — произнесла Фиделити.

Каждое ее слово прозвучало упреком.

— *Разумеется*, шутил — если это можно назвать шуткой! Неужели вы думаете, что я настолько глуп...

— Вы шутили, — вздохнула Фиделити. — У вас каменное сердце, мистер Стрэнек, а слова о раскаянии — коварная ложь. Я больше не в силах вам помочь. Инспектор Рейсон, исполните свой долг.

— Я опять пошутил, — слабым фальцетом произнес мистер Стрэнек. — То есть весь Своллоусбат — целиком — ваш.

— Я не понимаю вашего юмора, мистер Стрэнек, — сказала Фиделити. — Но не смею судить странности ближнего. Если вы искренни, сэр Фрэнк Роутон организует но-та-ри-аль-ную передачу прав, если это так называется.

— О да, так и называется, — простонал мистер Стрэнек.

Фиделити печально покачала головой, глядя на него, и покинула комнату.

Мистер Стрэнек расстегнул жилет. Рейсон, сэр Фрэнк и мистер Уорн смотрели на него с тревогой, но Стрэнек заговорил спокойно — быть может, даже благоговейно.

— Я снимаю перед этой женщиной шляпу, — сказал он. — Такая красота — *простыми деньгами* тут не откупишься. Простыми деньгами я заплатил тридцать пять тысяч за Своллоусбат. В простых деньгах те две гостиницы, которыми она теперь владеет, приносят годовой доход в восемь тысяч триста фунтов. Цена аренды...

Голос мистера Стрэнека печально задрожал и стих.

Г. К. Бейли

1878–1961

Перевод и вступление Лидии Хесед

ГЕНРИ БЕЙЛИ — невысокий господин в строгом костюме, хозяин небольшого дома в Северном Уэльсе, увлеченный садовод и страстный коллекционер почтовых открыток. В период между войнами он был главным детективным писателем Великобритании, затмевавшим признанных классиков жанра, таких как Агата Кристи и Дороти Сэйерс. Самые строгие критики тех лет — Эллери Куин и Говард Хэйкрафт — единодушно признавали его королем английского детектива. “Его рассказы действуют как удар током: вы находитесь в постоянном напряжении, и с каждым новым поворотом сюжета сквозь вас будто проходит электрический разряд”, — так пишет о Бейли в 1940 году газета “Таймс”.

Генри Кристофер Бейли родился в Лондоне в 1878 году. Как и многие члены английского Детективного клуба, он с отличием окончил Оксфорд (колледж Корпус-Кристи), после чего устроился корреспондентом в “Дейли телеграф”, где проработал более сорока лет, часть из них — бок о бок со своим не менее известным современником Э. К. Бентли. Виртуозно совмещая написание ежедневных журнальных обзоров и детективных историй, Бейли прославился как один из самых плодовитых авторов своего времени: при жизни он опубликовал 107 рассказов и 29 романов, значительная часть которых была включена практически во все антологии английской прозы первой половины XX века.

H.C. BAILEY

В 1908 году Бейли женился на Лидии Гест, у них родились две дочери. Большую часть жизни семья прожила в Лондоне (лишь в поздние годы Бейли с женой смогли осуществить свою давнюю мечту — уехать в Северный Уэльс и жить на море).

Бейли-писатель начинал не с детективов, а с коротких очерков, которые он делал на фронте, будучи военным корреспондентом, однако именно истории о Реджи Фортуне принесли ему известность. В период с 1920 по 1940 год Бейли написал двенадцать сборников о похождениях своего героя, в каждый из которых вошло по пять-шесть рассказов. Кроме того, Бейли писал исторические романы.

Бейли успешно пополнил галерею детективных персонажей, подарив читателям Реджи Фортуна — искусного врача, знатока древностей, ученого с блестящей интуицией — и его антипода Джошуа Кланка — профессионального юриста, практичного и хваткого дельца и одновременно любителя церковного пения.

Начиная с “Чаепития у эрцгерцога”, написанного в 1919 году, Реджи Фортун стал любимым персонажем читающей публики. Как и Шерлок Холмс, Реджи — сыщик-любитель, однако он охотно сотрудничает с полицией. Как и Джон Торндайк, персонаж Ричарда Фримана, он врач и ученый, не упускающий ни одной детали. Бейли наделил своего героя собственными чертами, передав ему любовь к садоводству, коллекционированию насекомых и интерес к редким книгам. И наконец, Реджи Фортун не лишен интуиции — любое запутанное расследование неизменно увенчивается неожиданным успехом.

“**ДЛИННЫЙ** курган”, вошедший в третий сборник по хождений Реджи “Злоключения мистера Фортуна”, — один из лучших образцов творчества писателя. Действуя вопреки всякой логике, Реджинальд Фортун в очередной раз мастерски раскрывает преступление, еще раз подтверждая любимый принцип своего создателя: “Главное правило состоит в том, что правил не существует”.

© Л. Хесед, перевод на русский язык и вступление, 2011

РАССКАЗ “ДЛИННЫЙ КУРГАН”
ВПЕРВЫЕ БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1925 ГОДУ
В ЖУРНАЛЕ “ЛОНДОН МЭГЭЗИН”.

THE LONG BARROW

//////////////// THE LONDON MAGAZINE, 1925. //////////////////

Г. К. БЕЙЛИ

Длинный курган

Мистер Реджинальд Фортун вернулся из зоопарка в глубокой задумчивости. Его вызывали на дознание в связи со смертью лемура Зулейки — происшествием загадочным и печальным.

Он велел подавать чай, но вместо этого ему принесли визитную карточку. Некая мисс Изабелла Вудолл, не указавшая своего адреса, желала получить консультацию: она ждала уже полчаса. Мистер Фортун вздохнул и направился в приемную.

Когда он вошел, мисс Вудолл встала. Это оказалась крупная светловолосая женщина в простом темном платье; она была уже немолода, однако сумела сохранить неброскую красоту.

— Мистер Фортун? — произнесла она с приятной застенчивой улыбкой.

— Он самый. Вы, вероятно, не знали, но сейчас я не занимаюсь врачебной практикой.

— Но мне нужна вовсе не медицинская консультация. Я пришла к вам не как пациентка, мистер Фортун.

Я не больна... по крайней мере, надеюсь. Я хочу посоветоваться с вами по поводу одной загадки.

— Нет-нет, мисс Вудолл, я не разгадываю загадки, разве что изредка помогаю полиции.

— В полиции и знать ничего не хотят, только смеются надо мной, — сказала она, комкая в руках платок. — Я так страшно волнуюсь, мистер Фортун, просто не знаю, что делать. — В ее больших глазах читался испуг. — Не могли бы вы выслушать меня?

Реджинальд Фортун решил, что мог бы: посетительница была миловидна. Он открыл дверь кабинета.

— Я секретарша мистера Ларкина, — объяснила она. — Мистер Джозеф Ларкин — вы, вероятно, слышали о нем?

— Антиквар? — пробормотал Реджи.

— Археолог, — сухо поправила его мисс Вудолл. — Это самый авторитетный в Англии специалист по каменному веку. Он живет в усадьбе Рестхарроу на окраинах Дорсетшира, на границе с заповедником Нью-Форест в

окруте Сток-Аббас. — Как она и ожидала, Реджи тут же сделал себе пометку. — Там я и работаю, но в последнее время моя жизнь стала невыносима. — Ее голос зазвенел. — Кажется, кто-то хочет от меня избавиться.

— Понятно. А теперь начнем с начала. Вы давно работаете у мистера Ларкина?

— Более полугода.

— И раньше жизнь не была невыносимой?

Она удивленно посмотрела на него.

— Что вы, конечно нет. Ничего подобного со мной до сих пор не происходило. Мистер Фортун, вы ведь не думаете, что это делает сам мистер Ларкин?

— Я еще не начал думать, — ответил Реджи. — Итак, вы тихо безбедно жили до тех пор, пока не стали секретаршей мистера Ларкина. Что же случилось потом?

— Сначала, пока мы жили в Лондоне, все было абсолютно спокойно. Весной мистер Ларкин уехал к себе в Сток-Аббас. Это чудесное место: вересковые поля в окружении холмов. Мистер Ларкин давно хотел заняться изучением доисторических памятников, которые сохранились в тех местах: там множество древних развалин и захоронений.

— Да-да, несколько длинных курганов.

Мисс Вудолл сжала руки и вся подалась вперед.

— Вот именно, мистер Фортун, — тихо, но с воодушевлением произнесла она. — Мистер Ларкин собирается раскопать курган в Сток-Аббасе. Вы ведь слышали об этом?

— Боюсь, что нет, — ответил с улыбкой Реджи. — До сих пор мистер Ларкин не привлекал моего внимания.

Мисс Вудолл откинулась на спинку стула.

— Да будьте же вы хоть чуточку серьезней! — в раздражении воскликнула она. — Вы говорите прямо как эти безмозглые полицейские, они только смеются надо мной, как над полоумной! Но ведь то, что происходит, — это ужасно, мистер Фортун!

— Может быть, вы расскажете, в чем дело? — в очередной раз предложил Реджи.

— Это трудно объяснить. — Мисс Вудолл отвела взгляд. Она оправила на груди платье и продолжила: — Понимаете, я не могу точно сказать, что происходит, но мне кажется, кто-то желает мне зла, кто-то хочет мне навредить. За мной следят, мистер Фортун, меня преследуют, куда бы я ни шла.

Реджи вздохнул. Такие жалобы часто приходится выслушивать терпеливым докторам и недоверчивым полицейским.

— Кто вас преследует? — устало спросил он.

— Не знаю, но я уверена, что кто-то за мной наблюдает! За мной все время следят!

— Зачем кому-то следить за вами, мисс Вудолл?

— Вот именно это я и хочу узнать! — Она вновь сорвалась на крик. — Он преследует меня, мистер Фортун. Я слышала его. Я видела его тень.

— Так вы уверены, что это мужчина? — заметил с улыбкой Реджи.

— Вы мне не верите? — Мисс Вудолл начала сердиться. — Это еще не

все. Если я иду куда-нибудь одна, то непременно нахожу на дороге мертвых птиц и зверей.

— Неужели? — Реджи подался вперед.

Ей казалось, что он все еще смеется над ней.

— Да, именно так. Мне уже подбрасывали двух ворон, еще какую-то птицу, кажется сойку, и мертвую ласку. Это невыносимо! — произнесла она и вздрогнула.

— Повышенная смертность среди животных в Сток-Аббасе, — пробормотал Реджи. — От чего они умерли, мисс Вудолл?

— Господи, откуда я знаю? Они мне везде попадаются, совсем мертвые!

— Да, это очень интересно, — заметил Реджи.

— Мне страшно, мистер Фортун. Что все это значит?

— Я бы и сам хотел знать, — сказал Реджи и добавил: — Я займусь вашим делом, мисс Вудолл.

— Вы? Сами? Как же я вам благодарна! Если бы вы только смогли мне помочь! Я так хочу, чтобы все скорее прояснилось! — Она продолжала горячо его благодарить, одновременно роясь в сумочке. — Не знаю, сколько я вам должна, мистер Фортун.

— Нисколько, мисс Вудолл.

Отделавшись от нее, Реджи принялся искать в справочнике имя мистера Ларкина.

“Любопытно”, — подумал он и вновь велел подавать чай.

На следующий день Реджи отправился на ленч в один из своих любимых клубов — туда, где знают толк в селедке. Там его заметил начальник

Департамента уголовных расследований и подсел к нему за столик. Оба ценили простые радости жизни и потому немедленно углубились в дискуссию о том, следует ли мариновать селедку с гвоздикой или без.

— Реджинальд! — воскликнул наконец достопочтенный Сидней Ломас. — Я так увлекся нашей беседой, что совершенно забыл, о чем хотел с вами поговорить. Мне сегодня попалась редкая птица — некий Джозеф Ларкин, археолог. Он сказал, что...

— Он сказал, — прервал его Реджи, — что собирается раскапывать длинный курган в Сток-Аббасе, что какой-то враг научного прогресса ему в этом мешает, что его никто не любит и что непонятно, куда смотрит полиция? Я прав, сэр?

— Как вы догадались, Реджинальд? Что это: телепатия или подсказки с того света?

Реджи усмехнулся:

— “Краткий путеводитель по тому свету” под редакцией Реджинальда Фортуна. Нет, Ломас, друг мой. Никаких фокусов. Белокурая Изабелла поведала мне о своих страданиях.

— Это мисс Вудолл, секретарша? Так она у вас была? Старик ничего об этом не говорил.

— А белокурая Изабелла не говорила, что Джозеф пошел к вам.

Они переглянулись.

— Какое странное недоверие друг к другу, — заметил Ломас.

— Да, любопытно. Ну так что же рассказал вам Джозеф? За ним следят, если он идет куда-нибудь один? Ему подбрасывают на дорогу мертвых зверей и птиц?

Если бы вы только смогли мне помочь!

— Нет, их приберегли для мисс Вудолл. Старика преследуют, и по ночам он слышит странные звуки. Он совершенно уверен, что они раздаются снаружи.

— Изабелла ничего не говорила про звуки, — пробормотал Реджи.

— Джозеф говорит, она их не слышала, а он не хочет ее волновать: она и так достаточно напугана. Кажется, он сходит с ума по своей секретарше — и в этом его беда. Что вы, кстати, о ней думаете?

— Ей страшно, хотя на трусиху она не похожа. Все это очень странно.

— А по-моему, все просто, — заявил в ответ Ломас, пожимая плечами. — Старик едет в эту глушь, чтобы раскопать старую могилу, местным жителям это не нравится, вот они и выдумывают всякие трюки, чтобы запугать его. По крайней мере, так думает тамошняя полиция. Я звонил туда сегодня.

— И полиция, конечно, не хочет идти против своих из-за двух чужаков.

— Их можно понять, — улыбнулся Ломас. — Боюсь, нам здесь делать нечего.

— Интересно все-таки, почему он пошел к вам, а она — ко мне?

— Друг мой! Они оба напуганы, хотят это друг от друга скрыть, и каждый ищет помощи в одиночку.

— Да, это очень похоже на правду. Вы что-нибудь знаете о них?

— Джозеф — человек со средствами. Изабелла пришла к нему полгода назад. По его словам, она настоящий знаток своего дела! У нее классическое образование! Для его работы это просто находка, одна на тысячу.

Реджи улыбнулся:

— Для его работы! Друг мой, нет у него никакой работы! Он просто сумасброд, хватается то за одно, то за другое. На что ему сдался именно этот длинный курган? Почему Изабелла так боится преследований? Она ведь вовсе не трусиха и не дура!

— Не понимаю, к чему вы клоните, Реджинальд, — сказал, нахмурившись, Ломас.

— Я сам не понимаю, и это меня беспокоит. Я хочу съездить завтра в Сток-Аббас. Сомной поедет Андервуд.

— Так что у вас все-таки на уме? — спросил Ломас.

— Все не так просто, как кажется.

На следующее утро Реджинальд заехал на своей машине за сержантом Андервудом и вместе с этим стражем порядка отправился в сторону Саутгемптона. Сержант Андервуд, похожий внешне на прилежного наивного студента, полулежал, откинувшись на сиденье, и наслаждался скоростью и гудением мощного мотора. Реджи изучал крупномасштабную топографическую карту. Они как раз подъезжали к Бэгшоту, когда Реджи отложил в сторону карту и спросил:

— Как вы думаете, мой мальчик, вам понравится эта работа?

— Мне нравится работать под вашим руководством, мистер Фортун. Однако я не совсем понимаю, что должен делать.

— Вы будете ловить бабочек. Вы — перспективный молодой энтомолог, который охотится за редкими видами в окрестностях Нью-Фореста. — Далее последовала импровизированная лекция об английских бабочках и мотыльках. — “Краткий курс энто-

мологии под редакцией Реджинальда Фортуна". Вопросы есть?

Сержант Андервуд вздохнул. Напряженная работа мысли отразилась на его безмятежном лице.

— Нет, сэр... да, сэр... Мистер Ломас говорил что-то о длинном кургане. Я не знаю толком, что такое длинный курган, но при чем здесь бабочки?

— Ни при чем. Длинный курган — это насыпь над древней могилой. Возрастом в несколько тысяч лет. — Реджи вновь открыл топографическую карту. — Вот наш длинный курган. Мистер Ларкин и мисс Вудолл, которые живут в этом доме, хотят раскопать его. И там творится что-то странное. Вы снимете комнату в какой-нибудь гостинице поблизости, но не слишком близко, будете следить за курганом, следить за ними, следить за всем, что движется, — и не забывайте ловить бабочек.

В Саутгемптоне Реджи купил сержанту полный набор для ловли бабочек и посадил его на поезд, предоставив ему самостоятельно добираться до Сток-Аббаса. Машина, проехав через зеленые луга Нью-Фореста, оказалась среди вересковых пустошей.

Был пасмурный день: воздух над полями казался сизым, темные волны вереска сливались с черной землей, лес вдалеке был бесцветным, а очертания меловых холмов на севере терялись в тумане. Мистер Фортун попросил остановить машину и осмотрелся. Серый дым поднимался из труб невидимых домов, укрывшихся в низине. Вокруг, насколько хватало взгляда, не было ни людей, ни жилья. Не было видно даже скота. Лишь летали мухи и бабочки, да еще слыша-

лись в тяжелом воздухе стрекот кузнечиков и жужжание пчел.

— Пустынно, правда, Сэм? — сказал мистер Фортун и вышел из машины.

— Да, не то что в Лондоне, — ответил шофер.

Мистер Фортун заметил тропу, которая шла сквозь вересковое поле. Идти по ней было тяжело: она была настолько вытоптана, что скорее напоминала глубокую канаву. Раньше по ней, видимо, часто ходили, но теперь она почти совсем заросла. Тропа вела мимо серой лачуги, скрытой в зарослях вереска; неподалеку от дома стоял на привязи лохматый ослик, а рядом копошились в песке несколько старых бойцовых петухов. Вересковая крыша местами прохудилась, обнажились деревянные прутья, маленькие окошки были не занавешены.

Тропа вела к крутому холму. Мистер Фортун, не будучи любителем пеших прогулок, тяжело вздохнул и начал подниматься вверх. На одном из склонов холма он заметил длинный глубокий след, похожий на шрам. Подойдя ближе, Реджи увидел двойной ров и старый крепостной вал. Он перелез через него и вышел на плоскую вершину холма. Отсюда начинался длинный курган Сток-Аббаса.

Ни мистер Джозеф Ларкин, ни кто-либо другой еще не вел здесь раскопки. Курган был сплошь покрыт вереском и можжевельником. Посевший от времени дерн долгие годы никто не поднимал. Реджи смотрел на вересковую пустошь, простиравшуюся на тысячи миль до горизонта, и не видел ни души. Правда, ему

удалось увидеть кролика, который бежал к своей норе. Реджи пошел в ту сторону и стал спускаться по склону. Неподалеку он увидел человека, который вязал из вереска небольшие веники и был настолько поглощен своим занятием, что не замечал ничего вокруг.

— Добрый день, — сказал мистер Фортун, остановившись. — Не подскажите, как называется место там, наверху?

Человек распрямил согнутую спину, поднял голову, казавшуюся слишком большой для его маленького тела, и Реджи увидел перед собой смуглое широкоскулое безбородое лицо. Взгляд у незнакомца был как у затравленного зверя.

— Не знаете, что это такое наверху? — вновь спросил Реджи.

— Драконий холм это, Драконий холм! — выкрикнул тот, схватил веники и нырнул в кусты. У него были широкие плечи и короткие ноги, однако бежал он с потрясающей скоростью.

Мистер Фортун поплелся обратно. Он сел в машину и поехал к мистеру Джозефу Ларкину, чей особняк, обсаженный кустами рододендронов, стоял вдали от деревни и напоминал плоскую коробку из красного кирпича. Мистера Ларкина не было дома. Впрочем, как и мисс Вудолл.

Безлико обставленная гостиная производила унылое впечатление. Здесь не было ни одной книги, кроме "Потерянного рая" с иллюстрациями Юстава Доре. Мистер Фортун пожегся и принялся было расхаживать по комнате, как вдруг заметил на письменном столе каталог букиниста.

Мистер Ларкин демонстрировал странный вкус в отношении книг. Он отмечал самые разные вещи. Среди прочего здесь был сборник чьих-то проповедей, детская книжка с картинками, "Бережливость" Смайла*, история авиации, а также кое-что из Исаака Уолтона**. Книги были помечены особым образом: одна из букв в названии была подчеркнута. Реджи задумался: подчеркнутые буквы образовывали сочетание SKUTHAI. Возможно, в каталоге были и еще такие же выделенные буквы. Тут с улицы послышались голоса, и Реджи положил каталог на место.

В комнату вошел круглолицый пожилой господин, сияя улыбкой.

— Мистер Реджинальд Фортун? Не думал, что буду иметь удовольствие...

— Вы обращались в Скотленд-Ярд, мистер Ларкин?

— Ах, вы от мистера Ломаса? Это очень, действительно очень любезно с вашей стороны! — Его розовощекое лицо еще шире расплылось в улыбке. — Идемте в кабинет, и я вам все расскажу.

Рассказывал он долго, однако ничего нового не сказал. Как раз на середине его монолога в комнату торпливо вошла мисс Вудолл.

— Мистер Фортун! Вы сами приехали к нам — вы так добры, — сказа-

* Сэмюэл Смайл (1812–1904) — шотландский писатель и реформатор. Автор ряда назидательных книг — "Бережливость", "Помощь себе", "Жизнь и труд", "Самодеятельность".

** Исаак Уолтон (1593–1683) — английский писатель. Автор нескольких биографий своих современников-литераторов, среди которых "Жизнь и смерть Джона Донна" (1640). Известен как автор книги "Искусный рыбак" (1653).

ла она, пожимая руку Реджи и одновременно посылая улыбку Джозефу.

Улыбка пришла очень кстати: мистер Ларкин явно был в замешательстве.

— Моя дорогая, разве вы знакомы с мистером Фортунум? — спросил он, нахмурившись.

— Я слышала, что он выдающийся специалист, и обратилась к нему по поводу этой невыносимой ситуации.

— Но, дитя мое, вы ничего мне об этом не сказали.

— Я не хотела беспокоить вас, мистер Ларкин, — ответила она и дотронулась до его плеча.

— Конечно, конечно. Однако вам не следовало этого делать, право же, дорогая. Предоставьте все мне.

— Вы так добры, — прошептала она.

— Я уже все устроил, — проворковал в ответ мистер Ларкин. — Я начал с истоков, в нашем случае это мистер Сидней Ломас. А вот и наш эксперт. — Тут он лучезарно улыбнулся Реджи. — Теперь, полагаю, вы все знаете, мистер Фортун.

— Не совсем, — пробормотал Реджи. — Почему вас интересует именно этот курган, мистер Ларкин?

Мистер Ларкин принялся объяснять. Это тянулось очень долго. Реджи узнал, что финикийцы жили везде и придумали все еще до начала времен. Мистер Ларкин посвятил всю жизнь тому, чтобы это доказать. Его теорию подтверждали многие доисторические памятники в разных странах. Он приехал в Сток-Аббас для того, чтобы дописать свою великую книгу "Происхождение мира", и обнаружил великолепный

курган буквально у себя на пороге. Мисс Вудолл очень удачно посоветовала ему...

— Мистер Ларкин, боюсь, что все не я подала вам эту идею, — возразила она с улыбкой. — Я не такой специалист, чтобы давать советы.

— Ну что вы, моя дорогая, вы очень способная помощница. Мы решили, что, как только книга будет закончена, мы примемся за раскопки Драконьего холма, мистер Фортун!

— С этого и начались ваши проблемы, — пробурчал Реджи себе под нос. — У вас были какие-нибудь особые причины, чтобы поселиться в Сток-Аббасе?

Мистер Ларкин посмотрел на мисс Вудолл.

— Я... я не знаю. Из всех домов, которые вы осматривали, этот показался вам наиболее подходящим, не так ли, дорогая?

— Да, самым подходящим. Видите ли, мистеру Ларкину для работы необходим покой.

— А здесь царит такая чудесная тишина, моя дорогая, — промурлыкал он ей в ответ, чем несколько смутил Реджи.

— Волшебная тишина!.. Если бы только мистер Фортун сумел положить конец этим безобразиям! Надеюсь, вы останетесь у нас, мистер Фортун?

Спать в Рестхарроу ложились рано. Около полуночи мистер Фортун, который только-только начал засыпать, проснулся от странного звука, похожего на завывание ветра во время урагана. Но никакого урагана не было. Он подошел к окну. Луна вышла из-за туч, но, кроме темных зарослей

рододендрона, не было видно ничего. Раздался тихий стук в дверь — и в комнату вошел мистер Ларкин. В руках он держал зажженную свечу, которая освещала его бледное лицо.

— Этот звук, мистер Фортун, — сказал он, — что это может быть?

— Вот и мне интересно. Мисс Вудолл спит в другом крыле?

— Да. Не думаю, чтобы ей было слышно. Звук то появляется, то исчезает. То перестанет, то опять начнется — и так полчаса. Крайне неприятно. Что же это такое, мистер Фортун?

— Я бы и сам хотел знать, — пробормотал Реджи.

Они стояли и прислушивались, дрожа от холода, а когда наконец все затихло, Реджи с трудом уговорил мистера Ларкина вернуться к себе в комнату и лечь в постель.

Реджи встал рано. Он видел, как принесли почту и мистер Ларкин с мисс Вудолл уже ждали ее. Мистер Ларкин игриво отобрал у мисс Вудолл все письма и стал их перебирать, приговаривая: "Ведь я же должен следить за вашей перепиской, моя дорогая". Реджи показалось, что пожилой джентльмен очень ревниво относится к своей белокурой секретарше. Однако из всей почты ей был адресован только книжный каталог.

После завтрака оба закрылись в кабинете и погрузились в работу. Мистер Фортун отправился на прогулку и встретил по дороге сержанта Андервуда, который преследовал в поле бабочку-капустницу. Он ожесточенно размахивал сачком.

— Эта битва за вами! — произнес, улыбаясь, мистер Фортун. — Какой свирепый вид! Друг мой, не будьте

так жестоки! Обойдемся без кровопролития!

Сержант Андервуд вытащил сачок из зарослей ежевики и вытер пот со лба.

— Да я никак не могу поймать этих тварей, — возразил он.

— Не важно. Видно, что вы увлечены работой! Приглядывайте вон за той лачугой там, в ущелье, я хочу знать, кто оттуда выйдет и что будет делать.

После ленча мистер Ларкин и мисс Вудолл решили отдохнуть от своих занятий. Он удалился к себе в спальню, а она решила посидеть в саду. Реджи вышел на улицу. На западной стороне Рестхарроу в изобилии росли липы и вязы, которые защищали дом от ветра. Реджи забрался на один из вязов так, чтобы полностью скрыться в листве. Он увидел, как мисс Вудолл покинула сад и направилась куда-то одна. Она свернула на тропинку, которая шла через вересковое поле. Реджи достал из кармана бинокль. Она остановилась, оглянулась вокруг и присела. Реджи видел только ее спину, однако он сумел разглядеть, что она склонилась над каким-то листком бумаги. Вдруг поблизости возникла чья-то черная фигура, неизвестный подошел к самой тропе, а затем бросился назад и нырнул обратно в кусты. Мисс Вудолл поднялась и пошла, постепенно ускоряя шаг. Реджинальд продолжал следить за ней в бинокль. Она шла в сторону деревни и вскоре исчезла из виду.

Реджи спустился на землю и пошел навстречу мисс Вудолл, которая уже возвращалась к дому.

— Вы гуляете одна? Смелый поступок!

— Вы так думаете? Знаете, что я нашла на дороге?

— Да, я видел: мертвого горностаю.

— Это невыносимо! Что это может означать, мистер Фортун?

— Не стоит об этом беспокоиться, — ответил Реджи и пошел дальше. Он заметил порхающий над кустами сачок.

— Все это очень подозрительно, сэр, — заявил ему при встрече сержант Андервуд. — Из хижины вышел какой-то коротышка, с виду похожий на цыгана, и принялся бродить в этих кустах. Такое ощущение, будто он проверял ловушки, поставленные на зверя. Он забрал добычу и сел вязать веники. Когда женщина вышла из дома, он подбросил зверька на тропу и убежал. Очень подозрительно.

— Ничего особенного, — уныло ответил Реджи. — Впрочем, лучше разобраться с этим типом. Отправляйтесь-ка в гостиницу, друг мой, вам не помешает хорошенько подкрепиться и выспаться. Как только стемнеет, подходите к хижине — вы мне понадобится.

Вскоре после ужина Реджи, сказавшись усталым, отправился к себе в комнату. Он выкурил сигару, дождался, пока все лягут спать, надел пижаму и туфли на резиновой подошве и, стараясь действовать как можно незаметнее, вылез из окна. Он притаился в кустах рододендрона. Была тихая ясная ночь. Реджи мог видеть далеко перед собой, ему был слышен малейший шорох. Вдруг в абсолютной тишине за изгородью раздался звук, похожий одновременно на рев и свист. Мистер Фортун стал, как ему казалось, неслышно подкра-

дываться. Краем глаза он увидел невысокого человека, который крутил в руках веревку с каким-то грузом на конце. Внезапно звук стих, и человек сорвался с места. Мистер Фортун бросился в погоню, однако он никогда не был силен в беге. Незнакомец сразу оставил его далеко позади и вскоре исчез в зарослях. Реджи потрусил к хижине и, добравшись до нее, негромко свистнул.

Он обнаружил сержанта Андервуда, который подмял под себя сопротивляющегося коротышку.

— Я полицейский, ясно? — говорил Андервуд. — Поэтому води себя спокойно, не то пожалеешь.

Реджи осветил фонарем широкое смуглое лицо вязальщика веников и сделал Андервуду знак отпустить его.

— Ты доставил нам много хлопот, — печально произнес он. — Почему ты беспокоишь леди? Ей не больно-то нравятся дохлые горностаи.

— Не ихнее это место, — мрачно ответил тот. — Пусть к себе уходят.

— Да и пожилого джентльмена изводишь этими дикими звуками. Так дело не пойдет.

— Они тоже пусть совсем уходят. Тут не ихнее все.

— Но они ведут себя очень тихо и не причиняют никому вреда

— Тьфу! Очень даже причиняют, сударь. Они хотят копать Драконье логово! Негоже это, сударь!

— Но ведь ничего не случится, если они посмотрят, что там, в старом кургане.

— Ну, Джайлзу-то ничего не будет. Джайлз тут жил еще до них до всех, все наши жили здесь десять тысяч лет назад и еще раньше! Джайлз оста-

нется и тогда, когда их и след простынет. Никогда не суй нос в Драконье логово — там смерть, сударь.

— Разве на твоей памяти кто-нибудь от этого умер? — спросил Реджи.

— На моей памяти — нет, но смерть там живет, это точно. Скажите им, сударь, пусть уходят отсюда и ничего тут не трогают.

— Друг мой, они не причинят тебе никакого вреда. И ты не досаждай им! Больше никаких шуток, Джайлз, иначе нам придется посадить тебя за решетку.

Коротышка обхватил руками колени и запричитал:

— Не трогайте бедного Джайлза! Мы с родичами тут всегда жили! Джайлз закон уважает!

— Вот именно, что не уважаешь — охотишься на этих двух бедолаг. За это тебе самое место в тюрьме — ты и так причинил массу неприятностей, и если подобное повторится, тебя запрут в маленькой тесной камере — и больше никаких прогулок.

— Нет, сударь, вы же не обидите бедного Джайлза!

— Не обижу, если ты будешь хорошо себя вести. Я все про тебя знаю. Если у господ из Рестхарроу вновь будут неприятности, Джайлз попадет за решетку.

Коротышка тяжело вздохнул:

— Драконье логово отомстит им за Джайлза.

— Не забудь, что я тебе сказал. Кстати, где та штука, которой ты так гудел?

В ответ коротышка ухмыльнулся и вытащил из кармана изогнутую деревяшку со шнуром на конце. Он стал крутить ею над головой, раздался

звук, похожий на свист ветра во время бури.

Мистер Фортун так же, через окно, вернулся к себе в спальню и заснул сном праведника. На следующее утро он спустился к завтраку, когда хозяева уже вставали из-за стола.

— Прошу прощения! — сказал он. — Я провел беспокойную ночь.

В ответ мисс Вудолл выразила надежду на то, что его не потревожили.

— Не потревожили — заинтриговали.

Мистер Ларкин проявил крайнее любопытство: он предположил, что Реджи ходил куда-то ночью.

— Вы были ночью на вересковой пустоши? — Мисс Вудолл вздрогнула. — Я бы ни за что туда не пошла!

На это мистер Фортун заметил, принимаясь уже за третье по счету яйцо:

— А зачем вам туда идти? Впрочем, больше никто не будет вам досаждать. Мисс Вудолл, человек, который все это устраивал, впредь не будет вас беспокоить.

— Кто же это был? — спросила она с нетерпением

— Да не важно. Всего лишь один из местных жителей, набитый суевериями. Он считал, что раскапывать старый курган опасно, и решил вас припугнуть. Однако я сам припугнул его так, что он быстро все понял. Я думаю, стоит его простить, он больше вас не потревожит. Можете смело забыть о нем и приступить к раскопкам.

— Это потрясающе, просто потрясающе! — тут же затрепал мистер Ларкин. — Как замечательно вы разгадали эту загадку! И как быстро! —

Он продолжал рассыпаться в благодарностях.

— Вы уверены, мистер Фортун? — спросила мисс Вудолл.

— Вам нечего больше бояться, мисс.

— Чудесно! — произнесла она с улыбкой. — Вы не представляете себе, какое это облегчение!

Мистер Ларкин с головой погрузился в планы раскопок. По его словам, старик Уайт пообещал предоставить ему рабочих, пока не начался сбор урожая. Медлить нельзя — необходимо как можно скорее с ним увидеться. Почему бы не сегодня утром? Мистер Фортун, разумеется, останется понаблюдать за ходом раскопок — ведь это так интересно. Мистер Фортун покачал головой, но выразил надежду на то, что когда-нибудь ему позволят вернуться и посмотреть на находки.

— Мистер Фортун, я ловлю вас на слове! — воскликнул мистер Ларкин. — Мы будем ждать вас, не так ли, дорогая?

— Конечно, — отозвалась мисс Вудолл.

После завтрака они вдвоем отправились к старику Уайту — казалось, мистер Ларкин был не способен делать что-либо самостоятельно. Реджи остался дома дожидаться машины. Он расхаживал по кабинету. Все было тщательно убрано, все, кроме книг, было под замком.

“Какая предусмотрительность”, — подумал Реджи и заглянул в мусорную корзину. В ней лежала скомканная брошюрка. Это был букинистический каталог. Реджи вытащил его из корзины и развернул. В названиях некоторых книг были подчеркнуты буквы. Реджи пробежался глаза-

ми по страницам и сумел прочесть: *TAPHONOIGEIN*. В тот же миг с улицы послышался гудок автомобиля. Реджи бросил каталог обратно в корзину и поспешил выйти из кабинета, как только зазвонил дверной колокольчик. Когда горничная пришла сообщить ему, что машина прибыла, Реджи уже сидел у себя в спальне и писал письмо.

Автомобиль Реджи, урча мотором, пронесся по вересковому полю, проехал мимо человека, который ловил бабочек, замедлил ход и остановился. Шофер вышел проверить шины на задних колесах. В это время его пассажир высунулся из окна и осмотрелся вокруг. Когда машина уехала, на дороге остался лист бумаги. Ловец бабочек вышел на дорогу и поднял письмо. Сидящий в машине пассажир оглянулся и произнес:

— Гони быстрее, Сэм.

Вечером того же дня к достопрочтенному Сиднею Ломасу, чей рабочий день в Скотленд-Ярде уже подходил к концу, внезапно пожаловал мистер Фортун.

— Реджинальд, какая неожиданность! — произнес Ломас с явным удовольствием. — Ваше дело закончено? Так скоро покинуть прекрасную Изабеллу!

— Я бы не отказался от чая, если можно, некрепкого, — ответил на это мистер Фортун. — Изабелла очень интересная женщина. Да и Джозеф примечательная личность. У них сейчас абсолютная идиллия.

— Вам удалось выяснить, в чем дело?

— Это затеял один из местных, этакое дитя природы. Очень занятный

тип, чем-то похож на бушмена. Такие еще встречаются в глуши, его предки жили на этих полях сотни тысяч лет. Бедняга думал, что если кто-нибудь раскопает старый Драконий холм, то выпустит на свободу смерть. Видимо, это какое-то древнее поверье. Поэтому он принялся пугать Джозефа и Изабеллу знаками на дороге и своей палкой-завывалкой.

— Что это еще за палка-завывалка?

— Деревяшка наподобие бумеранга. К ней привязывают веревку и крутят над головой, от этого возникает ужасный шум. Многие дикари отпугивают ими чужаков и злых духов. Занятнейший реликт наш Джайлз. Мы поймали его с поличным и призывали к порядку. Тюрьма вызывает у него священный ужас, поэтому он пообещал вести себя хорошо. Теперь Джозеф и Изабелла смогут приступить к раскопкам.

В ответ Ломас с улыбкой заметил:

— Так это кто-то из местных валял дурака? Реджинальд, друг мой, мне выпало редкое счастье сказать вам: "Я же говорил!"

— Да, — ответил Реджи, допивая чай. — Скажите мне еще вот что, Ломас: почему они выбрали именно этот курган, ведь он даже не обозначен на карте, а кругом полно других отличных курганов... Я думаю, тут дело в Джозефе и Изабелле. Я нашел у них в доме букинистический каталог. В нем были подчеркнуты буквы *SKUTHAI*. Возможно, было что-то еще, я не успел досмотреть до конца, вошел Джозеф, а потом каталог исчез.

— Мало ли кто делает пометки в каталоге, — заметил на это Ломас.

— Да, но не всегда из пометок можно составить слово.

— Слово?

— Ломас, друг мой, я думал, вы получили классическое образование. *SKUTHAI* по-гречески обозначает "скифы", а в Афинах полиция состояла из скифов.

— Но это невероятно!

— Сегодня я нашел в мусорной корзине еще один каталог. На этот раз были подчеркнуты буквы *TAPHONOIGEIN*. Возможно, опять же, их было больше. На самом деле здесь два слова: *taphon oigein* — открыть могилу. Один из них — то ли Джозеф, то ли Изабелла — ведет с кем-то секретную переписку по поводу раскопок. Но зачем?

— С чего вы взяли? — возразил Ломас. — Эти двое сделали все возможное, чтобы привлечь внимание полиции. Если один из них действительно задумал неладное, то это последнее, что они стали бы делать.

— Как раз этому есть дюжина объяснений, — устало ответил Реджи. — Во-первых, если произойдет что-нибудь подозрительное, вы наверняка скажете: "Эти люди здесь ни при чем, ведь они сами обратились к нам за помощью", — что вы мне сейчас и продемонстрировали. Во-вторых, предположим, что виновен кто-то один. Узнав, что другой обратился в полицию, он решил из соображений безопасности сделать то же самое. В-третьих, они были оба напуганы. Они решили, что кто-то слишком много знает, и захотели это проверить. Наконец, друг мой, все, что здесь творится, так или иначе связано с этим курганом, на котором

оба буквально помешаны. Они хотят провести раскопки без лишнего шума.

— Очень оригинально, Реджинальд, и даже местами убедительно, — ответил, нахмурившись, Ломас. — Объясните мне, какая им выгода от этих раскопок, и я, пожалуй, начну вам верить.

— Совершенно никакой, это-то и интересно, — ответил Реджи.

— Мой дорогой друг! У вас слишком богатое воображение!

— Разумеется, нет. Я человек простой. Все необычное действует мне на нервы. Отсюда и моя скромная слава. Но воображение — мистер Ломас, как вы могли такое подумать?

— Ну-ну, там видно будет, — сказал, вставая, Ломас. — Если я обнаружу в песке чье-нибудь мертвое тело, дам вам знать.

— Отлично, — радостно ответил Реджи, не сдвинувшись с места. — Кстати, я оставил там Андервуда.

— Какого черта? — Ломас устался на Реджи и сел обратно. — И что он там делает?

— Ловит бабочек. А попутно следит, куда ходят Джозеф с Изабеллой и не отправляют ли они по почте каталоги.

— Черт возьми, он не должен этим заниматься! Если вы хотите, чтобы их почта просматривалась, давайте обратимся к начальнику почтового отделения! Вам ли не знать этого, Фортун.

— Друг мой, я знаю. И сельскую почту тоже знаю. К чему эти отвратительные формальности?

— Не стоит шутить серьезными вещами.

— Вот именно, это я и пытаюсь вам доказать, — ответил с улыбкой мистер Фортун. — Наши голубки едут в богом забытое место, которое, кажется, привлекает их только тем, что его нет на карте. Джозеф мог писать свои дурацкие книги где угодно. Интересно, это Изабелла позвала туда Джозефа или Джозеф увез Изабеллу? Их показания расходятся. Джозеф влюблен, а Изабелла кокетничает. Он ревнует, а она — сама кротость. Пожив здесь некоторое время, они вдруг загораются идеей раскопать курган. Кругом полно курганов, но им подавай именно этот, на отшибе Сток-Аббаса. Далее выясняется, что они обмениваются с кем-то сведениями, настолько секретными, что их нельзя изложить в письме на простом английском языке. В одном сообщении было что-то о полиции, в другом — о том, что нужно раскопать курган. Помоему, дорогой мой, здесь затевается какое-то темное дело.

— Но это все слишком запутано, Фортун. Почему бы, черт возьми, им не писать письма? Но зачем по-гречески?

— Они здесь совершенно одни. Вместе разбирают почту и оба видят все письма, которые получает и отправляет другой. Однако на каталоги обычно мало кто обращает внимание. Если один из них не знает греческого, то подчеркнутые буквы так и останутся загадкой. Слово SKUTHAI ничего не сказало даже начальнику уголовного розыска.

— Так что это, по-вашему, за игра?

— Друг мой, — ответил с улыбкой мистер Фортун, — я начисто лишен воображения. Зато у вас в руках те-

перь оказались все факты. Точнее, почти все: я сделал несколько фотографий Джозефа и Изабеллы. — С этими словами он положил на стол свернутую пленку. — Увеличьте изображения лиц. Вдруг кто-нибудь из ваших ребят их знает? А теперь до свидания, Ломас! Я сегодня обедаю у своей племянницы — у той, которая замужем за артиллеристом. Она всегда такая бодрая и веселая, что утомляет.

За последующие две недели не произошло ровным счетом ничего. При каждой встрече с мистером Фортунном в клубе Ломас отпускал ехидные комментарии о пользе воображения и о греческом языке. Потом Джозеф Ларкин написал мистеру Фортуну о том, что раскопки почти завершены, и настойчиво пригласил его приехать посмотреть на результаты. С этой вестью мистер Фортун позвонил Ломасу, но тот в ответ презрительно хмыкнул.

— Я поеду, — сказал на это мистер Фортун.

— Хорошо, раз вам время девать некуда, — слышалось из телефонной трубки.

Ответный звонок раздался три дня спустя, в тот самый момент, когда к дому мистера Фортуна подъехала машина, чтобы отвезти его в Сток-Аббас.

— Алло, Фортун? Вы уже собрались? Отлично! Приезжайте сюда.

С самого утра Ломас был в бешеном состоянии.

— Опять какая-то чертовщина из Сток-Аббаса! — крикнул он и с раздражением посмотрел на Реджи. — Я, как последний дурак, поручил часть

работы почтовым служащим — и вот, пожалуйста, их отчет. Букинистический каталог был отправлен в посылке из Рестхарроу на имя некой мисс Джордж, которая проживает в Борнмуте по адресу Сэнд-стрит, 715. Были подчеркнуты буквы *a, b*, четыре раза *e, g, h*, два раза *i, l, m, n, p, r*, два раза *s, t, u*.

— Вы абсолютно правы! — заявил Реджи и зевнул.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сказали “как последний дурак”. Совершенно с вами согласен. Почему вы не поручили отчет Андервуду? Он бы отлично справился! Между прочим, я просил его записывать буквы в нужном порядке!

— Но черт возьми, мы же не можем просматривать чужую почту!

— Друг мой, вы слишком хороши для этого мира! — Реджи взял ручку и лист бумаги — Повторите еще раз: *a, b...* — он записал *ABEEEEGHIILMNPRSSTU*, затем закурил сигару и задумался.

— От таких добродетельных людей, как вы, одни неприятности... Вот, пожалуйста: *PRESBUS GAMEIN THELEI*. Очень интересно. Это кое-что проясняет.

— Что вся эта чертовщина означает?

— И чему вас только учили в школе, Ломас? Это значит “старик хочет жениться”. Так я и думал. Я же говорил, что все факты у вас в руках. Помните, Джозеф говорил, что Изабелла получила классическое образование. Не то что вы, Ломас. Это она пишет сообщения. Она поймала Джозефа на крючок. Теперь все ясно. Передайте своим драгоценным почтовым слу-

жащим, чтобы они впредь соблюдали порядок следования букв. Я не собираюсь в угоду вашей совести заниматься расшифровкой криптограмм. И отправьте кого-нибудь попроворнее к этой мисс Джордж, которая живет в доме 715 на Сэнд-стрит. Я уезжаю в Сток-Аббас. Они раскопали курган. Кстати, что там со снимками?

— Мы их увеличили. Никто не знает этих людей.

— Полиции они неизвестны? Ну-ну. Сделайте фотографию мисс Джордж. Желаю удачи, Ломас.

Вечером того же дня мистер Фортун стоял вместе с Джозефом и Изабеллой на Драконьем холме.

Шестеро рабочих, сверкая улыбками, отдыхали, опершись на лопаты. Высокая насыпь кургана исчезла. Остались только отвалы серого песка и среди них кромлех* — сооружение из четырех камней, три из которых стояли вертикально и поддерживали плоский четвертый. Под этим камнем, словно под столом, лежал скелет. Реджи опустил на колени и взял в руки череп.

— Подлинная древность, — произнес он со вздохом облегчения.

— Он похож на обезьяну, — заметила мисс Вудолл и вздрогнула.

— Я бы не сказал, — возразил Реджи.

— Я убежден, что он был финикийцем, — заявил мистер Ларкин.

— О господи, только не это! — воскликнул Реджи. Его совершенно не

интересовала теория мистера Ларкина о том, что все старое непременно должно быть финикийским. Своей вытянутой головой, широкими скулами и коротким крепким туловищем обитатель кургана в свое время, должно быть, напоминал скорее Джайлза, жившего в лачуге среди холмов. Возможно, это его предок: пять тысяч лет назад род вязальщика веников владел этими местами. Мистер Ларкин тем не менее продолжал рассказывать о финикийцах.

— Да, да, это очень интересно, — пробормотал устало Реджи и поднялся с колен.

— Бедняжка, — произнесла мисс Вудолл, глядя на покойника, — ему, наверное, так одиноко.

— Дорогая, какие забавные мысли живут в вашей головке, — ласково ответил мистер Ларкин.

Они отправились обратно в Рестхарроу, и по дороге мистер Ларкин принялся вновь доказывать, что это скелет финикийца, что подобная находка — особая радость и что он передаст скелет в дар Британскому музею. И Реджи скучал.

Это состояние длилось все время, что он жил в Рестхарроу. Когда мистер Ларкин не рассказывал о финикийцах и (что было еще хуже) не зачитывал вслух отрывки из своей новой книги "Происхождение мира", он ухаживал за мисс Вудолл. Эти ухаживания были слащавы до отвращения. Ничего таинственного с парочкой больше не происходило. Великая книга опубликована, курган — раскопан. Мистер Ларкин собирался написать об этом небольшую брошюру,

* В отечественной археологии, следуя европейской континентальной традиции, словом "кромлех" обычно называют памятник из камней, стоящих кругом; описанное же в тексте сооружение по-русски чаще всего именуется "дольмен".

а затем закопать курган, жениться на мисс Вудолл и увезти ее в Южную Африку, чтобы там найти многочисленные следы финикийцев. Реджи пожелал им счастья и, как только приличия позволили, уехал обратно в Лондон.

Два дня спустя к мистеру Фортуну заглянул Ломас и обнаружил его в спальне за завтраком, что было крайней редкостью и говорило о дурном настроении.

— Друг мой, вы нездоровы?

— Да, я очень болен. Уходите, не хочу на вас смотреть. У вас такой радостный вид, что мне тошно.

— Появилось еще одно сообщение. *TUSCHEAPELTNE*.

— Не бубните, произнесите по буквам, — сказал с раздражением мистер Фортун. — А, *TUSCHE APELTNE*. Два слова. “Фортуна ушла”. Очень польщен, что она это отметила.

Ломас улыбнулся.

— То есть Изабелла хотела сообщить мисс Джордж, что мистер Фортун уехал. Занятно. Кстати, Реджинальд, мы узнали кое-что о мисс Джордж. Оказывается, это вовсе не женщина. Это мужчина средних лет, который называет себя Джорджем Реймондом. И живет он вовсе не в доме 715 на Сэнд-стрит. Там находится маленький магазинчик, куда приходят письма до востребования. Джордж Реймонд снимает дом на другом конце города, он живет очень тихо. Мои люди предполагают, что он американец.

— Фортуна ушла, — пробормотал Реджи. — Возможно, Фортуне стоило остаться. Хотя нет, если бы я остался, в доме по-прежнему ничего бы не

происходило. Интересно, произойдет ли теперь?

— Как, вы бросаете дело? — произнес сквозь смех Ломас.

— Нет, конечно нет. Просто я не уверен, что мы сможем добраться до этой парочки. Джозеф и Изабелла поженятся и уедут в Южную Африку.

Ломаса это заявление позабавило.

— Как, и это все? Мой бедный Реджинальд! Вот и вся тайна мистера Фортуна: флердоранж и свадебный торт — только и всего!

— Да, и мисс Джордж в роли шафера. Я надеюсь, ваши люди хорошо следят за мисс Джордж?

— Он пока ведет себя тихо. Мы не упускаем его из виду. Кроме того, у нас есть его фотографии. Никто пока его не узнал, но мы увеличим снимок и посмотрим.

— Хорошо, не спускайте с него глаз!

— Конечно, будьте уверены... Кстати, вас пригласили на свадьбу, Реджинальд? Вы должны послать какой-нибудь подарок.

Как утверждает Ломас, после этих слов Реджи буквально зарычал от злости.

Прошло две недели. Реджи получил гневное письмо от мистера Ларкина, в котором тот ругал Британский музей, отказавшийся принять в дар найденный скелет. Рассерженный Джозеф собирался закопать скелет обратно в курган и опубликовать статью о предубеждениях, царящих в официальных кругах относительно его работы. Он также сообщал Реджинальду, что немедленно уезжает в Южную Африку, поскольку там, несомненно, сохрани-

лись бесспорные доказательства его теории о происхождении всех мировых цивилизаций от финикийской. В конце письма следовали уверения в дружбе и наилучшие пожелания. Мистер Фортун нервно заерзал на стуле.

— И они жили долго и счастливо... — произнес он. — С наилучшими пожеланиями, дорогая Изабелла.

Реджи позвонил Ломасу и спросил, как поживает мисс Джордж.

— Спасибо за вопрос, но боюсь, мне нечем вас порадовать, — ответил тот. — Джордж живет тихо, как старая дева... Простите, что вы сказали?

— Я сказал: "Проклятье!"

Вечером того же дня пришло письмо от сержанта Андервуда. Он жаловался на то, что в Сток-Аббасе больше нечего делать. Курган закапывают. Прислуга уезжает из Рестхарроу. Мистер Ларкин и мисс Вудолл собираются завтра сочетаться светским браком и послезавтра отплывают из Саутгемптона. Мистер Фортун провел бессонную ночь.

На следующее утро, когда он сидел в библиотеке одного из наискучнейших клубов, изнывая от беспокойства, раздался звонок из Скотленд-Ярда. Ломас совещался с суперинтендантом Беллом. Чекая каждое слово, Ломас сообщил:

— Они упустили Джорджа Реймонда, Фортун. Сегодня утром он выехал с чемоданом из Борнмута в Саутгемптон. Он оставил чемодан в камере хранения и зашел в большой магазин — с тех пор его никто не видел. Когда наши люди поняли, что он исчез, они вернулись на станцию. Его чемодана уже не было.

— Ах вот как, — сказал на это мистер Фортун. — И это при том, что вы там были и следили за ним, — произнес он с улыбкой.

— Что же теперь делать?

— Проследите, чтобы Джордж Реймонд не отплыл на одном из кораблей в Кейптаун.

— Уже сделано. Что-нибудь еще?

— Дайте мне расписание поездов, — велел мистер Фортун, — я поеду обратно к длинному кургану.

— Боже милосердный! — воскликнул Ломас.

Когда сумерки спустились на вересковую пустошь, мистер Фортун и суперинтендант Белл остановили нанятую машину в миле от Сток-Аббаса и стали пробираться в темноте через поле. Когда они подошли к живой изгороди вокруг Рестхарроу, из зарослей можжевельника прямо за ними послышался тихий голос:

— Я получил вашу телеграмму, сэр. Все в порядке. Они поженились сегодня утром, сейчас оба в доме. Прислуга уехала, здесь больше никого.

Реджи присел рядом с сержантом Андервудом.

— А посторонние здесь не появлялись?

— Кажется, я видел, как кто-то направлялся в сторону кургана, это было совсем недавно.

— Попроberитесь туда тихонько. И не показывайтесь.

Сержант Андервуд растворился в ночной темноте. Белл и Реджи заняли свои наблюдательные посты и принялись ждать. Звезды постепенно бледнели на темном небосклоне. Двери Рестхарроу приоткрылись, выпустив полоску света. Послышались голоса.

— Кажется,
я видел, как
кто-то
направлялся
в сторону кургана,
это было совсем
недавно.

— Прекрасная ночь! — воскликнул мистер Ларкин.

— Самая прекрасная из всех ночей! — ответила миссис Ларкин. Они вышли на улицу.

— Пойдем к нашему дорогому старому кургану, — предложила она. — Я всегда буду любить его, ведь именно благодаря ему мы вместе, правда, милый?

— Дитя мое, — проворковал мистер Ларкин, — какие чудесные мысли живут в твоей головке!

Они отправились в путь рука об руку.

Следом за ними на почтительном расстоянии шли Реджи и суперинтендант Белл. Дойдя до склона холма, который казался белым в тумане, миссис Ларкин остановилась и сказала:

— Замечательное место! Как же здесь хорошо! Я думаю, старый финикиец был счастлив, не правда ли, Джозеф, милый?

Тут из-за спины милого Джозефа показался какой-то мужчина и что-то прижал к его лицу. Не было ни борьбы, ни шума. Джозеф пошатнулся, послышался шорох песка под ногами — и через несколько мгновений Джозеф уже лежал на спине, а возле него на коленях стояла Изабелла. Другой мужчина отошел в сторону, и раздался стук лопаты. И тут на неизвестного набросился сержант Андервуд. Оба повалились на землю. Белл бросился наверх, чтобы схватить миссис Ларкин, которая кинулась на помощь своему поделнику, однако Андервуд уже надел на него наручники.

Реджи не спеша подошел к мистеру Ларкину и снял с его лица кусок ваты.

— Миссис Ларкин, как зовут вашего друга, который принес хлороформ? — вежливо спросил он.

— Вы дьявол, — прошипела она. — Джордж, ни слова.

— О да, я знаю, что это Джордж, — произнес мистер Фортун и направил фонарь на мужчину.

Сержант Андервуд ахнул. Он уставился на человека в наручниках, а затем перевел взгляд на лежавшего на земле мистера Ларкина.

— Господи, которого из них я поймал, сэр? — Человек, который стоял перед ним, был точно такого же роста и телосложения, как мистер Ларкин, тоже седоволосый, гладко выбритый и в такой же темной одежде.

— Да, неплохая маскировка. Это было необходимо, не так ли, миссис Ларкин? А сейчас не лучше ли доставить настоящего мистера Ларкина в больницу?

Он свистнул, посветил фонарем в темноту — и к холму подъехала машина, в которую тут же отнесли мистера Ларкина. Реджи уехал вместе с ним. Миссис Ларкин и Джордж, скованные одними наручниками рука об руку, прошли не одну милю до полицейского участка.

Спрятавшись в зарослях вереска, коротышка наблюдал за ними с холма.

— Старый Дракон прибрал ее, — сказал он и заковылял к своей лачуге.

На следующее утро суперинтендант Белл зашел в одну из гостиниц Уимборна выпить кофе и встретил там мистера Фортуна, который наслаждался запеченным лососем.

— У вас была беспокойная ночь, — посочувствовал Белл.

— Да, бедняга Джозеф пережил большое потрясение. И духовно и физически. Вы только представьте! Какой удар для мужа, когда собственная жена пытается убить его в брачную ночь! Вот и верь после этого людям!

— Людям! Да они два сапога пара, она и ее приятель Джордж. Полагаю, они хотели закопать несчастного Ларкина живьем.

— Да-да, тогда бы ему точно не пошло.

— Еще бы! Как вы думаете, что у этого Джорджа было с собой?

— Конечно, хлороформ. Полагаю, что пистолет. Возможно, серная кислота.

— Абсолютно точно! — воскликнул суперинтендант Белл, с восхищением глядя на Реджи. — Удивительно, насколько хорошо вы знаете людей, мистер Фортун!

Мистер Фортун улыбнулся и передал Беллу тарелку с нектаринами.

— Я знал, что они все продумали. В этом и была их слабость. Слишком много предосторожностей. Но план был великолепный. Готовая могила, мягкая почва, лопата под рукой; усыпить старика хлороформом, облить серной кислотой и зарыть. В течение ближайшего столетия никто в этот курган не полезет. А если полезут, найдут внутри неизвестный труп. Никто не пропал. Вряд ли кто-нибудь признает в убитом мистера Ларкина, который, как известно, в добром здравии отплыл в Южную Африку. Джордж с Изабеллой жили бы под именами мистера и миссис Ларкин и тратили бы состояние Джозефа. Если бы она не так тщательно готовила ему

могилу и меньше обращала внимание на Джайлза, если бы они не перемудрили с этими сообщениями, у них бы все получилось. Бедный старина Джозеф! Он совершенно подавлен. Он думает, что Изабелла никогда не любила его по-настоящему. И все же бедняга не хочет давать показания против нее.

— Неудивительно, — сказал Белл. — На суде он будет выглядеть круглым дураком.

— Да, может быть, он не слишком умен, зато душа у него добрая, Белл.

Послышался оживленный шум. В зал вприпрыжку вбежал Ломас, а следом за ним вошел солидный мужчина с лицом римского императора.

— Реджинальд, друг мой, примите самые искренние поздравления, — хихикнул Ломас. — Все случилось так, как вы и говорили. Блестяще распутанное дело! Познакомьтесь, это мистер Бингэм Джексон из американской полиции.

— Приятно познакомиться, сэр, — заявил покровительственным тоном мистер Бингэм Джексон. — Вы хорошо поработали. Мы давно охотились за этой парочкой, но никак не могли их поймать.

— Когда мистер Джексон увидел фотографии Джорджа и Изабеллы, которые вы сделали, он потребовал шампанского, — сказал Ломас.

— Я так и думал, что кто-нибудь должен их знать, — ответил на это мистер Фортун. — В преступном мире они не новички.

— Совершенно верно, сэр, — внушительно кивнул мистер Джексон, — не новички. Изабелла и Джордж Штульц — граждане Амери-

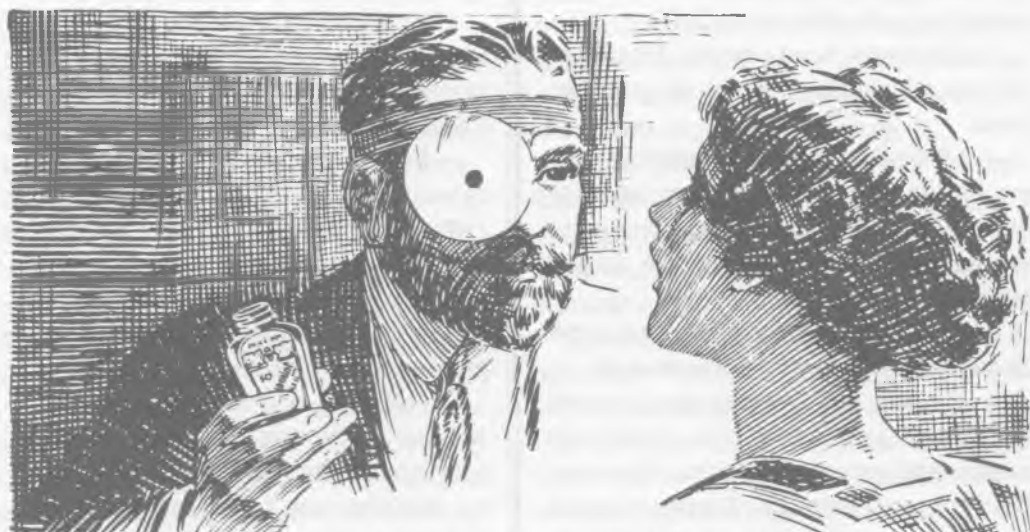
ки с громкой репутацией. Мы очень рады тому, что сможем увезти их обратно. В Филадельфии они совершили убийство миссис Стэнтон Джонсон и украли ее коллекцию старинных ювелирных украшений. В тот раз это были морфий и подвал. Одно из наших самых громких преступлений.

— По сравнению с ней наш Джозеф легко отделался, — с удовольствием отметил мистер Фортун. — Вы потребуете их экстрадиции?

— Разумеется. В отличие от вас мы вовремя не вмешались — и они успели совершить убийство на нашей территории. Вы же все время держали их на прицеле. Я хочу сказать, мистер Фортун, что я восхищен вашей работой. У вас настоящее чутье.

— Да, неприятные люди, — задумчиво ответил Реджи. — А необычные и неприятные люди действуют мне на нервы.

— Какие чувствительные нервы! — заметил мистер Джексон.

Formamint is recommended by the leading Throat Specialists—do you know why?

It is because, long before you ever heard of Formamint, it was submitted to the leading specialists of the world for trial in the great hospitals and in private practice, and for examination chemically and microscopically.

Affiliated with The Bauer Chemical Company, Makers of Sanatogen—The Food Tonic

Эдгар Джепсон и Роберт Юстас

1863–1938

1868–1943

Перевод Татьяны Русситы и Александра Бердичевского,

вступление Александра Бердичевского

РОБЕРТ Юстас (настоящее имя Юстас Роберт Бартон) долго считался загадочной фигурой. Известно о нем было мало, а известное — противоречиво. Во многих источниках неверно указываются его настоящее имя или годы жизни*. Такая путаница неслучайна. Во-первых, британских писателей, работавших под псевдонимом Роберт Юстас, было два. Во-вторых, “наш” Юстас работал почти всегда в соавторстве, выполняя главным образом обязанности научно-медицинского консультанта, то есть был фигурой второго плана. В-третьих, он сам тщательно оберегал свое инкогнито и этим затруднил работу биографам.

Юстас Роберт Бартон родился в 1868 году в семье врача Альфреда Бауэра Бартон. Юстас тоже учился на врача и в 1897 году в Университетском колледже Лондона получил право использовать при фамилии аббревиатуры M. R. C. S. и L. R. C. P., которые в то время означали начальную медицинскую квалификацию. На этом Юстас, в отличие от своего отца, остановился и заветных букв M. D. (доктор медицины) не получил.

* В антологии “Не только Холмс” приведена ошибочная дата рождения (1854).

EDGAR JEPSON AND ROBERT EUSTACE

С 1903 года Юстас жил и работал в Португалии, а в 1914-м вернулся в Англию. Во время Первой мировой войны он служил капитаном Королевского военно-медицинского корпуса и потом, видимо, гордясь этим, часто указывал в документах свое воинское звание. За “ценные услуги во время войны” Юстас получил награду тогдашнего Королевства сербов, хорватов и словенцев — орден Святого Саввы.

После войны он жил в Англии, много переезжая и работая ассистентом в разных психиатрических больницах (обычно замещая постоянных сотрудников) до самой своей смерти в 1943 году в Ньюпорте. Женат Юстас не был.

Литературная карьера Юстаса началась с сотрудничества с Л. Т. Мид в 1898 году (подробнее об этом можно прочесть в антологии “Не только Холмс”). В 1904 году вышла книга Юстаса и Гертруды Уорден, а в 1907-м — единственная книга, написанная им в одиночку. За период с 1925-го по 1936 год Юстас написал четыре рассказа в сотрудничестве с Эдгаром Джепсоном, а в 1928-м познакомился с самым знаменитым своим соавтором: Дороти Сэйерс обратилась к нему за разрешением включить несколько его рассказов в антологию, которую она составляла, а затем предложила вместе написать книгу. Так появился роман “Приобщено к делу”. Единственной известной фотографией писателя мы обязаны именно этому роману: снятая в рекламных целях, она показывает, как Юстас и Сэйерс занимаются приготовлением яда для убийства. Юстас, верный своему амплу загадочного соавтора, стоит спиной.

ЭДГАР Альфред Джепсон был милосерднее к будущим биографам и даже оставил двухтомные мемуары. Основным автором текста “Чайного листа” является, конечно, именно он. Он учился в Бэйлиол-колледже в Оксфорде. У него было трое детей от первого брака, двое из которых тоже занимались литературным творчеством. Внучка Джепсона Фэй Уэлдон стала известной писательницей — в автобиографии она пишет, что в возрасте 69 лет Эдгар развелся с женой, так как от него забеременела любовница. В войне Джепсон не участвовал, но вместе с поэтом Уолтером де ла Маром был призван на службу в Министерство питания, где редактировал труд “Поваренная книга “Выиграй войну”” и придумал лозунг “Ешь меньше хлеба!”.

Несмотря на эти достижения, более известен Джепсон все же беллетристикой (нередко в соавторстве): многочисленными произведениями в детективном и приключенческом жанрах, а также в жанрах мистики и фэнтези. Джепсон переводил с французского, в частности переработал пьесу Мориса Леблана про Арсена Люпена в роман, занимался литературной критикой и был редактором нескольких журналов. Он часто писал под псевдонимом Р. Эдисон Пэйдж (*R. Edison Page*). Кажется, нигде не отмечается, что это анаграмма имени *Edgar Jepson*.

И Джепсон и Юстас стали членами Детективного клуба в 1930 году, в год его официального основания.

ЭДГАР ДЖЕПСОН И РОБЕРТ ЮСТАС

Чайный лист

Артур Келстерн и Хью Уиллоутон встретились в турецких банях на Дьюк-стрит в Сент-Джеймсе и через год с небольшим в этих же банях и расстались. Оба отличались дурным характером: Келстерн был сварлив, а Уиллоутон злобен. Трудно сказать, кто из них был хуже, и когда я вдруг заметил, что они спелись, то давал этой прекрасной дружбе сроку месяца три. Она продолжалась около года.

Причиной их ссоры стала дочь Келстерна Руфь. Уиллоутон влюбился в нее, она — в него, и они обручились. Полгода спустя, несмотря на то что они явно очень любили друг

друга, помолвка была расторгнута. Никаких объяснений не последовало. Я предполагал, что Уиллоутон продемонстрировал Руфи свой дьявольский характер и получил по заслугам.

Посмотреть на эту Руфь, так она вовсе и не Келстерн. Как это часто бывает у членов старых линкольнширских семейств — потомков викингов и спутников Кнуда*, все Келстерны похожи друг на друга: светловолосые, белокожие, с ясными голубыми глазами и выраженной горбинкой

* Кнуд Великий (ок. 995–1035) — король Дании, Англии и Норвегии, предводитель викингов; нынешнее графство Линкольншир входило в территорию “датского права”, отданную при викингах на заселение скандинавским колонистам.

РАССКАЗ “ЧАЙНЫЙ ЛИСТ” ВПЕРВЫЕ БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН В 1925 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ “СТРЭНД”.

== THE ==
TEA-LEAF

//////////////// THE STRAND MAGAZINE, 1925. //////////////////

на носу. Но Руфь пошла в мать: смуглая, с прямым носом, темно-кариими глазами — про такие часто говорят “цвета расплавленной меди”, каштановыми волосами и такими манящими губами, каких я никогда не видел. Она была горда, независима, отважна и, скажу прямо, с норовом. Без этого она бы не смогла жить с такой старой сварливой скотиной, как Келстерн. Отца Руфь, кстати, обожала, невзирая на то что тот все время ее третировал; надо сказать, старик тоже ее любил. Вероятно, только ее во всем мире он и любил. Келстерн был специалистом по внедрению научных открытий в производство, а она работала в его лаборатории. Платил ей пять сотен в год, так что, видимо, она необычайно хорошо знала свое дело.

Расторжение помолвки Келстерн воспринял очень тяжело. Он считал, что это Уиллоутон бросил его дочь. Руфи тоже было нелегко: ее румянец утратил часть своей теплоты, губы сжались в тонкую линию и уже не манили так сильно. Характер Уиллоутона еще больше испортился: он стал похож на медведя, страдающего постоянными мигренями. Я пытался поговорить и с ним и с Руфью, надеясь их примирить. Мне, мягко говоря, дали отпор. Уиллоутон обругал меня, а Руфь вспылила и велела не лезть в чужие дела. Несмотря на это, я остался в уверенности, что они тоскуют друг без друга и были бы счастливы воссоединиться, если бы не их идиотское самолюбие.

Келстерн изо всех сил настраивал Руфь против Уиллоутона. Однажды я сказал старику — не мое было дело,

но я чихать хотел на его вспыльчивость, — что вмешиваться глупо и что гораздо правильнее оставить их в покое. Келстерн, конечно, взбесился. Он обозвал Уиллоутона грязным кобелем и подлым мерзавцем, и это еще самые нежные из эпитетов, которые он использовал. Тут-то я и подумал, что история с расторжением помолвки гораздо серьезнее, чем мне казалось.

Я укрепился в своих подозрениях, глядя, как Келстерн из кожи вон лезет, чтобы напакостить Уиллоутону. В своих клубах — “Атенеуме”, “Девоншире” и “Сэвиле” — он с поразительной изобретательностью сводил любой разговор к обсуждению Уиллоутона и объявлял его негодяем и подлецим из мерзавцев. Эффект от этого был гораздо меньше, чем того желал Келстерн: мало кто из инженеров знал свое дело, как Уиллоутон, а настоящему специалисту трудно навредить. Люди в нем нуждаются. Но, конечно, какой-то ущерб Уиллоутону был нанесен, и тот понимал, кому он должен быть за это благодарен. Двое моих знакомых по-дружески намекали Уиллоутону, что говорится за его спиной. Характер его от этого не улучшился.

Специалист по строительству железобетонных зданий, которые сейчас возводят по всему Лондону, он был так же известен в своей области, как Келстерн в своей. Они походили друг на друга не только умом и вздорностью, мне кажется, что они и мыслили во многом одинаково. Во всяком случае, оба твердо решили не менять привычного жизненного уклада из-за расторжения этой помолвки.

An invigorating Turkish Bath in your own home

All the delights and benefits of hot-air, vapour, medicated, and perfumed baths can now be enjoyed privately at home with assured safety and comfort. Nothing else is so effective in keeping the blood pure, preventing sickness, stopping colds, curing Influenza, Rheumatism, etc.

AN IDEAL HEALTH-GIVING LUXURY

It eliminates the poisonous matters from the system, increases the flow of blood—the life current—freed from its impurities, clears the skin, recuperates and revitalises the body, quiets the nerves, rests the tired, and creates that delightful feeling of invigorated health and strength. It can be used in any room, and folds into a small, compact space.

Write for "Bath Book No. 3."

FOOT'S Bath Cabinet

168, Great Portland Street, LONDON, W.1.

Оба имели привычку посещать турецкие бани на Дьюк-стрит в четыре пополудни каждый второй и четвертый вторник месяца, и оба остались ей верны. Хотя в эти вторники они неизбежно сталкивались, ни один не перенес своего прихода и на двадцать минут — а ведь это позволило бы им разминуться и увидеть друг друга лишь мельком. Они продолжали париться, как и прежде, одновременно. Толстокожие, скажете вы? Еще какие. Ни один не притворялся, что не видит другого, оба бросали друг на друга злобные взгляды — и занимались этим большую часть времени. Я знаю, о чем говорю: иногда я и сам в это время бывал там.

В последний раз они встретились в этих банях примерно через три месяца после разрыва помолвки, чтобы расстаться навеки.

Келстерн уже около шести недель выглядел больным: лицо его посерело и осунулось, он похудел. Во второй вторник октября он появился в бане ровно в четыре и принес, как обычно, полный термос изысканного китайского чая. Если бы он счел, что пропотел недостаточно, то выпил бы его в кальдарии*, а в противном случае —

* В турецкой бане две парные, которые часто называют тепидарий и кальдарий. Посетитель сначала проходил в тепидарий — помещение с умеренной температурой, а потом уже в кальдарий — жаркое помещение. Подробнее см. комментарий, стр. 613.

после бани. Уиллоутон прибыл минуты на две позже. Келстерн закончил раздеваться и зашел в баню за пару минут до Уиллоутона. Тепидарий они покинули почти одновременно: Келстерн пошел в кальдарий где-то на минуту позже Уиллоутона. Перед этим он послал за термосом, который оставил в раздевалке, чтобы взять его с собой.

Так случилось, что в кальдарии Келстерн и Уиллоутон оказались в одиночестве. Не прошло и двух минут, как четыре человека в тепидарии услышали их ругань. Келстерн, среди прочего, назвал Уиллоутона грязным кобелем и подлым мерзавцем и заявил, что он еще до него доберется. Уиллоутон дважды послал его к черту. Келстерн продолжал сыпать оскорблениями, и вскоре Уиллоутон рывкнул: "Да заткнитесь вы, старый кретин! А не то хуже будет!"

Келстерн не заткнулся. Примерно через две минуты Уиллоутон вышел из кальдария, нахмурившись, прошел через тепидарий в массажную и отдал себя в руки одного из массажистов. Пару минут спустя некто Хелстон прошел в кальдарий и громко закричал. Келстерн лежал назвничь на залитой кровью лавке, кровь все еще текла из раны в его груди.

Поднялся переполох. Вызвали полицию; Уиллоутона арестовали.

Он, конечно, вышел из себя и стал яростно поносить полицейских, доказывая, что не имеет никакого отношения к убийству. Это не способствовало доверию к его словам.

Осмотрев тело и помещение, инспектор пришел к выводу, что Келстерн был заколот в тот момент, когда

пил чай. Термос валялся на полу перед ним; немного чая, видимо, разлилось, так как около горлышка лежало несколько чайных листьев: наверное, горничная небрежно процедила чай, наполняя термос. Все выглядело так, как будто убийца воспользовался чайной церемонией Келстерна, чтобы заколоть его, пока термос закрывает ему обзор и не дает возможности увидеть угрозу.

Случай представлялся бы элементарным, если бы не отсутствие орудия убийства. Уиллоутон легко мог бы пронести его в баню в полотенце, которым он оборачивался. Но как он от него избавился? Куда спрятал? Турецкая баня — не то место, где можно что-либо спрятать. Она и так пустее пустого, а он вдобавок находился в самой пустой ее части. Полиция обшарила каждый угол, хотя смысла в этом было немного: Уиллоутон вышел из кальдария, прошел через тепидарий в массажную и, когда Хелстон начал кричать об убийстве, бросился вместе с массажистами обратно в кальдарий и оставался там. Так как было понятно, что убийца именно он, посетители и банщики не спускали с него глаз. Все они клялись, что он все время был у них на виду и не ходил в раздевалку, да ему бы этого и не позволили.

Очевидно, Уиллоутон принес и унес оружие, спрятав его в складках полотенца. Полотенце он бросил около массажной скамьи, где полиция и нашла его нетронутым. Ни оружия под ним, ни следов крови на нем не обнаружили. Ладно кровь — Уиллоутон мог вытереть нож, или кинжал, или чем он там его заколол, о просты-

Вызвали полицию; Уиллоутона арестовали.

ни на лавке Келстерна. Следов этого не было, но их могла скрыть кровь из раны. А вот исчезновение оружия немало озадачило полицию, а позже и публику.

Врачи, производившие вскрытие, заключили, что рана была нанесена острым, круглым в сечении предметом диаметром приблизительно три четверти дюйма. В тело он проник на три с небольшим дюйма; даже если предположить, что его рукоят-

ка была не более четырех дюймов в длину, орудие представляется достаточно заметным и проглядеть его никак невозможно. Медики отыскали еще одно доказательство того, что Келстерн пил чай, когда его ударили. В ране, на глубине полутора дюймов, они нашли две половинки чайного листочка, который, видимо, упал Келстерну на грудь, а потом был разрублен клинком напополам и загнан внутрь. Кроме того, они обнаружили,

что Келстерн был болен раком. Про это газеты не писали; я слышал это в "Девоншире".

Уиллоутон предстал перед судом магистрата*, и, к удивлению большей части публики, не отказался защищаться**. Он прошел на свидетельскую трибуну и под присягой показал, что не трогал Келстерна, что не держал в руках ничего такого, чем его можно было бы тронуть, что никакого оружия в баню не приносил и поэтому никакого оружия там не прятал и, наконец, что никогда не видел оружия, похожего на то, которое описывали врачи. Дело передали в суд присяжных.

Газеты кричали об этом преступлении; оно было у всех на устах. Каждого волновал вопрос: где Уиллоутон спрятал орудие убийства? Люди слали в газеты свои предположения: одни считали, что он хитроумно оставил оружие где-нибудь на видном месте и поэтому его никто не заметил. Другие предполагали, что круглое и острое — это, наверное, толстый свинцовый карандаш; это точно карандаш, и поэтому полиция проглядела его при обыске. Однако полиция не проглядела карандаш, поскольку никаких карандашей там

не было. Они прошерстили всю Англию — Уиллоутон много ездил, — чтобы найти человека, продавшего ему такое необычное и загадочное оружие. Они не нашли такого человека. Не нашли вообще никого, кто продавал бы что-нибудь подобное. Наконец, решили, что Келстерн был убит куском железного или стального прута, заточенным как карандаш.

Несмотря на то что только Уиллоутон мог убить Келстерна, мне не верилось, что он это сделал. То, что Келстерн изо всех сил старался навредить его профессиональной и общественной репутации, никак нельзя было считать серьезным мотивом. Уиллоутон был достаточно умен и понимал: те, кому он нужен для работы, не станут обращать внимание на сплетни, а общественное мнение заботило его очень мало. Кроме того, он запросто мог покалечить, а то и убить человека в приступе ярости, но не в его характере хладнокровно планировать убийство, а убийство Келстерна было спланировано образцово.

Ближе меня у Уиллоутона друзей не было, и я навестил его в тюрьме. Он был весьма тронут и благодарен.

Выяснилось, что больше к нему никто не приходил. Он казался подавленным и непривычно кротким. Возможно, он и в самом деле изменился. Он с готовностью и вполне естественным беспокойством обсуждал со мной убийство, откровенно сказав, что не рассчитывает на то, что я в сложившихся условиях поверю в его невиновность, но что он действительно невиновен и — хоть убей — не знает, кто преступник. Я,

* Суд магистрата занимается мелкими делами, а в случае обвинения в тяжелом преступлении определяет, следует ли прекратить дело или же передать его в суд присяжных.

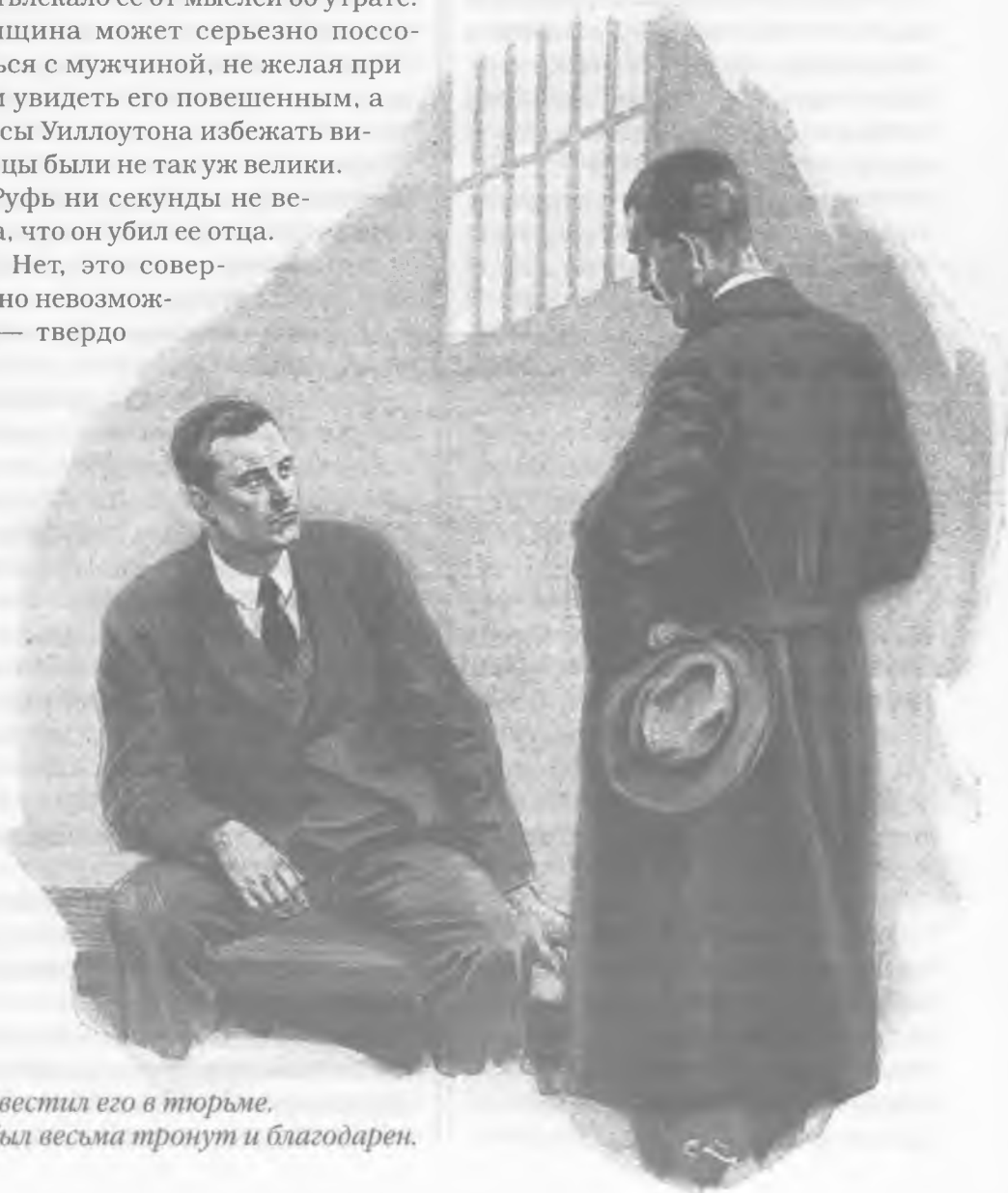
** Имеется в виду, что Уиллоутон согласился отвечать на обвинения до передачи дела в "большой" суд, хотя впоследствии его показания могли бы использоваться против него. Подсудимые имеют право отказаться защищаться до суда (предполагается, что там более объективная обстановка) и нередко им пользуются: так поступил, например, персонаж рассказа "Нефритовый бог и биржевой маклер" Джулиан Рой (см. антологию "Не только Холмс"), оказавшийся в похожей ситуации.

однако, поверил: что-то в его словах и голосе совершенно убедило меня. Я сказал, что не сомневаюсь в том, что он не убивал Келстерна, и он посмотрел на меня недоверчиво, но, опять же, с благодарностью.

Руфь оплакивала отца, но опасное положение Уиллоутона несколько отвлекало ее от мыслей об утрате. Женщина может серьезно поссориться с мужчиной, не желая при этом увидеть его повешенным, а шансы Уиллоутона избежать виселицы были не так уж велики. Но Руфь ни секунды не верила, что он убил ее отца.

— Нет, это совершенно невозможно, — твердо

сказала она. — Если бы папа убил Хью, я бы это еще поняла. У него были причины — или, по крайней мере, он так считал. Но какой резон Хью убивать папу? Нелепо считать, что его беспокоили отчаянные папины попытки очернить его. Что за глупость? Множество людей пытаются таким

*Я навестил его в тюрьме.
Он был весьма тронут и благодарен.*

образом напакостить ближним, но не особо преуспевают, Хью это прекрасно знает.

— Конечно не особо, и Хью не мог всерьез считать, что ваш отец сильно вредит ему, — сказал я. — Но вы забываете о его дьявольской вспыльчивости.

— Нет, я не забываю, — возразила она. — Он мог бы убить человека в гневе, бездумно. Но это убийство не было бездумным. Убийца, кем бы он ни был, продумал все досконально и пришел с оружием наготове.

Нельзя не признать, это звучало логично. Но кто же совершил убийство? Я напомнил ей, что полиция навела справки обо всех присутствовавших в бане: банщиках и посетителях, — но единственной формой общения, которая связывала Келстерна хоть с кем-то из них, был массаж.

— Или убийца один из них, или настоящий убийца мгновенно скрылся, или в чем-то тут загвоздка, — сказала Руфь, задумчиво нахмурившись.

— Я не понимаю, как кто-то мог остаться в бане незамеченным, — сказал я, — это абсолютно невозможно.

Ее вызвали в суд как свидетеля обвинения. Это казалось ненужным и даже странным, так как обвинителям ничего не стоило доказать плохие взаимоотношения Уиллоутона и Келстерна, не втягивая в это Руфь. Очевидно, они решили сделать все возможное, чтобы убедительно доказать мотив. Перспектива пройти на свидетельскую трибуну расстроила Руфь больше, чем я ожидал. Но если подумать, то это ведь было трудное для нее время.

В день суда я заехал за ней после завтрака, чтобы отвезти в Нью-Бейли. Она была бледна, выглядела невыспавшейся и, по всей видимости, из-за всех сил сдерживала волнение. Не в ее характере было проявлять чувства.

Конечно, мы все время держали связь с поверенным Уиллоутона, Хэмли. Он занял для нас места сразу за собой. Он хотел сидеть рядом с Руфью, чтобы при необходимости проконсультироваться с ней: она, конечно, знала об отношениях ее отца с Уиллоутоном больше всех. Я точно рассчитал время нашего прибытия — присяжных как раз только привели к присяге. Разумеется, зал суда был полон женщин — расфуфыренных и надушенных — жен пэров, букмекеров и политиков.

Вошел судья, и с его приходом в зале повисло напряжение, характерное для дел об убийствах. Немного напоминает атмосферу палат, где лежат смертельно больные, только хуже.

К несчастью для Уиллоутона, судьей был Гарбульд. Вид он имел вульгарный, лицо — кирпичное, манеры — грубые, а репутацию — вешателя и вечного союзника обвинения.

Уиллоутон прошел на свое место. Он казался нездоровым и очень подавленным, но держался с достоинством и о своей невинности заявил твердым голосом.

Грэйторекс, главный обвинитель, начал выступление. Судя по его речи, никаких новых фактов полиция не нашла.

После этого Хелстон рассказал, как он нашел тело, а потом он и трое других мужчин показали, что, будучи в тепидарии, нечаянно подслуша-

ли ссору Уиллоутона и Келстерна и что Уиллоутон вышел из кальдария в ярости. Один из свидетелей, суетливый пожилой джентльмен по фамилии Андервуд, заявил, что это была самая ожесточенная ссора, которую он когда-либо слышал. Никто из этих четверых не смог сказать ничего по поводу того, пронес ли Уиллоутон пропавшее оружие в складках полотенца, но все они были уверены, что в руках он ничего не держал.

Затем было заслушано медицинское заключение. При перекрестном допросе врачей, проводивших вскрытие, Хейзелдин, адвокат Уиллоутона, обратил внимание на то, что пропавшее оружие было внушительного размера, что его округлый клинок должен был быть больше полудюйма в диаметре и три-четыре дюйма в длину. Врачи придерживались мнения, что, для того чтобы вогнать клинок такой толщины в сердце, необходима как минимум четырехдюймовая рукоятка, иначе захват не будет достаточно надежным. Это мог быть кусок стального или железного прута, заточенный как карандаш. В любом случае это, безусловно, была крупная штука, не из тех, что можно легко спрятать или бесследно уничтожить в турецкой бане. Хейзелдину не удалось поколебать их утверждение насчет чайного листа: врачи настаивали, что он был разрублен пополам и вогнан в рану клинком пропавшего оружия и это ясно показывает, что убийца нанес смертельный удар, когда Келстерн пил чай.

Инспектора Бреккетта, который вел дело, подвергли длительному пе-

рекрестному допросу о поиске пропавшего оружия. Инспектор ясно дал понять, что оружия не было нигде в бане: ни в тепидарии, ни в кальдарии, ни в массажной, ни в раздевалке, ни в конторе, ни в вестибюле. Он осушил бассейн, обследовал крыши, несмотря на практически полную уверенность в том, что люк над тепидарием в момент убийства был закрыт (над кальдарием люка вообще не было). Его спросили, мог ли гипотетический сообщник Уиллоутона унести орудие убийства, но инспектор отверг эту версию: ее он проверял очень тщательно.

Массажист сообщил, что Уиллоутон пришел к нему в сильном раздражении, он даже задумался, отчего бы это. Допрашивая его, Арбатнот, помощник Хейзелдина, убедительно показал, что если только Уиллоутон не умудрился спрятать оружие в пустом кальдарии, он должен был вынести его в полотенце. Арбатнот вытянул из массажиста твердое заявление, что он видел, как Уиллоутон положил полотенце около массажной скамьи, и что он побежал в кальдарий сразу за Уиллоутоном, вернулся один, оставив Уиллоутона там обсуждать преступление, и нашел полотенце лежащим точно в том же положении; ни оружия под ним, ни крови на нем не было.

Поскольку инспектор уже исключил возможность существования сообщника, который проник бы в помещение, забрал оружие из полотенца и выскользнул с ним из бани, то из показаний массажиста явственно следовало, что оружие вовсе не покидало кальдария.

Обвинение представило доказательства плохих отношений между Келстерном и Уиллоутоном. Три известных и влиятельных джентльмена рассказали присяжным о том, как Келстерн пытался очернить Уиллоутона в их глазах, и о порочащих Уиллоутона заявлениях, которые он делал. Один из них считал себя обязанным рассказать об этом Уиллоутону, и тот очень разозлился. При перекрестном допросе Арбатнот обратил внимание на тот факт, что ни одно клеветническое заявление Келстерна не принималось всерьез, поскольку все его знали как в высшей степени вздорного человека.

Я заметил, что в конце допроса массажиста и при даче этих показаний Руфь беспокойно ерзала и все время поворачивалась ко входу, словно ждала кого-то. Как раз когда ее вызвали на свидетельскую трибуну, в зал вошел высокий сутулый седой человек лет шестидесяти, в руках он держал какой-то предмет в оберточной бумаге. Его лицо показалось мне знакомым, но я не мог понять откуда. Он поймал взгляд Руфи и кивнул ей. Она облегченно выдохнула, наклонилась и передала записку, которую держала в руке, поверженному Уиллоутону, указав ему на седобородого человека. После этого она тихо прошла на свидетельскую трибуну.

Хэмли прочитал послание, сразу же наклонился к Хейзелдину и что-то шептал ему на ухо. По тону было слышно, что он взволнован. Хейзелдин прочитал записку и тоже заволновался. Хэмли соскользнул со своего места, подошел к седому мужчине,

который так и стоял у входа, и повел с ним оживленную беседу.

Грэйторекс начал допрос Руфи, и я, естественно, переключился на них. Прокурор старался еще раз показать, в каких плохих отношениях состояли Келстерн и Уиллоутон. Он попросил Руфь рассказать присяжным о том, какие именно угрозы высказывал Келстерн. Затем — это просто поразительно, как мало полиции удается накопать в действительно важных расследованиях, — допрос принял любопытный оборот. Грэйторекс стал расспрашивать Руфь о ее собственных отношениях с Уиллоутоном, явно пытаясь показать, что они были не просто помолвлены, а находились в любовной связи.

Я тут же понял, к чему клонило обвинение. Оно пыталось воспользоваться инстинктивным стремлением британских присяжных и британских судей к защите нравственности: они всегда готовы повесить человека, обвиняемого в убийстве, за аморальные отношения с противоположным полом. Лучшего способа восстановить присяжных против Уиллоутона, чем доказать, что он соблазнил Руфь, обещая жениться, просто не существовало.

Конечно, Хейзелдин тут же вскочил с протестом, что, мол, эти вопросы не имеют отношения к делу и неприемлемы. И конечно же Гарбульд не поддержал его, не зря молодые адвокаты дали ему обидную кличку. Хейзелдин был великолепен. За ним числилось немало ссор с Гарбульдом, но эта перепалка превзошла их все. Гарбульд просто дурак, что ввязывается с ним в споры. Хейзелдин всег-

да одерживает верх, или, по крайней мере, так кажется. А значит, на его стороне и симпатии присяжных. Впрочем, Гарбульда на место судьи поставили не за мозги, а за политические заслуги. Он постановил, что вопросы вполне приемлемы, и сам задал Руфи парочку.

Тут Уиллоутон вышел из себя и заявил, что все это не имеет никакого отношения к делу и что это неслыханное безобразие. Голос у него зычный, и его не так-то просто заткнуть, если он не хочет затыкаться. Когда суду это наконец удалось, Гарбульд был лиловым от ярости. Было ясно, что теперь он сделает все возможное, чтобы повесить Уиллоутона. Но, посмотрев на присяжных, я подумал, что вспышка Уиллоутона скорее сыграла в его пользу и что протесты Хейзелдина все-таки пошатнули доверие к Гарбульду. Глядя на кисловатые лица прокуроров, я почувствовал, что обвинение в этом месте наломало дров.

Грэйторекс при поддержке Гарбульда продолжил задавать вопросы, и Руфь, скорее вызывающе, чем смущенно (вспыхнувший румянец сделал ее невероятно обаятельной), признала, что они с Уиллоутоном были любовниками. Не раз и не два, проводив ее домой с танцев или из театра, он оставался до утра. Одна из служанок шпионила за ними, так что обвинение располагало доказательствами.

Я боялся, что, несмотря на протесты Хейзелдина, тот факт, что Уиллоутон, выражаясь словами Грэйторекса, соблазнил Руфь, обещая на ней жениться, разозлит присяжных и приведет его на виселицу.

Тут Руфь, по-прежнему с горящими щеками, но вполне собранная, сказала:

— Из-за этого мой отец мог бы убить мистера Уиллоутона, но не наоборот.

Гарбульд обрушился на нее, как тонна кирпичей. Она, мол, находится здесь, чтобы отвечать на вопросы, а не делать праздные замечания, и так далее и тому подобное.

Затем Грэйторекс подвел разговор к их размолвке и заметил, что инициатива принадлежала Уиллоутону, что, по сути, он бросил Руфь, предварительно скомпрометировав.

С этим она категорически не согласилась, заявив, что они поссорились и она разорвала помолвку сама. На этом она стояла твердо, хотя даже Гарбульд принял живое участие в споре и очень старался поколебать ее уверенность.

Тут в их перепалку вклинился подуспокоившийся было Уиллоутон:

— Что вы к ней пристали? Она говорит чистую правду.

Мало того что атмосфера в зале суда и так уже была накалена, так Уиллоутон еще и произнес эти слова чрезвычайно неприятным язвительным тоном.

Вновь Гарбульд сурово отчитал его, велел соблюдать тишину и сказал, что не даст устраивать из суда цыганский табор.

— С медведем в судейском кресле, — сказал Хейзелдин Арбатноту хорошо поставленным шепотом.

Несколько человек засмеялись, в том числе один присяжный. К моменту, когда Гарбульд закончил ему выговаривать, я сильно сомневался,

что этот присяжный скажет “виновен”, даже если он вдруг сам видел, как Уиллоутон заколот Келстерна.

Уиллоутон набросал записку, которую передали Хейзелдину.

Хейзелдин поднялся, чтобы допросить Руфь. Выглядел он спокойным и уверенным. Он вытянул из нее признание, что ее отец прекрасно относился к Уиллоутону вплоть до разрыва помолвки, что когда это произошло, то он со всей горячностью встал на сторону дочери, и что когда служанка донесла ему об их истинных отношениях, это уже не слишком усугубило его озлобленность.

Потом Хейзелдин спросил:

— Верно ли, что с момента разрыва помолвки подсудимый неоднократно умолял вас простить его и начать все сначала?

— Четыре раза, — ответила Руфь.

— И вы отказали ему?

— Да, — ответила Руфь. Она странно посмотрела на Уиллоутона и добавила: — Ему следовало дать урок.

— Просил ли он вас хотя бы заключить с ним формальный брак, обещая оставить вас сразу же у дверей церкви?

— Да.

— И вы отказались?

— Да, — ответила Руфь.

Гарбульд подался вперед и спросил пренебрежительным тоном:

— И почему же вы отвергли возможность исправить свое постыдное поведение?

— Никакое оно не постыдное, — огрызнулась Руфь и бросила сердитый взгляд на судью. Затем она наивно добавила: — Я отказалась, потому что не было никакой спешки.

Он женился бы на мне в любой момент, если бы я передумала и захотела этого.

Возникла пауза. Мне казалось совершенно очевидным, что обвинение жестоко ошиблось, подняв вопрос об отношениях Руфи и Уиллоутона: было ясно, что он пытался защитить ее от любых нежелательных последствий их связи. Но присяжные — дело такое, с ними заранее никогда не знаешь.

Тут Хейзелдин перевел разговор в новое русло. Он спросил с сочувствием в голосе:

— Верно ли, что ваш отец был болен раком и очень страдал?

— У него начались сильнее боли, — с грустью сказала Руфь.

— Верно ли, что он составил завещание и привел в порядок все дела за несколько дней до смерти?

— За три дня, — сказала Руфь.

— Выражал ли он когда-нибудь намерение покончить жизнь самоубийством?

— Он говорил, что еще немного потерпит, а потом покончит со всем этим, — сказала Руфь. Помолчала и добавила: — Так он и сделал.

Можно было бы сказать, что зал вздрогнул. По-моему, каждый шевельнулся, и по помещению прокатился неясный шорох. Гарбульд откинулся в кресле, недоверчиво крикнул и уставился на Руфь.

— Сообщите, пожалуйста, суду, на каких основаниях вы это утверждаете, — сказал Хейзелдин.

Руфь подобралась, краска сошла с ее лица, она казалась очень уставшей. Она начала тихим ровным голосом:

— Я ни секунды не верила, что мистер Уиллоутон убил моего отца. Если

бы отец убил мистера Уиллоутона, это был бы другой разговор.

Гарбульд наклонился к ней и прорычал, что суд интересуют не мнения и фантазии, а факты.

Не думаю, что Руфь слышала его; она продолжала тем же тихим голосом, последовательно излагая свои соображения:

— Конечно, я, как и все, ломала голову над орудием убийства: что это было и куда оно делось. Я не поверила, что это был заточенный кусок стали полдюйма в диаметре. Если надо убить человека и потом спрятать оружие, зачем брать такую большую штуку? Убить можно и шляпной булавкой, а спрятать ее гораздо легче. Однако больше всего меня озадачил чайный лист в ране. Остальные выпавшие из термоса чайные листья лежали на полу. Так мне сказал инспектор Бреккет. И я не могла поверить, что один из них прилип к груди отца именно там, где клинок проткнул кожу, и вошел, попав на его острие, в рану. Слишком много совпадений, чтобы я могла верить в их случайность. Но понимала я не больше остальных.

Гарбульд вмешался и раздраженно потребовал перейти к фактам. Хейзелдин поднялся и попросил не перебивать свидетеля, сказав, что Руфь решила загадку, поставившую в тупик лучшие умы Англии, и что она имеет право рассказывать так, как считает нужным.

Опять казалось, что Руфь не слушает их, и, когда они замолчали, она продолжала все тем же тихим голосом:

— Конечно, я помнила слова отца “положить бы конец всему этому”, но

человек с такой раной уже не смог бы подняться, чтобы спрятать оружие. А позавтраком ночью мне вдруг приснилось, что я вхожу в лабораторию и вижу на папином рабочем столе заостренный кусок стали.

— Уже и до снов дошли, — презрительно проворчал Гарбульд, снова откидываясь назад и складывая руки на животе.

— Я, конечно, не придавала значения сну, — продолжала Руфь, — ведь я думала обо всем этом так долго и мысли эти были столь навязчивы, что в подобных снах не было ничего удивительного. Но после завтрака у меня вдруг возникло ощущение, что разгадка прячется в лаборатории, надо только ее найти. Я не придавала значения и этому, но ощущение становилось все сильнее, и после обеда я пошла в лабораторию и начала поиски: тщательно перебрала все ящики и ничего не нашла; обошла помещение, рассматривая все предметы и заглядывая во все углы, пересмотрела все инструменты, колбы, пробирки и прочее. Потом я вышла на середину комнаты и очень внимательно огляделась. У стены возле двери лежал, ожидая отправки в утиль, пустой газовый баллон. Я перевернула его, чтобы посмотреть, что там был за газ. Этикетки на баллоне не было.

Она сделала паузу и обвела взглядом зал, словно бы прося особого внимания, а затем продолжила:

— Это очень странно, потому что все газовые баллоны должны быть подписаны: многие газы опасны. Я открыла вентиль, но ничего не произошло — баллон был пуст. Тогда я взяла журнал закупок и обнаружи-

ла, что за десять дней до смерти отец получил баллон углекислого газа и семь фунтов льда и потом получал по семь фунтов льда в день до самой смерти. Лед и углекислый газ навели меня на мысль. CO_2 , двуокись углерода, замерзает уже при минус восьмидесяти по Цельсию. В баллоне она находится под давлением, в жидком состоянии. Выходя из баллона, она превращается в газ и расширяется, что вызывает резкое понижение температуры, и часть ее кристаллизуется, превращаясь в очень мелкий снег. И из этого снега, если его спрессовать, можно сделать очень твердый и прочный лед — его называют сухим льдом. Меня осенило, что папа мог собрать этот снег и, используя подходящую форму, создать оружие, которое не только могло бы нанести такую рану, но и исчезнуть сразу после этого!*

Руфь снова сделала паузу и оглядела зал. Количеству восхищенных лиц позавидовал бы любой рассказчик. Потом она продолжила:

— Я поняла, что именно так отец и сделал. Я была в этом совершенно

Она засунула руку в сумочку, достала из нее черный предмет примерно девяти дюймов в длину и трех четвертей дюйма в толщину и подняла так, чтобы все могли его рассмотреть.

уверена. Из сухого льда можно сделать твердый и прочный кинжал, который быстро испарится в горячем воздухе кальдария и не оставит запаха, поскольку углекислый газ не пахнет. Так что оружие исчезнет. Это объясняет и чайный лист. Как только папа сделал ледяной клинок — может

* Сухой лед при атмосферном давлении не тает, а сразу испаряется, не оставляя следов.

быть, за неделю до того, как он воспользовался им, может быть, лишь за день, — он поместил его в термос. Термос ведь предохраняет от нагрева так же, как от остывания. Но для пущей уверенности он еще и хранил термос во льду, пока не настал час воспользоваться клинком. Это единственное объяснение ситуации с чайным листом. Он налип на острие клинка еще в термосе и вместе с ним и вошел в рану!

Зал буквально вздохнул с облегчением.

Гарбульд недоверчиво спросил неприятным голосом:

— Почему же вы не пошли со своей фантастической теорией в полицию?

— Но из этого не вышло бы ничего хорошего, — быстро воскликнула она. — Что толку, что я знала это? Надо было убедить всех остальных, найти вещественные доказательства. Я начала искать, интуитивно чувствуя, что они существуют. Больше всего я хотела найти литейную форму. И я нашла ее!

Эти слова она произнесла торжествующим голосом и улыбнулась Уиллоутону. Затем продолжила:

— По крайней мере, я нашла ее кусочки. В коробке, в которую мы выбрасывали всякий хлам, обрезки, сломанные инструменты и разбитые пробирки, я нашла несколько кусочков эбонита и сразу поняла, что это остатки формы. Я слепила из воска модель ледяного клинка и, обклеив ее кусочками эбонита, сложила форму, по крайней мере, большую ее часть — некоторые мелкие кусочки пропали. Я просидела почти всю ночь, но я нашла самую важную часть — заостренный кончик!

Она засунула руку в сумочку, достала из нее черный предмет примерно девяти дюймов в длину и трех четвертей дюйма в толщину и подняла так, чтобы все могли его рассмотреть.

Кто-то, не раздумывая, захлопал, и последовала буря аплодисментов, в которой потонул и голос секретаря, вызывающего к порядку, и рев Гарбульда.

Когда аплодисменты стихли, Хейзелдин, который всегда умеет поймать нужный момент, сказал:

— У меня нет больше вопросов к свидетелю, ваша честь, — и сел.

Это глубоко впечатлило меня и, думаю, присяжных тоже.

Побагровевший Гарбульд выпрямился и буквально зарычал на Руфь:

— И вы полагаете, присяжные поверят, что такой известный человек, как ваш отец, устроил из своей смерти подлую ловушку, чтобы повесить подсудимого?

Руфь посмотрела на него, пожала плечами и сказала:

— Ну да, папа был такой. И он, конечно же, искренне верил, что мистер Уиллоутон заслуживает казни.

Столь спокойное признание присутствующих человеку слабостей не ожидаешь услышать из уст молодой женщины. Тем не менее что-то в ее тоне и поведении заставляло поверить, что Келстерн не только "был такой", но и действовал в соответствии со своей природой.

Грэйторекс не стал еще раз допрашивать Руфь. Оно о чем-то поговорил с Хейзелдином, и тот начал допрос свидетелей защиты. Хейзелдин, поднявшись, сказал, что не будет тратить время уважаемого суда и, ввиду того что мисс Келстерн разгадала загадку смерти своего отца, вызовет только одного свидетеля, профессора Мозли.

Седобородый сутулый человек, пришедший в суд с таким опозданием, прошел на свидетельскую трибуну. Неудивительно, что его лицо показалось мне знакомым: я видел его портрет в газетах добрый десяток раз.

Он по-прежнему держал в руках свой сверток.

В ответ на вопросы Хейзелдина он заявил, что вполне возможно и даже нетрудно сделать из двуокиси углерода оружие достаточно твердое, прочное и острое, для того чтобы нанести рану, подобную ране Келстерна. Сделать его можно так: свернуть кулек из куска замши и, держа этот кулек левой рукой, защищенной перчаткой, у горлышка баллона с жидкой двуокисью углерода, открыть вентиль правой рукой. Жидкость быстро испаряется, температура падает, и часть двуокиси углерода вскоре достигает температуры замерзания, минус восемьдесят градусов по Цельсию. При этом она кристаллизуется на замше и образует налет снега из CO_2 . Затем следует закрыть вентиль, соскрести снег в эбонитовую форму требуемой толщины и трамбовать его эбонитовым пестиком до изготовления орудия необходимой твердости. Мозли также добавил, что разумно держать форму на льду во время заполнения и утрамбовки, а затем поместить орудие в термос и хранить там до нужного момента.

— И вы изготовили такое орудие? — спросил Хейзелдин.

— Да, — ответил профессор, разрывая бечевку на своем свертке. — Когда мисс Келстерн вытащила меня из постели сегодня в половине восьмого утра, чтобы рассказать о своих открытиях, я сразу понял, что она нашла разгадку смерти своего отца, которая изрядно занимала меня. Я быстро позавтракал и приступил к работе, чтобы сделать та-

кое орудие самому и тем убедить суд. Вот оно.

Он вытащил из оберточной бумаги термос, отвинтил крышку, перевернул его и подставил руку в перчатке. На нее упал белый стержень длиной дюймов восемь. Он поднял его и показал присяжным.

— Сухой лед прочнее и тверже других известных видов льда, и я не сомневаюсь, что мистер Келстерн убил себя подобным орудием, только заостренным. У меня не было подходящей эбонитовой формы, но та форма, которую сложила мисс Келстерн, годится для создания клинка. Без сомнения, ее изготовили по специальному заказу мистера Келстерна, ско-

рее всего это сделали господа Хокинс и Спендер.

Он бросил стержень обратно в термос и завинтил крышку.

Хейзелдин сел.

Заседатель, получивший выговор от Гарбульда, наклонился вперед и горячо что-то зашептал старшине присяжных. Встал Грэйторекс.

— Что касается кончика клинка, профессор Мозли, мог ли он при такой жаре оставаться острым достаточно долго? — спросил он.

— Я считаю, что да, — ответил профессор, — я думал об этом. Учитывая, что мистер Келстерн как ученый прекрасно знал, что именно надо делать, а как искусный мастер отличался

TURKISH BATHS AT HOME

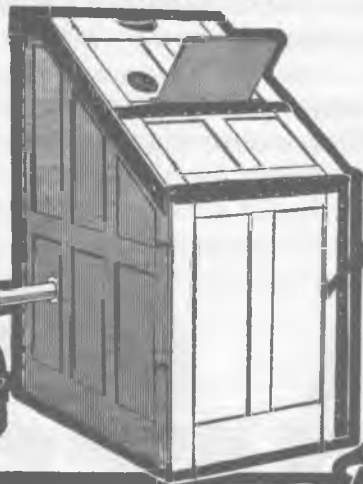
No form of bathing accomplishes such perfect cleanliness as the combined **HOT-AIR** and **VAPOUR BATH**. It not only cleanses the outer surface, but also opens the pores, eliminates impure matters, and stimulates a healthful flow of—life's principle—the blood, clears the skin, recuperates the body, quiets the nerves, rests the tired, and creates that delightful feeling of invigorated health and strength.

PHYSICIANS agree that "**FOOT'S**" is

THE BEST CABINET

and recommend it for the prevention and cure of Colds, Influenza, Rheumatism, Kidney and Liver Troubles, Skin Diseases, etc. A "**Foot's**" Cabinet possesses every desirable feature of efficiency, and has several exclusive advantages, including Improved Outside Heat and Vapour Generator, Adjustable Seat, and Heat Regulator. The Bather is not fastened to the Cabinet; Exit is Easy and Immediate; No Assistant required. Can be used in any room, and folds into a small compact space.

Write for "**BATH BOOK**" No. 3, containing particulars of Cabinets at various prices.

J. FOOT & SON, Ltd., Dept. B3, 168, Gt. Portland St., London, W.1.

ловкостью рук, он мог бы достать клинок из термоса и направить его куда следует, потратив на все чуть больше секунды — а может, и меньше. Он, я полагаю, взял оружие в левую руку и ударом правой руки по тупому концу вогнал его в грудь. Кроме того, если бы острие затупилось, чайный лист бы с него упал.

— Спасибо, — сказал Грэйторекс и повернулся к помощникам.

После короткого совещания он сказал:

— Мы предлагаем закрыть дело, ваша честь.

Старшина присяжных вскочил на ноги и воскликнул:

— И присяжные не хотят слушать далее, ваша честь. Мы совершенно уверены, что подсудимый не виновен.

Гарбульд задумался. Ему явно очень хотелось продолжать слушание, но тут он перехватил внимательный взгляд Хейзелдина и, по-моему, решил не дать тому возможности наговорить еще каких-нибудь гадостей.

Он нехотя задал вопрос присяжным по всей форме и, когда те вынесли вердикт “невиновен”, освободил подсудимого.

Я покинул зал суда вместе с Руфью, и мы стали ждать Уиллоутона.

Вскоре он появился в дверях, остановился и передернул плечами. Потом увидел Руфь и подошел к ней. Они ничего не сказали друг другу. Она просто взяла его под руку, и они вышли из Нью-Бейли вместе.

Мы проводили их аплодисментами.

Агата Кристи

1890–1976

Перевод и вступление Александры Борисенко

В КОНЦЕ двадцатых годов, когда создавался Детективный клуб, никто не знал еще, что Агата Кристи затмит славой всех своих современников. Она могла показаться скорее белой вороной среди блестящих выпускников Оксфорда и Кембриджа — домохозяйка, не получившая никакого формального образования и написавшая свой первый детектив на пари (старшая сестра сказала: “А спорим, у тебя не получится”).

У Агаты Миллер было счастливое детство. Она жила в уютном доме у моря, в семье, где все любили друг друга. Дом был окружен садом, лужайками, теннисными кортами, в нем часто бывали гости, в том числе знаменитые — увы, о Генри Джеймсе Агата запомнила лишь то, что он требовал разломить для него пополам кусочек сахара.

К моменту, когда родилась Агата, ее мать успела разочароваться в образовании и решила, что до восьми лет ребенка не стоит даже учить буквам. Однако по нянинному недосмотру девочка выучилась свободно читать уже к трем годам. Агата хорошо говорила по-французски, была музыкальна, хотела петь в опере, но голос оказался недостаточно сильным. Впрочем, о профессии речь не шла — девушке следовало думать о замужестве. После ранней смерти отца

**A G A T H A
CHRISTIE**

семья оказалась в стесненном положении, и на первый “сезон” мать вывезла Агату в Каир — там все было существенно дешевле, чем в Англии.

Юная Агата кружила головы многочисленным поклонникам, неоднократно получала предложения руки и сердца, разорвала две помолвки и, наконец, в 1914 году вышла замуж за молодого летчика Арчибальда Кристи. Шла Первая мировая война. После поспешной свадьбы муж отправился на фронт, а жена — в госпиталь, продолжать добровольную работу в качестве сестры милосердия. Впоследствии она стала помощником провизора, прониклась интересом к ядам и даже писала об этом стихи:

*Таится опасность, внезапная смерть
В тех склянках зеленых и синих...*

Арчибальд Кристи вернулся с войны целым и невредимым, у молодой четы родилась дочь Розалинда, трудный послевоенный быт постепенно налаживался. Они много переезжали — Агата Кристи всю жизнь обожала покупать и обставлять дома, — по ее собственным словам, это началось еще с кукольных домиков. В 1920 году, после шестилетних странствий по издательствам, вышел ее первый роман — “Таинственное происшествие в Стайлз”. За ним последовали другие. Гонорары она получала небольшие и писательство воспринимала скорее как забаву. Впрочем, один из рассказов, напечатанных в журнале, принес ей довольно приличную сумму, и по совету Арчи она купила себе машину.

А потом вся эта размеренная жизнь сломалась. Умерла мать, Агата впала в тяжелую депрессию, Арчи объявил, что любит другую женщину. И Агата внезапно исчезла. Две недели вся страна искала известную писательницу, ее портреты не сходили с газетных передовиц, Арчи подозревали в убийстве. Она тем временем жила под чужим именем в отеле, ни от кого особенно не прячась. Более того, она написала письмо деверю, в котором предупредила об отъезде.

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ИЗУМРУД РАДЖИ”
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1926 ГОДУ
В ЖУРНАЛЕ “РЭД МЭГЭЗИН”.

== THE RAJAH'S ==
EMERALD

//////////////// THE RED MAGAZINE, 1926. //////////////////

Но полицейский комиссар был так убежден в виновности мужа, что посчитал письмо подделкой. Словом, история получилась вполне в духе ее детективов.

Для Агаты, воспитанной в викторианском укладе, развод был жизненным крахом. Однако средство от тоски она выбрала довольно неожиданное — оставив дочь на попечение сестры, в одиночестве уехала на Восток. Там ей дали в провожатые молодого археолога Макса Маллоуэна. Макс был моложе Агаты на четырнадцать лет, и это, быть может, способствовало легкому товарищескому тону их отношений. Однако по возвращении в Англию Макс сделал ей предложение. “Вряд ли у викторианской девицы, восклицающей: “Мистер Симпкинс, это так неожиданно!” — мог быть такой ошалевший вид, как у меня в тот момент”.

Ни слава, ни финансовая независимость не поколебали ее убеждения, что, выбирая мужа, женщина выбирает себе образ жизни. “К счастью, я могу получать удовольствие от чего угодно”, — писала она. Она полюбила долгие экспедиции, помогала на раскопках, археология проникла и в ее детективы. Потом была еще одна война, и она снова работала в провизорской и ждала мужа, служившего на Востоке.

Агата Кристи-Маллоуэн стала председателем Детективного клуба, Дамой Британской империи и почетным доктором Оксфордского университета. Ее книги переводили на сотни языков, ее пьесы не сходили со сцены. Умерла она в возрасте 86 лет.

В ЭТОЙ антологии творчество Агаты Кристи представлено двумя курортными историями: в одной действует знаменитый Эркюль Пуаро, в другой — безвестный молодой герой по имени Бонд. Джеймс Бонд.

© Agatha Christie Limited, a Chorion company. All rights reserved.

© А. Борисенко, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ПУАРО И РОДОССКИЙ
ТРЕУГОЛЬНИК” БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1936 ГОДУ
В ЖУРНАЛЕ “СТРЭНД”.

POIROT AND THE TRIANGLE AT RHODES

//////////////// THE STRAND MAGAZINE, 1936. //////////////////

АГАТА КРИСТИ

Изумруд раджи

Джеймс Бонд сосредоточенно изучал маленькую желтую книжечку. Ее обложку украшал волнующий вопрос: “Хотите увеличить свою зарплату на 300 фунтов в год?” Сама книжка стоила один шиллинг. Джеймс только что прочитал две страницы точных инструкций: смотреть начальнику в глаза, проявлять инициативу, излучать деловитость. Теперь он подошел к более тонким материям: “Все свое время: иногда следует быть откровенным, иногда — сдержанным, — поучала желтая книжечка. — Сильная личность умеет держать язык за зубами”. Джеймс закрыл книжку и устремил взгляд на голубой простор океана. В душу его закралось ужасное подозрение, что он — не сильная личность. Разве сильная личность стала бы все это терпеть? Нет, она бы взяла инициативу в свои руки.

В сотый раз за утро Джеймс принялся перебирать нанесенные ему обиды. Он здесь в отпуске. В отпуске. Ха-ха. Сардонический смех. Кто заставил его приехать на этот феше-

небельный курорт, Кимптон-он-Си? Грэйс. Кто втянул его в непосильные расходы? Грэйс. А он с радостью согласился на ее план. Она притащила его сюда, и что же? Пока он обретается в богом забытом пансионе в полтора милях от океана, Грэйс, которая должна была жить в таком же пансиончике (но не в том же самом — в кругу Джеймса приличия соблюдались очень строго), самым возмутительным образом покинула его, чтобы поселиться ни много ни мало в отеле “Эспланада” прямо на набережной.

Там, видите ли, остановились ее друзья. Друзья! Джеймс снова сардонически рассмеялся. Он мысленно вернулся к трем годам неторопливого ухаживания за Грэйс. Как она радовалась, когда он впервые обратил на нее внимание! Тогда она еще не поднялась до заоблачных высот в шляпном салоне господ Бартлз на Хай-стрит. В те далекие дни Джеймс мог смотреть на нее свысока. Увы, теперь роли переменялись. Грэйс стала “зарабатывать хорошие деньги” и задирать нос. Да-да, именно задирать нос. Джеймс смутно припомнил обрывок

какого-то стихотворения, где горячке советовали преклонить колени, поститься

*...и от сердца
благодарить Творца за то,
что любит вас честный человек*.*

Но что-то было незаметно, чтобы Грэйс постилась и благодарила Творца. После сытного завтрака в “Эспланаде” она не обращала ни малейшего внимания на честного человека и его любовь, а вместо этого выслушивала комплименты расфуфыренного крестина по имени Клод Сопуорт, не имевшего — Джеймс был в этом убежден — никакого представления о морали.

Джеймс топнул ногой и мрачно вперился в горизонт. Кимптон-он-Си! И чего его сюда понесло? Это был курорт для богатых и знаменитых — у моря красовались два больших отеля, а на нескольких милях вдоль берега расположились живописные бунгало, принадлежащие популярным актрисам, состоятельным евреям и английским аристократам из тех, кто женился на деньгах. Самое скромное меблированное бунгало сдавалось за двадцать пять гиней в неделю. Воображение отказывалось представить, сколько стоили самые шикарные. Как раз позади скамейки, на которой сидел Джеймс, располагался один из таких дворцов. Он принадлежал известному любителю рыбалки лорду Эдварду Кэмпбеллу, и в настоящее время здесь гостили высокопостав-

ленные особы, включая раджу Марпутны, обладателя баснословных богатств. Джеймс читал о нем сегодня в местной газете: там перечислялись его владения в Индии, дворцы, коллекция драгоценных камней; особенно подробно говорилось об одном изумруде — “размером с голубиное яйцо”, как восторженно утверждала газета. Джеймс вырос в городе и смутно представлял себе размер голубинового яйца, но эта фраза произвела на него впечатление.

— Был бы у меня такой изумруд, — сказал Джеймс, по-прежнему мрачно глядя в горизонт, — уж я бы ей показал.

Угроза получилась неясной, но ему полегчало. Сзади Джеймса окликнули смеющиеся голоса, он оглянулся и оказался лицом к лицу с Грэйс. С нею были Клара Сопуорт, Элис Сопуорт, Дороти Сопуорт и — увы! — Клод Сопуорт. Девушки шли рука об руку и хихикали.

— Таинственный незнакомец! — лукаво приветствовала его Грэйс.

— Угу, — согласился Джеймс.

Можно было найти и более красноречивый ответ. Трудно выразить всю силу своей личности в одном коротком слове. Он с сосредоточенной ненавистью оглядел Клода Сопурта. Клод Сопуорт был одет с иголочки, почти как герой музыкальной комедии. Джеймс страстно желал, чтобы какой-нибудь приветливый приморский пес встал перепачканными в песке мокрыми лапами на белоснежные фланелевые брюки Клода. Его собственные фланелевые брюки были практичного серого цвета и видали лучшие дни.

* Джеймс вспоминает пьесу Шекспира “Как вам это понравится”, а точнее — пятую сцену третьего акта, в которой Розалинда отчитывает Фебу за спесь и высокомерие. Цитата приводится в переводе П. И. Вейнберга.

— Таинственный незнакомец! —
лукаво приветствовала его Грэйс.

— Какая красота-а, — протянула Клара, вдыхая морской воздух. — Прямо заряжает энергией!

Она хихикнула.

— Это озон, — ответила Элис Сопурт. — Он действует тонизирующе. — И она тоже хихикнула.

Джеймс подумал: "Вот бы столкнуть их глупыми лбами. Чего они все время хихикают? Ведь ничего смешного не сказали".

Белоснежный Клод томно пробормотал:

— Пойдем окунемся, или это слишком утомительно?

Идея купания была принята с восторгом. Джеймс присоединил-

ся к компании. Он даже умудрился при помощи ловкого маневра немного отстать от остальных вместе с Грэйс.

— Послушай! — сказал он с обидой — Мы с тобой почти не видимся!

— Ну вот, сейчас мы все вместе, — отозвалась Грэйс, — и потом, ты можешь приходить и обедать с нами в отеле, во всяком случае...

Она с сомнением посмотрела на его ноги.

— Недостаточно франтоват для тебя, да? — запальчиво спросил Джеймс.

— Дорогой, я думаю, ты мог бы немного приодеться, — сказала Грэйс. —

Здесь все ужасно нарядные. Посмотри на Клода Сопурта.

— Уже посмотрел, — мрачно ответил Джеймс. — Никогда не видел мужчины, который выглядел бы таким законченным ослом.

Грэйс выпрямилась:

— Не стоит критиковать моих друзей, Джеймс, это невежливо. Он одет так же, как и все джентльмены в нашем отеле.

— Подумаешь! Знаешь, что я прочитал недавно в светской хронике? Что герцог... герцог... в общем, какой-то герцог, уже не помню какой, одевается хуже всех в Англии! Вот так.

— Ну что ж, — сказала Грэйс. — На то он и герцог.

— Ну, может, и я стану когда-нибудь герцогом, — сказал Джеймс. — Ну не герцогом, так пэром.

Он похлопал по желтой книжечке, лежащей в кармане, и стал перечислять ей английских пэров, которые начали жизнь куда более скромно, чем Джеймс Бонд.

Грэйс только хихикала:

— Не будь дурачком, Джеймс! Представляю себе: лорд Кимптон-он-Си!

Джеймс смотрел на нее со смесью ярости и отчаянья. Здешний воздух явно ударил ей в голову.

Берег Кимптона — длинная прямая полоса песчаного пляжа. По нему тянется ряд купален и палаток для переодевания*. В конце ряда особняком стоят шесть купален с внушительными табличками: "Только для гостей отеля "Эспланада".

— Мы пришли, — весело сказала Грэйс. — Но, боюсь, тебе сюда нельзя. Тебе придется пойти вон туда, в общие раздевалки. Встретимся в море! Пока!

— Пока! — ответил Джеймс и отправился в указанном направлении.

Двенадцать ветхих палаток стояли у самого океана. Их охранял старый моряк с голубым бумажным рулоном в руках. Он принял от Джеймса мелкую монету, бросил ему полотенце, оторвал голубой билетик от своего рулона и указал куда-то себе за спину:

— В очередь.

Только тут Джеймс осознал, что у него есть конкуренты. Не одному ему пришла идея окунуться в море. Все палатки были заняты, и перед каждой стояла толпа решительно настроенных людей, с подозрением глядящих друг на друга. Джеймс присоединился к самой маленькой толпе и стал ждать. Вход в палатку раздвинулся, и оттуда показалась красивая, лишь слегка одетая молодая женщина. Она поправила купальную шапочку с видом человека, которому совершенно некуда спешить, прошествовала к кромке воды и с мечтательным видом уселась на песок.

— Нет, так дело не пойдет, — решил Джеймс и встал в хвост другой очереди.

В течение пяти минут в палатке ничего не происходило, потом полотно заходило ходуном и створки открылись, выпуская мать, отца и четверых детей. Учитывая скромный размер палатки, это явление казалось делом рук фокусника. В мгнове-

* Как выглядят купальни и палатки, можно посмотреть в глоссарии (37, 38).

ние ока две женщины кинулись к палатке и каждая схватилась за одну из полотняных створок.

— Прошу прощения! — сказала первая, слегка задыхаясь.

— Нет, это я прошу прощения! — ответила другая, смерив ее убийственным взглядом.

— Я стояла здесь уже десять минут, когда вы пришли, — быстро заговорила первая.

— Я здесь уже больше четверти часа, все это подтвердят, — возразила вторая.

— Ну-ну, что за шум, — проворчал старый моряк, подходя поближе.

Обе женщины взволнованно зататорили. Когда они умолкли, моряк указал пальцем на вторую и коротко сказал:

— Ваша очередь.

И удалился, не слушая возмущенных протестов. Он не знал и знать не хотел, которая из этих дамочек пришла первой, но его решение, как пишут в газетах, “обжалованию не подлежало”. Отчаявшийся Джеймс схватил моряка за руку:

— Послушайте!

— В чем дело, мистер?

— Как вы думаете, сколько мне придется ждать?

Старый моряк окинул толпу бесстрастным взглядом.

— Час-полтора, я бы сказал.

В этот момент Джеймс увидел Грэйс и девиц Сопуорт — они легко бежали по песку к морю.

— Черт! — сказал Джеймс сам себе. — Черт!

Потом снова потянул моряка за рукав:

— А есть здесь другие раздевалки?

Вон там стоят какие-то домики — они, кажется, свободны.

— Эти купальни, — с достоинством изрек старый мореход, — являются частной собственностью.

Произнеся эти суровые слова, он отошел. Джеймс с горечью осознал, что остался в дураках. Он отделился от ждущей толпы и яростно зашагал прочь по берегу. Всему есть предел! Как он ненавидит эти элегантные частные купальни! В этот момент либерал в нем раскалился докрасна и превратился в социалиста. Почему у богатых есть собственные раздевалки и они могут купаться когда захотят, не стоя в очереди?

— Эта система прогнила насквозь, — туманно произнес Джеймс. — Все не так.

С моря донеслись кокетливые повизгивания и плеск. Голос Грэйс! Ее восклицания заглушил дурацкий смех Клода Сопуорта.

— Проклятье! — пробормотал Джеймс, скрежеща зубами — он никогда раньше не пробовал скрежетать зубами, только читал об этом в книжках. Он остановился, яростно вертя тросточкой, и решительно повернулся спиной к морю. С сосредоточенной яростью разглядывал он надписи: “Орлиное гнездо”, “Буэна виста”^{*} и “Мон Дезир”^{**}. Завсегдатаи Кимптона имели обычай называть свои купальни экзотическими именами. Первое из них, “Орлиное гнездо”, смотрелось просто глупо. Второе, “Буэна виста”, оказалась за пределами лингвистических познаний Джеймса. Однако его

^{*} Красивый вид (исп.).

^{**} Мое желание (фр.).

французского хватило для того, чтобы понять, как уместно звучит третье.

— Мон дезир! — повторил Джеймс. — Это уж точно.

И в этот момент он заметил, что хотя двери других двух купален плотно закрыты, дверь “Мон Дезира” чуть-чуть приотворена. Джеймс осторожно огляделся по сторонам. В этой части пляжа обосновались в основном матери семейств с детьми, и они неусыпно приглядывали за своими чадами. Было всего десять утра — слишком рано для аристократов Кимптона.

“Небось валяются в постели, а лакей в напудренном парике подает им на подносе рябчиков с трюфелями. Никто из них не появится здесь раньше полудня”, — подумал Джеймс.

Он снова посмотрел в сторону моря. С неизбежностью надоевшего лейтмотива раздался над морем игривый вскрик Грэйс. За ним последовало “ха-ха-ха” Клода Сопуорта.

— Вперед, — сквозь зубы пробормотал Джеймс.

Он открыл дверь “Мон Дезира” и вошел. На секунду он смутился, увидев висящую на крючках одежду, но тут же успокоился. Купальня была разделена на две части — в правой части с крючков свисали желтый женский свитер, потрепанная панاما и пара пляжных сандалий; в левой висели поношенные серые фланелевые брюки, пуловер и зюйдвестка. Разделение полов было налицо. Джеймс торопливо вошел в мужскую половину и стремительно разделся. Через три минуты он был уже в море, фыркал и отплеывался с важным видом, демонстрируя чрезвычайно короткие

заплывы настоящим стилем — голова под водой, руки колотят по воде.

— А вот и ты! — воскликнула Грэйс. — Я думала, ты никогда не придешь — там такие толпы.

— В самом деле? — переспросил Джеймс. Он с благодарностью вспомнил желтую книжечку. “Сильная личность умеет держать язык за зубами”. К нему вернулось хорошее настроение. Вежливо, но твердо сказал он Клоду Сопуорту, который пытался научить Грэйс плавать кролем:

— Нет-нет, старина, не так. Ты все перепутал. Я сам ей покажу.

И так уверенно звучал его голос, что Клод пристыженно отступил. К сожалению, этот триумф продолжался недолго. Температура наших английских вод не позволяет купальщикам слишком долго оставаться на плаву. Грэйс и девицы Сопуорт уже посинели и стучали зубами. Они выбежали на берег, а Джеймс отправился в одинокий путь к купальне “Мон Дезир”. Энергично растираясь полотенцем и пытаясь натянуть рубашку через голову, он не переставал хвалить себя — безусловно, он проявил инициативу.

И вдруг Джеймс замер, парализованный ужасом. Снаружи послышались женские голоса, совсем не похожие на голос Грэйс или девиц Сопуорт. В следующую секунду он осознал, что за дверью находятся законные владельцы “Мон Дезира”. Может быть, если бы Джеймс был одет, он с достоинством дождался бы их появления и постарался объясниться. Однако в сложившихся обстоятельствах им овладела паника. Окна “Мон Дезира” были целомудренно завешены

темно-зелеными шторами. Джеймс кинулся к двери и отчаянно схватился за ручку. Ее безуспешно пытались повернуть снаружи.

— Все-таки заперто! — произнес девичий голос. — А Мопс говорил, что открыто.

— Нет, это Поссум говорил.

— Поссум вконец спятил. Какая досада, придется идти домой за ключом!

Джеймс услышал удаляющиеся шаги и перевел дыхание. В спешке он натянул на себя остальную одежду. Через две минуты он уже беспечно шагал по пляжу с видом почти свирепой невинности. Через четверть часа к нему присоединилась Грэйс и Сопуорты. Они приятно провели остаток утра, кидая камешки в море, рисуя на песке и слегка пикируясь. Потом Клод посмотрел на часы.

— Время обедать, — заметил он. — Пора возвращаться.

— Я зверски голодна, — заявила Элис Сопуорт.

Остальные девушки сказали, что тоже зверски голодны.

— Пойдешь с нами, Джеймс? — спросила Грэйс.

Наверное, Джеймс проявил излишнюю обидчивость. Но он решил счесть ее тон оскорбительным.

— Нет, если тебя не устраивает моя одежда, — сказал он с горечью. — Если ты такая привередливая, я лучше не пойду с вами.

Здесь Грэйс должна была бы ласково возразить, но морской воздух явно не пошел ей на пользу. Она просто сказала:

— Ладно, как хочешь, увидимся вечером.

Джеймс остался стоять, словно громом пораженный.

— Ну и ну! — произнес он вслед удаляющейся группке. — Ну и ну!

Он понуро побрел в город. В Кимптоне было всего два кафе — оба душные, шумные и переполненные. Опять все та же несправедливость, опять ему придется ждать своей очереди. Ждать пришлось даже дольше — только что подошедшая нахальная матрона уселась на освободившееся место прямо перед его носом. Наконец Джеймса посадили за маленький столик. Возле его левого уха три небрежно подстриженные молодые особы самозабвенно перепевали арии из итальянских опер. К счастью, Джеймс был равнодушен к музыке. Он бесстрастно изучал меню, засунув руки глубоко в карманы брюк. “Что бы я ни заказал, окажется, что это кончилось. Такой уж я человек”, — думал он.

Его правая рука наткнулась на незнакомый предмет в глубине кармана. Предмет на ощупь был похож на гальку — крупный и гладкий.

— Зачем, интересно, я сунул в карман камень? — удивился Джеймс.

Он сжал его в руке. Подошла официантка.

— Жареную камбалу с картофелем, пожалуйста, — сказал Джеймс.

— Камбала закончилась, — пробормотала официантка, задумчиво глядя в потолок.

— Тогда говядину под соусом карри, — сказал Джеймс.

— Говядина закончилась.

— Есть что-нибудь в этом идиотском меню, что не закончилось?! — рявкнул Джеймс.

На лице официантки отразилось страдание, ее серый указательный палец уперся в баранье рагу. Джеймс покорился неизбежности и заказал рагу. Все еще мысленно возмущаясь нравами местных кафе, он вытащил из кармана руку с зажатым в ней камнем. Разомкнув ладонь, он рассеянно взглянул на свою находку. И тут же забыл обо всех бедах. На его ладони лежал не морской камушек, а — в этом не было никакого сомнения — огромный зеленый изумруд. Джеймс в ужасе уставился на него. Нет, не может быть, наверное, просто кусок цветного стекла. Таких огромных изумрудов не бывает. И тут перед глазами Джеймса всплыли газетные строчки: "Раджа Марапутны... знаменитый изумруд размером с голубиное яйцо". Может быть, это тот самый изумруд? Официантка вернулась с бараньим рагу, и Джеймс судорожно сжал ладонь. Его бросало то в жар, то в холод. Что же теперь делать? Если это тот самый изумруд — но возможно ли это? Он снова разжал пальцы и украдкой взглянул на камень. Джеймс не очень разбирался в драгоценностях, но глубина и сияние камня убедили его, что это настоящий изумруд. Он положил локти на стол и вперил невидящий взор в баранье рагу, которое медленно застывало на блюде.

Нужно все обдумать. Если это изумруд раджи, то что с ним делать? Где-то в глубине сознания вспыхнуло слово "полиция". Если человек находит что-то ценное, он должен отнести это в полицию. Джеймс был воспитан на этой аксиоме.

Да — но как изумруд вообще попал в карман его штанов? Полиция

ведь обязательно задаст этот вопрос. Очень щекотливый вопрос, на который у Джеймса пока не было ответа. Как изумруд мог попасть в его карман? Джеймс оглядел штанину и почувствовал смутное беспокойство. Он присмотрелся внимательней. Одну пару поношенных серых фланелевых брюк непросто отличить от другой, но интуитивно Джеймс понял, что это не его брюки. Он откинулся на стуле, потрясенный этим открытием. Теперь он догадался, что произошло: торопясь выбраться из купальни, он надел чужие брюки. Они висели на соседнем крючке. Да, понятно, это чужие брюки, но все равно — что делает в кармане изумруд, стоящий сотни и тысячи фунтов? Чем дольше он об этом думал, тем загадочней казалось его приключение. Можно, конечно, объяснить полицию...

Нет, положение определенно неловкое. Придется рассказать, как он вошел в чужую купальню. Конечно, это не очень серьезный проступок, но это с самого начала выставит его в дурном свете.

— Что-нибудь еще, сэр?

Официантка многозначительно смотрела на нетронутое баранье рагу. Джеймс торопливо положил немного рагу себе на тарелку, попросил счет, расплатился и вышел. Снаружи он в нерешительности остановился и вдруг увидел на другой стороне улицы афишную тумбу. Соседний городок, Харчестер, издавал свою собственную газету, и на тумбе было наклеено ее оглавление. Один из заголовков гласил: "Похищен изумруд раджи".

“О боже”, — прошептал Джеймс и прислонился к колонне. Взяв себя в руки, он купил за пенни газету и немедленно нашел нужную статью — в местной газете было не так уж много сенсационных новостей. Огромными буквами на первой странице было выведено: “Беспрецедентное ограбление в доме лорда Эдварда Кэмпiona. Украден знаменитый изумруд. Раджа Марапутны безутешен”. Факты были просты и многочисленны. Накануне вечером лорд Кэмпиион принимал нескольких друзей. Желая показать свой изумруд одной из дам, раджа пошел за камнем и обнаружил, что его нет на месте. Вызвали полицию. Пока что полиция не располагает никакими уликами. Газета выпала у Джеймса из рук. Оставалось абсолютно непонятно, как изумруд мог оказаться в кармане серых фланелевых брюк, но можно было не сомневаться, что его история покажется полиции весьма подозрительной. Что же теперь делать? Вот он стоит на главной улице Кимптона-он-Си, в кармане у него — краденый изумруд, который стоит полкоролевства, и вся полиция округа ищет этот самый изумруд. Было два возможных выхода. Первый: пойти в полицию и все рассказать. Надо признаться, этот выход чрезвычайно пугал Джеймса. Второй выход заключался в том, чтобы так или иначе избавиться от изумруда. Можно, например, запаковать его в аккуратную посылку и отправить радже. Джеймс покачал головой. Нет уж, он прочитал достаточно детективных историй, чтобы не сделать такой глупости. Тут же найдется какой-нибудь суперсы-

щик с лупой и уймой разных хитроумных приспособлений. Любой уважающий себя детектив, за полчаса изучив посылку, будет знать профессию, возраст, привычки и внешность отправителя. После этого выследить Джеймса — вопрос времени.

И тут Джеймсу пришел в голову восхитительно простой план. Сейчас обеденное время и пляж почти пуст. Можно вернуться в “Мон Дезир”, повесить чужие брюки на место и надеть свои собственные. Он торопливо направился к морю.

Конечно, его немного мучила совесть. Изумруд следовало бы вернуть радже. Может быть, Джеймс и сам проведет небольшое расследование — разумеется, уже после того, как окажется в собственных штанах и повесит на место чужие. Приняв такое решение, он подошел к старому моряку, которого справедливо считал кладезем информации о Кимптоне.

— Простите пожалуйста, — вежливо осведомился Джеймс, — кажется, моему другу, мистеру Чарльзу Лэмптону, принадлежит одна из купален на этом пляже. Мне помнится, она называется “Мон Дезир”.

Старый моряк внушительно сидел на своем стуле — трубка в зубах, взгляд обращен в морскую даль. Он слегка подвинул трубку и, не отрывая взгляда от горизонта, произнес:

— “Мон Дезир” принадлежит его светлости лорду Эдварду Кэмпииону, это всем известно. В жизни не слышал о мистере Чарльзе Лэмптоне, он, видно, здесь недавно.

— Благодарю вас, — ответил Джеймс и удалился.

Полученная информация его озадачила. Не мог же раджа сам засунуть камень в карман и забыть о нем. Джеймс помотал головой — нет, эта теория не выдерживала никакой критики. Но тогда кто-то из гостей должен быть вором. Такое случалось порой в его любимых романах.

Однако это никак не меняло его планов. Все складывалось удачно. Берег, как он и надеялся, оказался практически безлюдным. Более того, дверь купальни “Мон Дезир” была по-прежнему приотворена. Проскользнуть внутрь было делом секунды. Джейм как раз снимал с крючка свои собственные брюки, когда сзади вдруг раздался голос, заставивший его подпрыгнуть и развернуться.

— Вот ты и попался, дружок.

Джеймс вытаращил глаза и открыл рот. В дверном проеме стоял незнакомец — элегантно одетый мужчина лет сорока, с настороженным, ястребиным лицом.

— Вот ты и попался, — повторил незнакомец.

— К-кто вы? — заикаясь, проговорил Джеймс.

— Детектив-инспектор Мерилиз, Скотленд-Ярд, — четко представился тот. — И я попрошу вас немедленно передать мне изумруд.

— И-изумруд? — Джеймс пытался выиграть время.

— Именно, — ответил инспектор Мерилиз.

Он говорил деловым, решительным тоном. Джеймс попытался взять себя в руки.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — сказал он, пытаясь держаться с достоинством.

— Вот ты и попался, дружок.

— Нет, дружок, ты все прекрасно знаешь.

— Это ошибка, — сказал Джеймс. — Я могу объяснить, как это вышло...

На лице его собеседника появилось скучающее выражение.

— Все так говорят, — сухо заметил человек из Скотленд-Ярда. — Вероятно, ты подобрал камень, когда гулял понабережной, да? Что-то в этом роде.

Джеймс не мог не признать, что его объяснение и вправду было "в этом роде", но он все еще надеялся выиграть время.

— Откуда я знаю, что вы действительно из полиции? — спросил он слабым голосом.

Мерилиз на мгновение распахнул полу пиджака, показывая металлическую бляху. Джеймс еще больше вытаращил глаза.

— Теперь ты сам видишь, — сказал незнакомец почти ласково, — во что ты вляпался. Я вижу, ты новичок. Первое дело?

Джеймс кивнул.

— Так я и думал. Ну, теперь, мой мальчик, давай-ка сюда изумруд. Или тебя обыскать?

Джеймс снова обрел голос.

— У меня... у меня его нет с собой, — сказал он наконец, лихорадочно размышляя.

— Оставил дома?

Джеймс кивнул.

— Ну что ж, — сказал детектив. — Пойдем вместе.

Он твердо взял Джеймса под руку.

— От меня не убежишь, — сказал он ласково. — Вместе пойдем к тебе, и ты отдашь мне камень.

Джеймс заговорил дрожащим голосом:

— А если я вам его отдам, вы меня отпустите?

Мерилиз по-видимому смутился.

— Мы знаем, как был украден изумруд, — сказал он, — и о леди, которая в этом замешана. И конечно, раджа захочет избежать огласки... Вы ведь знаете, какие обычаи у этих туземцев?

Джеймс, который ровным счетом ничего не знал об обычаях "этих туземцев", не считая того, что читал в газетах про одно нашумевшее дело, кивал головой с видом полного понимания.

— Это, конечно, против всех правил, — заключил детектив, — но, пожалуй, тебе это сойдет с рук.

Джеймс снова кивнул. Они прошли всю набережную и теперь сворачивали в город. Джеймс задавал направление; его спутник крепко держал его под руку.

Внезапно Джеймс заколебался и приостановился. Мерилиз зорко взглянул на него и рассмеялся. Они как раз проходили полицейский участок, и он заметил, что Джеймс кидает беспокойные взгляды в том направлении.

— Я же сказал, что дам тебе шанс, — добродушно сказал инспектор.

И тут события стали разворачиваться с неожиданной стремительностью. Джеймс испустил громкий вопль, вцепился в руку своего стража и принялся голосить:

— На помощь! Вор! Держите вора!

В мгновение ока их окружила толпа. Мерилиз пытался вырваться из цепкой хватки Джеймса.

— Этот человек залез ко мне в карман! — кричал Джеймс.

— Что ты мелешь, дурак? — вскричал Мерилиз.

К ним подошел констебль. Джеймса и мистера Мерилиза препроводили в участок, Джеймс повторил свою жалобу.

— Этот человек залез ко мне в карман! — взволнованно заявил он. — Мой кошелек у него в правом переднем кармане, вот там!

— Парень спятил, — пробормотал Мерилиз. — Посмотрите сами, инспектор.

Инспектор подал знак констеблю, который осторожно сунул руку в карман Мерилиза. Он вынул оттуда какой-то предмет и вскрикнул от изумления.

— О боже! — воскликнул инспектор, забыв про профессиональную сдержанность. — Это же изумруд раджи!

Мерилиз был потрясен больше остальных.

— Но это чудовищно! — выдохнул он. — Чудовищно. Этот человек подкинул мне изумруд, когда мы шли по набережной. Меня подставили!

Убежденность Мерилиза произвела впечатление на инспектора. Подозрение снова качнулось в сторону Джеймса. Он прошептал что-то на ухо констеблю, и тот вышел.

— Ну что ж, джентльмены, — сказал инспектор. — Давайте запишем ваши показания, по очереди.

— Конечно, — согласился Джеймс. — Я шел вдоль берега, встретил этого джентльмена, и он притворился, что мы знакомы. Я не мог его вспомнить, но не сказал ему этого из вежливости. Мы пошли вместе. Мне все это казалось подозрительным, а как раз когда мы проходили мимо по-

лицейского участка, я почувствовал его руку в своем кармане. Я схватил его и позвал на помощь.

Инспектор перевел взгляд на Мерилиза:

— Ваша очередь, сэр.

Мерилиз, казалось, несколько смутился.

— Это почти правда, — сказал он. — Но не совсем. Это не я сказал, что мы знакомы, а он. Наверняка он пытался избавиться от изумруда и подбросил его в мой карман, пока мы беседовали.

Инспектор перестал записывать.

— Вот как, — сказал он бесстрастно. — Ну что ж, через минуту сюда придет джентльмен, который поможет нам разобраться в происшествии.

Мерилиз нахмурился.

— Я не могу ждать, — сказал он, доставая часы. — У меня назначена встреча. Не можете же вы в самом деле вообразить, инспектор, что я украл изумруд и разгуливал, держа его в кармане? Это просто смешно!

— Согласен, сэр, это маловероятно, — ответил инспектор. — Но вам придется подождать минут пятьдесят, пока дело прояснится. А, вот и его светлость.

Высокий человек лет сорока вошел в комнату. На нем были поношенные брюки и старый свитер.

— Что случилось, инспектор? — спросил он. — Говорят, вы нашли изумруд? Великолепно, отличная работа. А это что за люди?

Его взгляд скользнул по лицу Джеймса и остановился на Мерилизе. Самоуверенность последнего стала съезживаться на глазах.

— Джонс! — воскликнул лорд Эдвард Кэмпбелл.

— Вы узнаете этого человека, лорд Эдвард? — быстро спросил инспектор.

— Разумеется, — сухо ответил лорд Эдвард. — Это мой камердинер, поступил на службу месяц назад. Сыщик из Лондона сразу его заподозрил, но ничего не нашел в его вещах.

— Изумруд был у него в кармане, — объявил инспектор. — Этот джентльмен его задержал. — Он указал на Джеймса.

— Спасибо, дорогой сэр, — сказал лорд Эдвард Кэмпбелл. — Значит, вы его выследили?

— Да, — сказал Джеймс. — Мне пришлось сказать, что он залез ко мне в карман, чтобы нас забрали в полицию.

— Великолепно, — сказал лорд Эдвард. — Просто великолепно. Вы должны со мной пообедать, если еще не обедали. Я знаю, сейчас поздно — уже почти два часа...

— Нет, — сказал Джеймс. — Нет, я не обедал, но...

— Ни слова, ни слова больше. Рад-жа захочет сам поблагодарить вас за то, что вы нашли его изумруд. Хотя я так и не понял, как вам это удалось.

Они вышли из полицейского участка и стояли на ступеньках.

— Вообще-то, — сказал Джеймс, — вам я хотел бы рассказать всю правду.

И он рассказал правду. Его светлость был чрезвычайно позабавлен.

— В жизни не слышал ничего более невероятного, — сказал он. — Теперь я все понимаю. Должно быть, Джонс

кинулся в купальню сразу же после того, как стащил изумруд, зная, что полиция будет тщательно обыскивать дом. Никто бы не стал искать камень в кармане моих старых штанов, которые я иногда надеваю на рыбалку. Он мог забрать его оттуда когда угодно. Представляю, какое потрясение он испытал, когда оказалось, что изумруд исчез! А когда вы появились, он сразу понял, что камень у вас. Но я все-таки не понимаю, как вам удалось раскусить его, когда он изображал детектива!

“Сильная личность, — подумал Джеймс, — умеет держать язык за зубами”.

Он загадочно улыбнулся, а пальцы его нащупали серебряный значок за отворотом пиджака. Значок малоизвестного клуба — “Клуба велочемпионов Мертон-парка”. Удивительное совпадение, что у Джонса тоже оказался этот значок!

— Эй, Джеймс!

Он оглянулся. С другой стороны дороги ему махали Грэйс и сестры Сопуорт. Он сказал лорду Эдварду: “Одну минуту!” — и перешел дорогу.

— Мы идем в кинематограф, — сказала Грэйс. — Хочешь с нами?

— Извини, — сказал Джеймс. — Я иду обедать с лордом Эдвардом Кэмпбеллом. Видишь — вот тот джентльмен в мешковатых брюках? Он хочет познакомить меня с раджей Марпутны.

Джеймс приподнял шляпу, повернулся и направился к лорду Эдварду.

АГАТА КРИСТИ

Пуаро и родосский треугольник

ГЛАВА 1

Эркюль Пуаро сидел на белом песке и смотрел на сверкающую синюю гладь. Одет он был, точно денди, в безукоризненно белый фланелевый костюм; голову его защищала широкополая соломенная шляпа. Он принадлежал к тому поколению, которое по старинке предпочитало тщательно укрываться от солнца. Сидевшая рядом с ним мисс Памела Лайелл исповедовала современные взгляды: ее загорелое тело было лишь чуть прикрыто одеждой. Мисс Лайелл не умолкала ни на секунду, если не считать коротких перерывов, когда она в очередной раз принималась намазываться маслянистой жидкостью из стоящей рядом бутылочки.

С другой стороны от мисс Памелы Лайелл расположилась ее задушевная подруга мисс Сара Блейк — она лежала лицом вниз на пляжном по-

лотенце в яркую полоску. Загар мисс Сары Блейк был столь безупречен, что мисс Памела Лайелл то и дело кидала на нее сокрушенные взгляды.

— Я так неровно загораю, — пробормотала она с досадой. — Месье Пуаро, если вам не трудно, — вот тут под правой лопаткой, никак не могу сама дотянуться...

Месье Пуаро оказал любезность даме, после чего тщательно вытер масляную руку о носовой платок. Мисс Лайелл, которая больше всего любила наблюдать за окружающими и слушать собственный голос, продолжала говорить.

— Я была права насчет этой женщины, той, в платье от Шанель, — это действительно Валентин Дэйкрес, вернее, Чантри. Я так и думала! Сразу ее узнала. Хороша, правда? Конечно, по ней все сходят с ума. И она принимает это как должное! А это уже полдела. А еще вчера приехала пара по фамилии Голд. Он — просто красавец.

— Молодожены? — приглушенно предположила лежащая на полотенце Сара.

Мисс Лайелл покачала головой с видом знатока:

— Нет, у нее недостаточно новая одежда. Невесту всегда узнаешь! Ведь правда, месье Пуаро, самое увлекательное занятие на свете — наблюдать за людьми? Сколько всего можно узнать, просто глядя на них!

— Не просто глядя, дорогая, — вкрадчиво заметила Сара. — Ты еще задаешь им кучу вопросов.

— Я и словом не обмолвилась с Голдами, — с достоинством возразила мисс Лайелл. — И вообще, я не понимаю, что дурного в том, чтобы интересоваться своими ближними. Человеческая натура — это так увлекательно! Правда, месье Пуаро?

На этот раз она сделала паузу, и ее собеседник смог ответить на вопрос. Не отрывая взгляда от синей глади, месье Пуаро произнес:

— *Ça dépend**.

Памела была потрясена:

— Но месье Пуаро! Разве есть на свете что-нибудь более интересное, более непредсказуемое, чем человек!

— Непредсказуемое? Не сказал бы.

— Ну как же! Только ты навесишь на кого-то ярлык — а он возьмет да и вытворит что-нибудь неожиданное!

Эркюль Пуаро покачал головой:

— Нет-нет, это неправда. Человек очень редко совершает поступок *hors son caractère* — не в своем характере. Люди страшно однообразны.

— Я с вами не согласна! — объявила мисс Лайелл.

И она помолчала целых полторы минуты, прежде, чем ринуться в бой.

— Я всегда смотрю на человека и тут же задаюсь вопросом: что он из себя представляет? Какие у него отношения с другими людьми? Что он думает, чувствует? Каждый человек — загадка!

— Едва ли, — сказал Эркюль Пуаро. — Природа постоянно повторяется. Даже море, — добавил он задумчиво, — куда более разнообразно, чем человек.

Сара повернула голову и спросила:

— Вам кажется, что люди все время идут по какой-то колее? Живут по стереотипу?

— *Précisément***, — сказал Пуаро и принялся чертить пальцем на песке.

— Что это вы рисуете? — с любопытством спросила Памела.

— Треугольник, — ответил Пуаро.

Но Памела уже отвлеклась.

— А вот и семейство Чантри, — сказала она.

По пляжу шла женщина — высокая, царственная, она знала, что привлекает к себе все взгляды. Миссис Чантри слегка кивнула, улыбнулась и присела на песок неподалеку. Алая с золотом шелковая накидка соскользнула с ее плеч, открывая белый купальный костюм.

Памела вздохнула:

— Какая фигура!

Но Пуаро смотрел на лицо — лицо женщины тридцати девяти лет, которая с шестнадцати славилась своей красотой. Он, как и остальные, был наслышан о Валентайн Чантри. Чем только не была она знаменита —

* Когда как (фр.).

** Именно так (фр.).

невыносимыми капризами, несметными богатствами, огромными сапфирово-синими глазами, брачными и внебрачными эскападами. На ее счету было пять мужей и несметное множество любовников. Она успела побывать по очереди женой итальянского графа, американского стального магната, теннисиста и гонщика. Из этих четверых один только американец отдал богу душу, остальных она небрежно стряхнула в ходе бракоразводных процессов. Полгода назад она снова вышла замуж — на сей раз за капитана военно-морского флота. Сейчас капитан шел по пляжу следом за женой — молчаливый, смуглый, с тяжелым подбородком и угрюмой повадкой, он несколько напоминал гориллу.

Валентайн произнесла:

— Тони, котик, мой портсигар...

Он тут же подал ей сигарету, поднес огонь, помог опустить с плеч бретельки купального костюма. Она улеглась на солнце, раскинув руки. Он сидел рядом, словно дикий зверь, стерегущий добычу.

Памела сказала, благоразумно понизив голос:

— Они ужасно меня интригуют... В нем столько животной силы, он такой молчаливый и все время настороже. Я думаю, таким женщинам это должно нравиться. Все равно что входить в клетку к тигру! Любопытно, как долго это продлится. Они ей быстро надоедают, особенно в последнее время. Но когда она решит от него избавиться, он может показать зубы.

В этот момент на пляже появилась еще одна пара. Эти держались скорее застенчиво — они приеха-

ли только накануне. Мистер и миссис Дуглас Голд, как узнала Памела, изучив гостиничный журнал регистрации. Благодаря итальянским бюрократическим правилам Памела смогла ознакомиться с паспортными данными вновь прибывших — в журнале были указаны их полные имена и возраст. Мистеру Дугласу Камерону Голду был тридцать один год, а миссис Марджори Эмме Голд — тридцать пять.

Как уже было сказано, хобби мисс Лайелл заключалось в изучении себе подобных. В отличие от большинства англичан, она умела заговорить с незнакомцем, не выжидая добрых четырех дня, а то и целую неделю, прежде чем обменяться парой осторожных реплик о погоде. Отметив некоторую застенчивость и неуверенность в манере миссис Голд, она весело окликнула ее:

— Здравствуйте, правда, отличный денек?

Миссис Голд была хрупкой женщиной, напоминавшей мышку. Нельзя сказать, что она была нехороша собой — правильные черты, здоровый цвет лица. Но чувствовалась в ней какая-то робость, незначительность, которая заранее обрекала миссис Голд на пренебрежение окружающих. Муж ее, напротив, был чрезвычайно красив: очень светлые вьющиеся волосы, голубые глаза, широкие плечи, узкие бедра. Он казался скорее театральным героем-любовником, чем обычным человеком. Однако как только он открывал рот, это впечатление рассеивалось — выяснялось, что он прямолинеен, непритязателен и даже, пожалуй, немного глуповат.

Миссис Голд взглянула на Памелу с благодарностью и присела рядом с ней.

— Какой у вас красивый загар! Я чувствую себя бледной поганкой!

— Ужасно трудно ровно загореть! — сказала мисс Лайселл. И, немного помедлив, добавила: — Вы ведь только приехали, правда?

— Да, вчера вечером. Мы приплыли на корабле *Vapo d'Italia*.

— В первый раз на Родосе?

— Да. Здесь чудесно, правда?

Ее муж сказал:

— Жаль, что сюда так далеко добираться.

— Да, если б этот остров был поближе к Англии...

Тут раздался приглушенный полотенцем голос Сары:

— Да, но представьте, что бы тогда тут творилось. Люди лежали бы здесь друг на друге, как рыба на прилавке. Везде тела штабелями!

— Тоже правда, — согласился Дуглас Голд. — Только вот курс обмена сейчас — просто разорение!

Валентайн Чантри
пошевелилась и села,
придерживая одной рукой
на груди белый купальник. Ее
глаза скользнули по Марджори
Голд и задумчиво остановились на
белокурых кудрях Дугласа Голда.

— Тони, котик, какое божественное солнце! Я уверена, что в другой жизни была солнцепоклонницей! Как ты думаешь?

Ее муж проворчал в ответ что-то, что остальные не расслышали. Валентайн Чантри продолжала все тем же громким, томным голосом:

— Поправь немного полотенце, котик!

Она долго пристраивала на полотенце свое великолепное тело. Теперь Дуглас Голд смотрел на нее. В его глазах был неприкрытый интерес. Миссис Голд весело прощбетала, обращаясь к мисс Лайелл:

— Какая красивая женщина!

Памела, всегда готовая поделиться информацией, ответила негромко:

— Это Валентайн Чантри — ну, та, которая была Валентайн Дэйкрес, сногшибательная, да? А он прямо с ума по ней сходит: не упускает из виду ни на минуту.

Миссис Голд еще раз посмотрела в сторону четы Чантри. Потом сказала:

— Море чудесное, такое синее. Надо окунуться — идем, Дуглас?

Он все еще смотрел на Валентайн Чантри и ответил не сразу. Потом рассеяно отозвался:

— Да, все ужасно дорого!

Разговор пошел по обычной колее, беседу вряд ли можно было назвать блестящей. Неподалеку на берегу Валентайн Чантри пошевелилась и села, придерживая одной рукой на груди белый купальник. Она зевнула — широким и одновременно изящным кошачьим зевком. Оглядела пляж. Ее глаза скользнули по Марджори Голд и задумчиво остановились на белокурых кудрях Дугласа Голда. Она чувственно повела плечами и заговорила, возвысив голос чуть более необходимого:

— Окунуться? Да, пожалуй, чуть погодя.

Марджори Голд встала и пошла к воде.

Валентайн Чантри повернулась на бок. Синий взгляд устремился на Дугласа Голда. Алый рот дрогнул в легкой улыбке.

У мистера Дугласа Голда покраснела шея. Валентайн Чантри сказала:

— Тони, котик, будь добр... Мне нужен крем для лица — в такой баночке, на зеркале. Забыла его захватить. Будь ангелом...

Капитан послушно поднялся и зашагал к отелю.

Марджори Голд плюхнулась в море и крикнула:

— Вода теплая, Дуглас! Иди сюда!

Памела Лайелл спросила:

— Вы идете купаться?

— Надо сначала как следует прогнуться, — уклончиво ответил он.

Валентайн Чантри встрепелась. Она на секунду подняла голову — как будто хотела окликнуть мужа, но он уже входил во двор отеля.

— Я всегда купаюсь перед уходом, — объяснил мистер Голд.

Миссис Чантри села и взяла в руки бутылочку с маслом для загара. Она явно испытывала какое-то затруднение — казалось, крышечка не поддается ее усилиям. Она заговорила, громко и капризно:

— О боже, никак не могу отвинтить эту штуку!

Она огляделась.

— Может быть...

Пуаро галантно поднялся на ноги, но Дуглас Голд был моложе и резвее, он тут же оказался подле нее.

— Давайте помогу!

— О, благодарю вас. — Снова этот томный, сладкий голос. — Вы так добры. Я никогда ничего не могу отвинтить — всегда кручу не в ту сторону. О, у вас получилось, спасибо!

Эркюль Пуаро улыбнулся про себя. Он встал и пошел прогуляться по берегу. Шел он не торопясь и, пройдя небольшое расстояние, повернул назад. На обратном пути к нему присоединилась вылезшая из моря миссис Голд. Она наплавалась, и ее лицо под крайне не идущей ей купальной шапочкой светилось восторгом. Она сказала, задышавшись:

— Я так люблю море! Здесь так тепло и чудесно.

Видимо, страстная пловчиха, подумал Пуаро.

— Не знаю, почему он не идет в воду... В ее голосе звучало детское удивление. Пуаро задержал взгляд на Валентайн Чантри.

— Мы с Дугласом обожаем плавать, — продолжала миссис Голд. — Он может не вылезать из воды часами.

Пуаро через ее плечо взглянул туда, где заядлый купальщик мистер Дуглас Голд сидел на песке, беседуя с Валентайн Чантри. Его жена сказала:

— Не знаю, почему он не идет в воду...

В ее голосе звучало детское удивление. Пуаро задержал взгляд на Валентайн Чантри. Он подумал, что многие женщины, должно быть, говорили что-то похожее. Рядом с ним миссис Голд резко втянула воздух. И холодно произнесла:

— Мужчины, видимо, находят ее привлекательной. Но Дугласу не нравится такой тип женщин.

Эркюль Пуаро не ответил. Миссис Голд снова пошла в воду. Она удалялась от берега сильными, уверенными рывками. Было видно, как

она любит воду. Пуаро направился к группе, сидящей на берегу. К ним успел присоединиться старый генерал Барнс, ветеран, любивший проводить время в компании молодежи. Он устроился между Памелой и Сарой и увлеченно обсуждал с Памелой разные скандалы, безбожно преувеличивая и смакуя детали. Капитан Чантри вернулся, выполнив поручение. Они с Голдом заняли позиции с двух сторон от Валентайн. Вален-

тайн сидела между двумя мужчинами, очень прямо держа спину, и говорила — говорила легко и непринужденно, своим томным, сладким голосом, поворачивая голову то к одному, то к другому. Она как раз заканчивала рассказывать историю:

— ...И знаете, что сказал этот дурачок? “Может, я и видел вас только минуту, но никогда не забуду, мэм”. Помнишь, Тони? И между прочим, это было мило с его стороны. Мир вообще так прекрасен, так добр — во всяком случае, ко мне все всегда удивительно добры, уж не знаю почему. И я сказала Тони — помнишь, милый? — Тони, если ты хочешь поревновать меня иногда — самую капельку! — ревнуй к этому посыльному! Ведь он такая лапочка.

Наступила пауза, и Дуглас Голд сказал:

— Да, среди посыльных попадают-ся славные малые...

— Да, ведь он просто с ног сбился, чтобы мне услужить, и рад был до смерти, что я осталась довольна.

Дуглас Голд сказал:

— Ничего удивительного, любой был бы рад вам услужить.

Она вскричала в восторге:

— Как это мило! Тони, ты слышал?

Капитан Чантри что-то проворчал. Его жена вздохнула.

— Тони не из тех, кто говорит красивые слова. Правда, котик? — Ее рука с длинными красными ногтями прошла по его темной шевелюре. Он мрачно покосился на жену. Она прошептала:

— Не знаю, как он меня терпит. Он ведь такой страшно умный — просто набит мозгами, а я все время говорю

всякую чепуху, но он все мне прощает. Все прощают мне, что бы я ни сказала или ни сделала, — как сговорились меня баловать. Наверняка это очень вредно.

Капитан Чантри обратился к мистеру Голду:

— Это ваша супруга там в море?

— Да. Пойду-ка я к ней.

Валентин прошептала:

— Здесь на солнце так волшеб-но. Не ходите пока в море! Тони, котик, я сегодня, пожалуй, не стану окунаться, первый день все-таки. Еще простужусь. Но ты, котик, пойд-ди поплавай. Мистер... мистер Голд со мной побудет, пока ты купаешься.

— Нет, спасибо, — мрачно ответил Чантри, — Еще рано. Ваша жена вам, кажется, машет, Голд.

Валентин сказала:

— Как хорошо плавает ваша жена! Она, наверное, из тех страшно практичных женщин, которые все делают хорошо. Я их боюсь — мне всегда кажется, что они меня презирают. Я-то все делаю плохо, совершенная недо-тепа, правда, котик?

Но капитан снова пробурчал что-то невразумительное. Его жена ласково продолжила:

— Ты слишком добр, чтобы при-знать это. Мужчины такие предан-ные, это мне в них и нравится! По-настоящему преданные, не то что женщины, и никогда не говорят га-дости. Женщины бывают довольно злыми.

Сара Блейк повернулась на бок ли-цом к Пуаро и прошептала:

— Например, эти злые женщи-ны могут предположить, что миссис Чантри не является совершенством

во всех отношениях. Что за идиотка! Кажется, я в жизни не встречала женщины глупее, чем Валентайн Чантри. Только и делает, что нудит "Тони, котик!" и закатывает глаза. Не удивлюсь, если у нее вместо мозгов вата.

Пуаро приподнял бровь:

— *Un peu sévère!* *

— Да-да, можете списать на женскую ревность. Но кое-что она все-таки умеет. Неужели она не пропускает ни одного мужчину? Ее муж готов метать громы и молнии.

Плядя на море, Пуаро отметил:

— Миссис Голд хорошо плавает.

— Да, она, в отличие от нас, не боится промокнуть. Интересно, испугается ли хоть раз миссис Чантри?

— Она-то? Ни за что! — хрипло вступил в разговор генерал Барнс. — Никогда не рискнет смыть всю свою краску. Хотя кобылка хороша, ничего не скажешь — даром что зубы уже слегка стерлись.

— Она на вас смотрит, генерал, — сказала Сара лукаво. — И вы ошибаетесь насчет краски — нынче нам не страшны ни вода, ни поцелуи.

— Миссис Голд выходит, — объявила Памела.

— "Вышли мы собирать зверобой, собирать зверобой, собирать зверобой, — запела Сара, — а жена его уведет с собой, уведет с собой, уведет с собой".

Миссис Голд вышла на берег. У нее была прелестная фигурка, но практичная купальная шапочка явно не предназначалась для украшения хоззяйки.

— Ты идешь, Дуглас? — нетерпеливо спросила она. — Вода очень теплая.

— Пожалуй.

Дуглас Голд вскочил на ноги. Валентайн Чантри взглянула на него с чарующей улыбкой.

— *Au revoir* **, — сказала она.

Голд и его жена пошли прочь по берегу.

Как только они оказались вне пределов слышимости, Памела критически заметила:

— Не очень-то умно оттаскивать мужа от другой женщины. Мужья не любят собственниц.

— Вы так много знаете о мужьях, мисс Памела, — сказал генерал Барнс.

— О чужих — да!

— Ага, в этом все дело.

— Но так можно выучить многое, чего не надо делать, генерал!

— Ну, во-первых, — сказала Сара, — не надо носить такую купальную шапочку.

— Очень практичная вещь, — заметил генерал. — И очень разумная, практичная женщина.

— Вы совершенно правы! — сказала Сара. — Но есть предел разумного даже для разумной женщины. Боюсь, что касается Валентайн Чантри, то ей трудно будет вести себя разумно.

Она повернула голову и произнесла взволнованным шепотом:

— Посмотрите на него! Он рвет и мечет. Думаю, он очень вспыльчив...

Капитан Чантри действительно самым неприятным образом скалился вслед удаляющейся паре.

Сара посмотрела на Пуаро.

* Весьма сурово! (фр.)

** До свидания (фр.).

— Ну? — спросила она. — И что вы об этом думаете?

Эркуль Пуаро ничего не ответил, только снова начертил пальцем на песке все ту же фигуру — треугольник.

— Вечный треугольник, — задумчиво произнесла Сара. — Возможно, вы правы. Тогда в ближайшие недели нам предстоит волнующая драма.

ГЛАВА 2

Остров Родос разочаровал Эркуля Пуаро. Он приехал сюда в отпуск, чтобы отдохнуть. В первую очередь — отдохнуть от преступлений. Ему говорили, что в конце октября на Родосе никого не будет. Мирный, уединенный уголок. Это, в общем, так и оказалось — в отеле только и было народу, что супруги Чантри, Голды, Памела с Сарой, генерал и он сам — да еще две итальянские пары. Но в этом кругу отточенный ум Эркуля Пуаро угадывал неизбежный трагический оборот событий.

“Я просто помешался на преступлениях, — с упреком сказал себе Пуаро. — Это все несварение желудка! Мерещится бог знает что”. Но он был обеспокоен. Спустившись утром на террасу, Пуаро обнаружил там миссис Голд, которая сидела за вышиванием. Подойдя к ней, он заметил, как мелькнул уголок быстро спрятанного батистового платочка. Глаза у миссис Голд были сухими, но подозрительно блестели. Держалась она, как показалось Пуаро, преувеличенно весело. Даже несколько наигранно: она с таким восторгом воскликнула “Доброе утро, месье Пу-

аро!”, что уже одно это могло вызвать подозрения.

Вряд ли она так уж рада его видеть — в конце концов, они ведь почти не знакомы. Эркуль Пуаро был весьма тщеславен там, где речь шла о его профессии, но свою личную привлекательность оценивал более чем скромно.

— Доброе утро, мадам, — ответил он. — Еще одно прекрасное утро.

— Да, нам повезло. Нам с Дугласом всегда везет с погодой.

— В самом деле?

— Нам вообще везет. Вы знаете, месье Пуаро, когда смотришь вокруг и видишь столько бед, столько несчастливых людей, разводов и всякого такого, то понимаешь, что нужно благодарить судьбу за собственное счастье.

— Рад это слышать, мадам.

— Мы с Дугласом очень счастливы вместе. Мы женаты уже пять лет — вы знаете, в наше время это немало...

— Да, в иных случаях пять лет кажутся вечностью, мадам, — сухо сказал Пуаро.

— Но сейчас мы даже счастливее, чем вначале, — продолжала она. — Мы так идеально подходим друг другу.

— Это главное, несомненно.

— И потому мне так жаль людей, которые несчастливы.

— Вы имеете в виду...

— О, я говорила вообще, месье Пуаро.

— Понимаю, понимаю.

Миссис Голд выбрала шелковую нитку, посмотрела ее на свет, одобрила выбор и продолжала:

— Вот, например, миссис Чантри...

— Что же миссис Чантри?

*Эркюль Пуаро ничего не ответил, только снова начертил пальцем на песке все ту же фигуру — треугольник.
— Вечный треугольник, — задумчиво произнесла Сара.*

THE SUMMER GIRL

TAKES

BEECHAM'S PILLS

— Мне кажется, она не очень хороший человек.

— Возможно.

— Я уверена, что не очень хороший. Но мне так ее жаль. Потому что, не смотря на ее внешность, и деньги, и все остальное, — пальцы миссис Голд дрожали, она никак не могла вдеть нитку в иглоку, — она не из тех женщин, с которыми мужчины остаются надолго. Я думаю, она быстро им надоедает. Вам так не кажется?

— Я, бесспорно, не смог бы выдерживать продолжительную беседу с миссис Чантри, — осторожно заметил Пуаро.

— Вот видите. Конечно, она привлекательна... — Миссис Голд заколебалась, губы ее дрожали, она сделала несколько неуверенных стежков. Даже менее проникательный собеседник, чем Эркюль Пуаро, заметил бы ее нервозность. Она продолжила бессвязно: — Мужчины как дети! Готовы поверить чему угодно...

Она склонилась над работой. Снова откуда-то появился батистовый лоскуток. Эркюль Пуаро решил сменить тему:

— Вы не плаваете сегодня утром? А месяц ваш муж, он на пляже?

Миссис Голд подняла глаза, сморгнула и ответила все в той же ненатурально-радостной манере:

— Нет, сегодня я решила не плавать. Мы договаривались пойти посмотреть старый город. Но как-то разминулись — они ушли без меня.

Местоимение привлекло внимание Пуаро, но прежде чем он успел что-либо ответить, появился генерал Барнс. Он пришел с пляжа и уселся на террасе рядом с ними.

— Доброе утро, миссис Голд! Доброе утро, Пуаро. Я смотрю, вы оба сегодня дезертировали? Что-то мы нынче многих недосчитались: еще не было миссис Чантри и вашего мужа, миссис Голд.

— А капитан Чантри? — небрежно спросил Пуаро.

— О, он на пляже. Мисс Памела за ним присматривает. — Генерал усмехнулся. — Боюсь, ей приходится трудновато. Обычно такие сильные молчаливые мужчины встречаются только в книжках.

Марджори Голд поежилась.

— Я его побаиваюсь. Он иногда как посмотрит... Как будто может сделать что-то... ужасное.

— Проблемы с пищеварением, наверное, — жизнерадостно отозвался генерал. — Романтическая меланхолия и неуправляемый гнев почти всегда происходят от несварения желудка.

Марджори Голд вежливо улыбнулась.

— А где ваш благоверный? — спросил генерал.

Она ответила без промедления — веселым, естественным голосом:

— Дуглас? Они с миссис Чантри пошли в город. Кажется, собирались посмотреть замок.

— А, да, очень интересно — рыцари и все такое. Вы зря не пошли с ними, моя милая.

— Боюсь, я слишком поздно спустилась, — ответила миссис Голд.

Она внезапно поднялась и, невинно извинившись, пошла в отель.

Генерал Барнс озабоченно покачал головой, глядя ей вслед.

— Приятная женщина! Стоит сотни таких раскрашенных гурий, как

не будем говорить кто. Муж — просто дурак. Не понимает своего счастья.

Он снова покачал головой, поднялся и тоже пошел внутрь.

Сара Блейк как раз вернулась с пляжа и услышала последние слова генерала. Скорчив рожицу вслед удаляющемуся вояке, она передразнила его, усаживаясь в кресло:

— “Приятная женщина, приятная женщина”! Мужчины всегда одобряют серых мышек, но когда доходит до дела, крашенные гурии выигрывают вчистую. Печально, но такова жизнь.

— Мадемуазель! — резко сказал Пуаро. — Мне все это не нравится!

— Да? Мне тоже. Хотя, откровенно говоря, мне, пожалуй, это нравится. Как это ни ужасно, каждый в глубине души получает удовольствие от драм и неприятностей, которые случаются со знакомыми.

— Где капитан Чантри? — спросил Пуаро.

— На пляже — его там препарирует Памела. Уж она-то наслаждается от души! Эта процедура, правда, не улучшила его характер. Когда я пришла, он был похож на грозовую тучу. Можете мне поверить, нас ждут ураганы!

Пуаро пробормотал:

— Я тут кое-чего не понимаю...

— А что тут понимать? — возразила Сара. — Вопрос в том, что теперь будет.

Пуаро сокрушенно покачал головой:

— Да, мадемуазель, вы правы, будущее рождает тревогу.

— Какой у вас получился афоризм, — сказала Сара и направилась ко входу в отель.

В дверях она почти столкнулась с Дугласом Голдом. Молодой человек имел вид одновременно довольный и слегка виноватый. Он сказал:

— День добрый, месье Пуаро! — и добавил неловко: — Показывал миссис Чантри крепость госпитальеров. Марджори не захотела идти.

Пуаро слегка приподнял брови, но даже если он хотел сказать что-нибудь по этому поводу, то не успел, поскольку на террасу ворвалась миссис Чантри, восклицая своим томным голосом:

— Дуглас, розового джина*! Мне жизненно необходим розовый джин!

Дуглас Голд отправился за розовымджином. Валентайн опустилась в кресло рядом с Пуаро. Определенно, этим утром у нее было отличное настроение. Она увидела своего мужа и Памелу, входящих на террасу, и помахала рукой:

— Хорошо поплавал, котик? Какое божественное утро!

Капитан Чантри не ответил. Он взбежал по ступеням, молча прошел мимо жены и скрылся в баре. Его кулаки были сжаты, и сходство с гориллой проступило отчетливей обычного. Красивый рот Валентайн Чантри приоткрылся, что придало ее лицу глуповатое выражение.

— Ой, — сказала она растерянно.

Памела Лайелл откровенно наслаждалась этой сценой. Пытаясь скрыть свои эмоции настолько, насколько это возможно для столь бесхитростного существа, она присела возле Валентайн Чантри и осведомилась:

* Розовый джин — коктейль из плимутского джина с добавлением биттера, экстракта горечавки, лимонной цедры и специй, имеет розовый оттенок.

— Приятно провели утро?

— Просто восхитительно! — начала Валентайн. — Мы...

Пуаро встал и неторопливо зашагал к бару. Он нашел там разгоряченного мистера Голда, который дожидался, пока ему подадут розовый джин. Молодой человек казался встревоженным и сердитым.

— Этот малый — прямо дикарь. — Он мотнул головой в сторону удаляющегося капитана Чантри.

— Возможно, — ответил Пуаро. — Вполне возможно. Но *les femmes**, они любят дикарей, не забывайте об этом.

Дуглас пробормотал:

— Не удивлюсь, если он дурно с ней обращается!

— Возможно, ей нравится и это.

Дуглас Голд озадаченно взглянул на Пуаро, взял розовый джин и вышел.

Эркюль Пуаро присел на табурет и заказал *sirop de cassis*. Пока он, вздыхая от удовольствия, цедил этот напиток, капитан Чантри вернулся в бар и один за другим выпил несколько стаканов розового джина. Потом сказал внезапно и яростно, скорее в пространство, нежели обращаясь к Пуаро:

— Если Валентайн думает, что избавится от меня, как от остальных идиотов, она ошибается! Я заполучил ее, и она будет со мной. Никому другому она не достанется — только через мой труп.

Он кинул на прилавок деньги, развернулся на каблуках и вышел.

ГЛАВА 3

Прошло три дня. Пуаро отправился на гору Ильи Пророка. Это была приятная поездка. Красивая дорога петляла среди золотисто-зеленых елей, поднимаясь все выше и выше и оставляя далеко внизу все вздорные людские склоки. Машина остановилась у ресторана. Пуаро вышел и направился в лес. Через некоторое время он вышел на площадку, которая показалась ему истинной вершиной мира: далеко внизу искрилось синее, сверкающее, глубокое море. Здесь наконец он мог насладиться покоем, подняться над заботами и суетой. Осторожно положив плащ на пенек, Пуаро присел.

“Несомненно, *le bon Dieu*** знает, что делает. Но как его угораздило создать некоторых смертных? *Eh bien****, здесь, по крайней мере, можно отдохнуть от всех этих треволнений”, — так размышлял Пуаро. И вдруг, вздрогнув, поднял глаза. К нему спешила миниатюрная женщина в коричневом плаще и коричневой юбке. Это была Марджори Голд, на сей раз она оставила всякое при творство. Ее лицо было мокрым от слез. Отступать было некуда — она подошла уже совсем близко.

— Месье Пуаро, вы должны мне помочь! Я так несчастна, я не знаю, что мне делать! О, что же мне делать?

Она в отчаянии вцепилась в его рукав. Но вдруг отпрянула, испугавшись выражения его лица.

* Женщины (фр.).

** Господь бог (фр.).

*** Что ж (фр.).

— Что? Что такое? — бессвязно спросила она.

— Вы хотите моего совета, мадам? Вы этого просите?

— Да, да, — запинаясь, произнесла она.

— Хорошо, вот мой совет. — Он говорил резко, сурово. — Немедленно уезжайте отсюда, пока не поздно.

— Что? — Она смотрела на него в изумлении.

— Вы меня слышали. Уезжайте с этого острова.

— Уехать? — Она словно окаменела.

— Именно так.

— Но почему?

— Это мой совет — если вам дорога жизнь.

Она содрогнулась:

— Что это значит? Вы меня пугаете.

— Да, — сказал Пуаро, — я этого и добиваюсь.

Она села и закрыла лицо руками.

— Но я не могу! Он не поедет! Дуглас не уедет со мной. Она его не отпустит. Она держит его в руках, она завладела им целиком — душой и телом, он не дает слова о ней сказать. Он сошел с ума — верит всему, что она ему внушает, якобы муж дурно с ней обращается, а она — невинная жертва и никто никогда ее не понимал. Он вообще больше не думает обо мне — я не считаюсь, я не существую. Он хочет, чтобы я вернула ему свободу, дала развод. Говорит, что она тоже разведется со своим мужем и они поженятся. Но я боюсь. Чантри так легко не сдастся. Вчера она показывала Дугласу синяки на руках — сказала, что это он. Дуглас чуть с ума не сошел — он такой рыцарь... О, я боюсь! Что будет? Скажите, что мне делать!

Эркюль Пуаро стоял, глядя поверх моря на линию гор, голубеющих вдаль на азиатском берегу.

— Я уже сказал вам. Уезжайте с острова, пока не поздно.

Она покачала головой:

— Я не могу, не могу. Если Дуглас... Пуаро вздохнул и пожал плечами.

ГЛАВА 4

Эркюль Пуаро и Памела Лайелл сидели на берегу. Она говорила с явным удовольствием:

— Треугольник все крепчает! Они вчера сидели по обе стороны от нее и прямо сверлили друг друга глазами! Чантри выпил лишнего и был очень груб с Дугласом Голдом. А Дуглас вел себя очень сдержанно, такой молодец. Валентин, конечно, была на седьмом небе — мурлыкала, как тигрица-людоедка. Что будет дальше, как вы думаете?

Пуаро покачал головой:

— Я очень тревожусь.

— Да, конечно, мы все тревожимся, — лицемерно откликнулась мисс Лайелл. — Это все уже по вашей части — или вот-вот станет. Разве вы не можете что-нибудь сделать?

— Я сделал что мог.

Мисс Лайелл заинтересованно подалась вперед:

— И что же вы сделали?

— Посоветовал миссис Голд уехать с острова, пока не поздно.

— А-а, то есть вы думаете... — Она остановилась.

— Да, мадемуазель?

— Значит, вот что, по-вашему, должно случиться, — сказала она

медленно. — Но нет, он не может сделать ничего такого. Он ведь очень приятный человек на самом деле. Это все та женщина... Не может быть, чтобы он... Чтобы он...

Она замолчала, а потом тихо спросила:

— Вы ведь думаете об убийстве?

— Кто-то безусловно думает об убийстве, мадемуазель. Это я могу сказать с уверенностью.

Памела содрогнулась.

— Я в это не верю, — объявила она.

— Месье Пуаро, вы должны мне помочь!
Я так несчастна, я не знаю, что мне делать!

ГЛАВА 5

Восстановить, что произошло в тот вечер, двадцать девятого октября, оказалось несложно. Сначала вспыхнула ссора между двумя мужчинами — Голдом и Чантри. Голос Чантри звучал громче и громче, так что его последние слова слышали четыре человека: кассир у стойки, управляющий, генерал Барнс и Памела Лайелл.

— Ты, мозгляк! Со мной этот номер не пройдет! Пока я жив, Валентайн останется моей женой, понял?

С этими словами он в ярости выскочил из отеля.

Это было до ужина. После ужина, однако, было достигнуто примирение (никто так и не узнал, как именно).

Валентайн пригласила Марджори Голд прокатиться на автомобиле при луне. Памела и Сара пошли с ними. Голд и Чантри играли в бильярд. После этого они присоединились к Пуаро и генералу Барнсу в гостиной. Чуть ли не впервые за все время Чантри улыбался и казался вполне умиротворенным.

— Хорошо провели время? — осведомился генерал.

— Мне за этим парнем не утнаться! Выбил сорок шесть подряд — где это видано?

Дуглас Голд скромно отмахнулся:

— Просто повезло. Честное слово. Что вы будете? Пойду поймаю официанта.

— Мне розовый джин, спасибо.

— Хорошо. Генерал?

— Спасибо, виски с содовой.

— Я тоже. А вы, месье Пуаро?

— Вы очень любезны. Я бы выпил *sirop de cassis*.

— Сироп чего?

— *Sirop de cassis*. Из черной смородины.

— А, ликер. Надеюсь, он здесь есть? Никогда о таком не слышал.

— Да, он здесь есть. Но это не ликер.

Дуглас Голд рассмеялся:

— Чудной у вас вкус! Но каждому — своя отравка. Пойду закажу.

Капитан Чантри сел. Не будучи по натуре особенно общительным человеком, он тем не менее явно старался проявить любезность.

— Удивительно, как привыкаешь обходиться без новостей, — заметил он.

Генерал застонал:

— Да уж, не считать же новостями “Континентал дейли мейл” четырехдневной давности! Конечно, мне каждую неделю посылают “Таймс” и “Панч”, но пока их дождешься...

— Интересно, не дойдет ли до парламентских выборов из-за этих палестинских дел*.

— Они там наломали дров, — заявил генерал.

Дуглас Голд возвратился к столику в сопровождении официанта с напитками. Генерал как раз начинал рассказывать историю о своей службе в Индии в 1905 году. Два англичанина слушали его вежливо, но без особого интереса. Эркуюль Пуаро цедил свой *sirop de cassis*.

* По всей видимости, имеется в виду арабское восстание 1936 г., направленное против еврейской иммиграции и британского колониализма (Палестина в то время находилась под британским мандатом). Британия уже осознавала возможность войны с Германией, и осложнение ситуации на Ближнем Востоке вызывало серьезные опасения и разногласия в парламенте.

Генерал добрался до кульминации рассказа, раздался дежурный смех. Затем в дверях появились дамы. Все они были оживленны, болтали и смеялись.

— Тони, котик, это просто божественно! — воскликнула Валентайн, опускаясь в кресло подле мужа. — Миссис Голд чудесно это придумала. Вы должны были поехать с нами!

— Кто хочет выпить? — спросил капитан Чантри, оглядывая компанию.

— Мне розовый джин, котик, — сказала Валентайн.

— Джин с имбирным пивом, — сказала Памела.

— Сайдкар*, — сказала Сара.

— Отлично. — Чантри встал и подвинул нетронутый стакан розового джина жене. — Пей, я закажу себе другой. Что вам, миссис Голд?

Миссис Голд как раз отдавала плащ мужу. Она обернулась с улыбкой:

— Можно мне оранжад?

— Оранжад, отлично.

Он пошел к двери. Миссис Голд говорила:

— Это было прекрасно, Дуглас. Жаль, что ты не поехал.

— Мне тоже жаль. Ну в другой раз, ладно?

Они улыбнулись друг другу. Валентайн Чантри взяла стакан и залпом выпила розовый джин.

— О, как я об этом мечтала! — выдохнула она.

Дуглас Голд положил плащ Марджори на диванчик. Вернувшись к остальным, он резко спросил:

— В чем дело?

Валентайн Чантри откинулась на стуле. Губы ее посинели, рука схватилась за сердце.

— Мне... нехорошо... — Она пыталась вдохнуть и не могла.

Чантри вернулся, ускорил шаг:

— Вал, что с тобой?

— Я не знаю... Джин... Странный вкус...

— Розовый джин?

Чантри обернулся, лицо его искажилось. Он схватил за плечо Дугласа Голда:

— Это был мой джин. Голд, что ты туда подмешал?

Дуглас Голд смотрел на искаженное лицо женщины. Он смертельно побледнел.

— Я не... Я ничего...

Валентайн Чантри обмякла на стуле. Генерал Барнс закричал:

— Доктора, скорее!

Через пять минут Валентайн Чантри была мертва.

ГЛАВА 6

На следующее утро никто не купался. Памела Лайелл, бледная, в простом темном платье, взяла под руку Эркую Пуаро и завела его в маленький гостевой кабинет.

— Это ужасно! — сказала она. — Ужасно! Вы ведь говорили! Вы это предвидели! Убийство.

Он мрачно наклонил голову.

— О боже! — вскричала она и топнула ногой. — Вы должны были помешать этому! Сделать что-нибудь! Это можно было предотвратить!

— Как? — спросил Эркуль Пуаро.

* Сайдкар — коктейль из бренди, апельсинового ликера и лимона.

Этот вопрос на секунду заставил ее замолчать.

— Разве вы не могли обратиться к кому-нибудь... в полицию?

— И сказать что? Что можно было сказать до... происшествия? Что кто-то в глубине души думает об убийстве? Уверяю вас, *mon enfant**, если один человек решает убить другого...

— Вы могли предупредить жертву! — настаивала Памела.

— Иногда предостережения напрасны, — ответствовал Эркюль Пуаро.

Памела медленно произнесла:

— Вы могли предупредить убийцу... Сказать ему, что вы знаете, что он задумал...

Пуаро согласно кивнул:

— Да, это более разумный план. Но даже в этом случае сталкиваешься с наихудшим пороком преступника.

— Что же это?

— Самонадеянность. Преступник всегда уверен, что преступление сойдет ему с рук.

— Но это абсурдно... Глупо! — воскликнула Памела. — Это преступление совершено по-детски, полиция сразу же арестовала Дугласа Голда.

— Да, — задумчиво кивнул Пуаро. — Дуглас Голд — весьма глупый молодой человек. Неправдоподобно глупый.

— Вот именно! Я слышала, что полиция нашла остатки яда... что это было?

— Строфантин. Он действует на сердце.

— И остатки яда нашли в кармане его вечернего костюма?

— Да.

— Какая глупость! — снова сказала Памела. — Наверное, он собирался выбросить яд, но его так потрясло, что он убил не того человека... Как бы это смотрелось на сцене — любовник подсыпал строфантин в стакан мужу, а жена выпила из этого стакана! Представьте себе этот ужасный момент, когда Дуглас Голд повернулся и понял, что убил женщину, которую любил. — Памела содрогнулась. — Этот ваш треугольник! Вечный треугольник... Кто мог подумать, что все так закончится?

— Я этого боялся, — пробормотал Пуаро.

Памела повернулась к нему:

— Вы предупредили миссис Голд. Но почему вы не предупредили его?

— Вы имеете в виду Дугласа Голда?

— Нет, я имею в виду капитана Чантри. Вы могли сказать ему, что он в опасности, что его хотят устранить! Я не сомневаюсь — Дуглас Голд был уверен, что его покорная жена даст ему развод, она такая забитая и души в нем не чает. Но Чантри упрям как дьявол. Он бы ни за что не отпустил Валентайн.

Пуаро пожал плечами.

— Не было никакого смысла говорить с Чантри, — сказал он.

— Ну, может, и не было, — признала Памела. — Наверное, он бы сказал, что может за себя постоять, и послал бы вас к чертям. Но что-то надо было сделать!

— Я думал о том, чтобы уговорить Валентайн Чантри уехать с острова, — медленно произнес Пуаро, — но она бы никогда мне не поверила. Она была слишком глупа, чтобы перева-

* Дитя мое (фр.).

рить правду. *Pauvre femme* *, глупость убила ее.

— Не думаю, что ее отъезд что-то изменил бы, — сказала Памела. — Он просто поехал бы за ней следом.

— Он?

— Дуглас Голд.

— Вы думаете, Дуглас Голд поехал бы за ней? О нет, мадемуазель, вы ошибаетесь! Вы так и не поняли, что произошло. Если бы Валентайн Чантри уехала с острова, с нею бы уехал ее муж.

— Естественно, — озадаченно отозвалась Памела.

— И тогда преступление просто произошло бы в другом месте.

— Я вас не понимаю!

— Я говорю, что то же самое преступление просто произошло бы в другом месте — капитан Чантри убил бы свою жену где-нибудь еще.

Памела уставилась на него во все глаза:

— Вы что, хотите сказать, что капитан Чантри... Тони Чантри убил Валентайн?!

— Да. У вас на глазах! Дуглас Голд принес ему розовый джин. Стакан стоял перед ним. Потом вошли женщины, и мы все повернулись в их сторону — он держал строфантин наготове и высыпал его в джин, после чего галантно передал стакан жене, и она его выпила.

— Но пачку строфантина нашли в кармане у Дугласа Голда!

— Его было очень просто туда подбросить, пока мы все столпились вокруг умирающей женщины.

Прошло добрых две минуты, прежде чем Памела смогла переварить сказанное.

— Но я ничего не понимаю! А как же треугольник — вы же сами говорили...

Эркюль Пуаро энергично закивал головой:

— Я говорил про треугольник, да! Но вы, вы сами представили себе совсем другой треугольник. Вас ввели в заблуждение умелой игрой! Вы думали — как вам и полагалось, — что оба они, и Тони Чантри и Дуглас Голд, влюблены в Валентайн Чантри. Вы думали — как вам и полагалось, — что Дуглас Голд, влюбившись в Валентайн Чантри (муж котрой ни за что не даст ей развода), в отчаянии решил подсыпать сердечного порошка в стакан капитана и, по роковой случайности, отравленный напиток выпила Валентайн. Все это — лишь иллюзия. На самом деле Чантри уже какое-то время хотел избавиться от жены, она надоела ему до смерти, я увидел это с первого взгляда. Он женился на ней из-за денег. И теперь хотел жениться на другой женщине — избавившись от Валентайн и оставив себе ее деньги. Оставалось только убийство.

— На другой женщине?

Пуаро сказал веско:

— Да-да, на маленькой Марджори Голд. Это безусловно был вечный треугольник! Но вы смотрели на него не с той стороны! Ни один из этих мужчин в грош не ставил Валентайн Чантри. Ее тщеславие и умелая режиссура Марджори Голд заставили всех думать, что оба мужчины влюблены в Валентайн. Очень умная женщина эта Марджори Голд и весьма при-

* Бедняжка (фр.).

влекательная в своем духе — этакая кроткая мадонна. Я видел четырех преступниц такого типа. Миссис Адамс была отпущена за недостаточностью улик, хотя все знали, что она убила своего мужа. Мэри Паркер успела отделаться от тети, жениха и двух братьев прежде, чем проявила небрежность и была поймана. Потом была еще миссис Рауден, ее все-таки повесили. Миссис Лекрей чудом выкрутилась. Марджори Голд — женщины той же породы. Я сразу это увидел! Они созданы для преступления, как рыба для воды. И как все было спланировано! Скажите, что заставило вас думать, что Дуглас Голд влюблен в Валентайн Чантри? Если вы хорошенько подумаете, то поймете, что вы так решили из-за страданий его жены и ревности капитана. Теперь вы видите?

— Это ужасно! — воскликнула Памела.

— Они были ловкой парой, — сказал Пуаро с профессиональной отстраненностью. — Они придумали план: “познакомиться” здесь и разыграть свое представление. Эта Марджори Голд хладнокровнее самого дьявола. Она бы послала на виселицу своего несчастного дурака мужа без малейших угрызений совести.

— Но ведь его арестовали вчера вечером! — вскричала Памела.

— Да, но потом я сказал несколько слов полиции. Правда, я не видел своими глазами, как Чантри подсыпал строфантин в стакан. Как и все остальные, я смотрел на входящих дам. Но как только я понял, что Валентайн Чантри отравили, я уже не сводил глаз с ее мужа. И видел, как он сунул пакет строфантина в карман Дугласа Голда... Я — хороший свидетель, — добавил он непреклонным тоном. — Мое имя всем известно. Как только я все рассказал, полиция совсем по-другому взглянула на ситуацию.

— И что дальше? — выдохнула Памела.

— *Eh bien*, дальше они задали несколько вопросов капитану Чантри. Он пытался отпираться, но он не слишком умен, и они быстро его раскололи.

— Значит, Дуглас Голд на свободе?

— Да.

— А... Марджори Голд?

Лицо Пуаро приняло неумолимое выражение.

— Я предупреждал ее. Да, я предупреждал ее, там, на горе Ильи Пророка. Это был единственный шанс предотвратить преступление. Я дал ей понять, что подозреваю ее. Она поняла. Но посчитала себя умнее. Я советовал ей уехать с острова, если ей дорога жизнь. Но она предпочла остаться...

Дж. Д. Х. Коул и Маргарет Коул

1889–1959

1893–1980

Перевод и вступление Алины Курьшиевой

МАРГАРЕТ Изабель Коул, в девичестве Постгейт, родилась в Кембридже, окончила Гиртон-колледж Кембриджского университета и впоследствии работала в школе Св. Павла для девочек в Лондоне. Джордж Дуглас Ховард Коул тоже был родом из Кембриджа, но образование получил в Оксфорде. Еще до начала Первой мировой войны он увлекся идеями социализма, вступил в Фабианское общество*, где и встретил свою будущую супругу. Коул, страстный участник социалистического движения, в вопросах личных был человеком более чем уравновешенным и предложение Маргарет сделал такими словами: “Что ж, наверное, это должно случиться”. Но ее, по всей видимости, такое положение вещей полностью устраивало. Они поженились в 1918 году, а в 1925-м поселились в Оксфорде, где Коулу предло-

* Фабианское общество — английская социалистическая организация, основанная в Лондоне в 1884 г., ратующая за постепенный переход к социализму.

G. D. H. AND M. I. COLE

жили место преподавателя экономики. Как лектор он пользовался у студентов большим успехом, но Маргарет претил академически-закоснелый дух Оксфорда, она страдала вдали от столичной атмосферы, от живого обмена идеями. Ее супруг, поддавшись на уговоры, вновь приобрел жилье в Лондоне, куда пара стала часто наведываться и с тех пор постоянно оставалась в центре политической и общественной жизни, чему ни в коей мере не помешало рождение троих детей.

Британская интеллигенция в межвоенный период повально увлекалась детективными историями. Как-то раз, восстанавливая силы после пневмонии, обуреваемый скукой Джордж Дуглас Ховард решил развлечься и попробовать себя на литературном поприще. Его энтузиазм подогревала уверенность жены в том, что он вскоре бросит эту затею. Однако роман “Убийство Бруклинов” был закончен и опубликован в 1923 году. Над следующим произведением пара работала уже вместе, а в 1930-м оба стали членами Детективного клуба и даже приняли участие в написании коллективного опуса “Последнее плавание адмирала” совместно с Г. К. Честертоном, Агатой Кристи, Дороти Сэйерс и другими знаменитыми авторами.

Детективная проза четы Коул завоевала со временем широкую популярность. Этот успех вдохновил их на многочисленные эксперименты — как с художественными приемами, так и с персонажами. Коулы, приверженцы научного подхода, изобретали с каждым разом все более изощренные орудия убийства, но их произведения всегда оставались традиционными и даже предсказуемыми. Хитросплетения очередной истории были для них скорее отдушиной, забавой для ума, способом отвлечься от активной научной и общественной деятельности. Но даже в своих детективах эти вдохновленные теоретики социализма не забывали обличать капиталистическое общество и его влияние на человека; впрочем, живое чувство юмора всегда спасало авторов от излишней назидательности.

ПОСТОЯННЫМ героем Коулов стал суперинтендант Генри Уилсон. В каждой следующей книге он открывается читателю с новой стороны, развиваясь как личность и как профессионал. Суперинтендант ведет расследование и в рассказе “У телефона”, который считается самым удачным у Коулов (в некоторых антологиях он печатался под другим названием — “Сова в окне”).

Последний роман Коулов так и остался недописанным — после войны супруги направили все силы на службу обществу. Джордж Дуглас Ховард Коул активно занимался политической деятельностью вплоть до самой своей смерти. В 1959 году он скончался от диабета. Маргарет, пока позволяло здоровье, продолжала дело мужа. В настоящее время его работы по политической теории вновь обретают популярность, однако детективное наследие Коулов сегодня по-прежнему известно только знатокам жанра.

ДЖ. Д. Х. КОУЛ И МАРГАРЕТ КОУЛ

У телефона

Об “Убийстве на Дауншир-Хилл” (как его прозвали в газетах) стало известно

воскресным утром в половине десятого. Это был 1920 год, один из тех чудных майских дней, когда наш климат притворяется, что вот-вот наступит лето. Суперинтендант Нового Скотленд-Ярда Генри Уилсон шел по Дауншир-Хилл, в Хемпстеде, в компании своего друга, доктора Майкла Прендергаста. Дело происходило задолго до смерти миллио-

нера Радлетта, которая прогремела по обе стороны Атлантики, когда Уилсон, неосмотрительно уличивший экс-министра внутренних дел в махинациях, вынужден был оставить службу и удалиться в “изгнание” частной практики. В те дни он все еще оставался сотрудником уголовной полиции, и его могли в любой момент вытащить из постели по делам государственной важности; поэтому он не без колебаний подчинился требованию сестры, у которой гостил, хотя бы один день не сидеть возле телефона. Как бы то ни было, утро

РАССКАЗ “У ТЕЛЕФОНА” БЫЛ ОПУБЛИКОВАН
В 1928 ГОДУ В СБОРНИКЕ
“КАНИКУЛЫ СУПЕРИНТЕНДАНТА УИЛСОНА”.

IN A TELEPHONE CABINET

//////////////// (THE OWL AT THE WINDOW) //////////////////

SUPERINTENDENT WILSON'S HOLIDAY
L., W. COLLINS, SONS & CO LTD, 1928.

выдалось чудесным, и Майкл Прендергаст, один из немногочисленных близких друзей Уилсона, приехавший накануне вечером, присоединился к просьбам. И теперь они, оба во фланелевых брюках и теннисных рубашках, шагали в сторону станции Северолондонской железной дороги, где собирались сесть на поезд до Ричмонда.

— Такое ощущение, словно мы за городом, — одобрительно сказал Прендергаст, окидывая взглядом деревья в палисадниках и молодую зелень парка Хемпстед-Хит, в который упиралась дорога. — У меня за окном всю ночь ухала сова.

— Они здесь часто летают вблизи домов, — ответил Уилсон, — но я никогда раньше не видел, чтобы они селились прямо в стенах.

— Я тоже. А что?

Вместо ответа Уилсон показал на увитую плющом стену домика, который едва виднелся ярдах в ста впе-

реди сквозь заросли сирени и молодого каштана.

— Что-то промелькнуло там, в просвете меж ветвей: скрылось в плюще, показалось снова и пропало, — сказал он.

Прендергаст удивленно посмотрел на него:

— У тебя на редкость острое зрение. Я смотрел на сирень, но ничего такого не заметил. Но даже если и так, откуда ты знаешь, что это была сова, — с такого-то расстояния?

— Я не утверждаю, — сказал Уилсон. — Может, и не

сова. Я не разглядел хорошенько. Но для другой птицы великовата. Смотри, кажется, кто-то еще ее заметил.

Они как раз подошли к увитому плющом дому; теперь его фасад открылся их взгляду. У ворот на тротуаре стоял человек и с огромным интересом разглядывал дом. Когда друзья подошли ближе, он посмотрел на них с сомнением, словно прикидывая, заговорить с ними или нет. Тогда Прендергаст, который всегда был не прочь поболтать, немедленно завязал разговор.

— Вы тоже видели сову? — спросил он.

— Сову? — повторил мужчина. — Совы не видал. Зато видал человека. — Он указал на дом. — Что ему там понадобилось, хотел бы я знать?

— Может быть, это его дом, — предположил Прендергаст.

— Как же! — сказал мужчина. — Тогда зачем он полез в окно, хотел бы я знать. Сначала так колотил в дверь,

что мертвого разбудил бы. А потом заметил меня и говорит, мол, что-то там не так, говорит, не отвечают, вытащил нож и полез в окно. И зачем он в дверь колотил, если это его дом, и что там не так, хотел бы я знать.

И он с подозрением сплкнул.

Через мгновение на его вопрос был дан весьма красноречивый ответ. В доме послышались шаги. Парадная дверь, находившаяся в каких-нибудь двадцати ярдах от ворот, внезапно открылась, на улицу выглянул щуплый бледный мужчина с испуганным лицом и издал неожиданно мощный для своего телосложения вопль: "Убили!" Все трое вздрогнули, и немудрено — его, должно быть, услышали как минимум в Кемден-Тауне. Увидев их изумленные лица, человек у двери смутился и, подойдя к воротам, добавил уже значительно тише:

— Прощу вас, джентльмены, не могли бы вы привести полицию? Мистера Карльюка убили.

Затем он закрыл ворота и собрался вернуться к дому. Уилсон кивнул Прендергасту, и тот пошел по дорожке следом.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил он любезно. — Я врач.

— Врач ему, бедняге, уже не поможет, — сказал щуплый мужчина. — Холодный, как рыба. Видно, давно помер. — Он остановился, взявшись за ручку входной двери. — Если пойдете за полицией, сэр, я с ним побуду. Не стоит дом без присмотра оставлять, а тут никого.

— Все в порядке. — К ним подошел Уилсон, который замешкался, разговаривая с человеком у ворот. — Я из Скотленд-Ярда, вот моя визитная

карточка. — Он достал ее из портсигара, и Майкл бросил на него удивленный взгляд, не понимая, какую пользу он собирался извлечь из своей должности в Ричмонде. Незнакомец взял карточку осторожно, словно паука, и окинул ее владельца неодобрительным взглядом. Он, очевидно, подумал, что полисменам следовало бы одеваться в форму, а не разгуливать во фланелевых брюках.

— Я послал того джентльмена в полицейский участок на Росслин-Хилл с сообщением, — продолжал Уилсон. — Через несколько минут полиция будет здесь. Но, как вы правильно заметили, нельзя оставлять место преступления без присмотра. Если вы будете так добры показать мне, где находится тело, я начну предварительные процедуры, а мой друг попытается установить, как был убит несчастный. Вы уверены, что это было убийство, мистер?..

— Бартон, — представился щуплый человечек. — Эдвард Бартон. Точно убийство, сэр. Прямо в голову выстрелили бедняге. Мозги по всему полу. Сюда, сэр!

Кажется, его несколько оскорбило недоверие к поставленному им диагнозу.

— Ну-ну, посмотрим, — примирительно сказал Уилсон. — Где он?

— В комнатке с телефоном, — указал Бартон. — Справа от лестницы, за стеклянной дверью. Она не закрыта из-за его ноги. Я его не трогал, только убедился, что бедняга мертв.

Когда Уилсон открыл дверь темного тесного помещения, перед ними предстало не самое приятное зрелище, однако оно полностью оправды-

вало уверенность мистера Бартона в своем диагнозе. На полу, скорчившись, одной ногой на пороге, лежало тело крепкого мужчины пятидесятишестидесяти лет. Лежал он лицом к телефону, а пальцы были согнуты так, будто он умер, цепляясь за что-то, что потом выронил. Но причина смерти была ясна: лицо и голова были в нескольких местах прострелены, весь пол забрызган мозгами и кровью. Майкл Прендергаст прошел войну и считал, что привык иметь дело со смертью, но вид старика с разmozженной головой в этой душной, затхлой каморке вызвал в нем чувства, которые, как ему казалось, он давно поборол, и пришлось одолеть приступ тошноты, прежде чем он решился переступить порог.

— Аккуратнее, Майкл, — предупредил Уилсон, и Прендергаст со стыдом и досадой заметил, что того, кажется, зрелище ничуть не выбило из колеи. — Не суетись больше, чем требуется, помочь ты уже не сможешь. Нам нужны улики. — Он недовольно оглядел кровавые следы, покрывавшие пол. — Вы сюда заходили, мистер Бартон?

— А как же? — оскорбился тот. — Вошел посмотреть, думал, что смогу помочь. А когда понял, что ему уже не поможешь, попытался найти револьвер или что-то такое. Если вдруг это он сам себя... если вдруг это было самоубийство.

— Включите свет, будьте добры, — раздался голос Прендергаста, склонившегося над телом. — В этой норе такая темень.

— Не включается, — отозвался Бартон. — Я пробовал, когда вошел.

Он, однако, послушно потянулся к старомодному фарфоровому выключателю, но Уилсон опередил его. Обернув руку носовым платком, он несколько раз попробовал выключатель, но безрезультатно.

— И вправду не работает, — заключил он. — Вероятно, лампочка перегорела. Майкл, придется тебе обойтись моим фонарем. Поторопись. Мы уже ничего не можем сделать для бедняги, кроме как найти его убийцу, и чем скорее, тем лучше.

Пока Прендергаст заканчивал осмотр, Уилсон неподвижно стоял в дверях, разглядывая тесную комнатушку так, словно пытался запомнить все, что в ней было: телефон, мирно стоящий на довольно высокой полке напротив двери, полку над ним с двумя-тремя старыми справочниками, суконную занавеску, спадавшую с телефонной полки до пола.

— Вы не знаете, что за этой занавеской? — спросил он Бартона.

— Ботинки, наверное, и всякий старый хлам, — ответил тот. — Мистер Карлюк обычно прятал за занавески все ненужное.

— Вы, значит, хорошо его знали?

— Да не особо, — ответил Бартон. — Так же, как и все, наверное. Не очень много у него друзей — нелюдимый он был старик.

Прендергаст выпрямился.

— Осмотрел как мог, — сказал он. — Бедняга, конечно, мертв, уже часов двенадцать. Вряд ли после выстрелов он прожил больше пары секунд.

— Стреляли с близкого расстояния? — спросил Уилсон.

— С очень близкого, не больше нескольких дюймов. И стреляли в него из широкоствольного ружья вроде мушкетона*.

— Мушкетона? — воскликнули остальные двое.

— Да, или из чего-то подобного, картечью или пулями с наконечником из мягкого свинца. Зверская штука. Вот эти две я подобрал с пола, а еще несколько — у него в голове. В заряде, должно быть, их было несколько десятков.

— Да ну? — недоверчиво отозвался Бартон. — Зачем кому-то стрелять в беднягу Карлюка из мушкетона?

— Вот это нам и нужно выяснить, — отозвался Уилсон. — Мистер Бартон, вы знаете дом: где здесь можно сесть и поговорить?

Мужчина повел их в маленькую комнатку, которая, очевидно, служила чем-то вроде рабочего кабинета или утренней гостиной, и жестом пригласил Уилсона и его друга садиться. В ярком дневном свете Прендергаст с интересом принялся изучать Бартона, но не обнаружил ничего примечательного. На вид это был самый обычный представитель среднего класса, клерк или лавочник, примерно сорока пяти — пятидесяти лет, с лысиной, обрамленной сидящими рыжеватыми волосами, с рыжими клочковатыми усами и заурядными чертами лица. Казалось, он взволнован и расстроен даже сильнее, чем можно было бы ожидать, хотя, конечно, любому на его месте было бы не по себе. Однако при всем

своим волнением на вопросы Уилсона он отвечал весьма четко.

— Как полностью звали мистера Карлюка? И расскажите, пожалуйста, как вы стали друзьями, — начал Уилсон.

— Гарольд Карлюк, — ответил Бартон. — Только мы были не совсем друзьями, я же вам сказал, скорее просто знакомыми. Познакомились мы на работе, от случая к случаю играли в шахматы, иногда прогуливались вместе.

— А где вы работаете?

— В хемпстедском филиале "Банка Столицы и графств". Мистер Карлюк — кассиром, а я — старшим служащим кассового отдела.

— У него есть родственники? Он был женат?

На второй вопрос Бартон ответил отрицательно. И родственники тоже вряд ли были. Однажды он упомянул своего племянника, кажется, довольно непутевого юнца, который доставил ему какие-то неприятности. Но на этом все. Мистер Карлюк был не такой человек, чтобы много говорить о своей семье, и его не особенно по-распрашиваешь. О нем почти никто ничего не знал.

— Как так получилось, — спросил Уилсон, — что он в доме один? У него что, не было слуг?

Бартон сказал, что не было. С его слов получалось, что в мистере Карлюке было что-то от сварливой старшей девы — он терпеть не мог, чтобы по дому сновали слуги. У него была приходящая прислуга — женщина, которая убиралась в доме и готовила ужин, пока он был на работе, и уходила прежде, чем он возвра-

* См. глоссарий (39).

щался. По воскресеньям у нее был выходной.

— Не представляете, как у него портилось настроение, — добавил Бартон, — если он заставлял ее вечером в доме.

— Быть может, он был болен? — подсказала Прендергасту его профессия. Но, кажется, дело было не в этом. Мистер Карлюк обладал отменным здоровьем, ни разу не брал больничного.

— У этой прислуги, наверное, был ключ? — спросил Уилсон.

— Наверное, да. Но она не бывает здесь по воскресеньям. К тому же, когда я пришел, дверь была закрыта на засов и цепочку.

— Вы имеете в виду парадный вход?

— Да, но задняя дверь тоже была заперта на засов.

— Вот как? — заинтересовался Уилсон. — Вы, значит, хорошо осмотрелись, прежде чем забить тревогу?

— Только на первом этаже. — Бартон облизал губы с несколько испуганным видом. — Для него я не мог ничего сделать. Так что решил посмотреть... нет ли кого в доме.

— И?

— Нет. — Бартон покачал головой. — Никого. Но осматривался я совсем недолго. Потом открыл дверь.

— Понятно, — сказал Уилсон. — А сами вы как сюда попали?

— Через вон то окно, — указал Бартон. Уилсон подошел к окну и осмотрел отодвинутую задвижку.

— Почему вы решили забраться внутрь?

— Мне никто не отвечал. Мы с Карлюком договорились пойти прогуляться. Я стучал, звонил, но меня ни-

кто не слышал. Назначенное время уже прошло, и я заволновался — мало ли, вдруг ему плохо. И залез в дом.

— Понятно. Когда вы видели его в последний раз?

— Вчера вечером.

— Во сколько?

— Примерно... часов в девять, — ответил Бартон, снова облизнув губы. Вид у него был весьма подавленный. Прендергаст вздрогнул от удивления, но потом, вспомнив, что представляет закон, взял себя в руки и постарался, как Уилсон, напустить на себя невозмутимый вид. Неудивительно, что щуплый человечек проявлял все признаки беспокойства. Он оказался в двусмысленном положении.

— Не могли бы вы рассказать подробнее? — попросил Уилсон.

Мистер Бартон мог — и рассказал, при этом то и дело нервно поглядывая на Уилсона. Карлюк пригласил его на ранний ужин с чаем и партию в шахматы. Бартон ушел от него около девяти вечера, так как обещал забрать жену с вечеринки у друзей в Хендоне, но они с Карлюком договорились в воскресенье прогуляться на природе. Бартон пообещал зайти в девять часов утра; Карлюк проводил его до самого поворота на Уиллоу-роуд, где они и распрощались. Бартон отправился за женой, но они задержались на вечеринке и вернулись домой лишь около часу ночи. Понимая, что вернется домой поздно, он попытался позвонить Карлюку и перенести прогулку. Он позвонил два раза — один от друзей, другой — уже из дому, но не смог дозвониться.

— Я подумал, что он куда-нибудь ушел, — сказал Бартон. — Хотя это

и показалось мне странным. Ведь когда мы прощались, он сказал, что сразу же ляжет спать. Он всегда рано ложился и рано вставал. Я позвонил еще раз, но трубку никто не брал, и я решил, что он, должно быть, спит. Поэтому и пришел сегодня так рано, как только смог, — я ведь думал, он будет ждать.

— Понятно, — снова сказал Уилсон. — Вы никого не встретили, когда мистер Карльюк вас провожал?

— Не то чтобы встретил, — очень нервно сказал Бартон. — Вечер выдался прекрасный, и на улице было много народу, но никого знакомого мы не видели. Единственное — пару минут простояли у входа в “Собаку и утку”. В дверях стоял хозяин. Я его видел, и он тоже мог нас заметить. Они с Карльюком были хорошо знакомы. Послушайте, — внезапно выпалил он. — Я вижу, к чему вы клоните, вижу, к чему все идет! Если, проводив меня, Карльюк сразу вернулся домой, то я последний, кто видел его живым. Но он был жив и здоров, когда мы расстались, клянусь вам! — Бартон привстал в кресле и снова рухнул в него, с испугом глядя на собеседников.

— Ну что вы, что вы, — успокаивающе сказал Уилсон. — Я вовсе не пытаюсь подвести вас под подозрение, мистер Бартон. Но мы должны выяснить, что случилось, вы ведь понимаете. А теперь, если позволите, я осматриваю дом. Скоро здесь будет полиция. Я бы хотел, мистер Бартон, чтобы вы пошли с ними в участок и рассказали там все, что рассказали мне. — Он поднялся на ноги. — Кстати, Майкл, ты не нашел на теле следов борьбы?

— Никаких, — с готовностью отозвался Прендергаст. — Я бы сказал, его застрелили раньше, чем он понял, что происходит.

— Мне тоже так показалось, — кивнул Уилсон и исчез в коридоре.

Прендергасту было любопытно, как Скотленд-Ярд осматривает место преступления (до сих пор он не видел Уилсона в деле). Он с радостью последовал бы за ним, но с уважением относился к должности друга и предполагал, что, если бы его присутствие было уместно, его бы позвали. Так что он остался сидеть в тесном неудобном кабинете и терпеливо ждать, а мистер Бартон, скорчившись в кресле по другую сторону камина, беспокойно грыз ногти.

Ждать им пришлось недолго — меньше чем через три минуты на дорожке послышались тяжелые шаги, и в дверь громко и официально постучали. Бартон и Прендергаст вскочили на ноги, но Уилсон их опередил: выйдя в коридор, они услышали, как он кратко рассказывает о случившемся оробевшему сержанту.

— Ваш саквояж у констебля Рена, сэр, — объяснил сержант. — Я послал его на Фицджонс-авеню, как только получил ваше сообщение. Боже милосердный, сэр! — Они как раз дошли до двери комнатки с телефоном. — Что ж, бедняга мертв, никакого сомнения! Что это было, сэр? Выглядит прямо как заряд картечи.

— Доктор Прендергаст утверждает, что стреляли из мушкетона, — ответил Уилсон. — Но тело все равно лучше как можно скорее доставить в участок. “Скорая помощь” приехала? Прекрасно. Зовите людей, и пусть

тело как можно скорее обследует судебный врач. Мистера Бартона тоже отведите в участок, запишите показания. Инспектор Кэтлинг с вами?

— Ждем с минуты на минуту, сэр, — ответил сержант. — Мы ему позвонили, и он будет к тому времени, как мои люди закончат.

— Хорошо. Тогда они могут приступить. А вы останьтесь со мной, осмотрим дом. Поставьте у двери констебля. Прости, Майкл, — он повернулся к Прендергасту, — но, боюсь, бедняга Карлюк помешал нашей поездке. Отправись без меня или останешься?

— Пожалуй, я бы лучше остался, если могу чем-нибудь помочь, — с готовностью ответил Прендергаст: он

был взволнован, словно школьник. Уилсон слегка улыбнулся и кивнул.

— Мистер Бартон, я бы хотел, чтобы вы отправились в участок с констеблями, — сказал он сторбившейся в углу фигуре, — и рассказали все инспектору. Но сперва мне хотелось бы еще кое-что спросить. Вы не знаете, мистер Карлюк хранил в доме деньги или какие-либо ценности? По поручению банка, я имею в виду.

— Насколько я знаю, нет, — ответил Бартон. — Но если бы и хранил, мне бы не сказал. Когда дело касалось банка, он был нем как рыба.

— Спасибо. Теперь по поводу племянника, о котором вы упомянули. Вам известно его имя или адрес или хоть что-нибудь о нем?

Бартон задумался.

— Зовут его Эдгар Карлюк. Он вроде бы интендант на корабле и, кажется, сейчас не в плавании. Но адреса его я не знаю.

— Значит, он здесь не останавливался, когда бывал на берегу?

— Только однажды, — сказал Бартон. — Но они поссорились из-за денег, и больше Карлюк его не приглашал. Я это знаю только потому, что однажды пришел прямо во время перепалки.

— В каком смысле “из-за денег”?

— Племяннику нужны были деньги, а дядя не давал. Не знаю, я

почти ничего не слышал. Но, может быть, вам стоит поискать что-нибудь о нем в бумагах Карльюка.

— Вы не знаете, где он держал бумаги?

— Наверху в спальне, в сейфе. Прямо над этой комнатой.

— Спасибо. А как зовут директора банка — вашего филиала банка?

— Мистер Уоррен. Он живет в районе Белсайз-парк, но сейчас в отъезде.

— Благодарю вас. Кстати, нам понадобится свет в телефонной комнатке, там ведь перегорела лампочка. Вы случайно не знаете, где мистер Карльюк держал запасные?

— В шкафу на кухне, слева от плиты.

— Раз вы знаете, где они, не могли бы принести нам одну? Средней мощности.

Уилсон подошел к двери кухни и стоял на пороге, пока Бартон искал лампочку в шкафу.

— Сойдет? — спросил он, вынимая ее из упаковки. — Сорок ватт.

— Благодарю. — Уилсон взял лампочку. — А теперь, сержант, зовите своих людей и скажите им, чтобы выносили тело как можно аккуратнее. Констебль! — окликнул он человека у входной двери. — Проводите мистера Бартона к инспектору Кэтлингу, пусть он даст показания. Скажите инспектору, что мы с сержантом обыскиваем дом; я сообщу, как движется дело, как только смогу. И еще, констебль...

Он отвел полицейского в сторону, и разговор перешел на шепот. Между тем пришли санитары и вынесли из дома свою скорбную ношу. Прендергаст, которого передернуло при виде

останков мистера Карльюка, мог лишь изумляться спокойствию, с каким полисмены делали свое дело. Когда все было кончено, Уилсон отпустил констебля, и тот вышел твердым шагом; за ним плелся удрученный Бартон.

— Ужасное происшествие, сэр, — начал сержант, когда за ними закрылась дверь.

— Ужасное, — согласился Уилсон, открывая принесенный констеблем саквояж, основную часть которого занимало множество разнообразных бутылочек. — Вы знали мистера Карльюка, сержант? В чем могла быть причина убийства?

— Понятия не имею, сэр, — ответил сержант. — Такого тихого и славного пожилого джентльмена только поискать. Кто-то может сказать, он был нелюдим — ну и что с того? Никогда бы не подумал, что у него могут быть враги.

— Мистер Бартон, кажется, тоже так считает, — произнес Уилсон, доставая пару тонких перчаток и натягивая их. — Что ж, начнем. У меня есть ощущение, что нам нельзя медлить, если мы хотим поймать убийцу. Сержант, не могли бы вы обойти дом и посмотреть, через какую дверь или окно мог сбежать преступник? А ты, Майкл, будь добр, загляни в шкаф и найди мне лампу на шестьдесят ватт. Думаю, эту мы использовать не будем.

Он положил первую лампочку на полку, и сержант поднял взгляд, словно собрался что-то сказать, но потом передумал. Прендергаст с легкостью нашел нужную лампочку и направился в комнатку, чтобы вернуть ее, но Уилсон его остановил.

— Дай-ка я сам, — сказал он и осторожно вывернул старую лампочку руками в перчатках.

Сержант усмехнулся:

— Ищете отпечатки пальцев, сэр? Едва ли убийца хватался за лампочку. Особенно если она перегорела.

— Всякое бывает, — ответил Уилсон. — Иди сюда, Майкл, и скажи, что ты обо всем этом думаешь. Можешь ходить спокойно, я осмотрел следы на полу перед тем, как пришла полиция. Как по-твоему, как все произошло?

Произнося это, он одну за другой доставал бутылочки и обрабатывал порошками перегоревшую лампу и карточку, которые держал в руках.

Прендергаст окинул взглядом тесную каморку, в которой было не больше семи футов в длину и трех в ширину.

— Стреляли в него здесь, — сказал он. — После выстрела он уже не мог двигаться, а если бы его перенесли, не было бы столько крови.

— Так и есть. А откуда в него стреляли? Где стоял убийца?

— Там, в дальнем конце. Это ясно по траектории полета пуль. Одна вошла в стену перед телефоном.

— Где стоял Карльюк?

— Думаю, рядом с телефоном — судя по тому, как он упал. Точно в дальнем конце.

— А где тогда стоял человек, который в него выстрелил? Для него, кажется, совсем нет места. Думаешь, Карльюк подошел прямо к мушкетону и встал перед ним вплотную?

— Было темно. Лампочка ведь перегорела.

— О, Майкл, как тонко подмечено! Но если свет горел в коридоре, здесь

было достаточно светло, чтобы заметить человека. Не думаю, что мистер Карльюк жил в кромешной темноте. Посмотри сам.

Прендергаст вышел в коридор, и выяснилось, что это действительно так. Уилсон тем временем обрабатывал порошками телефон.

— Должно быть, он спрятался за занавеской.

— За занавеской! Дружище, там нет места! Все заставлено ботинками, и, даже если их убрать, полка не шире одного фута. Взрослый человек туда бы не забрался. Попробуй сам. Нет, не сейчас. Подойди сюда, посмотри на телефон. Это любопытно.

— Это отпечатки пальцев? — спросил Прендергаст, глядя на аппарат, к которому прилипли мелкие частички желтого порошка. — Мне это ничего не говорит.

— Нет, не отпечатки. Их стерли. Это само по себе очень любопытно. Уборщицы обычно не настолько щепетильны. Но я не это имел в виду. Посмотри на полку.

— Пятно крови, — сказал Прендергаст. — Видимо, Карльюка. Но что здесь любопытного?

— То, — ответил Уилсон, — что оно было прямо под телефоном.

— Как?! Получается, Карльюк говорил по телефону в момент выстрела и сумел поставить его обратно! Не представляю, как он мог успеть.

— Я тоже, — согласился Уилсон. — Более того, думаю, он этого не делал.

— Значит, это сделал убийца. Неплохо, ей-богу. Кстати, Гарри, нельзя ли так узнать время его смерти? На станции ведь ведут запись звонков, разве нет? Если запросить инфор-

мацию о последнем звонке, время будет точное.

— Возможно, — отозвался Уилсон. — Если он действительно звонил. Но наверное мы этого не знаем. А ты так и не сказал мне, где стоял убийца.

— Дьявольщина! — воскликнул Прендергаст после недолгой паузы, которую Уилсон потратил с пользой: покрыл порошком выключатель. — Если он не прятался за занавеской, я не знаю, где он был! Может, в другом конце... нет, не может быть, стреляли не с той стороны. Возможно, он проскользнул внутрь, пока Карлюк говорил по телефону, подошел к нему вплотную и выстрелил прямо в голову. Но это же полное сумасшествие.

— Оно самое, — согласился Уилсон. — Сумасшествие.

— А ты сам знаешь, где он стоял? И почему стрелял из мушкетона? Очень странное орудие убийства. Почему не револьвер? Его было бы вполне достаточно.

— У меня есть предположение, где он стоял... точнее, где он не стоял, — ответил Уилсон. — Но это только гипотеза. И я ни малейшего понятия не имею, чем ее подтвердить. Еще я почти уверен, что знаю, почему убийца выбрал мушкетон. Подумай, в чем особенности мушкетона, и сам ответишь на свой вопрос. Эй, а это еще что такое? — Он стоял рядом с телефоном и вглядывался в полку над ним. — Слава богу, прислуга не так аккуратна, как можно было бы подумывать, поглядев на телефон. Смотри!

Прендергаст взглянул на полку, основательно покрытую толстым слоем лондонской пыли. С краю, в том месте, куда указывал Уилсон, в

пыли виднелся круг диаметром около шести дюймов.

— Там стояло что-то круглое. — Прендергаст тут же почувствовал, что сказанное и так очевидно.

— Стояло, — согласился Уилсон. — Его недавно отсюда убрали, но и стояло оно здесь недолго. Пыли в этом месте столько же, сколько везде... она лишь примята. А теперь оглянись, Майкл, и скажи мне, что оставило эту отметину.

— Телефон, — тут же ответил Прендергаст. — Это единственный подходящий предмет в комнате*.

— Кажется очевидным. Но лучше убедиться, — сказал Уилсон, аккуратно измеряя диаметр телефона и отметины. — А теперь можешь ты мне рассказать, зачем покойный мистер Карлюк держал телефон в таком неудобном месте? Я едва туда достаю, а ведь я такого же роста, как он.

— Выше, — машинально поправил медик, ломая голову над тем, почему телефон поставили на дальнюю полку. Единственным возможным ответом было: он каким-то образом мешал убийце. Но как ему помогло то, что телефон убрали на полку? Прендергаст признался Уилсону, что ему представляется гном-убийца размером с телефон, сидящий на полке с мушкетонам в руках. Он с удивлением заметил, что Уилсон ободряюще улыбается.

— Уже лучше, — сказал Уилсон. — В дело включился мозг.

— Если единственный результат его применения — версии с домовыми, — проворчал Прендергаст, — ду-

* См. глоссарий (40).

маю, с таким же успехом его можно не включать.

В ту же секунду тишину дома разрезал громкий звонок телефона, и Прендергаст подскочил на месте.

— Звонят мистеру Карльюку? — спросил он, когда Уилсон поднял трубку.

— Нет, это из участка, — ответил тот. — Да, инспектор. Да. Уилсон у телефона...

Прендергаст вышел в коридор, куда только что спустился сержант, обыскивавший дом.

— Кто бы ни пристрелил беднягу, у него были крылья, — сказал он. — Выбраться невозможно. Задняя дверь заперта и закрыта на засов. Все окна заперты, задвижки плотно закрыты — с такой-то погодой. Открыть их снаружи не получится. На верхнем этаже открыто одно окно, но нет никаких признаков того, что в него кто-то влез или вылез. Окно чересчур мало, чтобы в него можно было забраться, не оставив следов.

— А каминные трубы? — спросил Прендергаст. — Мог убийца взобраться по трубе?

— По газовой — вряд ли. В доме проведен газ, и все трубы плотно закрыты. Нет, он улетел, точно вам говорю. Ну или порезал себя на кусочки и скрылся по частям. Я посмотрел везде, где хоть как-то мог бы спрятаться человек. В доме никого нет.

В ту самую секунду телефон звякнул, обозначив конец разговора, и в коридоре появился Уилсон.

— В вашем участке работают на редкость инициативные ребята, сержант, — сказал он, и польщенный

сержант зарделся. — Они уже проверили версию Бартона. Все сходится. Хозяин “Собаки и утки” помнит, как они вчера вечером проходили мимо, и видел, как Карлюк возвращался домой. Хендонских друзей Бартона тоже проверили, те показали, что он приехал в половине десятого и оставался у них примерно до часу ночи, а жена и сын его утверждают, что откуда он отправился прямо домой.

— Звучит складно, — заключил сержант. — Если только он не вернулся сюда позже.

— Было бы около двух часов ночи, — возразил Уилсон. — Автобусы и метро в такое время уже не ходят, а машины у него нет.

Он вопросительно посмотрел на Прендергаста.

— Вряд ли, — отозвался тот. — Карлюк определенно умер задолго до полуночи. Конечно, с точностью до часа сказать нельзя... но в этом я уверен. Вы думали, алиби Бартона — фальшивое?

— Нет, — ответил Уилсон. — Не думал. Но проверить нужно было.

— И как бы то ни было, — вмешался сержант, — если он и вправду вернулся, то как выбрался из дома? — Он объяснил Уилсону ситуацию с выходами. — Что делать теперь, сэр?

— Тщательно обыскать дом, — сказал Уилсон. — И просмотреть бумаги. У меня есть ключи, я вам помогу. Но нужно поторопиться.

— Мы ищем что-то конкретное, сэр?

— Все, что может пролить свет на преступление... или следы того, что в бумагах копались. А в доме вообще — орудие убийства.

— Мушкетон, сэр?

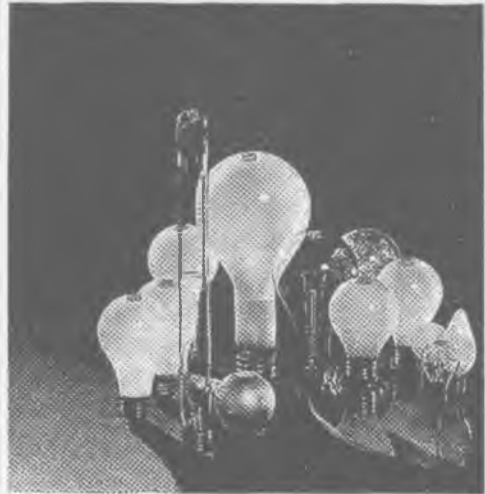
— Или что-то похожее. Возможно, убийца попытался его уничтожить. Ищите все, что может оказаться частью мушкетона. Я почти уверен, что он где-то в доме, но вот только понятия не имею, где именно.

— У меня такое ощущение, доктор, — сказал сержант с восхищением, когда начались поиски, — что мистер Уилсон уже распутал дело.

— Только наполовину, сержант, — сказал Уилсон, обернувшись к нему с озабоченным видом. — У меня нет мотива, и у меня нет орудия убийства. И если мы вскорости не найдем хотя бы чего-то одного, то, боюсь, убийцы у меня тоже не будет.

Они долго и безуспешно обыскивали вещи убитого, и лицо Уилсона с каждой минутой темнело. До этого утра Прендергаст даже представить себе не мог, что такое настоящий тщательный обыск. Уилсон заставил их заглянуть в каждую щель, вытряхнуть каждую подушку и каждый кусок ткани, он прощупывал по швам матрасы и стулья, приказал перевернуть мусорную корзину, раковину, заглянуть в сливные трубы. Они даже вышли в маленький садик и обыскали посыпанную гравием дорожку, идущую вокруг дома, и клумбы по обе ее стороны, но напрасно. Ни мушкетона, ни другого, менее экзотического, оружия не обнаружилось. Не было также ничего хотя бы отдаленно напоминающего детали мушкетона. После двух с лишним часов бесплодных поисков они наконец принялись за сейф, который Уилсон открыл ключами убитого.

This mark can save you REAL money

You buy lamps to get light. The true cost of light is the cost of the lamp plus the cost of the current. Inferior "bargain" lamps often waste current, burn out or blacken too quickly, Edison MAZDA Lamps don't do that. They give you good light at low cost... all the light you pay for. That is true lighting economy. In the long run it saves REAL money. Look for this mark on every bulb.

— Кажется, немного мы здесь найдем, сэр, — сказал сержант, глядя на аккуратные стопки документов.

— Попытка не пытка, — ответил Уилсон и занялся первой пачкой. — Знаете, — заявил он через пару минут, — у меня создается впечатление, что здесь кто-то покопался до нас. Порядок слегка нарушен — словно кто-то пытался сложить их аккуратно, но не знал, как они должны лежать. Как

если бы в вашей личной библиотеке убирался кто-то чужой. Но я, хоть убейте, не знаю, что он искал. Что бы это ни было, оно исчезло без следа. Какие такие ценности могли здесь храниться? Кстати, никаких упоминаний таинственного племянника. Должно быть, мистер Карльюк имел привычку избавляться от ненужных личных бумаг.

— Кстати, — начал Прендергаст, у которого не было ответа на последний вопрос, — ты не обдумал мою идею насчет того, что на телефонной станции можно узнать время его смерти? По крайней мере, это может подтвердить чье-то алиби.

— Помню, — отозвался Уилсон. — Но проблема в том, что я почти уверен: он не говорил по телефону, когда его убили.

— Нет, говорил! — воскликнул Прендергаст. — Ты забыл о его руках... то есть о пальцах. Помнишь, как они были скрючены? Я их как сейчас вижу. Именно так держат телефон. — Он показал на своей руке. — Но только чуть шире — словно его вытащили из пальцев, и они окоченели в этом положении. Я, помню, еще подумал, что он мог держать в руке мушкетон, но если так, он держал бы его до сих пор. Телефон — намного более вероятная версия...

Он умолк с торжествующим видом, потому что Уилсон выронил бумаги и глядел на него с явным уважением.

— Черт возьми, Майкл, а ведь ты прав! — сказал он. — Вот я глупец, совсем забыл про его руки. Сержант, вы не знаете, с почты недавно не сообщали о пропаже телефона?

— Телефона? Боюсь, не знаю, сэр. — Сержант усмехнулся, а Прендергаст рот раскрыл от удивления при такой неожиданной реакции на его предположение. — Местное почтовое отделение само разбирается с потерянными вещами.

— Значит, позвоните им и выясните как можно скорее. Поторопитесь, от этого может зависеть исход дела.

— С чего тебе пришло в голову, что у них пропал телефон? — спросил Прендергаст.

— Это лишь догадка, — ответил Уилсон. — Но если она подтвердится, все встанет на свои места.

Сержанта долго не было, и все это время Уилсон и Прендергаст терпеливо копались в весьма скучных личных бумагах покойного. Вернувшись, сержант посмотрел на Уилсона с выражением почти благоговения на лице.

— Откуда вы узнали, сэр? — спросил он. — У них и вправду пропал телефон. Его украли из пустой квартиры на Голдерс-Грин неделю или две назад, точно они не знают и понятия не имеют, кто его взял. Откуда вы узнали?

— Ну, это было довольно очевидно, — ответил Уилсон. — Если бы только было так же очевидно, куда он делся! Идемте, мы должны его найти. Его не могли унести — не было времени. И спрятать не могли... Боже мой! — Он вскочил на ноги и бросился к двери. — Сова!

— Что с тобой? — пропыхтел Прендергаст, сбегая вниз по лестнице вслед за ним.

— Вот дурак! Конечно сова! — был ответ. — Нет, подожди здесь. Я вернусь через минуту.

Прендергаст с сержантом в изумлении стояли у входной двери, а Уилсон выбежал на улицу и припустил вверх по склону. Ярдов через сто он остановился и постоял несколько секунд, закинув голову и изучая кроны деревьев, почти скрывавшие из вида дом, а потом бросился обратно.

— Думаю, это окно ванной, — сказал он, вернувшись, и взбежал по лестнице. Остальные двое последовали за ним. Забежав в ванную, он широко раскрыл окно, которое сержант до этого обнаружил открытым, и, высунувшись из него насколько мог влево, пошарил рукой в густом плюще, увивавшем стену. Через пару секунд он издал торжествующий вопль.

— Нашел! — воскликнул он. — По крайней мере, надеюсь. Пожалуйста, смотрите внимательно. Мне нужны свидетели.

Когда он высунул руку из плюща, в ней был зажат пухлый конверт с маркировкой “Банк Столицы и графств”. Он передал его сержанту.

— А оружие, сэр? — озадаченно спросил тот.

— Сейчас будет, — ответил Уилсон и снова погрузил руку в плющ.

— С этой штукой нужно обращаться осторожно, — предупредил он, снова поворачиваясь к ним. В руке его был зажат на первый взгляд обыкновенный телефонный аппарат. Но если приглядеться, становилось ясно, что микрофон снят, а на его месте укреплено широкое металлическое дуло. Прендергаст подошел ближе и заглянул в черное жерло.

— Боже мой, да ведь это мушкетон! — воскликнул он.

— Похоже на то, — отозвался Уилсон, — придется разобрать его на детали, чтобы выяснить, как именно он сработал. Но, кажется, вполне ясно, что сделал убийца. Внутренности телефона вынули, чтобы освободить место для заряда, а крючок раковины* подсоединили к спусковому крючку. Тот, кто в темноте захочет ответить на звонок — вспомните неработающее освещение, сержант, наверняка это сделал убийца, — возьмется за раковину, и оружие выстрелит. Теперь вы понимаете, почему использован именно мушкетон — и заряжен он, как заметил доктор Прендергаст, особым неприятным видом так называемых экспансивных пуль**. Нельзя точно определить, где будет голова человека, когда он подойдет к телефону, а мушкетон убьет наверняка, как бы он ни стоял. И на самом аппарате, и на раковине есть отпечатки. — Говоря, он одновременно обрабатывал их порошком. — Я почти уверен, что это отпечатки Карльюка, но можем сверить их внизу на всякий случай. Я перенес его отпечатки на карточку, пока его еще не унесли. А теперь, Майкл, думаю, я смогу ответить на вопрос, который ты задал мне раньше: где стоял убийца, когда стрелял в свою жертву? И ответ таков: у телефона в Хендоне. Сержант, пошлите кого-нибудь в участок и прикажите арестовать Эдварда Бартон по подозрению в убийстве Гарольда Карльюка. Думаю, он еще там.

* Раковина — часть телефона, в которой расположен динамик.

** Экспансивные пули — особый вид пуль с головной частью и сердечником из мягкого свинца. При попадании в цель экспансивная пуля деформируется, “раскрывается”, увеличивая таким образом площадь поражения.

— Боже мой, сэр, — сказал сержант. — Что за дьявольский замысел! Вы хотите сказать, он проделал все это, а потом ушел и обрек несчастного старика на смерть от телефонного звонка?

— А потом позвонил сам, чтобы убедиться, что план сработал, — сказал Уилсон. — Дважды, как вы помните, на случай, если в первый раз не получится. На телефонной станции нам сообщают, откуда звонили. Но, конечно, мистер Карльюк умер задолго до второго звонка.

— Боже мой! — повторил сержант. — Хладнокровный дьявол! Почему он убил его, сэр? — Он спрашивал так, будто считал Уилсона непосредственным свидетелем событий.

— Этого я пока не знаю, — сказал Уилсон. — Но не удивлюсь, если кон-

верт у вас в руке прольет кое-какой свет на этот вопрос.

Он разорвал конверт, и из него выпала небольшая пачка чеков, выписанных на "Банк Столицы и графств". Вынув из кармана лупу, он бегло осмотрел подписи.

— Конечно, я не знаю хемпстедских клиентов "Банка Столицы и графств", — сказал он. — Но должен заметить, что некоторые из этих чеков, без сомнения, — фальшивки. Посмотрите в лупу на эту неровную линию. Это не настоящая подпись. — Он вручил чек и увеличительное стекло сержанту, и тот согласно кивнул. — Видимо, Бартон либо выписал их сам, либо помог обналичить, и Карльюк прознал об этом. Если мы свяжемся с управляющим банка, то скорее всего узнаем всю историю. Но вам лучше пойти и убедиться,

что подозреваемый на месте. Сомневаюсь, что Кэтлингу легко удастся его задержать.

— Зря ты с такой готовностью поверил моему зрению, — обратился он к Прендергасту. — То, что я принял за сову, оказалось рукой Бартона, прячущей конверт. Единственное мое оправдание — я туда вообще не смотрел. Я лишь уловил боковым зрением движущуюся тень, а когда взгляделся, там уже ничего не было.

IF THE *Telephone* WERE NOT THERE!

America leads in telephone service. In relation to population, there are six times as many telephones in this country as in Europe and the telephone is used nine times as much.

BELL TELEPHONE SYSTEM

На дороге есть только один участок, с которого открывается обзор на именно этот клочок плюща, и из окна его как раз не видно. Бартон, должно быть, полагал, что надежно скрыт от посторонних глаз. Но, как бы там ни было, я чуть не потерял нить, не поверив сразу же своему впечатлению.

— Чего я не понимаю, — сказал Прендергаст, — так это почему ты вообще искал оружие — почему решил, что оно здесь.

Они еще раз заговорили об этом деле уже после суда над Бартоном. Когда ему предъявили поддельные чеки и злополучный телефон, нервы его не выдержали, и он признался во всем — попутно сдав полиции мошенников, изготовлявших фальшивые чеки, которые он обналичивал в касе “Банка Столицы и графств”. Управляющий банка по возвращении сообщил, что по одному из поддельных чеков было проведено расследование и Карлюк собирался сообщить ему что-то важное. Поэтому его и убили. Остальные детали преступления были таковы, как описал их Уилсон, вплоть до кражи телефона из пустой квартиры на Голдерс-Грин и аккуратного выведения из строя электрической лампочки.

— Понимаешь, — ответил Уилсон, — я не мог представить, куда Бартон мог бы его деть. Тот человек у ворот сказал, что в доме он был только пару минут — унести некогда. Конечно, он мог пронести его на себе, но не думаю, что он пошел бы на такой риск: знал ведь, что придется идти в полицию. Если бы мы не нашли телефона в доме, пришлось бы обыскать Бартона, но это были

бы крайние меры. Я не хотел этого делать, ведь мы должны были его отпустить — алиби было безупречно. И ему хватило бы времени, чтобы найти и уничтожить орудие убийства или покинуть страну.

— Значит, ты с самого начала знал, что убийца — он? — спросил Прендергаст. — Но откуда?

— Ну, я начал подозревать его, как только взглянул на каморку с телефоном. Понимаешь, размеры помещения и траектории выстрелов ясно указывали на то, что убийца там не стоял. Ты сам это видел, но был слишком убежден в обратном. Но там не было ни места для него, ни следов бегства. На полу были только следы Бартона, и никто не смог бы пройти мимо тела и лужи крови, не наступив в нее. Я проверил. Это означало, что убитый был один, и убит он был с помощью какого-то приспособления. А то, что лампочка — практически новая, ты и сам заметил — перегорела, было до странности похоже на ловушку. Я сделал так, что Бартон оставил отпечатки пальцев на новой лампочке, а позже обнаружил такие же отпечатки на неисправной. Конечно, это ничего не доказывало, но наводило на размышления. Лампочка висит высоко, Бартону до нее не дотянуться — просто так он не полез бы ее менять. В этом, кстати, был его главный промах: все остальное он тщательно вытер — телефон даже чересчур тщательно, — но забыл про лампочку.

Идем дальше: если предположить, что несчастный встретил свою смерть в одиночестве, становится очевидным, что у убийцы будет железное алиби, а значит, любое алиби в ходе

предварительного расследования должно быть отброшено. Вообще-то алиби самого Бартона в таком свете выглядело даже несколько подозрительным — почти что казалось подготовленным. Когда я узнал от него все, что хотел, я оставил тебя за ним присматривать и вернулся на место преступления для более тщательного осмотра. Тогда я обнаружил то самое пятно крови под телефоном, указывающее на то, что его поставили туда уже после убийства. Сам Карльюк, как ты сказал, едва ли мог это сделать, он скорее всего упал сразу же после выстрела. Эту версию подтверждало то, что Карльюк, как выяснилось из обследования телефона, вообще к нему не прикасался. Это означало, что после его смерти телефон поставил на место и протер кто-то другой. Но, насколько нам известно, после убийства в комнату заходил только Бартон. Так что я внимательнее изучил его передвижения и обнаружил, во-первых, что недавно телефон, по всей видимости, несколько часов стоял на почти недостижимой высоте и, во-вторых, прямо под этим местом на полу остались кровавые отпечатки носков ботинок, а на нижней полке — необычное пятно, похожее на след колена. После этого я был уже почти уверен, что его переставил именно Бартон — а потом, «обнаружив» тело, переставил обратно.

— Но зачем?

— Как ты очень точно подметил, он мешал убийце. Вот тут, должен признать, я был преступно медлителен. Нужно было сразу подумать о другом телефоне, с сурпризом. Но я все еще

искал обычный мушкетон — возможно, прикрепленный к верхней полке и приводимый в действие механизмом, — и тут твое своевременное напоминание о пальцах трупа дало мне зацепку. После этого все встало на свои места — осталось только найти второй аппарат.

— Почему Бартон не подождал немного и не уничтожил его, вместо того чтобы тут же поднимать тревогу? — удивился Прендергаст.

— Наверное, не хотел задерживаться, опасаясь вызвать подозрения того человека у ворот, — предположил Уилсон. — Конечно, он не ожидал наткнуться там еще и на нас. Думал, что пошлет его в полицейский участок и получит двадцать минут на то, чтобы спокойно замести следы. С нашим появлением ему не повезло. Как и с тем узеньким просветом между кронами. Во всем остальном, если забыть о промахе с лампочкой, который мог так никогда и не раскрыться, убийца, как мне кажется, проявил незаурядный ум. Роль невинного и встревоженного друга он сыграл весьма натурально, да и алиби, если бы я к тому моменту не подозревал его, было простое и вполне правдоподобное.

— А о мотиве ты тоже догадался? — спросил Прендергаст.

— Честно говоря, нет. Я лишь подумал, что если двое работают в банке, есть одно очевидное предположение. Но причин могла быть сотня. Вот видишь, как исключительно полезна спешка. Остановись мы и начни искать мотив, так и не поймали бы преступника.

Энтони Беркли

1893–1971

Перевод и вступление Марии Переясловой

ЭНТОНИ Беркли (настоящее имя — Энтони Беркли Кокс) родился 5 июля 1893 года в Уотфорде. Он тщательно оберегал свою частную жизнь от любопытных, поэтому даже его биографам удалось разузнать очень немного. Известно, что в Оксфорде, в Университетском колледже, он изучал право и классические языки. В начале Первой мировой войны записался добровольцем в армию, дослужился до чина лейтенанта. После отравления газом был комиссован.

В Лондоне Беркли состоял одним из директоров компании “Э. Б. Кокс Лимитед”, офис которой располагался неподалеку от Стрэнда, а сфера деятельности неизвестна до сих пор. Писатель дважды вступал в брак, первый раз в 1917 году, второй — в 1932-м. Обеим женам — Маргарет Фимли Фаррар уже после развода, а Элен Макгрегор вскоре после свадьбы — он посвятил по роману, в которых муж планирует убийство надоевшей супруги.

Писатель выступал под тремя разными именами. В двадцатые годы читатели “Панча” знали его как Э. Б. Кокса, журналиста и автора пародий на детектив-

ANTHONY BERKELEY

ные рассказы (наиболее известный его скетч — очередная история о Шерлоке Холмсе, как ее мог бы написать П. Г. Вудхауз). С конца двадцатых годов одним из самых популярных авторов детективов становится Энтони Беркли. Под именем Фрэнсиса Айлса, которое писатель позаимствовал у своего предка-контрабандиста, он также публикует несколько романов, а с середины тридцатых годов — и многочисленные рецензии на детективы.

В 1928 году Беркли организовал Детективный клуб и стал его первым почетным секретарем. Малькольм Дж. Тернбулл, биограф Беркли, предполагает, что тот втайне надеялся когда-нибудь стать председателем. Однако его ожидания так и не оправдались: после смерти Дороти Сэйерс в председатели была избрана Агата Кристи, а Беркли навсегда покинул клуб. В тридцатые же годы он активно участвовал в нескольких проектах клуба. В финале романа “Последнее плавание адмирала” ему удалось распутать клубок интриги, над которой потрудились Г. К. Честертон, Агата Кристи, Дж. Роуд, Дороти Л. Сэйерс, Рональд Нокс и другие знаменитые писатели. В романе “Спроси полицейского” Беркли не только предложил остроумное решение загадки, но и “обменялся” героями с Дороти Сэйерс, создав прекрасную пародию на Питера Уимзи. По романам и рассказам самого Беркли кочуют два главных персонажа. Роджер Шерингем, сыщик-любитель и к тому же автор детективов, самоуверенный и ехидный, был списан Беркли с одного неприятного знакомого. Позже в угоду публике характер Шерингема был несколько смягчен. Другой персонаж, Амброуз Читтервик, напротив, крайне робок и даже не вполне твердо знает, как надлежит вести расследование, — однако именно ему удастся распутать несколько безнадежных дел.

Беркли, как и другие выдающиеся фигуры Золотого века, вносит в детектив психологическую глубину, сосредоточивая внимание читателей на характере преступника. Он идет на смелые эксперименты: раскрывает имя убийцы в самом начале романа или же описывает все события с точки зрения предполагаемой жертвы. Более того, благодаря Беркли получает право на жизнь детектив с “перевернутой оптикой”, когда рассказ ведется от лица убийцы. Нетрудно заметить, что писатель чрезвычайно вольно обращается с правилами Детективного клуба, но, нарушая их, обогащает возможности жанра.

“КАРАЮЩИЙ случай” — пожалуй, самый знаменитый рассказ Беркли, который имел такой успех, что автор взял его за основу романа под названием “Дело об отравленных конфетах”, в котором предложил целых шесть версий преступления. Включенная в текст романа таблица отражает все версии и является, по словам автора, отличным примером “сравнительного детективоведения”. Нужно заметить, что “Дело об отравленных конфетах” — это еще и остроумная пародия на Детективный клуб, авторов детективов и их читателей.

ЭНТОНИ БЕРКЛИ

Карающий случай

Позже Роджер Шерингем склонялся к мысли, что из всех убийств, о которых ему доводилось слышать, дело об отравленных конфетах (так его называли в прессе) было наиболее совершенным по замыслу. Мотив был очевиден, если знать, где его искать, — но никто не знал; план прост, если понять его основной принцип, — но никто не понимал; улики скрыты небрежно, если только догадаться, что их скрывает, — но никто не догадывался. И если бы не одна ничтожная

случайность, которую убийца не мог предвидеть, это преступление вошло бы в сокровищницу величайших нераскрытых тайн.

Вот суть дела, как ее изложил Роджеру старший инспектор Морсби, навестивший его в Олбани примерно через неделю после происшествия.

В пятницу, пятнадцатого ноября, в половине десятого утра сэр Уильям Анструзер, как и всегда, явился в чрезвычайно престижный клуб “Рейнбоу”, что на Пикадилли, и потребовал свою почту. Портье отдал ему три письма и небольшую посылку. Сэр Уильям

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “КАРАЮЩИЙ СЛУЧАЙ” БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН В 1929 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ “ПИРСОНС”.

THE AVENGING
≡ CHANCE ≡

PEARSON'S MAGAZINE, 1929.

прошел в большую гостиную к камину, чтобы открыть конверты.

Через несколько минут вошел другой член клуба, некий мистер Грэм Бересфорд. Его ожидало письмо и несколько рекламных проспектов, и он также подошел к камину, молча кивнув сэру Уильяму. Они едва знали друг друга и за время знакомства не перекинулись, должно быть, и дюжиной слов.

Просмотрев письма, сэр Уильям открыл посылку и почти сразу презрительно фыркнул. Бересфорд взглянул на него, и сэр Уильям, что-то проворчав, протянул ему письмо, которое обнаружил в посылке. Пряча улыбку (другие члены клуба частенько посмеивались над манерами сэра Уильяма), Бересфорд стал читать. В письме сообщалось, что крупный производитель шоколада, компания "Мейсон и сыновья", выпустила новый сорт конфет с ликером, чтобы на этот раз угодить мужчинам. Не соблаговолит ли сэр Уильям принять посланную ему двухфунтовую коробку конфет и сообщить компании свое беспристрастное мнение?

— Они что, принимают меня за какую-то идиотку из варьете? — буживал сэр Уильям. — Чтобы я писал им отзывы про их идиотские конфеты! Идиоты! Я буду жаловаться в этот идиотский комитет. Кто им вообще позволил посылать сюда такую дрянь!

— И все же, мне кажется, нет худы без добра, — попытался успокоить его Бересфорд. — Я тут кое-что вспомнил. Вчера у нас с женой была заказана ложа в "Имперiale". Я поспорил с ней на коробку шоколада против

сотни сигарет, что к концу второго акта она не сможет угадать преступника. Она выиграла. Не забыть бы достать конфет. А вы не видели "Треснувший череп"? Неплохая пьеска.

Сэр Уильям представления не видел и очень доходчиво объяснил это Бересфорду.

— Говорите, вам нужна коробка конфет? — добавил он уже мягче. — Забирайте. Мне эта дрянь ни к чему.

Мистер Бересфорд, как человек учтивый, помедлил, но потом, на свою беду, согласился. Сэкономленные деньги не значили для него ничего, ведь он был очень состоятелен; но всегда приятно избежать хлопот.

По счастливой случайности ни оберточная бумага, ни сопроводительное письмо не сгорели, что само по себе удивительно, поскольку оба джентльмена бросили в огонь конверты от писем. Сэр Уильям смял в один комок бумагу, письмо и бечевку и передал все это Бересфорду, а тот швырнул сверток за каминную решетку. Позже портье извлек его оттуда и из любви к порядку аккуратно поместил в корзину для бумаг, где впоследствии сверток и был обнаружен полицией.

Среди троих невольных героев последовавшей трагедии наиболее примечательным лицом был, конечно же, сэр Уильям. Чрезвычайно румяный и коренастый, он в свои почти пятьдесят выглядел как типичный деревенский сквайр старой закалки и манеры имел соответствующие. Привычки его, особенно в обращении с дамами, также полностью соответствовали традиционному образу важного, вальяжного баронета, каковым он и являлся.

По сравнению с ним Бересфорд казался совершенно неприметным — высокий, темноволосый, довольно симпатичный малый тридцати двух лет, спокойный и сдержанный. Отец оставил ему состояние, но Бересфорд был человеком деятельным и вкладывал средства во многие предприятия.

Как известно, богатство тянется к богатству. Грэм Бересфорд получил деньги по наследству, приумножил их сам — и, разумеется, женился тоже на деньгах. Дочери судовладельца из Ливерпуля досталось после смерти отца чуть ли не полмиллиона. Но, как говорили друзья Бересфорда, дело было вовсе не в деньгах — он просто жить не мог без этой девушки и все равно бы на ней женился, не будь у нее ни фартинга. Высокая, прекрасно образованная, рассудительная, с уже сложившимся характером (три года назад, когда они поженились, ей было двадцать пять), — просто идеальная жена. Возможно, было в ней что-то пуританское, но Бересфорд уже успел отдать дань увлечениям молодости, и хотя дань эта была не слишком обильна, он к тому времени и сам был не прочь стать пуританином. Без сомнения, Бересфорды были совершенно счастливы в браке — чудо в наши дни небывалое.

Но неожиданно откуда-то взялась эта коробка конфет, повлекшая за собой ужасное несчастье. После ленча за кофе Бересфорд отдал конфеты жене, шутиво объявив, что возвращает долг чести, и жена тут же открыла коробку. Она увидела, что сверху лежат конфеты с начинкой вроде бы только из кирша и мараскина. Бересфорд не любил портить вкус

хорошего кофе и отказался, когда она протянула ему коробку. Тогда она съела первую конфету сама и удивленно заметила, что ликер в начинке необычайно крепкий, просто обжигающий. Бересфорд рассказал ей, что это образец новой серии, и, заинтригованный словами жены, тоже решил попробовать. Начинка и впрямь обжигала, не сказать чтобы нестерпимо, и все же для конфет она была слишком крепкой и чересчур отдавала миндалем.

— Да уж, крепкие, — произнес он. — Там, должно быть, чистый спирт.

— Нет, вряд ли, — ответила жена и взяла вторую конфету. — Но они очень крепкие. Впрочем, мне скорее нравится, чем нет.

Бересфорд съел другую, и ему понравилось еще меньше.

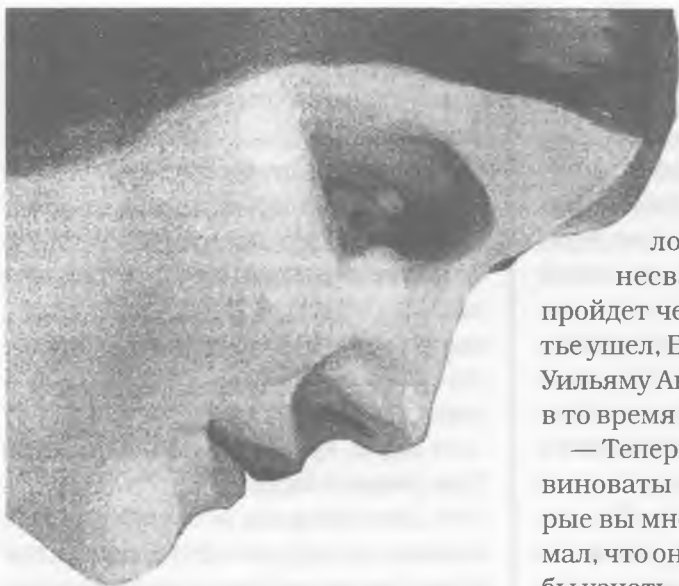
— Нет, мне не нравится, — решительно заявил он. — У меня от них язык немеет. Я бы на твоём месте больше не ел. По-моему, с ними что-то не так.

— Ну это же пробный вариант, насколько я понимаю, — сказала она. — Но они и правда обжигают. Никак не пойму, нравится мне или нет.

Через несколько минут Бересфорд отправился в Сити, где у него была назначена деловая встреча. Когда он уходил, жена все еще пробовала конфеты, пытаясь наконец решить, нравится ли ей их вкус.

Позже Бересфорд очень отчетливо вспоминал этот короткий диалог: оказалось, что тогда он видел жену живой в последний раз.

Это было примерно в половине второго. Без четверти четыре Бересфорд приехал в клуб из Сити на такси. Ему было дурно. Шофер и портье помогли

ему войти в клуб, и потом оба утверждали, что он был ужасно бледен, весь в испарине, с остановившимся взглядом и посиневшими губами. Однако сознание его оставалось ясным, и когда ему помогли подняться по ступенькам

внутри, он с помощью портье прошел в гостиную.

Встревоженный портье хотел сразу же послать за доктором, но Бересфорд, который не любил зря поднимать шум, не позволил ему, предположив, что это всего лишь несварение желудка, которое пройдет через пару минут. Когда портье ушел, Бересфорд обратился к сэру Уильяму Анструзеру, находившемуся в то время в гостиной.

— Теперь мне кажется, что во всем виноваты проклятые конфеты, которые вы мне отдали. Я еще тогда подумал, что они какие-то странные. Надо бы узнать, как моя жена се...

Он внезапно замолчал. До этого он сидел, бессильно откинувшись на спинку кресла, и вдруг его тело резко выпрямилось, челюсти сомкнулись, бледные губы растянулись в страшном оскале, а руки вцепились в подлокотники кресла. В тот же момент сэр Уильям почувствовал сильный запах горького миндаля.

Когда он уходил, жена все еще пробовала конфеты, пытаясь наконец решить, нравится ли ей их вкус.

Перепуганный сэр Уильям, думая, что у него на глазах умирает человек, стал громко звать доктора и портье. На крик сбегались все, кто был в клубе, и Бересфорда, бесчувственное тело которого сотрясали судороги, постарались уложить поудобнее. Еще до приезда доктора в клуб позвонил взволнованный дворецкий Бересфорда, который разыскивал хозяина и просил его срочно приехать домой, так как миссис Бересфорд серьезно больна. На самом деле она уже была мертва.

Бересфорд не умер. Ему досталось не так много яда, как его жене, которая после его отъезда съела, должно быть, не меньше трех конфет. Потому на Бересфорда яд подействовал медленнее, и врач успел его спасти. Впоследствии выяснилось, что доза не была смертельной. Тем же вечером около восьми Бересфорд пришел в себя; на следующий день он был почти здоров. Что же касается несчастной миссис Бересфорд, врач приехал слишком поздно, и она вскоре скончалась, не приходя в сознание.

Полиция взялась за это дело, как только поступило сообщение о смерти миссис Бересфорд от отравления, и очень скоро стало ясно, что все сводится к конфетам, которые и послужили причиной ее гибели. Сэра Уильяма допросили, из мусорной корзины извлекли письмо и оберточную бумагу, и Бересфорд еще не пришел в себя, а инспектор уже отправился побеседовать с управляющим компании "Мейсон и сыновья". Скотленд-Ярд работает быстро.

На этом этапе расследования полиция руководствовалась теори-

ей, основанной на показаниях сэра Уильяма и заключениях двух врачей. Предполагалось, что из-за преступной халатности одного из сотрудников Мейсона в начинку новых конфет попало чрезмерное количество миндального масла, которое, по мнению доктора, и вызвало отравление. Эта версия была опровергнута управляющим: он утверждал, что в их производстве миндальное масло никогда не использовалось.

Однако это были еще не все новости. С нескрываемым изумлением прочитав письмо, которое прилагалось к конфетам, управляющий решительно заявил, что это подделка. Ни подобных писем, ни таких образцов компания никогда не рассылала; создание нового сорта конфет с ликером даже не обсуждалось. В той роковой коробке был самый обычный шоколад фирмы "Мейсон и сыновья".

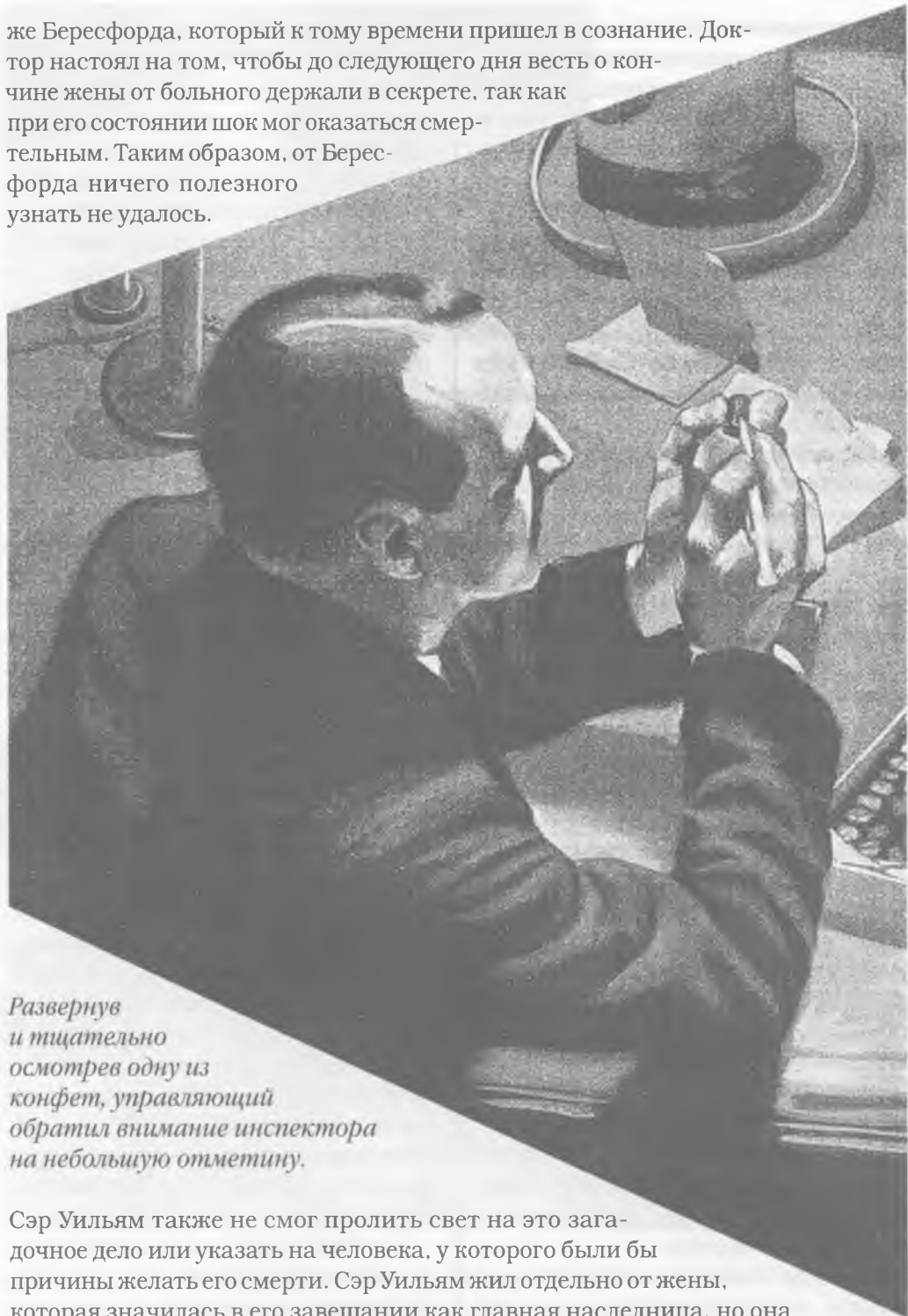
Развернув и тщательно осмотрев одну из конфет, управляющий обратил внимание инспектора на небольшую отметину.

Видимо, снизу в обертке проделали маленькое отверстие, удалили таким образом безвредную начинку и ввели внутрь отравленную, а затем заделали отверстие расплавленным шоколадом. Простейшая операция.

Управляющий рассмотрел конфету в увеличительное стекло, и инспектор согласился с ним. Теперь ему было ясно, что кто-то умышленно пытался отравить сэра Уильяма Анструзера.

Скотленд-Ярд удвоил усилия. Конфеты снова отправили на экспертизу, снова допросили сэра Уильяма, а так-

же Бересфорда, который к тому времени пришел в сознание. Доктор настоял на том, чтобы до следующего дня весть о кончине жены от больного держали в секрете, так как при его состоянии шок мог оказаться смертельным. Таким образом, от Бересфорда ничего полезного узнать не удалось.

Развернув и тщательно осмотрев одну из конфет, управляющий обратил внимание инспектора на небольшую отметину.

Сэр Уильям также не смог пролить свет на это загадочное дело или указать на человека, у которого были бы причины желать его смерти. Сэр Уильям жил отдельно от жены, которая значилась в его завещании как главная наследница, но она

находилась на юге Франции, что позднее и подтвердила французская полиция. Его поместье в Вустершире, несколько раз заложенное, отходило к племяннику по майорату; но доход от поместья едва покрывал

проценты по закладной, а племянник был значительно богаче самого сэра Уильяма, так что никакого мотива здесь быть не могло. Полиция зашла в тупик.

Экспертиза выявила несколько любопытных фактов. В качестве яда было использовано вовсе не масло горького миндаля, а, довольно неожиданно, похожий на него нитробензол, применяемый в производстве анилиновых красителей.

Каждая конфета в верхней части коробки содержала ровно шесть минимов* нитробензола, добавленного к смеси кирша и мараскина. Остальные конфеты были совершенно безвредны.

От других улик не было никакого толку. Для письма был взят фирменный бланк Мейсона, изготовленный типографией Мертон, что там и подтвердили, но как эта бумага попала в руки убийцы, выяснить не удалось. Наверняка можно было сказать только одно: края заметно пожелтели, значит, бумага была довольно старая. И конечно, невозможно было отыскать ту самую машинку, на которой письмо напечатали.

Мало что проясняла и обыкновенная оберточная бумага с адресом клуба сэра Уильяма, написанным от руки крупными буквами: посылка была отправлена накануне вечером из отделения на Саутгемптон-стрит между половиной девятого и половиной десятого — вот и все, что удалось узнать.

Ясно было только одно. Тот (а может, та), кто хотел лишить жизни сэра Уильяма, не собирался расплачиваться за нее своей.

— Теперь вы знаете то же, что и мы, мистер Шерингем, — сказал старший инспектор Морсби, закончив свой рассказ, — и если вы можете сказать, кто послал конфеты сэру Уильяму, вы знаете гораздо больше нашего.

Роджер задумчиво кивнул:

— Да, кошмарный случай. Как раз вчера я встретил одного приятеля —

он учился с Бересфордом в колледже. Не то чтобы они много общались — мой друг был помешан на античности, которая Бересфорда совершенно не интересовала. Так вот, этот приятель говорит, что смерть жены просто убила беднягу. Хорошо бы вам удалось выяснить, кто же послал эти конфеты, Морсби.

— Да уж, мистер Шерингем, — мрачно согласился Морсби.

— Ведь это мог быть кто угодно, — размышлял Роджер вслух. — А вдруг виновата женская ревность? Сэр Уильям, кажется, в личной жизни не отличается аскетизмом. Думаю, старые привязанности у него довольно стремительно сменяются новыми.

— Именно это я и пытался разузнать, мистер Шерингем, — возразил уязвленный старший инспектор. — Это было первое, что пришло мне в голову. Что тут сразу бросается в глаза? Что убийца — женщина. Только женщина могла послать мужчине отравленные конфеты. Мужчина послал бы бутылку отравленного виски или что-нибудь вроде того.

— Очень разумное замечание, Морсби, — сказал Роджер, продолжая размышлять. — Очень разумное. Сэр Уильям ничем не смог вам помочь?

— Не смог, — ответил Морсби с плохо скрываемой досадой, — или не захотел. Сначала я склонен был думать, что у него есть свои предположения и он просто прикрывает какую-то женщину. Но теперь я так не думаю.

— Гм! — Роджер, казалось, был не вполне согласен. — Это дело вам ничего не напоминает? Кажется, один сумасшедший как-то послал отравленные конфеты самому комиссару

* Миним — аптечная единица измерения в британской имперской системе мер для жидкостей, использовалась в основном в XIX—XX вв. (до 1971 г.); в некоторых странах применяется до сих пор.

полиции? Вы ведь знаете, у виртуозного преступления появляется много подражаний.

Морсби просиял:

— Забавно, что вы это сказали, мистер Шерингем, ведь я пришел к такому же заключению. Я проверил все версии, и получилось, что каждый, кто мог быть заинтересован в смерти сэра Уильяма из мести или из корысти, — каждый оказывается вне подозрений. В сущности, я почти уверен теперь, что эти конфеты послала какая-нибудь сумасшедшая, может быть, политическая или религиозная фанатичка. Возможно, она даже никогда его не видела. И если так, — вздохнул Морсби, — вряд ли я ее когда-нибудь поймаю.

— Если только в дело не вмешается Случай, как это часто бывает, — сказал Роджер с улыбкой. — Сколько преступлений было раскрыто исключительно благодаря везению. “Карающая рука Случая”. Прекрасное название для фильма. Но ведь это правда. Сам я не суеверен — иначе сказал бы, что жертву карает не случай, но само Провидение.

— Что ж, мистер Шерингем, — отозвался Морсби, который также был ничуть не суеверен, — по правде сказать, мне все равно, что это будет, лишь бы оно помогло мне изловить преступника.

Если Морсби навестил Роджера Шерингема в надежде хоть немного проникнуть в его мысли, то он ушел ни с чем.

Вообще-то, Роджер готов был согласиться с заключением старшего инспектора. Судя по всему, покушение на жизнь сэра Уильяма Анстру-

зера и убийство несчастной миссис Бересфорд были делом рук неизвестного безумца. По этой причине Роджер не попытался сам взяться за расследование, хотя и размышлял об этом случае несколько дней подряд. Тогда пришлось бы бесконечно наводить справки и проводить многочисленные допросы, на что у частного лица, в отличие от полиции, нет ни времени, ни полномочий. Дело заинтересовало его исключительно теоретически.

Но спустя неделю одна случайная встреча превратила этот теоретический интерес в самый что ни на есть практический и даже личный.

Роджер шел по Бонд-стрит, где ему предстояло суровое испытание — покупка новой шляпы. Вдруг он заметил, что по тротуару к нему стремительно приближается миссис Веррекер-ле-Флемминг. Это была хрупкая, элегантная дама, да к тому же богатая вдова, которая при любой возможности выражала Роджеру свое восхищение. Но она все время говорила. И не просто говорила, а говорила, говорила и говорила. Так что для Роджера, который сам любил поговорить, это было невыносимо. Он рванулся было через дорогу, но машины шли сплошным потоком. Бежать было некуда. И миссис Веррекер-ле-Флемминг принялась за него с большим энтузиазмом:

— О, мистер Шерингем! Вас-то мне и нужно. Мистер Шерингем, прошу, скажите мне. По секрету. Вы ведь возьметесь за это ужасное дело о смерти бедной Джоан Бересфорд?

Роджер, изобразив, как того требует светская беседа, глупую дере-

вянную улыбку, попытался вставить хоть словечко, но безуспешно.

— Когда я об этом услышала, я была потрясена, просто потрясена. Понимаете, мы с Джоан были очень хорошими подругами. Я ее очень близко знала. И как страшно, как чудовищно, что она сама навлекла на себя беду. Разве это не ужасно?

Тут Роджер решил отложить побег.

— Как вы сказали? — успел он спросить с ноткой недоверия в голосе.

— Я думаю, это и называется трагической иронией, — продолжала тараторить миссис Веррекер-ле-Флемминг. — Потому что это действительно довольно трагично, и я в жизни не встречала такой ужасной иронии. Вы, конечно, знаете, что она заключила с мужем пари на коробку конфет, и если бы не это пари, сэр Уильям никогда бы не отдал ему эти отравленные конфеты, а сам бы их съел и умер, да и пожалуйста, тем лучше, да? Так вот, мистер Шерингем...

Миссис Веррекер-ле-Флемминг понизила голос до заговорщического шепота и, совершенно войдя в роль, огляделась по сторонам.

— Я никому этого не рассказывала, но вам скажу, потому что вы поймете, как это важно. Джоан вела нечестную игру.

— Что вы имеете в виду? — спросил Роджер, совсем сбитый с толку.

Миссис Веррекер-ле-Флемминг засияла, видя, какой эффект произвели ее слова.

— Да ведь она уже видела пьесу! Мы вместе с ней смотрели, на той же неделе, когда была премьера. Она с самого начала знала, кто преступник.

— Не может быть!

Удивление Роджера превзошло все ожидания миссис Веррекер-ле-Флемминг.

— Вот он, Карающий Случай! Никто от него не огражден.

— Вы хотите сказать, высшая справедливость? — прощепетала миссис Веррекер-ле-Флемминг, которой было довольно сложно понять замечание Роджера. — Надо же, Джоан Бересфорд! Просто удивительно. Никогда бы не подумала, что Джоан может так поступить. Она всегда была такой хорошей. Разве только немного прижимистой, при ее-то деньгах, ну да это пустяки. Конечно, она просто решила разыграть мужа, но мне всегда казалось, что Джоан такая серьезная, мистер Шерингем. Люди ведь обычно не говорят о чести, о правде, об игре по правилам — это само собой разумеется. А она постоянно об этом говорила. Все твердила: то нечестно, это не по правилам. И вот бедняжка сама поплатилась за то, что сыграла не по правилам. Что ни говорите, ведь не лжет старая пословица, а?

— Какая пословица? — проговорил Роджер, загипнотизированный этим потоком слов.

— Ну как же, в тихом омуте черти водятся. И боюсь, у Джоан было немало чертей, — вздохнула миссис Веррекер-ле-Флемминг. Видимо, наличие чертей считалось в обществе серьезным недостатком. — Похоже, она меня обманывала. Не могла она быть такой честной и правдивой, какой всегда притворялась, скажите, ведь так? Я все думаю, неужели девушка, которая могла обмануть мужа по такому ничтожному поводу, никогда не... Конечно, я не хочу

говорить ничего плохого о бедняжке Джоан теперь, когда ее нет в живых, но вряд ли она была таким уж ангелом во плоти, как вы думаете? Я хочу сказать, — поспешила миссис Веррекер-ле-Флемминг смягчить последние свои предположения, — я считаю, что психология — это безумно интересно, не правда ли, мистер Шерингем?

— Иногда да, — мрачно согласился Роджер. — Вы упомянули сэра Уильяма Анструзера. Вы и с ним знакомы?

— Немного знакома, — равнодушно отозвалась миссис Веррекер-ле-Флемминг. — Отвратительный тип! Постоянно за кем-нибудь ухлестывает. А когда женщина ему надоедает, он просто бросает ее — фьють! — и все. По крайней мере, — поспешно добавила миссис Веррекер-ле-Флемминг, — по крайней мере, так мне говорили.

— А что случается, если женщина не согласна быть брошенной?

— Боже мой, да откуда же мне знать! Вы, наверное, слышали, что недавно произошло?

Миссис Веррекер-ле-Флемминг снова затараторила, и румянец на ее щеках разгорелся гораздо ярче, чем предназначила ему искусная кисть.

— Он теперь связался с этой Брайс. У нее муж торгует нефтью или бензином... или чем-то там еще — не помню, на чем уж он нажился. Началось все недели три назад. Казалось бы, теперь, когда на сэре Уильяме частично лежит ответственность за смерть бедняжки Джоан, он хоть немного уgomонится, и что же? Ничего подобного; он...

Но Роджера в тот момент интересовало другое.

— Как жаль, что в тот вечер вы не были с Бересфордами в "Имперiale". При вас Джоан не стала бы заключать пари, — произнес он с невинным видом. — Или были?

— Я? — удивилась миссис Веррекер-ле-Флемминг. — Господи, конечно нет. Я была на новом представлении в "Павильоне". Меня пригласила в свою ложу леди Гейвл-Айток.

— А, вот как. Да, там прекрасная программа. Скетч "Любовный треугольник", по-моему, очень хорош, не правда ли?

— "Любовный треугольник"? — неуверенно переспросила миссис Веррекер-ле-Флемминг.

— Да, в первом отделении.

— Но тогда я его не видела! Боюсь, я пришла ужасно поздно, — ответила миссис Веррекер-ле-Флемминг и с чувством добавила, — но, кажется, я всегда прихожу слишком поздно.

До конца разговора Роджер твердо держался театральной темы. Но прежде чем уйти, он выяснил, что у его собеседницы есть фотографии Бересфордов и сэра Уильяма Анструзера, и тут же добился позволения позаимствовать их на некоторое время. Как только миссис Веррекер-ле-Флемминг скрылась из виду, он поймал такси и назвал ее адрес. Он подумал, что лучше будет воспользоваться любезностью миссис Веррекер-ле-Флемминг именно теперь, когда ему не грозит еще одна беседа с ней.

Горничную совсем не удивила цель его визита, и она сразу проводила его в гостиную. Один из углов комнаты был заставлен фотографиями в

*LENGTHENING EVENINGS
are made Idyllic with*

Maiden Lyons Chocolates

FOUR SHILLINGS PER POUND

серебряных рамках, изображавшими многочисленных друзей миссис Веррекер-ле-Флемминг. Роджер принялся с интересом их рассматривать и в конце концов вместо двух фотографий забрал шесть: сэра Уильяма, мистера и миссис Бересфорд, двух незнакомых джентльменов пример-

но того же возраста, что и сэр Уильям, а также портрет самой миссис Веррекер-ле-Флемминг. Роджер любил запутывать следы.

Остаток дня он провел в хлопотах.

Миссис Веррекер-ле-Флемминг его действия показались бы не просто загадочными, но совершенно бес-

смысленными. К примеру, он зашел в публичную библиотеку, чтобы взглянуть в какой-то справочник, после чего отправился на такси в "Англо-Азиатскую парфюмерную компанию". Там он спросил некоего мистера Джозефа Ли Хардвика и был явно расстроен, узнав, что этот джентльмен не является сотрудником компании и о нем здесь даже не слыхали. Оставить поиски Роджер согласился лишь после продолжительных расспросов о работе компании и всех ее филиалов.

Затем он поехал к Уиллу и Уилсону — в широко известную контору, которая защищала торговые интересы своих клиентов и предоставляла консультации по вложению капитала. Там он зарегистрировался и, сообщив о своем намерении вложить в какое-нибудь дело крупную сумму, заполнил анкету с пометкой "совершенно секретно". Оттуда он отправился на Пикадилли, в клуб "Рейнбоу". Без тени смущения он заявил, что представляет Скотленд-Ярд, и расспросил портье об обстоятельствах недавней трагедии.

— Я полагаю, сэр Уильям не ужинал здесь накануне происшествия? — спросил он под конец как бы между прочим.

Оказалось, что ужинал. Сэр Уильям имел обыкновение ужинать в клубе три раза в неделю.

— Но мне казалось, в тот вечер его не было в клубе? — нахмурился Роджер.

Портье принялся горячо его уверять, что сэр Уильям приходил. Это подтвердил и официант, к которому портье обратился за поддержкой. Сэр

Уильям поужинал довольно поздно и оставался в столовой примерно до девяти. Вечер он провел здесь же, по крайней мере часть вечера — официант утверждал, что полчаса спустя, а может и позже, сам приносил ему в гостиную виски с содовой.

Из клуба Роджер, взяв такси, поехал к Мертону. Как оказалось, ему понадобилась новая почтовая бумага совершенно определенного типа, и он обстоятельно, со всеми подробностями рассказал юной продавщице, какая именно бумага ему требуется. Вручив ему книгу с образцами, девушка предложила Роджеру самому посмотреть, не найдется ли там подходящего сорта. Перелистывая страницы, он многословно объяснил продавщице, что о Мертоне услышал от близкого друга, фотографию которого он сегодня случайно захватил с собой. Не правда ли, любопытное совпадение? Девушка с ним согласилась.

— Думаю, последний раз мой друг был здесь недели две назад, — сказал Роджер, доставая фотографию. — Не узнаете?

Девушка без особого интереса взглянула на фотографию.

— А, да. Теперь припоминаю. Он тоже заходил за почтовой бумагой, да? Так это ваш друг. И правда, как тесен мир. Но такую бумагу сейчас многие покупают.

Роджер зашел домой поужинать. Однако он все никак не мог успокоиться и из Олбани отправился на Пикадилли. В задумчивости бродил он по площади и по привычке остановился у "Павильона" посмотреть фотографии с премьеры. В следующий

раз он опомнился уже на Джермин-стрит, у театра "Империял". Взглянув на афишу "Треснувшего черепа", он прочел, что представление начинается в половине девятого. Роджер посмотрел на часы — до начала спектакля оставалась одна минута. Нужно было как-то убить вечер. Он вошел в театр.

Утром Роджер в необычно ранний для него час явился к Морсби в Скотленд-Ярд.

— Морсби, вы должны кое-что для меня сделать, — начал он без всякого вступления. — Мне нужен таксист, который вечером накануне убийства примерно в десять минут десятого забрал пассажира откуда-то с площади Пикадилли и отвез на Стрэнд, высадив его неподалеку от Саутгемптон-стрит. И мне нужен другой таксист, который доставил того же человека обратно. Впрочем, я не уверен, что туда он поехал на такси. Или одна и та же машина везла его туда и обратно, хотя в этом я сомневаюсь. В любом случае постарайтесь разузнать это для меня, хорошо?

— Что вы там затеяли, мистер Шерингем? — спросил Морсби с подозрением.

— Хочу опровергнуть одно любопытное алиби, — невозмутимо ответил Роджер. — Кстати, я знаю, кто послал сэру Уильяму конфеты. А сейчас я готовлю для вас систему доказательств. Позвоните мне, когда разыщете таксистов.

И он удалился, оставив Морсби в полной растерянности.

Остаток дня Роджер провел в поисках подержанной пишущей машинки. Причем ему непременно

но нужна была модель "Гамильтон № 4"* . Когда ему предлагали обратить внимание на другие образцы, он решительно отказывался и объяснял, что "Гамильтон № 4" ему настоятельно рекомендовал друг, который сам приобрел такую же машинку около трех недель назад. Может быть, как раз в этом магазине? Нет? За последние три месяца не было продано ни одной такой машинки? Удивительно.

Наконец нашелся магазин, в котором ему сообщили, что в прошлом месяце они продали одну машинку "Гамильтон № 4". Это было еще удивительнее.

В половине пятого Роджер вернулся домой и стал ждать звонка от Морсби. Тот позвонил в половине шестого.

— У меня в кабинете не протолкнуться от таксистов — их тут четырнадцать человек, — раздраженно заявил Морсби. — Что мне с ними делать?

— Не отпускайте их, пока я не приеду, старший инспектор, — с достоинством ответил Роджер.

Вопреки ожиданиям, допрос четырнадцати человек прошел очень быстро. Держа фотографию так, чтобы инспектор не мог ее видеть, Роджер по очереди спрашивал каждого таксиста, не припоминает ли он такого пассажира. И девятый уверенно сказал, что узнает человека на фотографии.

Инспектор по знаку Роджера отпустил таксистов, затем сел за свой рабочий стол и попытался принять официальный вид. Роджер уселся на

* См. глоссарий (42).

стол и принялся болтать ногами; вид у него при этом был самый неофициальный. Из его кармана выпала фотография и плавно опустилась под стол изображением вниз. Морсби это увидел, но поднимать снимок не стал.

— Может быть, теперь вы наконец объясните мне, что вы делаете, мистер Шерингем? — спросил он.

— Конечно, Морсби, — любезно ответил Роджер. — Я делаю за вас вашу работу. Вообще-то, я уже нашел разгадку. А вот вам доказательство.

Тут он извлек из своего бумажника старое письмо и передал его старшему инспектору, спросив:

— Как по-вашему, оно было напечатано на той же машинке, что и поддельное письмо, или нет?

Некоторое время Морсби рассматривал письмо, затем достал из ящичка стола подделку и тщательно сравнил два листа.

— Мистер Шерингем, — мрачно произнес он, — где вы это взяли?

— В магазине подержанных пишущих машинок на Сент-Мартинс-лейн. Месяц назад кто-то купил у них такую машинку. На фотографии, которую я показал, они узнали покупателя. Оказалось, они некоторое время печатали на этой машинке, чтобы проверить ее после ремонта, так что я легко добыл листок с образцом.

— И где эта машинка теперь?

— Думаю, на дне Темзы, — улыбнулся Роджер. — Вы уж мне поверьте, наш преступник постарался оградить себя от ненужных случайностей. Но это не важно. Доказательство перед вами.

— Гм! Положим, что так, — согласился Морсби. — А как же бумага Мейсона?

— Как я и предположил, обратив внимание на пожелтевшие края, бумага была взята из книги с образцами, — невозмутимо ответил Роджер. — Я могу доказать, что преступник держал эту книгу в руках, к тому же в ней не хватает листа, и я уверен, что, вложив туда это письмо, мы вернем недостающую страницу.

— Прекрасно. — Голос Морсби потеплел.

— Теперь о таксисте. У преступника было алиби. Вы сами слышали, как оно было опровергнуто. Между десятью и двадцатью пятью минутами десятого, когда посылка, видимо, и была отправлена, убийца поспешил на Саутгемптон-стрит, воспользовавшись автобусом или метро, а назад вернулся, как я и думал, на такси, потому что время поджимало.

— И убийца, мистер Шерингем?..

— Убийца — тот, чья фотография сейчас у меня в кармане, — отрезал Роджер. — Помните, я говорил на днях про карающую руку Случая — что это прекрасное название для фильма? Так вот, Случай снова вмешался. На Бонд-стрит я столкнулся с одной глупой женщиной и благодаря чистой случайности узнал то, что сразу же указало мне на человека, пославшего конфеты сэру Уильяму. Конечно, были и другие зацепки, их я также проверил, но тогда, на Бонд-стрит, меня просто осенило — я представил себе все от начала до конца.

— Так кто убийца, мистер Шерингем? — повторил Морсби.

— Какой изящный план, — мечтательно продолжал Роджер. — И ведь нам ни разу не пришло в голову, что мы с самого начала сделали ошибку, на которую убийца и рассчитывал.

— Какую еще ошибку? — спросил Морсби.

— Мы думали, что план не сработал. Что убит был не тот человек. В этом-то вся соль. План сработал. И сработал блестяще. Убит был именно тот человек. Именно тот.

Морсби изумленно уставился на Роджера:

— Но сэр, как это вообще понимать?

— Настоящей жертвой с самого начала была миссис Бересфорд. Вот в чем красота замысла. Все было предусмотрено. Убийца предугадал, что сэр Уильям отдаст конфеты Бересфорду. И что мы будем искать преступника среди знакомых сэра Уильяма, но не погибшей миссис Бересфорд. Возможно, он даже предугадал, что убийцей сочтут женщину!

Морсби, который больше не мог терпеть, поднял с пола фотографию:

— Боже мой! Мистер Шерингем, вы же не хотите сказать, что это... сам сэр Уильям!

— Он хотел избавиться от миссис Бересфорд, — продолжал Роджер. — Вначале она ему нравилась, хотя, конечно, гораздо больше ему нравились ее капиталы. Проблема в том, что она была чересчур прижимиста. Ему были необходимы ее деньги, хотя бы часть, а она не собиралась с ними расставаться. Вот и мотив. Я составил список компаний, в которые он вложил средства. Оказалось, все они на грани банкротства. Своих денег у

него больше не было, значит, их нужно было где-то достать.

Теперь о нитробензоле, который нас так озадачил. Тут все объясняется очень просто. Из справочника я узнал, что нитробензол, кроме всего прочего, широко применяется в парфюмерии. А у него был парфюмерный бизнес. "Англо-Азиатская парфюмерная компания". Вот откуда он знал, что нитробензол ядовит. Но вряд ли он там его и раздобыл. Он гораздо хитрее. Видимо, изготовил сам. Любой школьник знает, как из бензола и азотной кислоты получить нитробензол.

— Но... ведь сэр Уильям, — произнес Морсби, запинаясь, — сэр Уильям учился в Итоне.

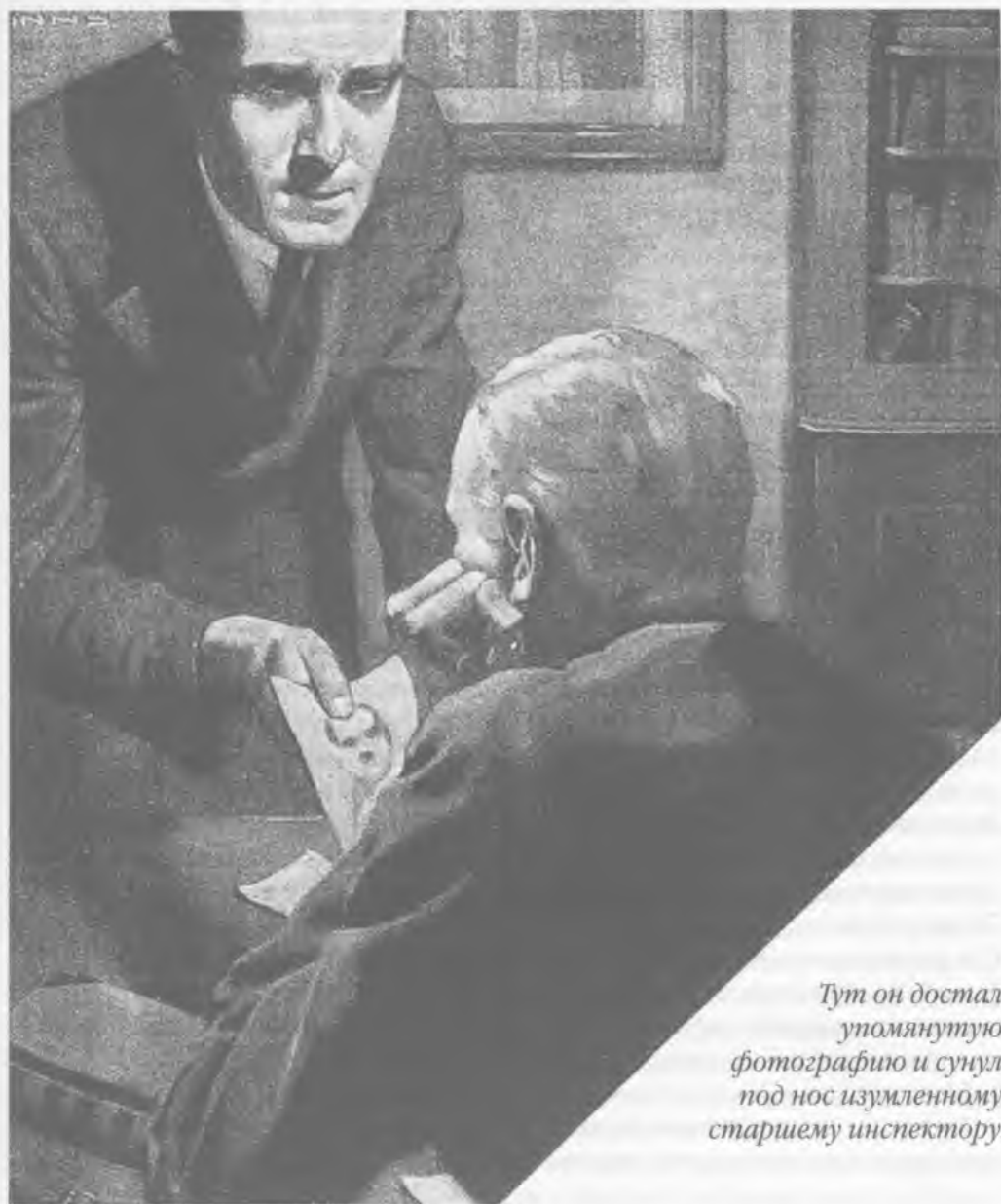
— Сэр Уильям? — едко переспросил Роджер. — А кто говорит о сэре Уильяме? Я же вам сказал, что фотография убийцы у меня в кармане.

Тут он достал упомянутую фотографию и сунул под нос изумленному старшему инспектору.

— Это Бересфорд! Бересфорд и убил свою жену.

Дальше Роджер продолжал спокойнее:

— Бересфорду хотелось еще пожить в свое удовольствие, так что деньги жены ему были необходимы, а вот сама жена ни к чему. Тогда он разработал план, предусмотрев, как ему казалось, все возможные случайности. Бересфорд обеспечил себе нехитрое алиби: если бы на его счет возникли подозрения, выяснилось бы, что он был с женой в "Империяле". Но во время первого антракта он незаметно ускользнул из театра

*Тут он достал
упомянутую
фотографию и сунул
под нос изумленному
старшему инспектору.*

(вчера я сам, созерцая эту невероятную чушь, просидел до конца первого акта, чтобы узнать, когда наступает перерыв). Добравшись до Стрэнда, он отправил посылку и вернулся в театр на такси. В его распоряжении

было десять минут, но если бы он вошел в ложу чуть позже, никто бы не обратил внимания.

Остальное прошло как по маслу. Бересфорд знал, что сэр Уильям неизменно является в клуб ровно в десять

тридцать утра; он знал почти наверняка, что легко сможет заполучить конфеты, — достаточно будет намекнуть; знал, что полиция сосредоточится на сэре Уильяме и пойдет по ложным следам. Он не стал уничтожать поддельное письмо и оберточную бумагу, что было очень предусмотрительно: эти улики должны были отвести от него подозрение и вдобавок указать на какого-то неизвестного безумца.

— Что ж, мистер Шерингем, вы очень проникательны, — произнес Морсби с тихим вздохом, однако вполне добродушно. — Да, очень проникательны. И все-таки скажите, после каких слов той дамы вас осенило?

— Дело даже не в ее словах, а в том, что я услышал за ними, если можно так выразиться. Она сказала, что миссис Бересфорд заключила пари, но знала ответ заранее. Я сделал вывод, что для миссис Бересфорд, при ее-то характере, было бы немыслимо заключить пари, зная ответ. Следовательно, она этого не делала. Следовательно, никакого пари не было. Следовательно, Бересфорд солгал. Следовательно, конфеты нужны были Бересфорду по каким-то иным, неизвестным причинам. В конце концов, только он мог подтвердить, что пари состоялось.

Конечно, он не мог оставить жену одну, пока не убедился, что она при-

няла смертельную дозу, а возможно, пока не убедил ее съесть не меньше шести конфет. Вот почему в каждую было добавлено ровно шесть минимов яда. К тому же так он и сам мог съесть пару штук без риска для жизни. Ничего не скажешь, ловкий ход.

Тут Морсби поднялся с места:

— Мистер Шерингем, я вам очень признателен. Теперь и мне есть чем заняться.

Морсби почесал затылок.

— Значит, карающая рука Случая? Но ведь кое-что Бересфорд как раз предоставил воле Случая, а, мистер Шерингем? А вдруг сэр Уильям просто не отдал бы ему конфеты — и что тогда? Вдруг он оставил бы их себе, чтобы подарить какой-нибудь даме?

Роджер фыркнул. На этот раз он почувствовал за Бересфорда настоящую гордость.

— Помилуйте, Морсби! Если б сэр Уильям не отдал ему конфеты, это бы мало что изменило. Все-таки мой подопечный заслуживает уважения. Не думаете же вы, что он отправил сэру Уильяму отравленные конфеты? Как бы не так! Сэру Уильяму он послал совершенно безвредные, а по дороге домой подменил коробку. Черт возьми, Бересфорд не собирался ничего оставлять на волю Случая.

— Если только это можно назвать случаем, — добавил Роджер, подумав.

Г. Уорнер Аллен

1881–1968

Перевод и вступление Анны Родионовой

ГЕРБЕРТ Уорнер Аллен родился в 1881 году, окончил одну из старейших частных школ Англии — Чартерхаус-скул, где учился у знаменитого филолога-классика Т. Э. Пейджа. По окончании школы Аллен выиграл стипендию и поступил в Университетский колледж Оксфорда, где изучал древние и новые языки, а также философию.

В 1908 году Аллен женился на Этель Пемблтон, и у них родился сын. В этом же году газета “Морнинг пост”, в которой работал Аллен, посылает его собственным корреспондентом в Париж, где он наблюдает закат *belle époque*.

Во время Первой мировой войны Аллен был официальным представителем британской прессы во Франции, затем его прикомандировали к британским дивизиям, которые поддерживали итальянцев; Аллен провел в Италии год, пока его не перевели во Францию, в Американский экспедиционный корпус, который участвовал в оккупации Германии. Основываясь на военных впечатлениях, Аллен написал две книги: “Непрорванный фронт” (1916) и “Наш итальянский фронт” (1920). После войны он стал кавалером ордена Британской империи III степени и кавалером ордена Почетного легиона.

По заданию “Морнинг пост” Аллен принимал участие в перелете через Ла-Манш на дирижабле. Дирижабль потерпел крушение, и Аллену лишь чудом удалось спастись. На протяжении 20-х годов он работал редактором иностранно-

H. WARNER ALLEN

го отдела “Морнинг пост” и лондонским редактором “Йоркшир пост”. Затем, в 1930-м, удалился от дел и поселился в Брайтуэлл-кам-Сотуэлле, в Беркшире, где написал свои лучшие книги о виноделии “Роман о вине” (1931) и “Херес” (1936). Тогда же он написал и первый детективный роман “Неучтенный час: история одного преступления” (1936) и — в соавторстве с Э. К. Бентли — “Собственное дело Трента”, продолжение раннего романа Бентли “Последнее дело Трента” (1913). Его писательство, однако, было прервано в 1939-м, когда разразилась Вторая мировая война. Хотя Аллену было уже пятьдесят восемь лет, он был прикомандирован к добровольческому резерву BBC и служил заместителем директора в иностранном отделе Министерства информации с 1940 по 1941 год.

После войны Аллен возвращается к любимой теме и пишет еще несколько книг о вине, включая “Историю вина: знаменитые вина от гомеровых веков до наших дней” (1961). Во всех этих книгах рассуждения о вине щедро разбавлены литературными и историческими аллюзиями. Аллен путешествовал по всей Европе, посещая все знаменитые виноградники, и знатоки безоговорочно доверяли его суждениям. Он состоял членом знаменитого клуба “Савидж”, где собирались актеры и писатели, а также был избран в “Сэйнтсбери” — клуб с ограниченным числом членов и роскошными погребами, основанный в память знатока вин профессора Джорджа Сэйнтсбери. Хотя Аллен жил в сельской местности, он не пристрастился ни к охоте, ни к рыбной ловле. Зато увлекался разгадыванием кроссвордов, печатавшихся в газете “Таймс”, у него был прекрасный сад, и он любил принимать гостей. Аллен умер дома в Беркшире в возрасте 87 лет.

ГЛАВНЫЙ герой рассказа “Вино кометы”, мистер Клерихью, назван в честь Эдмунда Клерихью Бентли, друга и соавтора Аллена. Сюжет одноименного фильма, который был снят в 1992 году, также построен вокруг старинного вина, но никакого отношения к рассказу Аллена не имеет.

© А. Родионова, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ВИНО КОМЕТЫ” БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН В 1930 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ “СТРЭНД”.

== TOKAY OF ==
THE COMET YEAR

////////// THE STRAND MAGAZINE, 1930. //////////

Г. УОРНЕР АЛЛЕН

Вино кометы

Даже мистер Клерихью должен был признать, что Мэнтон не зря гордится своей коллекцией. Сам он вряд ли мог предложить даже самым дорогим своим гостям вина столь редкие и драгоценные. Виноторговец и знаток, мистер Клерихью держал скрытый в глубине старинного дворика небольшой магазинчик, который можно было узнать только по коллекции пыльных бутылок в круглом эркере. Мистер Клерихью не был обыкновенным виноторговцем: он занимался только раритетами и в ордене Бокала и Бутылки имел репутацию несравненного знатока изысканных вин, совершеннейших творений природы и человека, которые отмечают год золотым цветом в календаре Бахуса. В наши злосчастные дни, когда филлоксера* уже опустошила виноградники, у Клерихью все еще можно было найти магнум**

* *Филлоксера* (*Phylloxera vastatrix*) — корневая тля, опаснейший вредитель винограда. Изначально филлоксера была распространена в Северной Америке, а в Европу попала, вероятно, с черенками лозы, завезенными в селекционных целях. В 1863 г. филлоксера появилась во Франции, откуда распространилась по всей Европе. Поскольку вся система виноделия в Европе была уничтожена, дофиллоксеровские вина были очень дорогими.

** *Магнум* — бутылка емкостью около 1,5 л; вмещающая содержимое двух стандартных бутылок по 0,75 л.

или даже жербоам*** прославленного медака, изготовленного до того, как это бедствие постигло Францию. Сам Клерихью содержал настоящую секретную службу, информировавшую его обо всех погребах, в которых хранились действительно стоящие вина, и всегда являлся первым с весьма щедрым предложением, если разорение или смерть заставляли кого-нибудь из знатоков расстаться с их сокровищами.

Круг истинных ценителей узок и включает лишь избранных. Первые люди Великобритании были рады знакомству с Клерихью и любили завтракать с ним в задней комнатке с деревянными панелями, где еще его предки угощали друзей и клиентов самой простой пищей и самыми изысканными винами. За изящными манерами мистера Клерихью скрывались авантюрная жилка и редкая проницательность. Он был тактичным, благожелательным и молчаливым слушателем, люди, привыкшие ему доверять, не раз обсуждали с ним государственные тайны. Светловолосый и уже лысеющий, Клерихью носил круглые очки, что придавало его розовощекому лицу выражение мистер-пиквикской

*** *Бордоский жербоам* — бутылка емкостью около 4,5 л., вмещающая содержимое шести стандартных бутылок по 0,75 л.

невинности. Лишь на одну тему он мог говорить бесконечно, подчас впадая в проповеднический тон: о благородных винах Клерихью разглагольствовал со страстью коллекционера.

Мэнтон свалился на голову Клерихью из Соединенных Штатов — с лучшими рекомендациями от друзей и клиентов, которые сообщали, что этот нефтяной магнат с огромным состоянием — большой поклонник хороших вин. Кроме того, он был одним из лидеров Американской антикоммунистической лиги и приехал в Европу для формирования мирового антибольшевистского альянса. Мэнтон был крупный мужчина с громким голосом и раскатистым смехом, гладко выбритый на американский манер, однако его длинные седые кудри намекали на некоторое эстетство.

Мэнтон хотел познакомиться с министром иностранных дел сэром Филиппом Кармайклом*, как он объяснил, не столько для того, чтобы обсуждать все эти антибольшевистские дела, сколько для того, чтобы предложить министру, всемирно известному знатоку вин, редкие вина, которые Мэнтон раздобыл за свою бурную жизнь.

Поначалу Клерихью немного сомневался в искренности американца, поскольку утонченный вкус редко присущ его соотечественникам. Мэнтон, однако, казался вполне преданным поклонником Бахуса, и Клерихью организовал ему встречу с сэром Филиппом за бутылкой "Марго" 1871 года. После этого Мэнтон потре-

бовал реванша и пригласил обоих на винный пир, который, как он заявил, бросит вызов самому совершенству.

Мистер Клерихью немного беспокоился: притязания такого рода зачастую оборачивались трагическим разочарованием. Мэнтон, без сомнений, читал трактат сэра Филиппа о рейнвейне и кларете — он цитировал его беспрестанно, — но вот сумел ли он в мире, столь оскудевшем благородными винами, превратить деньги, которые водились у него в изобилии, в действительно ценные сокровища виноделия? Сомнения мистера Клерихью только усилились, когда он узнал, что среди приглашенных будут дамы. Мало кто относился к женскому полу с таким же бескорыстным восхищением, как мистер Клерихью, но он полагал, что общение с дамами плохо совместимо с дегустацией старинных вин. Однако его сомнения оказались беспочвенными. Мэнтон сдержал свое слово. У него был великолепный особняк на Хилл-стрит, превосходный повар, да и компания подобралась отменная: сэр Филипп, Хелен Кармайкл (его дочь), леди Эрика Монтегю (ее очаровательная подруга), Мэнтон и сам Клерихью. Мэнтон настаивал, что хорошее вино требует изящного общества, а Хелен и леди Эрика были прелестны. Клерихью знал Хелен еще девочкой. Ее подругу он видел впервые. Это была обворожительная блондинка с темными глазами, и ее обаяние подчеркивалось легким иностранным акцентом. Русская по рождению, леди Эрика была вдовой британского офицера.

— Для начала я угощу вас рейнвейном, — провозгласил Мэнтон, —

* Вымышленное лицо. Такого министра иностранных дел в Великобритании не было.

“Штайнберг Кабинет” 1868 года. Уверен, что вы оцените.

Сэр Филипп сделал глоток и разразился панегириком. Мистер Клерихью выдержал паузу, прежде чем вынести вердикт. Это действительно был “Штайнберг Кабинет” 1868 года, более того, он моментально узнал это вино. Две бутылки того же урожая стояли у него в погребе, и было странно — очень странно! — что кто-то еще мог подавать его к ужину.

— Да, — сказал Клерихью наконец, — прекрасное вино. Простите за нескромный вопрос, где вам удалось его раздобыть?

— Ну, я ведь тоже коллекционирую редкие вина в меру своих скромных возможностей, — беспечно ответил Мэнтон, — кажется, это бутылка из ротшильдовских погребов. Мой агент купил ее для меня в Париже.

Мистер Клерихью с озадаченным видом вернулся к бокалу и тарелке. За рейнвейном последовал лафит* 1864 года — лучший из кларетов** нашего времени. Правда, мистер Клерихью втайне счел такое нагромождение раритетов дилетантством.

Наконец, к десерту подали токай. Мэнтон сам разлил драгоценное вино и, подняв бокал, посмотрел на мистера Клерихью с вызовом:

— Не думаю, чтобы в мире существовал токай, равный этому. Может быть, мистер Клерихью, чей тонкий вкус известен целому свету, назовет нам его и расскажет его историю.

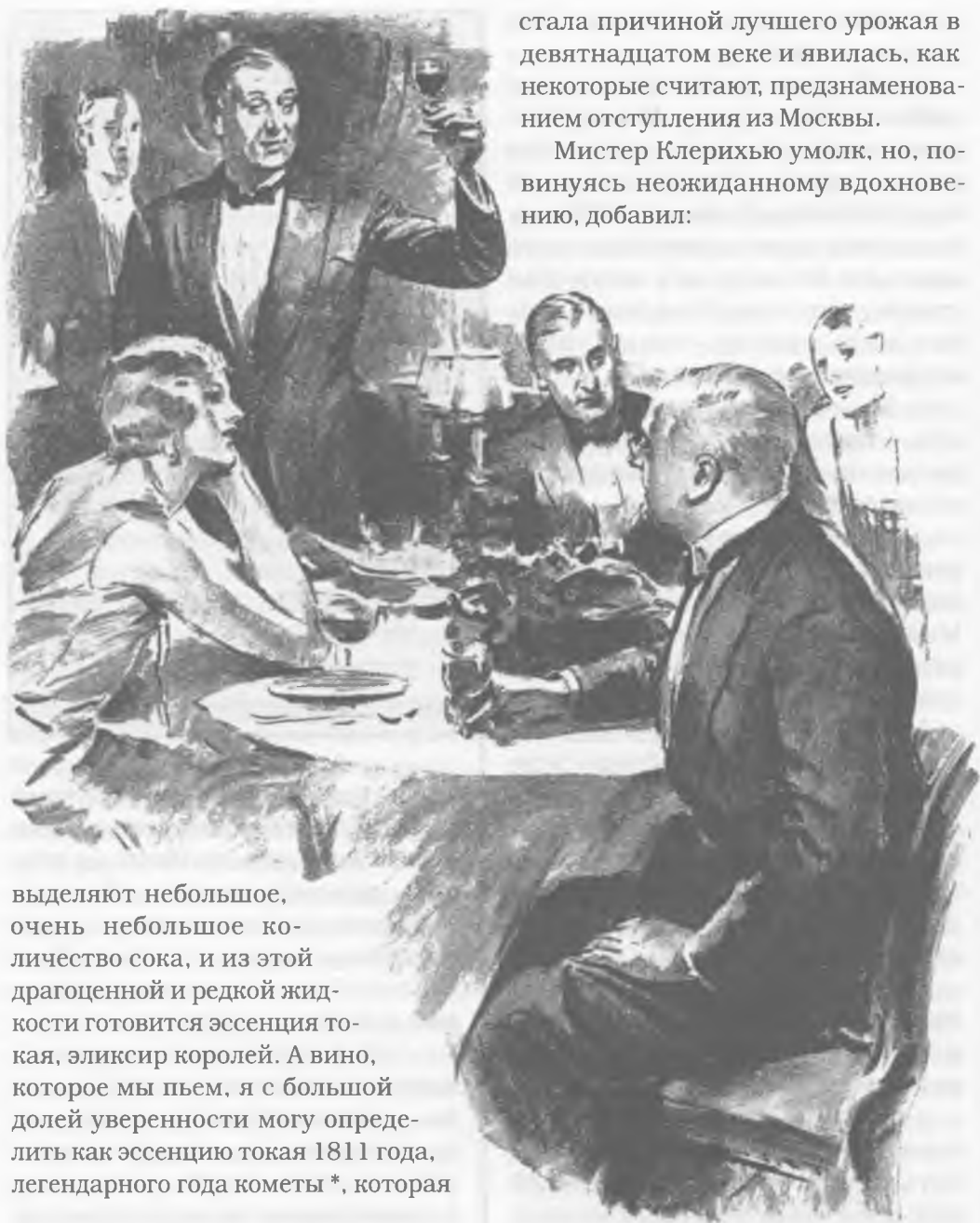
* Лафит — французское вино бордоского типа из округа Медок.

** Кларет — общее название для красных бордоских вин в Западной Европе.

Мистер Клерихью скромно отметил, что его небо имеет недостатки и что с каждым дегустатором случались курьезные ошибки. С неприужденностью эксперта он повращал вино в бокале, а затем, глубоко вдохнув букет, сделал глоток, который задумчиво прокрутил во рту.

— Очень старое и знаменитое токайское, — произнес он торжественно, — настоящий нектар. Как вы знаете, эссенцию токая изготавливают только в годы лучших урожаев; отборнейшие виноградины оставляют на лозе, пока они не высохнут почти до состояния изюма. Затем их собирают, укладывают в бочку и оставляют на двадцать четыре часа. Под тяжестью собственного веса виноградины

стала причиной лучшего урожая в девятнадцатом веке и явилась, как некоторые считают, предзнаменованием отступления из Москвы.

Мистер Клерихью умолк, но, по-винуясь неожиданному вдохновению, добавил:

выделяют небольшое, очень небольшое количество сока, и из этой драгоценной и редкой жидкости готовится эссенция токая, эликсир королей. А вино, которое мы пьем, я с большой долей уверенности могу определить как эссенцию токая 1811 года, легендарного года кометы *, которая

* В 1811 году в течение девяти месяцев можно было наблюдать комету, официальное название которой — С/1811 F1. Эта комета упоминается у Толстого в "Войне и мире", а у Пушкина в "Евгении Онегине" даже говорится о вине, произведенном в 1811 году (глава I, строфа XVI — "Вошел: и пробка в потолок. // Вина кометы брызнул ток").

— Не думаю, чтобы в мире существовал токай, равный этому.

— Если я прав, думаю, я могу называть и прославленный погреб, из которого произошло это вино.

Мэнтон был слишком занят своим бокалом, чтобы отвечать. После долгих колебаний он наконец вымолвил:

— Боюсь, что на этот раз наш многоуважаемый мистер Клерихью ошибся. Как известно, и великий Гомер иногда дремлет. Это вино, благородное само по себе, не может сравниться славой с урожаем года кометы. Я не вполне уверен в его возрасте — кажется, оно 1823 года и происходит из погребов австрийского императора.

Мистер Клерихью принял замечание с меньшим смущением, чем можно было бы ожидать. Он был так поглощен неожиданной идеей, возникшей у него во время дегустации, что едва следил за разговором.

Краем глаза он отметил странную перемену в поведении леди Эрики. Было очевидно, что ее красота сразила Мэнтон. Он оживленно обсуждал с ней преступления коммунизма. В те дни в свете много говорили о коварстве и жестокости Азефа*, тайного шефа ОГПУ, который сменил множество облиций и множество женщин и чье истинное лицо, как утверждали слухи, не видели даже ближайшие соратники. Затем Мэнтон попытался заговорить на более личные темы, но леди Эрика держала дистанцию.

* Азеф — это имя, вероятно, позаимствовано у реально существовавшей исторической личности. Азеф, Евно Фишелевич (1869–1918) — член ЦК партии эсеров, организовавший более 30 терактов, и одновременно — агент царской охраны. Одно время его имя было нарицательным для обозначения провокатора и доносчика. Исторический Е. Ф. Азеф никогда не был начальником ОГПУ — он умер в Берлине от болезни почек задолго до возникновения этой организации.

Метаморфоза произошла после того, как подали лафит 64 года, лучший кларет на нашем веку. До того леди Эрика была холодна и сдержанна; казалось, Мэнтон ей неприятен. После — мистер Клерихью позволил себе вульгарное словцо — она просто на нем висла. Может быть, на нее так подействовало вино, а может быть — и нет. Когда Мэнтон повернулся к ней, она прильнула к нему и бесстыдно гипнотизировала его своими темными глазами, которые столь эффектно контрастировали с золотом ее волос. Кроме того, в библиотеке явно что-то произошло. После обеда Мэнтон пригласил гостей осмотреть дом и полюбоваться картинами, а они с леди Эрикой на несколько минут задержались в библиотеке. Мистеру Клерихью, рассеянному разглядывавшему натюрморт в холле, почудилось, что он слышал легкое шуршание, приглушенный смех и, как ему показалось, поцелуй. Во всяком случае, и леди Эрика, и Мэнтон, выходя из библиотеки, поправляли прическу.

Гости разошлись около половины двенадцатого, и мистер Клерихью некоторое время сидел в своей спальне, прежде чем лечь: он все думал о винах Мэнтон. На следующее утро он провел целый час за изучением конторских книг своего магазина, которые были энциклопедией благородных вин прошлого века, но не нашел ни про “Штайнберг Кабинет” 1868-го, ни про эссенцию токая 1811-го никаких сведений, которые могли бы его успокоить.

Его размышления прервал господин в скюртуке и цилиндре; на лице его были написаны все признаки возбуж-

дения и тревоги. Клерихью никогда не видел, чтобы философ, небожитель и знаток вин, министр иностранных дел сэра Филипп Кармайкл выказывал хоть малейшую озабоченность.

— Клерихью! — воскликнул он. — Ужасная новость! Мэнтон был убит прошлой ночью, сразу после того, как мы ушли. Полиция подозревает отравление!

— Мэнтон убит! — повторил Клерихью и присвистнул.

Но ни убийство, ни какие-нибудь природные катаклизмы не заставили бы Клерихью забыть свои утонченные манеры. Он невозмутимо предложил сэру Филиппу стул и настоял, чтобы министр отведал коньяка 1830 года.

— Неудивительно, что вы столь встревожены! Ничто так не помогает сохранить спокойствие, как стаканчик выдержанного бренди.

Сэр Филипп сделал глоток, однако даже эта целительная жидкость не избавила его от нервного напряжения. Он проглотил ее как лекарство.

— И это еще не все! Пропал проект Балтийского договора!

Мистер Клерихью, казалось, не удивился, а лишь сочувственно кивнул.

— Очевидно, что это двойной удар большевиков: они убили Мэнтон, потому что он был их злейшим врагом и потому что он знал, где хранится Балтийский договор, а для них это вопрос жизни и смерти. Вы ведь знаете, что Мэнтон — заметный человек в Американской антибольшевистской лиге. Конечно, знаете — вы ведь сами его мне представили! Честно говоря, он вчера провел весь день в моем загородном доме, помогал мне

найти место для безопасного тайника, поскольку я забрал договор на рождественские каникулы. И вот они украли договор и убили Мэнтон. Все наши усилия по поддержанию политического равновесия на Балтике пошли прахом, а это значит — война! Как Англии выйти из этого положения — ума не приложу!

— Боже, боже! — откликнулся мистер Клерихью.

— Если бы они не убили Мэнтон, я бы обратился к нему. Он был единственным человеком, способным вернуть договор. Мэнтон умел просчитывать все ходы большевиков. Американцы — прекрасные организаторы и разумеется, располагают гораздо большими средствами, чем наши люди. У них есть фотографии, описания, а зачастую и отпечатки пальцев огромного числа советских агентов. Недавно, когда в Министерстве иностранных дел произошла утечка информации, полиция оказалась беспомощной, и только Мэнтон смог поймать коммунистического шпиона.

— Интересно, интересно, — задумчиво произнес мистер Клерихью.

Его тон удивил даже обезумевшего сэра Филиппа, и тот уже собирался спросить, что же ему интересно, как вдруг разговор был прерван появлением детектива из Скотленд-Ярда. Сэр Филипп заявил, что должен немедленно ехать в Министерство иностранных дел. Когда министр уехал, мистер Клерихью постарался укрепить детектива Парка в мысли, что не сможет пролить никакого света на убийство Мэнтон. У мистера Парка не было никаких сомнений. Убийство было делом рук коммунистов, а един-

— Клерихью! —
воскликнул он. —
Ужасная новость!
Мэнтон был убит прошлой
ночью, сразу после того,
как мы ушли. Полиция
подозревает
отравление!

ственный способ найти убийцу — искать среди красных.

С помощью пары искусных вопросов мистер Клерихью узнал некоторые подробности дела. Мэнтон на первом этаже, в кабинете напротив столовой. Он сидел за столом, на котором стояли два бокала и бутылка токайского. Один из бокалов был наполовину полон; в другом, в который, предположительно, подмешали яд, оставалось лишь несколько капель.

— Кажется, у него не было причин для самоубийства, — сказал детектив, — а если и были, то почему два бокала? Все найденные отпечатки пальцев принадлежали убитому. Эксперты исследовали улики, и врачи считают, что смерть не могла наступить намного позже часа ночи.

После того как детектив уехал, мистер Клерихью подошел к телефону и вызвал из соседнего отеля молодого англичанина по фамилии Льюис, которому время от времени поручал разнюхивать, где на Ближнем Востоке можно приобрести редкие вина. В последний раз ему было доверено опасное дело: Клерихью послал его, чтобы он попытался прощупать содержимое одного из самых больших погребов, который даже после войны был переполнен благородными винами. Льюис вернулся с пустыми руками, зато добыл информацию, которая давала надежду позже, при помощи дипломатии и подкупа, переместить некоторые из этих вин с Востока в погреб Клерихью.

— Рейнвейн, “Штайнберг Кабинет” 1868, бочонок 4569, — сказал Клерихью почтительным шепотом, — кларет (двойной магнум лафита 1864 года) и токайское года кометы.

Можно ли было достать их где-нибудь еще?

Льюис покачал головой и, оглядев комнатку, словно боясь, что их подслушивают, шепотом ответил:

— Я же вам рассказывал, чего мне стоило хотя бы взглянуть на опись погребов. Все вина, которые вы перечислили, были куплены на имя...

Льюис умолк и написал что-то на клочке бумаги. Клерихью взглянул на него, торопливо разорвал бумагу и бросил ее в огонь.

— Вот как, — сказал мистер Клерихью самому себе, едва Льюис ушел. — Осталось только выяснить, куда делся Балтийский договор.

Несколько минут размышлений, беглый просмотр справочника “Кто есть кто” — и с уверенностью чело- века, решившего два вопроса разом, мистер Клерихью надел шляпу, пальто и исчез за дверью.

Он поехал в модный бридж-клуб и попросил таксиста подождать. Леди Эрика накануне обмолвилась, что обычно проводит вторую половину дня там, и мистер Клерихью предположил, что сегодня она не изменит своей привычке. Его предположение оправдалось, и через некоторое время, которое для мистера Клерихью тянулось столь долго, что он начал беспокоиться, сколько натикает счетчик таксиста, леди Эрика спустилась и поприветствовала его с несколько преувеличенной светскостью.

— Простите, что заставила вас ждать, но мне нужно было окончить роббер. Какое несчастье, бедный Мэнтон! Меня сегодня утром долго допрашивали, но я ничем не могла помочь. Наверняка это все ужасные большевики!

— Я хочу пригласить вас на автомобильную прогулку, — сказал мистер Клерихью, смиренно опуская глаза и удивляясь, что так запросто разговаривает со столь прекрасной женщиной.

Леди Эрика подняла брови.

— Я бы мог быть вам полезен: я бы избавил вас от опасного документа и направил бы его по нужному адресу, — продолжал он.

На секунду она открыла рот от изумления. Впрочем, она тотчас же взяла себя в руки, и мистер Клерихью вдруг почувствовал, что попал в тигриное логово.

— Нет-нет, — добавил он поспешно, — я ваш друг. Я хочу вам помочь. Исполнение приговора — не преступление.

Леди Эрика смерила взглядом маленького виноторговца. Прошлым вечером он в ее глазах сливался с интерьером — она сочла его занудой, который только и может, что говорить о винах. Теперь леди Эрика чувствовала его восхищение и мягкую доброту. Во всяком случае, он был безопасен. Поэтому, слабо возражая ради приличия и делая вид, что ничего не поняла, леди Эрика позволила усадить себя в кэб и услышала, что мистер Клерихью велел водителю ездить вокруг парка и ждать дальнейших указаний.

Некоторое время мистер Клерихью сидел молча, гордый тем, что едет в автомобиле рядом с необыкновенно красивой женщиной.

Наконец он откашлялся и тихо сказал:

— Как хорошо! Парк прекрасен даже зимой. Скажите, ведь документ при вас?

Леди Эрика молчала.

— Ну конечно же он при вас! Давайте я выгляну в окно, пока вы будете его доставать. Подумайте, каким облегчением для вас будет избавиться от этой ноши и быть уверенной, что документ отправится по нужному адресу. Не бойтесь меня. Я хочу вам помочь и не могу осуждать вас за то, что вы сделали вчера вечером.

Мистер Клерихью выглянул в окно. Леди Эрика колебалась, не зная, опасаться ли ей ловушки или довериться этому маленькому человеку. Затем послышалось шуршание шелка, и минуту спустя она тронула мистера Клерихью за руку:

— Вот.

Мистер Клерихью, не глядя, спрятал Балтийский договор в просторный карман своего пальто.

— Теперь мы можем говорить откровенно, — мягко сказал он. — Помните, я ваш друг и вы можете на меня положиться. Правильно ли я понимаю, что у вас есть веские причины ненавидеть большевиков?

— Они убили моего мужа и всех, кто был мне дорог, — ответила леди Эрика приглушенным голосом.

— Я подозревал нечто подобное. Теперь я все понял, но скажите, почему именно кларет заставил вас предположить, что Мэнтон — не тот, за кого выдает себя?

— Кларет тут ни при чем, хотя, кажется, это его я пила, когда заметила, что у Мэнтона на левом мизинце нет фаланги. Одна женщина в Риге — она была его любовницей — сказала мне, что у человека, которого я так долго искала, именно такой палец. Кроме того, по ее словам, у него была еще

*Азеф
повернулся
ко мне спиной...
Содержимое моего
флакончика
тут же оказалось
у него в бокале.*

одна примета — изуродованное левое ухо, жалкий обрубок уха. Я не видела его ушей — как вы помните, у него длинные волосы, но почувствовала, что это он. Он проявлял ко мне вни-

мание, и я его поощряла. Позже, в библиотеке, я утвердилась в своем предположении, позволив ему себя поцеловать. — Леди Эрика вздрогнула. — Я предпочла бы целоваться

со слизнем или орангутангом, но зато у меня появилась возможность приподнять ему волосы и взглянуть на его уши. Теперь я точно знала, что это Азеф. Он быстро угодил в мои сети и попросил меня вернуться после того, как все уйдут, чтобы выпить еще по бокалу токайского — эликсира любви, как он выражался, — и вложил мне в руку ключ. Остальное объяснять не надо.

— Прощу прощения за любопытство, но мне хотелось бы услышать все немного подробнее.

— Еще когда я жила с мужем в России, я приобрела привычку носить на шее флакончик яда, безболезненного и смертельного. Азеф сказал мне, что к полуночи вся прислуга будет спать; в четверть первого я вернулась, открыла дверь ключом и вошла в библиотеку. Он сидел там и читал документ, который теперь лежит в вашем кармане. Он разлил токайское по бокалам, которые уже стояли на столе. Документ все еще был у него в руках — позже я разобрала, что это такое, — и Азеф повернулся ко мне спиной, чтобы спрятать его в стол: трудно соблазнить женщину, держа в руках важные бумаги. Содержимое моего флакончика тут же оказалось у него в бокале.

Он посмотрел на меня и выпил все до дна, бормоча какие-то глупости про эликсир любви. Я пригубила вино и увидела, как он молча осел в кресле, даже не почувствовав боли. Затем, как будто по наитию, я подошла к столу и забрала бумагу, которую он читал, так как была уверена, что никаких прав на нее он не имеет. Так я убила Азефа. Но как вы об всем догадались?

— Милая моя леди, я ни о чем не догадывался, пока этот человек не предложил нам “Штайнберг Кабинет” 1868 года. Я сразу понял, что это вино из знаменитого бочонка. Рейнские виноделы выдерживают свои вина в маленьких бочонках, отжимая самые лучшие виноградины в одном, виноградины второго сорта в другом и так далее, получая таким образом с одного виноградника несколько вин разного качества, которое определяется по номеру бочонка, известному лишь посвященным. Самый лучший рейнвейн в мире изготовили в 1868 году в бочонке номер 4569, который был полон лишь наполовину. Ценой невероятных усилий моему отцу удалось достать две дюжины бутылок за огромные деньги. Все остальные отправились в погреба русского императора. Этого рейнвейна никогда не было у Ротшильдов. И то же самое с токайским. Нас действительно угощали эссенцией токай 1811, как я и говорил. Около ста бутылок токайского года кометы нашли перед самой войной замурованными в одном из погребов Венгрии. Моя компания купила несколько бутылок за фантастические деньги, и опять-таки все остальное пошло царю. Разумеется, попробовав эти вина, я сразу понял, что они из царских погребов. Когда Мэнтон солгал об их происхождении, мне стало ясно, что дело нечисто.

— Но ведь царские вина наверняка давно уже выпиты, — возразила леди Эрика.

— Я подхожу к этому, — ответил мистер Клерихью. — Я ищу редкие вина по всему свету и некоторое время назад обнаружил, что вина, ко-

торые мне нужны, остались только в России в императорских погребах. Я выяснил, что вина все еще там, их охраняют как музейные экспонаты и доступ к ним имеют только самые красные из красных комиссаров. Итак, я был абсолютно уверен, что Мэнтон раздобыл свои великолепные вина именно там. Естественно, я спросил себя, кто этот человек, который так свободно орудует в императорских погребах. Ответ напрашивался сам собой: это мог быть только советский комиссар, занятый советскими делами. Мой агент, пытавшийся купить для меня императорские вина и своими глазами видевший опись — учет ведется и по сей день, — сообщил мне, что все вина, которые мы пили, были выданы Азефу, шефу ОГПУ. Так я понял, что под именем Мэнтон скрывался либо сам Азеф, либо кто-то из высших чинов ОГПУ.

Сэр Филипп Кармайкл всему миру известен как знаток и любитель вин. Для шпиона, который хотел бы с ним познакомиться, не найти лучшей рекомендации, чем столь драгоценные бутылки. Азеф при его дерзости вполне мог лично приехать, чтобы украсть Балтийский договор, а знать содержание этого договора большевикам необходимо.

— Но при чем тут я?

— Прочитав вашу историю в справочнике “Кто есть кто”, я без труда угадал дальнейшую судьбу Азефа. Азеф ездил в загородный особняк сэра Филиппа, чтобы помочь ему спрятать договор, и, разумеется, воспользовался возможностью украсть его.

Я понял, что вы его забрали, поскольку в противном случае полиция бы его обнаружила. Поэтому я воспользовался шансом помочь прекрасной юной леди, тем более что они столь редко встречаются на моем пути.

Возможно, леди Эрика неправильно истолковала восхищение мистера Клерихью.

— Я ни о чем не жалею, — произнесла она с достоинством. — Я уничтожила человека, который убил...

Мистер Клерихью в ужасе замахал руками:

— Леди Эрика, прошу вас. Как я уже сказал, исполнение приговора — не преступление. Я просто отдам документ сэру Филиппу, сообщив ему под строжайшим секретом, что под именем Мэнтон скрывался Азеф. Он сразу же поймет, что его собственная репутация требует, чтобы дело замяли. Даже в демократической стране есть рычаги и механизмы, позволяющие остановить расследование, если опасности подвергаются интересы государства.

Тут леди Эрика, нервы которой были натянуты гораздо сильнее, чем мог предположить мистер Клерихью, не выдержала и разрыдалась у него на плече. Как он ее успокаивал — об этом история умалчивает, но когда он подъехал к Министерству иностранных дел, счетчик показывал колоссальную сумму.

В своем дневнике мистер Клерихью самодовольно и педантично записал: “Знание вин, которые веселят сердце человека, может быть и привилегией и ответственностью, но и то и другое весьма приятно”.

Рональд Нокс

1888–1957

Перевод и вступление Марины Костионовой

РОНАЛЬД Нокс родился в 1888 году в Лестершире в семье священника англиканской церкви. Уже с юных лет в нем угадывается тот Рональд Нокс, что впоследствии заслужит славу — славу ученого богослова и тонкого остроумца, знатока античных классиков и современного классика детективного жанра. В шесть лет он читает Вергилия и пишет на латыни стихи для семейного журнала, в двенадцать получает стипендию и отправляется учиться в Итон, где начинает интересоваться католицизмом, а в семнадцать решает принять обет безбрачия. После Итона Рональд Нокс учился в Оксфорде, в Бэйлиол-колледже. Учеба давалась ему легко; он неоднократно получал студенческие награды и стипендии, участвовал в дебатах, был редактором оксфордского литературного журнала “Айсис”.

В 1912 году Рональд Нокс получает сан англиканского священника, но в 1917-м переходит в лоно католической церкви; огорченный отец вычеркивает его из завещания. В 1926 году молодой пастырь получает должность капеллана в Оксфорде. Нокс никогда не имел своего прихода; его стихия — проповедь,

RONALD A. KNOX

лекция, ученый труд. Блестящий студент становится блестящим университетским преподавателем — он обучает греческому и латыни с помощью словесных игр, остроумных загадок, мнемонических приемов. Вдобавок он страстный поклонник детективов, верный читатель Конан Дойла. Его в равной степени влечет разум, пытающийся постичь духовную истину, и разум, который распутывает криминальные загадки мира соблазнов и страстей, чтобы восстановить справедливость. Будучи оксфордским капелланом, он начинает сам писать детективные романы — чтобы улучшить свое скромное материальное положение, а заодно дать выход воображению и литературному таланту. В своих книгах он поручает расследование Майлзу Бредону — скромному, флегматичному и наблюдательному сыщику на службе страховой компании.

Теологические штудии Нокса порой неожиданно переплетаются с его увлечением детективами. Между “Духовной Энеидой” и переводом трактата “О подражании Христу” он пишет “Исследования литературы о Шерлоке Холмсе” — остроумное эссе, в котором понятная лишь сведущим сатира на немецкую традицию толкования Библии сочетается с литературно-критическим анализом любимого жанра. Другое эссе Нокса, на этот раз чисто литературное, носит название “Десять заповедей детективного романа”. Эти правила “честной игры” автора-детективщика с читателем легли в основу знаменитых “Правил Детективного клуба”, одним из основателей которого сделался Нокс. Он желанный гость в литературных кругах: в числе его друзей К. С. Льюис, Г. К. Честертон, Дороти Л. Сэйерс, Агата Кристи, а в 1950 году его избирают членом Королевского литературного общества. В 1938 году Нокс оставляет свой пастырский пост в Оксфорде и берется за самый масштабный труд своей жизни — перевод латинской Библии (Вульгаты) на английский язык. В 1947 году переведен Новый Завет, в 1950-м — Ветхий. Несколько лет спустя Нокс тяжело заболевает, но не отказывается от деятельной жизни. Уже на пороге смерти он читает лекции и собирает полные залы восхищенных слушателей. Рональд Нокс скончался в 1957 году, а в 1959-м вышла его биография, написанная Ивлином Во.

Нокс опубликовал всего шесть детективных романов, после чего церковное начальство посоветовало ему найти занятие, более подходящее сану священнослужителя.

В ЭТОТ сборник вошел самый знаменитый его рассказ — еще одна история о Майлзе Бредоне, в которой есть изящно разгаданная загадка и иронический взгляд убежденного христианина на увлечение спиритизмом, оккультизмом и эзотерикой, охватившее Европу в начале двадцатого века. В этом рассказе отразилось все то, за что так ценят детективную прозу Нокса: отточенный стиль, легкий юмор, евангельские параллели и неизбежное торжество справедливости.

РОНАЛЬД НОКС

Методом пристального взгляда

Неутомимый сыщик Майлз Бредон имел обыкновение повторять, что он полный профан в своем деле. Анджела, его супруга, не стремилась разубеждать мужа, однако в глубине души держалась совсем иного мнения о его способностях — и была права. К счастью для них обоих, в “Абсолютной гарантии” тоже знали Бредону настоящую цену: эта крупная страховая фирма сберегала око-

ло пяти тысяч фунтов в год, поручая ему расследовать особо подозрительные случаи. Впрочем, как-то раз Бредон все же похвастался, что одну задачку, которую ему подкинули на службе, решил методом пристального взгляда — не зная заранее ничего, что могло бы натолкнуть его на след. В самом деле, он почти не читал бульварных газет и потому наверняка не подозревал о существовании Герберта Джервисона вплоть до того дня, когда этот эксцентричный миллио-

РАССКАЗ “МЕТОДОМ ПРИСТАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА”
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1931 ГОДУ В СБОРНИКЕ
“МОЙ ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РАССКАЗ”.

SOLVED BY INSPECTION

MY BEST DETECTIVE STORY. L., FABER & FABER, 1931.

нер был найден мертвым в своей постели. Подробности дела Бредон узнал уже в поезде, по пути в Уилтшир, куда направлялся вместе с доктором Симмондсом. Этот высокооплачиваемый врач пользовался в “Абсолютной гарантии” почти таким же доверием и авторитетом, как сам Бредон.

Стояло ясное летнее утро: увлажненные росой поля за окном и голубая нить канала, лениво протянувшаяся до самого горизонта, располагали к безмятежному созерцанию, но Симмондсу не терпелось поскорее выложить все, что он знал о случившемся.

— Наверняка вы о нем слышали, — уверял доктор. — Его имя не сходило с газетных страниц еще задолго до этой злосчастной истории. “Миллионер и мистик” — так, кажется, его называли. И почему эти богатеи так бездарно спускают деньги? Тот же Джервисон: побывал на Востоке, ударился там в эзотерику, вернулся и принялся докучать всем и каждому своими йогами и махатмами. Вскоре даже самые терпеливые из родных и друзей перестали его приглашать. Тогда он едет в Юбери, собирает каких-то мутных индусов и объявляет, что у них теперь “Община просветленных”. Завел даже почтовую бумагу темно-зеленого цвета с этой надписью. В Юбери наш миллионер ел орехи, практиковал автоматическое письмо и производил всевозможные мистические опыты, пока газетчики не стали кружить вокруг него, как мухи, — от них ведь не спрячешься, где ни поселишься. Тогда он взял — и умер.

— И снова попал в газеты... Что ж, этой славы удостоимся мы все — кто

раньше, кто позже. И если бы некоторые так с этим не спешили, наша с вами работа в “Абсолютной гарантии” была бы гораздо проще... Да, кстати, я-то тут зачем понадобился? Миллионер, должно быть, подавился каким-нибудь бразильским орехом. Убийство, самоубийство — ни о чем подобном и речи нет, верно?

— Вот тут начинается самое непонятное. Умер он внезапно. От голода.

— Вы, должно быть, нарочно хотите, чтобы я вам не поверил. Я не медик, но здравый смысл мне подсказывает, что здесь какой-то подвох. Но расскажите все по порядку. Сами вы встречались с покойным?

— Ни разу до того дня, когда он явился ко мне на осмотр: хотел застраховаться. Я теперь локти себе кусаю, потому что он мне тогда показался здоровяком, каких мало. Ему было всего пятьдесят три, а ведь не секрет, что иногда эти помешанные на восточных диетах бьют все рекорды долголетия. Он даже имел наглость потребовать специальной скидки со страхового взноса. Аргументировал он это тем, что вот-вот разгадает тайну бессмертия — а значит, уплаченная им сумма останется в бессрочном распоряжении компании. И вдруг отправить себя на тот свет, отказавшись жевать свое мясо... Признаюсь, я скорее сам бы умер с голоду, чем притронулся к той дряни, которой он себя пичкал. Но он-то ел, и притом с аппетитом!

— Так что же, он был совершенно здоров? И с головой все в порядке?

— Хм... на нервы он жаловался; я устроил ему проверку, и, сказать по совести, нервы у него вправду нику-

да не годились. Видите ли, нервных мы приглашаем подняться на крышу здания нашей фирмы — смотрим, не испугаются ли. У этого просто душа ушла в пятки; казалось, его и под дулом пистолета не заставишь глянуть вниз. И все же знаете, если бы ко мне явился какой-нибудь родственник Джервисона и потребовал признать его душевнобольным, я бы, пожалуй, не удивился — но заключения бы не подписал. В Колни Хэтч* ему делать было нечего; в этом я могу поклясться хоть перед советом директоров.

— Итак, он уехал в глушь и внезапно умер от голода... Какие-нибудь подробности вам известны?

— Произошло, собственно, вот что: он затворился дней на десять в своей "лаборатории". Сам я ее не видел, но, как мне объяснили, раньше это был не то гимнастический зал, не то крытый теннисный корт. Никто ничего не заподозрил — Джервисон так делал каждый раз, когда ему взбрело в голову провести очередной эксперимент. Запирался изнутри и не велел тревожить себя ни под каким предлогом. Воображал, наверное, что его астральное тело странствует в горах Тибета. Удивительно здесь другое: мне рассказали, что Джервисон взял с собой двухнедельный запас пищи. А на десятый день его находят мертвым в постели. Тамошний доктор, которому довелось служить на Востоке

в голодных районах, заявил, что это классический случай истощения — типичнее не бывает.

— А пища?

— Пища осталась нетронутой... А вот и Уэстбери. Здесь нас должна ждать машина. Я не предупредил доктора Мэйхью, что приеду не один. Как мне о вас сообщить?

— Скажите, что я представитель компании. Обычно это располагает к доверию. Глядите-ка, вон какой-то черный на перроне.

— Должно быть, шофер. Нет-нет, спасибо, мы без вещей... Доброе утро! Вы не из Юбери? Я доктор Симмондс. Доктор Мэйхью, наверное, ждет нас? Снаружи, говорите? Отлично... Идемте, Бредон!

Доктор Мэйхью, маленький и круглолицый, весь лучился радушием и казался напрочь лишенным подозрительности. Он был из тех сельских докторов, что томятся от отсутствия общества и ни за что не осмотрят больного, пока не выспросят его обо всем и не выложат все местные новости. О трагическом происшествии он отзывался даже с большим цинизмом, чем сам доктор Симмондс.

— Ужасно рад, что вы приехали, господа. Не то чтобы я не доверял своему мнению... В девяти случаях из десяти, уж мы-то с вами знаем, причину смерти пишут наугад; но с этим беднягой все ясно как божий день. Я ведь служил на Востоке, где голод — обычное дело; столько, знаете ли, насмотрелся — до сих пор ночами снится. Симптомы истощения я ни с чем не спутаю. Зрелище не из приятных, правда? Мистер... Бредон, правильно? Мистер Бредон вряд ли захочет

* Колни Хэтч (Colney Hatch) — одна из старейших психиатрических клиник Лондона, просуществовавшая с 1851 по 1993 г. Для лондонцев это название стало нарицательным обозначением любого сумасшедшего дома. Считалось, что в Колни Хэтч самые длинные коридоры во всей Британии и, чтобы обойти клинику, посетителю нужно более пяти часов.

видеть труп. Покойника снесли в Общинный дом; ждут, когда с ним закончат и от тела можно будет избавиться. Видите ли, мистер Бредон, э-э... неприятные изменения в подобных случаях могут начаться весьма неожиданно. Хотите, по дороге заглянем ко мне подкрепиться? Не хотите? Ну как скажете. Да, они собираются похоронить его по-своему — спеленают и заркоуют ногами в сторону Иерихона или что-нибудь в этом роде. И наконец-то черномазые уберутся отсюда, — прибавил он, понизив голос до шепота, чтобы не услышал шофер. — В округе их не любят, это факт. Они ведь даже не из Индии — Джервисон подобрал их не то в Сан-Франциско, не то еще где... по-моему, бывшие матросы.

— Не думаю, что от них так легко будет отделаться, доктор. Как вы, должно быть, понимаете, покойный много оставил им в завещании, — пояснил Бредон. — По крайней мере, страховой полис он оформил в пользу общины и, вероятно, отписал приличную часть своих собственных денег в придачу.

— Придется вашей компании раскошелиться, а, мистер Бредон? — спросил маленький доктор. — Черт побери, может, и мне попроситься в эту общину — вдруг возьмут? Их же там всего четверо, а мне лишние тыщонки не помешают.

— Вот потому-то мы сюда и приехали. Если это самоубийство, то денег они не получают, — сказал Бредон. — Наша страховка не покрывает случаи самоубийства — иначе соблазн был бы слишком велик.

— Да неужели? Ну тогда все козыри ваши. Это явно самоубийство, и явно

виноват больной рассудок. Вон Юбери, там, на холме. Странное место. Владел им один богач по имени Розенбах; сделал из усадьбы целый дворец, даже теннисный корт выстроил — во-он крыша виднеется. Потом он разорился, имение ушло за гроши, и некий молодой человек — Энстон его звали — купил его под частную школу. Хороший был мальчик, но, как ни бился, дела у него не шли; в конце концов он тоже все продал и уехал на южное побережье. Тут-то и явился Джервисон... А вот мы уже и пришли. Ну что, мистер Бредон, мы пройдем в дом и осмотрим останки, а вы пока прогуляетесь по окрестностям?

— Если можно, я бы взглянул на помещение, где его нашли. Может быть, один из здешних обитателей меня проводит? Я бы очень хотел с кем-нибудь из них побеседовать.

Просьбу Бредона исполнили без труда, но, оказавшись в обществе своего провожатого, он вдруг почувствовал смутную тревогу, почти страх. В отличие от шофера, одетого в обычный темный костюм, этот второй представитель общины был облачен в струящиеся белые одежды, увенчан таким же тюрбаном и весь увешан каббалистическими знаками. Он был высок и крепко сложен, держался невозмутимо и в то же время постоянно настороже — казалось, ничто не способно вывести его из равновесия и ничто не ускользает от его взгляда. Говорил он по-английски, и сильный американский акцент составлял странный контраст с его экзотической внешностью.

Теннисный корт оказался довольно далеко в стороне от основных

Говорил он по-английски, и сильный американский акцент составлял странный контраст с его экзотической внешностью.

строений усадьбы, ярдах в пятистах или около того. Раньше входная дверь вела на галерею, но когда здание расширяли под гимнастический зал, галерею разобрали, и теперь вошедший попадал прямо в огромное помещение прямоугольной формы; зал был огромный, с высоким потолком, и в нем царила тишина, какая бывает в соборах. Блестящий рыжий линолеум на полу приглушал звук шагов, и только голоса будили обитавшее в здании эхо. Практически весь свет поступал в помещение через стеклянный фонарь в потолке; стеклянный верх был закреплен неподвижно и не открывался, а для доступа воздуха в металлических стенках фонаря устроены были прорезы; других отверстий для вентиляции не имелось*. Кое-что еще напоминало о временах, когда здесь был гимнастический зал: четыре железных кольца, вделанных в потолок — по-видимому, к ним на крюках подвешивались канаты, — и шкафчики вдоль одной из стен, глядевшие сиротливо в отсутствие ребячьих башмаков. Мебели с тех пор практически не прибавилось. Очевидно, эксцентричный владелец усадьбы удалялся сюда, когда желал укрыться от общества себе подобных: толстые стены не пропускали шума деревенской жизни, а тяжелые двери, запиравшиеся на замок, — непрошенных посетителей. Бредону вдруг подумалось, что здесь хозяин имения наверняка чувствовал себя в большей безопасности, чем ночуя под одной крышей со своими сомнительными протезе.

* См. глоссарий (24).

Всю обстановку зала составляли два предмета, и оба практически в равной мере заинтересовали Бредона как свидетельства недавней трагедии. Прямо посередине стояла кровать, больничного вида кровать с железными перильцами и на колесиках; ее, по всей видимости, передвинули только на время, и от места, где она стояла прежде, колесики прочертили по линолеуму блестящие полосы, еще не успевшие потускнеть. Кровать ничем не была застелена, даже наматрасник был сорван и валялся на полу вместе с одеялами и простынями, разбросанными в причудливом беспорядке. Выглядело это так, будто лежавшего выволокли из кровати силой — трудно было поверить, что он покинул постель по собственной воле, даже будучи в сильном возбуждении или спешке. Поодаль от кровати, у противоположной входу стены, стоял буфет, сплошь уставленный вегетарианской едой. Тут был и кусок хлеба из какой-то муки очень грубого помола, и мед в сотах на стеклянном блюде, и коробка фиников, и какие-то галеты, на вид ломкие, как засохший клей; были даже орехи, прямо в подтверждение слов доктора Симмондса. Словом, в этой комнате обычный человек вряд ли безмятежно сел бы за трапезу, но и, что гораздо важнее, вряд ли умер бы с голоду.

Первым делом Бредон направился к буфету и тщательно исследовал его содержимое. Он потрогал хлеб и по зачерствавшему срезу удостоверился, что ломоть несколько дней пролежал нетронутым. Затем Бредон отпил молока из стоявшего здесь же

кувшина; как он и ожидал, молоко оказалось основательно скисшим.

— Скажите, мистер Джервисон всегда пил кислое молоко? — спросил он индуса, серьезно и заинтересованно наблюдавшего за каждым его движением.

— Нет, сэр, — ответил тот. — Я сам принес этот кувшин сюда в тот вечер, когда пророка в последний раз видели живым. Молоко было свежее, прямо с фермы. Его так и не убавилось, ни единой капли, пока вы, сэр, его не попробовали.

Коробка с финиками, хотя и открытая, была наполнена плодами доверху. Мед загустел, и на него толстым слоем осела пыль. Рядом с галетами не было крошек, которые неизбежно остались бы, если бы хоть одну из них разломали. Все положительно говорило о том, что несчастный умер от голода среди изобилия пищи.

— Если можно, я хотел бы задать вам несколько вопросов, — повернулся Бредон к своему спутнику. — Компания поручила мне выяснить, была ли смерть мистера Джервисона несчастным случаем, или он сам свел счеты с жизнью. Вы не откажетесь мне помочь?

— Я расскажу все, о чем вы пожелаете узнать. Я уверен, вы человек очень справедливый.

— Что ж, тогда... скажите, Джервисон часто здесь ночевал? И почему он решил остаться спать здесь в ту ночь — в ночь, когда его видели в последний раз?

— Раньше никогда, но в ту ночь он должен был произвести эксперимент — особенный эксперимент. Вам здесь, на Западе, этого не понять...

Он собирался принять наркотическое снадобье, которое сам для себя изготовил; это снадобье должно было на время освободить его дух от телесных оков. Но человека очень опасно тревожить, пока душа его блуждает вдали от тела, поэтому пророк решил провести ночь здесь, где никто не мог бы помешать ему, и мы прикатили из дома вот эту кровать. Все это вы найдете в его дневнике — он тщательно все записал. Если с ним что-то случится во время эксперимента, все должны знать, что в этом нет нашей вины, — так сказал пророк. Я покажу вам этот дневник.

— А, так, значит, в ту ночь он принял наркотик? Как вы думаете, не мог он принять слишком большую дозу и от этого умереть?

Индус, едва заметно улыбнувшись, пожал плечами:

— Но врач сказал, что он умер от голода. И тот доктор, который приехал с вами, подтвердит то же самое. Нет, по-моему, причина в другом. Пророк часто воздерживался от пищи, особенно когда хотел достичь свободы духа. Я думаю, пробудившись ото сна в ту ночь, он получил какое-то откровение и ему захотелось еще глубже проникнуть в тайны. Он стал голодать, вот только на этот раз голодал слишком долго. Возможно, от голода он потерял сознание, ему не хватило сил, чтобы дотянуться до пищи или выбраться наружу, где ему могли бы помочь. А мы ждали в доме, погруженные в собственные искания, пока пророк умирал... Все это было пред-
решено свыше.

Но теологическая сторона этого вопроса интересовала Бредона мень-

ше, чем его правовой аспект. Считать ли самоубийцей человека, непреднамеренно уморившего себя голодом? Так или иначе, с этим предстоит разбираться юристам.

— Благодарю вас, — сказал он своему провожатому. — Я дождусь мистера Симмондса здесь. Не стану вас задерживать...

Индус поклонился и вышел — как будто бы с неохотой, отметил про себя Бредон. Теперь он собирался тщательно осмотреть помещение; было что-то в обстановке этой комнаты, что настораживало его. Дверной замок? Нет, не похоже было, чтобы его трогали. Разве что у кого-то был второй ключ... Стены? Но кто станет делать потайные двери в теннисном корте... Окна? Их нет, только эти щели под самым потолком, в стенках фонаря, футах в сорока над землей и ровно такой ширины, чтобы человек мог просунуть руку — не больше. Черт возьми, десять дней он пробыл здесь один и не притронулся к пище, не попытался выбраться... Рядом с кроватью лежал даже блокнот с бумагой и карандашом на веревочке; пророк хотел записать свои откровения, когда проснется, догадался Бредон. Однако на верхней странице лежала пыль, а покойный не оставил ни строчки. Может быть, все-таки безумие? Или прав индус в своей догадке? А может быть, даже... ведь кто не слышал о том, какие странные вещи проделывают эти восточные фокусники? Неужели четверым "просветленным" удалось похозяйничать в комнате, не проникая в нее?

Но тут Бредон заметил на полу что-то интересное, так что Симмондс и маленький доктор, возвратившись,

застали его стоящим на четвереньках у кровати; когда он обернулся, лицо его было серьезным и сосредоточенным, но в глазах блестел огонек предвкушения близкой победы.

— До чего же вы долго! — с упреком произнес Бредон.

— Да ведь тут такую тревогу подняли! — воскликнул Симмондс. — Явились ваши приятели из полиции, и всю общину только что увезла “черная мария” — она как раз им под цвет. Оказывается, в Чикаго они уже успели прославиться. Но хоть убейте, я ума не приложу, что полиция сможет предъявить им по этому делу. Наш “пророк” сам уморил себя голодом. Только не надо мне говорить о наркотиках, Бредон, они тут совершенно ни при чем.

— И все-таки это убийство, — весело ответил Бредон. — Взгляните-ка! — И он указал на блестящие полосы, прочерченные по линолеуму колесиками кровати. — Видите эти следы? Они не доходят до того места, где стоит кровать, а обрываются двумя дюймами раньше. А это означает убийство, и притом дьявольски изобретательное. Формально полиция вряд ли сможет что-нибудь доказать. Но одного наши просветленные братья не учли: если в преступлении замешаны четверо, кто-то один обязательно даст слабинку на допросе и выдаст всех остальных. Я вот о чем подумал, доктор Мэйхью: когда ваш приятель Энстон уезжал отсюда, он забрал движимое имущество? Например, инвентарь из гимнастического зала?

— Продал все, до последнего гвоздя. Ему нужно было выручить как можно

больше, а община в такие мелочи не вникала. Знаете, за домом есть что-то вроде сарая, где Энстон держал всякую всячину; я ни капли не удивлюсь, если там найдутся и брусья, и все остальное. Вы что, решили позаниматься гимнастикой? А то я бы предложил сперва пообедать.

— Просто мне вдруг захотелось взглянуть на инвентарь, вот и все. А потом, как вы и предложили, обед.

Гипотеза доктора Мэйхью полностью подтвердилась. Сарай позади дома был доверху завален спортивным хламом. Гимнастический конь всем видом выражал немой упрек за то, что его так долго не забирают с пастбища; еще блестели отполированные юными ладонями брусья; горизонтальная лестница, сложенная втрое, втиснулась под немыслимым углом, а пол покрывало хитросплетение колец и канатов. Бредон взял наугад один из канатов и вытащил на свет.

— Смотрите, — сказал он, проводя по нему ладонью, — канат разлохмачен по всей длине. Не оттого, что по нему лазали мальчишки — они надевают спортивные тапочки. К тому же видно, что этим потертостям всего день или два. Да, вот как они это делали; наверное, стоит сказать полиции... Компания останется в убытке, это факт; я, правда, не знаю, на что теперь можно употребить страховку — разве что выстроить мавзолей в память об общине. Нет больше никакой общины, доктор Мэйхью.

— Вы должны его извинить, — произнес доктор Симмондс. — Иногда с ним это бывает. Стыдно признаться, Бредон, но я не вполне успеваю за ходом ваших мыслей. Как им удалось

прикончить Джервисона, если он сидел, закрывшись на ключ, в своем гимнастическом зале? Чтобы уморить человека голодом, нужно или запереть его без еды, или держать силой, не давая до нее добраться.

— Вы ошибаетесь, — возразил Бредон. — Способов сколько угодно. Можно отравить еду и сказать, что

она отравлена. Но это не наш случай — я пробовал молоко, которое покойный оставил нетронутым, и, однако, я жив. И потом, человек, изнемогающий от голода, все равно предпочел бы рискнуть. Теоретически можно внушить человеку под гипнозом, что еды рядом нет, а то, что он видит, — вовсе не еда. Но это

COMPLETE HOME GYM

A heavy unbreakable steel compact gymnasium . . . weighs about 200 pounds . . . Not a child's toy, but a real exercise outfit . . . built for grownups . . .

Punching Bag
Rowing Machine
Chest Weights
Parallel Bars
Wrist Developer
Massager
Wall Ladder
Chinning Bar

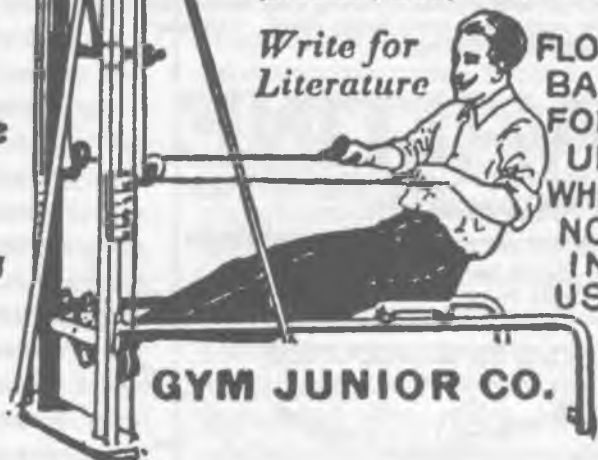
GYMJUNIOR

Patented

Hundreds of these remarkable **BODY BUILDERS** have been sold for clubs and offices . . . Reasonably priced, easy payments.

Write for
Literature

FLOOR
BARS
FOLD
UP
WHEN
NOT
IN
USE

GYM JUNIOR CO.

Do your Nerves stay up when you go to bed?

"Ovaltine" is the "Good-Night" beverage of many thousands of people in every walk of life throughout the world. Our testimonial files are filled with letters from grateful users and every post adds to the number.

When all other means have failed "Ovaltine" has ensured a night of sound, refreshing, natural sleep. It is "Tired Nature's Sweet Restorer." That is the common experience.

"Ovaltine" soothes, feeds and invigorates the system in an unequalled way. It contains neither chemicals nor drugs, but is an extraction of Nature's best restorative foods—Malt, Milk and Eggs—highly concentrated, delicious in flavour and rendered easily digestible by an original and exclusive process.

Make "Ovaltine" your "Good-Night" beverage every night. It is acknowledged to be supreme for wooing sleep naturally, and creating new energies and strong healthy nerves. "Ovaltine" benefits every member of the home.

OVALTINE

TONIC FOOD BEVERAGE

Builds-up Brain, Nerve and Body

Sold in tins at 1/6, 2/6 and 4/6
The larger tins are more economical to purchase

'OVALTINE' RUSKS

More appetising, easily digested and much more
nourishing than ordinary rusks or biscuits.

Prices 1/6 and 2/6 per tin

F.A.H.

все теория, а в жизни никто не слышал, чтобы преступления совершались таким способом. Нет, на момент смерти Джервисона у индусов было надежное алиби.

— Вы хотите сказать, они утомили его где-то еще, а тело принесли сюда уже после?

— Вряд ли. Понимаете, гораздо проще было бы запереть его здесь без еды, а потом принести пищу и создать впечатление, будто покойный сам отказался от нее. Но этот способ, как и ваш, требует, чтобы преступники могли попасть в помещение. Доктор Мэйхью, вы случайно не в курсе, кто первым обнаружил тело? И насколько трудно оказалось проникнуть в здание?

— Дверь была заперта изнутри, а ключ оставлен в замке. Замок пришлось вырезать. Я сам при этом присутствовал. Это, конечно, обязанность полиции, но индусы позвали и меня, как только почувствовали, что дело неладно.

— Вот как? А ведь это очень поучительно. Наглядный пример того, как преступники всегда перебарщивают в таких вещах. Вы или я, случись нашему другу запереться одному и не выходить десять дней, принялись бы кричать в замочную скважину, а потом послали бы за слесарем. А эти господа сразу зовут врача и полицию, словно зная заранее, что понадобятся и тот и другая.

Вот чем опасна уверенность в том, что ты замел все следы.

— Бредон, друг мой, но пока нам остается лишь верить вам на слово, что это убийство. Если вы и правы, то, должен признать, преступникам удалось безупречно скрыть все улики. Хотя я уверен, что здесь классический случай суицида на почве помешательства.

— И вы ошибаетесь. Вы обратили внимание, что у кровати лежали блокнот и карандаш? Но какой сумасшедший не поддался бы желанию нацарапать что-нибудь на первом попавшемся под руку клочке бумаги — особенно если он думал, что ему грозит смерть от голода или от яда? Даже если покойный и вправду производил опыт с голоданием, все равно это странно: он должен был оставить хоть строчку. А то, как белье было свалено в кучу на кровати и разбросано вокруг, — чем вы это объясните? Ни один человек так не встает с постели, сумасшедший он или нет.

— Ну так объясните же поскорее! Я, наверное, тоже лишился ума — а может быть, вы, не знаю; но вот морить себя голодом нам решительно ни к чему. И доктор Мэйхью, между прочим, из-за нас до сих пор не обедал.

— В целом все очень просто. Миллионер подобрал этих шарлатанов где-то в Америке. Они такие же мистики, как мы с вами, — нахватались умных слов, только и всего. Проведали, что у Джервисона водятся деньги, и втерлись к нему в доверие, рассчитывая на пожизну. А когда выяснилось, что “пророк” завещал свои деньги общине, осталось только избавиться от него — и все. Индусы

провели рекогносцировку и решили в полной мере воспользоваться тем оружием, которое было у них под рукой. Никогда не ищите оружие на стороне: куда полезнее изучить привычки жертвы и обставить убийство, так сказать, в ее собственном вкусе. Все, что требовалось от собратьев Джервисона по общине, — это поощрять его бредовые эксперименты, а потом снабдить банальнейшей снотворной микстурой, заверив, что она обладает магическим действием. Вероятно, они же и посоветовали ему закрыться в гимнастическом зале под тем предлогом, что там ему никто не помешает. Они же настояли и на том, чтобы выкатить кровать на середину комнаты — сказали нашему мистика, что на него непременно должен попасть луч полуденного солнца, или наплели еще какой-нибудь чепухи. Вы хоть раз слышали, чтобы человеку захотелось поставить кровать посреди комнаты? Для нас естественно ставить ее у стены, хотя почему — я не знаю.

— А что же дальше?

— В ту ночь они ждали, пока не подействует снотворное, — ждали до самого рассвета, когда уже можно было все разглядеть, не боясь быть замеченными кем-нибудь из любопытных соседей. Они связали несколько лестниц в одну, а всего вероятнее, разложили во всю длинную горизонтальную лестницу из сарая и вскарабкались на крышу. С собой они взяли канаты — те самые четыре каната, что раньше подвешивались к потолку на железных крюках. Эти крюки и теперь были закреплены на концах канатов;

полагаю, индусам пришлось обвязать их платками, чтобы избежать лишнего шума. Через стекла фонаря им было хорошо видно спящего. Сквозь отверстия для вентиляции каждый из четверых спустил канат и стал орудовать крюком, как якорем; поудив немного, они зацепили эти “якоря” за металлические перильца в изголовье и в ногах кровати. Медленно-медленно, ровно-ровно они начали вытягивать канаты; это выглядело словно мрачная и кошунственная пародия на известную евангельскую сцену. А бедняга Джервисон крепко спал, одурманенный снадобьем; должно быть, во сне ему казалось, что он левитирует и дух его наконец освободился от бременной плоти. В общем-то, к этому дело и шло.

Он крепко спал, а когда проснулся, обнаружил, что висит в воздухе на высоте сорока футов над землей — в собственной кровати. Белья на ней не было — убийцы не могли оставить жертве шанса спуститься вниз. Так он провисел больше недели; если крики его и были слышны снаружи, то достигали лишь слуха четверых безжалостных убийц. Отважный человек, возможно, прыгнул бы вниз, предпочтя расстаться с жизнью таким путем. Но вы ведь сами сказа-

ли, доктор Симмондс, что Джервисон боялся высоты. Он не решился спрыгнуть.

— А если бы решился?

— Он бы погиб — сразу при падении или позже от его последствий. Его нашли бы мертвым, и индусы с серьезным видом сказали бы, что это был неудачный опыт левитации или что-нибудь в этом роде. А так им оставалось только дожидаться, когда все будет кончено наверняка, затем снова опустить на канатах кровать, как попало побросать вниз постельное белье, а потом унести канаты и лестницу туда, откуда их взяли. Только на этот раз, что вполне естественно, убийцы не так старательно выравнивали канаты, и кровать опустилась не точно на прежнее место, а дюйма на два в стороне. Ее колесики не попали на линии, прочерченные на полу; это странным образом сразу натолкнуло меня на мысль о том, как все произошло. Кровать, очевидно, поднимали, а станете ли вы поднимать кровать на колесиках, если у вас нет на то особых причин? У этих негодяев они были. Бедняга Джервисон не блистал умом, но мне становится жутко при мысли о том, как он умер, и я сделаю все, что смогу, чтобы отправить этих четверых на виселицу. Будь на то моя воля, я бы не пожалел для них веревки!

Лорд Дансени

1878–1957

Перевод и вступление Валентины Сергеевой

ЭДВАРД Джон Мортон Дракс Планкетт, барон Дансени, происходил из богатой аристократической ирландской семьи. Участник двух войн, владелец поместья — и член Академии искусств, охотник — и борец за права животных, чемпион Ирландии по стрельбе из пистолета — и шахматист, однажды сыгравший вничью с Капабланкой, эстет и знаток древних языков, член Королевского литературного общества, президент Авторского общества, лауреат нескольких литературных премий, любивший выдавать себя за прилежного дилетанта... Иными словами — человек незаурядный и многогранный.

Образование он получил в Итоне и Королевском военном училище, в 1903 году женился на Беатрис Чайл Вильер, дочери графа Джерси, в 1906-м у него родился единственный сын Рэндал. Хотя род Дансени всегда вел активную общественную жизнь, политика из Эдварда так и не получилось — вместо этого он, вдохновленный своими друзьями, известными поэтами Уильямом Батлером Йейтсом и Джоном Уильямом Расселом, начал литературную карьеру.

Дансени был плодовитым автором — он писал короткие рассказы, романы, пьесы, стихи, очерки, всего выпустив более 60 книг. В 1905 году он опубликовал за свой счет сборник “Боги Пеганы” и стал одним из основоположников жанра фэнтези; самые известные его рассказы, в том числе в жанре “ирони-

LORD DUNSANY

ческого фэнтези”, были написаны в 1905–1916 годах (“Книга чудес”, 1912). Его перу принадлежат и реалистические произведения, и фантастические романы, и сказки, и киносценарии — и детективы. Надо сказать, что публике писатель-джентльмен, обладавший богатой фантазией и изысканным стилем, полюбился быстрее, чем критикам.

Писательская манера Дансени имеет множество граней — от возвышенной романтики до пародии на свою же раннюю прозу, от увлечения сверхъестественным и необъяснимым до научной фантастики, а черты легкого, “сказочного” повествования присущи даже философским очеркам. В 1919 году, когда на сцене появились новые пьесы Дансени, автор заранее попросил критиков не искать в них чересчур глубокого смысла, уверяя, что они предназначены исключительно для развлечения. Правда, послушались его немногие.

Лорд Дансени скончался в 79 лет в дублинской больнице от аппендицита. На его похоронах читали “Пересекая черту” Теннисона — и говорят, в эту минуту в небе показалась стая перелетных птиц...

В ЭТОЙ антологии представлен самый известный детективный рассказ лорда Дансени, написанный в жанре “страшной истории”; за голосом простодушного рассказчика проступает усмешка ироничного автора. Если и есть у этих двоих что-то общее — так это любовь к шахматам; ведь всякая хорошая детективная история похожа на замысловатую шахматную задачу.

© В. Сергеева, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ДВЕ БУТЫЛКИ ПРИПРАВЫ”
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1932 ГОДУ
В ЖУРНАЛЕ “ТАЙМ ЭНД ТАЙД”.

TWO BOTTLES OF RELISH

//////////////////// TIME & TIDE, 1932. //////////////////////

ЛОРД ДАНСЕНИ

Две бутылки приправы

Зовут меня Смизерс. Я, что называется, человек маленький, и занятие у меня не бог весть какое. Я продаю “Нам-намо” — приправу для мяса и маринадов, всемирно известную приправу, нужно сказать. Она действительно хороша, в ней нет вредных кислот, она не влияет на сердце, поэтому ее несложно продавать. Иначе я бы не получил эту работу. Надеюсь, однажды мне поручат то, что продавать сложнее — потому что, разумеется, чем труднее толкать товар, тем больше платят коммивояжеру. Сейчас я всего лишь свожу концы с концами, никаких излишеств — но зато живу в дорогой квартире. С этого-то и начинается моя история. Это не такая история, которую вы ждете от маленького человека, однако ж никто другой вам ее не расскажет. А те, кто мог бы рассказать, предпочтут любой ценой замять это дело. Итак, когда я получил место, то стал подыскивать комнату в Лондоне. Я хотел жить в Лондоне, чтоб удобно было ездить, а потому пришел в некий квартал, очень мрачный,

нашел домовладельца и объяснил, что хочу снять квартиру. По-ихнему, квартира — это спальня и чуланчик. Но хозяин показывал комнаты другому, и это был настоящий джентльмен, даже более того, поэтому он почти не обратил на меня внимания — домовладелец, я имею в виду. Я какое-то время поспевал позади, рассматривая комнаты и дожидаясь, когда мне покажут жилье, которое я смогу себе позволить. Мы зашли в очень милую квартирку, где были гостиная, спальня, ванная и небольшой закуток, который хозяин называл холлом. Там-то я и познакомился с Линли — так звали джентльмена, которого водили по дому.

— Дороговато, — сказал он.

Домовладелец отвернулся к окну и начал ковыряться в зубах. Как много можно выразить таким простым способом. Он имел в виду, что квартир у него сотни, а желающих — тысячи, поэтому ему все равно, кто останется тут, а кто пойдет искать дальше. Невозможно было понять его иначе. Хотя он не произнес ни слова, только смотрел в окно и ковырялся в зубах.

Тогда я осмелился обратиться к мистеру Линли и сказал:

— Может быть, сэр, я заплачу половину и мы снимем квартиру на двоих? Путаться под ногами я не стану, работаю целый день, соглашусь на все, что вы скажете, и, честное слово, мешаться буду не больше, чем кошка.

Наверное, вас удивил мой поступок — и еще более вы удивитесь, когда узнаете, что он согласился; то есть, по крайней мере, вы удивились бы, если бы знали меня, маленького человека, занятого своим маленьким делом.

И все-таки я немедленно понял, что Линли расположен ко мне больше, чем к человеку у окна.

— Но здесь только одна спальня, — сказал он.

— Я запросто могу стелить себе в этой комнатке, — ответил я.

— В холле, — поправил хозяин, отворачиваясь от окна, но по-прежнему с зубочисткой во рту.

— Я буду убирать постель и прятать ее в чулан к любому часу, который вы назначите, — сказал я.

Он задумался; а тот, другой, у окна, все смотрел на Лондон. Наконец, представьте себе, мистер Линли согласился.

— Это ваш приятель? — спросил хозяин.

— Да, — ответил мистер Линли. Так мило с его стороны.

Я скажу вам, зачем я это сделал. По карману мне такая квартира? Конечно нет. Но я слышал, как Линли говорит хозяину, что он только что из Оксфорда и хочет несколько месяцев провести в Лондоне. Выяснилось, что он хочет найти спокойное местечко и немного передохнуть, пока не найдет

себе дело — или пока деньги не кончатся. Вот я и подумал: ведь что такое оксфордские манеры в торговле? Да это же просто золотое дно. Если бы я мог усвоить хотя бы четвертую долю манер мистера Линли, то и продавать смог бы вдвое больше, а это значит — вскорости мне поручили бы товар, который труднее толкать, и, возможно, утроили бы жалованье. Ей-богу, оно того стоит. Образования получишь на четверть — а окупится это вдвойне, если действовать с умом. Вовсе не обязательно цитировать “Божественную комедию” целиком, чтобы доказать, что ты читал Мильтона, — и полстрочки хватит.

Но вернемся к моей истории. Наверное, вы и представить не можете, что маленький человек вроде меня заставит вас содрогнуться от ужаса.

Я позабыл про оксфордские манеры, как только мы поселились в одной квартире. Позабыл про них из чистого восхищения этим человеком. Его ум был как птица, как тело акробата, с таким умом и образования не нужно. Вы бы и не задумались, образован он или нет: мысли в нем буквально кипели, причем такие, какие бы вам и в голову не пришли. А еще — если какие-нибудь идеи витали вокруг, Линли немедленно их подхватывал. То и дело он угадывал то, что я собирался сказать. Не телепатия — скорее интуиция. Я тогда пытался научиться игре в шахматы, чтобы не думать о “Нам-намо” по вечерам, когда приходишь с работы. Правда, шахматные задачи мне не давались. А Линли подойдет, взглянет и скажет: “Может, пойти вот этой фигурой?” Я спрашивал: “Но куда?”, и он отвечал:

“На одну из этих трех клеток”. — “Но там ее съедят”, — возражал я. Фигура, между прочим, была ферзем. “Все равно без толку стоит; надо им пожертвовать”. И знаете, Линли всегда оказывался прав. Иначе говоря,

У девушки было двести фунтов, и он заполучил все до последнего пенса, а она исчезла, и Скотленд-Ярд не мог ее разыскать.

Помнится, в газетах писали, что Стиджер купил две бутылки “Нам-

*Помнится, в газетах писали,
что Стиджер купил две бутылки “Нам-намо”.*

он знал, что думают другие. Вот какой он был.

Так мы и жили, пока не случилось это жуткое убийство в Андже. Помните эту историю? Некто Стиджер поселился с девушкой в бунгало в Нортдаунсе — с этого все и началось.

намо” — азерторпская полиция разузнала все, кроме того, что он сделал с девушкой, — потому-то я и обратил внимание на это дело, в противном случае я бы в жизни о нем не задумался и не заговорил с Линли. “Нам-намо” не выходила у меня из ума, ведь

каждый день я только и продавал эту приправу, вот я и не забывал об этом происшествии. Однажды я сказал Линли:

— Просто удивительно, что вы, с вашим-то умением щелкать шахматные задачки и рассуждать о том о сем, не взялись за азерторпскую тайну. Это, считай, та же шахматная задача.

— В десяти убийствах меньше тайны, чем в одной шахматной партии, — ответил тот.

— Однако ж Скотленд-Ярд бессилён, — заметил я.

— Правда?

— Разбит наголову.

— Да, удивительно, — сказал он, а потом, почти немедленно, спросил: — И каковы факты?

Мы сидели за ужином, и я пересказал ему то, что прочел в газетах. Девушка была хорошенькая миниатюрная блондинка по имени Нэнси Элс, с капиталом в двести фунтов, они со Стивджером пять дней прожили в бунгало. Потом он провел там еще две недели один, а девушку в живых больше не видели. Стивджер сначала сказал, что она отправилась в Южную Америку, а потом — что ни в какую не в Америку, а в Южную Африку. На ее банковском счете не осталось ни пенса, а у Стивджера как раз примерно в это время появилось по меньшей мере сто пятьдесят фунтов. Потом выяснилось, что Стивджер вегетарианец, он покупал еду только у зеленщика, потому деревенский констебль его и заподозрил — вегетарианцы были ему в диковинку. Он следил за Стивджером, и правильно делал: впоследствии он смог рассказать в Скотленд-Ярде буквально

все о своем подопечном — разумеется, за исключением одной детали. В конце концов констебль отправился в Азерторп, за пять или шесть миль, и заявил в полицию; оттуда приехали и также заинтересовались этим делом. Полицейские были уверены в одном: Стивджер не выходил за калитку со дня исчезновения девушки. Чем дольше за ним следили, тем сильнее подозревали — так всегда бывает, когда за кем-нибудь наблюдаешь, поэтому вскоре полиция начала следить за каждым его шагом, но все-таки, не будь Стивджер вегетарианцем, они бы в жизни его не заподозрили, и тогда улики было бы достаточно даже для Линли. Да их и так было немного, не считая ста пятидесяти фунтов, которые как с неба свалились, причем это выяснили даже не в Азерторпе, а в Скотленд-Ярде. Зато деревенский констебль первым заговорил про деревья, и Скотленд-Ярд совсем зашел в тупик; это поначалу озадачило Линли и, разумеется, меня. В маленьком садике при бунгало росли десять лиственниц, и Стивджер, прежде чем там поселиться, договорился с хозяином, чтобы ему разрешили распорядиться этими деревьями как вздумается. И вот, вскорости после того, как исчезла малютка Нэнси, он стал рубить лиственницы. Он рубил их трижды в день в течение недели, а потом рубил стволы на поленья фута по два и сложил аккуратными горками. Поработал на славу. И зачем? По одной из версий это был предлог для покупки топора. А по-моему, многовато работы для предлога — Стивджер трудился две недели. Ведь Нэнси

была такая крошка, что он мог бы и без топора обойтись. По другой версии — ему были нужны дрова, чтобы избавиться от трупа. Но он не жег поленья. Они так и остались лежать аккуратными кучками, вот в чем заговоздка.

Все это я изложил Линли. Да, а еще Стиджер купил большой мясницкий нож. Занятно, все убийцы так поступают. Конечно, ничего странного тут нет: если режешь женщину, то без ножа не обойтись. Были в их теории и свои недочеты: Стиджер не сжег труп; хотя он частенько разводил огонь в маленькой плите, но пользовался ею исключительно для готовки. Они ловко до этого докопались, деревенский констебль и полицейские из Азерторпа. Вокруг бунгало были небольшие рощицы — “купы”, как говорят в этих краях, то есть местные их так называют; полицейские незаметно могли вскарабкаться на подходящее дерево и учуять дым, откуда бы ни подул ветер. Они частенько это проделывали, но ни разу не пахло горелым мясом, только обычной едой. Ловкий ход со стороны полиции, хотя, разумеется, это не привело Стиджера на виселицу. Потом приехали люди из Скотленд-Ярда и обнаружили еще один факт, вернее отсутствие факта — впрочем, круг поисков это все-таки сузило. Землю под домом и в саду никто не трогал, а за пределы бунгало Стиджер не выходил с тех пор, как Нэнси пропала. Ах да — кроме ножа он купил большой напильник. Но костей им явно не пилили, а ножом никого не резали. Разумеется, он вымыл то и другое. Я так и сказал Линли.

Прежде чем рассказывать дальше, должен вас предупредить: я человек маленький, и вы, наверное, не ожидаете от меня никаких ужасов. Но я предупреждаю: Стиджер — убийца, ну или, во всяком случае, кто-то ведь убил Нэнси — девушка исчезла, заметьте, хорошенькая девушка, и преступник может зайти дальше, чем вам бы того хотелось. Если уж человек оказался способен на такое, если вперед его гонит длинная тень виселицы — трудно сказать, до чего он дойдет. Читать детективные истории — милое дело, когда посиживаешь вечером у камина, но настоящее убийство — неприятная штука: когда преступник отчаянно пытается замести следы, он становится далеко не так мил, как раньше. Пожалуйста, не забывайте об этом. Я вас предупредил.

Так вот, я спрашиваю Линли:

— И что вы об этом думаете?

— Канализация? — предположил он.

— Нет, — сказал я. — Промахнулись. Люди из Скотленд-Ярда уже там посмотрели. А до них — азерторпская полиция. Они проверили трубу, которая выходит в выгребную яму за садом, и ничего не нашли — то есть ничего такого, чего там не должно быть.

Он предложил еще несколько версий, но Скотленд-Ярд уже до всего этого додумался раньше. Тут-то и зарыта собака, простите за выражение. Все думают, что человек, который принялся за расследование, берет лупу, первым делом отправляется на место преступления, измеряет следы и находит нож, который проглядела полиция. Но Линли даже и не думал

LAZENBY'S SAUCE

is a delicate mellow Sauce with a reputation extending over more than a century.

Lazenby's Sauce was formerly known as Harvey's Sauce, and is the only sauce prepared from the original recipe of Peter Harvey.

The words "Lazenby's Sauce" in red ink across the label are an absolute guarantee of its genuineness.

ASK FOR LAZENBY'S SAUCE.

ехать в Андж, и лупы у него не было — по крайней мере, я не видел, — да и Скотленд-Ярд каждый раз оказывался не глупей.

На самом деле улик было столько, что в них не могли разобраться. Одни улики указывали на то, что Стилджер убил бедняжку; другие гласили, что он не избавился от трупа, а все-таки тела в бунгало не нашли. Нэнси не было ни в Южной Америке, ни в Южной Африке. И не забывайте про огромное количество дров — улику, которая, так сказать, ухмылялась всем в лицо, но вела в тупик. Нет, больше улик нам было не нужно, поэтому Линли и не поехал на место преступления. Проблема состояла в том, как разобраться с уже имеющимися фактами. Я совершенно запутался, Скотленд-Ярд — тоже; Линли также дальше не продвинулся, и все это время тайна не давала мне покоя. Если бы не пустяк, застрявший у меня в голове, и не фраза, которую я ненароком сказал Линли, эта тайна могла бы повторить судьбу всех неразгаданных секретов — кануть во мрак, стать темным пятном в истории.

Итак, поначалу Линли не особенно интересовался убийством, но я был абсолютно уверен, что он сможет разгадать загадку, а потому упорно внушал ему эту идею.

— Вы ведь решаете шахматные задачи, — сказал я.

— Они в десять раз труднее, — упрямо ответил он.

— Почему бы вам не раскрыть это дело? — спросил я.

— Поезжайте и взгляните на доску, — попросил Линли. Такая у него была манера выражаться. Мы про-

жили в одной квартире две недели, и я вполне изучил его привычки. Он имел в виду — почему бы мне не съездить в Андж. Конечно, спросите вы, отчего он не поехал сам, но если бы Линли только и делал, что разъезжал, когда б ему было думать, в то время как дома, в кресле, у камина, его ум мог путешествовать на любые расстояния. Поэтому на следующий день я сел на поезд и поехал в Андж. Переда мной вздымались холмы Нортдаунса — просто песня, скажу я вам. Я спросил у носильщика дорогу.

— Идите по этой тропинке, — ответил он, — и поверните направо, когда дойдете до старого тиса, большое такое дерево, непременно его заметите, а потом... — И он описал мне дорогу, чтобы я не сбился с пути. Там все жители такие, очень любезные и услужливые. Я застал Андж, так сказать, в зените славы, это название было у всех на слуху: туда можно было отправить письмо, не указывая графство и почтовый индекс, и все благодаря этому бунгало. Но если вы попытаетесь разыскать Андж теперь... Впрочем, местные ковали железо, пока горячо.

Итак, я увидел холм, он возносился ввысь, к солнцу, точно песня. Наверное, вам неохота читать про весну, птиц, цветенье мая и закат багряный, который окрашивает все вокруг на склоне дня, и так далее, но все-таки я подумал: "Отличное место, чтобы привезти сюда девушку". Потом я вспомнил, что здесь Стилджер ее и убил — я, конечно, человек маленький, как вы знаете, но когда я представил, как Нэнси гуляла на холме, среди цветов, то сказал себе: "Чудно

же будет, если именно я в конце концов приведу этого человека на виселицу — если действительно он убийца". Я быстро нашел дорогу к бунгалу и начал бродить вокруг, заглядывая через забор в сад. Я ничего такого не нашел — то есть ничего, что не нашла бы полиция, но прямо передо мной громоздилась целая гора дров, которая покоя мне не давала.

Я много думал, облокотившись на забор, вдыхал аромат мая и глядел на поленницу и на аккуратное маленькое бунгало в дальнем углу сада. Мне приходило в голову множество мыслей, и я остановился на самой лучшей: если я предоставлю рассуждать Линли, с его оксфордским образованием, а сам изложу ему голые факты, как и было велено, то я принесу куда больше пользы, чем если начну думать самостоятельно. Я позабыл сказать вам, что с утра зашел в Скотленд-Ярд. Впрочем, я от них мало что узнал. Детективы спросили, что мне нужно. Поскольку у меня не было ответа наготове, сказали они весьма немногое. Но в Андже все было иначе, жители старались мне услужить — как я уже сказал, они находились в зените славы. Констебль впустил меня в дом, наказав лишь ничего не трогать, и позволил взглянуть на сад из окна. Я увидел пни десяти лиственниц и подметил одну вещь, которая, по словам Линли, делает честь моей наблюдательности, — особой пользы делу от этого не вышло, но я в любом случае старался изо всех сил. Я заметил, что все лиственницы срублены кое-как, и сделал вывод, что Стиджер — неопытный лесоруб. Констебль сказал, что это называется дедукия. Потом

я добавил, что у Стиджера был тупой топор. Констебль, ей-богу, задумался, хотя на сей раз и не сказал, что я прав.

Я говорил уже, что Стиджер не выходил из дому, разве что нарубить дров, с тех самых пор, как исчезла Нэнси? Кажется, говорил. Это действительно было так. Полисмены наблюдали за ним днем и ночью, посменно, и мой констебль это подтвердил. Круг поисков изрядно сузился. Обидно было лишь, что первыми это выяснили заурядные полисмены, а не Линли: я не сомневался, что он бы справился. Тогда история была бы интереснее. Полиция в жизни бы ни до чего не докопалась, если бы не известие о том, что Стиджер — вегетарианец, который покупает продукты исключительно у зеленщика. Не удивлюсь, если слух об этом пустил обиженный мясник. Просто диву даешься, какие мелочи порой могут выдать человека с головой. Будь как все — вот мой девиз. Но, кажется, я слегка отклонился от темы. Может, мне так и следовало бы поступить, окончательно забыв, о чем речь, однако ж надо закончить. Итак, я собрал все возможные сведения — наверное, надо назвать их уликами, раз уж рассказываешь детективную историю, пусть даже ни одна из них ни к чему не привела. Напримр, я выяснил, что именно Стиджер покупал в деревне, я даже узнал, какую соль он предпочитал — простую, без фосфатов, которые часто добавляют в соль для очистки. Еще он брал лед у рыбника и, как уже было сказано, покупал прорву овощей в зеленой лавке "Мерджин и сыновья".

Я поговорил обо всем этом с констеблем — его фамилия была Слаггер. Я поинтересовался, отчего он не вошел и не обыскал бунгало, как только девушка пропала.

— Так нельзя, — ответил он. — И потом, мы не сразу заподозрили насчет девушки. Мы только подумали, что он какой-то странный, потому что вегетарианец и все такое. Он здесь прожил две недели после того, как ее видели в последний раз. Тогда мы тихонько проскользнули в дом. Ордера у нас не было: о девушке никто не справлялся.

— И что вы нашли в доме? — спросил я.

— Большой напильник, — ответил Слаггер, — нож и топор, которым он, должно быть, порубил ее на части.

— Но он купил топор для того, чтобы рубить деревья, — напомнил я.

— Ну да, — ворчливо отозвался Слаггер.

— А зачем он их рубил?

— У моего начальства разные соображения на этот счет, — сказал он, — только оно ими не делится с кем попало.

Иными словами, поленья завели их в тупик.

— Так все-таки он разрубил девушку? — спросил я.

— Он сказал, что она уехала в Южную Америку, — ответил Слаггер. Очень честно с его стороны.

Не помню, что еще он мне рассказывал. Слаггер, впрочем, добавил, что вся посуда в доме была вымыта и аккуратно сложена.

Со всем этим я вернулся к Линли поездом, который отходил на закате. Хотелось бы мне описать тихий

летний вечер, который озарял своим светом мрачное бунгало, как бы благословляя его, но вам-то хочется узнать про убийство. Итак, я все рассказал Линли, хотя, по-моему, и пересказывать-то было нечего. Дело в том, что стоило мне о чем-нибудь позабыть, как он это замечал и вытяскивал из меня все подробности.

— Трудно угадать, что именно может оказаться важной уликой, — сказал он. — Кнопка, выметенная горничной, может отправить человека на виселицу.

Все это хорошо, но нужно быть последовательным, даже если ты обучался в Итоне и Харроу: каждый раз, когда я упоминал свою приправу, которая так или иначе положила начало этой истории (ведь Линли даже не узнал бы об этом, если бы не я), он замечал, что это ерунда и что нужно придерживаться главного. Разумеется, я говорил про "Нам-намо", потому что в тот день продал в Андже почти пятьдесят бутылок. Убийство подогревает воображение, и Сидджероу две бутылки предоставили мне возможность, которую грех было упустить, но, разумеется, Линли-то было все равно.

Нельзя прочесть чужие мысли, нельзя влезть в чужую голову, поэтому все самые увлекательные вещи на свете невозможно пересказать. Но вот что, на мой взгляд, случилось с Линли тем вечером, когда мы с ним разговаривали (перед ужином, и во время еды, и потом, когда мы с ним курили у камина): он встретил преграду, которую не мог преодолеть. Дело было не в том, как узнать, куда Сиджер подевал труп, а в том, зачем

он рубил дрова ~~каждый~~ день в течение двух недель и даже, как выяснилось, заплатил хозяину двадцать пять фунтов за позволение срубить листовенницы. Это-то и поставило Линли в тупик. Что касается того, как Стиджер мог избавиться от трупа, то полиция отвергла все возможности и способы. Вы говорите: Стиджер его закопал, — полиция утверждает, что земля нетронута; вы говорите: Стиджер вынес его из дому, — полиция говорит, что он не покидал бунгало; вы говорите: Стиджер его сжег, — полисьмены заявляют, что никто не слышал запаха горелого мяса, когда дым шел низом (а когда он шел верхом, они лезли на деревья, чтобы проверить). Я восхищался Линли; не нужно образование, чтобы оценить такой умище. Я не сомневался, что он способен разрешить эту загадку. Но когда я понял, что полицейские опережают его, а не наоборот, мне стало очень обидно.

Линли несколько раз спросил, бывал ли кто-нибудь в доме, выносил ли что-нибудь оттуда, но зацепиться было не за что. Затем, кажется, я намекнул, что так ничего не выйдет, а может, снова заговорил о “Нам-намо”, только Линли довольно резко меня перебил.

— А что бы вы сделали, Смизерс? — спросил он. — Что бы вы сделали на его месте?

— Если бы я убил бедняжку Нэнси Элс? — уточнил я.

— Да.

— Даже представить не могу, чтобы совершил такое, — ответил я.

Он вздохнул, как будто разочаровался во мне.

— Плохой из меня детектив, — сказал я.

Линли покачал головой. Потом он почти целый час задумчиво смотрел на огонь и наконец снова покачал головой. Тогда мы оба отправились спать.

Следующий день я запомню на всю жизнь. До вечера я, как обычно, продавал “Нам-намо”, а в девять мы сели ужинать. В этих квартирах негде готовить, поэтому мы ели ужин холодным. Линли начал с салата. Я помню каждую мелочь. Я все еще гордился тем, как успешно действовал в Андже — ей-богу, только дурак ~~не~~ сумел бы толкнуть там эту приправу, а я сбыл почти ~~пять~~ пятьдесят бутылок (сорок восемь, если точно) — немало для крошечной деревни, что бы там ни стряслось. Поэтому я снова заговорил о “Нам-намо”, а потом вдруг вспомнил, что Линли это неинтересно, и замолк. Знаете, что он тогда сделал? — это было очень любезно с его стороны. Линли, должно быть, понял, отчего я замолчал; тогда он протянул руку и сказал:

— Не дадите ли мне этой вашей “Нам-намо” к салату?

Я был так тронут, что уже почти отдал ему бутылку. Но “Нам-намо” не едят с салатом. Это приправа для мясных блюд и маринадов, так и на ярлычке написано.

Я сказал:

— Только для мясных блюд и маринадов.

Понятия не имею, что это за маринады, в жизни их не пробовал.

Я никогда не видел, чтобы у человека так менялось лицо.

Целую минуту Линли сидел неподвижно. Ничего особенного в нем не было, разве что вот это выражение. Как будто он увидел то, чего раньше никогда не видел. То, чего, по его мнению, не бывает.

Потом он произнес изменившимся голосом — более низким, мягким и тихим:

— С овощами ее не едят?

— Нет, — ответил я.

И тогда Линли как будто всхлипнул. Я бы даже и не подумал, что он способен на такие переживания. Конечно, я не понял, в чем дело, но вообще-то я думал, что все сентименты из образованных людей вроде Линли вышибают еще в Итоне и Харроу. Слез в его глазах я не видел, но он явно страдал.

А потом он заговорил, делая большие паузы между словами:

— Но, полагаю, человек может по ошибке попробовать “Нам-намо” с овощами.

— Только раз, — возразил я. А что еще я мог сказать?

Линли повторил мои слова, как будто я провозгласил конец света; он произнес их с особым зловещим ударением, так что они преисполнились какого-то жуткого смысла, и покачал головой. Потом Линли замолчал.

— В чем дело? — спросил я.

— Смизерс... — сказал он.

— Что?

— Послушайте, Смизерс. Позвоните анджскому бакалейщику и спросите у него вот что...

— Что?

— Правильно ли я предполагаю, что Сиджер купил две бутылки при-

правы сразу, а не с промежутком в несколько дней.

Я подождал, надеясь услышать что-нибудь еще, а потом побежал к телефону. Это заняло некоторое время, и то лишь при содействии полиции, поскольку был десятый час. Сиджер купил бутылки с промежутком в шесть дней; я вернулся и сообщил это Линли. Он с надеждой взглянул на меня, когда я вошел. Судя по всему, я принес ему плохую весть.

Принимать вещи так близко к сердцу вредно для здоровья, поэтому я сказал, не дождавшись ответа:

— Вам бы хорошую порцию бренди да пораньше лечь.

Он ответил:

— Нет. Я должен повидаться с кем-нибудь из Скотленд-Ярда. Позвоните им и вызовите немедленно.

— Сомневаюсь, что инспектор нанесет нам визит в такое время, — сказал я.

Глаза у Линли зажглись.

— Тогда скажите им, — произнес он, — что они никогда не найдут Нэнси Элс. Попросите кого-нибудь приехать сюда, и я объясню почему...

Тут он добавил, видимо специально для меня:

— И пусть следят за Сиджером, однажды его поймут на чем-нибудь еще.

И, представляете, к нам приехал инспектор Алтон, собственной персоной. Пока мы его ждали, я попытался поговорить с Линли. Отчасти из любопытства, конечно. А еще мне не хотелось оставлять его в задумчивости у камина, наедине с собственными мыслями. Я попытался разузнать, в чем же дело. Но он не ответил. Сказал лишь:

“Убийство — это ужасно. И еще хуже, когда преступник замечает следы”.

Линли так ничего мне и не рассказывал.

— Есть вещи, которые весьма неприятно слушать, — заявил он. И не ошибся. Хотел бы я никогда этого не слышать. На самом деле я и не слышал. Я догадался обо всем по последним словам Линли, обращенным к инспектору Алтону, — единственным, которые до меня донеслись. На этом бы и поставить точку в моей истории, чтобы вы ни о чем не догадались, даже если вы считаете себя любителями детективов. Потому что, полагаю, вы предпочли бы детектив с романтическим сюжетом, а не исто-

рию о настоящем подлом убийстве. В общем, дело ваше.

Прибыл инспектор Алтон, Линли молча пожал ему руку и предложил пройти в комнату; они вошли и принялись беседовать вполголоса, так что я ничего не слышал. Надо сказать, этот инспектор был довольно добродушный тип.

Потом они вышли, в тишине миновали гостиную и направились в “холл”; там-то я и услышал те несколько слов, которыми они обменялись. Инспектор первым нарушил молчание:

— Но зачем же он рубил деревья?

— Исключительно затем, чтобы нагулять аппетит, — ответил Линли.

Mary had a little
Lamb with lots of

H.P. Sauce

The delicious Oriental fruits
and spices are so perfectly
blended with pure malt
vinegar that no one flavour
predominates.

Лоэль Йео

1904–1944

Перевод и вступление Андрея Азова

РАССКАЗ “Дознание” входил в состав нескольких британских антологий детективного рассказа, и всякий раз их составители признавали свое бессилие разыскать сведения об авторе — человеке со странным, мелодичным, почти эльфийским именем Лоэль Йео. “Похоже, никто не знает, что это за Йео, — недавно подытожил английский писатель и исследователь Мартин Эдвардс. — Зато рассказ чудо как хорош!”

Поэтому у нашей книги есть все шансы стать первой антологией детективных рассказов, раскрывающей тайну автора. Он нашелся неожиданно — как похищенное письмо в рассказе Эдгара По, лежавшее на самом видном месте. Просто поклонникам детектива не пришло в голову искать Йео под крышей одного из самых популярных писателей того времени — Пелема Гренвилла Вудхауза. Сам Вудхауз не раз говаривал, что хотел бы написать детектив, да у него никак не выходит. Зато вышло у одного из его ближайших родственников. Дело в том, что Лоэль Йео — его падчерица, Леонора Вудхауз.

Леонора родилась в 1904 году в Ноттингеме, откуда родители, Этель и Леонард Роули, вскоре увезли ее в Индию. Когда ей было пять лет, Леонард, напившись сырой воды, заразился кишечной инфекцией и умер. Этель с дочкой вернулись в Англию. В 1914 году Этель отправилась в Нью-Йорк и познакомилась с Вудхаузом; не прошло и двух месяцев, как они поженились.

LOEL YEO

Леоноре было девять лет, когда она встретилась с Вудхаузом; он удочерил ее и дал ей свою фамилию. Постепенно она столько переняла от него — да и он от нее, — что не верилось, что она ему не родная дочь. “Ангел мой”, — обращался он к ней в письмах (используя прозвище, которое она получила в школе, где подруги переименовали ее имя сначала в Нору, потом в Снору, а потом и в Снорки). Она была прототипом ряда его героинь, в частности Флик Шеридан из романа “Билл-завоеватель” (1924), в которой, как считал Вудхауз, он добился наибольшего сходства с Леонорой. Как и сам Вудхауз, Леонора превыше всего ценила юмор. Те, кто ее знал, говорили, что она была невероятно обаятельна. Этим обаянием насквозь проникнута и ее проза.

Она взялась за перо где-то в конце двадцатых, а в 1931 году Вудхауз уже писал своему другу Денису Макейлу, что его дорогая дочурка “и правда здорово пишет и сейчас, слава богу, не на шутку этим увлеклась. У нее это выходит страшно обаятельно, и если она будет продолжать в том же духе, успех ей обеспечен”. Опасаясь, как бы не оказаться в тени громкого имени отчима, и желая узнать истинную цену своему творчеству, Леонора стала прибегать к псевдонимам и прочим уловкам. “Она написала рассказ и отправила его в журнал “Америкэн”, не подписавшись, — делился Вудхауз с Макейлом, — чтобы мое сотрудничество в “Америкэне” никак не повлияло на решение редакторов, — так вот, все четыре редактора дали восторженные отзывы, заплатили за рассказ 300 долларов и просят еще, да побольше...”

Письма Вудхауза проливают свет и на “творческую лабораторию” Леоноры. “Я очень рад, что тебе понравился рассказ Снорки, — пишет он тому же Макейлу в 1932 году, и дата письма позволяет предполагать, что речь идет о “Дознании”. — По-моему, он великолепен. До чего обидно, что она пишет с таким трудом! Кстати, ты никогда не видел ее черновики? Выглядит это так: Снорки забирается в кровать со стопкой тонюсенькой бумаги и одним из тех карандашей, которые почти не оставляют следа, и где-то четыре часа пишет одну страницу. На следующий день она пишет еще страницу, половину обводит в круг и ставит на первой странице какую-то закорючку, чтобы показать, откуда это читать. Предполагается, что, прочтя обведенное, нужно вернуться к первой странице, прочесть ее до конца и перейти к остатку второй, вставляя при этом кусочек из четвертой. И все это ее жуткими каракулями. Зато получается хорошо. Пожалуйста, повлияй на нее, чтобы она не бросала писать...”

Однако надеждам Вудхауза не суждено было сбыться: литературный труд остался для Леоноры лишь временным увлечением. Зимой 1932 года она вышла замуж за Питера Казалета, друга семьи Вудхаузов, богатого наследника и страстного любителя конного спорта. Через два года у нее родилась дочь Шеран, еще через два — сын Эдвард. После рождения второго ребенка она мечтала о третьем, в мае 1944 года легла на легкую операцию в лондонскую больницу и там скоропостижно скончалась от неожиданных осложнений. Ей едва исполнилось сорок.

ЛОЭЛЬ ЙЕО

Дознание

Странная штука память. В моей голове хранится уйма ненужных сведений. Например, сколько человек потребуется уложить цепочкой одного за другим, чтобы опоясать Землю, — ровно двадцать три миллиона пятьсот сорок девять тысяч сто пятнадцать. Или сколько в акре квадратных ярдов — четыре тысячи восемьсот сорок. Подобных мелочей я никогда не забываю. Зато в те редкие дни, когда мне удастся выбраться в Лондон (а сельскому врачу, сами понимаете, не до разъездов по столицам), я постоянно оставляю дома список нужных покупок и только на обратном пути, когда поезд трогается со станции, вспоминая, какие инструменты я собирался купить.

Так и на этот раз. Я едва успел вскочить в уже двинувшийся экс-

пресс Лондон-Стентон и угодил прямо кому-то на колени. Пробормотал извинения — они были приняты. Колени принадлежали опрятному неприметному пожилому мужчине, которого — я был уверен — я уже где-то видел, но, хотя я твердо знал, что рис, перец и саго составляют основные статьи экспорта Северного Борнео, я никак не мог припомнить, где мы встречались.

Одинаковый образ жизни равняет людей. Одинаковая работа, одинаковый пригород, одинаковые газеты — и через тридцать лет лица тоже становятся одинаковые. Остренькие и слегка анемичные. Глаза блеклоголубые, цвета застиранного белья. Круглый год неизменный плащ и вечерняя газета.

Стоял холодный, туманный, типично январский вечер, прихотью английского климата заброшенный в

РАССКАЗ "ДОЗНАНИЕ" БЫЛ ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАН
В ЖУРНАЛЕ "СТРЭНД" В 1932 ГОДУ.

THE INQUEST

THE STRAND MAGAZINE, 1932.

середину октября; стекла вагона запотели, и я откинулся на спинку сиденья, переводя дух и силясь вспомнить, где же я встречал своего соседа по купе. Он сидел прямо, на самом краю дивана, и высокий белый воротник подпирал его поднятый подбородок.

Вдруг он кашлянул — такое нервное покашливание, совершенно бесполезное для горла, — и тогда я вспомнил, где его видел. Два года назад, на коронерском дознании в усадьбе под названием Аббатство Лэнгли.

Так часто бывает: в ответственные минуты замечаешь всякие мелочи. Мне вспомнилась тень от вязов вдоль лужайки за окном гостиной, крики грачей, поскрипывание ботинок констебля и сухое покашливание адвокатского клерка, коротко и ясно дающего свои малозначительные, но положенные по закону свидетельские показания...

Единственное, чем Лэнгли напоминает аббатство, — это витражное окно в ванной комнате; в остальном же это типичный георгианский особняк, приземистый и массивный. Вокруг — чудесные сады и парк. Я, можно сказать, вырос там вместе с братьями Невиллами и знал это место как свои пять пальцев. Когда в семнадцатом году оба брата погибли, их отец, сэр Гай Невилл, продал свое имение со всем, что в нем было, Джону Гентишу.

Удивительно, как характер владельца отражается на усадьбе. При Невиллах Аббатство Лэнгли славилось гостеприимством. Ворота в парк и двери в дом никогда не запирались, и ветер играл кисейными занаве-

сками в распахнутых окнах. В парке устраивали праздничные гулянья, куда сходились жители окрестных деревень. Усадьба была частью общей жизни, предметом постоянных толков.

С появлением Джона Гентиша все переменилось. По его просьбе сэр Гай дал знать всем в округе, что новые жильцы предпочитают уединение и надеются, что соседи не станут утруждать себя визитами. Парковые ворота закрыли на засов и больше не открывали. Кисейные занавески безжизненно повисли за плотно закрытыми окнами. Дом помрачнел и посуровел. Единственными, кто еще утруждал себя визитами, были почтальон и торговцы. И постепенно Аббатство Лэнгли исчезло из деревенских хроник и из пересудов соседей.

Я же при Невиллах настолько сроднился с Лэнгли, что все десять лет, пока его ворота были для меня закрыты, неизменно отводил от них взгляд, проезжая мимо усадьбы в Мэдденли лечить варикозные вены мисс Тонтон и выписывать рецепты молодому Вилли Твингеру, — так отводят взгляд от старой больной собаки, когда-то дружелюбной, а теперь сварливой и злой. Но четыре года назад я нашел у себя в приемной записку с просьбой немедленно приехать в Лэнгли.

С тех пор я стал бывать там часто, не реже трех раз в неделю. Внутри, вероятно из-за безразличия хозяев, дом остался почти в точности таким же, как был при Невиллах. Длинный холл тянулся через весь дом, так что от парадного входа были видны французские окна, выходящие на лужайку.

Отполированные полы блестели как будто сильнее, а ламп поубавилось. Мебель была неказистая, но прочная, в основном викторианская. Два длинных стола, дубовый комод, несколько жестких стульев и бирманский гонг. На стенах — олени рога, литографии, изображающие ранних христианских мучеников (среди которых святой Себастьян, утыканный стрелами, как булавками, смотрел особенным бодрячком), чучело двадцатифунтовой форели, пойманной сэром Гаем в Шотландии, и недурной гобелен.

Комнату, когда-то служившую леди Невилл для утренних приемов, старик Гентиш разделил на две, превратив одну часть в спальню, а другую в ванную. Соседняя комната, которую я знал как гостиную, стала прекрасной библиотекой. Обе комнаты — и спальня и библиотека — были просторными, с высокими потолками и французскими окнами, ведущими на лужайку. Здесь Гентиш и проводил почти все свое время.

Гентиш доверял мне как врачу, но не любил как человека. Он вообще никого не любил — это был самый мерзкий и злобный старикашка, какого я только встречал. Едва ли не единственное мое удовольствие от общения с ним состояло в том, чтобы побольнее вогнать шприц ему в руку. Он быстро распугал всех лондонских сиделок, и пришлось мне заманивать на свободную должность мисс Мэви из Мэдденли. До этого она пятнадцать лет ухаживала за своей больной матерью, которая даже старому Гентишу дала бы сто очков вперед. Оно конечно, с таким слабым сердцем и та-

ким циррозом печени, как у Джона Гентиша, долго не живут, но старикан, боясь смерти, слушался меня и благодаря диете, лекарствам и электролечению даже как будто пошел на поправку.

Некоторые женщины меня пугают: всегда-то у них найдется какая-нибудь кузина, которая знавала те тушку убитого. Вот и мисс Тонтон (та, с варикозными венами): хотя она уже много лет была прикована к постели, зато племянница служанки ее золовки была замужем за сыном управляющего бумажной фабрикой Гентиша в Онтарио. Как и всякая женщина, мисс Тонтон глубоко презирала точность в деталях, но в целом ее сведения всегда были верны. С ее слов выходило, что за первые сорок лет своей жизни Гентиш успел семь раз промотаться до нитки (впрочем, с цифрами мисс Тонтон всегда обращалась вольно) и был самым отъявленным негодяем не только в Лондоне, но даже в Буэнос-Айресе, где и стандарты негодяйства повыше, и конкурентов побольше. Он был жадным, жестоким, властолюбивым, и на всех его бумажных фабриках и золотых приисках не нашлось бы ни одного человека, не мечтавшего сварить его заживо в котле с кипящим маслом. "И все это, — значительно говорила мисс Тонтон, — я узнала не от кого-нибудь, а, почитай, от управляющего его собственной фабрикой".

Мисс Тонтон относилась к Богу как тетушка к любимому племяннику: она объясняла его мотивы и охотно предсказывала следующие шаги. Новость о том, что у Гентиша рас-

— Доктор Меллан? Ах, доктор Меллан, приезжайте скорее! Мистер Гентиш умер!

строилось здоровье, она встретила как человек, к советам которого наконец прислушались: мисс Тонтон твердо верила в расплату за грехи. Что же касается ее собственных варикозных вен, то они, по ее мнению, были посланы ей в испытание (как язвы — небезызвестному Иову); она принимала их как знак расположения, хвалила Бога за беспристрастность и частенько его прощала.

Не знаю, любил ли Гентиш своего племянника. Уильям был его единственным наследником. Они, конечно, ссорились, в том числе из-за денег, но, думаю, гораздо больше самих ссор старику нравилось ощущение собственной власти: приятно было пригрозить племяннику отменной щедрого содержания и увидеть, как вспыхивает его лицо. Уильям специализировался по женщинам и лошадям. Он был по-своему красив — зловещей, демонической красотой — и унаследовал дядюшкин характер, к которому добавил собственных вздорных идей. Иногда он приезжал на машине в Лэнгли и оставался там дня на два — на три.

Так и текла наша жизнь, тихо и однообразно. Иногда, повидав Гентиша, я спускался по лужайке к озеру, окруженному красными ивами, садился у лодочного павильона и изобретал для старика какую-нибудь особенно зверскую диету. А потом как-то днем у меня раздался телефон-

ный звонок. Звонила мисс Мэви.
— Доктор Меллан? Ах, доктор Меллан, приезжайте скорее! Мистер Гентиш умер!

Джон Гентиш действительно умер — умер от передозировки морфия, принятого из рюмки для сердечных капель. В тот же вечер нас собрали в гостиной Аббатства Лэнгли на дознание. Коронер мистер Даффи и констебль Перкер восседали за сто-

лом; домашние сгрудились в дальнем конце комнаты. Мистер Даффи прочистил нос, и к запаху кожаных стульев и маринованных огурцов примешался запах капель от насморка, которыми был смочен его носовой платок. Слезаящимися от простуды глазами он посмотрел на дворецкого Краучера:

— Все в сборе?

— Все, кроме мистера Уильяма Гентиша, сэр. Он еще не вернулся.

— Спасибо. В таком случае вызывается доктор Меллан.

Мои показания не заняли много времени. История болезни Джона Гентиша, причина смерти — все в таком духе. Затем вышла мисс Мэви и, в полном убеждении, что ей предстоит битва не на жизнь, а на смерть, представила блестящую защиту из семи разных алиби на тот день.

— Вы говорите, — спросил коронер, — что морфий, который вы

вводили покойному, когда его боль делалась невыносимой, стоял на верхней полке шкафчика с лекарствами и был помечен этикеткой с отчетливой надписью “морфий”?

— Да, — храбро, как Жанна д'Арк перед судом инквизиции, ответила мисс Мэви. — Можете спросить кого угодно, вам любой подтвердит.

— Шкафчик, как я понимаю, закрывался стеклянной дверцей. Сердечные капли и рюмка стояли на тумбочке под ним. Это так, мисс Мэви?

Мисс Мэви побледнела, зная, что все, что она скажет, будет использовано против нее.

— Почти.

— Почти?

— На тумбочке еще лежала ложка, — чистосердечно призналась мисс Мэви.

— Это лекарство, эти сердечные капли — покойный всегда принимал их в одно и то же время?

Мисс Мэви задумалась над вопросом. Неужели ловушка?

— Нет, сэр, только во время внезапных приступов, — осторожно сказала она.

— Когда доктор Меллан высказал мнение, что смерть наступила не от естественных причин, а от передозировки морфия, вы пошли в ванную. Там, на тумбочке, рядом с сердечными каплями, вы нашли пустой флакон, который, когда вы уходили с дежурства, стоял в шкафчике и содержал двадцать гран морфия. Верно?

— Это доктор Меллан послал меня в ванную, когда понял, что в рюмке был морфий. Я ничего там не трогала, Господом Богом клянусь.

— Принимал ли мистер Гентиш сердечные капли самостоятельно, или их всегда ему подавали?

— Принимал, сэр, когда никого не было рядом.

— Мисс Мэви, разделяете ли вы мнение доктора Меллана о том, что больной не мог принять морфий случайно?

— Нет, сэр.

— Нет? То есть вы полагаете, что мог принять и случайно?

— Нет, сэр, то есть да, сэр. Я согласна с доктором Мелланом, что не мог.

— Благодарю вас. У меня больше вопросов нет.

Мисс Мэви, над которой еще нависала тень эшафота, всхлипнула, попросила у коронера капли от насморка и опустила на стул, тяжело дыша.

Следующим давал показания дворецкий Краучер.

— Вы говорите, что, получив сегодня утреннюю телеграмму, мистер Гентиш обнаружил признаки гнева?

— Несомненно, сэр.

— Что было потом?

— Он спросил, дома ли мистер Уильям.

— И что вы ему ответили?

— Что мистер Уильям уехал на своей машине в полдесятого.

— Что потом?

— Он велел мне убраться к черту, сэр, и забрать с собой его треклятого племянника, но прежде мистер Гентиш велел соединить его с Траубриджем и Хэем.

— Его адвокатами?

— Да, сэр.

— А дальше?

— Он вызвал меня и распорядился подать машину к поезду, прибывающему без четверти два, чтобы встретить человека из адвокатской конторы.

— Которого затем сразу проводили в библиотеку сэра Гентиша, если я правильно понимаю.

— Да, сэр.

— Что было дальше?

— Минут через пятнадцать в библиотеке прозвенел звонок, сэр, я зашел туда, и мистер Гентиш попросил меня засвидетельствовать его подпись на новом завещании.

— Вы подписались — что потом?

— Обычное распоряжение убраться к черту, сэр.

— То есть до половины пятого в доме все было тихо?

— Да, сэр. Господин из конторы вышел из библиотеки через пару минут после меня. У нас было заведено, что никто не беспокоит мистера Гентиша до половины пятого, когда мисс Мэви идет его будить. Сегодня в полпятого звонок затрезвонил на весь дом, и когда я вошел в библиотеку, мисс Мэви сообщила мне, что мистер Гентиш умер. Я оставался там до прибытия доктора Меллана.

Вызвали адвокатского клерка.

— Ваша контора получила сегодня утром телефонный звонок от мистера Гентиша. Правильно ли я понимаю, что он хотел составить новое завещание?

— Да, сэр.

— Когда вы приехали сюда, вас проводили в библиотеку. Что было дальше?

— Я зачитал мистеру Гентишу составленный нами текст завещания. Он его одобрил с одной поправкой. Затем он позвал дворецкого, и мы вдвоем засвидетельствовали его подпись.

— Не было ли в поведении мистера Гентиша чего-нибудь странного, наводящего на мысль, что он хочет покончить с собой?

— Трудно сказать, сэр.

— А что было после того, как вы подписали завещание?

— Мы с мистером Гентишем минут десять поговорили о подоходном налоге. Затем я вышел из библиотеки и, как обычно, пошел посидеть в саду, пока у меня оставалось время до поезда.

— Значит, вы бывали здесь и раньше? По тому же делу?

— В основном да, сэр.

— То есть мистер Гентиш имел обыкновение менять завещание?

— О да, сэр.

— Часто?

— Семь раз за последние десять лет, сэр.

Наступило молчание. Потом коронер снова обратился к дворецкому:

— Я нашел записку на столе у мистера Гентиша: "Твиллер и Дуайт, четверг, 12:00". Вы можете объяснить, что это значит?

— Это его портные, сэр. Он велел позвонить им и сказать, чтобы завтра к двенадцати прислали сюда примерщика.

— Когда он отдал это распоряжение?

— За завтраком, сэр.

— Следовательно, по крайней мере до завтрака он не помышлял о самоубийстве. В каком он был настроении: в хорошем или дурном?

— Не могу сказать, чтобы мистер Гентиш вообще был расположен к хорошему настроению, сэр. На мой взгляд, он был таким же, как всегда.

— И только после получения телеграммы его настроение испортилось?

— Да, сэр.

— Вы говорили, мистер Уильям приехал из Лондона вчера вечером?

— Да, сэр.

— Как он держал себя с дядей?

— Мне показалось, он слегка нервничал за ужином, но старался быть любезным, насколько я могу судить, сэр.

— А сегодня его весь день не было?

— Как же, сэр, было. Он вернулся днем, но скоро опять уехал.

— Вернулся днем! В котором часу?

— Точно не знаю, сэр, но я видел его машину возле дома, когда шел в библиотеку засвидетельствовать подпись мистера Гентиша, сэр. Это было где-то в полтретьего, и машина еще стояла, когда мисс Мэви стала звонить доктору Меллану, но когда через пятнадцать минут доктор приехал и я открывал ему дверь, машины уже не было.

В наступившем молчании запах маринованных огурцов стал острее. Скрипнули стулья. Всех вдруг одновременно посетила одна и та же догадка.

— Знал ли мистер Уильям о телеграмме?

— Нет, сэр. Ее доставили уже после того, как он уехал.

Снова молчание.

— То есть он не знал, что мистер Гентиш намеревается изменить завещание и что господа... ммм... господа... его адвокаты послали сюда своего представителя?

— Нет, сэр.

Удивительные все-таки существа люди: они могут годами быть знакомы с каким-нибудь человеком, без всякого интереса проходить мимо него по многу раз на день, отлично знать его лицо, манеры, привычки, но стоит им услышать, что от него ушла жена или что он застрелил родную мать, как они готовы толпиться часами, лишь бы еще раз на него взглянуть.

Практически все мы за последние пару лет (а кое-кто и дольше) досыта насмотрелись на Уильяма Гентиша, и никого его вид не приводил в осо-

бий восторг, но когда вслед за последними словами дворецкого хлопнула входная дверь и по натертому паркету холла гулко застучали шаги, все взгляды в гостиной обратились к дверной ручке. Среди нас, я уверен, были такие, кто считал праздником день, проведенный вдали от Уильяма Гентиша — мы с дворецким могли бы возглавить список, — однако чем ближе слышались шаги, тем сильнее росло напряжение в комнате, и жужжание одинокой мухи казалось ревом аэроплана. Поскрипывая стульями, мы подались вперед и замерли в ожидании.

Шаги стихли, ручка повернулась, и стулья снова хором скрипнули.

Не знаю, какой перемены мы ждали от Уильяма Гентиша, но помню свое чувство смутного разочарования, когда я увидел его в дверях несколько не изменившимся с нашей последней встречи.

Услышав о смерти дяди и о ее причине, он, казалось, удивился.

Последовал ритуал, которого мне, наверное, никогда не понять. Мистер Даффи не хуже моего знал Уильяма Гентиша и не раз, прохаживаясь зимой по нашим улочкам, бывал обрызган грязью из-под колес его автомобиля, однако теперь угрожал битую четверть часа на установление его личности. Казалось, вопросам не будет конца. Уильям Гентиш хранил на лице свое привычное выражение — такое, будто от всех нас как-то дурно пахло, — но отвечал спокойным, ровным голосом. Он сказал, что вернулся чуть позже обеденного времени, прошел прямо через холл на лужайку и спустился к лодчному павильону.

Когда часы над конюшной пробили полпятого, он вернулся в дом, намереваясь зайти к дяде, который к этому времени обычно уже просыпался, но передумал, увидев приоткрытую дверь в библиотеку.

Констебль Перкер вел официальный протокол дознания, записывая все слово в слово. Его сдавленный стон служил сигналом, что взятый темп слишком высок, и тогда вопросы прекращались до тех пор, пока он все не допишет. После очередного такого перерыва коронер продолжил:

— Вы говорите, что через приоткрытую дверь слышали, как мисс Мэви звонит доктору Меллану. Но почему это помешало вам встретиться с дядей?

— Я решил, что у него очередной приступ и что ему пока не до меня.

— И вы, следовательно, ничего не знали о телеграмме?

— Какой телеграмме?

Коронер повернулся к констеблю Перкеру:

— Зачитайте, пожалуйста, телеграмму, констебль.

Перкер сперва дописал протокол, затем важно откашлялся, издав голосом подобие барабанной дроби:

— Телеграмма Джону Гентишу, Аббатство Лэнгли, Норфолк. ВЧЕРА ДВА ЧАСА ДНЯ ОБЪЕКТ ТАЙНО РАСПИСАЛСЯ МИРИЭЛЬ ДЕМАР БРАЧНОЙ КОНТОРЕ ДЮК-СТРИТ ТЧК ЖДУ УКАЗАНИЙ ТЧК Подпись: Росс.

Все с интересом наблюдали за Уильямом Гентишем. Мне показалось, будто лицо его окаменело, а на виске сильнее забила жилка. Кон-

стебль придвинул к себе протокол, приготовившись писать дальше, и перечница с солонкой приветствовали его трудолюбие дружным дребезжанием.

— Вы подтверждаете сведения в телеграмме, мистер Гентиш?

— Да.

— И вы не знали, что ваш дядя установил за вами слежку?

— Нет.

— А женились вы втайне, очевидно, из опасения, что дядя не одобрит ваш выбор?

Уильям Гентиш покраснел.

— У дяди был сложный характер. Он не одобрял ничего, что делалось не по его указке. Моя жена прежде пела в варьете. Я думал, со временем дядя успокоится, как это обычно бывало.

— А до той поры?

— Полагаю, он запретил бы мне появляться в доме месяц-другой.

— И вычеркнул бы вас из завещания?

— Возможно.

— А если бы он умер, не успев переписать завещание на вас?

Уильям Гентиш улыбнулся:

— Вряд ли теперь целесообразно обсуждать такую перспективу.

Констебль Перкер издал недовольный стон. Привыкший писать как слышится, он предпочитал слышать знакомые слова.

— Значит, вы раньше не видели этого господина? — Мистер Даффи показал на клерка. Тот вежливо кашлянул.

Уильям Гентиш окинул клерка взглядом, потом снова повернулся к коронеру.

— Не припоминаю. Кто это?

— Сотрудник адвокатской конторы Траубриджа и Хэя. Он приехал по вызову вашего дяди с новым завещанием.

Уильям Гентиш резко обернулся к клерку:

— И дядя подписал?

— Да, сэр.

— Могу я узнать, каково содержание этого документа?

Клерк снова кашлянул, ухитрившись вложить в этот звук вопрос к коронеру, и, прочитав в его кивке утвердительный ответ, объявил:

Не знаю, какой перемены мы ждали от Уильяма Гентиша, но помню свое чувство смутного разочарования, когда я увидел его в дверях нисколько не изменившимся с нашей последней встречи.

— Мистер Гентиш завещал все свое состояние фонду исследования рака.

— А в прошлом завещании? — спросил коронер. — Которое он аннулировал?

— Все своему племяннику, Уильяму Гентишу.

Уильям Гентиш принял слова адвокатского клерка стоически, только жилка снова забилась у него на виске. Случайно он встретился взглядом с кухаркой и вздрогнул: так могла смотреть только женщина, никогда не убивавшая дяди, на того, кто дядю

убил. Думаю, лишь тогда он начал понимать всю опасность своего положения.

Он знал, что дядя не одобрит свадьбу, которую вряд ли удалось бы надолго сохранить в тайне. Он знал о слабости дядиногo здоровья, не раз готовил ему сердечные капли и знал, где хранится морфий. Стоило всего лишь зайти из сада в библиотеку — ему было прекрасно известно, что если дядю потревожить во время послеобеденного отдыха, то от гнева у него наверняка начнется очередной приступ. Тогда, как обычно, он принес бы ему сердечные капли, только на этот раз — со щедрой добавкой морфия. Быть может, он даже с интересом наблюдал, как дядя глотает капли и как темнеют мешки у него под глазами, а потом взял книгу и тихо спустился к лодочному павильону. Может, он преспокойно сидел там и читал, пока над конюшней не пробили часы.

Коронер продолжил допрос:

— Вы говорите, мистер Гентиш, что не покидали сада, пока часы не пробили полпятого?

Если раньше Уильям Гентиш отвечал на вопросы сразу же и с видом глубокого равнодушия, то теперь он стал медлить. Видно было, что он колеблется, раздумывает, занимает оборону. Мы с интересом наклонились вперед, громко заскрипев стульями.

— Не покидал.

— И все это время не подходили к библиотеке?

— Не подходил.

— Но могли бы и вас бы никто не заметил, не так ли?

— Возможно. Но, повторяю, я к ней не подходил.

Презрительное фырканье кухарки эхом прокатилось по гостиной. В незаметно стусившихся сумерках наши лица приобрели расплывчатые очертания. Холодный ветерок шевелил записи констебля Перкера. Часы над конюшней пробили восемь.

— Значит, нам остается только поверить вам на слово, что после приезда вы все время провели в лодочном павильоне?

— Боюсь, что так.

Последовало тяжелое молчание. Внезапно адвокатский клерк прокашлялся и заговорил:

— Мистер Гентиш говорит совершенную правду о своем местонахождении; я могу подтвердить его слова. Как только я покинул мистера Гентиша-старшего, я вышел в сад посидеть в тени, дожидаясь времени, когда надо будет идти на станцию. Там, сидя на лавочке под кедром, я заметил мистера Гентиша-младшего: он курил в лодочном павильоне. Он, наверное, не обратил на меня внимания, но его показания верны: он оставался в павильоне до тех пор, пока не ударили часы.

До чего же испорчена человеческая природа! Вместо того чтобы радоваться, что наш ближний не запятнал рук в крови другого ближнего, все мы, сидящие в комнате (кроме, пожалуй, коронера, перед которым забрезжила наконец надежда попасть домой и попарить ноги в горчичной ванне), были разочарованы. Любой, в ком есть театральная жилка, сразу бы увидел, что Уильям Гентиш — такой высокий, надменный, с черными

усаами и крупными белыми зубами — идеально подходит на роль злодея. Его руки просто обязаны были обгриться дядиной кровью — так он лучше смотрелся, так ему больше шло. За себя скажу, что, поскольку я, как и остальное человечество, предпочитаю думать о своем ближнем самое дурное, мне казалось, что если Уильям Гентиш и не убил своего дядю, то лишь потому, что эта мысль вовремя не пришла ему в голову.

Когда мы оправались от нашего естественного разочарования, дворецкий Краучер зажег газовые рожки и снова пошли бесчисленные, нескончаемые вопросы. Адвокатский клерк ничего не мог добавить к своим показаниям; он повторял только, что видел Уильяма Гентиша в лодочном павильоне и что он оттуда не выходил. Снова вызвали дворецкого, потом отчаянно защищавшуюся мисс Мэви, потом меня. Вернулись к вопросу о морфии.

— Не могла ли, — обратился мистер Даффи ко всем присутствующим, — не могла ли настойчивость мистера Гентиша относительно легкой доступности морфия объясняться не столько болеутоляющими свойствами последнего, сколько суицидальной наклонностью первого?

Констебль Перкер выронил карандаш.

— Это что-то очень мудрено, сэр. Можно, я запишу своими словами? Вы хотите спросить, не нарочно ли он траванулся?

Вопросы и ответы продолжались, но показания клерка, как незаинтересованного свидетеля, уже решили дело. И когда мисс Мэви вспомнила,

что старик неоднократно высказывал пожелания скорой смерти (хотя, полагаю, все же ее, а не своей), и часы над конюшней пробили девять, мистер Даффи постановил, что смерть Джона Гентиша наступила в результате самоубийства, совершенного в помрачении ума.

Не знаю, сказал ли Уильям Гентиш что-нибудь клерку, выходя из гостиной; помню только, как он угрюмо прошел через холл, не замечая столпившихся слуг и не говоря нам ни слова, хлопнул входной дверью и был таков. Только рев мотора да визг колес были его прощанием.

Присутствие смерти удивительно меняет все в доме. Когда в холле, возле входной двери, мы договаривались о планах на следующий день, все вокруг нас казалось безжизненным и холодным, наши шаги и голоса звучали как-то гулко, а черные незанесенные окна чем-то напоминали мне мертвые остекленевшие глаза. Заунывно гудел газовый рожок, и в его неровном пламени тени оленьих рогов металась по потолку. Сквозняк из открытой двери пузырил gobелен, отчего изображенный на нем голый старый сатир похотливо тянулся к мисс Мэви. Та задумчиво смотрела вслед укатившему Уильяму Гентишу.

— Это же надо, потерять целое состояние! Благотворительность, подумать только! Такие деньги пропали!

Она вздохнула и тут же чихнула. Адвокатский клерк положил свой портфель и подал ей пальто.

— Они не пропали, — тихо сказал он.

К дверям подъехала машина, конронер взглянул на часы.

— Похоже, это за вами, чтобы отвезти на станцию, — сказал он клерку. — Спасибо за показания. Боюсь, нам придется снова вас потревожить. Я свяжусь с вами через денек-другой.

Клерк поднял портфель, взял пальто и шляпу.

— Я в вашем полном распоряжении, сэр. Покойной ночи, джентльмены...

От пронзительного свистка я вздрогнул и проснулся. Судя по тому, что грохочущий поезд уже подъезжал к Крэнхему, я проспал часа два. Скрюченная спина отчаянно ныла. Я потянулся. Против меня, прямой как палка, сидел тот самый клерк; на руках — потертые перчатки, аккуратно застегнутые на запястьях, рядом на сиденье — знакомый портфель. Я наклонился к нему:

— Вы меня помните?

— Как не помнить, сэр. Вы доктор Меллан; я имел удовольствие встречаться с вами на дознании в Аббатстве Лэнгли. — Он кашлянул. — Я так понимаю, усадьбу так и не удалось продать.

— Да, она теперь совсем заброшена. Я частенько забредаю туда, вспоминаю о былом. Я ведь, можно сказать, там вырос.

Я зевнул.

— А наследство старого Гентиша пошло, значит, на благотворительность, — продолжил я разговор. — Я все удивлялся, отчего это Уильям не оспорил завещание. У него ведь были на это все основания: неуравновешенность старика, помрачение рассудка, самоубийство, да мало ли...

— Наверное, боялся, как бы его не обвинили в убийстве, сэр. Ведь у след-

ствия было всего лишь мое слово, что он не покидал лодочного павильона. Одно только мое слово — вот и все, что отделяло его от обвинения в убийстве с очевидными мотивами.

— Говорят, он уехал за границу.

— В Южную Америку, сэр. Мать оставила ему кое-какую собственность в Аргентине. Я слышал, сэр, что дела у него идут хорошо. Мистер Траубридж, наш начальник, говорит, там он стал человеком.

— Да, если бы он получил наследство, то быстро спустил бы его. Он обещал стать таким же законченным эгоистом, как и его дядя. Забавно: хоть старик Гентиш и менял то и дело завещание, я всегда был уверен, что в конце концов он собирался все оставить племяннику. Мне казалось, ему просто нравилось пугать Уильяма лишением наследства.

— Ощущение власти, сэр?

— Именно. Ему никогда не приходило в голову кого-нибудь бескорыстно облагодетельствовать. Смешно: он от души презирал людей, а в историю попал как большой филантроп. Все свои деньги — на раковые исследования...

Я наклонился вперед.

— Удивительно, — продолжал я, — как это никто не обратил внимания, что с лавочки под кедром нельзя разглядеть лодочный павильон: его загораживают ивы. Я давно пытался понять, вы все спланировали заранее или действовали по наитию?

Поезд загромыхал по туннелю, и только тусклый свет мигающих ламп рассеивал тьму. Клерк кашлянул.

— Исключительно по наитию, сэр. Меня всегда удивляло в книжках — я, видите ли, большой до них охот-

ник, — так вот, меня всегда удивляло, что если деньги уходят на благотворительность, а не достаются непутевому молодому наследнику, то это считается плохим концом, которого, мол, всеми силами следует избегать. Вот и сейчас, сэр, я читаю книжку

о пропавшем завещании. Дочитал пока до того, что главный герой в наручниках и с кляпом во рту лежит на безлюдной пристани.

— А вода все прибывает.

— И очень быстро, сэр. А у него всего три часа до полуночи, чтобы найти

— Удивительно, — продолжал я, — как это никто не обратил внимания, что с лавочки под кедром нельзя разглядеть лодочный павильон...

Face Value!

Have you ever undergone that scrutiny? With clean linen, polished boots, and a good shave with COLGATE'S, you are above reproach.

The quick, plentiful and softening lather of Colgate's *Shaving Stick* makes shaving a daily pleasure.

Sold by all Chemists and Stores in handsome nickel box, price 1/3

COLGATE & CO., 46, Holborn Viaduct, London, E.C.1

(Established 1806)

COLGATE'S SHAVING STICK

(Makers of the famous Ribbon Dental Cream.)

некий документ, иначе все тетушкино наследство пойдет на благотворительность.

— Но он успеет найти документ.

— Да, сэр.

— А вы бы закончили историю иначе.

— Да, сэр.

Мы помолчали.

— А как, позвольте спросить, вам пришла в голову эта мысль? — полюбопытствовал я.

— Ну, дни мистера Гентиша определенно были сочтены, сэр. Когда он подписывал новое завещание, у меня мелькнула мысль: вот бы хорошо, если бы он умер прежде, чем успеет передумать. Иначе пришлось бы мне опять переписывать завещание на мистера Гентиша-младшего, а я слишком хорошо его знал, чтобы тешить себя надеждой, будто его деньги достанутся кому-нибудь, кроме букмекеров. Тут он весь в дядюшку, сэр.

— Догадываюсь, что было потом. Старик Гентиш заговорил об Уильяме и разбушевался из-за тайной свадьбы, вот с ним и случился приступ.

— Да, сэр. Его лицо побагровело, губы побледнели. Я стоял и смотрел, надеясь, что он вот-вот умрет. Но он не умирал — он велел мне пойти накапать ему лекарства из пузырька на столике в ванной. Инструкция на пузырьке. Я немного близорук, сэр; мне понадобилось некоторое время, чтобы разобраться. Когда я надел очки, мне первым делом бросилась в глаза склянка с надписью “морфий” за стеклянной дверцей шкафа. Я открыл шкафчик, достал морфий и налил его

в рюмку — все это время из библиотеки раздавались гневные крики мистера Гентиша. Когда я принес ему рюмку, он обругал меня дураком, схватил ее и выпил залпом.

— Слишком быстро, чтобы почувствовать неладное, — предположил я.

— Наверное. Он только глубоко вздохнул, закрыл глаза и откинулся в кресле. А я вернулся в ванную и вытер платком все, за что брался. Как я понимаю, так и полагается поступать после убийства. Потом я вернулся в библиотеку, собрал свои бумаги и уложил их в портфель. За все это время мистер Гентиш даже не шелохнулся. Не знаю, дышал ли он еще или уже нет. Собравшись, я вышел из библиотеки и тихо закрыл за собою дверь. Потом позвал звонком мистера Краучера и сказал ему, что посижу в саду до поезда. “Старый хрыч угомонился?” — спросил он меня, и я ответил, что да.

— А вы не допускали, что Уильяма Гентиша обвинят в убийстве?

— Нет, сэр. Мне казалось, переписанное завещание снимает с него всякие подозрения. Я ведь не знал, что ему не было известно ни о моем приезде, ни о его цели.

— Так как же вы все-таки увидели его тогда в саду? Заметили, как он спускался по лужайке к павильону?

— Нет, сэр. Я вообще его не видел — задремал, наверное. Но когда представился случай, я не мог не подтвердить его алиби. Мне ведь это ничего не стоило, сэр, а я чувствовал себя перед ним в долгу.

— И вас никогда не мучила совесть от того, что вы совершили?

Он, казалось, удивился:

— Совесть? Да ведь деньги пошли в фонд исследования рака, сэр. Вы не читали последнего отчета из фонда? Такой прогресс, что вы! Совесть! Скажете тоже, сэр. Я слишком высоко ценю человеческую жизнь, чтобы мучиться совестью.

Поезд тряхнуло, клерк посмотрел в окно и засобирался:

— А вот и моя станция, сэр.

Поскрипывая и постанывая, поезд остановился. Кондуктор распахнул дверь, и в вагон пополз вечерний туман.

— Станция Крэнхем, станция Крэнхем, пересадка на поезд до Кедама, Стакли, Бексхилла и Вайминга, — проревел кондуктор. — Вам помочь с багажом?

— Нет, спасибо. — Клерк повернулся ко мне. — Было очень приятно с вами поговорить, сэр. Доброй ночи.

Нет на свете тишины более ясной, чем когда останавливается поезд. На ее фоне гораздо отчетливее слышны остальные звуки: шипение вырывающегося пара, звон и дребезжание молочных бидонов и приглушенный крик кондуктора: "Переса-адка!" Вдруг машина пробуждается, вагон вздрагивает, слышится поскрипывание колес. Какое-то мгновение зеленые огни, красные огни, носильщики, старухи и адвокатские клерки все еще видны в запотевших окнах, но потом скрип колес учащается, сменяется мерным постаныванием, и набирающий скорость поезд уносит вас прочь.

**The real
thing!**

*Nothing like
the genuine
original*

Дороти Л. Сэйерс

1893–1957

Перевод и вступление Олега Попова

ДОРОТИ Ли Сэйерс родилась в Оксфорде в семье преподавателя музыки, имевшего сан священника. Когда ей было четыре года, ее отец получил сельский приход в Кембриджшире. Сначала Дороти училась дома, с ней занимались родители и гувернантка. Дороти играла на скрипке, писала стихи, сочиняла и ставила домашние спектакли. В 1909 году ее отдали в частную школу-интернат Годольфин-скул, где Дороти в дополнение к прежним своим увлечениям занялась фотографией.

С осени 1912 года она учится в Оксфордском университете, в Сомервиль-колледже, но Дороти нельзя назвать “синим чулком” — она курит, участвует в светской жизни (и заигрывает с преподавателями), поет в оксфордском Баховском хоре, ходит в театры и на лекции приезжих знаменитостей, основывает Общество взаимного восхищения, где студентки читают друг другу свои стихи, и в конце года пишет родителям: “Чем дольше я в Оксфорде, тем более уверена, что не гожусь для научной карьеры — я создана для общества”. Тем не менее она успешно сдает экзамены.

DOROTHY L. SAYERS

Закончив университет в 1915 году, мисс Сэйерс пробовала себя в разных профессиях: учитель, переводчик, редактор, секретарша, копирайтер в рекламном агентстве. Она опубликовала два сборника стихов. В октябре 1920 года Оксфордский университет начал присваивать своим выпускницам степени, и Дороти в числе первых стала магистром искусств. В начале 1921 года она взялась за свой дебютный детективный роман. В 1929-м мисс Сэйерс смогла оставить рекламное агентство и жить литературным трудом.

В мае 1923 года первый роман Дороти Л. Сэйерс вышел из печати и перед публикой с восклицанием “О черт!” предстал новый великий сыщик — лорд Питер Уимзи, второй сын герцога Денверского, выпускник оксфордского Бэйлиол-колледжа, любитель старинных книг и крикета. В статье “Как я придумывала лорда Питера Уимзи” (1936) Сэйерс объясняла, что нарочно наделила своего героя огромными доходами. “Мне это ничего не стоило, а с деньгами у меня было особенно туго, и я с большим удовольствием тратила его состояние. Когда мне не нравилась моя единственная комната, снятая без мебели, я снимала для него роскошную квартиру на Пикадилли. Когда на моем половике появлялась дырка, я заказывала ему обюссонский ковер. Когда у меня не хватало денег на автобусный билет, я дарила ему “даймлер-дабл-сикс”...” К 1938 году семейная сага Уимзи развернулась в десяток романов и два десятка рассказов, лорд Питер женился на альтер эго автора — Гарриет Вэйн, авторе детективов и выпускнице Оксфорда, — и ушел на покой, но, как вы скоро узнаете, не совсем.

После этого Дороти Сэйерс практически перестала писать детективы и лишь иногда возвращалась к своим героям. (Так, во время Второй мировой войны

РАССКАЗ “УБИЙСТВО В ПЕНТЕКОСТ-КОЛЛЕДЖЕ”
ВПЕРВЫЕ БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1933 ГОДУ
В ЖУРНАЛЕ “ПАССИНГ ШОУ”.

MURDER AT PENTECOST

//////////////// THE PASSING SHOW, 1933. //////////////////

она комментировала текущие события в журнале "Спектэйтор" в виде писем членов семьи Уимзи друг другу.)

Семейная жизнь создательницы лорда Питера сложилась непросто. После нескольких неудачных романов мисс Сэйерс в январе 1924 года втайне от всех родила своего единственного ребенка — сына, который так и вырос вдали от нее, хотя она его часто навещала. В апреле 1926-го она вышла замуж за разведенного журналиста и писателя Освальда Артура Флеминга. Позже его депрессия привела их на грань развода.

Кроме детективов перу Дороти Л. Сэйерс принадлежат переводы "Божественной комедии" Данте (законченный ее крестницей и биографом Барбарой Рейнольдс), "Песни о Роланде", "Романа о Тристане" Томаса Британского, несколько пьес на христианские сюжеты (в том числе цикл "Рожденный на царство" о жизни Иисуса Христа, где все говорят на литературном английском, а Матфей — на сленге) и эссе.

Она была сооснователем и с 1949 года президентом Детективного клуба, составила несколько антологий детективных рассказов. В 1950 году Даремский университет присудил ей почетную степень доктора литературы.

"ТОЛБОЙЗ" — единственный рассказ про лорда Питера, в котором действует также и Гарриет Вэйн, — не был издан при жизни писательницы; в рассказе "Убийство в Пентекост-колледже" мы встречаемся с другим сыщиком — коммивояжером Монтегю Эггом, любителем рифмованных максим.

© Trustees of Anthony Fleming Deceased, 1933 / © Trustees of Anthony Fleming Deceased, 1972

© О. Попов, перевод на русский язык и вступление, 2011

РАССКАЗ "ТОЛБОЙЗ" НАПИСАН В 1942 ГОДУ,
ВПЕРВЫЕ БЫЛ ОПУБЛИКОВАН ВО ВТОРОМ
ИЗДАНИИ СБОРНИКА "ЛОРД ПИТЕР: ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ РАССКАЗОВ О ЛОРДЕ ПИТЕРЕ" В 1972 ГОДУ.

TALBOYS

LORD PETER: A COLLECTION OF ALL THE LORD
PETER WIMSEY STORIES. SECOND EDITION.

NEW YORK, 1972.

ДОРОТИ Л. СЭЙЕРС

Убийство

в

Пентекост-колледже

— **В**али отсюда, Флэзерс, — сказал молодой человек во фланелевых брюках. — Новость, конечно, убойная, а вот про религию не надо. И ради бога, прекрати говорить “первокуры”, как какой-нибудь коммивояжер. Дуй отсюда!

Тот, к кому обращались, прыщавый парень, по мантии которого было видно, что он — коммонер*, проблеял что-то невразумительное и пугливо вышел из-за стола.

— Прицепился как клещ, — сказал молодой человек во фланелевых брюках своему товарищу. — Еще и с моей лестницы**. Слава богу, я в следующем семестре переезжаю. Думаешь, про ректора — это правда? Бедный

* Коммонер — студент, который не получает стипендию; коммонеры носят короткую мантию. Подробнее см. глоссарий (18).

** В отличие от нашей “коридорной”, горизонтальной системы расположения комнат, в английских университетских общежитиях система вертикальная, “лестничная”. Студентов, которые живут “на одной лестнице” (друг над другом), обслуживает один и тот же скаут (университетский слуга).

старый зануда — мне стыдно, что я прогулял его лекцию. Еще кофе?

— Нет, спасибо, Рэдкотт. Мне пора. Ближится обед.

Мистер Монтегю Эгг, сидевший за соседним столиком, наострил уши. Виновато кашлянув, он обернулся к молодому человеку, которого звали Рэдкоттом.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он не без робости. — Я случайно услышал ваш разговор и хотел бы задать вопрос. — Увидев дружелюбную — хотя и несколько удивленную — улыбку Рэдкотта, он приободрился и продолжил: — Я коммивояжер, моя фамилия Эгг, Монтегю Эгг, представляю компанию “Пламмет и Роуз, Вина и крепкие напитки, Пикадилли”. Можно узнать, что плохо в слове “первокуры”? Есть ли в нем что-нибудь обидное?

Мистер Рэдкотт покраснел до корней своих льняных волос.

— Мне очень стыдно, — выпалил он, смутившись как школьник. — Сморгзил глупость. Чертов сосед.

— Ничего страшного, — сказал Монти.

— Не хотел никого обидеть. Но этот Флэзерс меня бесит. Ему следовало бы знать, что никто не говорит “первокуры”, кроме городских, журналистов и приезжих.

— А как надо говорить? “Первокурсники”?

— “Первокурсники” — это правильно.

— Премного вам обязан, — сказал Монти. — Всегда стремлюсь учиться. В таких вещах легко сделать ошибку и потерять расположение клиента. В “Справочнике коммивояжера” об этом ничего не сказано; придется придумать мнемонику. Минутку. Так пойдет? “Звать оксфордского парня...”

— Я бы сказал “оксфордца”, это более распространенное выражение.

— Да-да. “Звать оксфордца не надо первокурор — невежество такое на смех курам”. Легко запомнить.

— У вас талант к таким вещам. — Новая поговорка позабавила Рэдкотта.

— Не исключено, — признал Монти, слегка польщенный. — В Кембридже то же самое?

— Безусловно, — ответил товарищ Рэдкотта. — И можете добавить: “Сжать университет до универа — противно и к тому же устарело”. Рифма не удалась. У слова “универ” аромат девяностых.

— Как и у портвейна, который я предлагаю, — сияя, сказал мистер Эгг. — Но переговоры, конечно, надо вести на современном уровне; ловко, но без развязности. Хороший вкус — наш приоритет в торговле вином и крепкими напитками. Премного вам обязан, джентльмены, за вашу помощь. Я впервые в Оксфорде.

Не подскажете, где здесь Пентекост-колледж*? У меня рекомендательное письмо к одному джентльмену оттуда.

— Пентекост? — сказал Рэдкотт. — Я бы на вашем месте начал с другого колледжа.

— С другого? — переспросил мистер Эгг, подозревая какие-то тонкости университетского этикета. — А почему?

— Потому что, — к его удивлению, ответил Рэдкотт, — я понял из речи злосчастного Флэзерса, что какой-то добрый человек только что убил ректора, и я не уверен, что в этих обстоятельствах казначей сможет уделить подобающее внимание достоинствам различных урожаев.

— Убил ректора? — повторил мистер Эгг.

— Шлепнул его, как говорят, в прямом смысле, куском кирпича в носке, когда тот возвращался домой после своей коронной лекции об энклитиках** у Платона. Разумеется, все античники под подозрением, но я лично думаю, что это сам Флэзерс и сделал. Вы, верно, слышали, как он сообщал нам, что суд всегда настигает злодея, и приглашал на собрание в Южной аудитории — молиться и каяться. Такие люди опасны.

— А ректор Пентекоста был злодеем?

— Он написал несколько ученых книг, опровергающих существование Провидения; должен признать, что я, как и все в Пентекосте, всегда считал его одной из досаднейших ошибок

* Вымышленный колледж.

** Энклитика — безударное слово, находящееся позади ударного, как частицы “бы” и “же” в русском языке.

— У вас талант к таким вещам. — Новая поговорка позабавила Рэдкотта.

природы. Но, на мой взгляд, убивать его чуть ли не на пороге собственного дома — безвкусица. Нехорошо отвлекать людей от подготовки к экзаменам — ведь экзекуция уже на следующей неделе. И придется отменить бал в День памяти основателей. Кроме того, вызвали полицию, и в профес-

сорской будут недовольны тем, что полиция ходит по газону. Но, увы, что сделано, того не вернешь. Перейдем к более приятной теме. Как я понимаю, вы хотели бы избавиться от некоторого количества портвейна. Я, со своей стороны, недавно понес тяжелую утрату по вине ватаги развеселых

гребцов*, которые пару дней назад вторглись в мои апартаменты и вылили последнюю дюжину кокбурна** четвертого года в свои бесчувственные луженые глотки. Если вы не против пройти со мной до Пентекоста, захватив с собой свои брошюры, мы сможем заняться делом.

Мистер Эгг ответил, что рад принять приглашение Рэдкотта, и вскоре уже трусил вдоль Корнмаркета за своим рослым провожатым. На углу Брод-стрит второй первокурсник их покинул, а они свернули, прошли мимо Бэйлиола и Тринити, мирно дремавших на солнце, и вскоре подошли к главному входу Пентекоста.

Как раз в этот момент невысокий пожилой человек в легком плаще, с перекинутой через руку магистерской мантией близоруко брел через улицу со стороны Бодлеанской библиотеки. Проезжавшая мимо машина чуть не отправила его в вечность, но Рэдкотт загреб его своей длинной рукой и втянул на безопасный тротуар.

— Осторожнее, мистер Темпл, — сказал Рэдкотт, — а то следующим убьют вас.

— Убьют? — мигая, спросил мистер Темпл. — А, вы про автомобиль. Но я видел, что он подъезжает. Вполне четко видел. Да-да. Но почему “следующим”? Еще кого-то убили?

* В Оксфорде гребные команды накануне соревнований имеют право вторгнуться в комнаты любого студента и опустошить его запасы еды и спиртного.

** “Кокбурн Порт” (Cockburn Port) — самая известная в Англии марка престижного португальского портвейна. Названа по имени виноторговца Р. Кокбуерна, открывшего свое дело сразу после Наполеоновских войн.

— Только ректора Пентекоста, — сказал Рэдкотт, уцепив мистера Эгга за руку.

— Ректора? Доктора Гриби? Не может быть! Убили? Боже мой! Бедный Гриби! Я целый день не смогу сосредоточиться на работе. — В его бледно-голубых глазах показалась странная нерешительность. — Правосудие вершится медленно, но неотвратимо. Да-да. Меч Господа и Гедеона***. Кровь — это всегда так неприятно, не правда ли? Но я умыл руки****. — Он вытянул оберуки и озадаченно посмотрел на них. — Ну что ж: бедный Гриби заплатил за свои грехи. Простите, что убегаю от вас — у меня срочное дело в полицейском участке.

— Если вы хотите признаться в убийстве, мистер Темпл, — сказал мистер Рэдкотт, снова уцепив Монти за руку, — то лучше пойдете с нами. На месте преступления наверняка полно полиции.

— Да-да, конечно же они там. Да. Вы очень внимательны. Это сэкономит много времени, а мне как раз надо дописать важную главу. Прекрасный день, не правда ли, мистер, — боюсь, что не знаю вашего имени. Или знаю? К сожалению, я все забываю.

Рэдкотт назвался, и странная троица направилась к главному входу в колледж. Большие ворота были закрыты; у боковой двери стоял прикратник, а рядом с ним — массивная

*** Боевой клич, с которым воины Израиля под предводительством Гедеона набросились на мадианитян (см. Суд. 7:18).

**** См. Мф. 27:24: “Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы”.

фигура в синем, которая строго спросила их имена.

Рэдкотт, узанный привратником, предъявил Монти и объяснил, кто он такой.

— А это, — продолжил он, — разумеется, мистер Темпл. Вы его знаете. Он ищет суперинтенданта.

— Так точно, сэр, — ответил полицейский. — Шеф в галерее. Опять за свое небось? — добавил он, пока тщедушный мистер Темпл ковылял по широкому, залитому солнцем двору.

— Ну да, — сказал Рэдкотт. — Пулей понесся. Старик небось в восторге, что убийство случилось так близко к дому. Где это было в прошлый раз?

— В Линкольне, сэр; в прошлый вторник. Молодой парень застрелил свою жену в соборе. На следующий день мистер Темпл перед обедом уже был в участке и объяснял, что убил бедную девушку, потому что она была женой, сидящей на звере багряном*.

— У мистера Темпла есть призвание, — сказал Рэдкотт. — Он — меч Господа и Гедеона. Каждый раз, когда в этой стране совершается убийство, мистер Темпл берет на себя ответственность. Нельзя не отметить, что всегда находятся свидетельства, что его телесная оболочка мирно пребывала в постели или в Бодлеанской библиотеке, когда совершалось грязное дело, но для философа-идеалиста это не должно представлять затруднений. Но что же, собственно, случилось с ректором?

* См. Откр. 17:3. "И повел меня в духе в пустыню: и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами".

— Сэр, вы знаете этот закуток между галереей и домом ректора? Сегодня утром в десять двадцать доктора Гриби нашли там мертвым, вокруг валялись его записи, а возле головы лежал кусок кирпича в носке. У него в девять утра была лекция в аудитории, выходящей в Главный двор, и, насколько нам известно, он покинул ее последним. В начале одиннадцати группа леди и джентльменов из Америки проходила по галерее, они говорят, что никого не видели, но, разумеется, сэр, убийца мог быть в закутке, потому что они пошли не туда, а сквозь Арку Бонифация во внутренний двор к часовне. Один из молодых джентльменов говорит, что видел, как ректор переходил главный двор по пути в галерею в пять минут одиннадцатого, так что он был бы в закутке через пару минут. Региус-профессор** морфологии проходил мимо в десять двадцать и нашел тело, а когда через пять минут прибыл врач, он сказал, что с момента смерти прошло где-то четверть часа. Так что, как видите, это произошло примерно в десять десять, сэр.

— А когда американцы ушли из часовни?

— Да в том-то и дело, сэр! — ответил констебль. Он не прочь все рассказать, подумал мистер Эгг, и справедливо заключил, что оксфордская полиция хорошо знает мистера Рэдкотта, причем с лучшей стороны. — Если бы эта компания отправилась назад по галерее, они могли бы нам

** Региус-профессор — профессор, ставка которого была учреждена английским королем. В Оксфордском университете восемь таких ставок, и должности профессора морфологии среди них нет.

что-то рассказать. Но они пошли другим путем: сквозь внутренний двор в сад, а служба не уходил из часовни, потому что одна леди только что вошла и хотела рассмотреть резьбу на запрестольной перегородке.

— А леди тоже проходила по галерее?

— Да, сэр, и именно ее мы хотим найти, потому что кажется, что она была в галерее почти в самый момент убийства. Она появилась в часовне как раз в десять пятнадцать, потому что служба помнит, что через несколько минут после ее прихода пробили часы и она восхитилась красотой мелодии. Вы ведь видели, как леди вошла, мистер Дэббс?

— Я видел *какую-то* леди, — ответил привратник, — но мимо меня часто проходят разные леди. Эта пришла со стороны Бодлеанской библиотеки около десяти. Пожилая леди, одета несколько старомодно, юбка до пят, шляпа такая, в виде вороньего гнезда, с резинкой сзади. Я подумал, что это может быть преподавательница, — по крайней мере, вид был именно такой. И у нее был тик — знаете, головой слегка дергала. Их таких сотни. Садятся в галерею и слушают, как фонтан журчит и птички поют. Такая не заметила бы ни труп, ни убийцы, а если бы и заметила, то все равно бы не поняла что к чему. Я эту леди больше не встречал, так что она, наверное, вышла через сад.

— Очень может быть, — сказал Рэдкотт. — Можно, мы с мистером Эггом пройдем по галерее, констебль? А то это единственный путь в мою комна-

ту, если только не обходить через ворота Святой Схоластики*.

— Все остальные ворота заперты, сэр. Проходите, поговорите с шефом — он вас пропустит. Он в галерее с профессором Стейнзом и доктором Мойлем.

— Библиотекарем? А он здесь причем?

— Они думают, он может знать леди, сэр, если она читатель Бодлеанской библиотеки.

— А, ясно. Пойдемте, мистер Эгг.

Рэдкотт провел своего гостя через главный двор и тесный темный проход в его углу в прохладную тень галереи. Обрамленная древними каменными аркадами, зеленая лужайка тихо дремала в полуденном зное. Они шагали через полосы света и тени на каменном полу, и ничто не нарушало тишины, кроме звука их шагов, плеска и журчания маленького фонтана и приглушенного чириканья зябликов. Примерно на середине северной стороны галереи был другой сумрачный крытый проход, у которого стоял на коленях сержант полиции и осматривал пол, освещая его электрическим фонариком.

— Привет, сержант! — сказал Рэдкотт. — Играете в Шерлока Холмса? Покажите нам кровавые следы.

— К сожалению, сэр, крови нет. Лучше бы была. И следов тоже нет. Бедного джентльмена огрели тупым предметом, и мы думаем, что убийца для этого залез вот сюда, сэр, потому что покойный был высокого роста и его ударили прямо по макушке. —

* *Святая Схоластика* (ок. 480 — ок. 547) — христианская святая, сестра-близнец св. Бенедикта Нурсийского.

Сержант указал на маленькую нишу, похожую на заложенное кирпичом окно, футах в четырех над землей. — Похоже, что он ждал здесь, сэр, пока доктор Гриби пройдет мимо.

— По-видимому, он хорошо знал привычки своей жертвы, — предположил мистер Эгг.

— Совершенно не обязательно, — возразил Рэдкотт. — Ему было достаточно посмотреть на расписание лекций, чтобы узнать место и время. Этот проход ведет к дому ректора и профессорскому дворику, и больше никуда, и именно этим путем доктор Гриби должен был возвращаться после лекции, если у него не было лекции в другом месте, а ее не было. Весьма крепкий был ваш убийца, сержант, раз смог сюда забраться. По крайней мере... Хотя...

Прежде чем полицейский успел остановить его, Рэдкотт оперся рукой о край ниши, а ногой встал на выступ кладки под ней и одним махом оказался наверху.

— Эй, сэр! Спуститесь, пожалуйста. Шефу это не понравится.

— Почему? Ой, черт! Отпечатки пальцев, наверно. Я забыл. Ничего страшного; можете снять мои, если вам надо, для сравнения. Попрактикуйтесь. В общем, и грудной ребенок может туда забраться. Пойдемте, мистер Эгг; нам лучше смыться, пока меня не арестовали за то, что я препятствую ходу следствия.

В этот момент в проходе показалось несколько человек, и один из них, профессор, обеспокоенно окликнул Рэдкотта:

— А, мистер Рэдкотт! Минутку, суперинтендант, этот джентльмен мо-

жет рассказать вам то, что вы хотите знать; он был на лекции доктора Гриби. Так, мистер Рэдкотт?

— Ну, не совсем так, сэр, — ответил несколько смущенный Рэдкотт. — Я должен был там быть, но по несчастливому стечению обстоятельств я прогулял — то есть я был на реке, сэр, и не вернулся вовремя.

— Какая досада, — сказал профессор Стейнз, а суперинтендант только заметил:

— Есть свидетели вашего пребывания на реке, сэр?

— Нет, — ответил Рэдкотт. — Я был один в лодке, в заводи, усердно изучал Аристотеля. Но я не убивал ректора, ей-богу. Его лекции были — если можно так выразиться — скучноватые, но не настолько невыносимые.

— Это очень дерзкое замечание, мистер Рэдкотт, — сурово сказал профессор, — и в дурном вкусе.

Суперинтендант, промямлив что-то про формальности, занес в записную книжку время ухода и возвращения мистера Рэдкотта с его слов, а затем сказал:

— Я думаю, что могу больше не задерживать вас, джентльмены. Если вы снова нам понадобится, мистер Темпл, мы дадим вам знать.

— Конечно-конечно. Я просто съем сэндвич в кафе и вернусь в библиотеку. Что касается леди, я только могу повторить, что она сидела за моим столом примерно с половины десятого почти до десяти и вернулась в десять тридцать. Ужасно мельтешила и отвлекала. Я очень хочу, доктор Мойль, чтобы этот стол закрепили за мной или чтобы мне дали отдельное место в библиотеке. Леди всегда мель-

тешат и отвлекают. Она была еще там, когда я ушел, но я надеюсь, что больше с ней не встречу. Вы уверены, что не хотите меня арестовать? Я к вашим услугам.

— Пока нет, сэр. Мы с вами свяжемся.

— Спасибо, спасибо. Я хотел бы закончить главу. Пока что я желаю вам всего хорошего.

Маленькая согбенная фигурка побрела прочь, а суперинтендант разительно покрутил пальцем у виска.

— Бедный джентльмен! Конечно, совершенно безобидный. Мне не надо спрашивать вас, доктор Мойль, где он был в это время?

— Он был в своем обычном углу Зала герцога Хамфри. Он так и говорит, если его спросить. В любом случае, я точно знаю, что он был там этим утром, потому что он взял фиктивную и, разумеется, должен был обратиться за ней лично ко мне. Он попросил ее в десять тридцать и вернул в двенадцать пятнадцать. Что касается леди, мне кажется, что я видел ее раньше. Одна из ученых дам старой школы, я думаю. Если она не из университета, то у меня должны быть где-то ее имя и адрес, но она, конечно, может быть членом одного из колледжей. Я боюсь, что я не смог бы запомнить их всех в лицо. Но я спрошу. На самом деле вполне возможно, что она все еще в библиотеке, но если ушла, Франклин может знать, когда она ушла и кто она такая. Я немедленно займусь этим. Нет нужды говорить, профессор, сколь глубоко я скорблю по этому горестному поводу. Бедный Гриби! Какая утрата для классической филологии!

В этот момент Рэдкотт тихо увел мистера Эгга. Несколькими ярдами дальше по галерее они повернули в другой, заметно более широкий проход, откуда попали во внутренний двор, одна сторона которого была занята часовней. Поднявшись на три пролета по каменной лестнице с противоположной стороны, они прошли в комнаты Рэдкотта, где студент усадил своего нового знакомого в кресло и, достав из-под приоконника несколько бутылок пива, попросил своего гостя быть как дома.

— Вот, — заметил он через некоторое время, — вы получили весьма яркое представление об оксфордской жизни — одно убийство и один безумец. Бедный старина Темпл. Одна из наших достопримечательностей. Был членом колледжа в незапамятные времена. Потом была какая-то

неразбериха, и он исчез на некоторое время. Потом снова появился, через десять лет, совершенно двинутый; поселился на Холивелл-стрит и ходит то в Бодлеанку, то в полицию. Хороший специалист по греческому. Вполне вменяемый, кроме одного пунктика. Я надеюсь, что старина Мойль найдет эту таинственную леди, хотя глупо утверждать, что они отмечают всех, кто пользуется библиотекой. Нужно только войти твердым шагом, как будто ты здесь хозяин, и, если тебя окликнут, сказать громким, обиженным тоном, что ты уже много лет постоянный читатель. А если надеть мантию, то даже не окликнут.

— В самом деле? — спросил мистер Эгг.

— Попробуйте, если хотите. Возьмите мою мантию, добредите до Бодлеанки, прошагайте прямо мимо витрин сквозь турникет с надписью "Только для читателей" в Зал герцога Хамфри; делайте что хотите, только не воруйте книги и не устраивайте пожара, и если вам кто-нибудь что-нибудь скажет, я закажу у вас шесть дюжин чего хотите. Честные условия, не так ли?

Мистер Эгг с готовностью принял это предложение и через несколько мгновений, облачившись в мантию стипендиата, поднимался по лестнице в самую знаменитую библиотеку Англии. С легкой дрожью он толкнул крутящуюся стеклянную дверь и окунулся в священный аромат плесневевших кожаных переплетов, присутствующий таким храмам знания.

У входа доктор Мойль разговаривал с привратником. Мистер Эгг, непринужденно наклонившись,

чтобы рассмотреть непонятный манускрипт в витрине, прекрасно слышал их разговор, поскольку они, как и все сотрудники библиотек, не имели обыкновения понижать голос.

— Я знаю эту леди, доктор Мойль. То есть она здесь несколько раз была в последнее время. Обычно она в магистерской мантии. Я видел ее здесь утром, но не заметил, когда она ушла. Не знаю, как ее зовут, но раз она магистр...

Мистер Эгг не стал слушать дальше. У него наклюнулась идея. Он смело толкнул турникет и прошествовал вперед по торжественному средневековому Залу герцога Хамфри. В самом дальнем и сумрачном эркере он заметил мистера Темпла, который, по-видимому, съев сэндвич и забыв про убийство, сидел в одиночестве среди кучи томов отталкивающего вида и деловито писал; перед ним стоял большой открытый портфель, полный бумаг.

Наклонившись над столом, мистер Эгг обратился к старику требовательным шепотом:

— Прошу прощения, сэр. Суперинтендант попросил меня сказать, что они, кажется, нашли ту самую леди и он будет рад, если вы немедленно подойдете, чтобы ее опознать.

— Леди? — Мистер Темпл неуверенно поднял глаза. — Ах да, леди. Конечно. Немедленно? Это мне не очень удобно. Это действительно так срочно?

— Они сказали не терять времени, сэр, — ответил мистер Эгг.

Мистер Темпл что-то промямлил, встал, казалось размышляя, стоит ли убрать бумаги со стола, наконец

сгреб их все в раздувшийся портфель и застегнул его.

— Позвольте, я понесу, сэр, — сказал Монти, хватая портфель, и быстро вывел мистера Темпла наружу. — Они, кажется, все еще в галерее, но суперинтендант сказал, не будете ли вы любезны подождать его пару минут в привратницкой. Вот мы и пришли.

Он поручил мистера Темпла и его портфель заботам привратника, который был слегка удивлен, увидев мистера Эгга в академическом облачении, но, услышав про суперинтенданта, решил смолчать. Мистер Эгг поспешил через двор и галерею и бегом поднялся к мистеру Рэдкотту.

— Прошу прощения, сэр, — обратился он, запыхавшись, к этому молодому джентльмену, — а что такое фи-книга?

— Фи-книга, — ответил слегка удивленный Рэдкотт, — это такая книга, которую бодлеанский библиотекарь считает оскорбительной для изысканных чувств; какой-то допотопный юморист отнес эти книги в каталоге к греческой букве “фи”. А что?

— Понимаете, — сказал мистер Эгг, — я только что подумал, как легко кому угодно войти в Бодлеанскую библиотеку, переодеться в дальнем углу, скажем, в Зале герцога Хамфри, выйти, совершить убийство, вернуться, переодеться обратно и снова выйти. Никто не помешает человеку войти опять, если видели, как он — или она — выходил перед этим, особенно если он уже входил в библиотеку в этом обличье. Достаточно переодеться и надеть магистерскую мантию.

— И на что же вы намекаете?

— На эту леди, которая была в галерее во время убийства. Мистер Темпл говорит, что она сидела за его столом. Но не странно ли, что мистер Темпл специально привлек к себе внимание, попросив фи-книгу именно сегодня? Если он был когда-то членом этого колледжа, то он знает, каким путем мистер Гриби возвращается с лекции; вероятно, мистер Темпл имел зуб на мистера Гриби из-за того старого происшествия, в чем бы оно ни заключалось. И про нишу в стене он тоже знал. И у него с собой портфель, в который легко влезет дамская шляпка и юбка, достаточно длинная, чтобы спрятать брюки. И зачем он в такой жаркий день в плаще, если не для того, чтобы скрыть верхнюю часть своего наряда? Не то чтобы это было мое дело, но, э-э, я позволил себе задуматься над этим. Я оставил Темпла под присмотром привратника, и портфель тоже.

У мистера Эгга едва хватило дыхания на эту тираду. Рэдкотт изумленно уставился на него.

— Темпл? Мой дорогой, да вы тоже свихнулись. Он же всегда признается — и в этот раз признался, — не скажете же вы...

— Может быть, я и не прав, — сказал мистер Эгг. — Но ведь есть басня про мальчика, который так часто кричал “Волк!”, что никто ему не поверил, когда волк наконец-то пришел! В “Справочнике коммивояжера” есть афоризм, который я всегда с удовольствием перечитываю. Он гласит: “Искусство коммивояжера — не ошарашить в разговоре, ведь если вид у правды странный, то все сочтут ее обманом”. Тонко подмечено, правда?

ДОРОТИ Л. СЭЙЕРС

Толбойз*

— О
тец!

— Да, сын мой.

— Вы помните эти персики мистера Паффета, большущие, прямо огромные, которые вы мне сказали не рвать?

— Да?

— Вот я их рванул.

Лорд Питер Уимзи перевернулся на спину и в ужасе уставился на своего отпрыска. Его жена отложила шитье.

— Что за хулиганство, Бредон! Бедный мистер Паффет собирался выставить их на цветочной выставке**.

— Ну, мамочка, я не специально. Это на спор.

Ограничившись таким своеобразным объяснением, мастер Бредон Уимзи снова обратил свой честный взгляд на отца. Отец застонал и сел.

— И что, обязательно ставить меня в известность? Я надеюсь, Бредон, что из тебя не вырастет зануда.

— Понимаете, отец, мистер Паффет меня увидел. И он собирается зайти к вам на пару слов, только чистый воротничок наденет.

* Толбойз — название деревенского дома в северном Хартфордшире, который Питер подарил Гарриет на свадьбу. Гарриет росла неподалеку и всегда восхищалась этим старым фермерским домом тюдоровской постройки.

** См. глоссарий (27).

— А, понятно, — с облегчением сказал его светлость. — И ты решил, что лучше разобраться с этим делом сейчас, пока версия другой стороны не разгневала меня еще сильнее?

— Если вы не против, сэр.

— Это, по крайней мере, разумный подход. Хорошо, Бредон. Поднимись в мою спальню и приготовься к экзекуции. Трость за туалетным столиком.

— Да, отец. Вы ведь скоро придете, сэр?

— Я оставлю тебе ровно столько времени, сколько нужно, чтобы осознать содеянное и раскаяться. Вперед!

Нарушитель поспешил в направлении дома и скрылся из виду, экзекутор же тяжело поднялся на ноги и неторопливо зашагал следом, грозно закатывая рукава.

— О боже! — воскликнула мисс Кверк. Она в ужасе смотрела сквозь очки на Гарриет, которая безмятежно вернулась к своим лоскуткам. — Но вы ведь конечно же не позволите ему хлестать тростью этого малютку?

— Позволю? — Вопрос позабавил Гарриет. — Вряд ли это подходящее слово.

— Но, Гарриет, милая, так же нельзя. Вы не понимаете, как это опасно.

Он может необратимо травмировать мальчика. Надо переубеждать этих маленьких людей, а не ломать их дух жестокостью. Когда вы так унижаете ребенка и причиняете ему боль, вы заставляете его чувствовать себя беспомощным и неполноценным, и все это подавленное возмущение прорвется потом самым необычным и ужасающим образом.

— Да я не думаю, что он возмущается, — сказала Гарриет. — Он привязан к своему отцу.

— Ну если так, — парировала мисс Кверк, — то это какой-то мазохизм, и его надо прекратить, то есть плавно увести в другом направлении. Это противоестественно. Как можно испытывать *здоровую* привязанность к тому, кто тебя бьет?

— Не знаю; но так часто бывает. Мать Питера лупцевала его шлепанцем, и они всегда были лучшими друзьями.

— Если бы у меня был собственный ребенок, — сказала мисс Кверк, — я бы никому не позволила и пальцем его тронуть. Всех моих маленьких племянников и племянниц воспитывают по современным просвещенным принципам. Они даже не знают слова “нельзя”. Вот посмотрите, что получается. Именно *потому*, что вашему мальчику сказали не рвать персики, он их сорвал. Если бы ему не запретили, он бы не был непослушным.

— Да, — сказала Гарриет, — я думаю, так оно и есть. Он бы все равно сорвал персики, но непослушания в этом бы не было.

— Вот именно! — торжествующе воскликнула мисс Кверк. — Видите: вы выдумываете преступление, а по-

том наказываете за него бедного ребенка. К тому же если бы не запрет, он бы оставил фрукты в покое.

— Вы не знаете Бредона. Он ничего не оставляет в покое.

— Конечно, — сказала мисс Кверк, — и не оставит, пока вы будете окружать его запретами. Он берет чужое в знак протеста.

— Ну, он нечасто так протестует; с другой стороны, конечно, трудно отказать от спора с таким большим мальчиком, как Джордж Уоггет. Я думаю, это был Джордж, как всегда.

— Несомненно, — заметила мисс Кверк, — все деревенские дети воспитаны в атмосфере придирок и ответного протеста. Такие вещи разны. Демократические принципы — это прекрасно, но я не думаю, что разумно допускать контакт вашего мальчика с заразой.

— Вы бы запретили ему играть с Джорджем Уоггетом?

Мисс Кверк была начеку:

— Я никому бы ничего не *запрещала*. Я попыталась бы подыскать ребенку более подходящую компанию. Можно было бы стимулировать заботу Бредона о его маленьком братишке, это дало бы полезный выход его энергии и позволило бы ему чувствовать свою значимость.

— Ой, да он и так очень добр к Роджеру, — спокойно сказала Гарриет. Она подняла глаза и увидела, как наказующий и наказанный выходят из дома, взявшись за руки. — По-моему, они большие друзья. Бредон был очень горд, когда его повысили до трости; он считает, что это благородно и по-взрослому... Ну, разбойник, сколько тебе досталось?

— Три, — доверительно сказал мастер Бредон. — Ужасно сильных. Один за хулиганство, один за то, что был таким ослом, что попался, и один за то, что в жаркий день немо-верно всем мешал.

— О господи, — сказала мисс Кверк, сраженная подобной безнравственностью. — А ты сожалеешь, что сорвал персики бедного мистера Паффета и ему не достанется приза на выставке?

Бредон посмотрел на нее с удивлением.

— Мы с этим закончили, — сказал он с ноткой возмущения в голосе.

Отец решил, что стоит вмешаться.

— В этом доме такое правило, — объявил он, — после того как нас отхлестали, больше ничего говорить нельзя. Тема выводится из обращения.

— Ох, — сказала мисс Кверк. Она все еще чувствовала, что надо как-то подержать жертву жестокости и смягчить психологические последствия. — Раз ты хороший мальчик, не хочешь теперь посидеть у меня на коленях?

— Нет, спасибо, — сказал Бредон. Воспитание или естественная вежливость подсказали ему, что нужен более развернутый ответ. — Но все равно большое вам спасибо.

— В жизни не слышал более бестактного предложения, — сказал Питер.

Он плюхнулся на шезлонг, схватил своего сына и наследника за ремень и лицом вниз положил его себе поперек колен.

— Полдник тебе придется есть на четвереньках*, как Навуходоносору.

— Кто такой Навуходоносор?

— Навуходоносор, царь Иудейский**... — начал было Питер. Его версия беззаконий этого персонажа была прервана появлением из-за дома плотной мужской фигуры, вопреки сезону одетой в свитер, вельветовые брюки и котелок. — “Сбылось проклятие мое, воскликнула Шалотт”.

— Кто такая Шалотт?

— Перед сном расскажу. Вон идет мистер Паффет, дыша угрозами и убийством***. Нам придется встать и встретить его лицом к лицу. Добрый день, Паффет.

— День добрый, мялорди мяледи, — сказал мистер Паффет. Он снял котелок и стер струящийся пот солба. — И мисс, — добавил он с невнятным жестом в сторону мисс Кверк. — Я осмелился, мялорд, зайти...

— Это, — сказал Питер, — было очень любезно с вашей стороны. Иначе, разумеется, мы бы сами зашли к вам и попросили бы прощения. Нами овладело неожиданное непреодолимое стремление, обусловленное, пожалуй, красотой плодов и рискованным характером предприятия. Мы очень надеемся, что оставшегося хватит для цветочной выставки, и проследим, чтобы подобное не повторилось. Мы хотели бы отметить, что уже приняты справедливые меры в виде трех горячих, но если нас ожидает еще что-нибудь, мы постараемся принять это с подобающим раскаянием.

— Ну вот! — огорчился мистер Паффет. — Я так Джинни и сказал: Джинни, грю, надеюсь, молодой джентль-

* См.: Дан. 4:30-31.

** На самом деле — вавилонский.

*** Деян. 9:1.

мен не расскажет ихней светлости. Они небось рассердятся, грю, и того гляди ему всыпят. "Ой, папаша, — грит она, — беги скорей, плюнь на парадный пиджак, и скажи ихней светлости, что он не рвал, разве пару персиков, и много еще осталось". Ну я спешу как могу, только сполоснуться пришлось, а то из свинарника, да воротничок чистый одел; но годы уже не те, и солидность выросла, на холм уже так быстро не поднимусь. Не за что было лупить молодого джентльмена, мялорд: я его поймал, пока он много не напортил. Мальцы они мальцы и есть — и чем хошь поручусь, его кто-то из этих дьяволят подбил, прошу прощения, мяледи.

— Что ж, Бредон, — сказал отец, — со стороны мистера Паффета очень любезно так подойти к делу. Проводика мистера Паффета в дом и попроси Бантера нацедить ему стакан пива. А по дороге можешь сказать ему все, что тебе подсказывают лучшие чувства.

Он подождал, пока эта странная пара прошла половину газона, и окликнул гостя:

— Паффет?

— Да, мялорд? — сказал мистер Паффет, возвращаясь один.

— А на самом деле большой был ущерб?

— Нет, мялорд. Я грю, всего два персика, я вовремя вышел из-за сарая, и его как ветром сдуло.

— Слава богу! С его слов я подумал, что он все слопал. И вот что, Паффет. Не спрашивайте Бредона, кто его на это подбил. Он вряд ли скажет, но почувствует себя немножко героем, оттого что промолчал.

— Понял, — сказал мистер Паффет. — Настоящий бла-ародный молодой джентльмен, а?

Он подмигнул и грузно зашагал догонять раскаивающегося грабителя.

Все думали, что инцидент исчерпан; и все (кроме мисс Кверк) очень удивились, когда на следующее утро* мистер Паффет пришел во время завтрака и без предисловий заявил:

— Прошу прощения, мялорд, но у меня все мои персики ночью ободрали, и мне бы узнать кто.

— Оборвали все персики, Паффет?

— Все до единого, мялорд, по сути говоря. А завтра цветочная выставка.

— Оп-ля! — сказал мастер Бредон. Он поднял глаза от своей тарелки и обнаружил, что на него уставилась мисс Кверк.

— Это большое свинство, — сказал его светлость. — Вы кого-нибудь подозреваете? Или хотите, чтобы я помог вам разобраться в этом деле?

Мистер Паффет медленно перевернул котелок в своих широких ладонях.

— Не хочу беспокоить вашу светлость, — медленно сказал он. — Но мне подумалось, что кое-кто в этом доме может прояснить дело, как грится.

— Не думаю, — сказал Питер, — но легко спросить. Гарриет, не знаешь ли ты случайно чего-нибудь об исчезновении персиков мистера Паффета?

* Читателю, надеявшемуся услышать, что лорд Питер перед сном рассказал Бредону про Шалотт, сообщим, что это — героиня баллады Альфреда Теннисона *The Lady of Shalott* ("Волшебница Шалотт", 1833, вторая редакция 1842). Ей запрещалось смотреть на замок Камелот в окна своего замка, но она нарушила этот запрет.

*"War made in earnest maketh wars to cease,
And vigorous prosecution hastens peace."—TUKE.*

INDOOR WORKERS

When lack of exercise, excessive brain-work, or nerve strain makes you feel languid—tired—depressed—a little

“**FRUIT
SALT**”
TRADE MARK

in a glass of cold water will clear your head and tone your nerves.

This world-famed natural aperient gently stimulates the liver, the body's filter. With this important organ working properly the blood becomes pure and the nerves normal. Sound refreshing sleep, a clear brain, and good digestion are sure to follow.

Remember that “FRUIT SALT” has for upwards of forty years been known by the Trade and the Public to mean the saline preparation of J. C. ENO, and no other.

BEWARE OF IMITATIONS.

WHEN YOU ASK FOR “FRUIT SALT” SEE THAT YOU GET IT.

PREPARED ONLY BY J. C. ENO, LIMITED,
“FRUIT SALT” WORKS, POMEROY STREET, LONDON, S.E.
SOLD THROUGHOUT THE WORLD.

Гарриет покачала головой:

— Ничего. Роджер, лапочка, пожалуйста, не брызгай так яйцом. У тебя уже усы как у мистера Биллинга.

— Можешь ли ты нам помочь, Бредон?

— Нет.

— Что "нет"?

— Нет, сэр. Мама, можно, пожалуйста, я выйду из-за стола?

— Минуточку, солнышко. Ты не сложил салфетку.

— Ой, забыл.

— Мисс Кверк?

Мисс Кверк, пораженная этим за пирательством, не отрывала глаз от старшего мастера Уимзи и вздрогнула, услышав свое имя.

— Знаю ли я что-нибудь? Что ж! — Она колебалась. — Бредон, мне рассказать папе? Или ты лучше сам расскажешь?

Бредон быстро взглянул на отца, но не ответил. Этого и следовало ожидать. Бейте ребенка, и из него вырастет лгун и трус.

— Давай, — вкрадчиво сказала мисс Кверк, — будет *гораздо* приятнее, лучше и смелее признаться, правда же? Мама и папа очень расстроятся, если *мне* придется им рассказать.

— Что рассказать? — спросила Гарриет.

— Дорогая моя Гарриет, — сказала мисс Кверк, раздраженная этим глупым вопросом, — если я скажу что, я это расскажу, так ведь? А я совершенно *уверена*, что Бредон предпочел бы рассказать сам.

— Бредон, — сказал отец, — ты догадываешься, что имеет в виду мисс Кверк? Если да, то мо-

жешь рассказать и мы двинемся дальше.

— Нет, сэр. Я ничего не знаю о персиках мистера Паффета. Теперь можно я выйду из-за стола, мама, ну пожалуйста?

— Ох, Бредон! — укоризненно воскликнула мисс Кверк. — Я же тебя видела собственными глазами! Ни свет ни заря — в пять утра. Может, скажешь, что ты делал?

— А, это! — сказал Бредон и покраснел.

Мистер Паффет почесал в затылке.

— Что ты делал? — мягко спросила Гарриет. — Ты ведь не хулиганил, солнышко? Или это секрет?

Бредон кивнул.

— Да, секрет. Мы кое-чем занимались. — Он вздохнул. — Не думаю, что это хулиганство, мам.

— А я все же думаю, что это оно, — безнадежным тоном сказал Питер. — Так часто выходит с твоими секретами. Это не специально, я уверен, но есть у них такая особенность. Считай, что я тебя предупредил, Бредон, и больше так не делай, а лучше исправь то, что сделал, пока я об этом не узнал. Это ведь не имеет отношения к персикам мистера Паффета?

— Нет-нет, отец. Мама, пожалуйста, можно?..

— Да, милый, можешь выйти из-за стола. Но попроси разрешения у мисс Кверк.

— Мисс Кверк, позвольте мне, пожалуйста?

— Да, конечно, — траурным голосом сказала мисс Кверк.

Бредон быстро сполз со стула, сказал:

— Мне очень жаль, мистер Паффет, что так вышло с вашими персиками, — и вырвался на волю.

— Мне не хотелось об этом говорить, — сказала мисс Кверк, — но я думаю, мистер Паффет, что ваши персики в дровяном сарае. Я сегодня рано проснулась и увидела, как Бредон и еще один мальчик переходят двор, неся что-то в ведре. Я помахала им из окна, и они поспешили в сарай с весьма заговорщицким видом.

— Что же, Паффет, — сказал его светлость. — Все это очень прискорбно. Мне пойти и осмотреть место происшествия? Или вы хотите обыскать дровяной сарай? Я уверен, что ваших персиков там нет, хотя не знаю, на что вы там наткнетесь.

— Я был бы рад вашему совету, милорд, — ответил мистер Паффет, — коли у вас найдется время. Меня вот что ставит в тупик: там широкая грядка, а следов нет, так сказать, кроме разве следов молодого хозяина. А поскольку следы — это вроде стезя вашей светлости, я и осмелился прийти. Но мастер Бредон сказал, что это не он, и я думаю, что следы остались со вчерашнего, хотя как может хоть взрослый, хоть ребенок через эту самую сырую грядку перейти и ни следа не оставить, если у него крыльев нет, ни я, ни Джинни не разберем.

Мистер Том Паффет гордился своим огороженным садом. Он сам построил стену (будучи строителем по профессии) — это было красивое кирпичное сооружение в десять футов высотой, увенчанное со всех четырех сторон благородным парпетом

из бутылочных осколков. Сад лежал через дорогу от маленького домика, в котором жил хозяин с дочерью и зятем, в него вела добротная деревянная калитка, на ночь запиравшаяся на висячий замок. По бокам от него зеленели другие пышные сады; земля сзади была в глубоких бороздах и все еще сырая — солнце выглянуло только в последние дни.

— Вон ту калитку, — сказал мистер Паффет, — вчера заперли в девять вечера, как всегда, и когда я сегодня в семь утра пришел, она таки была заперта; так что тот, кто это сделал, должен был лезть через эту вот стену.

— Понятно, — ответил лорд Питер. — Мое демоническое дитя еще в нежном возрасте, но, должен признать, оно способно почти на все при должном наущении и поощрении. Все же я не думаю, что после вчерашнего мелкого происшествия он бы это сделал, а если бы и сделал, то, я уверен, признался бы.

— Думаю, вы правы, — согласился мистер Паффет, отпирая калитку, — хотя когда я был таким пацаном, как он, если бы эта старуха ко мне цеплялась, я бы что угодно сказал.

— Я тоже, — сказал Питер. — Это подруга моей невестки*, которой, как нам сказали, нужно отдохнуть в деревне. Нам всем, я чувствую, скоро нужно будет отдохнуть в городе. Хорошие у вас сливы. Хм. Гравий — не лучшая субстанция для следов.

— Не лучшая, — согласился мистер Паффет. Он провел гостя между ак-

* Невестка Хелен, жена Джеральда Уимзи, старшего брата лорда Питера, тоже плохо ладил с Питером. Об этом рассказано в нескольких предыдущих романах.

куратными клумбами и грядками в дальний конец сада. Там у подножия стены была полоса шириной футов в девять, середина которой была пуста, если не считать нескольких рядов позднего горошка. В дальней части, упиравшись в стену, стояло персиковое дерево, среди темной листвы которого розовел большой одинокий плод. Через грядку тянулся двойной ряд мелких следов.

— Вы рыхлили эту грядку после вчерашнего визита моего сына?

— Нет, милорд.

— Значит, он с тех пор здесь не появлялся. Это точно его следы — уж я-то знаю; я на них на своих клумбах посмотрелся. — Рот Питера слегка дернулся. — Смотрите! Он подошел очень осторожно, самым благородным образом стараясь не наступать на горошек. Он стянул один персик и проглотил его на месте. Я, с естественным для родителя беспокойством, задаюсь вопросом, выбросил ли он косточку, и с облегчением замечаю, что выбросил. Он пошел дальше, сорвал второй персик, вы вышли из-за сарая, он дернулся, как пойманный воришка, и в спешке убежал — на этот раз, к моему сожалению, наступив на горошек. Я надеюсь, что вторую косточку он тоже где-то оставил. Что же, Паффет, вы правы: других следов нет. Интересно, мог ли вор положить доску и пройти по ней?

— Здесь нет досок, — сказал мистер Паффет, — кроме той небольшой, с нее я рассаду сажаю. В ней три фута или около того. Хотите глянуть на нее, мялорд?

— Незачем. По некотором размышлении становится ясно, что не-

возможно перейти девятифутовую грядку по трехфутовой доске, не передвигая доску, и что нельзя одновременно стоять на доске и ее передвигать. Вы уверены, что другой нет? Да? Тогда этот вариант отпадает.

— Может, он с собой принес?

— Стены сада высокие, и залезть на них трудно даже без дополнительного бремени в виде девятифутовой доски. Кроме того, я практически уверен, что доской не пользовались. Иначе, я думаю, от ее краев остались бы какие-то следы. Нет, Паффет, эту грядку никто не пересекал. Кстати, не кажется ли вам странным то, что вор оставил нетронутым всего один большой персик? Он бросается в глаза. Просто шутки ради? Или — подождите минутку, что это?

Что-то привлекло его внимание у дальнего края грядки, футов на десять правее того места, где они стояли. Это был персик; твердый, красный и не совсем спелый. Лорд Питер поднял его и задумчиво повертел в руках.

— Вор сорвал персик, обнаружил, что он неспелый, и раздраженно швырнул его прочь. Похоже на правду, Паффет, как вы думаете? И если я не ошибаюсь, у подножия дерева разбросано довольно много свежих листьев. Часто ли, срывая персик, заодно обрывают листья?

Он в ожидании посмотрел на мистера Паффета, который ничего не ответил.

— Я думаю, — продолжил Питер, — мы пойдем и посмотрим с улицы.

Прямо за стеной шла полоса разросшейся травы. Мистер Паффет шел прямо к ней, но Питер задержал его повелительным жестом и проде-

монстировал прекрасный образчик сыскной работы в классическом стиле. Его светлость, растянувшись на животе, осторожно засовывал свой длинный нос и длинные пальцы в каждый пучок травы, а мистер Паффет стоял, расставив ноги и упершись руками в колени, и взволнованно смотрел на него. Наконец сыщик сел на корточки и сказал:

— Все ясно, Паффет. Это были двое мужчин. Они пришли по улице со стороны деревни в подбитых гвоздями ботинках и принесли лестницу. Они поставили лестницу здесь; трава, как видите, до сих пор слегка примята, и в земле две отчетливые вмятины. Один залез наверх и оборвал персики, а другой, я думаю, стоял внизу на страже и принимал добычу в сумку, корзину или что-то в этом роде. Это не детская шалость, Паффет; по ширине шага видно, что это взрослые мужчины. Каких врагов вы нажили себе в вашем безобидном деле? Или кто ваши главные соперники по части персиков?

— Ну как, — неторопливо сказал мистер Паффет, — викарий наш там персики выставляет, и доктор Джеллибэнд из Грейт-Пэгфорда, и Джек Бейкер — это полицейский наш, значит; приехал, когда Джо Селлон отправился в Канаду. И еще старина Крич; мы с ним поспорили из-за дымохода. И Мэггс, кузнец, — ему не по нраву пришлось, когда я в прошлом году утер ему нос своими кабачками. А, еще Уоггет, мясник, он персики выставляет. Но не знаю, кто бы из них мог провернуть такую штуку. И еще, мялорд, как они достали персики? Им было не дотянуться с лестницы,

да и со стены, не говоря о том, что на этих осколках не посидишь. Дерево на пять футов ниже стены.

— Это просто, — сказал Питер. — Подумайте про оборванные листья и персик на краю грядки и представьте себе, как бы вы это проделали. Кстати, если вам нужны доказательства того, что крали с этой стороны, возьмите лестницу и посмотрите. Чем хотите поручусь: вы увидите, что один оставшийся персик скрыт под листьями от любого, кто смотрит на него сверху, хотя он вполне отчетливо виден из сада. Нет, трудность не в том, чтобы понять, как это сделали; трудность в том, чтобы схватить преступников. К сожалению, нет ни одного следа, достаточно четкого, чтобы разобрать весь рисунок гвоздей на подошвах.

Он поразмышлял минуту, пока мистер Паффет смотрел на него с таким видом, словно ждал, что ему непременно покажут очередной чудесный фокус.

— Можно обойти все дома, — продолжил его светлость, — и спросить или поискать. Но удивительно, как бесследно исчезают предметы и как мгновенно замолкают люди, если начинаешь задавать вопросы. Особенно дети. Вот что, Паффет, не исключено, что мой блудный сын все-таки прольет на это некоторый свет. Но позвольте провести допрос мне — тут нужен особый подход.

Есть один недостаток у отъезда из городского дома с десятью слугами в отдаленную деревушку. Когда вы втиснулись в дом сами и втиснули туда трех детей, и незаменимого слугу, и

столь же незаменимую и преданную служанку, то пространство и время оказываются почти полностью занятыми. Можно, забрав мужа к себе в комнату и разместив двух старших детей в его гардеробной, поместить еще одну особу — какую-нибудь мисс Кверк, — которую тебя попросили приютить; но невозможно бегать за этой особой целый день и следить, чтобы с ней ничего не стряслось. Особенно если ты пишешь романы, а сама только и мечтаешь от души подурачиться с любимым, но отвлекающим от работы мужем, без детей, книги, слуг и гостей. Гарриет Уимзи, сидя в гостиной, писала как одержимая, глядя одним глазом на страницу, а другим — на мастера Пола Уимзи, который сидел у окна и потрошил своего старого плюшевого кролика. Она напряженно прислушивалась, не кричит ли юный Роджер: он возился со щенком на газоне и это в любой момент могло кончиться бедой. Ее сознание было занято сюжетом, а подсознание — тем, что она на три месяца запаздывала с книгой. Если к ней и приходила смутная мысль о старшем сыне, то это были лишь раздумья, мешает ли он Бантеру в его делах или просто, как обычно, втихую замышляет какой-нибудь сюрприз поужаснее для своих родителей. Для себя он представлял опасность в последнюю очередь; у этого ребенка был редкий талант приземляться, как кошка, на все четыре лапы. Гарриет было совершенно не до мисс Кверк.

Мисс Кверк тем временем обыскала дровяной сарай, но он был пуст, и среди его содержимого она

не нашла ничего подозрительнее топорика, пилы, клетки для кроликов, куска старого ковра и мокрого круглого следа среди опилок. Она не удивилась, что улики уничтожены; Бредон на редкость настойчиво стремился выйти из-за стола за завтраком, а его родители преспокойно позволили ему уйти. Питер также не потрудился обыскать участок; он сразу ушел из дома вместе с этим Паффетом, который, конечно, не мог настаивать на обыске. Питер с Гарриет самым явным образом старались замять расследование; они не хотели признавать последствия своих порочных педагогических заблуждений.

— Мама! Пойдем играть со мной и с Бом-бомом!

— Сейчас, солнышко. Мне осталось закончить совсем чуть-чуть.

— Сейчас — это когда, мама?

— Очень скоро. Где-то через десять минут.

— Что такое десять минут, мама?

Гарриет отложила ручку. Как сознательный родитель, она не могла упустить такую возможность. Говорили, что четыре года — слишком рано, но дети бывают разные, и можно попробовать.

— Смотри, солнышко. Вот часы. Когда эта длинная стрелка доберется досюда, пройдет десять минут.

— Когда *это* добелется *досюда*?

— Да, солнышко. Посиди тихо совсем чуть-чуть, смотри на нее и скажи мне, когда она будет там.

Перерыв. Мисс Кверк к этому времени обыскала гараж, теплицу и сарай с генератором.

— Она не двигается, мама.

— Двигается, но только очень-очень медленно. Надо очень внимательно на нее смотреть.

Мисс Кверк добралась до своего дома. Она вошла в заднюю дверь и прошла сквозь судомойню в коридор, в котором, помимо прочего, была дверь в обувной чулан. В этом убежище она нашла деревенскую девочку, чистившую пару не самых крупных ботинок.

— Ты не видела?.. — начала мисс Кверк. Тут взгляд ее упал на ботинки. — Это ботинки мастера Бредона?

— Да, мисс, — ответила девочка с напуганным видом, присущим молодым слугам, к которым вдруг обратились посторонние.

— Они очень грязные, — сказала мисс Кверк. Она вспомнила, что Бредон вышел к завтраку в чистых сандалиях. — Дай мне их на минутку.

Девочка оглянулась, ища помощи и совета, но Бантер и горничная, похоже, были далеко, и нельзя было отказать в просьбе леди, гостящей в доме. Мисс Кверк заполучила ботинки в свое распоряжение.

— Я сейчас верну их, — сказала она, кивнув, и пошла дальше. Свежая, сырая земля на ботинках Бредона и что-то, принесенное тайком в ведре, — чтобы сложить два и два, не нужно быть Питером Уимзи. Но Питер Уимзи отказывается искать в нужном месте. Мисс Кверк ему покажет.

Мисс Кверк пошла дальше по коридору и подошла к двери. В этот момент дверь открылась, и из-за нее показалось лицо Бредона, сильно испачканное. Увидев мисс Кверк, он скрылся, как кролик в норе.

— Ага! — сказала мисс Кверк. Она быстро толкнула дверь. Но даже шестилетний ребенок, обладая достаточным ростом и решительностью, может правильно воспользоваться засовом.

— Роджер, солнышко, не надо! Если трясти, они не будут идти быстрее. У бедных часов от этого только заболит животик. Ой, смотри, что натворил Пол со своим кроликом! Помоги ему собрать кусочки, милый, и тогда, вот увидишь, десять минут и пройдут.

Когда Питер вернулся из сада мистера Паффета, его жена и две трети потомства кувыркались на газоне с Бом-бомом. Его пригласили присоединиться, и он присоединился, но голова его была занята другим.

— Странное дело, — жалобно отметил он, — хотя моя шумная семья постоянно ездит на мне верхом, — что в данный момент было правдой, — нужной ее части никогда нет под рукой. Где эта чума Бредон?

— Я предпочла не уточнять.

Питер встал и пошел, со впившимся в его плечо, как пиявка, младшим сыном, искать Бантера, который всегда все знал.

— Мастер Бредон, милорд, в данный момент занят препирательствами с мисс Кверк через дверь котельной.

— Боже мой, Бантер! А кто из них внутри?

— Мастер Бредон, милорд.

— Уф! Я боялся, что нам придется проводить спасательную операцию. Сними с меня этого инкуба и верни его ее светлости.

Все посулы мисс Кверк были бес-
сильны выманить Бредона из котель-
ной. Она мгновенно обернулась на го-
лос Питера.

— Питер! Заставьте ребенка выйти
наружу. У него там эти персики, и я
уверена, что ему будет плохо.

Лорд Питер приподнял свои и
без того достаточно удивленные
брови.

— Если ваши искусные попытки не
удались, — сказал он, — то будет ли
толк от моих жестоких угроз, как вы
думаете? К тому же, даже если бы он
в самом деле ел персики, разве следо-
вало бы нам столь безапелляционно
подавлять это естественное выраже-
ние его индивидуальности? И с чего
вы вдруг вообразили, что мы храним
персики в котельной?

— Я знаю, что они там, — сказала
мисс Кверк. — И я не виню ребенка.
Если побить мальчика за воровство,
он украдет снова. Кроме того, посмо-
трите на эти ботинки, в которых он
ходил на улицу утром, — они все по-
крыты сырой землей.

Лорд Питер взял ботинки и с инте-
ресом их осмотрел.

— Элементарно, Ватсон. Но по-
звольте мне намекнуть, что даже
домашнему сыщику-практику не-
обходима некоторая подготовка.
Эта земля другого цвета, чем земля
в саду мистера Паффета, и на самом
деле вообще не садовая земля. Далее,
если вы потрудитесь взглянуть на
клумбы, вы увидите, что они не та-
кие влажные, чтобы оставить столь-
ко грязи на паре ботинок. В-третьих,
я способен справиться с любыми
расследованиями внутри семьи. И
в-четвертых, не приходит ли вам в

голову, что с вашей стороны доволь-
но невежливо настаивать на том,
что мой сын лжец.

— Хорошо, — сказала мисс Кверк,
слегка покраснев. — Извлеките его
оттуда — и увидите.

— Но зачем мне извлекать его отту-
да и развивать у него ужасный фру-
страционный комплекс, связанный с
котельной?

— Как хотите, — сказала мисс
Кверк. — Это не мое дело.

— Именно, — сказал Питер. Он по-
дождал, пока она сердито прошество-
вала прочь, и сказал: — Бредон! Мо-
жешь выходить. Она ушла.

Раздался лязг железа, и его сын,
как угорь, выскользнул наружу, тща-
тельно закрыв за собой дверь.

— Не очень-то ты чистый, как я
вижу, — бесстрастно сказал отец. —
Похоже, в котельной нужна уборка. Я
и сам-то не слишком чистый, если на
то пошло. Я ползал по земле за садом
мистера Паффета, пытаюсь узнать,
кто украл персики.

— Она говорит, что я.

— Открою тебе тайну, Бредон.
Взрослые не всегда все знают, хотя
стараятся сделать вид, будто это так.
Это называется "поддерживать ста-
тус", и из-за этого возникает боль-
шинство войн, опустошающих евро-
пейский континент.

— Я думаю, — сказал Бредон, при-
выкший к бессмысленным пассажирам
в речи отца, — что она глупая.

— Я тоже; но я этого не говорил.

— И грубая.

— И грубая. Я, с другой стороны,
глуп, но редко когда груб. А твоя мама
и не грубая и не глупая.

— А я?

— Ты эгоистичный экстраверт самого необузданного свойства. Зачем ты надел ботинки, когда пошел бродить по грязи? Гораздо легче отчистить ноги, чем ботинки.

— Там чертополох и крапива.

— Истинно так, царь!* Ага, я понял, где это. Возле ручья в дальнем конце загона... Это твой секрет у тебя в котельной?

Бредон кивнул, упрямо сжав губы.

— Не поделишься со мной?

Бредон замотал головой.

— Нет, вряд ли, — честно сказал он. — Понимаете, вы можете решить, что это надо запретить.

— Неловкое положение. Мой долг часто велит мне что-то запретить. Мисс Кверк думает, что я не должен никогда ничего запрещать, но я не чувствую за собой способности зайти так далеко. Интересно, что за чертовщину ты приволок. У нас были тритоны, лягушки и колюшки, а на головастиков сейчас не сезон. Надеюсь, что это не гадюки, Бредон, а то ты раздуешься и посинеешь. Я могу вынести всякую живность, но только не гадюк.

— Это не гадюки, — ответил его сын с пробуждающейся надеждой. — Хотя очень похоже. И я не знаю, что он ест. Вот что: если его можно оставить, вы не против на минутку зайти внутрь, а то вдруг он уполз из ведра.

— В таком случае, — ответил его светлость, — нам следует немедленно обыскать помещение. У меня нервы крепкие; но если он вдруг залезет в дымоход и выберется на кухню...

Лорд Питер поспешно последовал в котельную за своим отпрыском.

— Жаль, что вы всегда говорите о ребенке вообще, как будто все дети одинаковы, — сказала Гарриет слегка раздраженно, потому что она очень не любила, когда ей разъясняют ее обязанности, отвлекая тем самым от их исполнения. — Даже мои трое совсем разные.

— Матери всегда думают, что их дети особенные, — сказала мисс Кверк. — Но основополагающие принципы детской психологии едины для всех. Я занималась этой темой. Возьмем наш вопрос о наказаниях. Когда вы наказываете ребенка...

— *Какого именно ребенка?*

— Любого ребенка — вы повреждаете хрупкий механизм его взаимодействия с миром. Некоторые вырастают запуганными, некоторые ожесточаются, но в любом случае вы порождаете чувство неполноценности.

— Все не так просто. Не будем говорить о любом ребенке — возьмем моих. Если читать нотацию Бредону, он заупрямится. Он сам прекрасно знает, когда нахулиганил, и иногда предпочитает хулиганить и принимать последствия. Роджер — совсем другое дело. Я не думаю, что мы когда-нибудь будем сечь Роджера, потому что он ранимый, легко пугается и любит, когда вызывают к его чувствам. Но он уже начинает ощущать некоторую неполноценность в сравнении с Бредоном, потому что его не секут. Я думаю, нам придется убедить его, что розги — это прерогатива старшего сына. Это сгодится, если только нам не придется сечь Пола.

В этой речи было столько чудовищных ошибок, что мисс Кверк не знала, с чего начать.

* См.: Дан. 3:91.

— По-моему, большая ошибка — сеять в неокрепшие умы заблуждение, что в старшинстве есть какое-то превосходство. Мои маленькие племянницы и племянники...

— Да, — сказала Гарриет. — Но людей надо готовить к жизни, не правда ли? Придет день, когда они поймут, что все недвижимое имущество Питера — майорат.

Мисс Кверк сказала, что ей гораздо больше нравится французский обычай делить все имущество поровну: это *гораздо* лучше для детей.

— Да, но это очень плохо для имущества.

— Но Питер не стал бы ставить имущество выше детей!

Гарриет улыбнулась.

— Дорогая моя мисс Кверк! Питеру пятьдесят два, и в нем просыпаются предки.

Питер в тот момент не выглядел и не вел себя как пятидесятидвухлетний; в нем быстро просыпались гораздо более далекие и древние предки, чем английские джентльмены-землевладельцы. Он с некоторым трудом извлек змею из поддувала и теперь сидел на куче угольного шлака, наблюдая, как змея извивается на дне ведра.

— Ну и великан! — сказал он почтительно. — Как ты его поймал, старина?

— Ну, мы пошли за уклеями, а он приплыл, и Джои Мэггс поймал его своим сачком. И он хотел убить его, потому что он кусается, но я сказал, что он не кусается, ведь вы научили нас различать змей. И Джо сказал: “А слабо проверить?”, а я сказал: “Пусть

кусает”, и он сказал: “Спорим?”, а я сказал: “Да, если ты мне его потом отдашь”, так что я протянул руку, но он, конечно, не кусался, и Джордж тогда помог мне принести его в ведре.

— То есть Джои Мэггс поймал его своим сачком, так?

— Да, но я знал, что это не гадюка. И пожалуйста, сэр, можете купить мне сачок, а то у Джо такой большой и хороший сачок, только он сегодня сильно опоздал, и мы думали, что он не придет, и он сказал, что кто-то спрятал его сачок.

— Вот как? Это очень интересно.

— Да. Можно мне сачок, пожалуйста?

— Можно.

— О, спасибо, отец. Можно мне оставить змея, ну пожалуйста, и чем он питается?

— Жуками, я думаю. — Питер опустил руку в ведро, и змея обвилась вокруг его запястья и заскользила вверх. — Давай, Катберт. Ты напоминаешь мне, как я был в школе и мы засунули точно такого же, как ты... — Он осекся, но было поздно.

— Куда, отец?

— Ну, был один учитель, которого все ненавидели, и мы положили ему в постель ужа. Так часто делают. Я вообще-то думаю, что ужи для этого и предназначены.

— Это большое хулиганство — засовывать змей в кровати противным людям?

— Да. Исключительное хулиганство. Ни один приличный мальчик даже не подумает о таком... Слушай, Бредон...

Гарриет Уимзи иногда с недоумением рассматривала своего старшего сына: “Знаешь, Питер, этот ребенок выглядит крайне неубедительно. Я-то знаю, что он твой, потому что он больше ничьим быть не может. И цвет более-менее правильный. Но откуда у него такое круглое и невозмутимое лицо и невероятно курносый нос?”

Но в тот момент в котельной, над извивающимся Катбертом, круглолицый Уимзи и узколицый Уимзи смотрели друг на друга, исполняясь ужасного, проказливого сходства.

— О, отец!

— Не знаю, что скажет твоя мать. Нам страшно попадет. Лучше предоставь это мне. Теперь беги и спроси Бантера, нет ли у него чего-нибудь вроде мешка для муки и крепкой веревки, потому что Катберта не заставишь сидеть в ведре. И ради бога, не ходи с видом Гая Фокса, готовящего пороховой заговор. Когда принесешь мешок, пойди и умойся. Я хочу отправить тебя с запиской к мистеру Паффету.

В последний раз мистер Паффет появился сразу после обеда, объясняя, что не мог прийти раньше из-за “делишка по дороге на Лопсли”. Он был благодарен и удивлен.

— Подумать только, что это был старина Билли Мэггс со своим братом, и все из-за тех кабачков, пропади они пропадом. Надо же так затаить обиду, а? И ведь сами персиков не выставляют. Не пойму я их. Сказал, что это была шутка. “Шутка? — грю. — А что мировой судья скажет про такие вот шутки?” Как бы то ни было, персики

ко мне вернулись, и выставка завтра, так что, видать, ничего с ними не стрясется. Хорошо, что Билли с мальчишками не съели всю кучу.

Семейство поздравило мистера Паффета с таким счастливым завершением инцидента. Мистер Паффет усмехнулся:

— Так и вижу: Билли Мэггс и этот его никчемный братец стоят там на лестнице и ловят персики сачком мальчика Джои. Во потеха была бы, если бы кто мимо прошел. “Умниками себе кажется, — грю, — да его светлость и одним глазом на место не взглянули, как говорят: „Да тут, Паффет, Билли Мэггс с братцем всю стену истоптали, что стадо слонов“. То-то дурацкий у него был вид. Конечно, теперича мне ясно, что это только сачком можно так листья обломать. Но тот незрелый-то он и не споймал. “Билл, — грю, — будешь так ловить — не выйдет из тебя рыбака”. Хорошо я его уел. Но слушайте, мялорд, как вы узнали, что это был сачок Джои Мэггса? Он не один такой.

— Грамотный допрос нужного свидетеля, — сказал его светлость. — Джои Мэггс навел на след, сам того не подозревая. Но не надо его винить, Паффет. Он ничего об этом не знал, как и мой мальчишка. Джо сказал Бредону одну вещь, и мне удалось сложить два и два.

— Ах да, — сказал мистер Паффет, — я совсем забыл, у меня теперь больше персиков, чем надо для выставки, и я осмелился принести полдюжины для мастера Бредона. Прямо скажу, где-то с полминуты я думал, что это он. Только с полминуты, но, зная мальчишек, я на него подумал.

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказала Гарриет. — Бредон сейчас в постели, но мы отдадим их ему утром. Он с удовольствием их съест и будет очень рад, что вы простили его за первые два.

— А, *me!* — ответил мистер Паффет. — Не надо о них больше. Это так, просто шалость. Ладно, всем спокойной ночи, и большое спасибо вашей светлости. Надо же, — сказал мистер Паффет, когда Питер провожал его до двери, — подумать только: Билли Мэггс и этот его долговязый братец ловят персики детским сачком с моей стены. Ну и смеху будет сегодня в “Короне”!

Мисс Кверк ничего не сказала. Питер ускользнул наверх по задней лестнице и через спальню Гарриет прошел к себе. В большой кровати под балдахином один мальчик спал, второй же, когда отец осторожно приблизился, сел и спросил:

— Вы сделали дело, мистер Скаттерблад?

— Нет, капитан Тич*, но ваши приказы будут выполнены быстрее, чем вы завяжете булинь. Тем временем доблестный мистер Паффет возвратил себе потерянное сокровище, настиг преступников и повесил их на нок-рее после скорого трибунала. Он послал тебе долю добычи.

— Здорово! А она что сказала?

— Ничего. Учти, Бредон, если она извинится, придется отозвать Катберта. Гостья — это гостья, пока она ведет себя как джентльмен.

— Да, ясно. Я так надеюсь, что она не извинится!

— Надеяться на это крайне безнравственно. Если ты будешь так прыгать, разбудишь брата.

— Отец! Как вы думаете, она упадет в припадке с пеной у рта?

— Я очень надеюсь, что нет. Итак, я пошел подвергать опасности жизнь мою**. Если я не вернусь, помни, что я был верен “Веселому Роджеру”. Спокойной ночи, капитан Тич.

— Спокойной ночи, мистер Скаттерблад. Я вас очень люблю.

Лорд Питер Уимзи обнял сына, превратился в мистера Скаттерблада и тихо прокрался по задней лестнице в котельную. Катберт, надежно спрятанный в мешок, дремал на грелке и никак себя не проявил, пока его несли наверх.

Мисс Кверк не извинилась, и тему персиков больше не затрагивали. Но она, видимо, почувствовала некоторую напряженность в атмосфере, так как раньше обычного отправилась в постель, сославшись на усталость.

— Питер, — сказала Гарриет, когда они остались одни, — что вы с Бредоном задумали? Вы с самого ленча неестественно тихие. Явно затевается какая-то шалость.

— Для Тича или Скаттерблада, — с достоинством сказал Питер, — нет слова “шалость”. У нас в открытом море это называется пиратством.

— Я знала, — обреченно ответила Гарриет. — Если бы я предвидела, какое разрушительное воздействие сыновья окажут на твой характер,

* Мистер Скаттерблад, по всей видимости, выдуман, а капитан Тич — реальное историческое лицо. См. глоссарий (34).

** Суд. 12:3 — “я подверг опасности жизнь мою”.

я бы тебе ни одного не доверила. О боже! Как хорошо, что эта женщина отправилась спать, она так мешает.

— О да. Я думаю, что она ознакомилась с детской психологией на женской странице "Морнинг стар"*. Гарриет, отпусти мне сейчас все мои будущие грехи, чтобы я мог наслаждаться ими без угрызений совести.

Его жена не осталась равнодушной к этому призыву, отметив через некоторое время:

— Есть что-то прискорбно легкомысленное в том, чтобы заигрывать с собственной женой после семи лет брака. Мой господин имеет удовольствие от-правиться в постель?

— Твой господин имеет величайшее удовольствие.

Ее господин, который в неканоническом процессе отпущения грехов без исповеди и покаяния совсем забыл о самом грехе, был возвращен к реальности восклицанием жены, когда они проходили через наружную спальню:

— Питер! Где Бредон?

От необходимости ответа его избавил ряд длинных взвизгиваний, от которых стыла кровь,

и последовавший за ними невнятный вскрик.

— Господи! — воскликнула Гарриет. — Что-то случилось с Полом! — Она кинулась через свою комнату на

— Питер, — сказала Гарриет, когда они остались одни, — что вы с Бредоном задумали? Вы с самого ленча неестественно тихие. Явно затевается какая-то шалость.

* Вымышленная газета, упоминается также в романах Дороти Сэйерс. С 1966 г. под этим названием стала выходить газета Коммунистической партии Великобритании.

туалетную лестницу*, которая была связана дополнительным пролетом с задними спальнями. Питер неторопливо последовал за ней.

На площадке стояла мисс Кверк в ночной рубашке. Она зажала голову Бредона под мышкой и шлепала его со впечатляющим усердием, но без особого результата. При этом она продолжала визжать. Бредон, привычный к более методичному наказанию, держался невозмутимо, но няня, высунувшая голову из соседней двери, кричала: "Господи, да что ж это?" Бантер в пижаме с грохотом спустился с чердака, вооруженный длинными каминными щипцами; он остановился, увидев хозяина и хозяйку, и, смутно припомнив армейские дни, взял свое оружие на караул.

Питер схватил мисс Кверк за руку и освободил голову сына из захвата.

— Боже мой! — сказал он. — Я думал, вы против телесных наказаний.

Мисс Кверк не была настроена на этические дискуссии.

— Этот мерзкий мальчишка! — сказала она, тяжело дыша. — Он подложил змею мне в постель. Отвратительную, склизкую змею. Змею!

— Очередное неверное умозаключение, — сказал Питер. — Я сам ее туда подложил.

— Вы? Вы подложили змею мне в постель?

— Но я все об этом знал, — сказал Бредон, беспокоясь о том, чтобы почести и вина были справедливо распределены. — Идея его, а змея моя.

— Для Тича или Скаттерблада, — с достоинством сказал Питер, — нет слова "шалость".
У нас в открытом море это называется пиратством.

Отец одернул его:

— Я не говорил тебе вылезать из постели.

— Да, сэр; но вы же не говорили не вылезать.

— Вот, — сказал Питер с мрачным удовлетворением, — ты и получил то, за чем шел.

* Это название лестницы, ведущей к туалету, "скорее точное, чем деликатное", придумал лорд Питер — об этом говорится в романе "Медовый месяц в улье" (Busman's Honeymoon).

Он утешительно потрепал сына по попе.

— Ха! — сказал Бредон. — Она и шлепать-то не умеет.

— Можно спросить, — сказала оскорбленная мисс Кверк с дрожью в голосе, — *почему* меня надо было подвергнуть этому гнусному надругательству?

— Мне кажется, — сказал Питер, — что я страдал от нарастающего возмущения. Лучше дать этим импульсам естественный выход, вы ведь так считаете? Вытеснение всегда крайне опасно. Бантер, найдите мастеру Бредону его ужа и осторожно верните его в котельную. Он отзывается на имя Катберт.

Генри Уэйд

1887–1969

Перевод и вступление Юлии Новиковой

СОЗДАТЕЛЬ идеального (и притом, разумеется, гениального) сыщика Джона Пула сам был на удивление идеален и безупречен. Генри Уэйд (настоящее имя — Генри Ланселот Обри-Флетчер) происходил из семьи потомственных аристократов, учился в Итоне и в Оксфорде (Нью-колледж), участвовал в обеих мировых войнах, был награжден орденом “За выдающиеся заслуги” и Французским военным крестом.

После окончания университета Уэйд вступил в Гренадерский гвардейский полк и в 1911 году женился на Мэри Августе Чилтон. У них было четверо сыновей и дочь.

Во время Первой мировой войны Уэйд дважды был ранен, в 1920-м ушел в отставку, но в 1940 году вернулся на военную службу и воевал до конца Второй мировой.

Начиная с 1920 года он занимал различные высокие должности в Бекин-гемшире: мирового судьи, олдермена (члена совета графства), шерифа, лорда-

HENRY WADE

лейтенанта (королевского представителя в графстве) и т. д. После смерти отца в 1937 году он унаследовал титул баронета. В 1963 году Мэри Августа умерла, и в 1965 году писатель женился вторично — на Нэнси Сесил Рейнольдс.

Писательскую карьеру Генри Уэйд начал в 1926 году, а в 1937-м стал членом Детективного клуба. Уэйда часто сравнивают с Фрименом Уиллсом Крофтом, но, в отличие от последнего, Уэйд гораздо лучше и ближе был знаком с особенностями британского судопроизводства — работа в должности мирового судьи и шерифа многому его научила.

В третьем романе Генри Уэйда возникает образ Джона Пула. Сыщик нового типа, он, как и автор, окончил Оксфорд, но при этом он не сыщик-любитель, а профессиональный компетентный полицейский с неплохим чувством юмора. Творчество Генри Уэйда интересно в первую очередь точностью деталей. Зная систему изнутри, Уэйд описывает ее с иронией и отнюдь не склонен ее идеализировать.

В РАССКАЗЕ “Пропавший студент” он точно так же иронизирует и над хорошо знакомым ему университетским укладом. Что ж, иронии достойно уже то, что университетский уклад вполне допускает преступление.

© The Estate of Henry Wade/Sir Henry Lancelot Aubrey-Fletcher

© Ю. Новикова, перевод на русский язык и вступление, 2011

≡ РАССКАЗ “ПРОПАВШИЙ СТУДЕНТ” ≡
≡ БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В СБОРНИКЕ ≡
≡ “ПОЛИЦЕЙСКАЯ ДОЛЯ” В 1933 ГОДУ. ≡

THE MISSING UNDERGRADUATE

POLICEMAN'S LOT. L., CONSTABLE, 1933.

ГЕНРИ УЭЙД

Пропавший студент

Экспресс приближался к Оксфорду и начинал замедлять ход; инспектор уголовной полиции Джон Пул взволнованно смотрел в окно поезда, ища глазами знакомые виды. Он не был в Оксфорде с тех самых пор, как "вылетел из гнезда" в 1921 году. Годом позже он вступил в ряды Столичной полиции, и напряженная работа вкупе со строгой дисциплиной привели к потере большинства прежних связей.

Теперь он приехал сюда по долгу службы. Утром в Скотленд-Ярд обратились из колледжа Святого Петра с просьбой прислать детектива в Оксфорд, чтобы расследовать исчезновение студента, и суперинтендант Уайльд, осведомленный об оксфордском прошлом Пула, подумал, что его знание тех мест может быть весьма полезным в данном случае.

Пул знал о деле не больше, чем прочитал в газетах, которые трактовали исчезновение Джеральда Кэтлинга четырьмя днями ранее как юношескую эскападу, но теперь, судя по всему, администрация колледжа обеспокоилась происшедшим и, по-видимому сомневаясь в способностях

местной полиции, попросила помощи у Скотленд-Ярда.

Ах, вот они, "дремлющие шпили"*: башня Модлин-колледжа справа, дальше, по левую сторону, ее скромный двойник, Мертон-колледж, затем колледж Святой Марии и на переднем плане старый замок, из которого королева Матильда** бежала через снега в 1141 году, а за ним "Старый Том", чудесная надвратная башня колледжа Крайст-Черч, словно король в окружении очаровательных принцесс.

Поезд резко затормозил. Пул снял с полки свой маленький чемодан и через пять минут уже предстал перед привратником Святого Петра и попросил, чтобы его проводили к ректору. Почтенный страж подозрительно посмотрел на его визитную карточку и, попросив гостя убрать свой не-

* "Городом дремлющих шпилей" назвал Оксфорд поэт Мэтью Арнольд (1822-1888) — с тех пор ни одно упоминание города не обходится без этой цитаты.

** Королева Матильда (1102-1167) — дочь Генриха I Английского и первая королева Англии. Правление ее было очень недолгим — всего несколько месяцев в 1141 году: она так и не была коронована. Матильде вместе с несколькими ее сторонниками удалось бежать из осажденного Оксфордского замка — по легенде, они бежали по снегу, переодевшись в белые одежды, и таким образом остались незамеченными.

уместный багаж с дороги, с явной неохотой повел его в четырехугольный двор колледжа, Бахус-квод.

— Ректору нездоровится, — бросил привратник через плечо. — Вас примет мистер Ладдингем.

Пул вздохнул. Ректора Святого Петра он едва знал в лицо и, в свою очередь, был неизвестен ему, но Ладдингем, декан*, читал ему лекции по конституционному праву. Учитывая оксфордскую традицию все помнить долго, не представлялось ни малейшей вероятности, что декан не узнает Пула. Со смешанным чувством смущения и гордости Пул поднялся вслед за

* Декан в оксфордской терминологии — не глава колледжа, а администратор, который отвечает за дисциплину студентов. Одновременно декан обычно занимается научной работой и преподает. Единственное исключение — декан Крайст-Черч, который является главой оксфордского собора и одноименного колледжа.

своим проводником по центральной лестнице, ведущей со двора, к двери, над которой висела черная табличка с белой надписью “М-р Ладдингем”. Оставив детектива ждать на лестничной площадке, привратник вошел в кабинет с визитной карточкой и тут же вернулся, приглашая гостя войти.

Декан стоял спиной к огромному камину, где большие еловые поленья, потрескивая, выбрасывали вверх голубые языки пламени. Ни единого признака удивления или узнавания не отразилось на его бледном, гладко выбритом лице. Он плавным жестом указал на кресло.

— Доброе утро, инспектор, — сказал декан. — Очень любезно с вашей стороны, что вы так быстро прибыли. Рассказали вам что-нибудь об этом деле?

— Ничего, сэр. Я видел газеты — вот и все.

**Reach the heights
of Ambition !**

*The mighty pyramids of stone
That wedge-like cleave the desert airs,
When nearer seen and better known
Are but gigantic flights of stairs.*

— LONGFELLOW.

— Излишне говорить, что все это неправда. Я изложу вам факты так, как знаю их сам, затем отвечу на ваши вопросы. Можете курить, если желаете.

Он сложил руки за спиной, его взгляд сосредоточился в одной точке, и, приподнимаясь время от времени на носках, декан стал рассказывать в точно такой же сухой и лаконичной манере, какую использовал, читая лекции о Бейджхоте и Стаббсе*.

— Джеральд Трефузис Кэтлинг прибыл в колледж из Харроу** в осеннем семестре прошлого, 1928 года. Он единственный сын сэра Джона Трефузиса Кэтлинга из Гардхеманора, Уэйкстоун, графство Йоркшир, возраст — девятнадцать лет и десять месяцев. Он сдал первый экзамен на бакалавра гуманитарных наук и готовился к выпускным экзаменам.

В прошлую пятницу он не вернулся в колледж к полуночи; о его отсутствии мне было доложено в обычном порядке старшим привратником. Студент не присутствовал на переключке следующим утром, и, задав несколько вопросов его тьютору*** и друзьям, я позвонил его отцу в палату общин, где тот представляет округ Уэйкстоун от консерваторов. Отец ответил, что ничего не знает о передвижениях сына и что скорее всего это какой-то розыгрыш. Должен отме-

тить, юноша имеет склонность именно к такой разновидности юмора, по каковой причине он в течение своего полуторалетнего пребывания здесь не раз имел разногласия с администрацией колледжа и университета.

Когда прошла ночь субботы, а молодой человек по-прежнему не возвращался, я попросил сэра Джона приехать. Он так и поступил, однако он все еще был склонен относиться к происшедшему спокойно, отказываясь от предложений обратиться в полицию. Тем не менее вечером понедельника я получил письмо из Уэйкстоуна от леди Кэтлинг, сообщавшее, что она весьма взволнована; хотя ее сын действительно любит розыгрыши, она уверена, что Джеральд понимает: такое долгое и необъяснимое отсутствие в колледже испугало бы ее; наконец, она просит принять более деятельные меры по поискам Джеральда.

Вчера поздним вечером я вновь позвонил сэру Джону, чтобы просить его согласия на мое обращение за помощью в полицию; он ответил, что если вообще необходимо это сделать, то как следует, и попросил меня напрямую связаться со Скотленд-Ярдом. Он объяснил, что он с утренним поездом отбывает во Францию и поэтому не сможет принять активного участия в происходящем. Он предоставил мне полномочия действовать по собственному усмотрению и дал свой адрес в Париже. Сегодня утром я первым делом позвонил в Скотленд-Ярд, и вот вы здесь.

Пул кратко законспектировал лекцию мистера Ладдинггема; закончив, инспектор задумался, а затем спросил:

* Уолтер Бейджхот (1826–1877) — бизнесмен, эссеист и журналист, автор трудов о литературе, политике и экономике; Уильям Стаббс (1825–1901) — историк, епископ Оксфорда.

** Харроу — одна из самых престижных английских частных школ.

*** В Оксфорде существует система индивидуальных занятий со студентами. Педагог, ведущий такие занятия, называется тьютором.

— У мистера Кэтлинга были какие-нибудь неприятности, крупные или мелкие?

Декан покачал головой:

— Едва ли. Он не знал, что такое неприятности, должен заметить.

— Долгов нет?

— Не больше, чем у пятидесяти процентов членов этого колледжа, — вероятно, несколько счетов от портных и фотографов!

— Враги?

— Ничего серьезного. Конечно, он всем порядком надоедал своими шуточками.

Пул рассудил, что пропавший студент сидел у декана в печенках.

— Когда его видели в последний раз?

Прежде чем декан смог ответить, в дверь постучали, и после приглашения Ладдингема в комнату вошел высокий сухопарый человек лет шестидесяти, с обвислыми рыжеватыми усами, одетый в мантию и академическую шапочку.

— Ладдингом, — сказал он, — я заскочил к вам, возвращаясь с лекции, чтобы спросить, нет ли новостей о Кэтлинге.

— Боюсь, нет, Кэйзер, — ответил декан. — Однако не сомневаюсь, что сегодня он вернется.

Он даже не пытался представить друг другу своих гостей. Высокий преподаватель нервно перевел взгляд с декана на Пула, перебирая свою мантию.

— Так странно, — сказал он, — так грустно, очаровательный юноша с такой живой душой!

Он умолк, тяжело вздохнул и, резко развернувшись, большими шагами вышел из комнаты.

Пул вопросительно посмотрел на декана.

— Профессор Кэйзер, — ответил последний, явно не желавший распространяться о чем-то, не имеющем отношения к делу. — С кафедры египтологии, член этого колледжа. Вы спрашивали, когда Кэтлинга видели в последний раз: его скаут* отнес ему ленч в обычное время, в час тридцать, тогда юноша был у себя, и с тех пор никто, судя по всему, его не видел. Не видели, как он вышел из колледжа, но, весьма вероятно, он мог выйти незамеченным, если привратник был занят: говорил по телефону или делал записи в своем журнале.

— У Кэтлинга была машина?

— Да, в гараже "Сити Мотор Компани", на Люстер-стрит, но он не брал ее в тот день — и потом тоже.

— Его кто-нибудь видел на станции?

— Я не спрашивал, это скорее в компетенции полиции.

Получив от Ладдингема приблизительную оценку долгов Кэтлинга и кое-какие сведения о его привычках и характере, Пул встал:

— Могу я получить недавнюю фотографию мистера Кэтлинга и побеседовать с его друзьями?

Декан задумался.

— Да, — сказал он, — я пошлю за Мо-нашем, он уже должен был вернуться с лекции по логике. Он познакомит вас с другими и достанет фотографию. Вам лучше воспользоваться моей третьей комнатой, я хотел бы, чтобы вокруг этого дела было как можно меньше

* Скаут — так в Оксфорде называют университетских слуг.

шума. Может быть, вы попросите тех, с кем будете беседовать, чтобы они не распространялись об этом, хотя вряд ли на это можно рассчитывать.

Десять минут спустя Пул в крошечной комнате, которую декан оборудовал под дополнительный кабинет, разговаривал с Криспином Монашем, сверстником Кэтлинга и его близким другом. Монаш был крепкий, лишенный воображения молодой человек, который увлекался греблей. Он изложил Пулу простые и неприукрашенные факты, как тот и просил.

По его словам выходило, что Кэтлинг не был такой уж легкомысленный юноша, какого представил себе Пул из рассказа декана. Он, безусловно, любил розыгрыши и переодевания (он уже был выдающимся членом Оксфордского студенческого драматического общества), но он также был последователен в своей решимости хорошо закончить университет и пойти по стопам отца в политике. Монаш находил, что его друг в последнее время был весьма обеспокоен своими финансами, но не до такой степени, чтобы пойти из-за этого на какой-то отчаянный шаг.

— Он никак не дал вам понять, что в пятницу может произойти что-то необычное?

— Нет. Не думаю, что видел его где-нибудь, кроме как в "Роллерсе". Мы, как правило, редко видимся до чая: у нас разные предметы, днем у меня гребля, а он ничем серьезным не занят — сквош иногда. Не имею ни малейшего понятия, что он задумал.

— Скажите мне откровенно, сэр, как вы думаете: это мог быть розыгрыш или самоубийство?

Монаш обдумал вопрос.

— Пожалуй, нет, — сказал он. — Будь это розыгрыш, едва ли он зашел бы так далеко. А самоубийство — это точно не про него... Во всяком случае, мне кажется, он не такой человек. Я не знаю, что и думать.

— А что насчет его друзей? Его любили?

— О да, он был такой компанейский парень. Уиллан, он уже в сборной, Коллерак и Вэйс — его ближайшие друзья, ну и я тоже. Они скажут вам то же самое, что и я.

— А враги у него есть?

— Не думаю. Конечно, кому-то он не нравился, часто издевался над зубрилами, но ничего серьезного.

— А преподаватели?

— Опять же, молодым он нравился — он их развлекал, а те, что постарше, декан там и другие, смотрели на него косо, думали, наверное, что он слишком далеко заходит.

— Кое-кто из пожилых, кажется, ему симпатизирует, — сказал Пул. — Профессор Кэйзер вот только сейчас, когда я беседовал с деканом, спрашивался о мистере Кэтлинге и, кажется, был расстроен.

— Старый Кошатник? — Монаш был удивлен. — Я думал, он злится на Джерри больше всех. Этот зануда устроил собственный музей в своих комнатах, и Джерри смеялся над ним: делал вид, будто его заинтересовала какая-то засохшая гадость, Кэйзер всегда был падок на это. У него не все дома, мне кажется, ну и Джерри водил старика за нос, пока не вывел из себя. Я думал, он Джерри терпеть не может.

— По всей видимости, это не так, сэр. Я заметил, что пожилым людям

даже нравится, когда молодые смеются над ними, если это не со зла. Теперь мне необходимо увидеться с другими его друзьями. Не могли бы вы привести их ко мне?

В течение следующего часа Пул выслушивал господ Уиллана, Коллера и Вэйса, но не выяснил ничего важного; правда, первый из них был уверен, что Джерри Кэтлинг уехал с компанией, которую на прошлой неделе встретил в театре и с двумя членами которой тут же завязал пылкую дружбу. Очевидно, самое время было перестать слушать и начать смотреть. По просьбе Пула Ладдингем послал за скаутом Кэтлинга, Пелфеттом, и велел тому показать мистеру Пулу комнаты пропавшего и предоставить инспектору любую информацию, какую он попросит.

Двух минут, что понадобились, чтобы дойти от комнат декана до комнат мистера Кэтлинга в Нью-квод, Пелфетту хватило, чтобы высказать свое мнение о происходящем. Пожилой скаут представлял именно тот тип, который Пул бегло описал Монашу: он ворчал на молодого джентльмена из-за его шуток, но, очевидно, искренне любил его. Он был уверен, что молодой человек исчез, исключительно чтобы позлить декана, — и разве он не преуспел? Вот уже и Скотленд-Ярд пожаловал в священные приделы Святого Петра. Чувство оскорбленного достоинства, проскользнувшее в этой фразе, весьма позабавило Пула.

Пелфетт с радостью выдворил бы назойливого посетителя после того, как тот бросил беглый взгляд на покой мистера Кэтлинга, но Пул дал

твердый отпор и, закрыв тяжелую дверь, чтобы наверняка избавить себя от вторжения, принялся тщательно изучать жилище пропавшего юноши, потому что именно здесь, казалось инспектору, и таился ключ к загадке.

Спальня — именно та комната, подумал Пул, где личность молодого человека проявлялась сильнее всего. На каминной полке стояла большая фотография очаровательной дамы средних лет — очевидно, мама; с обеих сторон фотографии стояло по вазе с нарциссами, уже увядшими. Пул почувствовал безрассудное желание пнуть нерадивого скаута. На комод инспектор заметил маленький снимок человека в охотничьем костюме — вероятно, папа; Пул сделал из этого и из слов декана вывод, что между отцом и сыном не было близких отношений. Над кроватью висела репродукция “Света миру”*, а на стуле у кровати лежала потрепанная Библия и томик “*Virginibus puerisque*” Стивенсона**.

Закрытый бювар первым привлёк внимание Пула. Замок был немудреный и после небольшой возни с отмычкой открылся. Внутри лежала связка бумаг — после беглого осмотра стало ясно, что это наивные любовные письма, чековая книжка, банковская расчетная книжка, папка с квитанциями и счетами, а в отдельном кармашке лежало оди-

* “Свет миру” — картина художника-прерафаэлиты Холмана Ханта; с 1872 г. оригинал находится в часовне Кембл-колледжа в Оксфорде. Авторская копия большего формата украшает собор Св. Павла в Лондоне.

** *Virginibus puerisque* (“Девочкам и мальчикам”) — сборник эссе Р. Л. Стивенсона (1881).

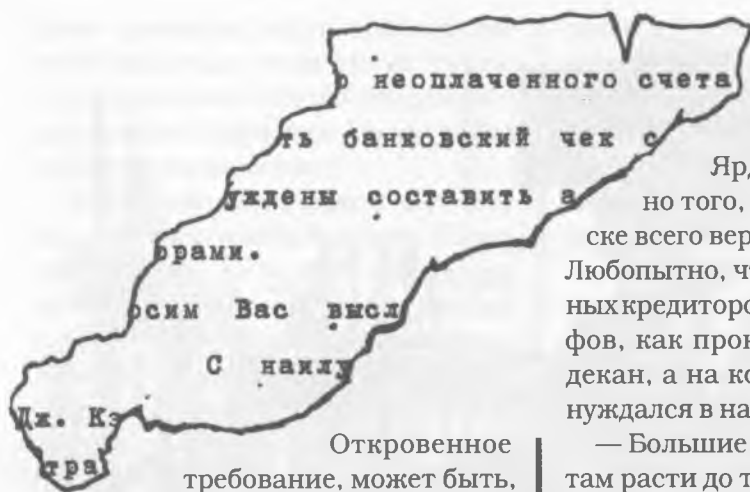
*Пул... принялся
тщательно изучать
жилище пропавшего юноши...*

нокое письмо, написанное твердым угловатым почерком, в котором бегло и беспощадно говорилось о долгах; письмо было датировано прошлым месяцем и подписано: "Твой любящ. отец". Это могло оказаться важным.

В ящике комода в спальне нашлась коробка с косметикой, парик, грим, кокосовое масло, каучуковый клей, запачканные полотенца — все атрибуты увлечения мистера Кэтлинга. Одежда была хорошего качества, но в скромном количестве, и находилась

в образцовом порядке. На туалетном столике среди щеток и коробок с запонками лежала небольшая горка бумаг — письмо от "твоей любящей мамы", театральная программка, страница эссе и клочок отпечатанного на машинке листа.

Клочок был такой маленький, что Пул едва не пропустил его, но, приглядевшись, понял, что он может быть небезынтересным. Это оказался обрывок письма от кредитора, в котором говорилось следующее:

Откровенное требование, может быть, и не самое грозное, но для неопытного юноши, недавно имевшего конфликт с отцом по поводу долгов, это могло стать настоящей катастрофой.

В любом случае не представляло затруднений установить отправителя, и, взяв клочок письма и список торговцев, чьими услугами пользовался мистер Кэтлинг (Пул смог составить его благодаря папке с квитанциями и счетами), инспектор вышел из колледжа.

Первым делом он отправился в главное управление городской полиции и попытался наладить с ними добрые отношения и заручиться их помощью. К счастью, дежурный суперинтендант оказался человеком широких взглядов, а примирительный и уважительный тон Пула вскоре заставил его забыть о пренебрежении со стороны администрации колледжа: Пул объяснил, что всему виной сэр Джон Кэтлинг.

Суперинтендант взял фотографию Джеральда Кэтлинга, которую достал Пулу Монаш, и пообещал опросить людей на станции, не привлекая лишнего внимания. Он не

смог установить авторство письма от кредитора, но дал инспектору Скотленд-Ярда советы относительно того, кто из торговцев в списке всего вероятнее мог его послать. Любопытно, что он указал не на крупных кредиторов — портных и фотографов, как проницательно догадался декан, а на кое-кого из мелких, кто нуждался в наличности.

— Большие фирмы позволяют счетам расти до того момента, когда студенты выпускаются, — сказал суперинтендант. — Они могут позволить себе ждать денег, а долгосрочный кредит означает большие проценты. Должен сказать, меня поражает, что администрация колледжа это допускает.

Однако обход возможных кредиторов Кэтлинга, — хотя он и включал в себя как самых крупных, так и самых мелких, — не принес никаких результатов. Потом Пула осенила блестящая идея пойти к крупнейшему в городе торговцу канцелярскими товарами, который, после тщательного изучения клочка бумаги, высказал мнение, что он не мог быть послан ни одной фирмой в Оксфорде. Это была бумага высшего сорта, явно дорогая, и маловероятно, чтобы ее транжирили на беспечного студента — это все равно что бисер перед свиньями метать. Скорее всего, письмо на такой бумаге могла отправить какая-нибудь первоклассная лондонская фирма — уж точно рангом выше портных.

Это представлялось более интересным, и, поскольку это была фактически единственная зацепка, Пул

решил вернуться в Лондон и все выяснить. Удостоверившись у декана, что обыск в зданиях колледжа и перекрестные допросы привратников уже проведены, но безрезультатны, он успел на пятичасовой поезд и в семь уже беседовал с экспертом Скотленд-Ярда по бумажным изделиям.

Инспектор уголовной полиции Бодли, всегда проявлявший поразительные способности в данной сфере, теперь только и делал, что проводил экспертизы, классифицировал бумагу, определял тип чернил и качество печати. Его работа обладала огромной ценностью для коллег, так как его практически сверхъестественные знания позволяли значительно сузить поле поиска. Один взгляд на обрывок позволил ему назвать Пулу фирму — к счастью, находившуюся на этой стороне Темзы, — где бумага была изготовлена.

В тот вечер уже было поздно принимать что бы то ни было, оставалось только поужинать и за чашкой и трубкой обдумать проблему, на которую пока было пролито столь мало света. Инспектор был инстинктивно настроен против гипотезы о самоубийстве: такой горячий молодой человек, каким был Джеральд Кэтлинг, вряд ли, конечно, принимал жизнь столь серьезно, чтобы спасовать перед простой денежной проблемой. Розыгрыш был более вероятен, но вот так исчезнуть — это слишком глупо и жестоко. Несчастный случай казался более правдоподобным, но едва ли несчастный случай мог остаться незамеченным в таком густонаселенном улье, как Оксфорд. Об убийстве и во все не могло быть речи.

Десять часов следующего утра застали Пулу в офисе “Бумажной мануфактуры Блэкфрайарз”. Управляющий признал в предъявленном ему образце самую дорогую бумагу, которую выпускала его фирма, — сорт “Империял бонд”. В Лондоне ею торговали всего три магазина: один в Сити, другой в Холборне, а третий в Кингсуэе. Пул отправился во все три по очереди, чтобы в итоге составить список клиентов. Список этих избранных клиентов был таким длинным, что Пулу была противна даже мысль о том, чтобы опросить их всех. Сперва он решил проверить, вдруг инспектор Бодли сможет немного укоротить список; ведь это он опознал бумагу, возможно, он сумеет определить и модель пишущей машинки, которая по ней прошла.

Именно это инспектору Бодли и удалось сделать, наведя справки. При печати была использована машинка “Шантеклер № 3” — очень дорогая и редкая модель. Это обстоятельство позволило уменьшить масштабы работы до приемлемых размеров. Трем сотрудникам Скотленд-Ярда не составило труда, используя три телефонные линии, пройти по списку фирм и выяснить, использовалась ли ими машинка “Шантеклер № 3”. Результат превзошел самые смелые ожидания Пулы — всего две компании использовали одновременно бумагу “Империял бонд” и машинку “Шантеклер № 3”: Ассоциация археологических поставок и торговая фирма “Книги для знатоков”. Оба заведения располагались недалеко от Кингсуэя, и Пул, взяв такси, отправился в ближайшее из них.

Управляющий Ассоциации археологических поставок с величественной сдержанностью принял Пула у себя в кабинете. Атмосфера этого мрачного места, источавшего запах мертвого прошлого, удручающе влияла на детектива, особенно когда он проходил между ящиков с окаменелостями, жуками-скарабеями, мумифицированными котами и другими сокровищами, которые столь дороги экспертам и столь же неприятны дилетантам. Он невольно понизил голос и спросил:

— Сэр, могли бы вы мне сказать, не из вашей ли конторы было отправлено письмо, частью которого был этот обрывок?

Управляющий с судейской беспристрастностью изучил его.

— Если оно и было отправлено отсюда, то это сугубо конфиденциальная информация. Могу я спросить, почему это вас интересует?

— Я расследую исчезновение студента в Оксфорде. У меня есть основания полагать, что письмо было адресовано ему и может иметь отношение к случившемуся.

— Адресовано студенту? — Управляющий позволил неуловимой улыбке скользнуть по лицу. — Могу уверить вас, что это письмо никоим образом не имеет отношения к студенту. Как вы правильно заметили, письмо действительно было отправлено из нашего офиса, и мне абсо-

*Управляющий признал
в предъявленном ему образце
самую дорогую бумагу, которую
выпускала его фирма.*

лютно непонятно, как вам удалось это выяснить...но... Оно определенно попало к вам по ошибке.

— Но на письме его имя! Взгляните — “Дж. Кэ...”* — очевидно, это начало “Дж. Кэтлинг” — Джеральд Кэтлинг — и еще — “Колледж Святого Петра” — это его адрес.

* На официальных письмах такого рода имя адресата часто ставится в нижнем левом углу.

Управляющий пристально посмотрел на Пула.

— Видимо, мне придется раскрыть конфиденциальную информацию, — сказал он. — Она, разумеется, останется между нами?

— Только если ее не придется использовать в интересах правосудия.

— Тогда я вам расскажу. Письмо было адресовано профессору Джорджу Кэйзеру, заведующему кафедрой египтологии в Оксфордском университете. По невероятному совпадению, он член того же колледжа Святого Петра.

Пул был поражен. Старого Кошатника (как его неуважительно обозвал Монаш) прижали кредиторы, словно какого-то молодого повесу! Очевидно, управляющий прочел мысли Пула и поспешил оправдать действия своей фирмы.

— Нам было крайне неприятно прибегать к таким мерам, — начал он, — но если я скажу вам, что мы в течение пяти лет не получали платежей по счету, который за это время вырос до четырехзначной суммы, думаю, вы сами поймете, что этому должны были быть какие-то границы. Это письмо уже далеко не первое. Кроме того, о профессоре ходят слухи... но это уже не мое дело.

Пул покидал фирму с чувством глубокого огорчения: он пошел по ложному следу и теперь все надо начинать сначала. Но этот ложный след был таким четким! Спасибо инспектору Бодли. Пул сел на дневной поезд до Оксфорда, а по прибытии направился напрямик в полицейское управление. Там не было никаких новостей, равно как и в коллед-

же. Молодой Кэтлинг бесследно пропал.

Пул решил, что стоит расспросить профессора Кэйзера и выяснить, как обрывок письма попал к Кэтлингу. Во время вечернего чая профессора наверняка можно застать одного. Следуя указаниям главного привратника, Пул прошел к последней лестнице Олд-квод и, изучив список имен на табличке, поднялся на верхний этаж. На его стук откликнулся звучный голос. Пул открыл дверь и вошел.

Профессор, сменивший мантию на норфолкскую куртку, стоял у стола над огнем. На спиртовке в кастрюле варилось какое-то зелье, профессор иногда помешивал его, добавляя по капельке некой жидкости из бутылки. Процесс помешивания, судя по всему, увлек его с головой, так как он даже не взглянул на Пула, когда тот вошел. При этом он радостно хихикал, так что, по-видимому, подобное времяпрепровождение было для профессора столь же приятным, сколь и полезным.

— Прошу прощения за беспокойство, сэр, — сказал Пул.

Профессор поднял глаза:

— А? Что? Вы кто?

— Я детектив Пул из Скотленд-Ярда, сэр. Я был у декана вчера, когда вы спрашивали про мистера Кэтлинга. Именно по этому вопросу я хочу к вам обратиться.

Пока Пул говорил, ему показалось, что на мгновение взгляд профессора стал очень внимательным, сосредоточенным. Но за ним тут же последовала весьма бессмысленная улыбка.

— Вы позволите, я продолжу свои приготовления? Особый корм для

моих кошечек. Бедный Кэтлинг. Бедный парень — веселый, просто переполненный невинной радостью, нам его будет не хватать, инспектор. Пожалуй, мне в особенности.

Он резко замолчал.

— Вам поручили его найти?

— Да, сэр. Я просто зашел спросить у вас...

— И у вас есть о нем новости?

— Нет, сэр. К сожалению, у нас ни единой зацепки. Я просто хотел спросить...

Профессор снова прервал его. Он игнорировал все попытки инспектора задать ему вопрос. Погасив спиртовку, профессор поднес кастрюлю к носу и понюхал.

— Восхитительно! — воскликнул он. — Пойдемте, инспектор, я покажу вам моих кошечек.

Резко повернувшись, он распахнул дверь около камина.

— На самом деле это спальня, но я преобразовал ее в сокровищницу.

Пул, следуя за хозяином, оказался на пороге большой комнаты, обставленной как музей. Вдоль стен выстроились стеклянные шкафы, на полу стояли деревянные ящики со стеклянными крышками. Света было мало, но инспектор смог различить керамическую и металлическую посуду, головные уборы, куски камня и гипса, покрытые египетскими фигурами, — все обычные сокровища египтолога. Профессор снял кусок клеенки со стеклянного ящика.

— Мои кошечки, — сказал он.

Под стеклом лежали мумифицированные кошки, большинство из них — черные и сморщенные, несколько были покрыты мехом и вы-

глядели как самые обычные дохлые кошки. Одна фигура, целиком завернутая в бинты, выглядела как человеческая, будто жертва несчастного случая. Пул почувствовал, как волна ужаса пробежала по его телу. Что имел в виду профессор, когда говорил о своем зелье — “для моих кошечек”? Неужели... Он повернулся, чтобы задать вопрос, но обнаружил, что Кэйзер оставил его и стоял теперь у саркофага рядом с окном.

— Моя прелесть! — Профессор наклонился и погладил деревянную крышку. — Шедевр великого Рамзеса Второго... его собственный метод... ростовщик! Фараон использовал его, чтобы завершить эксперимент. Процесс длился сто дней — сто дней! — этот еще не готов!

Инспектор подошел к хозяину дома. Пока Пул слушал, его тело покрылось холодным потом, он задрожал с головы до ног. Он посмотрел на человека рядом с собой и увидел блеск в его глазах — хищный, жестокий, безумный.

Пул наклонился и сорвал с саркофага крышку, отбросив ее в сторону. Внутри лежало нечто, выглядевшее как мумия, — человеческая фигура, полностью завернутая в бинты, как та кошка, и даже лицо было закрыто. Бросив взгляд через плечо, он увидел сухопарую фигуру профессора, нависшую над ним, с рукой, заведенной назад, и сумасшедшим блеском в глазах. Быстрее мысли Пул бросился вниз и в сторону, в ноги профессору; что-то разбилось о деревянный гроб, и мужчины покатались по полу.

К счастью для Пула, профессор ударился головой об один из ящиков

и лежал неподвижно: инспектор хорошо знал, как трудно совладать со сверхчеловеческой силой маньяка, а этот человек был маньяк. Поднявшись на ноги, Пул склонился над саркофагом и перочинным ножом разрезал бинты на лице у "мумии". Когда ткань отошла, взгляду открылось белое сморщенное лицо молодого человека; его глаза были открыты, но они были бессмысленные и тусклые, и читался в них только безмерный страх.

Пул бросился на площадку и громко позвал на помощь. Два студента прибежали из комнаты этажом ниже.

— Быстро приведите врача, кто-нибудь, и полицию! — воскликнул инспектор. — Здесь молодой Кэтлинг, едва живой. А ты подойди и помоги мне!

Он снова вбежал в музей — и вовремя: профессор уже вставал на колени. Пул отбросил его обратно на пол, встал коленями ему на плечи и сжал его запястья.

— Найди веревку или бинты и свяжи ему ноги! — крикнул он. — Молодец! Теперь руки... Хорошо, пока согдится. Теперь помоги мне вытащить бедного парня.

Вместе двое мужчин бережно подняли замотанную фигуру из саркофага — Пул был почти рад, что юноша потерял сознание, — и отнесли его на диван в гостиную. Они бережно распутали бинты и растерли ему затекшие холодные конечности. Молодой человек открыл глаза и дико, непонимающе огляделся.

— Все хорошо! — радостно сказал Пул. — Все теперь хорошо, вы среди друзей!

Глаза юноши остановились на его лице, но вместо облегчения, которое

Пул ожидал увидеть, в них появился страх, явный и растущий страх. Его губы зашевелились, и Пул, приблизив к ним ухо, с трудом услышал:

— Молоко! Цемент — жидкий цемент!

Юноша снова потерял сознание, и в тот же миг послышался шум на лестнице, в дверях показались сержант в униформе и два констебля.

— Ваш клиент в соседней комнате. Осторожнее, он сумасшедший. Я советую вам вызвать "скорую" и привязать его к носилкам, и накройте их одеялом. Вы же не хотите, чтобы весь колледж увидел, кого вы взяли. А, это вы, доктор? Слава богу, вы пришли. Этот бедный парень едва жив.

Пул рассказал то, что знал о необычных обстоятельствах дела, и было решено, что Кэтлинга нельзя трогать: возможно, ему нужно сделать рентгеновский снимок, кроме того, необходим химический анализ зелья.

Вскоре юноша пришел в себя, и, поскольку цвет его лица улучшился, ему позволили рассказать свою историю. Он рассказывал сбивчиво, часто останавливаясь, бормоча что-то несвязное, но суть сводилась к следующему.

Наткнувшись на письмо, присланное Ассоциацией археологических поставок профессору Кэйзеру, Кэтлинг подумал, что было бы весело переодеться инспектором и "арестовать" профессора за долги. Он поднялся в свои комнаты в пятницу днем, после ленча, и, выбрав то время, когда все будут заняты играми, греблей или учебой, проскользнул в Олд-квуд, зная по опыту, что вечер пятницы профессор проводит у себя.

Профессор поначалу купился, рвал и метал самым натуральным образом. Затем он внезапно затих, по-видимому смирившись с неизбежным, и предложил показать “инспектору” свои сокровища, за которые с него требовали уплаты долга. Кэтлинг так и не понял, означала ли эта смена настроения, что профессор узнал его; он последовал за Кэйзером в музей и, разглядывая мумифицированных кошек, вдруг получил ужасный удар по затылку, а придя в себя, обнаружил, что лежит целиком забинтованный в саркофаге, как Пул его и нашел, с тем исключением, что лицо было открыто, а профессор склонялся над ним и объяснял с жутким весельем суть эксперимента, который он собирался провести.

По легенде, Рамзес Второй усовершенствовал метод мумифицирования благодаря эксперименту над несчастным ростовщиком, который, на свою беду, чем-то разозлил фараона. Метод состоял в постепенном введении в организм еще живой жертвы некоего состава, который со временем затвердевал в ней; состав включал в себя, судя по всему, консервант и кристаллизующее вещество, так что мумия не только сохраняла форму, но и не усыхала. Бинты, которые профессор успешно использовал в своих опытах на кошках, уберегали тела от “вспучивания”, как безумец радостно объяснил жертве.

По всей вероятности, жестокость этого опыта постепенно повлияла на ум профессора и превратила его

из ученого-экспериментатора в чудовище. В любом случае он навсегда утратил рассудок и не предстал перед судом.

Анализ содержимого кастрюли выявил присутствие неизвестного вещества, обладавшего некоторыми свойствами цемента, но содержание его было невелико, и оставалась надежда, что он не полностью отвердил органы, в которые был введен. Надежда оправдалась, и молодой Кэтлинг после нескольких месяцев экспериментального лечения полностью выздоровел. По-видимому, желание безумца продлить процесс спасло Кэтлингу жизнь.

Когда стало известно, что юноша вне опасности, Пул получил от декана приглашение отужинать с ним в университетской обеденной зале. В некотором волнении он прибыл в Оксфорд и после ужина был принят как выдающийся выпускник Оксфордского университета в профессорской гостиной, где его угостили орехами и вином.

— Я знал, что вы предпочли бы, чтобы я обращался с вами соответственно вашему положению, пока дело не будет окончено, — сказал Ладдингем, — хотя мне стоило больших усилий не сделать вам замечания, когда вы не моргнув глазом заявили мне, что опросили “трех ближайших друзей пропавшего”. Вы действительно, должно быть, очень переменялись, Пул, — и, возможно, даже возмужали, — чтобы в присутствии декана Святого Петра столь хладнокровно сказать “трех” вместо “троих”.

Фримен Уиллс Крофтс

1879–1957

Перевод и вступление Анны Рудычевой

ФРИМЕН Уиллс Крофтс всю жизнь разрывался между железнодорожным делом и сочинением детективов. Эта двойственность не могла не проявиться в его творчестве.

Фримен Уиллс Крофтс родился в Дублине в семье ирландских протестантов. Его отец — военный хирург — умер перед самым рождением сына. Когда мальчику было три года, мать вторично вышла замуж — отчим был викарием. Будущий писатель учился в Методистском колледже и в Кэмпбелл-колледже в Белфасте. С 1886 года он стал помощником дяди, Беркли Д. Уайза, который был главным инженером железных дорог по всему региону Северной Ирландии и Белфасту. Впоследствии Фримен Уиллс Крофтс работал инженером на железной дороге, постоянно поднимаясь по служебной лестнице. Он также был способным музыкантом — играл на органе и руководил хором в местной приходской церкви. В 1912 году женился на Мэри Каннинг. Детей у супругов не было. В 1919 году Крофтс тяжело заболел и по совету докторов занялся «книжной терапией» — начал писать свой первый детективный роман «Бочонок», который уже в 1920 году был опубликован и имел большой успех. В 1929 году писатель в нем победил железнодорожника: Крофтс оставил должность инженера и переехал с семьей в Англию, где и происходит действие большинства его рассказов и романов.

**FREEMAN WILLS
CROFTS**

Крофтса и его последователей прозвали “канительщиками”, за то что его сюжетам не хватало динамичности, а главному герою-следователю — яркости и неординарности, которыми были в избытке наделены Шерлок Холмс или Эркюль Пуаро. Сквозной персонаж Крофтса, инспектор Френч, является образцом семьянина, увлеченного садоводством (черты, списанные с самого Крофтса), который тем не менее работает в полиции и должен раскрывать преступления, что он и проделывает весьма методично и с математической точностью. Инспектор Френч не оставляет камня на камне от самых несокрушимых алиби благодаря тщательному расчету времени и привычке все сверять с расписанием поездов. Агата Кристи не забыла этот конек инспектора, включив пародию на Крофтса в свой сборник “Партнеры по преступлению”.

Крофтс был одним из основателей Детективного клуба и принимал участие в составлении сборников “Шестеро против Скотленд-Ярда” и “Двойная смерть”, а в более поздние годы своей жизни занялся литературой для детей и составил упрощенное изложение Евангелия.

КАК УЖЕ было сказано, поезда играют чрезмерно важную роль в литературном наследии Крофтса. Добрая половина историй его сборника “Тайна спального вагона и другие рассказы” посвящена убийству в поезде, у поезда или посредством поезда. Многие современники, отмечая этот лейтмотив в творчестве Крофтса, посмеивались над тем, что даже его гениальный инспектор, по-видимому, зарабатывает так мало, что вынужден ездить на поезде, а не на собственной машине или такси. Другим лейтмотивом Крофтса можно назвать убийство на почве шантажа.

Рассказ, предлагаемый вниманию читателя, считается одним из лучших у Крофтса — не в последнюю очередь потому, что в нем не описано устройство поезда во всех деталях. Хотя без поезда все-таки не обошлось.

© The Society of Authors as the Literary Representative of the Estate of Freeman Wills Crofts
© А. Рудычева, перевод на русский язык и вступление, 2011

РАССКАЗ “ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ПЕРЕЕЗД”
БЫЛ ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАН В 1933 ГОДУ
В ЖУРНАЛЕ “КОРНХИЛЛ”.

THE LEVEL CROSSING

THE CORNHILL MAGAZINE, 1933.

ФРИМЕН УИЛЛС КРОФТС

Железнодорожный переезд

Дунстан Твейт невольно содрогнулся, взглянув на железнодорожный переезд. Именно здесь сегодня ночью он убьет своего врага Джона Данна.

Место было выбрано идеально. Резкий поворот и ряды пихтовых деревьев закрывали обзор и заглушали звук приближающегося поезда. Составы всегда двигались быстро и сигнализировали лишь за пять-шесть секунд до приближения, так что малейшая неосторожность или промедление могли оказаться роковыми. Несчастный случай здесь не вызовет подозрений.

Переезд был нерегулируемый: ни сигнальщика, ни сторожки поблизости не было. Да и вообще его ниоткуда не было видно в этой глуши. Ближайшим жильем был дом самого Твейта, но и оттуда обзор закрывали деревья. Тропинка, пересекавшая здесь железнодорожные пути, бежала вглубь сельской местности за домом Твейта, а за переездом выходила на главную дорогу. Но переезд использовался нечасто. В таком небезопасном месте машины или повозки проезжали редко, поэтому ворота стояли закрыты-

ми. Была, однако, калитка, через которую пешеходы срезали путь к ближайшей станции, но их было немного, а в тот час, на который рассчитывал Твейт, — и вовсе никого.

Совершить преступление будет совсем несложно — он все спланировал. И никто ничего не заподозрит. Все будет шито-крыто. Тщательная подготовка, несколько неприятных минут — и он снова свободный человек.

Вот уже пять лет Джон Данн был его мучителем. Уже пять лет Твейт страдал и не видел никакого выхода. Даже здоровье его пошатнулось, и приходилось на ночь пить снотворное. Теперь он избавится от этого груза. Завтра он будет свободен.

Твейт сам навлек на себя беду, но разве от этого легче? Твейт был карьеристом, причем весьма преуспевающим. Он рано остался сиротой и вынужден был сам пробивать себе дорогу. По счастливой случайности он получил работу в управлении крупного сталелитейного завода. Он работал там лишь с одной целью, и он ее достиг. В 35 лет его назначили бухгалтером. Если бы не та роковая ошибка, его будущее было бы обеспечено.

Это случилось пять лет назад, когда он служил помощником у прежнего бухгалтера, человека пожилого и добродушного. Твейт собирался, как это называют, выгодно жениться. Прекрасная мисс Лоррейн не только блистала в местном обществе, но и, по слухам, обладала немалым состоянием. Никто из ее друзей не мог понять, почему она вдруг решила отдать свои лучшие годы человеку вроде Твейта. Некоторые говорили, что это настоящая любовь, другие, более циничные, считали, что мисс Лоррейн заприметила будущего победителя и сделала на него ставку. Для Твейта это была во всех отношениях блестящая партия, но он обнаружил, что свадьба обойдется ему недешево. В конце концов приготовления настолько стеснили его в средствах, что пришлось выбирать: либо немедленно добыть денег, либо попроситься с Хильдой Лоррейн.

Внезапно возможность представилась сама собой, и он потерял голову. Небольшой промах одного из директоров, который Твейт вовремя заметил и ловко им воспользовался, затем пара тонких манипуляций

— Вам не приходило в голову, Данн, — сказал он как-то, — что мы с вами в одной лодке?

с бухгалтерской книгой под носом у рассеянного начальника — и добрая тысяча фунтов со счета компании оказалась у Твейта в кармане. Разумеется, он надеялся вернуть ее после свадьбы. Но прежде, чем он успел это

сделать, недостача была обнаружена. Вместе с ней обнаружили причины подозревать другого служащего. Доказать ничего не удалось, но беднягу без лишнего шума уволили.

Твейт затаился и ничего не сказал. Ему все сошло с рук — почти. Никто ничего не знал, никто ничего не заподозрил, кроме его собственного заместителя — Джона Данна. И Данн методично проштудировал все бухгалтерские книги, пока не раздобыл доказательства.

Но он не воспользовался добытой информацией так, как надлежит честному служащему. Наоборот, он тайно встретился с Твейтом. Из рук в руки перешли сто фунтов.

Данн наслаждался властью над Твейтом и был согласен на сто фунтов — но только в первый год. Затем произошла вторая встреча. Твейт за это время получил повышение. Женившись, он еще более поправил свои денежные дела. Данн унес домой 250 фунтов.

Так продолжалось уже пять лет. Требования Данна все росли, и конца им было не видно. Но теперь Твейт решил положить этому конец.

Сначала он попробовал прибегнуть к очевидному средству.

— Вам не приходило в голову, Данн, — сказал он как-то, — что мы с вами в одной лодке? Вы знали о моей вине и скрыли ее; вы фактически стали соучастником. Если вы отправите меня за решетку, мы окажемся там вместе.

Но Данн только злобно рассмеялся.

— Ах, да бросьте вы, мистер Твейт, — ответил он, — вы меня недооцениваете, ой как недооцениваете.

Твейт все еще помнил насмешку и коварство в его глазах, как если бы это было вчера.

— Я “найду улики” ровно в тот день, когда вас заложу. Понимаете? Я, мол, всегда подозревал, но никак не мог доказать. Скажу им, что в этот самый день впервые просматривал старый грессбук — и там увидел доказательство. Какой же я соучастник, мистер Твейт. Всего лишь бедный клерк, исполняющий неприятную обязанность во благо компании.

Твейт выругался — и заплатил. А теперь, после четырех лет супружеской жизни, он больше не мог сводить концы с концами. Жена действительно принесла в семью деньги, но сумма была далека от той, которую предсказывали слухи. Кроме того, она придерживалась убеждения, что деньги в семье — забота мужа. Ей нужен был дорогой дом, дорогая машина, лучшие слуги, развлечения, ужины и театры. Твейт к тому же должен был сам жить в соответствии со своим положением.

И как со всем этим справиться, пока Данн постоянно тянет из него деньги? Если избавиться от Данна, то он как раз сможет удержаться на плаву.

— Вчера я была в Пенборо и посмотрела тот симпатичный седан “сириус”, — сообщила его жена несколько дней назад. — Это хорошая машина, Дунстан. Я не вижу причин, почему бы нам ее не купить прямо сейчас. Если ты и правда так стеснен в деньгах, как уверяешь, мы могли бы купить ее в рассрочку.

— Я не хочу в это ввязываться, — ответил Твейт. — С рассрочкой никогда не знаешь, твоя вещь или нет.

— Может, тебе она не нужна, — резко произнесла его жена, — а обо мне ты подумал? Я, между прочим, езжу на допотопном “остине”, а все мои подруги разъезжают на “сингерах”, “даймлерах” и “линкольнах”. Полюбуйся на Майру Тернер и ее новый “роллс-ройс”. Я не могу на это спокойно смотреть. И я больше терпеть не стану.

— Я понимаю, Хильда, — устало сказал Твейт. — Я знаю, что ты достойна большего, и со временем я все устрою. Но мы должны подождать. Поверь, у меня действительно нет денег.

Ее лицо приобрело то холодное выражение, которое он хорошо знал и которого боялся. У них уже было много подобных разговоров.

— Я не хочу лезть в твои тайны, — произнесла она язвительно и резко. — Даже если ты содержишь другую семью, мне это неинтересно. Но вот что я тебе скажу: купи эту машину или я ее куплю сама. Я не понимаю, почему с твоими желаниями надо считаться, а

с моими — нет. Я надеюсь, ты в состоянии заплатить хотя бы первый взнос?

Твейт вздохнул. Он помалкивал, потому что знал: Хильда права. Во все не стесненность в средствах и не отсутствие дорогих машин превратили верную спутницу в недоверчивого чужого человека, а их совместную жизнь — в кошмар. Собственная жена не могла на него положиться. Она знала, что муж скрывает несколько сотен фунтов в год. Хильда Твейт была не глупа, и первые же попытки сбить ее с толку только ухудшили ситуацию. И все же Твейт верил, что с решением этой денежной проблемы возвратится и их семейное счастье. Но на пути стоял Джон Данн.

Боже, как он ненавидел этого человека! У него не выходила из головы мысль о железнодорожном переезде. Эта мысль была для него не нова. Несколько недель назад он представил себе картину того, что может случиться, во всех ужасных подробностях. План зародился у Твейта, когда врач прописал ему снотворное. Сначала он хотел дать Данну смертельную дозу, но потом подумал, что это слишком опрометчивое решение, и ему пришел в голову более хитроумный способ. Поскольку рядом есть переезд, безопасной дозы снотворного будет достаточно.

Твейт еще раз пересмотрел весь свой план. С каким-то ужасом он чувствовал, будто к задуманному его влекут какие-то могучие, не зависящие от него силы. Подобно герою рассказа По, он чувствовал, как стены комнаты смыкаются вокруг него.

На следующее утро, когда Твейт все еще сомневался, Данн сам положил

конец его раздумьям. Они оба сидели в кабинете Твейта, обсуждая дела.

— Прошу прощения за беспокойство, мистер Твейт, — начал Данн своим хныкающим голосом, когда с делами было покончено, — но я опять в затруднении касательно моего сына. Он снова попал в беду и должен заплатить пятьсот фунтов — или его арестуют. Я хотел бы спросить, мистер Твейт, не могли бы вы как-нибудь помочь мне?

По причине, известной только самому Данну, он всегда просил денег под предлогом помощи несуществующему сыну. Когда Твейт впервые указал Данну на это упущение, тот охотно признал его, но с циничным бесстыдством продолжал высказывать все свои дальнейшие требования в той же форме.

— Черт бы побрал вашего сына! — тихо выругался Твейт. Хотя комната была большая, он старался, чтобы его никто не услышал. — Вы что, прямо не можете сказать, что вам надо?

— Прямо, если вам так угодно, мистер Твейт, — дружелюбно согласился Данн. — Пятьсот фунтиков. Это же сущий пустяк для нас, джентльменов.

Мистер Твейт почувствовал желание схватить это существо за горло и медленно выдавить всю жизнь из его ничтожного тела.

— Пять сотен? — переспросил он. — А луну с неба не хотите? Шансы на нее у вас примерно те же.

Данн потер руки.

— Ну что же вы, мистер Твейт, — заскулил он, — как же так? Это меня расстраивает. Для джентльмена вроде вас пять сотен — совершенно ничтожная сумма. Ничтожная. Вы же

не станете поднимать шум из-за такого пустяка?

— Даже не надейтесь, — отрезал Твейт. — И я скажу почему. У меня нет таких денег. Я бы мог вам дать сумму поменьше, но не пять сотен. Их вам не видать.

Данн коварно улыбнулся. Разговор дошел до его любимой стадии.

— Пять сотен, мистер Твейт, — пробубнил он. — Вы же не оставите бедняка без его кровных денежек?

Твейт твердо посмотрел на него.

— Не будьте дураком, — посоветовал он. — Я заплатил вам чуть ли не три тысячи за последние пять лет, и с меня хватит. Не доводите меня до крайности.

Данн изобразил оскорбленную невинность.

— До крайности, мистер Твейт? Я бы вас ни за что не побеспокоил, ни за что на свете. Я бы никогда не побеспокоил вас из-за этого пустяка, если бы не знал, что вам ничего не стоит мне помочь. Сэр, вы раните мои чувства.

— Ничего не стоит вам помочь? Если вы так много знаете, может, вы еще знаете, где мне взять деньги?

Данн нагло ухмыльнулся:

— Я бы не стал навязывать вам своего мнения, но раз вы спрашиваете, это другое дело. Если хотите моего совета, сэр, то почему бы не повременить с покупкой “сириуса”? “Остин” все еще хорошая машина. Многие дорого бы дали за пятилетний “остин”.

Твейт стал осыпать его проклятиями.

— Откуда, черт побери, вы об этом узнали? — прогремел он.

— Нет ничего проще, — спокойно ответил Данн. — Все знают, что мис-

сис Твейт ездила смотреть новый седан, и несложно догадаться зачем.

Именно в тот момент Твейт окончательно решил осуществить свой план. Он притворился, что размышляет, а затем нетерпеливо подался вперед в своем кресле.

— Хорошо, — сказал он, — но не станем обсуждать это здесь. Я сделаю что смогу. Приходите завтра вечером, и мы обо всем поговорим.

Следующим вечером миссис Твейт собиралась в город.

— И кстати, — добавил он, — принесите с собой сметы Максвелла. Пусть у нас будет предлог для встречи.

Пока все шло хорошо. Твейт видел, что у Данна нет никаких подозрений. Да и не могло быть. Он уже не впервые приходил домой к Твейту по подобным делам.

Следующим вечером Твейт приступил к нехитрым приготовлениям. Он положил в карман пятьдесят фунтов банкнотами, а банковскую книжку с информацией о состоянии своего счета на сегодняшний день запер в сейф. Затем он написал письмо своему биржевому маклеру, положил копию в папку, а оригинал сжег. Потом вылил виски из графина, оставив только на две небольшие порции, и высыпал туда половину дозы своего снотворного порошка. Рядом он поставил неоткрытую бутылку виски, сифон, воду и стаканы. В правый карман пальто, висящего в коридоре рядом с кабинетом, он положил молоток, а в левый — электрический фонарик. Наконец, перевел стрелки наручных и настенных часов на десять минут вперед. И уселся ждать.

Необходимо было все предусмотреть. Наверняка возникнут подозрения, и он должен быть готов к объяснениям с полицией. Твейт знал, что в офисе поговаривают, будто у Данна есть над ним какая-то власть. Данну сходили с рук промашки, которые другим не прощались. Но у Твейта будет хорошее алиби. Он докажет, что не покидал дома в тот вечер.

Когда все было готово, Твейт вдруг почувствовал, как им овладевает ужас. Как и многим, ему доводилось читать про убийства, и он поражался, сколько ошибок совершают убийцы себе на погибель. Сейчас, хотя преступление существовало лишь в его воображении, он понимал причины этих ошибок. Под давлением таких чувств человек не может нормально думать. Он будто бы видел перед собой Данна, живого и здорового, не подозревающего о скорой смерти. Он видел самого себя, поднимающего молоток, затем слышал отвратительный звук удара молотка о человеческий череп, потом тело падает и остается неподвижным. Мертвое тело Данна! Но с живыми глазами. В воображении Твейта глаза так и оставались живыми и смотрели на него с укором, преследовали его, куда бы он ни шел. Он содрогнулся. Господи! Если он это сделает, сможет ли он потом жить спокойно?

Он схватил фляжку, плеснул себе виски и почти залпом проглотил его. И тотчас же все снова встало на свои места. Нечего распускаться. Он никогда не боялся — не побоится и в этот раз. Немного храбрости, отвратительные десять минут, а затем — безопасность, свобода от нынешних

забот, семейное счастье, уверенность в завтрашнем дне. Когда спустя полчаса в дверь позвонили и появился Данн, Твейт снова был самим собой.

Специально для служанки Твейт дружелюбно поприветствовал гостя:

— А, сметы Максвелла! Ничего, сейчас мы с ними разберемся! — Когда дверь закрылась, он продолжил: — Достаньте их, Данн, я подпишу. Уж осторожность так осторожность. Вы пришли сюда разобраться с этими бумагами, мы и разберемся.

Они уселись за работу, словно находились в офисе. Через пятнадцать минут дело было закончено, и Данн засунул бумаги обратно в карман. Твейт откинулся на спинку стула.

— Теперь о другом, — произнес он медленно, и глаза Данна жадно заблестели. — Кстати, — и Твейт поднялся на ноги, будто собирался что-то взять, — выпить хотите? Хотя дело у нас малоприятное, ссориться незначем.

Глаза Данна забегали. Искушение боролось в нем с подозрительностью.

— Я сегодня, пожалуй, воздержусь, — неуверенно сказал он.

— Не будьте таким непроходимым дураком, — резко ответил Твейт. — Чего вы боитесь? Думаете, я вас отравить решил? Вот, смотрите, — он указал на графин и стаканы на другом конце стола, — налейте нам обоим. — И он пододвинул ему сифон. — Содовой добавьте сами и не изображайте еще большего осла, чем вы есть.

Искушение взяло верх, как и предполагалось. Твейт первый выпил из своего стакана, и Данн, чьи подозрения были развеяны этой наглядной демонстрацией, последовал его примеру. Доза снотворного была малень-

кой, четверть полагающейся взрослому человеку, но для целей Твейта годилась как нельзя лучше. На него самого она не возымеет никакого действия, поскольку он принимает снотворное регулярно. А вот Данна потянет в сон. Твейт не хотел усыплять его; он просто хотел, чтобы тот расслабился и потерял бдительность.

С мрачным удовлетворением Твейт отметил свою первую победу. Оставалось только следить, чтобы ни малейшего подозрения о его намерениях не прокралось в голову жертвы. Он подался вперед и заговорил доверительным тоном:

— Послушайте, Данн, скажу вам, как честный человек честному человеку: о пятистах фунтах не может быть и речи. У меня их попросту нет, и ничего с этим не поделать. Я вам уже сказал. Тем не менее мне было необходимо встретиться с вами. Как насчет этого?

Тут он вытащил из кармана банкноты и бросил их на стол. Затем отошел и достал из папки копию письма к биржевому маклеру. Данн схватил банкноты и медленно, поглаживая их, будто бы наслаждаясь самим прикосновением, принялся пересчитывать.

— Пятьдесят? — холодно усмехнулся он. — Да вы шутник!

— Прочтите письмо, — нетерпеливо произнес Твейт.

Данн стал читать внимательно и неторопливо. Затем столь же неторопливо он допил свой виски и раздельно произнес:

— Продажа акций на двести пятьдесят фунтов? Вы сегодня склонны шутить, мистер Твейт.

— Три сотни, Данн! Три сотни наличными! В шесть раз больше, чем то, что я вам даю сейчас. Подумайте об этом! И я не говорю, что это последние деньги, — добавил Твейт. — Не будьте глупцом, Данн. Берите три сотни и скажите спасибо.

Губы Данна медленно растянулись в злобной улыбке.

— Пять сотен, мистер Твейт, — повторил он. — Я же говорил: мой сын...

Твейт резко поднялся на ноги и начал мерить шагами комнату.

— Но, черт побери, Данн, вы что, не слышали: я не могу заплатить! Проклятье, вы не верите мне? Смотрите сами. — И, взяв ключи, он направился к стенному сейфу в углу комнаты, отпер его, распахнул тяжелую дверцу, вынул свою банковскую книжку и швырнул ее на стол перед Данном. — Вот взгляните сами: в нее записано все до сегодняшнего дня.

Данн снова ухмыльнулся:

— Записано, мистер Твейт? Вы меня удивляете, сэр. Человек с вашим опытом может записать что угодно: не думаете же вы, что я вам поверю?

Твейт почувствовал облегчение: старый дурак только облегчает ему жизнь. Он не обратил внимания на насмешку.

— Как знаете. Я сделал вам предложение, — сказал он, — пятьдесят фунтов сейчас и оставшиеся двести пятьдесят сразу, как только мой маклер продаст акции. Берите или уходите. Но предупреждаю, что больше вы от меня ничего не получите. Мое терпение иссякло. Пора этому положить конец.

— Можно поинтересоваться, каким образом?

— Можно. Вы расскажете все, что знаете. Это было пять лет назад, с тех пор я служил компании верой и правдой. Я помог им сберечь куда больше той проклятой тысячи. Я продам этот дом и заплачу долг с процентами. Я понесу заслуженное наказание, оно не будет слишком строгим, учитывая все обстоятельства, а затем уеду за границу под новым именем и начну все сначала.

— А ваша жена, сэр?

Твейт обернулся.

— Черт вас подери, это не вашего ума дело! — воскликнул он с раздражением. А потом добавил уже спокойнее: — Моя жена покинет страну до этого, если хотите знать. Она будет ждать меня под новым именем — и вы никогда не узнаете, где именно. Прождет два-три года, не больше. Вот так. Можете забирать свои три сотни, и впредь будете получать три

сотни каждый год. Не нравится — идите и донесите на меня.

Данн смотрел на него слегка отупевшим взглядом. Снотворное уже действовало. Твейт на мгновение испугался, что переборщил.

— Итак, — решительно произнес он, взглянув на часы — время пришло, — что скажете? Берете или уходите?

— Пять сотен, — слегка хриплым голосом настаивал Данн. — Пять сотен, и ни пенса меньше.

— Ладно, — быстро ответил Твейт, — тогда все решено. Можете идти и доносить. Прощайте.

Данн тупо посмотрел на него. Потом скорчил хитрую гримасу.

— Ну уж нет, мистер Твейт, не прощайте, — заплетающимся языком промямлил он. — Вы не такой дурак, нет. Давайте же, платите, — и он протянул раскрытую ладонь, — пять сотен.

This is No. 2 Pullman, one of the splendid trains in the Hornby System. It consists of two handsome Pullman Coaches hauled by a fine 4-4-0 loco of great power and speed, and it is running daily in hundreds of homes in all parts of the world.

PRICE - - 60/-

HORNBY TRAINS

BRITISH AND GUARANTEED

Твейт с неподдельным волнением посмотрел на него.

— Вам нехорошо, Данн? Еще ви-ски? — Не дожидаясь ответа, он от-крыл новую бутылку и наполнил ма-ленький стаканчик.

Данн выпил и, кажется, пришел в себя.

— Странно, мистер Твейт, — заме-тил он, — у меня вдруг закружилась голова. Но сейчас уже лучше. Несва-рение, я полагаю.

— Наверное. Что ж, если вы хо-тите успеть на поезд, думаю, надо выходить. Выспитесь и подумай-те о моем предложении. Скажете мне завтра утром, что вы решили. Пятьдесят возьмите в любом слу-чае.

Данн поколебался, но не выдержал и медленно опустил деньги в карман. Он взглянул на свои наручные часы, затем — на настенные.

— Ваши часы спешат, — заявил он. — Еще есть десять минут.

— Спешат? — переспросил Твейт. — Не думаю. — Он сверился со своими наручными часами. — Нет, думаю, это ваши отстают. Смотрите.

Казалось, Данн немного удивил-ся. Он поднялся, слегка пошатыва-ясь. Твейт мысленно поздравил себя. Именно в таком состоянии он и был ему нужен.

— Да вы посмотрите на себя, — за-метил он, — вы едва на ногах держи-тесь. Я провожу вас до станции. Подо-ждите, только пальто захвачу.

Сейчас, когда момент приближал-ся, Твейт вел себя хладнокровно и обдуманно. Все было под контролем. Он надел пальто и нащупал в кармане молоток.

— Идите сюда, — позвал он, — мы выйдем здесь. Давайте руку.

Кабинет выходил в коридор, ко-торый вел от прихожей к двери в сад. Твейт открыл эту дверь и бесшумно затворил, когда они вышли. Затем он вернется, так же бесшумно войдет обратно, переведет назад настенные и наручные часы, с шумом проша-гает до парадной двери, громко по-желает кому-то спокойной ночи и захлопнет дверь. Затем он позвонит и попросит принести еще кофе, под предлогом того, что сегодня будет работать допоздна, а когда служанка войдет, он покажет ей на часы, объ-ясняя, во сколько принести кофе. Это будет доказательством того, что, во-первых, Твейт из дома не выходил, а во-вторых, его жертва ушла вовремя, чтобы успеть на поезд. Учитывая нео-споримость этих двух фактов, его не-виновность станет вполне очевидна.

Ночь была спокойная, но чрезвы-чайно темная. Как только они вышли из дома, мимо простучал колесами товарный состав. Твейт почти лико-вал. Вот его соучастник! В это время суток их было много. Именно один из этих поездов должен скрыть его преступление. Удар молотком по го-лове — из-за шляпы даже крови не будет — затем нужно будет уложить тело на рельсы прямо около переез-да, и поезд завершит дело. Всего не-сколько минут волнения и — свобода!

Двое мужчин медленно шли рука об руку. Теперь их окружала темнота кустарников. Твейт мог бы пройти по тропинке с завязанными глазами. Фо-нарь он захватил на всякий случай. По-дул легкий, но прохладный ветерок. Он мрачно завыл в вершинах сосен, а где-

то вдалеке залаяла собака. В кустах что-то зашуршало: кролик или кошка, наверное. Сердце Твейта билось все сильнее по мере того, как он подводил ничего не подозревающую жертву к ужасной цели. Они уже были на тропинке, ведущей к воротам. Вот они уже у ворот, вот проходят сквозь них, вот узкая дорожка в двадцати ярдах от переезда.

Твейту показалось, что его душа отделилась от тела, пока они шли эти двадцать ярдов. Сзади он, настоящий Твейт, следил за своей движущейся фигурой. Его разум помутнел. Эта фигура должна была совершить что-то ужасное, и он с невозмутимым интересом следил за ее действиями. Они дошли до переезда и остановились у калитки. Не было слышно ни звука, кроме слабого завывания ветра и гула автомобиля на дороге. Твейт схватил молоток. Время пришло.

Вдруг ужасная мысль пронеслась в его голове. Он шумно вдохнул и пошатнулся, как от удара. Нет, сейчас нельзя этого делать! Он совершил ошибку. Выдал себя. Нет, по крайней мере этой ночью Данн в безопасности, словно его сторожил легион ангелов-хранителей с пылающими мечами.

Ключи! Он забыл ключи в сейфе. Без них он не сможет войти обратно в дом. Придется позвонить в дверь. А если он выходил, то очевидно, что он проводил Данна по крайней мере до переезда. Это близко к дому. Твейт облокачился на калитку, мрачно вспоминая самоуверенное ощущение своего превосходства над всеми преступниками, которые совершают ошибки.

Затем на него нахлынула волна облегчения, почти болезненного. Что, если бы он не вспомнил? Еще мгнове-

ние — и он бы стал убийцей, которому пришлось бы скрываться от закона. И ничто не смогло бы спасти его от петли. Внезапный прилив отвращения лишил его присутствия духа. Вдруг он понял, что не может выносить присутствия Данна. Неразборчиво пожелав тому спокойной ночи и доброго пути, Твейт развернулся и нетвердым шагом пошел назад по узкой дорожке.

Минут десять он ходил туда-сюда, чтобы прийти в норму. Затем позвонил в дверь.

— Спасибо, Джейн, — сказал он. Все вокруг по-прежнему было как во сне. — Я ходил проводить мистера Данна до переезда и забыл ключи.

Еще на переезде Твейта охватило огромное чувство облегчения. Сейчас же, к его удивлению, с его души упал еще больший груз: он не убийца! Сейчас он отчетливо осознавал весь ужас этого преступления. Он понял, что его кошмар мог стать реальностью. Если бы он совершил задуманное, то взгляд Данна преследовал бы его всю жизнь. Спокойствие, безопасность, счастье, уверенность? Их бы больше не было! Его нынешнее рабство сменилось бы рабством в десять раз тяжелее прежнего.

Спокойно и с легкой душой он пошел спать. Спокойно и с легкой душой он проснулся на следующее утро. Весь этот кошмар останется в прошлом. Сегодня же он во всем признается управляющему, понесет заслуженное наказание и успокоится.

Но удар ждал его за завтраком. Джейн, с широко раскрытыми глазами, ворвалась в комнату.

— Вы уже слышали новости, сэр? — вскричала она. — Молочник только что рассказал мне, что мистер Данн

погиб прошлой ночью; его задавило поездом на переезде! Рабочие нашли его тело на путях сегодня утром, чудовищно изуродованное!

Твейт страшно побледнел. *Что он сказал Джейн вчера ночью? Вон как она на него таращится. Что она могла подумать?*

Нечеловеческим усилием он собрал волю в кулак.

— Боже мой! — воскликнул он с ошарашенным видом, поднимаясь из-за стола. — Данн погиб? О господи, Джейн, как это ужасно! Я сейчас же пойду туда.

И он пошел. Тело уже убрали в домик рабочих неподалеку, и повсюду была полиция. Сержант поздоровался с Твейтом.

— Ужасное происшествие, мистер Твейт! — сказал он оживленно. — Вы ведь знали этого пожилого джентльмена?

— Знал его? — переспросил Твейт. — Разумеется знал. Он работал у меня в конторе. И приходил ко мне вчера вечером, нам надо было обсудить одно дело. Наверное, это случилось, когда он шел к станции. Ужасно! Я все еще не могу прийти в себя.

— Не сомневаюсь, — посочувствовал веселый сержант. — Но, черт побери, сэр, и такое случается.

— Я знаю, сержант, но мне не по себе, поскольку я чувствую себя отчасти виноватым. Он выпил слишком много. Я налил ему совсем мало, но к выпивке он был явно непривычен. Конечно, он не был пьян, но я все равно решил выйти и проводить его до станции.

Лицо сержанта изменилось.

— Так вы вышли вместе с ним? И проводили его до станции?

— Нет. Ему стало лучше на прохладном воздухе. Я попрощался с ним, не доходя до переезда.

Интересно, сержант на всех так смотрит или он уже?..

В тот же день пришли задавать вопросы. К Твейту они зашли на работу, но слуг, надо думать, тоже допросили. Твейт говорил правду: он дошел до калитки и потом повернул домой. Они записали показания и ушли. На следующий день они вернулись.

На суде защита опиралась на то, что Твейт пошел проводить гостя и не скрывал этого ни от слуг, ни от полиции. Но защита никак не могла объяснить ни остатки снотворного, найденные на дне графина и в желудке убитого, ни тот факт, что стрелки часов после обеда начали спешить на десять минут, хотя до обеда, по утверждению Джейн, шли правильно. Защита также не могла не признать значимость выписок из грессбуха, найденных в запечатанном конверте в квартире Данна. А также значимость того, что некоторые суммы в определенные дни исчезали со счета Твейта, а через несколько дней точно такие же суммы появлялись на счету Данна. Наконец, защита не могла убедительно объяснить два факта: во-первых, судя по темным пятнам, найденным на одном из паровозов, трагедия произошла за семь минут до того, как Твейт вернулся домой; во-вторых, почему вдруг кухонный молоток с отпечатками пальцев Твейта оказался в кармане пальто, в котором он выходил на улицу в ту ночь?

В последнее ужасное утро Твейт рассказал исповеднику правду. Затем ему оставалось только собрать в себе все оставшееся мужество.

Найо Марш

1895–1982

Перевод и вступление Анастасии Завозовой

БЛАГОДАРЯ своему отцу Найо Марш родилась два раза. В 1895 году — естественным путем и в 1899-м — официальным, когда ее отец вспомнил, что ребенка надо зарегистрировать. “Найо”, что означает “умненькая”, — одно из традиционных маорийских имен, которые пакеха, то есть жители Новой Зеландии европейского происхождения, часто давали своим детям. Мать Найо была актрисой, и Найо с детства полюбила театр, хотя увиденная ею в юном возрасте сцена самоубийства Джульетты навсегда поселила в ней страх умереть от яда. Именно поэтому у Марш так мало детективов, в которых жертва была бы отравлена.

Несмотря на то что родители Найо Марш были довольно скромно обеспечены и практически всю жизнь копили деньги, чтобы приобрести дом в более уважаемом районе, она получила очень хорошее классическое образование — сначала в колледже Сент-Маргарет, а затем в кентерберийской Школе искусств. Этим она обязана отцу, который, будучи иммигрантом, всю жизнь остро ощущал свое непрочное положение в “приличном” новозеландском обществе и старался изо всех сил, чтобы его дочь заняла в этом обществе более высокое место.

Первоначально Найо Марш не думала связывать свою жизнь с литературой. Она колесила по Новой Зеландии с театральной труппой, после окончания Шко-

NGAIO MARSH

лы искусств профессионально занималась рисованием — ее работы даже выставлялись в художественных галереях — и писала путевые заметки в местные новозеландские газеты. Попав в 1928 году в Лондон, она подрабатывала там манекенщицей и на паях с друзьями даже открыла небольшой магазинчик “Тач энд Гоу”, в котором продавались предметы интерьера, сделанные руками самой Найо и ее друзей. В 1931 году ей — после прочтения какого-то из детективов Кристи — пришла в голову мысль попробовать самой написать убийство, и в 1934-м был опубликован ее дебютный роман “Игра в убийство” (английское название романа — “A Man Lay Dead”). По задумке Найо Марш, ее герой — инспектор, а потом и суперинтендант Родерик Аллейн, джентльмен по происхождению, получивший столь же прекрасное образование и воспитание, как лорд Питер Уимзи, — все же должен был заниматься сыском не для собственного удовольствия: раскрытие преступлений для него не любительское увлечение, а работа, и подчас неприятная. Нарушив каноны классического детектива, Марш в романе “Маэстро, вы — убийца!” (английское название романа — “Artists in Crime”, 1938) знакомит Аллейна с любовью всей его жизни и будущей женой, художницей Агатой Трой, которая в дальнейшем привнесет в тексты Марш то страстное увлечение искусством, которое было свойственно самой писательнице.

ОДНОЙ ИЗ главных особенностей детективной прозы Марш — помимо отсылок к столь любимому ею театру и театральной жизни — было то, что в своих романах она всегда прибегала к изощренному способу убийства. Так, например, голова одной из жертв приземлялась на обеденный стол, другого несчастного сварили в гейзере, а еще кто-то умирал, закатанный заживо в тук с шерстью. В рассказе “Смерть в эфире” Марш не отступает от своих принципов изобретательного убийства.

Найо Марш всю жизнь прожила между Англией и Новой Зеландией, отдав много сил становлению новозеландского театра. Занятно, что сама Марш именно театральную работу воспринимала как дело всей жизни, и в своей автобиографии она лишь вскользь упоминает о сочинении детективов. Она никогда не была замужем и, по словам ее близких, страсть к театру вполне заменяла ей супружество. Впрочем, сама Найо, имея склонность к романтическому эпатажу, любила рассказывать, что хранит вечную верность своему жениху и другу детства Нэду Бристеду, который погиб в Бельгии в 1917 году во время Первой мировой войны, когда ему было всего лишь 19 лет. Впоследствии Марш пережила довольно бурный роман с новозеландским актером русского происхождения по фамилии Токарефф, который был вдвое старше ее, однако Генри Марш отказал Токареффу, когда тот просил руки Найо, и та с легкостью приняла решение отца. За свои театральные и литературные заслуги Найо Марш была в 1966 году награждена Орденом Британской империи. Умерла Найо Марш в 1982 году в возрасте восьмидесяти трех или восьмидесяти семи лет.

НАЙО МАРШ

Смерть в эфире

Двадцать пятого декабря в 7:30 утра мистер Септимус Тонкс был найден мертвым возле своего радиоприемника.

Обнаружила его Эмили Паркс, младшая горничная. Она толкнула дверь и, пятясь, вошла, держа в руках швабру, метелку для пыли и щетку для чистки ковра. В этот самый миг из темноты раздался голос, заставивший ее вздрогнуть от испуга.

— Доброе утро, — произнес голос с безупречной дикцией. — Счастливого Рождества!

Эмили взвизгнула, впрочем не очень громко, так как тотчас же сообразила, в чем дело. Мистер Тонкс

перед сном позабыл выключить свой радиоприемник. Она раздвинула шторы, обнажив бледную взвесь лондонского рождественского утра, включила свет и увидела Септимуса.

Он сидел перед радиоприемником. Это был маленький, но дорогой прибор, собранный специально для него. Септимус сидел в кресле, спиной к Эмили, наклонившись всем телом к радио.

Его странно скрюченные пальцы касались приемника прямо под ручками настройки и громкости. Он сидел, упершись грудью в полку, на которой стоял радиоприемник, и прислонив голову к его передней панели.

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ "СМЕРТЬ В ЭФИРЕ"

БЫЛ НАПЕЧАТАН В 1934 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ "ГРАНД".

DEATH ON THE AIR

THE GRAND MAGAZINE, 1934.

Казалось, что он, затаив дыхание, внимает потаенным секретам радио. Он склонил голову так, что Эмили видела его лысую макушку с напomaженными остатками волос. Мистер Тонкс не двигался.

— Прошу прощения, сэр, — выдохнула Эмили. Ей вновь стало не по себе. Даже страсть мистера Тонкса к радио не могла заставить его подняться с постели в семь тридцать утра.

— Специальная рождественская служба, — объявил рафинированный голос.

Мистер Тонкс сидел очень тихо. Эмили, как и все остальные слуги, до смерти боялась хозяина, поэтому не могла решить, уйти ей или остаться. Уставившись на Септимуса, она вдруг поняла, что на нем по-прежнему вечерашний смокинг. Комната тем временем наполнилась колокольным перефоном.

Эмили раскрыла рот так, что шире было некуда, и кричала, кричала, кричала...

Первым появился Чейз, дворецкий. Это был бледный, обрюзгший мужчина, обладавший, однако, властными манерами.

— Что это еще за выходки? — спросил он и тут заметил Септимуса. Он подошел к креслу, нагнулся и заглянул в лицо хозяину.

Дворецкий не потерял самообладания, однако громко воскликнул:

— Господи! — И бросил Эмили: — Заткнись, дура! — выдав этими вульгарными словами свое волнение.

Он схватил Эмили за плечи и подтолкнул ее к двери, но там уже стоял

секретарь, мистер Хислоп, одетый в халат.

— Боже правый, Чейз, да что за... — начал было говорить он, но его голос перекрыли возобновившиеся вопли и колокольный звон.

Белой пухлой рукой Чейз зажал рот Эмили.

— Не соизволите ли пройти в кабинет, сэр? Несчастный случай. Иди к себе да перестань шуметь, не то я тебе устрою! — Последние его слова были обращены к Эмили, которая стрелой понеслась к остальным слугам, уже столпившимся в холле.

Чейз вернулся в кабинет вместе с мистером Хислопом и запер за собой дверь. Они оба посмотрели на тело Септимуса Тонкса.

Первым заговорил секретарь.

— Но... но... он умер! — сказал маленький мистер Хислоп.

— Полагаю, тут нет никаких сомнений, — прошептал Чейз. — Поглядите на лицо. Какие тут сомнения! Господи!

Мистер Хислоп протянул свою хрупкую руку к склоненной голове Септимуса, но тотчас же отдернул ее. Менее щепетильный Чейз схватил окоченевшее запястье и потянул его на себя. Тело сразу же, будто деревянное, опрокинулось на спину. Рука стукнула дворецкого по лицу. Чертыхнувшись, тот отскочил назад.

Перед ними лежал Септимус Тонкс, задравверху руки и ноги, и свет падал на его искаженное лицо. Чейз показал на его правую руку. Большой, указательный и средний пальцы слегка почернели. Динь-дон, динь-дон.

— Господи, да выключите вы этот перезвон! — воскликнул мистер Хис-

лоп. Чейз щелкнул выключателем, и в наступившей тишине они услышали, как кто-то дергает за ручку двери. Раздался голос Гая Тонкса:

— Хислоп! Мистер Хислоп! Чейз! Что случилось?

— Минуточку, мистер Гай. — Чейз взглянул на секретаря. — Скажите вы, сэр.

И мистру Хислопу пришлось сообщить семье печальную новость. Семья выслушала его сбивчивые объяснения в мертвой тишине. И только когда Гай, старший из троих детей, вошел в кабинет, была сделана первая попытка объяснить произошедшее.

— От чего он умер? — спросил Гай.

— Это невероятно, — промямлил Хислоп, — совершенно невероятно, но выглядит так, будто его...

— ...ударило током, — закончил за него Гай.

— Нужно послать за доктором, — робко предложил мистер Хислоп.

— Разумеется. За доктором Медоузом. Позвоните ему, Хислоп?

Хислоп отправился к телефону, а Гай вернулся к родственникам. Доктор Медоуз жил по соседству и потому прибыл через пять минут. Он осмотрел тело, не двигая его. Расспросил Чейза и Хислопа. Чейз без умолку твердил об ожогах на руке покойного. «Как на электрическом стуле», — все повторял он.

— Мою кузину, сэр, однажды ударило молнией. А я руку как только увидел...

— Да-да, — сказал доктор Медоуз, — вы уже говорили. Я и сам заметил ожоги.

— Как на электрическом стуле, —

повторил Чейз. — Наверное, будет дознание.

Доктор Медоуз прикрикнул на него, вызвал Эмили и отправился к семье Септимуса — Гаю, Артуру, Филиппе и их матери. Они сгрудились вокруг остывшего камина в гостиной. Присев на корточки, Филиппа пыталась разжечь огонь.

— Ну так что случилось? — спросил Артур, едва доктор вошел в комнату.

— Похоже, его ударило током. Гай, можно тебя на пару слов? Филиппа, будь умницей и поухаживай за матерью. Кофе с капелькой бренди. Куда подевались все эти чертовы горничные? Идем, Гай.

Оставшись с Гаем наедине, доктор сказал, что придется послать за полицией.

— За полицией?! — Смуглое лицо Гая побледнело. — Зачем? Что им тут делать?

— Вероятно, ничего, но уведомить их придется. В сложившихся обстоятельствах я не могу выписать свидетельство о смерти. Если его ударило током, то как это случилось?

— Полиция! — сказал Гай. — Да ведь это просто отвратительно. Доктор Медоуз, ради всего святого, не могли бы вы...

— Нет, — ответил доктор Медоуз, — я не могу. Прости, Гай, но другого выхода нет.

— Но, может быть, подождем немного? Взгляните на него еще раз. Вы ведь его толком и не осматривали.

— Я не хотел двигать тело. Соберись, мой мальчик. Слушай, у меня в уголовном отделе Скотленд-Ярда есть приятель, его зовут Аллейн. Самый настоящий джентльмен. Он, конеч-

но, будет в ярости, но если он сейчас в Лондоне, то непременно приедет и постарается, чтобы для вас все прошло гладко. Возвращайся к матери. Я позвоню Аллейну.

Вот почему старшему детективу-инспектору Родерику Аллейну пришлось провести Рождество в трудах. Вообще-то он и так был на дежурстве и сказал Медоузу, что он в любом случае навестил бы его несчастных Тонксов. Прибыв, он держался со свойственной ему холодноватой любезностью. Вместе с ним приехали полицейский врач и инспектор Фокс — высокий, крепко сбитый офицер. Доктор Медоуз проводил их в кабинет. Аллейн в свою очередь увидел неприглядный труп, когда-то бывший Септимусом Тонксом.

— В таком положении его и нашли?

— Нет. Насколько я понял, он сидел, наклонившись вперед, и касался пальцами панели настройки. Должно быть, он не упал, потому что тело удержали подлокотники и корпус приемника.

— А кто его передвинул?

— Дворецкий, Чейз. Говорит, что просто хотел приподнять его руку. Трупное окоченение наступило уже в полной мере.

Аллейн ухватился за твердую шею покойника и подтолкнул его вперед. Тело приняло изначальное положение.

— Приступайте, Кертис, — обратился Аллейн к врачу и, обернувшись к Фоксу, попросил: — Не сходите ли за фотографом, Фокс?

Фотограф сделал четыре снимка и ушел. Аллейн обвел мелом положение рук и ног, нарисовал подробный план

комнаты и снова обратился к докторам:

— Ну что думаете — удар током?

— Похоже на то, — ответил Кертис. — Конечно, вскрытие покажет.

— Конечно. Но все же взгляните на руки. Тут ожоги. Большой, указательный и средний пальцы согнуты, и расстояние между руками такое же, как между ручками настройки. Он явно крутил свою шарманку.

— Черт подери! — впервые за все время высказался инспектор Фокс.

— Хотите сказать, что смертельный разряд он получил через радиоприемник? — спросил доктор Медоуз.

— Не знаю. Я лишь могу отметить, что в момент смерти он держался за ручки настройки.

— Когда горничная нашла Септимуса, радио все еще работало. Чейз выключил приемник, и его разрядом не ударило.

— Ваша очередь, напарник, — сказал Аллейн Фоксу. Тот склонился над выключателем.

— Осторожнее, — предупредил его Аллейн.

— У меня подошвы резиновые, — ответил Фокс и включил радио. Приемник загудел, затем раздались звуки, и он поймал какую-то станцию.

— Рождество-о-о! Рождество-о-о! — ревело радио. Фокс выключил его и выдернул вилку из розетки.

— Хотел бы я заглянуть внутрь этой коробочки, — сказал он.

— Заглянете, старина, непременно заглянете, — ответил Аллейн. — Но перед тем, думаю, нам лучше убрать тело. Медоуз, вы за этим проследите? Фокс, сходите за Бейли, хорошо? Он ждет в машине.

Кертис, Хислоп и Медоуз перенесли Септимуса Тонкса в одну из свободных комнат на первом этаже. Поскольку тело было скрючено, занятие это было нелегким и неприятным. Когда Медоуз, утирая пот со лба, вернулся в кабинет, то обнаружил, что над корпусом радиоприемника трудится сержант Бейли, специалист по отпечаткам пальцев.

— А это зачем? — спросил доктор Медоуз. — Хотите узнать, не покопался ли он внутри?

— Он, — ответил Аллейн, — или кто-то другой.

— Гм. — Доктор Медоуз взглянул на инспектора. — Похоже, мы с вами об одном думаем. Подозреваете, что...

— Подозреваю? Подозрительность мне несвойственна. Просто хочу все сделать как надо. Итак, Бейли, что там у вас?

— Есть четкий отпечаток на подлокотнике. Скорее всего, самого покойника, да, сэр?

— Несомненно. Потом проверим. А что там с радиоприемником?

Надев перчатки, Фокс снял ручку регулятора громкости.

— Вроде все в порядке, — ответил Бейли. — Приборчик отличный, сэр.

Он посветил фонариком на заднюю стенку, открутил пару винтиков и снял корпус.

— А эта дырочка зачем? — спросил Аллейн.

— Какая дырочка, сэр? — отозвался Фокс.

— Которая просверлена в корпусе, сразу над ручкой. Примерно в одну восьмую дюйма диаметром. Ее закрывала ручка, так что можно было и не заметить. Посветите сюда, Бейли. Вот сюда. Теперь видите?

Фокс наклонился вперед и что-то глухо проворчал. Через переднюю панель корпуса пробивался тонкий лучик света.

— Очень странно, сэр, — отозвался Бейли с другой стороны. — Не понимаю вовсе, зачем она тут нужна.

Аллейн снял ручку настройки радиостанций.

— А тут еще одна, — пробормотал он. — Ага. Маленькие, аккуратные дырочки. Просверлены совсем недавно. Необычно, правда?

— Не то слово, сэр, — ответил Фокс.

— Можете идти, Медоуз, — сказал Аллейн.

— Какого черта? — возмутился Медоуз. — К чему вы клоните? Почему мне нельзя тут остаться?

— Где ваш похоронный вид, доктор? Вам же нужно утешать скорбящих родственников.

— Их я уже утешил. Что вы задумали?

— Ну и кто из нас страдает подозрительностью? — мягко спросил его Аллейн. — Ладно, можете ненадолго остаться. Расскажите мне о Тонксах. Кто они? Что за люди? Каким человеком был Септимус?

— Чертовски неприятным, если хотите знать.

— Расскажите о нем.

Доктор Медоуз уселся и закурил.

— Он сам сколотил свое состояние, — сказал он. — Стальная хватка. Не то чтобы вульгарен, но грубоват.

— Вроде доктора Джонсона*?

* Имеется в виду доктор Самюэль Джонсон (1709–1784), автор знаменитого "Словаря английского языка" (1755), литературный критик и эссеист. В спорах бывал несдержан и груб — нередко называло оппонентов собаками, мерзавцами, негодяями и т. п.

PHILIPS 1934 RADIO

TYPE 634A
16
GNS.

See that he buys the set you can all tune

Radio today is a family affair, and the set you want is the one that is so simple to tune that every member of the family can get the fullest enjoyment from it. It is the new Philips Type 634. All you have to do is to refer to the special Identification Chart for the dial reading of the station you want and turn to that on the unique micrometer dial. There are nearly 100 stations on the chart and their dial readings never vary with different acrials or localities. Having chosen your programme the Philips Automatic Volume Control maintains it at a constant strength—no 'fading', no 'blasting'. Again the 634, due to its four ultra selective Superinductance circuits, always gets stations one at a time and clear of interference. The price is right too—so see that you get the set you can all enjoy.

PHILIPS
SUPERINDUCTANCE RADIO
Philips Lampy Limited, Philips House, 345, Charing Cross Road, London, W.C.2.

● Nearly 100 stations on special Identification Chart, each station with its own wavywriting dial reading. Simply look it up—note the dial and there it is.
● Automatic Volume Control prevents 'blasting' and 'fading'.
● TYPE 634. Superinductance selectivity— a range reducing every foreign programme of value—the simplest and most accurate method of tuning ever devised—automatic volume control—special volume switch that immediately selects music-while programmes and suppresses those spoiled by background noise—single knob tuning and complete freedom from local broadcast interference—moving coil speaker with exceptional tone—A question time film for adjusting test to individual requirements.

TYPE 634. PRICE 16 Gns.
for 3.2. net, 100-000 sets.
On 12 monthly payments of £1.10 net each.

TYPE 634. PRICE 17 Gns.
for 3.2. net, 100, 100,000 sets.
On 12 monthly payments of £1.10 net each.

OTHER POPULAR PHILIPS MODELS:

TYPE 634. PRICE 18 Gns.
for 3.2. net, 100, 100,000 sets.
On 12 monthly payments of £1.10 net each.

TYPE 634. PRICE 19 Gns.
for 3.2. net, 100, 100,000 sets.
On 12 monthly payments of £1.10 net each.

TYPE 634. PRICE 20 Gns.
for 3.2. net, 100, 100,000 sets.
On 12 monthly payments of £1.10 net each.

невроза. Ее до смерти запугал собственный муж.

— Не возьму я в толк, зачем тут эти дырки? — пробормотал Фокс, обращаясь к Бейли.

— Продолжайте, Медоуз, — попросил врача Аллейн.

— Года полтора назад я все высказал Септимусу — про ее здоровье. Сказал, что состояние ее рассудка вызывает опасения. Он глянул на меня, осклабился и сказал: "Надо же, у нее есть рассудок!" Но послушайте, Аллейн, я же не могу вот так разговаривать со своих пациентах. Не знаю, что на меня нашло.

— Вы ведь прекрасно понимаете, что я никому ничего не скажу, если только...

— Ни в коей мере. Не перебивайте меня. Я знал его двадцать пять лет. Его жена жила с нами в Дорсете по соседству. Изабель Форстон. Я помогал его детям прийти в эту юдоль скорбей, и, клянусь богом, скорбей у них было предостаточно. Необычное это семейство. Последние десять лет Изабель находится в таком состоянии, что все эти трюкачи-психоаналитики запрыгали бы от восторга. Я же человек старомодный и скажу лишь, что у нее тяжелая форма истерического

— Если только — что?

— Если только не появится необходимости. Продолжайте же, прошу.

Но доктор Медоуз поспешно укрылся за профессиональной этикой. Он мог лишь сообщить, что у мистера Тонкса было слабое сердце и высокое давление, что Гай работал в конторе отца, что Артур желал изучать искусство, но ему велели заняться юриспруденцией, и что Филлипа мечтала о сцене, но ей велели об этом даже не думать.

— Значит, детьми он помыкал, — заметил Аллейн.

— Вам придется это самому выяснить. Я ухажу.

Доктор Медоуз дошел до двери, но вернулся обратно.

— Слушайте, — произнес он, — вот что я вам скажу. Вчера вечером тут была ссора. Я попросил Хислопа — он малый сообразительный — дать мне знать, если что-нибудь огорчит миссис Сеп. Очень сильно огорчит. Между нами говоря, я попросил Хислопа сообщить мне, если Сеп разойдется, потому что Изабель и дети уже порядком от него натерпелись. Он частенько напивался.

Хислоп позвонил мне в десять двадцать вечера и сказал, что тут был страшный скандал. Сеп орал на Фипс в ее комнате — то есть на Филлипу, всегда зову ее Фипс. Я попросил его перезвонить мне через полчаса, если все не уляжется. Велел ему не попадаться на глаза Сепу, сидеть у себя — его комната рядом с комнатой Фипс — и, когда уйдет Сеп, проверить, в порядке ли она. Ссора произошла из-за Хислопа, подробнее сказать не могу. У слуг был выходной. Я сказал ему, что если он не перезвонит через полчаса, то я позвоню сам, и если трубку никто не возьмет, значит, все утихло и улеглись спать. Я позвонил, никто не взял трубку, и я сам отправился спать. Вот и все. Я ухажу. Кертис знает, где меня искать. Полагаю, мое присутствие понадобится на дознании. Всего доброго.

Когда он ушел, Аллейн принялся дотошно осматривать комнату. Фокс и Бейли по-прежнему увлеченно во- зились с радиоприемником.

— Не пойму я, как этот прибор мог укокошить джентльмена, — проворчал Фокс. — Регуляторы в порядке, все на месте. Убедитесь сами, сэр.

Он повернул выключатель и стал настраивать станции. Раздалось продолжительное гудение.

— ...И завершает нашу передачу еще один рождественский хорал, — сказало радио.

— Звук хороший, — одобрительно кивнул Фокс.

— Я кое-что нашел, сэр! — внезапно объявил Бейли.

— Опилки? — спросил Аллейн.

— Они самые, сэр, — удивленно ответил Бейли.

Аллейн посветил фонариком внутрь приемника и собрал под дырочками немного опилок.

— Вот тебе и первая выгода!* — сказал Аллейн.

Он нагнулся, чтобы получше осмотреть розетку в стене.

— Ничего себе! Да тут переходник на два разъема. К нему подсоединены радио и обогреватель. А я думал, их запретили. Странное дельце. Давайте-ка еще раз взглянем на эти ручки. — Он снова осмотрел их. Это были самые обычные бакелитовые ручки, использовавшиеся во всех радиоприемниках, — они плотно сидели на стальных стержнях регуляторов.

— Как вы и говорите, — пробормотал он, — вроде бы все в порядке. Погодите-ка...

Он вытащил лупу из кармана и, прищурившись, навел ее на один из стержней.

* Фраза из "Сказки о слоненке" Редьярда Киплинга, цитируется в переводе К. Чуковского.

— Ага-а. Фокс, а разве эти штуки должны быть обернуты промокашкой?

— Промокашкой! — воскликнул Фокс. — Нет, не должны.

Аллейн поскреб оба стержня перочинным ножом, подставив снизу конвектор. Затем он со стоном выпрямился и подошел к письменному столу.

— У нижнего листа в стопке промокательной бумаги уголок оторван, — наконец сказал он. — Кажется, Бейли, вы говорили, что на радиоприемнике отпечатков нет?

— Верно, — мрачно подтвердил Бейли.

— На бюваре их тоже не будет или будет слишком много, но все же постарайтесь, Бейли, постарайтесь, — сказал Аллейн.

Он принялся расхаживать по комнате, уткнувшись взглядом в пол, и вдруг, подойдя к окну, резко остановился.

— Фокс! — воскликнул он. — У нас есть улика, да еще какая!

— Что за улика? — спросил Фокс.

— Ну как же, странный обрывок промокательной бумаги.

Аллейн медленно перевел взгляд на карниз для гардин:

— Что я вижу!

Он взял стул, взобрался на него и снял два набалдашника с концов карниза.

— Взгляните-ка. — Он подошел к приемнику, снял ручки с регуляторов и положил их рядом с теми, которые были на карнизе.

Через десять минут инспектор Фокс постучал в дверь гостиной. Ему открыл Гай Тонкс. Филлипе удалось разжечь огонь, и вся семья собралась вокруг

камина. Создавалось впечатление, что за все это время никто из них не пошевелился и не произнес ни слова.

Первой нарушила молчание Филлипа:

— Вы хотите поговорить с кем-то из нас?

— Прошу прощения, мисс, инспектор Аллейн желал бы побеседовать с мистером Гаем Тонксом, если это возможно, — сказал Фокс.

— Иду, — ответил Гай, и они вместе направились к кабинету.

У двери Гай остановился:

— А он... мой отец... он все еще?..

— Нет-нет, сэр, — мягко ответил Фокс, — там уже все в лучшем виде.

Вскинув голову, Гай вошел в кабинет, Фокс прошел за ним следом. Кроме сидевшего за столом Аллейна, там больше никого не было. Завидев их, он встал.

— Вы хотели поговорить со мной? — спросил Гай.

— Да, если позволите. Я понимаю, вы пережили тяжелое потрясение. Садитесь, пожалуйста.

Гай выбрал самое дальнее от радиоприемника кресло.

— Отчего умер отец? Это был удар?

— Доктора пока не могут сказать. Придется делать вскрытие.

— Боже правый! И дознание будет?

— Боюсь, что так.

— Какой ужас! — горячо воскликнул Гай. — Но в чем же дело, как вы думаете? Чего там темнят врачи? От чего он умер?

— Врачи полагают, что от удара током.

— И как это произошло?

— Мы не знаем. Похоже, что причиной всему его радиоприемник.

— Да это же невозможно. Я думал, они все надежно защищены.

— Именно так. Если в них не копаться.

На мгновение Гай явственно перепугался. Но тотчас же испуг в его взгляде сменился облегчением. Он совершенно расслабился.

— Ну да, — сказал он, — отец ведь вечно там ковырялся. И что он надеялся?

— Ничего.

— Но вы ведь сами сказали, если виной всему приемник, значит, он что-то там разобрал?

— Если кто-то и разбирал радиоприемник, то потом его снова привели в порядок.

Гай шевельнул губами, но не вымолвил ни слова. Вдруг он очень сильно побледнел.

— Сами видите, — сказал Аллейн, — ваш отец тут ни при чем.

— Тогда, значит, его убило не радио.

— А это, я надеюсь, мы узнаем после вскрытия.

— Я ничего не знаю о радио, — вдруг вырвалось у Гая, — я ничего не понимаю. Какая-то бессмыслица. Да никто, кроме отца, и не трогал этот приемник. Он над ним прямо трясся. К радио никто и близко не подходил.

— Понимаю. Он увлекался радиотехникой?

— Да, это было его единственным увлечением, кроме работы.

— Один из приехавших со мной полицейских немного в этом разбирается, — сказал Аллейн. — Говорит, что этот приемник — последнее слово техники. Вы сказали, что в радио ничего не понимаете. А как насчет других ваших родственников?

— Одно время мой младший брат интересовался радиотехникой, но потом забросил это дело. Отец не позволил бы, чтобы в доме появился еще один радиоприемник.

— Быть может, он сумеет нам что-нибудь подсказать.

— Но если сейчас там все в порядке...

— Нельзя упускать ни одной возможности.

— Вы говорите, будто... будто...

— Пока не было дознания, я не могу ничего говорить с уверенностью, — ответил Аллейн. — Мистер Тонкс, кто-то мог затаить злобу на вашего отца?

Гай снова вскинул голову. Он посмотрел Аллейну прямо в глаза.

— Да почти все, кто его знал, — ответил Гай.

— Вы не преувеличиваете?

— Нет. Вы ведь думаете, что его убили, не правда ли?

Внезапно Аллейн указал на стол.

— Вы это раньше видели? — резко спросил он.

Гай поглядел на две округлые черные ручки, лежавшие рядом в пепельнице.

— Эти штуки? — переспросил он. — Нет, не видел. А что это?

— Думаю, это и есть причина смерти вашего отца.

Дверь кабинета распахнулась, и вошел Артур Тонкс.

— Гай, да что происходит? — спросил он. — Мы не можем весь день просидеть в гостиной. Это невыносимо. Ради бога, скажите же, что с ним случилось?

— Они думают, что его убили эти штуки, — сказал Гай.

— Вот эти? — На долю секунды взгляд Артура метнулся к карнизу. Затем, как-то странно дрогнув ресницами, он отвел глаза.

— Что вы имеете в виду? — спросил он Аллейна.

— Не могли бы вы надеть одну из этих ручек на стержень регулятора громкости?

— Но ведь они металлические, — заметил Артур.

— Радио выключено.

Артур вытащил одну ручку из пепельницы, подошел к приемнику и надел ручку на стержень.

— Болтается, — быстро сказал он, — держаться не будет.

— Будет, если ее набить, например, промокательной бумагой.

— Откуда вы их взяли? — требовательно спросил Артур.

— Вы ведь сразу их узнали, да? Я видел, как вы глянули на карниз.

— Конечно, я их узнал. В прошлом году Филлипа позировала мне на фоне этих самых занавесок, когда... он... был в отъезде. Я рисовал эти чертоты штуки.

— Послушайте, — вмешался Гай, — на что вы намекаете, мистер Аллейн? Если вы хотите сказать, что мой брат...

— Я?! — вскричал Артур. — Да я-то тут при чем? Отчего вы думаете...

— Я нашел обрывки промокательной бумаги на стержнях и внутри металлических ручек, — ответил Аллейн. — Выходит, в какой-то момент бакелитовые ручки были заменены металлическими. Удивительно, не правда ли, что эти ручки так похожи между собой? Разумеется, если приглядеться, то отличия найти можно. Однако они практически незаметны.

Артур ничего не ответил. Он по-прежнему не отводил взгляда от радио.

— Всегда хотел рассмотреть его как следует, — неожиданно сказал он.

— Прошу, — вежливо ответил Аллейн. — Мы с ним уже закончили.

— Слушайте, — вдруг заметил Артур, — даже если бакелитовые ручки заменили на металлические, то все равно это никак не могло его убить. Его бы даже током не ударило. Оба регулятора заземлены.

— А вы заметили, что в панели просверлены две маленькие дырочки? — спросил Аллейн. — Как думаете, так и должно быть?

Артур пригляделся к стальным стержням.

— Господи, Гай, он прав, — сказал он. — Так вот как все было сделано.

— Инспектор Фокс сообщил мне, — сказал Аллейн, — что через эти дырочки могли пропустить проволоку, подсоединенную к... трансформатору — правильно? — и пустить по проволоке заряд к одной из ручек.

— И заземлить вторую, — добавил Фокс. — Работенка для знатока. А то ведь можно было получить заряд вольт в триста.

— Нет, это бы не сработало, — быстро проговорил Артур, — ток был бы слишком слабый, всего в несколько сотых ампера.

— Я вовсе не специалист, — сказал Аллейн, — но думаю, что вы правы. Зачем же тогда кто-то просверлил эти дырки? Быть может, кто-то хотел сыграть с вашим отцом злую шутку?

— Злую шутку? С ним? — Артур визгливо и неприятно рассмеялся. — Гай, ты слышал?

— Заткнись, — сказал Гай. — Он ведь умер.

— Даже не верится, что это правда, верно?

— Артур, не будь таким идиотом. Возьми себя в руки. Неужели ты не понимаешь, что все это значит? Они думают, что отца убили.

— Убили?! Они ошибаются. Инспектор, ни у кого из нас на это бы духу не хватило. Взгляните на меня. У меня так трясутся руки, что я не смогу стать художником — так мне сказали. Это началось, когда я был ребенком и он мог на целую ночь запереть меня в чулане. Взгляните на меня. Взгляните на Гая. Он покрепче, но его тоже сломали, как и всех нас. Мы можем только подчиняться. Вы знаете, что...

— Постойте-ка, — тихо произнес Аллейн. — Ваш брат, в общем-то, прав. Лучше обдумывать все, что вы хотите сказать. Возможно, произошло убийство.

— Спасибо, сэр, — быстро вмешался Гай. — Это чрезвычайно любезно с вашей стороны. Артур просто разволновался. Это нервное потрясение.

— Ты хотел сказать — облегчение, — ответил Артур. — Не глупи, Гай. Я не убивал его, и они скоро это выяснят. Никто его не убивал. Всему произошедшему есть какое-то объяснение.

— Советую вам меня послушать, — сказал Аллейн. — Я задам вам обоим несколько вопросов. Вы не обязаны отвечать на них, но ответить будет все же разумнее. Насколько я понимаю, обычно никто, кроме вашего отца, не прикасался к приемнику. Вам приходилось бывать в кабинете, когда он слушал радио?

— Только если он хотел разнообразить программу издевательствами, — ответил Артур.

Аллейн повернулся к Гаю, который злобно глядел на брата:

— Я хочу точно знать, что произошло тут вчера вечером. По словам врачей, когда вашего отца нашли, он был уже мертв не менее трех и не более восьми часов. Нам нужно постараться установить наиболее точное время.

— Я видел его без четверти девять, — медленно начал Гай. — Я собирался на праздничный ужин в "Савой" и как раз спускался вниз. Он вышел из гостиной и направлялся к себе.

— Мистер Артур, видели ли вы его после этого?

— Нет. Зато я его слышал. Они с Хислопом работали в кабинете. Хислоп попросил разрешения уехать на Рождество. Конечно же отец сразу нашел какие-то письма, требовавшие срочного ответа. Правда же, Гай, он был ненормальный. Думаю, доктор Медоуз того же мнения.

— И когда вы его слышали? — спросил Аллейн.

— Спустя некоторое время после ухода Гая. Я работал над картиной у себя в комнате. Как раз над кабинетом. Слышал, как он вопит на бедняжку Хислопа. Времени было что-то около десяти, потому что в десять я отправился на танцевальный вечер. Проходя по коридору, я слышал его вопли.

— И когда вы оба вернулись? — спросил Аллейн.

— Я был дома в двадцать минут первого, — немедленно откликнулся

Гай. — Время точное, потому что потом мы поехали в ресторан “У Карло”, а там шло полночное представление. Мы посмотрели один номер и ушли. Домой я приехал на такси. Радио орало на всю мощность.

— А разговоров не слышали?

— Нет, только радио.

— А вы, мистер Артур?

— Бог знает когда я пришел. Уже после часу. Дома было темно. Не было слышно ни звука.

— У каждого из вас свой ключ?

— Да, — ответил Гай. — У каждого свой. Они всегда висят на крючке в холле. Когда я вернулся, то заметил, что ключа Артура на нем нет.

— А что насчет остальных? Откуда вы знаете, что не было именно его ключа?

— У мамы ключа нет, а Фипс свой давно потеряла. И вообще, я же знал, что они дома, значит, отсутствовал как раз Артур.

— Вот спасибо, — иронически заметил Артур.

— Вы не заглядывали в кабинет, когда вернулись? — спросил Аллейн.

— Господи, нет, конечно! — сказал Артур так, будто подобное предположение было совершенно невероятным. — Слушайте, — вдруг произнес он, — а ведь он там, наверное, сидел... уже мертвый. Неуютная мысль. — Он нервно рассмеялся. — Сидел там себе, в темноте, за дверью.

— Откуда вы знаете, что там было темно?

— А как же? Конечно там было темно. Свет из-под двери не пробивался.

— Ясно. Могу ли я попросить вас вернуться к вашей матушке? Быть может, ваша сестра любезно согла-

сится заглянуть сюда на пару минут. Фокс, спросите ее, хорошо?

Фокс вернулся в гостиную вместе с Артуром и Гаем и остался там, не задумываясь о том, в какое смятение его присутствие повергло семейство Тонксов. Бейли уже был там — с подчеркнутым вниманием изучал электропроводку.

Филлипа сразу же пришла в кабинет и спросила тоном любезной хозяйки:

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Очень мило с вашей стороны так подойти к делу, — сказал Аллейн. — Я не хочу надолго вас задерживать. Я понимаю, что случившееся было для вас ударом.

— Наверное, — ответила Филлипа.

Аллейн бросил на нее быстрый взгляд.

— То есть, — принялась объяснять она, — наверное, я должна быть потрясена, но что-то ничего особенного не чувствую. Мне просто хочется, чтобы все как можно быстрее закончилось. И потом я все это обдумую. Прощу вас, расскажите, что случилось.

Аллейн сообщил ей, что ее отца, возможно, ударило током и обстоятельства его смерти были странными и необычными. О том, что полиция думает, будто произошло убийство, он умолчал.

— Не думаю, что смогу помочь, — сказала Филлипа. — Но вы продолжайте.

— Мы пытаемся установить, кто последним видел вашего отца или говорил с ним.

— Скорее всего, я, — спокойно сказала Филлипа. — Мы с ним поругались перед сном.

— Из-за чего?

— Не думаю, что это важно.

Аллейн обдумал ее слова и решительно сказал:

— Послушайте, мы практически не сомневаемся, что вашего отца убило ударом тока, полученным от радиоприемника. Ситуация представляется мне весьма необычной. Как правило, радиоприемники неопасны для жизни. Мы внимательно обследовали корпус и пришли к мысли, что в устройство прибора были внесены некоторые изменения. Очень серьезные изменения. Быть может, ваш отец сам с ним возился. И если в этот момент его что-то отвлекло или взволновало, то он сам мог совершить опасную ошибку.

— Но вы ведь сами в это не верите, правда? — спокойно спросила Филлипа.

— Раз уж вы спросили, то — нет, не верю, — ответил Аллейн.

— Понимаю, — сказала Филлипа. — Вы думаете, что его убили, но не знаете наверняка.

Она сильно побледнела, но говорила по-прежнему твердо.

— И вам, конечно, хотелось бы все узнать про нашу ссору.

— Мне хотелось бы узнать обо всем, что случилось вчера вечером, — поправила ее Аллейн.

— Случилось вот что, — принялась рассказывать Филлипа. — Я спустилась в холл где-то после десяти. Услышала, как Артур вышел из дому,глянула на часы — было пять минут одиннадцатого. Тут я столкнулась с секретарем отца, Ричардом Хислом. Он отвернулся, но ... я успела заметить... У меня вырвалось: "Вы пла-

чете!" Мы поглядели друг на друга. Я спросила, почему он терпит все это. Ни один из предыдущих секретарей не позволял так с собой обращаться. Он сказал, что у него нет выхода. Вдовец с двумя детьми. Расходы на докторов и прочее. Да что там говорить. Он служил отцу как раб, а отец платил ему изощренной жестокостью.

Я думаю, мой отец был сумасшедший, по-настоящему сумасшедший. И вот Ричард рассказывает мне обо всем шепотом — сумбурно, путаясь в словах. Он тут уже два года, но до этого я не понимала, что мы... что... — Она слегка зарделась. — Он ведь смешной маленький человечек. Совсем не такой, каким я себе представляла... ну, совсем непривлекательный, неинтересный и вообще...

Она растерянно умолкла.

— И? — спросил Аллейн.

— И, видите ли, вдруг я поняла, что люблю его. И он тоже это понял.

Сказал: "Конечно, надежды нет никакой. Мы с вами... Это, в общем-то, даже смешно". И тут я обняла его и поцеловала. Странно, конечно, но тогда это получилось само собой. И именно в этот момент мой отец вышел в коридор и увидел нас.

— Не повезло, — сказал Аллейн.

— Действительно. Отец, казалось, даже обрадовался. Чуть ли не облизывался. Усердие Ричарда его уже давно раздражало. Было все труднее находить поводы для придинок. Но теперь, конечно... Он велел Ричарду идти в кабинет, а мне — к себе в комнату и пошел вместе со мной. Ричард тоже хотел было пойти с нами, но я попросила его не ходить. Отец... Можете себе представить, что он мне

— И, видите ли, вдруг я поняла, что люблю его.
И он тоже это понял.

наговорил. Из увиденного он сделал самые худшие выводы. Вел себя совершенно мерзко, орал на меня как помешанный. Он был ненормальный. Быть может, у него была белая горячка. Знаете, он ведь страшно пил. Наверное, глупо с моей стороны все это вам рассказывать.

— Вовсе нет, — ответил Аллейн.

— Я ничего не чувствую. Даже облегчения. У мальчиков-то как гора с плеч свалилась. И не боюсь совсем. — Она задумчиво поглядела на Аллейна. — Но ведь невиновному и не нужно бояться, правда?

— Это аксиома полицейского расследования, — ответил Аллейн, мысленно спрашивая себя, а действительно ли она невиновна.

— Это не может быть убийством, — сказала Филлипа. — Убить его у нас не хватило бы храбрости. Уверена, он бы и собственному убийце отомстил. Как-нибудь, но отплатил бы. — Она закрыла лицо руками. — В голове все перепуталось.

— Думаю, все это потрясло вас больше, чем вы сами осознаете. Я постараюсь отпустить вас как можно быстрее. Итак, отец устроил скандал в вашей комнате. Вы сказали, что он кричал. Кто-нибудь его слышал?

— Да. Мама услышала. Она зашла к нам.

— И что случилось?

— Я сказала: "Иди, милая, все хорошо". Не хотела ее впутывать. Он и так чуть не свел ее в могилу своими выходками. Иногда он... Мы никогда не знали, что у них за отношения. Это всегда было тайной. Вроде как идешь по коридору, а перед тобой тихонько закрывают дверь.

— И она ушла?

— Не сразу. Он сказал ей, что мы с Ричардом любовники. Сказал... в общем, не важно, что он сказал. Не хочу повторять. Она была в ужасе. Он ранил ее какими-то намеками, которых я не понимала. Потом вдруг он велел ей идти к себе и вышел за ней следом. Меня он запер. Тогда я видела его в последний раз, правда, позже я услышала, как он спускается вниз.

— И вы всю ночь провели взаперти?

— Нет. Комната Ричарда Хислопа рядом с моей. Он пришел, мы поговорили через стену. Ричард хотел отпереть меня, но я отказалась — вдруг... он... вернется. Потом, уже гораздо позже, вернулся Гай. Когда он проходил мимо, я постучала в дверь. Ключ был в замке, и он меня выпустил.

— Вы рассказали ему, что случилось?

— Сказала только, что был скандал. Он задержался всего на минутку.

— Из вашей комнаты слышно радио?

Казалось, она удивилась.

— Приемник? Ну да. Немного слышно.

— А вы слышали его, когда ваш отец вернулся в кабинет?

— Не помню.

— Постарайтесь вспомнить. Вы ведь не спали — ждали брата. Радио работало?

— Я попробую вспомнить. Когда отец застал нас с Ричардом, радио не работало. Ведь они занимались делами. Нет, не припомню, чтобы я его слышала, хотя... Погодите-ка! Да, когда он вышел от мамы и пошел в кабинет, я услышала, как затрещал

приемник. Очень громко. Затем, кажется, все стихло.

Вроде бы позже я снова что-то такое слышала. А, и вот еще что. Когда раздался треск, у меня отключился обогреватель. Наверное, что-то случилось с проводкой. Это ведь объясняет оба происшествия? Минут через десять обогреватель включился снова.

— Вы не помните, радио потом снова заработало?

— Не знаю. Я все очень плохо помню. Когда я засыпала, оно вроде бы опять работало.

— Весьма благодарен. Больше не буду вас задерживать

— Хорошо, — спокойно ответила Филлипа и вышла.

Аллейн послал за Чейзом и принялся расспрашивать его о других слугах и о том, как было найдено тело. Расспросили и Эмили. Когда она ушла — охваченная благоговейным трепетом, но вполне довольная собой, — Аллейн вновь обратился к дворецкому.

— Чейз, — спросил он, — были ли у вашего хозяина какие-нибудь странные привычки?

— Да, сэр.

— В отношении радио?

— Прошу прощения, сэр. Я думал, вы имеете в виду его характер в целом.

— Что ж, а в целом?

— В целом, смею сказать, сэр, все его привычки были странными.

— Как долго вы тут проработали?

— Два месяца, сэр, и ухожу в конце недели.

— Вот как? И почему же?

Ответ Чейза был классической тирадой дворецкого.

— Некоторые вещи, — сказал он, — не потерпит ни один свободный чело-

век. Например, то, как мистер Тонкс обращался с подчиненными.

— Ах вот как. Что, тоже одна из его странных привычек?

— По моему убеждению, сэр, он был безумен. Совершенно и безнадежно безумен.

— Так что насчет радио? Часто он в нем копался?

— Не знаю, сэр, не видел. Полагаю, в радиоприемниках он разбирался неплохо.

— А как он настраивал радио? Не было ли у него какого-нибудь особенного способа или манеры?

— Кажется, нет, сэр. Никогда не замечал, хоть и часто заходил в комнату, когда он сидел возле приемника. Так и вижу его сейчас как живого.

— Вот-вот, — подхватил Аллейн, — то, что нам нужно. Четкий зрительный образ. И как это выглядело? Вот так?

Аллейн метнулся через всю комнату и устроился в кресле Септимуса. Повернувшись к приемнику, он дотронулся правой рукой до ручки настройки.

— Вот так?

— Нет, — уверенно ответил Чейз, — совсем не так. Возьмитесь двумя руками.

— Ага! — Аллейн положил левую руку на регулятор громкости. — Теперь похоже?

— Да, сэр, — медленно протянул Чейз. — Но было что-то еще, чего я никак не могу припомнить. Что-то такое, что он всегда делал. В голове крутится. Ну, знаете, как это бывает, сэр, — никак не могу ухватить.

— Понимаю вас.

— Как-то это связано... с раздражением, — снова протянул Чейз.

— С раздражением? Он раздражался?

— Нет. Ничего не выйдет. Не могу вспомнить.

— Ну, быть может, позже. Скажите, Чейз, что вы все делали прошлым вечером? Слути, я имею в виду.

— У нас был выходной, сэр. Ведь сочельник же. Хозяйка вызвала меня вчера утром. Сказала, что мы все можем быть свободны после того, как в девять часов я отнесу мистеру Тонксу его грог. Ну мы и ушли, — просто добавил он.

— Когда?

— Остальные слуги ушли около девяти. Я ушел в десять минут десятого и вернулся где-то в одиннадцать двадцать. К этому времени вся прислуга была уже дома, и все давно спали. Я и сам сразу отправился в постель.

— Вы, конечно же, вошли с черного хода?

— Да, сэр. Мы уже обсуждали это между собой. Никто из нас не заметил ничего необычного.

— А в вашей части дома радио слышно?

— Нет, сэр.

— Что ж, — сказал Аллейн, отрываясь от своих записей, — это все, благодарю вас.

Но не успел Чейз выйти, как вошел Фокс.

— Простите, сэр, — сказал Фокс, — я только хочу заглянуть в “Радио таймс” — она тут лежала на столе.

Он склонился над газетой, поспешил своим огромным пальцем и перевернул страницу.

— Вот оно, сэр! — внезапно вскрикнул Чейз. — Вот что я пытался вспомнить! Вот что он всегда делал!

— Что, что именно?

— Он облизывал пальцы, сэр. Такая у него была привычка, — ответил Чейз. — Вот что он делал всякий раз, усаживаясь перед радиоприемником. Я слышал, как мистер Хислоп рассказывал доктору, что его чуть ли не с ума сводила эта привычка хозяина постоянно обливывать пальцы.

— Понятно, — сказал Аллейн. — Минут через десять попросите мистера Хислопа оказать нам любезность и зайти сюда. На этом все, благодарю вас, Чейз.

— Что ж, сэр, — заметил Фокс, когда Чейз вышел, — если все вышло так, как я думаю, то дела обстоят не самым лучшим образом.

— Боже правый, Фокс, ну и замысловато же вы выражаетесь. О чем вы говорите?

— Если бакелитовые ручки подменили металлическими и через дырки пустили тонкий провод, то он мог получить удар и посильнее, если крутил ручки влажными пальцами.

— Именно. И он всегда крутил ручки обеими руками. Фокс!

— Да, сэр.

— Отправляйтесь-ка снова к Тонксам. Вы ведь не оставили их там совсем одних?

— Там Бейли, делает вид, что глаз не может оторвать от выключателей. Он обнаружил основной распределительный щиток под лестницей. Похоже, недавно там меняли пробку. А в шкафчике под щитком нашлись странные обрывки проводов, ну и тому подобное. Провода те же, при помощи которых подключены обогреватель и радио.

— Ага. А не мог тут быть задействован провод, ведущий от переходника к обогревателю?

— Черт подери, — воскликнул Фокс, — да вы правы! Вот как все и было устроено, шеф! Более мощный провод отсоединили от обогревателя и просунули в приемник. В кабинете был растоплен камин, так что обогреватель ему не понадобился, и он ничего не заметил.

— Конечно, все могло быть именно так, но у нас почти нет доказательств. Возвращайтесь к убитым горем Тонксам, дорогой Фокс, и расспросите их как следует, не помнят ли они о странных привычках Септимуса в отношении радио.

В дверях Фокс столкнулся с мистером Хислопом и оставил его наедине с Аллейном. Инспектор отметил, что Филлипа была права, называя Ричарда Хислопа человеком незаметным. Он был совершенно непримечателен. Серые глаза, тусклые волосы, бледноват, низковат, незначителен. И все же вчера вечером они с Филлипой вдруг поняли, что любят друг друга. Романтично, но подозрительно, подумал Аллейн.

— Присядьте, — сказал он. — Мне бы хотелось, если вы, конечно, не возражаете, услышать о том, что произошло между вами и мистером Тонксом вчера вечером.

— Что произошло?

— Да. Как я понимаю, вы пообедали в восемь. И затем вы с мистером Тонксом пришли сюда?

— Да.

— Что вы делали?

— Он продиктовал мне несколько писем.

— Ничего необычного не случилось?

— О нет.

— Отчего вы поссорились?

— Поссорились! — Тихий голос подскочил на целый тон. — Мы не ссорились, мистер Аллейн.

— Возможно, я неправильно выразился. Что вас расстроило?

— Филлипа вам все рассказала?

— Да. Это было очень мудро с ее стороны. Так что же произошло, мистер Хислоп?

— Кроме того... о чем она вам рассказала... Мистеру Тонксу было нелегко угодить. Я частенько раздражал его. Так вышло и вчера вечером.

— Чем же вы его раздражали?

— Да всем. Он кричал на меня. Я нервничал, дергался, ронял бумаги, делал ошибки. Был не в своей тарелке. Потом и вовсе все перепутал... и не выдержал. Я его всегда раздражал. Все мои привычки...

— А у него самого разве не было неприятных привычек?

— У него! Господи!

— И что это были за привычки?

— Мне не приходит в голову ничего определенного. Но ведь это и неважно?

— Например, что-нибудь, связанное с радио?

Последовала небольшая пауза.

— Нет, — ответил Хислоп.

— Вчера вечером после обеда радио было включено?

— Недолго. После... после того, что произошло в холле, — точно нет. По крайней мере, мне так кажется. Не помню.

— Что вы делали после того, как мисс Филлипа и ее отец пошли наверх?

— Пошел за ними и какое-то время слушал под дверь. — Хислоп весь побелел и как можно дальше отодвинулся от стола.

— А потом?

— Я услышал, что кто-то идет. Вспомнил, что доктор Медоуз просил меня позвонить, если начнется очередная ссора. Я спустился в холл и позвонил ему. Он велел мне идти к себе в комнату и слушать. Если бы ситуация ухудшилась, я должен был позвонить ему еще раз. В противном случае он велел мне оставаться у себя в комнате. Она рядом с комнатой Филлипы.

— И вы так и поступили?

Хислоп кивнул.

— Вы слышали, что мистер Тонкс говорил ей?

— Почти... почти все.

— И что вы слышали?

— Он оскорблял ее. Там была и миссис Тонкс. Я как раз собирался идти и снова звонить доктору Медоузу, когда услышал, что мистер и миссис Тонкс вышли из комнаты и идут по коридору. Поэтому я остался у себя.

— Вы не пытались поговорить с мисс Филлипой?

— Мы поговорили через стену. Она попросила меня не звонить доктору Медоузу и оставаться у себя. Прошло немного времени — минут двадцать, наверное, но точно не могу сказать, — и я услышал, как он снова прошел по коридору и спустился вниз. Я опять поговорил с Филлипой. Она упростила меня ничего не предпринимать и сказала, что утром сама поговорит с доктором Медоузом. Поэтому я подождал еще немного и лег в кровать.

— И как, уснули?

— Господи, нет, конечно.

— Радио снова слышали?

— Да. Какой-то треск слышал точно.

— Вы разбираетесь в радиоаппаратуре?

— Нет, у меня только самые общие знания. Ничего особенного.

— Как вы получили эту работу, мистер Хислоп?

— Ответил на объявление.

— Вы правда не помните никаких особенных привычек мистера Тонкса, связанных с радио?

— Нет, не помню.

— И вы не можете больше ничего сообщить мне о вашем с ним разговоре в кабинете перед ссорой?

— Нет.

— Не будете ли вы любезны попросить миссис Тонкс уделить мне несколько минут?

— Разумеется, — ответил Хислоп и вышел.

Вошла жена Септимуса, бледная как смерть. Аллейн помог ей усесться и спросил о том, что она делала вчера вечером. Она сказала, что нехорошо себя чувствовала и пообедала у себя в комнате. Сразу после этого она легла спать. Потом услышала, как Септимус кричит на Филлипу, и пошла к ней. Септимус обвинял мистера Хислопа и ее дочь в "ужасных вещах". Тут она не выдержала и тихо расплакалась.

Аллейн был терпелив и деликатен. Спустя некоторое время он выяснил, что Септимус прошел вместе с миссис Тонкс в ее комнату и там продолжал рассуждать об "ужасных вещах".

— Каких вещей? — спросил Аллейн.

— Он был не в себе, — сказала Изабель. — Сам не знал, что говорит. Думаю, он был пьян.

Как ей казалось, он провел у нее около четверти часа. Быть может, дольше. Внезапно он вышел, и она услышала, как он идет по коридору мимо комнаты Филлипы и спускается вниз. Она долго не могла заснуть. Из ее комнаты радио не слышно. Аллейн показал ей наконечники карниза, но, судя по всему, она никак не могла понять, чем они так важны. Он отпустил ее, позвал Фокса и снова стал перебирать все детали дела.

— Ну и что вы думаете обо всем этом? — закончив, спросил он Фокса.

— Что же, сэр, — начал Фокс в свойственной ему невозмутимой манере, — у молодых джентльменов вроде как алиби. Мы их, конечно, проверим, но до того делать нам особенно и нечего.

— Предположим-ка на мгновение, — сказал Аллейн, — что железные алиби обоих Тонксов подтвердятся. Что тогда?

— Тогда у нас остаются девушка, старая дама, секретарь и слуги.

— Ну что же, посмотрим на них. Но сначала давайте разберемся с радио. Последите-ка за ходом моих рассуждений. Как мне кажется, отправить мистера Тонкса на тот свет при помощи радио можно было только одним способом. Снять ручки с регуляторов. Тонким сверлом просверлить дырки в передней панели. Заменить ручки на металлические, набив их предварительно промокательной бумагой, чтобы они плотно сидели и не соприкасались с металлическими стержнями регуляторов. Обрезать более мощный провод, идущий от переходника к обогревателю,

и просунуть оголенные концы проволоки через просверленные дырки так, чтобы они касались новых ручек. Получаем отрицательный и положительный полюса. Мистер Тонкс замыкает цепь и получает мощный удар током, когда заряд уходит через него в землю. Почти тотчас же вылетают пробки. Убийца подстраивает все это, пока сам Сеп наверху ссорится с женой и дочерью. В кабинет Тонкс возвращается где-то после десяти двадцати. Ловушка была подготовлена где-то между десятью — временем, когда ушел Артур — и десятью сорока пятью — временем, когда Сеп вернулся к себе. Потом убийца пришел, снова подсоединил обогреватель, убрал провода, вернул на место прежние ручки и опять включил радио. Думаю, треск радиоприемника, о котором говорили Филлипа и Хислоп, был вызван как раз тем самым коротким замыканием, которое и убило нашего Септимуса, как считаете?

— Согласен.

— На все обогреватели в доме это тоже повлияло. Отсюда и неполадки с обогревателем мисс Тонкс.

— Да, а потом он снова все исправил. Для знающего человека это не сложно. Всего-то вкрутить пробки на главном щитке. Как по-вашему, сколько времени заняло бы такое — вертится на языке какое-то сложное слово — ах да, переоборудование?

— Хм, — задумчиво протянул Фокс. — Предполагаю, что минут пятнадцать. Уж тут ему пришлось действовать шустро.

— Да, — согласился Аллейн. — Ему или ей.

— Уж не знаю, как бы женщине все это удалось, — проворчал Фокс. — Слушайте, шеф, вот что мне пришло в голову. С чего бы это мистеру Хислопу скрывать, что у покойного была привычка облизывать пальцы? Сами же говорите, он вам сказал, что ничего не помнит, а Чейз утверждает, что он от этой привычки на стенку лез.

— Именно, — ответил Аллейн.

Он замолчал так надолго, что Фоксу пришлось даже легонько кашлянуть.

— А? — отозвался Аллейн. — Да, Фокс, верно. Так и придется поступить.

Он открыл телефонный справочник и набрал номер.

— Могу ли я поговорить с доктором Медоузом? А, это вы! Не припомните, мистер Хислоп когда-нибудь говорил вам, что привычка Септимуса Тонкса облизывать пальцы просто выводила его из себя? Эй, вы меня слышите? Не помните? Уверены? Хорошо. Хорошо. И говорите, Хислоп позвонил в десять двадцать? А вы когда ему звонили? В одиннадцать. Насчет времени уверены? Ясно. Был бы рад, если бы вы зашли. Сумеете? Что ж, приходите, если сможете.

Он повесил трубку.

— Фокс, не позовете ли снова Чейза?

Появившийся Чейз решительно настаивал на том, что мистер Хислоп говорил об этом с доктором Медоузом.

— У мистера Хислопа как раз был грипп, сэр. Я поднялся к нему вместе с доктором. У него был жар, и он очень возбужденно разговаривал. Все говорил и говорил — хозяин, мол, догадал-

ся о том, что эта привычка действует ему на нервы, и нарочно продолжал, чтобы вывести его из себя. Говорил, если это будет длиться и дальше, то он... да ведь он сам не понимал, сэр, что говорит.

— Так что же он обещал сделать?

— Ну, сэр, обещал, что... что сделает с хозяином что-то ужасное. Но это же был только бред, сэр. Думаю, он и не помнит ничего.

— Да, — сказал Аллейн, — думаю, не помнит.

Когда Чейз вышел, он сказал Фоксу:

— Разберитесь-ка с алиби сыновей. Не предложат ли они быстрого способа их подтвердить? Попросите мистера Гая подтвердить заявление мисс Филлипы о том, что она была заперта в своей комнате.

Фокс уже ушел, а Аллейн какое-то время работал со своими записями, когда в кабинет ворвался доктор Медоуз.

— Слушайте-ка, вы, ретивая ищейка! — прорычал он. — Что это за расспросы о Хислопе? Кто сказал, что он терпеть не мог мерзких привычек Сепы?

— Чейз сказал. И не орите на меня так. Я нервничаю.

— И я тоже, черт подери. К чему вы клоните? Неужто вы себе вообразили, что... этот маленький, сломленный жизнью человечек способен убить кого-нибудь током, тем более Сепы?

— Я лишен воображения, — устало произнес Аллейн.

— Господи, как я жалею, что вас вызвал. Если все дело и впрямь в радио, то только потому, что Сеп сам в нем что-то подкрутил.

— И сразу после смерти привел все в порядок?

Доктор Медоуз молча уставился на Аллейна.

— Итак, — сказал Аллейн, — ответьте мне честно, Медоуз. Хислоп, пока был в лихорадке, говорил, что привычки Тонкса вызывали у него желание убить его?

— Я и забыл, что там был Чейз, — сказал Медоуз.

— Да, об этом вы забыли.

— Но, Аллейн, даже если он и говорил что-то в забытьи, что с того? Черт побери, вы не можете арестовать человека из-за сказанного им в бреду!

— Я и не предлагаю. У нас появился и другой мотив.

— То есть... Вы о Фипс... Вчерашняя ссора?

— Это она вам рассказала?

— Шепнула пару слов утром. Я очень люблю Фипс. О господи, вы уверены в том, что делаете?

— Да, — ответил Аллейн. — Простите. Думаю, Медоуз, вам лучше уйти.

— Вы арестуете его?

— Мне нужно выполнить свой долг. Воцарилась долгая тишина.

— Да, — наконец сказал доктор Медоуз. — Вам нужно выполнить свой долг. Прощайте, Аллейн.

Вернулся Фокс, сообщив, что Гай и Артур ни на секунду не покидали своих приятелей. Ему удалось поговорить с двумя их друзьями. Гай и миссис Тонкс подтвердили историю с запертой дверью.

— Вычеркиваем одного за другим, — сказал Фокс. — Это секретарь, точно. Он поковырялся в приемнике, пока покойный был наверху. Потом, наверное, поднялся и по-

шептался через дверь с мисс Тонкс. Думаю, после этого он околачивался где-нибудь внизу, поджидая, пока Тонкс себя не поджарит, чтобы привести все в порядок и снова включить радио.

Аллейн молчал.

— Что теперь делаем, сэр? — спросил Фокс.

— Я хочу взглянуть на крючок у входной двери, на который они вешают свои ключи.

Фокс с недоумевающим видом проследовал за своим начальником в холл.

— А вот и они, — сказал Аллейн, указав на крючок — там висели два ключа. — Не заметить трудно. Идемте, Фокс.

В кабинете они застали Хислопа и Бейли.

Хислоп переводил взгляд с одного представителя Скотленд-Ярда на другого.

— Скажите, это все же убийство?

— Похоже на то, — сказал Аллейн.

— Я хочу, чтобы вы поняли: Филлипа — мисс Тонкс — весь вечер была заперта у себя в комнате.

— До тех пор, пока ее не выпустил брат, — сказал Аллейн.

— Тогда было уже слишком поздно. К тому времени он был уже мертв.

— Откуда вы знаете, когда он умер?

— Должно быть, это случилось тогда, когда раздался этот громкий треск.

— Мистер Хислоп, — спросил Аллейн, — отчего вы умолчали о том, как сильно раздражала вас привычка мистера Тонкса облизывать пальцы?

— Но... как вы узнали? Я никому не говорил!

— Сказали доктору Медоузу в бреду, когда болели.

— Не помню.

Он замолчал, губы у него дрожали. Внезапно он начал говорить:

— Все верно. Вы правы. Он два года надо мной измывался. Видите ли, он кое-что знал. Два года назад, когда умирала моя жена, я взял деньги — отсюда, из ящика стола. Потом я вернул все обратно и думал, что он ничего не заметил. Он заметил. С тех пор я был у него на крючке. Он сидел тут как настоящий паук. Протяну ему документы, а он давай облизывать пальцы. Звук такой — как щелчок, и на лице сытое выражение. Щелк, щелк. И тут он мог обронить пару слов о деньгах. Он никогда так и не обвинил меня напрямую, все только намеками. И я не мог ничего поделать. Сумасшедший — наверное, думаете вы. Это не так. Я мог его убить. Бывало, я только об этом и думал. И вот теперь вы, наверное, подозреваете меня. Но я невиновен. Вот что смешно. У меня духу не хватило. А вчера вечером, когда Филлипа призналась в своих чувствах, я был на седьмом небе от счастья — невероятное ощущение. В первый раз за все то время, что я тут проработал, мне не хотелось его убить. И что же — прошлой ночью его убил кто-то другой!

Он стоял перед ними, дрожа от ярости. Фокс и Бейли, глядевшие на него с участливым недоумением, посмотрели на Аллейна. Но едва тот открыл рот, чтобы что-то сказать, как вошел Чейз.

— Вам письмо, сэр, — обратился он к Аллейну. — Передали с посыльным.

Аллейн развернул письмо, пробе-

жал глазами первые несколько строк и поднял голову:

— Можете идти, мистер Хислоп. Я получил то, что хотел, — то, за чем охотился.

Когда Хислоп вышел, они прочли письмо.

Дорогой Аллейн,

не арестовывайте Хислопа.

Убийца — я. Если вы уже его арестовали, то отпустите немедленно и не говорите Фипс, что вообще его подозревали. Я был влюблен в Изабель еще до того, как она встретила Сепу. Я пытался уговорить ее развестись, но она отказывалась — из-за детей. Чертовы глупости, сейчас на них совершенно нет времени. Нужно поторапливаться. Он стал подозревать нас. Довел ее до нервного срыва. Я боялся, что она больше не вынесет. Я все продумал. Пару недель назад забрал ключ Фипс, висевший на крючке у двери. Держал наготове все инструменты, шнуры, провода. Я знал, где находится распределительный щиток и куда все спрятать. Я хотел дожидаться, пока все не разъедутся на Новый год, но когда Хислоп позвонил мне вчера, решился действовать незамедлительно. Он сказал, что мальчиков и слуг дома нет, а Фипс сидит взаперти в своей комнате. Я велел ему оставаться у себя и перезвонить, если через полчаса все не уляжется. Он не перезвонил. Я позвонил сам. Трубку никто не взял, и я понял, что Сепу в кабинете нет.

Тогда я пошел к ним, вошел, прислушался. Наверху все было тихо, но в кабинете горела лампа — это

означало, что он сюда еще спустится. Он говорил, что хотел поймать какую-то ночную передачу.

Я отпер дверь и принялся за работу. В прошлом году, когда Сеп был в отъезде, Артур малевал в его кабинете какой-то модный нынче ужас. Он упоминал, что ручки от карниза смотрелись очень выгодно. Тогда я и заметил, что они очень похожи на те, что были на радиоприемнике, а потом примерил одну и понял, что она как раз подойдет, если ее немного набить бумагой. Ну, я устроил все примерно так, как вы и подумали, и это заняло у меня всего лишь двенадцать минут. Затем я пошел в гостиную и принялся ждать.

Он вышел из комнаты Изабель, спустился вниз и, очевидно, сразу направился к приемнику. Я не ожидал, что раздастся такой грохот, и все думал, что кто-нибудь придет. Никто не пришел. Я вернулся в кабинет, отключил приемник и поменял пробку в щитке, посветив себе фонариком. Затем привел все в порядок в кабинете.

Торопиться было особенно некуда. Никто бы не вошел туда, пока Сеп был там, а я постарался поскорее

снова включить радио, чтобы казалось, что он его слушает. Я знал, что когда его найдут, то вызовут меня. Хотел сказать им, что с ним случился удар. Я предупредил Изабель, что это может приключиться в любой момент. Но стоило мне увидеть его обожженную руку, и я понял, что номер не пройдет. Я бы скрыл все, если бы не вертевшийся рядом Чейз, который без умолку причитал об электрическом стуле и обожженных пальцах. Хислоп тоже видел руку. Мне ничего не оставалось, кроме как заявить в полицию, но я не думал, что вы сообразите про трюк с ручками. Очко в вашу пользу.

Я бы блефовал и дальше, не заподозри вы Хислопа. Не хотел, чтобы из-за меня этого слюнтяя повесили. К письму я прилагаю записку для Изабель — она меня, конечно, никогда не простит — и официальное признание. Я буду у себя в спальне. Цианид. Это быстро.

Простите, Аллейн. Вы ведь все знали, верно? Я здорово вам все испортил, но если вы и дальше проявите свой талант... Прощайте.

Генри Медоуз.

Лесли Чартерис

1907–1993

Перевод и вступление Александра Пиперски

ЛЕСЛИ Чарльз Бауэр Йин (Лесли Чартерис) родился в 1907 году в Сингапуре от смешанного брака: его мать была англичанкой, а отец — китайцем. Он овладел китайским и малайским языками раньше, чем английским. В десять лет Чартерис научился печатать на машинке и, по его собственному признанию, именно тогда и начал писать ради денег.

В 1919 году, после развода родителей, Чартерис с матерью переехал в Англию. После школы он поступил в Кембриджский университет и стал заниматься юриспруденцией, но проучился только один год, сочтя, что имеющегося у него образования вполне достаточно для писателя. Лесли твердо намеревался писать триллеры, но в первые годы после университета ему пришлось зарабатывать на жизнь самыми разными способами: в Малайзии он работал на золотых приисках, в Англии ему довелось побывать барменом, профессиональным игроком в бридж и даже полицейским. В 1927 году вышел в свет его первый роман “Эсквайр Икс”, опубликованный под псевдонимом Лесли Чартерис. В 1946 году, получая американский паспорт, писатель зафиксировал это имя и в официальных документах.

LESLIE CHARTERIS

Год спустя, в третьем романе Чартериса “Встреча с тигром”, появился персонаж, который прочно ассоциируется с именем писателя и по сей день, — Саймон Темплар по прозвищу Святой. Благородный мошенник, перед которым трепещут его менее благородные собратья по ремеслу, снискал необычайную популярность и позволил своему автору скопить целое состояние.

Этому поспособствовало и то обстоятельство, что в 1932 году, выяснив, что гонорары за детективы в США куда выше, чем в Англии, Чартерис перебрался за океан. Несколько последующих десятилетий жизни писателя прошли под знаком Святого: Чартерис написал о нем столько романов и рассказов, что к концу 60-х Саймон ему надоел, и Чартерис стал пользоваться услугами литературных негров, ставя лишь свою фамилию на обложках все новых и новых книг. Сам же он занялся другими вещами: например, разработал пиктографический искусственный язык “паленео” (сейчас он известен разве что специалистам по пиктографии). Лесли Чартерис был четырежды женат; в зрелые годы он вернулся в Европу, придерживался крайне правых взглядов, был известным гурманом (и даже вел колонку в журнале “Гурман”), обожал скачки (у него были собственные скаковые лошади). Скончался Лесли Чартерис 15 апреля 1993 года в Англии.

Чартерис прилагал немало усилий для популяризации своего героя и весьма преуспел в этом. В 1953 году он начал издавать “Детективный журнал Святого” (*The Saint Detective Magazine*), в котором печатались произведения как самого Чартериса, так и других известных писателей его времени — Агаты Кристи, Дороти Сэйерс и Сакса Ромера. А в 1936 году Чартерис основал “Клуб Святого”, объединивший поклонников Саймона Темплара. Клуб существует и по сей день. Его бессменным президентом является, разумеется, сам Саймон Темплар; вице-президентом вплоть до своей смерти в 1993 году был Чартерис, а затем освободившуюся должность заняли сразу три человека — Роджер Мур, Ян Огилви и Саймон Даттон, которые играли роль Святого в экранизациях произведений Чартериса.

“ЧЕЛОВЕК, который любил игрушки” — один из лучших рассказов Чартериса. С ним связан его первый американский успех. Лесли Чартерис приехал завоевывать Америку с двадцатью пятью долларами в кармане и молодой женой (Полиной Шишкиной — дочерью русского эмигранта). Для начинающего писателя огромным событием была публикация в престижном журнале “Американ мэгэзин” (1933). Правда, тогда в рассказе еще не действовал Святой, и, составляя через год сборник “Вмешательство Святого”, Чартерис исправил это упущение: он существенно переработал текст и совершенно изменил облик главных героев. Хотя Святой редко работает рука об руку с полицией, но в этом случае он со снисходительным дружелюбием оказывает помощь недалекому инспектору Тилу.

ЛЕСЛИ ЧАРТЕРИС

Человек, который любил игрушки

Главный инспектор Клод Юстас Тил положил свои пухлые локти на стол и достал из розовой обертки очередную пластинку жвачки.

— Только и всего, — сказал он. — Именно так всегда и бывает. Тебе приходит в голову идея, потом начинаешь расспрашивать осведоми-

телей — и вот преступник пойман. А потом тебя ожидает очень много рутины, потому что надо собирать доказательства. Вот так настоящие детективы и работают; и Шерлоку Холмсу пришлось бы делать все то же самое, если бы он работал в Скотленд-Ярде.

Саймон Темплар по прозвищу Святой дружелюбно улыбнулся и попросил счет. Музыканты, зевая, стали

РАССКАЗ "ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ИГРУШКИ"
ВПЕРВЫЕ БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В СВОЕМ
НЫНЕШНЕМ ВИДЕ В 1934 ГОДУ В СБОРНИКЕ
"ВМЕШАТЕЛЬСТВО СВЯТОГО".

THE MAN WHO LIKED TOYS

THE SAINT INTERVENES. CRIME CLUB, NEW YORK, 1934.

играть очередную танцевальную мелодию, но певцы и танцоры ушли со сцены уже полчаса назад, а закон* своей суровой рукой стал сметать алкоголь со столов. Было два часа ночи, и большинству завсегдатаев "Пэлас Роял" предстояло еще отвлечься на работу, прежде чем снова прийти сюда в следующую полночь.

— Может быть, вы и правы, Клод, — снисходительно сказал Святой.

— Я не сомневаюсь, что я прав, — сказал мистер Тил сонным голосом. Потом, когда Саймон положил на тарелочку пять фунтов, он

*Саймон Темплар
по прозвищу Святой*

* Закон о защите королевства (*Defence of the Realm Act*), принятый в 1914 г., запрещал ночным клубам работать после 2 часов ночи.

усмехнулся: — Хотя я и знаю, что вы любите над нами смеяться.

Обойдя столы, они по лестнице поднялись в вестибюль отеля. Это был один из тех редких случаев, когда мистер Тил мог наслаждаться компанией Святого, не мучаясь подспудными размышлениями о том, что же из этого выйдет. Уже несколько недель его жизнь была сравнительно мирной. До него не доходило никаких новых слухов о беззакониях Святого, и в такие моменты он не без искреннего удивления признавался себе, что мало что доставляло ему больше удовольствия, нежели вечер с веселым авантюристом, который задал полиции больше загадок, чем ей когда-либо удастся разгадать.

— При случае заходите ко мне, когда я буду расследовать какое-нибудь дело, Саймон, — сказал Тил в фойе, проявляя потрясающую щедрость, причиной которой отчасти было вино. — Вот и увидите, как мы на самом деле работаем.

— С удовольствием, — сказал Святой, и даже если в его глазах в этот момент и промелькнула тень улыбки, то она была лишена всякого коварства.

Он надел свою мягкую шляпу на гладко причесанные темные волосы и оглянулся по сторонам с той небрежной бесцельностью, которая в такое время суток обычно предшествует прощанию. Три человека вывалились из лифта рядом с ним и шумно, чуть нетвердой походкой направились к выходу. Двое из них — высокий человек с тонкой полоской черных усов и коренастый краснолицый мужчина в очках без оправы — были в плащах и шляпах. Третий, похоже, проводил

гостей. Это был обрюзгший мужчина лет пятидесяти пяти, неуклюжий, с круглой лысой головой и мясистым носом, глядя на который всякий бы предположил, что этот человек выпил больше остальных — и так оно и было на самом деле. У них у всех был потрепанный и неуклюжий вид промышленных магнатов, у которых наконец-то выдался свободный вечер.

— Это Льюис Энстоун — вон тот, носатый, — сказал Тил, который знал абсолютно всех. — Он был бы одной из самых крупных шишек в Сити, если бы поменьше прикладывался к бутылке.

— А остальные двое? — спросил Святой без особого любопытства, потому что уже знал ответ.

— Мелкие рыбешки. Эйб Костелло — это высокий — и Жюль Хэммел.

Мистер Тил задумчиво пожевал свою мятную жвачку.

— Если с ними произойдет что-нибудь нехорошее, мне будет интересно узнать, где вы находились в этот момент, — добавил он с улыбкой.

— Если что-нибудь и произойдет, то без моего участия, — смиренно сказал Святой.

Он закурил и без особого интереса посмотрел на троицу гуляк. Хэммела и Костелло он знал по приснопамятной истории с мистером Титусом Оутсом*, но мужчина, находившийся в особенно сильном подпитии, был ему неизвестен.

— Вы же понимаете, ребята, да? — жалобно говорил Энстоун, любов-

* Отсылка к рассказу "The Unfortunate Financier" ("Злополучный финансист"), напечатанному в том же сборнике, что и публикуемый рассказ.

но оббив руками плечи своих гостей (только благодаря этому он и держался на ногах). — Это же бизнес. Я ведь не злой. Я жену люблю. И детей тоже. И вообще. Если смогу вам помочь — обращайтесь.

— Вы так добры, дорогой друг, — сказал Хэммел с туманной торжественностью, типичной для того состояния, в котором он находился.

— Давайте вместе пообедаем во вторник, — предложил Костелло. — Поговорим кое о чем, что вас может заинтересовать.

— Ага, — сказал Энстоун нетвердо. — Пообе... пообедаем... Во вто... во вторник. Ик...

— И про детей не забудьте, — доверительно сказал Хэммел.

Энстоун хихикнул.

— Да уж не забуду! — сказал он и принялся старательно разыгрывать непонятную пантомиму: он сложил руку в кулак, поднял вверх большой палец, а указательный палец вытянул и направил между глаз Хэммелу.

— Руки вверх! — с серьезным видом скомандовал он и тут же снова впал в истерическое веселье, к которому присоединились его гости.

Они расстались у входа после многочисленных рукопожатий, похлопываний по спине и продолжительного пьяного веселья, и Льюис Энстоун осторожными неуверенными шагами направился к лифту. Мистер Тил взял новую пластинку жвачки и пренебрежительно скривился.

— Он здесь остановился? — спросил Святой.

— Он здесь живет, — сказал детектив. — Он здесь жил даже тогда, когда

мы точно знали, что на его счетах нет ни пенса. Помню, однажды...

Он стал рассказывать длинную историю с горячностью человека, которого случившееся лично задело. Саймон Темплар слушал вполуха, но его слух был отлично натренирован: Святой умел в нужный момент напрячь внимание, если только дело принимало сколько-нибудь интересный оборот и могло закончиться приключением. В противном случае он оставался пассивен, курая сигарету и рассеянно глядя в пространство. Он обладал способностью думать о нескольких вещах сразу, и ему как раз было о чем поразмыслить. Где-то на середине рассказа он понял, что мистер Тил однажды потерял на бирже деньги из-за каких-то акций, которыми спекулировал Энстоун. Но в этой неудаче не было ничего, что могло бы привлечь его внимание, и негодующий монолог детектива давал ему прекрасную возможность спланировать еще несколько деталей атаки на очередную жертву.

— Вот так я и потерял половину своих сбережений, и теперь я вкладываю деньги только в государственные облигации, — мрачно заключил мистер Тил. Саймон сделал последнюю затяжку и выбросил окурочек в пепельницу.

— Спасибо за подсказку, Клод, — весело сказал он. — Я понял, что в следующий раз, когда я буду кого-нибудь убивать, вы бы предпочли, чтобы это был финансист.

Тил фыркнул и застегнул пиджак.

— Я бы предпочел, чтобы вы никого не убивали, — прочувствованно сказал он. — Мне пора идти домой, завтра рано вставать.

Они пошли к дверям, миновав стойку портье, рядом с которой стояла парочка скучающих и заспанных мальчиков-посыльных. Саймон уже прежде отмечал про себя их сонливость — так же механически, как отмечал цвет ковра, — но теперь он почувствовал в них перемену... Мальчики явно были чем-то взволнованы, один из них сказал что-то достаточно громко, так что Тил остановился и резко обернулся.

— Что случилось? — спросил он.

— Мистер Энстоун, сэр. Он только что застрелился.

Мистер Тил нахмурился. Для прессы, конечно, это будет новость, достойная передовицы; но его эта новость грозила лишить ночного отдыха, если он взвалит на себя это дело. Он пожал плечами.

— Пойду посмотрю, — сказал он.

Он представился, и его поспешно повели к лифтам. Мистер Тил грузно шагнул в ближайшую кабину, а Святой нахально последовал за ним. В конце концов, детектив же приглашал его заглянуть в следующий раз, когда будет расследовать дело... Тил положил руки в карманы и сонно устался на улетающую вниз шахту лифта. Саймон старательно избегал его взгляда и был приятно удивлен, когда детектив обратился к нему почти добродушно:

— Я всегда подозревал — с ним что-то не так. Но ни с того ни с сего стреляться? Разве что он представил себе, с какой головой завтра проснется...

Казалось, гибель любого финансиста, какова бы ни была ее причина, — это благословение небес, которому мистер Тил втайне радовался

вопреки всем законам морали. Ему не вполне удавалось скрыть эти личные чувства, но в остальном он был сама невозмутимость и бесстрастность. Он отослал сопровождавших его мальчиков и подошел к двери роскошного номера, в котором жил миллионер. Дверь была закрыта, изнутри не слышалось ни звука. Тил властно постучал; мгновение спустя дверь приоткрылась на несколько дюймов, и показалось бледное взволнованное лицо. Тил снова представился. Дверь отворилась шире, и за ней обнаружился обладатель взволнованного лица — помощник директора отеля. Саймон проследовал за детективом, стараясь выглядеть столь же официально.

— Будет страшный скандал, инспектор, — сказал помощник директора.

Тил бесстрастно посмотрел на него.

— Вы были здесь, когда это произошло?

— Нет, я был внизу, у себя в кабинете.

Удовлетворившись ответом, Тил прошел мимо него. Направо из роскошной прихожей вела еще одна дверь; через нее можно было увидеть другого солидного мужчину. У него было такое же бледное лицо, выражавшее то же сдерживаемое беспокойство, что и у помощника директора, по отношению к которому он держался с надменным превосходством. Даже если бы не его неброский черный пиджак и полосатые брюки, седые бакенбарды и холеные руки, он все равно выглядел бы внушительнее, чем помощник директора отеля — ведь он был помощник джентльмена.

— Кто вы? — спросил Тил.

— Меня зовут Фаулер, сэр. Я камердинер мистера Энстоуна.

— Вы были здесь, когда это произошло?

— Да, сэр.

— Где мистер Энстоун?

— В спальне, сэр.

Они проследовали за помощником директора обратно через прихожую. Тил остановился.

— Если вы мне понадобится, вы будете у себя в кабинете? — спросил он очень вежливо. Помощник директора исчез из виду, казалось, даже раньше, чем дверь номера захлопнулась за ним.

Льюис Энстоун был мертв. Он лежал на спине рядом с кроватью, его голова наклонилась набок, так что можно было видеть, где вошла и где вышла пуля, убившая его. Она прошла прямо через правый глаз, оставив уродливый след, какой бывает только от крупнокалиберных пуль, выпущенных с близкого расстояния... Револьвер лежал под пальцами его правой руки.

— Большой палец на спусковом крючке, — громко отметил Тил.

Он сел на край постели и стал надевать перчатки. Лицо Тила было багровым, но бесстрастным. Саймон осматривал комнату. Это была обычная спальня, очень чистая, лишенная каких бы то ни было характерных черт, если только не считать дорогой, но неброской мебели. Два окна, оба заперты. Единственной приметой беспорядка были остатки неаккуратно вскрытой упаковки в углу стола. Оберточная бумага, обрывки веревки, небольшая картонная коробочка — пустая. Миллионер даже не начал

раздеваться, он только ослабил узел галстука и расстегнул воротник.

— Что произошло? — спросил мистер Тил.

— Мистер Энстоун пригласил на обед друзей, сэр, — объяснил Фаулер. — Некого мистера Костелло...

— Это я знаю. Что произошло, когда он проводил их и вернулся?

— Он сразу пошел спать.

— Эта дверь была открыта?

— Сначала да, сэр. Я спросил у мистера Энстоуна, какие указания будут на утро, и он велел разбудить его в восемь часов. Потом я спросил, надо ли помочь ему раздеться, но он дал мне понять, что не надо. Он закрыл дверь, и я вернулся в гостиную.

— А ту дверь вы оставили открытой?

— Да, сэр. Я решил немного прибраться. И тут я услышал... услышал выстрел, сэр.

— Была ли у мистера Энстоуна какая-либо причина для самоубийства?

— Напротив, сэр, — насколько я понимаю, его последние спекуляции были очень успешными.

Тил кивнул.

— А где его жена?

— Миссис Энстоун с детьми на Мадейре, сэр. Они должны вернуться завтра.

— А что было в этой коробке, Фаулер? — наконец заговорил Святой.

Камердинер посмотрел на стол.

— Не знаю, сэр. Наверное, ее оставил кто-то из гостей мистера Энстоуна. Я заметил, что она лежала на обеденном столе, когда я принес их плащи, а когда мистер Энстоун вернулся, он взял пакет и отнес в спальню.

— Вы не слышали, чтобы они что-нибудь о нем говорили?

— Нет, сэр. Я ушел после того, как был подан кофе: я понял, что джентльмены собирались обсуждать конфиденциальные вопросы.

— К чему вы это? — серьезно спросил мистер Тил.

Святой виновато улыбнулся. Поскольку он стоял ближе всех к двери, именно он открыл ее, когда второй раз за эту ночь тишину нарушил стук, и впустил седого человека с черным чемоданчиком. Пока полицейский врач проводил предварительный осмотр, Саймон переместился в гостиную. Следы пирушки были везде: окурки от сигар в кофейных чашках, пятна от вина, пролитого на скатерть, крошки и пепел повсюду, застоявшийся запах еды и дыма, висящий в воздухе, — но все это его не интересовало. Он сам был не вполне уверен в том, что бы могло его заинтересовать; он бесцельно бродил по комнате, внимательно глядя на те отпечатки, которые характер жильца со временем неизбежно накладывает на обстановку — даже в таком безликом месте, как гостиничный номер. На стенах и на столиках стояли фотографии. В основном это были увеличенные снимки, изображавшие Льюиса Энстоуна, отдыхающего в семейном кругу; они на некоторое время увлекли Саймона. На одном из маленьких столиков он нашел интересную вещь — деревянную тарелочку, на которой в круг стояли шесть деревянных птиц. Их шеи держались на шарнирах, и к ним были привязаны шесть ниточек, прикрепленных к деревянному шару под тарелкой.

Эти ниточки и вес шара удерживали головы птиц поднятыми. Саймон обнаружил, что если двигать тарелочку так, чтобы шар вертелся по кругу, натягивая и ослабляя то одну нитку, то другую, птицы наверху по очереди начинали энергично клевать незримые и, по-видимому, неисчерпаемые запасы зерна. Весьма искусное механическое воплощение обжорства.

Он задумчиво развлекал себя этой игрушкой, пока не заметил, что мистер Тил стоит рядом. Круглое красное лицо детектива несло на себе печать почти что комичного изумления.

— Вот как вы проводите свободное время? — спросил он.

— По-моему, занятно придумано, — сказал Святой серьезно. Он отложил игрушку и посмотрел на Фаулера. — Это вещь кого-то из детей?

— Мистер Энстоун принес ее домой сегодня вечером, сэр, чтобы завтра подарить мисс Аннабель, — сказал камердинер. — Он всегда покупал такие игрушки. Он был очень любящим отцом, сэр.

Мистер Тил пожевал жвачку и сказал:

— Вы закончили? Я иду домой.

Саймон мирно кивнул и пошел с ним к лифту. Когда они ехали вниз, он спросил:

— Нашли что-нибудь?

Тил захлопал глазами:

— А что я должен был найти?

— Я-то думал, у полиции всегда есть ключ к разгадке, — невинно произнес Святой.

— Энстоун покончил с собой, — резко сказал Тил. — Какие еще ключи вам нужны?

— Но почему он покончил с собой? — спросил Святой с почти что детским простодушием.

Тил в задумчивости пожевал свою жвачку, но не ответил. Если бы этот разговор завел кто-нибудь другой, то мистер Тил в открытую посмеялся бы над ним. То же самое ему хотелось сделать и сейчас, но он сдержался. Ему был знаком язвительный юмор Саймона Темплара, но он знал, что к словам Святого стоило прислушиваться именно тогда, когда они звучали особенно абсурдно.

— Загляните ко мне завтра утром, — наконец сказал мистер Тил. — Может быть, тогда я смогу вам ответить.

Саймон Темплар отправился домой. Он спал беспокойно. Льюис Энстоун застрелился — это казалось очевидным. Окна были заперты на задвижку, и никакой сложный трюк с закрыванием их снаружи и бегством по веревочной лестнице вверх или вниз нельзя было повернуть за те две или три секунды, пока на звук выстрела не прибежал камердинер. Но сам Фаулер мог... Впрочем, почему бы и не самоубийство? Но Святой досконально помнил каждое слово и каждый жест, сопровождавший прощание в вестибюле отеля, и ничто среди них не предвещало самоубийства. Единственной странностью, которую он заметил, была необъяснимая пантомима: сжатый кулак, вытянутый вперед указательный палец и поднятый большой. Это весьма приблизительное изображение пистолета почему-то вызвало у Энстоуна глупое довольное хихиканье, радостно поддержанное его гостями... Психологическая проблема заинтересова-

ла Саймона. А еще эти обрывки оберточной бумаги, картонная коробка, деревянная тарелка, на которой цыплята клевали зерно, фотографии... Все это до самого утра вертелось в его снах в самых разных сочетаниях, как в калейдоскопе.

В половине первого он уже сворачивал на набережную Виктории*, ожидая услышать, что мистер Тил занят и не может его принять; но его пропустили через несколько минут после того, как он сообщил свое имя.

— Вы выяснили, почему Энстоун покончил жизнь самоубийством? — спросил он.

— Нет, — сказал Тил довольно резко. — Его брокеры подтверждают, что он спекулировал успешно. Может быть, он был связан еще с какой-то фирмой, где все было не так удачно. Мы это выясним.

— Вы разговаривали с Костелло или с Хэммелом?

— Я вызвал их сюда. Они скоро должны прийти.

Тил погрузился в какую-то бумагу, покрытую машинописным текстом. Ему хотелось задать несколько встречных вопросов, но он не стал этого делать. Пока что он потерпел полный провал, устанавливая причины самоубийства Энстоуна, и это его раздражало. Его задевало, что Святой только задает вопросы, но не пытается на них ответить. Саймон взял сигарету и продолжал невозмутимо курить до тех пор, пока не сообщили о приходе Костелло и Хэммела. Тил задумчиво посмотрел

* На набережной Виктории до 1967 г. располагалось главное здание Скотленд-Ярда.

на Святого, в то время как свидетели усаживались, но, как ни странно, ни словом не намекнул ему на то, что допросы в полиции закрыты для публики.

Он обратился к высокому черносому мужчине:

— Мистер Костелло, мы пытаемся найти причину самоубийства Энстоуна. Как давно вы с ним знакомы?

— Восемь или девять лет.

— У вас есть предположения о том, почему он застрелился?

— Нет, инспектор. Это была полная неожиданность. Он зарабатывал больше денег, чем любой из нас. А когда мы были у него вчера вечером, он находился в очень хорошем настроении: ждал жену и детей, он всегда был рад увидеть их после разлуки.

— Вам случалось терять деньги, которые вы вложили в какую-нибудь из его компаний?

— Нет.

— Вы отдаете себе отчет в том, что мы можем это проверить?

Костелло слегка улыбнулся:

— Я не понимаю, на что вы намекаете, инспектор. Вся моя бухгалтерия совершенно прозрачна.

— А вы сами в последнее время успешно вели дела?

— Нет. Как раз недавно я потерял немного денег, — откровенно признался Костелло. — Я акционер “Интернэшнл Коттон”.

Он достал сигарету и зажигалку, которая сразу приковала внимание Саймона. Это приспособление имело необычную форму и каким-то образом давало жар без пламени. Даже не осознавая, что ведет себя слишком дерзко, Святой сказал:

— Это какая-то новинка, да? Я никогда раньше не видел такой зажигалки.

Мистер Тил откинулся на кресле и посмотрел на Святого таким взглядом, который обратил бы любого другого человека в пепел. Костелло повертел зажигалку в руках и сказал:

— Это мое собственное изобретение, я сам ее сделал.

— Эх, если бы я умел мастерить такие вещи!.. — сказал Святой с восхищением. — У вас, наверное, техническое образование?

Костелло на мгновение заколебался.

— В юности я работал в электротехнической мастерской, — сухо объяснил он и повернулся к столу Тила.

После продолжительной паузы детектив обратился к приземистому человеку в очках, который до этого момента не подавал признаков жизни, если не считать того, что он все время переводил взгляд с одного собеседника на другого.

— Вы партнер мистера Костелло, мистер Хэмел? — спросил он.

— Да, у нас деловое партнерство.

— Вы знаете о делах Энстоуна что-нибудь, чего мистер Костелло не смог нам сообщить?

— Боюсь, что нет.

— О чем вы разговаривали за столом вчера вечером?

— О слиянии двух наших компаний. Я тоже акционер “Интернэшнл Коттон”, а “Космополитен Текстайлз” — это один из концернов Энстоуна. У его акций котировки были высокие, а у наших — нет, и мы решили, что если мы сумеем уговорить его на слияние, то это поправит наши дела.

— А что ответил вам Энстоун?

Хэммел развел руками:

— Он решил, что для него это недостаточно интересно. У нас было что ему предложить, но он счел, что этого слишком мало.

— Между вами не возникло конфликта?

— Да нет. Если бы все бизнесмены, которые в какой-то момент не согласились на сотрудничество, становились врагами, то в Сити не нашлось бы даже и двух человек, которые бы разговаривали друг с другом.

Саймон прокашлялся.

— Какая была ваша первая серьезная работа, мистер Хэммел? — спросил он.

— Я был начальником отдела продаж в крупной компании в Центральной Англии.

Тил вскоре завершил беседу, не сделав новых открытий, торопливо пожал руки своим собеседникам и проводил их к выходу. Потом он вернулся и посмотрел на Святого, как каннибал на недавно приехавшего миссионера.

— Почему бы вам не пойти работать к нам? — резко спросил он. — Сейчас как раз открылся новый полицейский колледж, и руководство Скотленд-Ярда ищет таких людей, как вы.

Саймон отреагировал на эту остроту так же, как бронемашина реагирует на удар снежка. Он сидел на краешке стула, и его голубые глаза светились от возбуждения.

— Глядя на вас, не скажешь, что в полицейском колледже учат расследовать убийства, — ответил он.

Тил дернулся, как будто не мог поверить своим ушам. Он взялся за под-

локотники кресла и заговорил с едва сдерживаемым раздражением, как будто решил не вызывать санитаров сразу, а дать Святому последний шанс образумиться.

— О каком убийстве вы говорите? — спросил он. — Энстоун застрелился.

— Да, Энстоун застрелился, — сказал Святой. — Тем не менее это было убийство.

— Вы что, напились?

— Я-то нет, а вот Энстоун...

Тил чуть не подавился.

— Вы будете рассказывать мне, — возмутился он, — что человек может напиться настолько, чтобы застрелиться, когда его дела идут в гору?

Саймон покачал головой:

— Они заставили его застрелиться.

— Вы имеете в виду — с помощью шантажа?

— Нет.

Святой провел рукой по волосам. Он уже думал об этом. Он знал, что Энстоун выстрелил в себя сам, потому что никто другой в него выстрелить не мог. За исключением Фаулера, камердинера, — но Тил заподозрил бы его сразу, если бы он вообще кого-нибудь заподозрил, а это была слишком очевидная, слишком безумная версия. Ни один нормальный человек не станет планировать убийство так, чтобы оказаться главным подозреваемым. Значит, шантаж? Но тогда, в вестибюле гостиницы, Льюис Энстоун не производил впечатления человека, который прощается с шантажистами. И какой из обычных поводов для шантажа мог дать своим недругам человек, который был настолько предан своей семье?

— Нет, Клод, — сказал Святой. — Это не шантаж. Они просто сделали так, что он застрелился.

Мистер Тил почувствовал тот инстинктивный холодок, причина которого коренится в древнем страхе перед сверхъестественным. Убежденность Святого была безумной и вместе с тем искренней, и на мгновение детектив представил себе, как черные глаза Костелло гипнотически расширяются и застывают, его изящные и чувствительные руки совершают странные пассы, а губы под тонкими черными усами шепчут смертоносные приказы. Затем последовало столь же фантастическое видение: два вежливых, но суровых джентльмена вручают оружие третьему, кланяются и уходят, как если бы они пришли к офицеру, уличенному в предательстве, милостиво предлагая ему альтернативу военному трибуналу — чтобы не замарать честь Капитала... Тут он рассмеялся.

— Они просто сказали ему: “Лью, а почему бы тебе не застрелиться?” — а он подумал, что это отличная идея, да? — издевательски спросил он.

— Примерно так оно и было, — рассудительно ответил Святой. — Ведь Энстоун сделал бы все что угодно, чтобы развлечь своих детей.

Тил открыл рот, но не издал ни звука. Выражение его лица свидетельствовало о том, что он готов был низвергнуть на своего собеседника поток уничтожающих острот, а молчал лишь потому, что безумие Святого было уже вне пределов, подвластных насмешке.

— Костелло и Хэммел должны были что-то сделать, — сказал Святой. —

Дела у “Интернэшнл Коттонз” уже давно идут плохо, и вы бы тоже это знали, если бы не хранили свои деньги в государственном чулке. Напротив, у компании “Космополитен Текстайлз”, за которой стоял Энстоун, все было хорошо. Костелло и Хэммел могли выпутаться из этого положения двумя способами: либо с помощью слияния, либо заставив Энстоуна совершить самоубийство, чтобы из-за паники акции “Космополитен” упали и они могли бы их скупить: наверняка потом окажется, что они весь месяц играли на понижение, пытаясь сбить цену. А если вы полистаете сегодняшние газеты, то обнаружится, что котировки всех акций Энстоуна рухнули: такой человек не может совершить самоубийство и не вызвать при этом паники. Костелло и Хэммел отправились обедать с ним, чтобы попробовать уговорить его на слияние, но они были готовы воплотить в жизнь другой вариант, если Энстоун откажется.

— И что же? — настойчиво спросил Тил. Казалось, прочный фундамент его недоверия впервые пошатнулся.

— Они сделали одну большую ошибку. Они не озаботились тем, чтобы он оставил предсмертную записку.

— Бывает, что люди стреляются и без предсмертной записки.

— Я знаю. Но нечасто. Вот потому-то я и стал думать.

— И что же? — снова сказал детектив.

Саймон еще сильнее взъерошил волосы и сказал:

— Понимаете ли, Клод, хотя мой род деятельности и пользуется дурной репутацией, но мне всегда прихо-

дится думать: "А что сделает А? А что сделает Б? А что сделает В?" Я должен проникать в глубины человеческой мысли, чтобы понимать, что и как люди собираются сделать, и всегда быть на один шаг впереди. Мне приходится заниматься практической психологией — как и начальнику отдела продаж крупной компании в Центральной Англии.

Тил открыл рот, но ничего не сказал, сам не зная почему. И Саймон Темплар продолжил свою речь — сбивчиво, как это иногда бывало с ним, когда он пытался выразить то, что еще не сумел внутри себя облечь в словесную форму:

— Психология торговли — это исследование человеческих слабостей. Очень занимательно. Помню, директор одной из самых крупных в мире компаний по производству игрушек как-то сказал мне, что для того, чтобы оценить замысел новой игрушки, надо понять, понравится ли она деловому человеку средних лет. И это, разумеется, правда, причем до такой степени правда, что иногда отец играет с подарками, которые его маленький сын получил на день рождения, так увлеченно, что мальчику не остается ничего, кроме как пойти покурить папину трубку. В любом бизнесе средних лет есть эта крупница ребячества, потому что иначе он не стал бы всю жизнь собирать бумажные миллионы, которые не успеет потратить, и строить хрупкие домики из золотых карт, которые в любой момент могут обрушиться, так что их придется строить заново. Это просто чуть более почтенная разновидность детского конструктора. Если

бы великие деловые мужи, сотрясающие Землю, были устроены иначе, то они никогда не смогли бы построить экономическую систему, при которой судьба народов, голод, счастье и прогресс мира зависят от слитков желтого металла, предназначенного для изготовления искусственных зубов. — Саймон внезапно поднял глаза. Они ярко горели и не видели ничего вокруг, как будто его мысль была отделена от всего, что его окружало. — Льюис Энстоун был как раз таким человеком, — сказал он.

— Вы все еще думаете о той игрушке, с которой вы играли? — беспокойно спросил Тил.

— О ней — и о других вещах, которые мы услышали. И о фотографиях. Вы обратили на них внимание?

— Нет.

— На одной Энстоун играл с заводным поездом. На другой он был покрыт попоной и изображал медведя. На третьей он запускал большую игрушечную карусель. И так почти везде. Дети, конечно, тоже попадали в кадр, но видно, что больше всех веселится сам Энстоун.

Тил, который вертел в руках карандаш, резко пожал плечами и отшвырнул карандаш в сторону.

— Вы все равно не доказали мне, что это было убийство, — сказал он.

— Я должен был сперва разобраться сам, — мягко сказал Святой. — Понимаете, это же для меня профессиональная загадка. Энстоун был счастливо женат, он любил своих детей, он не делал ничего более дурного, чем другие крупные финансисты, так что его совесть была чиста; он был богат и богател все больше — и как они

смогли вынудить его на самоубийство? Если бы я, например, писал о нем детективный рассказ, то как бы я заставил его покончить с собой?

— Вы бы сказали ему, что у него рак, — едко сказал Тил, — и он бы поверил.

Саймон покачал головой:

— Нет. Разве что если бы я был врачом. Но если бы эту идею высказал Костелло или Хэммел, он бы захотел подтверждения. И разве он выглядел как человек, которому только что сказали, что у него рак?

— Так ведь это вы считаете, что это было убийство, — сказал мистер Тил терпеливым тоном, уже отчаявшись переубедить своего собеседника. — Вот вы и разбирайтесь.

— Сперва мне доставало многих фрагментов этой мозаики, — сказал Святой. — Я знал только характер Энстоуна и его слабости. А потом выяснилось, что Хэммел — настоящий психолог. Это хорошо, потому что я и сам немного психолог, а значит, его мысли движутся в том же направлении, что и у меня. А потом я узнал, что Костелло умеет изобретать и изготавливать интересные механические приспособления. Не надо было ему доставать зажигалку, Клод: это был еще один кусочек картины, которого мне не хватало. И наконец, коробка...

— Какая коробка?

— Картонная коробка на столе и оберточная бумага рядом с ней. Помните, Фаулер сказал, что ее оставил то ли Хэммел, то ли Костелло? Она у вас?

— Думаю, она где-то в этом здании.

— Мы можем получить ее?

Тил потянулся к телефонной трубке, как усталый палач тянется к веревке.

— Вы можете осмотреть и револьвер, если хотите, — сказал он.

— Спасибо! — сказал Святой. — Я как раз хотел это сделать.

Тил отдал указания. Они сидели и молча смотрели друг на друга, пока им не принесли улики. Тил без слов давал понять пятьюдесятью разными способами, что готов предоставить Святому все возможности, чтобы тот собственноручно вырыл себе могилу и навеки стал всеобщим посмешищем; однако гримасам инспектора недоставало убедительности. Когда они снова остались в одиночестве, Саймон подошел к столу, взял револьвер и положил его в коробку. Он как раз в ней поместился.

— Вот как это было, Клод, — тихо, но довольно сказал он. — Они дали ему револьвер в этой коробке.

— И он застрелился, не зная, что делает, — презрительно сказал Тил.

— Именно так, — сказал Святой, и насмешка промелькнула в его голубых глазах. — Он не знал, что делает.

Зубы мистера Тила резко сомкнулись на ни в чем не повинной продукции компании "Ригли".

— А о чем он думал, когда выстрелил? Вообразил, что он покрыт попной и играет в медведя?

Саймон вздохнул:

— Это-то я и пытаюсь понять.

Тил откинулся назад в безнадежном изнеможении, и кресло под ним скрипнуло.

— И ради этого вы отняли у меня столько времени? — устало спросил он.

— Но у меня есть идея, Клод, — сказал Святой, поднимаясь на ноги и потягиваясь. — Давайте пообедаем вместе и отвлечемся от всего этого. Вы и так уже думаете почти час, и я совершенно не хочу, чтобы ваш мозг перегрелся. Я знаю одно хорошее новое местечко — подождите, сейчас только уточню адрес.

Он нашел адрес в телефонном справочнике. Мистер Тил встал и снял с вешалки свой котелок. В его по-детски голубых глазах читалась напряженная работа мысли, но он последовал за Святым, не раздумывая. Какие бы бредовые идеи ни собирався высказать Святой, Тил должен был услышать их, потому что в противном случае ему предстояло мучиться в неведении всю жизнь. Они поехали на такси в Найтсбридж. Мистер Тил флегматично жевал жвачку, превосходно изображая скуку. Такси наконец остановилось, и они вышли. Он повел Тила в какой-то высокий дом. Войдя в лифт, он сказал лифтеру что-то, чего Тил не расслышал.

— Что это? — спросил инспектор, когда они поехали наверх. — Новый ресторан?

— Я же сказал: новое местечко, — таинственно ответил Святой.

Лифт остановился, они вышли и пошли по коридору. Саймон позвонил в одну из дверей. Ему открыла симпатичная служанка, которая, возможно, в свободное время посвящала себя другой профессии.

— Скотленд-Ярд, — без тени стеснения заявил Святой и прошел мимо нее. Он оказался в гостиной прежде, чем его успели остановить. Главный инспектор Тил, на мгновение застыв-

ший от потрясения, последовал за ним.

Затем вошла служанка.

— Простите, сэр, мистера Костелло нет дома.

Тил встал между Святым и девушкой. Выражение скуки стерлось с его лица, сменившись полным изумлением и яростью.

— Что это еще за шуточки? — прорычал он.

— Это не шуточки, Клод, — беспечно сказал Святой. — Я просто хотел проверить, не найдем ли мы чего-нибудь: вы же помните, о чем мы говорили.

Его взгляд жадно метался по комнате и загорелся, когда он увидел большой дешевый письменный стол с ящиками. Своей обшарпанностью стол резко выделялся на фоне остальной мебели. На нем валялись обрывки веревки и проволоки, эбонитовые палочки и колесики — все то, из чего изготавливают любительские радиоприемники. Саймон тотчас сделал шаг по направлению к столу и начал открывать ящики. В них лежали самые разнообразные инструменты, разные виды проволоки, винты, странные шестеренки, трубки и шурупы, куски листового железа и латуни — типичный набор любителя техники. Затем он добрался до запечатого ящика. Без колебаний он схватил большую отвертку и вставил ее в отверстие над замком; прежде чем остальные успели понять, что происходит, он умелым движением руки открыл ящик.

Тил издал крик и бросился к нему. Рука Саймона погрузилась в ящик и вынырнула оттуда, держа никелиро-

ванный револьвер. Он был точно такой же, как тот, которым застрелился Энстоун, но Тил этого даже не заметил. Он решил, что Святой окончательно сошел с ума. Тил замер: сейчас он видел перед собой просто маньяка с оружием в руках.

— Брось пистолет, дурак! — завопил он и издал еще один крик, когда увидел, как Святой подносит дуло к правому глазу, держа палец на спусковом крючке — точно также, как, наверное, держал револьвер Энстоун. Тил бросился вперед, выбил у Саймона оружие одним взмахом руки и схватил его за запястье.

— Хватит! — сказал он, сам не осознавая, насколько бесполезно говорить это сумасшедшему.

Саймон посмотрел на него и улыбнулся.

— Спасибо вам за то, что вы спасли мою жизнь, дорогой друг, — добродушно произнес он. — Но в этом не было никакой необходимости. Дело в том, Клод, что Энстоун считал, будто играет именно с этим револьвером...

Служанка, спрятавшаяся под столом, издала первую ноту громогласной истерики. Тил отпустил Святого,

Главный инспектор Тил, на мгновение застывший от потрясения, последовал за ним.

вытащил служанку из-под стола и стал трясти ее, чтобы привести в чувство. За последние несколько секунд произошло больше событий, чем он мог переварить, и поэтому он вел себя не вполне деликатно.

— Все в порядке, мисс, — прорычал он. — Я из Скотленд-Ярда. Сядьте и успокойтесь, пожалуйста.

Он повернулся обратно к Саймону:

— Что все это значит?

— Револьвер, Клод. Игрушка Энстоуна.

Святой снова нацелил на себя револьвер. В его улыбке не было ни тени безумия, и Тил, чувствуя, что сам сходит с ума, не стал его останавливать. Саймон приложил револьвер к глазу и нажал на курок — нажал и отпустил, снова нажал и снова отпустил и так и продолжал эти ритмичные движения. Внутри револьвера что-то тихо засвистело, словно невидимые колесики вертелись под воздействием рычажка. Затем он направил револьвер прямо в лицо Тилу и стал делать то же самое.

Тил замер, глядя в дуло, и увидел, как черное отверстие засветилось. Перед ним мерцал кинофильм, изображавший мальчика, который стреляет в грабителя в маске. Картинка была маленькая, а сюжет несерьезный, но сделано все было великолепно. Это продолжалось секунд десять, а потом дуло снова погасло.

— Подарок маленькому сыну Энстоуна от Костелло, — тихо объяснил Святой. — Разумеется, он сам его спроектировал и сделал: он всегда был мастером на такие штуки. Вы видели электрические фонарики, которые работают без батареек? Надо только нажимать на рычажок, и запускается маленькая динамо-машина. Вот Костелло и сделал миниатюрную динамо-машину и вставил ее в пустой корпус револьвера. А потом он приделал к ней крошечную киноленту. Это была отличная новая игрушка, Клод, и он явно гордился ею. Они принесли ее к Энстоуну, а когда он отказался от

сделки и им больше ничего не оставалось, то они дали ему поиграть с этой штукой, чтобы раззадорить его, а он к тому моменту был как раз в нужном состоянии. Потом они забрали ее у него и положили обратно в коробку. А в другой коробке у них был наготове настоящий револьвер, чтобы совершить подмену.

Главный инспектор Тил стоял, окаменев. Он даже перестал жевать свою мятную жвачку. Затем он сказал:

— А как они могли знать, что он не застрелит собственного сына?

— Это все Хэммел. Он понимал, что Энстоун не сможет устоять перед этой игрушкой; а чтобы трюк сработал наверняка, он перед самым уходом еще напомнил Энстоуну о револьвере. Он был настоящим психологом — думаю, мы уже можем говорить о нем в прошедшем времени.

Саймон Темплар снова улыбнулся и вытащил сигарету из кармана.

— Впрочем, непонятно, зачем я вам все это рассказываю, если вы и так могли узнать это от осведомителя, — пробормотал он. — Преклонный возраст сделал меня слишком добросердечным, Клод. В самом деле, раз вы настолько превосходили Шерлока Холмса...

Мистер Тил потупился, покраснел и взялся за телефонную трубку.

Уилл Скотт

1894–1964

Перевод и вступление Анны Рудычевой

УИЛЬЯМ Мэттью Скотт примечателен необычайной литературной плодовитостью. Это рекордсмен своего времени и своей страны по количеству написанного: наследие автора составляют около 2000 произведений, включая пьесы, короткие рассказы и целую серию книжек для детей.

Уилл Скотт — таким именем подписаны все его произведения — родился в Йоркшире. Судя по данным переписи 1911 года, он провел юность в городе Лидсе, но позже переехал жить в Херн Бэй, графство Кент. В Лондоне он работал карикатуристом, сотрудничая с самыми известными журналами того времени, включая “Стрэнд” и “Перформер”.

Перебравшись в Кент с семьей, Скотт начал писать рассказ за рассказом, но главной его любовью все равно оставался театр. Несколько его пьес комедийного и детективного характера были весьма популярны на сцене и впо-

WILL SCOTT

следствии экранизированы: “Хромой”, “Крадущиеся тени”, “Лондон в ночи”, “Все дети”. Сквозными персонажами детективов Скотта были бродяга Гиглампис и сыщик по фамилии Дишер, фигурирующий в пьесах и фильмах.

САМУЮ большую славу ему принесли детские книги, которые он стал писать для своих внуков. Многие сравнивают их с книгами знаменитой Энид Блайтон (и даже иллюстратор у них был общий — Лилиан Бьюканан), отмечая лишь одно существенное отличие: что в книгах Скотта взрослым вход в детскую жизнь не воспрещен и они с равным восторгом принимают участие во всех приключениях. В нашем детективном контексте стоит также отметить, что в сериях про семью Черри фигурирует персонаж по имени мистер Ватсон. Это ручная обезьянка.

Детективные рассказы Уилла Скотта парадоксальны и неожиданны, а его герои всегда щедро наделены воображением.

© А. Рудычева, перевод на русский язык и вступление, 2011

РАССКАЗ “ГОЛУБАЯ УЛИКА” ВПЕРВЫЕ
ОПУБЛИКОВАН В 1936 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ “СТРЭНД”.

CLUE IN BLUE

//////////////// THE STRAND MAGAZINE, 1936. //////////////////

УИЛЛ СКОТТ

Голубая улика

Эдгар Коппел удалился от мирской суеты на целых две недели. Его уже тошнило от этого угнетающего однообразия.

Единственное, что менялось в жизни Эдгара Коппела, — это цифры большого круглого календаря на стене кабинета: 4, 5, 6... Да и те не переваливали за 31, а начинались снова с единицы, так что порой хотелось схватить гроссбух и врезать по нему как следует. Чего, конечно же, делать было нельзя. Календарь принадлежал компании. Как и гроссбух. Как и сам Эдгар Коппел.

— Мистер Геплуайт на месте?

— Как ваше имя?

— Браун.

— Подождите минуточку, я спрошу, примет ли вас мистер Геплуайт.

Выйти через стеклянную дверь. Зайти назад через стеклянную дверь.

— Проходите, пожалуйста, мистер Геплуайт ждет вас.

И так уже долгие годы. Предлагать всяким Браунам присесть. Притворяться, что мистер Геплуайт занят и не может их принять. Выходить через стеклянную дверь. Заходить обратно. Просить Браунов пройти туда-то. Долгие годы...

Никакой жизни. Но таким был и мир вокруг. Эдгар Коппел не желал

менять ничтожность своей жизни ни на какую другую ничтожность. Все вокруг было отвратительно. То, о чем писали в газетах, тоже было отвратительно. И это они называют Жизнью с большой буквы. На работе он чувствовал себя как в клетке. Но кто в здравом уме согласился бы променять свою клетку на ту свободу, что описывают в газетах?

“Тысячи людей спят под открытым небом на пляжах Саутэнда”. “Убийство в Хорнси. Найден молоток”. “Ее ноги застрахованы на двадцать тысяч”. “В Париже возобновились переговоры”. “Убийство в Уайтхевене. Номер автомобиля известен”. “Переговоры в Женеве прерваны”. “Убийство в Хите”. “Переговоры в Берлине”. “Убийство в плавучем доме”. “Тысячи людей спят под открытым небом на побережье Маргита”.

Эдгар Коппел обычно говорил, что в январе с легкостью можно предсказать, что будет в декабрьских газетах.

Он не знал, что с этим поделать. Не знал, куда податься. Но он знал, куда поедет на две недели в сентябре: куда-нибудь в Маргит, Богнор или Кромер. Какая разница. Повсюду одно и то же: причал, разноцветные фонари и съемные комнаты, где к концу первой недели радушие хозяев заметно ослабевает.

Слушать старые шутки на новом представлении. Таскать за собой постылый зонтик на случай дождя. Посылать дюжины открыток, которые пишешь на коленке, прислонившись спиной к скользкому волнорезу и пачкая твидовый пиджак, — открыток людям, которых ты и рад бы обидеть, но которые обидятся, если не прислать им открытку.

И — снова газеты. Их приходится покупать, гуляя по набережной, потому что больше делать там нечего. Покупать их, садиться в шезлонг (за два пенса) и читать, проклиная каждую букву. “Министр иностранных дел устроил скандал, отправляясь на переговоры в Монте-Карло”. “Убийство в лесу. Найден автобусный билет”.

Две недели в сентябре. Вот где он их проведет, вот как он их проведет. Как всегда.

Но вдруг, неожиданно для самого себя, он подумал: “Опять?” — и сказал себе: “Да будь я проклят, ни за что!”

И вот, когда пришло время, он сунул зубную щетку и бритву в маленькую жестяную коробочку, положил коробочку в карман, пересчитал деньги и пошел.

Просто пошел.

У него не было карты. Не было плана действий. В первую ночь он дошагал почти до Эппингского леса и там заночевал в стоге сена. Еще в детстве он читал про то, как люди ночуют в стоге сена. Сейчас он сам это проделал, и ему понравилось. Не надо выключать газ, не надо загонять собаку в кухню на ночь, не надо запирать двери. Просто ложишься и спишь. Замечательно.

Уже после первого дня он понятия не имел, где находится. Он питался хлебом и сыром — тем, что удавалось раздобыть в деревенских пабах. Иногда в пабах и ночевал. Если к наступлению темноты паба поблизости не оказывалось, он укладывался в стоге сена, или в сухой канаве, или в заброшенном сарае. Впервые в жизни он не знал, куда потратить деньги.

Однажды он провел целый час в кузнице где-то в Эссексе и выяснил, что подковывать лошадей совсем не так просто, как кажется; в другой раз он провел несколько часов в поле, изучая тонкости сбора клевера.

Когда в какой-нибудь деревне ему попадалась маленькая газетная лавка, увешанная разноцветными плакатами, он всегда отворачивался и проходил мимо. Пусть в Париже ведутся переговоры, в ущельях обнаруживаются улики, а одни яхтсмены добираются до мыса Доброй Надежды на шесть часов быстрее других: ему не было до этого дела. Ему не было дела до новостей. В деревенских пабах новостей не бывало; ни слова о парижских переговорах, ни слова о ногах за двадцать тысяч, ни слова об уликах. Только важные разговоры о том, что же делать, если в ближайшие сутки не пойдет дождь, и что станет со старым Питом, у которого погорели все скирды.

На тринадцатый день он смотрел на закат с вершины холма близ Бенфлита. Он не знал, что это Бенфлит, пока не заметил дорожный указатель. Он вообще не подозревал, что рядом течет река. В последние дни ему почти не встречались указатели.

Новая дорога на Саутэнд была в пятидесяти ярдах отсюда, вместе с потоками машин, шумом, мигающими светофорами и длинными кричащими красно-голубыми плакатами, которые напоминали Эдгару Коппелу о том, что кузницы и клеверные поля остались позади, а он вернулся в цивилизацию.

Только в ПЛАЗЕ.
ЭНН КЕРИ в кинофильме
ЗАБЫТЫЕ ЖИЗНИ

Все тот же старый мир.

Он стоял на краю поля, прислонившись спиной к воротам. Его костюм стал совсем бесформенным, задники ботинок стоптались, и по подошве одного из них пролегла длинная трещина. Но его это ничуть не волновало. Послезавтра нужно явиться в Компанию одетым с иголочки. Но пока — еще около тридцати часов — он мог делать что хочет.

С реки подул ветер и принес из-за изгороди лист газеты, который приземлился у его ног. Эдгар Коппел даже не пошевелился, чтобы поднять его.

Через тридцать часов этого добра будет навалом. В Париже снова будут проходить переговоры, в камерах хранения и гаражах обнаруживаться улики, кто-то опять доберется до мыса Доброй Надежды на два часа быстрее остальных.

Он повернулся, и жестяная коробочка в его кармане задребезжала. Вот уже несколько дней она все дребезжала и действовала ему на нервы. Нужно было как-то ее перепаковать. Он достал ее из кармана и открыл, затем нагнулся и поднял лист газеты, свернул в трубочку и проложил ею

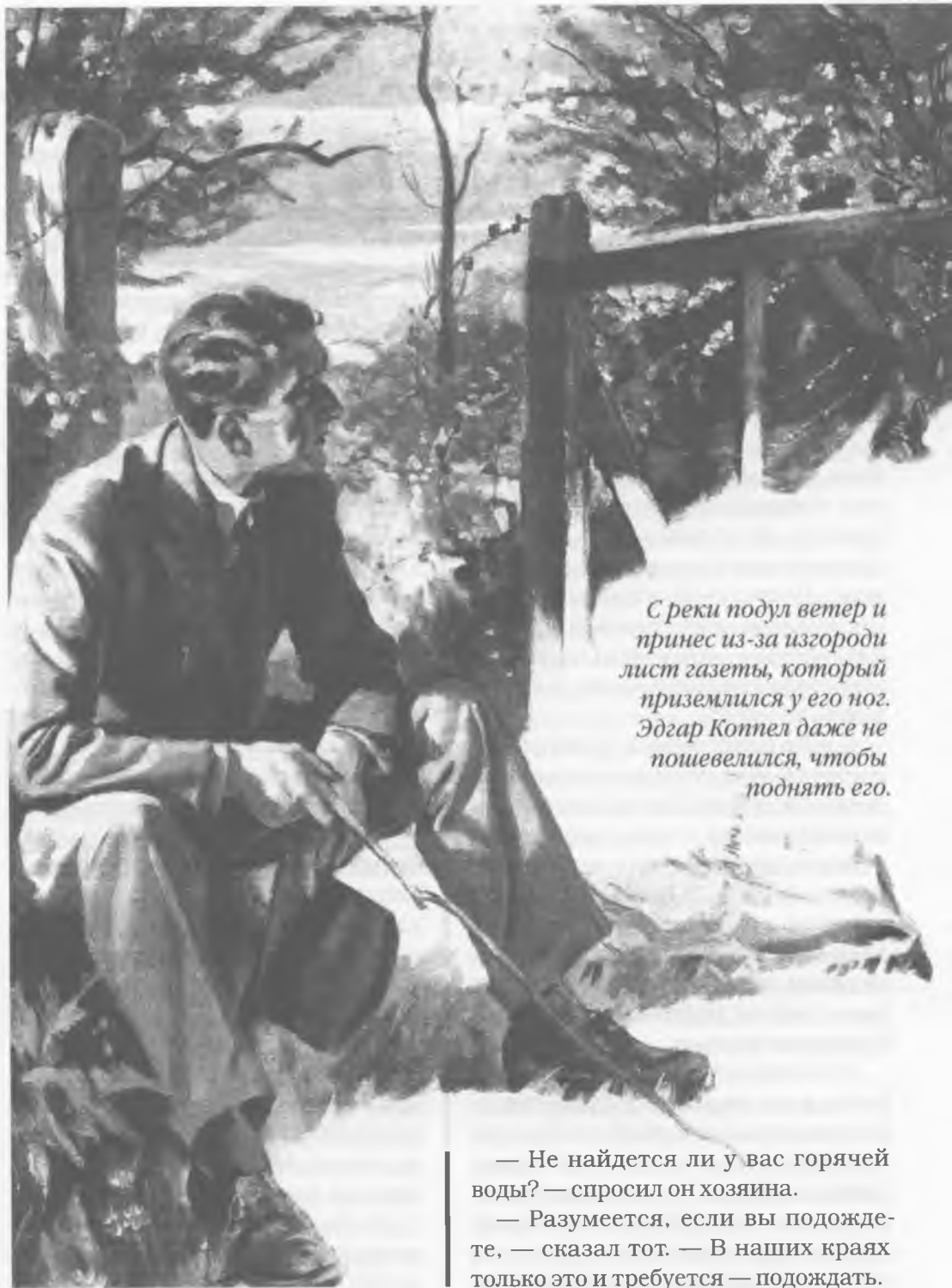
щель, которая образовалась между слишком длинной зубной щеткой и укоротившейся мыльной палочкой. Он потряс коробку. Теперь она не дребезжала. Он снова положил ее в карман.

Солнце уже опустилось за Лондон — алый шар на синевато-сером задымленном небе. В наступивших сумерках красные буквы на плакате превратились в черные, а голубые совершенно исчезли.

Только в ЛАЗЕ.
НН ЕРИ в кинофильме
АБЫТЫЕ ИЗНИ

На мгновение его это заинтересовало. Но только на мгновение. Впервые с начала его несенсационного путешествия в воздухе повеяло холодком. Холод шел с реки. Эдгар Коппел поднялся и размял затекшие ноги. Он повернулся спиной к новой Саутэндской дороге и побрел прочь по узкой тропинке. Пройдя полмили, он наткнулся на одинокую таверну, которая обещала простую еду и ночлег. Он тут же забыло Переговорах, Рекордах, Застрахованных ногах и стеклянной двери. Он сидел за столиком, ел свой хлеб с сыром и слушал достоверные рассказы очевидцев о засушливом лете 1887 года, когда пруд на выгоне совершенно высох.

К десяти часам он был уже готов подняться в свою комнату. Проведя рукой по щетине на подбородке, он задумался, не побриться ли ему перед сном, чтобы в последний день отпуска освободить себя даже от этой обязанности. Поразмыслив, он окончательно утвердился в этом решении.

С реки подул ветер и принес из-за изгороди лист газеты, который приземлился у его ног. Эдгар Коппел даже не пошевелился, чтобы поднять его.

— Не найдется ли у вас горячей воды? — спросил он хозяина.

— Разумеется, если вы подождете, — сказал тот. — В наших краях только это и требуется — подождать.

— Это я могу, — кивнул Эдгар Коппел.

В двадцать минут одиннадцатого, стоя у зеркала, покрытого коричневыми пятнами, он стал бриться при свете свечи; на одном краю старого туалетного столика лежала его жестяная коробка, а на другом стоял кувшин с горячей водой.

Он был счастлив и несчастлив одновременно. Счастлив в ускользающем от него настоящем, несчастлив из-за неумолимо надвигающейся стеклянной двери и сотен Браунов, желающих поскорее увидеть мистера Геплуайта.

Окончив бритье, он сложил все принадлежности в жестяную коробочку и присел на край кровати, ощущая гладкий подбородок и разглядывая свое отражение, насколько это позволяли коричневые пятна на зеркале. Бритье взбодрило его. Спать уже не хотелось. Но делать было нечего и говорить не с кем. Последняя задвижка скрипнула внизу десять минут назад, и сейчас, когда он сидел на кровати, за дверью слышались шаги хозяина, удалявшегося в свою спальню, должно быть лучшую

в доме. Хлопнула дверь, и в таверне воцарилась тишина.

На туалетном столике лежала свернутая в трубочку газета. Эдгар Коппел отвел взгляд. На самодельной полке пылились три или четыре книги. Он поднялся и прочел заглавия. Дрянь, как и следовало ожидать. Обернувшись, он снова уткнулся взглядом в газету, развернул ее и положил на кровать. Он знал, что в ней не будет ничего, кроме все той же чепухи, но ему надо было скоротать полчаса перед сном. Это была двенадцатая страница последнего выпуска "Воскресной сферы", и на ней, как он и ожидал, была все та же чепуха.

Начало на стр. 1

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ СУДЬИ ПО ДЕЛУ КАССИДИ

**ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПОТРЕЯСЕН
СМЕРТНЫМ ПРИГОВОРОМ:
"МОЯ ЖИЗНЬ ЗАГУБЛЕНА
ЛЖЕЦАМИ!"**

*Последние новости по делу Германа
Кассиди, обвиняющегося
в убийстве Питера Бонда в амбаре
на окраинах Кромера...*

Все та же чепуха. Те же эксперты опровергают других экспертов. Те же орудия убийства: отпечатки пальцев стерты, но на рукоятке выгравированы инициалы обвиняемого. И все те же свидетели.

Ранее сообщалось, что по данному делу имеются лишь косвенные улики. В некоторой мере это так. Но показания свидетеля Вудворда так и не были опровергнуты защитой. Обвиняемый клянется, что в вечер убийства находился на яхте “Мэйфлай”, стоявшей на якоре в Кромере. Он утверждает, что спал под палубой. Защита не смогла подтвердить это алиби, поскольку Кассиди был в это время на яхте один. Можно считать, что обвиняемому просто не повезло.

Свидетель Вудворд утверждал под присягой, что тем вечером он видел, как обвиняемый выходил из амбара как раз в то время, когда было совершено преступление. Свидетель не знал Кассиди лично, но отчетливо разглядел голубую надпись “Мэйфлай” на его белом свитере. На опознании Вудворд сразу узнал Кассиди. Кассиди — человек весьма примечательной наружности, его невозможно было спутать с другими членами экипажа.

Если рассматривать свидетельство Вудворда без других доказательств или если рассматривать другие доказательства без свидетельства Вудворда, можно с полным правом...

Но приходится признать, отбросив все сомнения, что ужасное преступление, совершенное в амбаре в сумерках тем июльским вечером...

Эдгар Коппел зевнул. Он перевернул страницу и обнаружил, что кто-то *вправду дошел под парусом до мыса Доброй Надежды* на шесть часов раньше остальных.

Что за дурацкое однообразие!

Он смахнул листок газеты на пол, разделся, задул свечу и лег в кровать и мгновенно уснул.

На следующее утро он поднялся так же рано, как и хозяин таверны, еще до завтрака. От нечего делать он прошел по тропинке до Саутэндской дороги, пустой и тихой в этот ранний час. Опершись локтями на верхнюю перекладину ворот, он стал смотреть вдаль. Последний день свободы.

Только в ПЛАЗЕ.

ЭНН КЕРИ в кинофильме
ЗАБЫТЫЕ ЖИЗНИ

Позже он говорил себе, что на самом деле вовсе не думал об этом. Казалось, кто-то другой сложил в его голове кусочки мозаики. При свете дня: “Только в ПЛАЗЕ. ЭНН КЕРИ в кинофильме ЗАБЫТЫЕ ЖИЗНИ”. В сумерках: “Только в ЛАЗЕ. НН ЕРИ в кинофильме АБЫТЫЕ ИЗНИ”.

Интересно. Первая буква каждого слова была написана бледно-голубым цветом. Остальное — ярко-красным. Сейчас это видно; но вчера вечером, в утасающем свете дня, красные буквы почернели, а голубые пропали.

Очень интересно...

Ему вспомнилось, что в детстве у него была камера-обскура и он никак не мог понять, почему красные платья девочек на пластинке (или на пленке, если уже была пленка) вдруг оказывались черными, а голубые — белыми. Кто-то однажды пытал-

ся ему объяснить, но он так и не понял. "Голубой он и есть голубой, разве нет? — спрашивал он. — А красный и есть красный, нет?"

Еще один кусочек мозаики встал на свое место, когда он шел назад по тропинке.

...Если рассматривать свидетельство Вудворда без других доказательств, или если рассматривать другие доказательства без свидетельства Вудворда...

— Гм! — произнес Эдгар Коппел.

...голубую надпись "Мэйфлай" на его белом свитере...

— Ага! — произнес Эдгар Коппел.

...в сумерках того июльского вечера...

— Вот оно что! — произнес Эдгар Коппел. Он прибавил шагу, чтобы вернуться в таверну как можно быстрее.

— Скоро будет готов завтрак, — сказал хозяин.

— Отлично, — ответил Эдгар Коппел.

Он поспешил наверх, в свою комнату, чтобы забрать шляпу, и стал ползать по полу в поисках страницы из последнего выпуска "Воскресной сферы". Присев на край кровати, он перечитал отрывки из отчета по делу Кассиди. С самого детства он не чувствовал такого странного волнения.

Да, все, кажется, сводилось к этому Вудворду: он сказал, что на свитере была надпись "Мэйфлай", и таким образом навел полицию на яхту. А потом — очная ставка... Но началось все со свидетельства Вудворда о том, что он видел название лодки на свитере

Кассиди, выходившего из амбара. А если Вудворд этого не видел...

Эдгар Коппел повернулся и снова перечитал отчет. Голубые буквы — сумерки — человек выходит из сарая, а через дорогу стоит Вудворд...

Эдгар Коппел отложил газету и попытался все обдумать. Вернее, выстроить мысли в правильном порядке, что было нелегкой задачей для человека, всю жизнь приглашавшего всяких Браунов куда-нибудь пройти.

Если Вудворд не видел надписи "Мэйфлай" на свитере Кассиди — если он вообще не мог ее видеть, — значит, Вудворд лжет, и все дело против Кассиди попросту разваливается.

А если буквы были действительно голубые — вернее, бледно-голубые — и если спускались сумерки...

— Быть может, — сказал сам себе Эдгар Коппел, — это только определенный оттенок голубого. Может, буквы на том плакате были какие-то особенные, а другие...

Но затем он снова вспомнил девочек в голубых платьях, которые всегда оказывались белыми.

Взгляд его упал на старые книги на самодельной полке. Сейчас, в утреннем свете, был хорошо различим синий, голубой и красный переплет. Он поднялся и взял три книги: синюю, голубую и красную, задернул занавески и открыл дверцы старинного гардероба. В полумраке красная книга выглядела черной, синяя — тоже черной, а голубая — бледной. Не настолько бледной, чтобы казаться совсем бесцветной, но это и не были настоящие сумерки. Может быть, для полной иллюзии требовались именно сумерки — что-то в освещении, воз-

Присев на край кровати, он перечитал отрывки из отчета по делу Кассиди. С самого детства он не чувствовал такого странного волнения.

духе. Тем не менее даже так голубая книга казалась бледной.

Он снова взглянул на газетную заметку. Голубые буквы, — говорилось там. И сумерки...

Только в ЛАЗЕ. НН ЕРИ в кино-фильме АБЫТЫЕ ИЗНИ. Никакого сомнения не было. Может, нужен был особый оттенок голубого — зеленоватый, желтоватый или какой-то еще. Но становилось очевидно, что любой оттенок голубого через дорогу в сумерках было увидеть достаточно сложно.

...если рассматривать другие доказательства без свидетельства Вудворда...

“Нужно кому-нибудь рассказать!” — подумал Эдгар Коппел.

В центре газетной страницы была врезка с именами судьи, прокурора, адвоката и поверенных.

Симнел и Смит, поверенные обвиняемого.

Он медленно и задумчиво съел свой завтрак. В каком удивительном положении он находился! Если бы он не увидел этот странный фокус, как бледно-голубые буквы исчезают в сумерках, все могло бы закончиться плохо. Почему он не замечал этого раньше? Может, это была одна из тех вещей, которые видишь, но не замечаешь.

Например, мы ведь читаем только верхнюю половину букв. Если закрыть листком бумаги нижнюю часть букв в ряду, слово легко прочтется. Но попробуйте закрыть верхнюю часть букв и прочесть теперь. Ничего не получится. Он однажды узнал об этом

из журнала и опробовал на себе. На свете много таких мелких интересных штук, нужно только уметь их находить.

В сумерках голубой цвет не виден, а красный виден вдвое лучше. Он сам в этом убедился.

Отлично. Если сумерки в тот роковой вечер в Кромере были достаточно сумрачные, а голубые буквы на свитере Кассиди достаточно голубые и, значит, Вудворд не мог видеть того, что он якобы видел, — нет никаких доказательств, что Кассиди был у амбара в момент убийства.

— Нужно срочно кому-нибудь рассказать! — повторил Эдгар Коппел.

Это было в высшей степени странно. Наш мистер Коппел, из офиса мистера Геплуайта, внезапно попадает на передовицы газет как человек, спасший другого от виселицы по чистой случайности... Наш мистер Коппел, который всегда был никем.

— Симнел и Смит, — произнес мистер Коппел. — Они смогут выяснить, насколько сумрачны были сумерки и насколько бледные были буквы на свитере. Свитер наверняка все еще у полиции. Они проверят экспериментально. Мы проверим.

Он уже представлял себя на газетной фотографии со свитером в руках...

Он оплатил свой скромный счет в таверне, дошел до станции Бенфлит и сел на первый же поезд до города. Никто даже не обратил на него внимания. Для случайных попутчиков он был всего лишь невзрачным молодым человеком. Это вызвало у него улыбку. Они еще не знали.

Домой он приехал как раз после ленча. Отпуск был забыт, его полностью поглотило новое дело. Он принял душ, переоделся и снова превратился в привычного, опрятного мистера Коппела, но в глазах его горел новый огонек. В тот же день в три часа пополудни он уже находился в приемной адвокатской конторы Симнела и Смита, и их собственный мистер Коппел (который выглядел как типичный мистер Браун) пытался выпытать у мистера Коппела причину его визита, прежде чем беспокоить мистера Симнела или мистера Смита.

— Нет, извините, — отрезал Эдгар Коппел.

— Наш старший клерк скоро освободится, — намекнул тот.

— Нет, извините, — повторил Эдгар Коппел, — мне нужен один из владельцев конторы.

Человек за столом поджал губы и посмотрел на часы. Оба партнера всегда были ужасно заняты.

Эдгар Коппел вынул из кармана листок бумаги и отвинтил колпачок с ручки. На бумаге он написал: *“Дело Кассиди — важная информация”*.

— Отдайте это мистеру Симнелу или мистеру Смиту, — сказал он, складывая листок и протягивая его клерку.

Клерк вздохнул, вышел через стеклянную дверь, затем вернулся и, приподняв брови, произнес:

— Проходите пожалуйста, мистер Симнел примет вас.

Мистер Симнел принял мистера Коппела. Мистер Симнел выглядел весьма озадаченным. Слишком уж озадаченным для поверенного.

— Мистер... эээ... Коппел? — переспросил мистер Симнел.

— Да, — ответил мистер Коппел.

Мистер Симнел все еще держал в руках листок бумаги.

— Вы пишете здесь, — негромко произнес он, — про дело Кассиди...

Он замолчал и посмотрел на мистера Коппела.

Тогда мистер Коппел изложил свои доводы, перечисляя их по пальцам и цитируя заключительную речь судьи. Он изложил свои доводы, как про себя отметил мистер Симнел, очень хорошо, четко выделив главный пункт: все остальные доказательства зависели от свидетельства Вудворда, а свидетельство Вудворда строилось на том, что на свитере мужчины, выходившего из амбара, было название яхты — “Мэйфлай”.

— С этим, — сказал мистер Коппел, — Вудворд пришел в полицию, а полиция пошла на “Мэйфлай”. За этим последовало все остальное. Но ничего бы не последовало, если бы Вудворд не видел слово “Мэйфлай” на свитере подозреваемого. А что, если он и правда не видел?

Мистер Симнел моргнул.

— Продолжайте пожалуйста, — попросил он.

— Если он не видел слово “Мэйфлай”, возможно, он не видел и свитера. И подозреваемого он не видел. Орудие убийства вправду принадлежало Кассиди, это так. Но оно могло быть украдено, и Кассиди “подставили”, как вы это называете. Если Вудворд не мог видеть слово “Мэйфлай” на свитере, все это выглядит как заговор. Против Кассиди. По какой-то неизвестной нам причине.

Мистер Симнел снова моргнул. Он выглядел еще более озадаченным, чем раньше.

— Что значит “не мог видеть слово”?

— Нам известно, — продолжал мистер Коппел, — что спускались сумерки, что фонарей там не было, что мужчин разделяла дорога и что надпись на свитере Кассиди была бледно-голубого цвета.

— И что же? — спросил мистер Симнел.

Мистер Коппел, воодушевившись, поднялся и осмотрел комнату. И если на мгновение мистеру Симнелу подумалось, что он принимает у себя в кабинете сумасшедшего, в этом всецело был виноват мистер Коппел. Его щеки горели, глаза сверкали, дыхание участилось.

— Прошу прощения, — сказал он и, к изумлению мистера Симнела, схватил две книги со стола и задернул шторы на окне.

Рука мистера Симнела дернулась к кнопке звонка и осталась на ней в ожидании.

— Это не совсем сумерки, — сказал мистер Коппел, — но я покажу вам, что я имею в виду. — И вдруг он осознал, что ведет себя совсем не так, как наш мистер Коппел из офиса мистера Геплуайта, и поправил себя: — Покажу, что я имею в виду, сэр.

Он встал в темном углу комнаты и поднял обе книги так, что за ними оказался бювар с листами белой бумаги.

— Книга в левой руке бледно-голубая, — пояснил он, — а в правой — ярко-красная. Вы видите бледно-

голубую книгу на фоне белого листа при таком освещении, сэр?

— Почти не вижу, — сказал мистер Симнел.

— А красную книгу, сэр?

— Отчетливо. Она кажется почти черной.

— Ага! — воскликнул мистер Коппел. — А представьте теперь на месте книг слова — вы не смогли бы прочесть те, что выполнены бледно-голубым цветом.

— Боже праведный! — воскликнул мистер Симнел. — Это невероятно!

Подбодренный его реакцией, мистер Коппел рассказал о своем открытии на Саутэндской дороге, когда в сумерках ЭНН КЕРИ внезапно превратилась в НН ЕРИ прямо у него на глазах.

— Все зависит, понимаете ли, сэр, от... хм... сумрачности сумерек и бледности голубого цвета. В деле Кассиди все зависит от этих деталей, если мы сможем их выяснить.

— Прошу прощения. — Теперь раскраснелся и мистер Симнел. Он вышел из комнаты, бормоча на ходу: — Невероятно!

Вернулся он только минут через десять.

— И впрямь бледно-голубые, — сказал он. — Я проверил. И судя по всему, уже сильно стемнело, поскольку, со слов Вудворда, Кассиди не заметил его, хотя он и не пытался прятаться.

— Вот видите! — вскричал мистер Коппел.

— Очень интересный поворот дела, — согласился мистер Симнел.

— Повезло, что я оказался вчера ночью на Саутэндской дороге, не так ли, сэр?

- Повезло?
- Кассиди повезло.
- Кассиди?

Какое-то время они стояли, молча глядя друг на друга с выражением полного непонимания.

- Что вы имеете в виду?

— Ну... — замялся Эдгар Коппел, стараясь выразиться так, чтобы не выставить себя таким уж героем. — Нельзя ведь это так оставить, правда, сэр?

Глубокая складка пролегла между бровями мистера Симнела. Он уселся на стул и указал мистеру Коппелу место напротив:

- Сядьте.

Эдгар Коппел сел.

— Что вы имеете в виду? — спросил мистер Симнел.

— Если Вудворд лжет, — произнес мистер Коппел, — то все дело нужно пересмотреть, разве нет, сэр?

Мистер Симнел молчал, уставившись на своего посетителя, так долго, что тот покраснел. Затем поверенный отвернулся и побарабанил пальцами по краю стола.

— Я не... не очень понимаю... — неудачно начал он фразу. Затем снова взглянул на Эдгара Коппела. — Откуда вы узнали об этом деле? — спросил он.

— Из воскресной газеты, — ответил сбитый с толку Эдгар Коппел.

- Из "Воскресной сферы"?

- Да, из нее.
- Вы прочли ее?
- Да, сэр.

— Но... — Для мистера Симнела это, видимо, было уже слишком. Он открыл офисную дверь, распорядился о чем-то, подождал минуту, а затем вернулся с экземпляром "Воскресной сферы" за прошлую неделю.

- Вы прочли вот это?

— Да, сэр, — ответил Эдгар Коппел. Он никак не мог понять, что же

такое случилось с мистером Симнелом из конторы "Симнел и Смит". Конечно же он прочел ее! То есть... — То есть... — начал он.

*— Прошу
прощения, — сказал
он и, к изумлению
мистера Симнела,
схватил две книги
со стола и задернул
шторы на окне.*

— Да? — спросил мистер Симнел.

— Только часть, — признался Эдгар Коппел.

Мистер Симнел уставился на него, но внезапно его озарило. Он открыл "Воскресную сферу" на двенадцатой странице.

— Вот это, вы хотите сказать?

— Да, сэр, — ответил Эдгар Коппел. И ему пришлось объяснить, что в отпуск он отправился подальше от цивилизации и газет и что ветер принес этот газетный лист к его ногам прошлой ночью.

— Теперь понимаю, — сказал мистер Симнел. Взгляд его прояснился, но в нем читалось что-то еще, и это что-то беспокоило мистера Коппела.

— Здесь сказано, — показал мистер Симнел на верхнюю строчку, — “Начало на стр. 1”.

— Да, я заметил, — кивнул мистер Коппел.

— А на первой странице...

Мистер Симнел протянул Эдгару Коппелу газету, открытую на первой странице. Там Эдгар Коппел прочел:

*Знаменитые судебные
дела прошлого. № 6.
ДЕЛО КАССИДИ*

УБИЙСТВО В КРОМЕРСКОМ АМБАРЕ

*В Олд-Бейли, перед судьей
Стреттоном, третьего октября
1886 года...*

— Я... — промямлил Эдгар Коппел, став еще краснее прежнего.

— Упомянутый в газете мистер Симнел — мой отец, — пояснил мистер Симнел.

Лицо Эдгара Коппела из красного стало мертвенно-серым.

— То есть даже если я прав...

— Что вполне вероятно, — вздохнул мистер Симнел. — И мы даже могли бы это доказать. Тем не менее... Вы понимаете.

— То есть я опоздал на пятьдесят лет, сэр? — произнес Эдгар Коппел, нащупывая шляпу.

— На пятьдесят лет, — кивнул мистер Симнел.

— Ясно, сэр, — сказал Эдгар Коппел.

Г. К. Честертон

1874–1936

Перевод и вступление Виктора Сонькина

ГИЛБЕРТ Кит Честертон родился в семье владельца крупной конторы по торговле недвижимостью. Агентство основал в начале XIX века прадед Гилберта, Чарльз Честертон. Под названием “Честертон-Хамбертс” оно существует до сих пор; это гигантская транснациональная корпорация с филиалами по всему миру, от Сингапура до Москвы. Честертону, мечтавшему о возрождении патриархальной простоты под лозунгом “три акра и корова”, это вряд ли бы понравилось.

Эдвард Честертон, отец писателя, сам всегда жалел, что пошел по семейной стезе, вместо того чтобы стать художником, и детей к деловой жизни не приучал. В ту пору в английском среднем классе бурлило вновь обретенное чувство интеллектуальной свободы — и эту раскрепощающую атмосферу в полной мере впитал юный Гилберт.

Честертон получил превосходное среднее образование в лондонской школе Святого Павла, одной из старейших частных школ Англии. Он пытался продолжить обучение в Лондонском университете и в знаменитой школе искусств

GILBERT KEITH CHESTERTON

“Слейд”, но в конце концов никакого высшего учебного заведения не закончил и во всех многочисленных сферах своей деятельности оставался дилетантом.

Однако дилетантом он был упорным, плодовитым и весьма разносторонним. С начала XX века он вел колонки в нескольких печатных изданиях; написал сотни стихотворений, ряд пьес, около 200 рассказов и 80 книг разного рода. Он проиллюстрировал портретами сборник юмористических стихотворных биографий (“клерихью”) своего друга Эдмунда Клерихью Бентли. С 1911 по 1936 год он редактировал и издавал серию альманахов, в которых бурно пропагандировал свои взгляды.

Большую часть литературного наследия Честертона составляют произведения, посвященные двум вечно занимавшим его темам — социальному устройству и религии. Его духовная и политическая эволюция близко следовала известному высказыванию, которое обычно приписывают Уинстону Черчиллю: “Если в 20 лет вы не либерал, у вас нет сердца; если в 40 лет вы не консерватор, у вас нет мозга”. К рубежу нулевых и десятых годов XX века Честертон окончательно освободился и от социалистических иллюзий, и от поздневикторианских идей “искусства для искусства”. Его зрелые взгляды выразились в таких программных сочинениях, как “Ортодоксия” (1908) и “Что стряслось с миром?” (1910). Тогда же появился и главный персонаж его детективных рассказов — маленький приходской священник отец Браун, все понимающий о природе человеческого зла.

Оценив результаты своих исканий, Честертон с некоторым удивлением осознал, что они в точности совпадают с христианской доктриной, выраженной в вероучении католической церкви: “Что может быть прекраснее, чем готовиться к открытию Нового Южного Уэльса и вдруг, залившись слезами счастья, осознать, что это на самом деле старый южный Уэльс”. Честертон до конца жизни оставался верным и последовательным католиком. Его духовное наследие — “Ортодоксия”, книга о Христе “Вечный человек” (1925), биография Фомы Аквинского (1933) — повлияло на религиозные взгляды многих современников, от Дороти Л. Сэйерс до К. С. Льюиса.

Эссе и книги Честертона на общественно-политические темы вырастали из его бурных и многословных дискуссий с друзьями, единомышленниками и идейными противниками. Главными его собеседниками на протяжении долгих лет были брат Сесил, поэт и историк Хилэр Беллок (их тесная дружба и сотрудничество удостоились от современников клички “Честербеллок”) и, конечно, Дж. Б. Шоу — они с Честертоном расходились во взглядах буквально по всем пунктам и при этом неизменно оставались доброжелательны друг к другу.

Когда Честертону изменял здравый смысл — главное оружие его могучего полемического аппарата, — его логика давала сбой, и сегодня читать его размышления о женской эмансипации или о “еврейском вопросе” стыдно и неловко. Справедливости ради следует отметить, что в вопросах жизни и смерти нравственное чувство его не подводило, и в 1930-е годы он поднял свой голос в защиту еврейского народа от гитлеровских репрессий.

Личная жизнь Честертона не была богата внешними событиями. В 1896 году он познакомился с Фрэнсис Блог, а спустя пять лет женился на ней (и немедленно купил револьвер, чтобы защищать молодую жену "от пиратов, которыми наверняка кишат пустоши Норфолка"). Их брак был гармоничен и счастлив. Честертона любили друзья, уважали враги, почитали современники. Он не отличался отменным здоровьем и умер в возрасте 62 лет. Проповедь на погребальной службе в Вестминстерском соборе прочитал его друг Рональд Нокс, католический священник и один из отцов-основателей Детективного клуба, первым председателем которого был Честертон. Писатель похоронен в одной могиле с женой (пережившей его на два года) на католическом кладбище в городе Биконсфильде.

“ДЕРЕВЕНСКИЙ вампир” — один из трех рассказов, не входящих ни в один из пяти детективных сборников об отце Брауне.

© В. Сонькин, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ДЕРЕВЕНСКИЙ ВАМПИР”
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1936 ГОДУ
В ЖУРНАЛЕ “СТРЭНД”.

THE VAMPIRE OF THE VILLAGE

//////////////// THE STRAND MAGAZINE, 1936. //////////////////

— Не называйте свою деревню скучной.
Уверяю вас, это весьма примечательная деревня.

Г. К. ЧЕСТЕРТОН

Деревенский вампи́р

Однажды по петляющей в холмах дорожке, там, где два тополя, подобно пирамидам, возвышаются над горсткой домиков крошечной деревушки Поттерс-Понд, шагал человек в платье самого кричащего кроя и цвета — в ярко-лиловом плаще и белой шляпе на черных байронических кудрях, переходивших в надушенные бакенбарды.

Почему он был одет в старинный наряд, но при этом держался модником и чуть ли не щеголем — то была лишь одна из множества загадок, которые разгадали позже, разбираясь в хитросплетениях его судьбы. Суть же вот в чем: миновав тополя, он словно бы исчез, как будто растаял в неверном светлеющем блеске зари или был унесен порывом утреннего ветра.

Лишь неделю спустя его тело нашли за четверть мили оттуда, на камнях альпийской горки, в саду, который террасами поднимался к мрачному дому с закрытыми ставнями, известному под названием Грэндж. Слышали, что перед самым исчезновением путник вроде бы поругался

с какими-то прохожими, оскорбляя их деревню, называя окружающее мерзостью и даже помянув чей-то неполютый сад, якобы заросший бурьяном. Этим он, по общему мнению, воспламенил самые безудержные проявления деревенского патриотизма и в результате пал их жертвой. Во всяком случае, местный доктор установил, что по черепу покойного был нанесен сокрушительный и, вероятно, смертельный удар, — правда, оружием послужила всего лишь дубина или палка. Это хорошо согласовывалось с гипотезой о нападении свирепых мужланов. Между тем никому не удалось напасть на след какого-либо конкретного мужлана, и вердикт дознания гласил: "Убийство неизвестными лицами".

Год или два спустя дело снова всплыло при занятных обстоятельствах. Череда событий привела некоего доктора Малборо, которого близкие звали Малинборо, вполне уместно намекая на плодово-ягодную округлость доктора и пурпурный оттенок его щек, прямоком в Поттерс-Понд. Он приехал туда на поезде в сопровождении товарища, к чьей помощи

нередко прибегал в подобных делах. Хотя наружность у доктора была несколько портвейновая и тяжеловесная, глаз у него был острый, да и вообще он не без оснований считал себя человеком в высшей степени благоразумным — например, он благоразумно прибегал к советам низенького священника по фамилии Браун, с которым познакомился давным-давно, расследуя одно отравление. Низенький священник сидел напротив доктора с видом терпеливого младенца, привыкшего слушать старших, а доктор подробно разъяснял истинные причины поездки:

— Я не могу согласиться с джентльменом в лиловом плаще, который назвал Поттерс-Понд мерзостью и утверждал, будто здесь все поросло бурьяном. Но, конечно, это весьма уединенная и отдаленная деревня, до такой степени, что это уже почти исторический курьез, как будто она застыла в эпохе столетней давности. Стряпчий здесь — настоящий стряпчий; ей-богу, не удивись, если увидишь, как он стряпает. Здешние леди — не просто леди. Это благородные дамы, а их фармацевт — не фармацевт, а шекспировский аптекарь. Они признают право на существование обычного доктора, такого, как я, — ведь кто-то должен помогать аптекарю. Но на меня смотрят как на возмутительное новшество, потому что мне всего лишь пятьдесят семь, а в графстве я живу лишь двадцать восемь лет. По стряпчему можно предположить, что он там уже двадцать восемь тысяч лет. Еще есть старый адмирал, точь-в-точь как на иллюстрации к Диккенсу; его дом полон

кортиков и каракатиц и увенчан телескопом.

— Да-да, — сказал отец Браун, — некоторых адмиралов неизбежно выносит на берег. Я только никогда не мог понять, почему их выбрасывает так далеко от моря.

— Ни одно богом забытое местечко в сельской глуши не обходится без таких занятых существ, — сказал доктор. — Потом там, конечно, есть образцовый пастор, тори, приверженец Высокой церкви в духе замшелых канонов архиепископа Лауда*, строже самой строгой старушки. Такой седовласый ученый лунь, пугливый, как старая дева. Между прочим, благородные дамы, несмотря на свои пуританские взгляды, о многих вещах говорят без стеснения, как некогда настоящие пуритане. Раз или два я слышал, как старая мисс Карстэрс-Кэрю выражалась вполне по-библейски. Добрый старый пастор прилежно читает Библию, но я так и вижу, как он зажимывается, доходя до подобных пассажей. Вы знаете, друг мой, что я человек несовершенный. Мне не доставляет удовольствия весь этот джаз и гедонизм нынешней золотой молодежи...

— Он и золотой молодежи не доставляет удовольствия, — сказал отец Браун, — вот где трагедия-то.

— Но я все-таки не так оторван от жизни, как люди в этой доисторической деревне, — продолжал доктор, — и я дошел до того, что наш Большой

* Уильям Лауд (1573–1645) — архиепископ Кентерберийский, представитель так называемых "каролинских богословов" Высокой церкви, противник радикального пуританства. Поддерживал короля Карла I и был казнен в ходе английской революции.

Скандал показался мне почти желанным развлечением.

— Неужели золотая молодежь добралась до Поттерс-Понда? — с улыбкой поинтересовался отец Браун.

— Нет, у нас даже скандалы в духе старомодной мелодрамы. Нужно ли говорить, что все дело в пасторском сыне? Если бы у пастора был обыкновенный сын, в этом уже было бы нечто необыкновенное. Правда, пока, по моим наблюдениям, он проявляет свою необычность как-то слабо, я бы даже сказал — неуверенно. Во-первых, его видели возле “Синего льва”, где он пил эль. Во-вторых, он вроде бы рифмоплет, а в здешних местах это считай что конокрад.

— Я полагаю, — сказал отец Браун, — даже в Поттерс-Понде это не тянет на Большой Скандал.

— Конечно, — серьезно ответил доктор. — Большой Скандал начался вот как. В доме под названием Грэндж, который стоит у дальнего конца Аллеи, живет леди. Одинокая леди. Ее зовут миссис Малтрэверс (хотя у нас в деревне склонны в этом сомневаться); приехала она только год или два назад, и никто про нее ничего не знает. Как говорит мисс Карстэрс-Кэрю, “и почему только ей вздумалось здесь жить — мы же к ней не ходим с визитами”.

— Может быть, именно поэтому, — сказал отец Браун.

— Ее уединение считается подозрительным. Их раздражает, что она хороша собой и что у нее, как говорится, есть стиль. Всех молодых людей предупреждают, что она вампирическая женщина.

— Люди, утратившие милосердие, как правило, утрачивают и логику, —

заметил отец Браун. — Довольно нелепо жаловаться, что она живет замкнуто, и тут же обвинять ее в желании обольстить все мужское население.

— Это правда, — сказал доктор. — И все же она загадочная особа. Я ее видел и был заинтригован — она из таких смуглых женщин, длинных, элегантных и притягательно-некрасивых, если вы понимаете, о чем я. Она весьма остроумна и сравнительно молода, но, по моим ощущениям, у нее есть — как бы это сказать? — опыт. То, что пожилые дамы называют Прошлым.

— А пожилые дамы, конечно, все до единой родились сию секунду, — сказал отец Браун. — Я вряд ли сильно ошибусь, если предположу, что ее считают соблазнительницей пасторского сына.

— Да, и бедный старый пастор принял это ужасно близко к сердцу... Ведь она, по слухам, вдова.

На лице отца Брауна промелькнула тень раздражения, что случилось нечасто.

— Она, по слухам, вдова, а пасторский сын, по слухам, пасторский сын, так же, как стряпчий, по слухам, стряпчий, а вы, по слухам, доктор. С какой же стати ей не быть вдовой? Есть ли у них хоть крупица доказательств *prima facie*, что она не та, за кого себя выдает?

Доктор Малборо пожал плечами и выпрямился.

— Конечно, вы и тут правы, — сказал он. — Но мы еще не дошли до скандала. Видите ли, в том-то и скандал, что она вдова.

— Ах, — сказал отец Браун и, изменившись в лице, пробормотал что-

то едва слышное, почти похожее на "боже мой".

— Во-первых, — сказал доктор, — они кое-что разузнали о миссис Малтрэверс. Она актриса.

— Я так и полагал, — сказал отец Браун. — Не важно почему. У меня есть и другое предположение, еще более неуместное.

— То, что она оказалась актрисой, само по себе довольно скандально. Бедный старый пастор, конечно, в отчаянии — ведь теперь актриса и авантюристка опозорит его седины и сведет его в могилу. Старые девы хором вопят. Адмирал признает, что иногда бывал в городском театре, но, по его словам, подобным явлениям не место в наших широтах. У меня, разумеется, нет таких предрассудков. Эта актриса, без сомнения, леди — пусть даже и Темная Леди, как в сонетах; молодой человек в нее безоглядно влюблен; я, как последний сентиментальный глупец, втайне сочувствовал заблудшему юноше, который тайком пробирается в Грэндж через валы и рвы, и представлял эту идиллию в самых пасторальных красках, но тут-то гром и грянул. И вот я, единственный, кто им сопереживал, послан, чтобы возвестить беду.

— Так, — сказал отец Браун, — и что же это за беда?

Доктор почти простонал в ответ:

— Миссис Малтрэверс не просто вдова, она вдова мистера Малтрэверса.

— В самом деле, чудовищное разоблачение, — признал священник.

— А мистер Малтрэверс, — продолжал его ученый друг, — не кто иной, как человек, которого, по всей види-

мости, убили в этой самой деревне год или два тому назад. Предполагалось, что ему разбил голову кто-то из местных.

— Я помню, вы мне рассказывали, — сказал отец Браун. — Доктор — какой-то доктор — сказал, что смерть наступила от удара дубиной по голове.

Доктор Малборо смущенно нахмурился, помолчал, потом сказал:

— Ворон ворону глаз не выклюет, и врачу негоже кусать врача, даже в состоянии бешенства. Я не хотел бы бросать тень на моего уважаемого предшественника в Поттерс-Понде, но я знаю, что вам можно доверить секрет. И строго между нами я скажу, что мой уважаемый предшественник в Поттерс-Понде был патентованный идиот и старый невежественный пропойца. Разобраться в деле меня попросил главный констебль графства (ведь в графстве я живу давно, только в деревне недавно) — проверить показания свидетелей, отчеты дознания и так далее. Там все совершенно ясно. Да, Малтрэверса ударили по голове; он был актер и проезжал через это местечко; наверняка в Поттерс-Понде считают, что естественный порядок вещей требует бить таких людей по голове. Но тот, кто ударил Малтрэверса по голове, не убил его — описанная травма в худшем случае лишила бы его сознания на несколько часов. Однако недавно я сумел раскопать другие относящиеся к делу факты, и выводы получились довольно мрачные.

Он посидел, хмурясь на проносящийся за окном пейзаж, после чего отрывисто сказал:

— Я еду туда и прошу вашей помощи, потому что предстоит эксгума-

ция. Есть очень сильное подозрение, что дело не обошлось без яда.

— А вот мы и приехали, — жизнерадостно сказал отец Браун. — То есть вы хотите сказать, что отравление несчастного входило в обязанности любящей жены.

— В этих краях больше никто не был с Малтрэверсом по-настоящему связан, — ответил Малборо, когда они вышли на перрон. — Здесь, правда, ошивается один странный тип, его давний дружок, промотавшийся актер; но полиция и местный стряпчий убеждены, что он просто неуравновешенный сплетник с навязчивой идеей о ссоре с каким-то своим врагом из актеров — но не с Малтрэверсом. Бродячее несчастье, я так вам скажу, и наверняка никакого отношения к отравлению не имеет.

Отец Браун выслушал этот рассказ. Но он знал, рассказ — это пустые слова, пока не увидишь его героев. Следующие два-три дня он провел, посещая под разными благовидными предложениями основных действующих лиц драмы. Его первая беседа — с таинственной вдовой — оказалась краткой, но поучительной. Он вынес из нее как минимум два факта: во-первых, миссис Малтрэверс порой высказывала мысли, которые викторианская деревушка могла счесть циничными, и, во-вторых, как многие актрисы, она принадлежала к той же конфессии, что и сам отец Браун.

У него хватало и логики, и здравого смысла, чтобы не выводить из одного этого факта ее непричастность к преступлению. Он хорошо знал, что его единоверцы подарили миру целую плеяду выдающихся отравителей. Но

он понимал, что из ее веры следует определенная интеллектуальная свобода, которую здешние пуритане назвали бы распушенностью и которая в этом патриархальном уголке старой доброй Англии казалась опасным вольнодумством. Как бы то ни было, он убедился, что дама способна на многое — как дурное, так и доброе. Ее карие глаза смотрели смело, почти воинственно, а большой насмешливый рот заставлял думать, что каковы бы ни были ее намерения относительно поэтического пасторского сына, укоренились они весьма глубоко.

Между тем сам поэтический пасторский сын, с которым отец Браун, к большому возбуждению всей деревни, побеседовал на скамейке прямо перед "Синим львом", был погружен в глубокую хандру. Харрел Хорнер, сын преподобного Сэмюэля Хорнера, был коренастый молодой человек в светло-сером костюме и бледно-зеленом галстуке, намекавшем на артистические наклонности, примечательный главным образом копной каштановых волос и неизменно кислой физиономией. Однако отец Браун умел заставить людей весьма многословно объяснять, почему они не скажут ему ни единого слова. Когда речь зашла о злостных деревенских сплетнях, молодой человек разразился потоком брани. Он даже добавил кое-какие злостные сплетни от себя. Он ядовито упомянул о якобы имевшем место флирте между пуританкой мисс Карстертс-Кэрю и мистером Карвером, стряпчим. Он даже обвинил служителя правосудия в попытке навязать свое общество миссис Мал-

трэверс. Но о собственном отце, то ли из вымученной благопристойности и сыновнего благочестия, то ли оттого, что гнев его был слишком силен, он проронил лишь несколько скупых слов.

— Что тут скажешь. Он непрестанно кричит о том, что она прожженная авантюристка, крашенная трактирщица. Я говорю ему, что это не так; вы сами ее видели и знаете, что это не так. Но он видеть ее не хочет. Даже на улице, даже глянуть на нее в окно. Актриса, мол, осквернит его дом и его сан. Если его назвать пуританином, он скажет, что гордится званием пуританина.

— Ваш батюшка, — сказал отец Браун, — может с полным правом требовать уважения к своим взглядам, каковы бы они ни были; я такие взгляды понимаю довольно плохо. Но я согласен, что не в его власти выносить вердикт даме, которую он никогда не видел, и даже взглянуть на нее отказывается, чтобы проверить свои выводы. Это нелогично.

— В этом он непоколебим, — ответил юноша. — На пушечный выстрел к ней не подойдет. Прочие мои театральные пристрастия он тоже, конечно, осуждает.

Отец Браун немедленно воспользовался открывшейся в разговоре лазейкой и выяснил многое из того, что хотел узнать. Пресловутая поэзия, омрачавшая репутацию молодого человека, оказалась почти без исключения поэзией драматической. Он написал несколько стихотворных трагедий, которые удостоились похвал знатоков. Он не был обезумевшим от театра глупцом; собственно, он во-

обще не был глупцом. У него оказались весьма оригинальные взгляды на то, как ставить Шекспира, и неудивительно, что появление яркой личности в Грэндже вызвало у него упоение и восторг. Доброжелательное внимание священника растопило сердце поттер-пондского бунтаря настолько, что на прощание он даже улыбнулся.

Эта улыбка внезапно убедила отца Брауна, что молодой человек в беде.

Пока он хмурился, его хандру можно было счесть показной; но улыбка почему-то приоткрывала глубины настоящей скорби.

Разговор с деревенским поэтом не давал покоя священнику. Внутренний голос подсказывал, что цветущего молодого человека жожет тоска и эта тоска серьезнее, чем даже заурядная история про заурядных родителей, которые ставят препоны на пути большой любви. Загадка была тем сложнее, что иных явных причин как будто не было. Юноша уже добился успеха на литературном и театральном поприще; его книги рас-

ходились довольно бойко. Он не пил и не проматывал семейный капитал. Скандальные попойки в “Синем льве” на проверку ограничивались одной кружкой легкого эля, и с деньгами он, судя по всему, обращался бережливо. Отец Браун сопоставил обширные доходы Харрела с его скромными расходами, сделал осторожный вывод и помрачнел.

В ходе состоявшейся немногим позже беседы мисс Карстэрс-Кэрю не пожалела для пасторского сына самых темных красок. Но поскольку в своем негодовании она обвиняла его в таких грехах, которых, по убеждению отца Брауна, за молодым человеком уж точно не водилось, он списал ее отзыв на привычное сочетание пур-

*Эта улыбка
внезапно убедила
отца Брауна, что
молодой человек в беде.*

танства и ханжества. Дама держалась величественно, но весьма любезно и предложила гостю небольшой стакан портвейна и кусок пирога с тмином, как делают престарелые двоюродные бабушки, и уж только потом ему удалось сбежать с начавшейся пропове-

ди о всеобщем падении нравов и попрании приличий.

Совершенно иным был его следующий пункт назначения — он свернул в темный и грязный проулок, куда мисс Карстэрс-Кэрю не последовала бы за ним даже мысленно, а затем вошел в узкое строение, чердак которого оглашался пронзительной декламацией. Вышел он оттуда на тротуар с изумленным выражением лица, преследуемый крайне возбужденным человеком с синевой на подбородке, в черном сюртуке, выгоревшем до цвета бутылочного стекла. Человек этот настойчиво кричал:

— Он не пропадал! Малтрэверс никуда не пропадал! Он появился — он появился мертвым, а я появился живым! Но где остальная труппа? Где этот человек, это чудовище, тот, кто бессовестно украл мои реплики, испоганил мои коронные сцены и погубил мою карьеру? Лучше меня не было Тубала на подмостках! Он играл Шейлока — для этой роли ему сильно стараться не приходилось! Он загубил лучшую роль в моей карьере! Я могу показать вам вырезки из газет — обо мне в роли Фортинбраса...

— Я не сомневаюсь, что это восторженные и совершенно заслуженные отклики, — пробормотал низенький священник. — Мне казалось, труппа покинула деревню до гибели Малтрэверса. Но неважно, неважно. — И он торопливо двинулся прочь.

— Он должен был играть Полония, — продолжил за его спиной неутомимый оратор.

Отец Браун внезапно остановился как вкопанный.

— Вот как, — сказал он очень медленно, — он должен был играть Полония.

— Негодяй Хэнкин! — вскричал актер. — Ступайте по его следу. Ступайте за ним на край света! Конечно, он покинул деревню — это уж точно. Ступайте за ним — найдите его — и да будет проклят... — но священник снова заторопился.

За этой мелодраматической сценой последовали две гораздо более прозаические и по-своему более деловые беседы. Сначала священник отправился в банк, где на десять минут уединился с управляющим; потом он нанес визит вежливости пожилому и добродушному пастору. Там все оказалось в точности соответствующим описанию — неизменным и, похоже, неизменяемым; кое-что свидетельствовало о привязанности хозяина к более аскетическим традициям — простое распятие на стене, большая Библия на полке и приветственная стариковская иеремиада по поводу нарастающего пренебрежения днем воскресным; однако все это — со старомодной учтивостью, утонченной и по-своему приятной.

Пастор тоже предложил гостю стакан портвейна, но сопроводил его древним британским печеньем, а не пирогом с тмином. У священника опять возникло странное впечатление, что все вокруг слишком уж совершенно и что он попал в минувшее столетие.

Только в одном вопросе добродушный старый пастор отказался стать еще добродушнее; он вежливо, но твердо заявил, что совесть не позволяет ему встречаться с лицедея-

*Человек этот настойчиво кричал:
— Он не пропал! Малтрэверс никуда не пропал!*

У священника опять возникло странное впечатление, что все вокруг слишком уж совершенно и что он попал в минувшее столетие.

ми. Отец Браун допил свой портвейн с изъявлениями признательности и благодарности и отправился на встречу со своим другом, доктором, на углу улицы, как и было уговорено, а оттуда они вместе пошли в контору мистера Карвера, стряпчего.

— Я полагаю, вы совершили свой утомительный обход, — начал доктор, — и нашли нашу деревню крайне скучной.

Ответ отца Брауна был резок, почти пронзителен:

— Не называйте свою деревню скучной. Уверяю вас, это весьма примечательная деревня.

— Пожалуй, на моей памяти здесь произошло одно-единственное примечательное событие, — заметил доктор Малборо. — Но даже оно случилось с чужаком. Хочу сообщить вам, что прошлой ночью тело без лишнего шума эксгумировали, а наутро я произвел вскрытие. Прямо скажем, мы вырыли труп, буквально нафаршированный отравой.

— Труп, нафаршированный отравой, — довольно рассеянно повторил отец Браун. — Поверьте, в вашей деревне есть кое-что куда более примечательное.

Внезапно наступившую тишину столь же внезапно прервал резкий звук — это доктор дернул старинную сонетку на крыльце стряпчего. Гостей препроводили к знатоку законов, а он, в свою очередь, представил их седовласому господину, чье желтое лицо пересекал шрам, — как оказалось, это и был Адмирал.

К этому времени низенький священник подсознательно уже вполне проникся атмосферой деревни, но

сознанием он понимал, что этот адвокат — как раз такой стряпчий, которому пристало быть советником мисс Карстэрс-Кэрю. Однако, будучи древним реликтом, стряпчий все же не казался ископаемым. Возможно, дело было в однообразии декораций, но у священника снова возникло странное чувство, что скорее это его самого перенесли в начало девятнадцатого века, чем стряпчий дотянул до начала двадцатого. Его воротник и шейный платок, в который он прятал длинный подбородок, выглядели почти как старинное жабо, но они были чистые и аккуратно скроенные, да и вообще он производил впечатление сильно высушенного старого денди. Коротко говоря, он, что называется, хорошо сохранился — отчасти за счет окаменения.

Адвокат, Адмирал и даже доктор были несколько удивлены, обнаружив, что отец Браун склонен защищать пасторского сына от тех, кто оплакивал горькую долю пастора.

— Наш юный друг показался мне довольно симпатичным, — сказал он. — Он хороший рассказчик и, смею думать, хороший поэт; а миссис Малтрэверс, которая в чем в чем, а в этом разбирается, говорит, что он хороший актер.

— Очень может быть, — сказал адвокат. — Но в Поттерс-Понде, если не считать миссис Малтрэверс, больше склонны задаваться вопросом — а хороший ли он сын.

— Он хороший сын, — сказал отец Браун. — И это весьма примечательно.

— Раздери меня черт, — сказал Адмирал. — Вы хотите сказать, что он любит своего отца?

Священник помедлил с ответом, потом произнес:

— В этом я не уверен. И это тоже примечательно.

— Что, черт побери, это значит? — с флотской простотой спросил моряк.

— *Это значит*, — сказал отец Браун, — что сын говорит об отце с непримиримой обидой, но при этом с лихвой выполняет сыновние обязанности. Я побеседовал с управляющим банка, и поскольку речь шла о серьезном преступлении, которое расследует полиция, он конфиденциально сообщил мне некоторые факты. Старый пастор отошел от приходских трудов; на самом деле это никогда и не был его приход. Народ здесь довольно языческий; те, которые вообще ходят в церковь, ходят в Даттон-Аббот, меньше чем в миле отсюда. У старика нет собственных средств, но сын зарабатывает неплохие деньги, и старик не бедствует. Пастор угостил меня портвейном, и это был урожай одного из лучших лет; я видел целые ряды пыльных старых бутылок; а когда я уходил, он усаживался за скромный, но весьма изысканный обед в старосветском духе. Все это, видимо, на деньги молодого человека.

— Какой образцовый сын, — с легкой ухмылкой сказал Карвер.

Отец Браун кивнул, нахмурясь, как будто обдумывал какую-то свою загадку, потом сказал:

— Образцовый сын, да. Хотя образец этот выглядит не очень натурально.

В эту минуту клерк принес стряпчему письмо без марки, и тот, бросив на конверт беглый взгляд, поспешно его вскрыл. Пока стряпчий разво-

рачивал бумагу, священник увидел безумные густые каракули и подпись "Феникс Фицджеральд"; он высказал догадку, и адресат утвердительно буркнул в ответ:

— Это все тот актеришка, который не дает нам покоя. У него какой-то вечный спор с другим безвестным фигляром, к делу все это не имеет решительно никакого отношения. Мы все отказываемся его принять, кроме доктора; и доктор говорит, что он сумасшедший.

— Да, — сказал отец Браун, задумчиво поджав губы. — Он, пожалуй, сумасшедший. Но, конечно, нет никакого сомнения в том, что он прав.

— Прав? — возопил Карвер. — Прав в чем?

— В том, что преступление связано с театральной труппой, — сказал отец Браун. — Знаете, что меня сразу же насторожило в этой истории? Мысль о том, будто Малтрэверс был убит сельскими жителями за то, что оскорбил их сельскую честь. Удивительно, чего только не наплетут коро-неры доверчивым присяжным; а уж как лежковерны газетчики — об этом и говорить излишне. Много ли они знают об английских селянах? Я вот сам английский селянин — по крайней мере, растили меня в Эссексе, вместе с прочей брюквой. Вы можете представить себе, чтобы английский сельский труженик идеализировал и превозносил свою деревню, подобно гражданину греческого полиса? Чтобы он обнажал меч для защиты ее священного знамени, подобно гвельфам и гибеллинам средневекового итальянского городка? Вы слышали когда-нибудь, чтобы добродушный

старый хрыч говорил “Только кровь может смыть пятно с благородного герба Поттерс-Понда”? Клянусь святым Георгием и драконом, я бы первый порадовался. Но есть и другой, более веский аргумент.

Он помолчал, как бы собираясь с мыслями, затем продолжил:

— Последние слова, которые слышали от Малтрэверса, были неверно поняты. Он не называл Поттерс-Понд мерзостью и не критиковал неполютые сады, заросшие бурьяном. Он разговаривал с другим актером; они собирались устроить представление с Фицджеральдом в роли Фортинбраса, неизвестным Хэнкином в роли Полония, а Малтрэверс, несомненно, должен был играть самого принца Датского. Возможно, кто-то еще хотел — или надеялся — получить эту роль, и Малтрэверс, специально чтобы подразнить товарищей, стал при них декламировать монолог. Вот этот: “О мерзость! Как невыполотый сад, дай волю травам, зарастет бурьяном...”^{*} Это, видите ли, цитата из “Гамлета”.

Доктор Малборо устался на священника, переваривая только что услышанное медленно, но без сопротивления. Прежде чем остальные обрели дар речи, он сказал:

— И что же вы предлагаете нам теперь делать?

Отец Браун быстро поднялся и с неизменным спокойствием ответил:

— Если милостивые господа нас ненадолго извинят, я бы немедленно отправился с вами, доктор, прямо к Хорнерам. Я знаю, что пастор

и его сын сейчас оба дома. И вот что я хочу сделать. Никто в деревне, я полагаю, еще не слышал о результатах вскрытия. Я хочу, чтобы вы, доктор, сообщили пастору и его сыну, как в точности обстоят дела; что Малтрэверс умер от яда, а не от удара по голове.

У доктора Малборо были причины пересмотреть свои сомнения в примечательности Поттерс-Понда. Последовавшая сцена, в ходе которой он выполнил предписания священника, относилась к числу тех, когда свидетели, что называется, не могут поверить собственным глазам.

Черная сутана преподобного Сэмюэла Хорнера эффектно подчеркивала благородную седину его волос; он облокотился о пюпитр, возле которого так часто стоял, углубившись в Писание, — возможно, по случайности, но вид от этого у него был важный. А напротив него развалился в кресле мятежный сын. Он с самым кислым видом курил дешевую сигарету и являл собой живую картину юношеской нечестивости.

Старик учтиво пригласил отца Брауна присесть. Тот уселся, ничего не говоря, и с отсутствующим видом устался в потолок. У Малборо возникло ощущение, что важные вести покажутся еще важнее, если он доложит о них стоя.

— У меня есть чувство, — сказал он, — что вы, будучи некоторым образом духовным отцом здешней паствы, должны узнать, что в ужасной трагедии, совершившейся во вверенном вам приходе, появились новые подробности — возможно, еще более ужасные. Вы, конечно,

^{*} Перевод Б. Пастернака. Акт I, сцена II.

помните прискорбную гибель Малтрэверса, который, как установило дознание, погиб от удара палкой, предположительно нанесенного неизвестным недоброжелателем из местных.

Пастор взмахнул рукой.

— Упаси меня Господь, — сказал он, — вымолвить хоть слово в оправдание убийства и насилия. Однако ж когда актер, по своей природе человек падший, является в такую невинную деревню, он навлекает на себя гнев Божий.

— Не исключено, — серьезно отозвался доктор. — Тем не менее гнев был явлен иным способом. Я только что провел вскрытие тела и могу вас уверить, что, во-первых,

— Что вы делаете? — вскричал Малборо, потрясенный этой сценой и самим звуком удара. — Отец Браун, что этот безумец делает?

удар по голове никак не мог причинить смерть, а во-вторых, труп был полон яда и вот он-то, безусловно, оказался смертелен.

Молодой Харрел Хорнер отшвырнул сигарету и вскочил с быстротой и легкостью кошки. Он подпрыгнул так энергично, что оказался в ярде от пюпитра.

— Вы уверены? — выдохнул он. — Вы абсолютно уверены, что удар не мог причинить смерть?

— Абсолютно уверен, — сказал доктор.

— Ну что ж, — сказал Харрел, — жалко, что вот этот не причинит.

В мгновение ока — никто и пальцем не успел шевельнуть — он с размаху ударил пастора по лицу, и тот отлетел к двери, словно черная марионетка.

— Что вы делаете? — вскричал Малборо, потрясенный этой сценой и самым звуком удара. — Отец Браун, что этот безумец делает?

Но отец Браун не пошевелился; он по-прежнему безмятежно глядел в потолок.

— Я ожидал, что он так поступит, — невозмутимо сказал священник. — Странно, что он не сделал этого раньше.

— Боже праведный! — воскликнул доктор. — Да, с ним, быть может, поступили несправедливо — но ударить отца, ударить пастора, безоружного...

— Он не ударил ни отца, ни пастора, — сказал отец Браун. — Он ударил мерзкого актера-шантажиста, переодетого пастором, который, как пьявка, сосет из него соки уже несколько лет. Он понял, что свободен от шантажа, и не сдержался — не могу сказать, что готов его строго судить за это. Особенно если учесть, что наш шантажист может оказаться еще и отравителем. Я думаю, Малборо, пора позвонить в полицию.

Они направились к выходу, и хозяева их не удерживали — один был ошеломлен и оглушен, другой пока ничего не видел вокруг, задыхаясь от облегчения и ярости. Но, проходя мимо Харрела Хорнера, отец Браун обернулся к нему — и молодой человек стал одним из тех немногих, кому довелось увидеть на этом лице неумолимое выражение.

— А ведь он прав, — сказал отец Браун. — Когда падший актер является в невинную деревню, он навлекает на себя Божий гнев.

— Ну что ж, — сказал отец Браун, когда они с доктором снова устроились в вагоне поезда, стоящего на станции Поттерс-Понд. — Это и в самом деле странная история, но, по-моему, уже не загадочная. Мне кажется, что события развивались примерно так. Малтрэверс приехал сюда с частью гастролирующей труппы; остальные отправились прямо в Даттон-Аббот, где ставили какую-то мелодраму из времен Регентства, и он так и остался в своем сценическом костюме, весьма приметном наряде тогдашнего денди. Другой играл викария, и его черное одеяние было не столь приметным и могло сойти просто за старомодное. У этого актера было амплуа старика — прежде он играл Шейлока, а потом должен был играть Полония.

Третий персонаж драмы — наш поэт-драматург, который был еще и актером-трагиком. Он повздорил с Малтрэверсом о трактовке роли Гамлета — а еще больше по другому, личному поводу. Мне кажется вероятным, что он уже тогда был влюблен в миссис Малтрэверс; не думаю, что у них были зловещие планы, и надеюсь, что теперь у них планы самые радужные. Но вполне возможно, что юношу возмущало отношение Малтрэверса к жене — тот был человек несдержанный и склонный к вспышкам гнева. Когда он стал декламировать монолог, поэт не выдержал, произошла ссора, ссора переросла в драку

на палках, поэт со всей силы ударил Малтрэверса по голове — и после дознания искренне полагал, что зашиб его насмерть.

Некто третий присутствовал при этом происшествии или знал о нем — тот актер, что играл старого викария; он принялся шантажировать молодого человека, вытягивая из него деньги, чтобы безбедно жить под личиной ушедшего на покой пастора. Для подобного человека в подобных обстоятельствах это был самый простой маскарад — достаточно не снимать сценический костюм. Но у него были и свои причины уйти на покой и даже лечь на дно. Ибо истинная история смерти Малтрэверса такова. Он скатился в густые заросли папоротника, через некоторое время пришел в себя, попытался дойти до дома, но в конце концов отдал Богу душу — не из-за удара, а потому что добрый пастор за час до того напоил его ядом — вероятно, подмешав его в стакан с портвейном. Эта мысль пришла мне в голову, когда добрый пастор угощал портвейном меня. Честно признаться, я немного нервничал. Полиция сейчас разбирается с этой гипотезой, но смогут ли они ее доказать — не знаю. Истинный мотив им тоже еще предстоит найти, но понятно, что в трупке кипели страсти и что Малтрэверса сильно не любили.

— Полиция-то теперь что-нибудь сможет раскопать, когда у них есть подозреваемый, — сказал доктор Малборо. — Чего я не понимаю — как у вас вообще появилось подозрение? С какой стати вы заподозрили столь безупречного джентльмена в сутане?

Отец Браун улыбнулся.

— Пожалуй, — сказал он, — это требовало специальных знаний. Почти профессиональных, хотя в необычном смысле. Вы знаете, что мы часто жалуемся на страшное невежество во всем, что касается нашей религии. Но все гораздо забавнее. В самом деле, Англия мало знает о римской церкви — и это не так уж удивительно. Но Англия мало знает и об англиканской церкви. Даже меньше, чем я. Вы удивитесь, как плохо публика понимает внутренние англиканские противоречия; множество народу, в сущности, не представляет, что такое Высокая церковь и Низкая церковь, не понимает, в чем разница даже в их обиходе, не говоря уж об исторических и философских концепциях, которые стоят за каждым из направлений. Это невежество проявляется в каждой газете, в каждом популярном романе или пьесе.

Первое, что меня поразило, — как все перепутано в голове у почтенного духовного лица. Чтобы англиканский пастор так заблуждался насчет всего англиканского! Он вроде бы слыл за старого тори, представителя Высокой церкви, и при этом называл себя пуританином. Такой человек в личных пристрастиях вполне может питать склонность к пуританству, но он никогда не назовет это таким словом. Подмостки приводили его в ужас — он не знал, что в Высокой церкви такая театрофобия не слишком распространена, в отличие от Низкой церкви. Он говорил о дне субботнем как истинный пуританин, а в комнате держал распятие. Очевидно, он понятия не имел, как должен себя вести благочестивый пастор, и

пошел по самому простому пути: был торжествен, суров и обличал мирские утех.

Все это время я как будто что-то припоминал, и наконец меня осенило. Это пастор из пьесы. Это в точности такой плохо прописанный почтенный старый глупец, которого мог придумать популярный драматург или актер старой школы, если уж им пришлось бы придумывать нечто столь нелепое, как набожный человек.

— Не говоря уж о медике старой школы, — добродушно сказал Малборо, — который и вовсе ничего не знает о набожности.

— Вообще-то, — продолжил отец Браун, — для подозрения была и другая причина — более простая и явная. Она касается Темной Леди из Грэнджа, которую считали деревенским вампиром.

У меня довольно быстро сформировалось мнение, что эта дама — не столько темное пятно на репутации деревни, сколько луч света. К ней относились как к загадке, но ничего загадочного в ней не было. Она приехала туда совсем недавно, совершенно открыто, под собственным именем, чтобы помочь расследованию в связи с гибелью мужа. Он не очень-то хорошо к ней относился, но у нее были принципы, которые заставляли отдавать дань брачным обетам и правосудию. По той же причине она осталась жить в доме, возле которого был найден мертвым ее супруг. Помимо Деревенской Вампириши был еще один явно невиновный человек:

Беспутный Сын. Он тоже не скрывал своей профессии и прежней связи с актерским сословием. Вот почему его я подозревал меньше, чем его отца. Но вы, конечно, уже сами догадались, какова была настоящая и самая важная причина для подозрений в адрес пастора.

— Да, я, пожалуй, понял, — сказал доктор, — вы ведь поэтому вспомнили про актрису.

— Да, я имею в виду его фанатичное нежелание видеть актрису, — сказал священник. — Дело вовсе не в том, что он не желал видеть ее. Он боялся, что она его увидит.

— Да, понимаю, — согласился его собеседник.

— Если бы она увидела преподобного Сэмюэла Хорнера, она мигом узнала бы совершенно непреподобного актера Хэнкина, переодетого пастором и при этом вынашивающего коварные планы под своей сутаной. Что ж, вот мы и разобрались в этой простой деревенской идиллии. Вы не станете отрицать, что я сдержал слово — я показал вам, что в деревне есть кое-что гораздо более зловещее, чем труп, и даже чем труп, нафаршированный ядом. Черные одежды пастора, нафаршированные шантажистом, тоже заслуживают внимания — и мой живой человек куда смертоноснее, чем ваш мертвец.

— И правда, — сказал доктор, устраиваясь поудобнее среди подушек, — если выбирать приятную компанию для поездки по железной дороге, я предпочту мертвеца.

Марджери Аллингем

1904–1966

Перевод и вступление Алины Курьшевой

МАРДЖЕРИ Луиз Аллингем родилась в Лондоне, но вскоре после ее рождения семья переехала в провинцию, в графство Эссекс. Дом журналиста и писателя Герберта Джона Аллингема был всегда открыт для собратьев по перу, а маленькая Марджери начала обучаться литературному мастерству уже на седьмой свой день рождения, когда ей выделили собственный рабочий кабинет. Родители серьезно относились к образованию дочери. Три года она училась в школе Эндслей-хаус в Колчестере, затем в школе Перса для девочек в Кембридже, а завершила образование в Политехническом институте на Риджент-стрит в Лондоне, где изучала сценическую речь и драму. На этом настоял отец — он верил, что сцена излечит ее от заикания и снобизма, и, по всей видимости, его надежды оправдались.

К восемнадцати годам Аллингем уже активно писала рецензии и рассказы, а первый ее роман вышел в 1923 году. Своего будущего мужа, Филиппа Янгмена Картера, она встретила в институте — одаренный и энергичный юноша изучал там живопись. Оказалось, что у отца Марджери был роман с матерью Филиппа, когда они оба учились в Кембридже; они даже были помолвлены, но помолвка

MARGERY ALLINGHAM

расстроилась. Отношения Филиппа и Марджери оказались прочнее — они поженились в 1927 году и прожили вместе всю жизнь.

Первое время Марджери подрабатывала тем, что превращала немые фильмы в романтические повести, которые потом печатались в газетах. Но вскоре необходимость в этом отпала — детективные романы принесли ей успех. У них с мужем образовался своего рода творческий союз: Филипп Картер создавал обложки и иллюстрации к ее книгам, помогал жене придумывать сюжеты и даже написал несколько детективных рассказов.

Сама Аллингем делила свою писательскую деятельность на две части: все, что приносило ей радость творчества, она “писала правой рукой”, а все, написанное ради заработка, отводилось “руке левой”. Хотя по делам семейной пары приходилось много времени проводить в Лондоне, жизнь там казалась Аллингем тяжелой обязанностью, и настоящим домом для нее всегда оставался Д’арси-хаус в родном графстве Эссекс, к которому она на всю жизнь сохранила самые нежные чувства, — супруги купили этот дом в 1934 году. Именно там она создала все двадцать пять “праворуких” романов, а во время войны, когда Филипп служил в армии, уехала туда — в самую уязвимую часть страны — и проявила редкостную стойкость и патриотизм, заботясь об эвакуированных из Лондона. Несмотря на жизнерадостную натуру и творческое признание, в жизни Аллингем были тяжелые периоды. В 1940 году у нее нашли заболевание щитовидной железы, к началу 1950-х ее уже несколько раз приходилось госпитализировать. Умерла она в 1966 году от рака и была похоронена на кладбище церкви Святого Николая близ ее дома в Эссексе. Филипп закончил за нее недописанный роман.

Марджери Аллингем справедливо считается одной из четырех “королев детектива” наряду с Агатой Кристи, Дороти Сэйерс и Найо Марш. Аллингем, вступившая в 1934 году в Детективный клуб, считала, что детективный роман — это ящик, в котором четыре стены: убийство, загадка, расследование и правдоподобное решение. Только под защитой этих стен она чувствовала себя уютно — жанр определял логику и рамки, в пределах которых ее фантазия вольна была добиваться достоверности. Ранние произведения Аллингем отличаются красочностью, более зрелые — глубиной психологизма. Именно внимание к личности, предвосхитившее рождение психологического детектива, стало самым важным ее вкладом в сокровищницу жанра. От книги к книге мастерство Аллингем полнее всего проявилось в раскрытии личности Альберта Кэмпiona — сыщика-аристократа, человека кристальной честности.

В своем творчестве Марджери Аллингем всегда шла в ногу со временем, изобретая, рискуя и совершенствуясь.

МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ

Старик в окне

Только что назначенный суперинтендантом Станислав Оутс совсем не был пьян, просто, как и подобает человеку, празднующему важное продвижение по карьерной лестнице, он находился в отличном расположении духа, и мистер Кэмпиион, который сидел напротив него за столиком в углу мясного ресторана, с интересом наблюдал перемену в своем обычно молчаливом друге.

— Я теперь в таких чинах, что могу мемуары писать, когда на пенсию выйду, — сказал вдруг бывший инспектор с неожиданной откровенностью. — У меня получилась бы первоклассная книжка, если бы кто-нибудь за мной записывал. Мы, профессио-

налы, с чем только не сталкиваемся, такие бывают интересные штуки — вам, любителям, и не снилось; да вы и не привыкли замечать мелочи. Вот сегодня попало мне кое-что весьма любопытное. Большой бизнес — это поразительная вещь, Кэмпиион. Какие возможности для преступника! Вы слышали когда-нибудь об акционерном праве?

Мистер Кэмпиион ухмыльнулся.

— Сейчас все о нем услышат, — добродушно отозвался он, заметив, как громко зазвучал голос суперинтенданта. — Кажется, вы утверждали, что здесь по вечерам никого не бывает. — Он вытянул под столом длинные худые ноги и поправил очки в роговой оправе. — А по-моему, здесь кипит жизнь и...эээ... бурлят страсти.

РАССКАЗ "СТАРИК В ОКНЕ" ВПЕРВЫЕ БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН В 1936 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ "СТРЭНД".

THE OLD MAN IN THE WINDOW

THE STRAND MAGAZINE, 1936.

К бывшему инспектору вернулась присущая ему осторожность, и он оглянулся вокруг. На его вытянутом лице появилось привычное меланхолическое выражение.

— Должно быть, это место вошло в моду, — сказал он удрученно. — Вечно так бывает. Пойдет слух, что “У того-то” — миленькое заведение, тихое и недорогое, а дальше что? Не успеешь оглянуться, как на него слетается стая пучеглазых голубков, цены подсакаивают, а кормить начинают черт знает как. Вон тот тип едва ли захочет познакомиться с семьей свою спутницу.

Мистер Кэмпцион, как бы невзначай глянув через плечо, заметил мужчину с тяжелым подбородком и рано полысевшей куполообразной головой, а рядом — кудрявую брюнетку с ярко-алыми губами и в серой шляпке. Он поспешно отвернулся.

— Это Марч. — Настроение Оутса снова улучшилось. — Совладелец крупной фабрики сценического оборудования. Забавно, что мы на него наткнулись. То, что я хотел вам рассказать, как раз его касается. Они снова на мели оказались, понимаете ли.

Еще чуть-чуть — и его голос услышали бы во всех углах небольшого, увешанного литографиями зала, и мистер Кэмпцион попытался это предотвратить.

— Вы всегда так кричите, когда выпьете? — деликатно осведомился он. — Не шумите, я знаю этого человека. Мы с ним в одном клубе.

— Неужели? Я слышал, что для клубов сейчас настали трудные времена. — Оутс понизил голос, но не смутился. — Но не знал, что они теперь принимают кого попало.

Мистера Кэмпциона, казалось, задело это замечание.

— Насколько я знаю, в клубе его ценят и уважают. И вообще, может быть, это его жена.

— Да что вы? — развеселился Оутс. — Эта малышка танцует в клубе “Фриволитэ”, точнее, танцевала, пока их не закрыли на прошлой неделе. А кроме того, дружище, меньше чем через месяц у мистера Артура Марча свадьба с совсем другой женщиной. Хороший полицейский не упускает из виду ничего, даже светской хроники, именно поэтому я и сказал, что вы, любители, не уделяете внимания мелочам. Вы пропускаете все, что не относится к делу напрямую. Вот взять, к примеру, акционерное право...

Он внезапно замолк, в его печальных карих глазах вспыхнул интерес. От их столика был отлично виден вход, и Кэмпцион, проследив за его взглядом, заметил девушку и молодого человека, вошедших в ресторан. Суперинтендант Станислав Оутс широко ухмыльнулся.

— Неплохо, — сказал он. — Это та самая девушка, с которой обручен Марч, — Дениз Уоррен. Тоже решила повеселиться со своим приятелем. Готов поспорить, они пришли, потому что слышали, что это тихое местечко. Марча они еще не заметили.

Мистер Кэмпцион промолчал. Он смотрел на девушку. У нее была необычная внешность: рост выше среднего, очень светлые волосы, широко расставленные серо-голубые глаза и величественная осанка. Ее спутник — широкоплечий, крепкий молодой человек — выглядел старше всего на несколько лет. Его черты были не ли-

шены привлекательности, а в облике чувствовалась уверенность, необычная для такого возраста. Они нашли свободный столик и сели на виду у Кэмпiona и его гостя. Оутс был в восторге.

— Они вот-вот увидят друг друга. — В его голосе слышалось ребяческое озорство. — Кто это с ней? Вы его знаете?

Мистер Кэмпинг нахмурился:

— Знаю. Это Руперт Филдинг, хирург. Он молод, но, говорят, мастер своего дела. Надеюсь, он не ищет приключений. Его профессия — одна из немногих, где все еще требуется соблюдение условностей.

Оутс усмехнулся:

— Еще один член клуба?

Кэмпинг улыбнулся в ответ:

— Как ни странно, да. Проводит там все свободное время. Думаю, его присутствие успокаивающе действует на пожилых членов клуба.

Оутс снова посмотрел на девушку.

— Она далеко ходить не стала, а? Что это за прославленное место, ваш клуб? “Паффинс”?

— Нет. Столь же респектабельный, но менее известный. “Джуниор Грейз”, на Пэлл-Мэлл.

Оутс выпрямился на стуле.

— “Все страньше и страньше”, — сказал он. — Не там ли у окна всегда сидит старичок?

— Старик Розмари?

— Он самый. Одна из достопримечательностей Лондона. За последние лет пятьдесят ничуть не изменился. Забавно, я как раз собирался рассказать вам, что слышал о нем сегодня. Он вправду так стар, как говорят?

— В этом году исполнится девяносто.

— Серьезно? — Суперинтендант заинтересовался. — Конечно, я видел его десятки раз. Трудно его не заметить в этом огромном окне. С улицы он выглядит довольно молодо. Тощие вроде вас хорошо сохраняются. Каков он вблизи?

Мистер Кэмпинг задумался. Он был готов углубиться в любой предмет, который избавил бы его знакомых по клубу и их личную жизнь от неучтывающего внимания Оутса.

— К нему обычно не удастся подойти близко, — ответил он наконец. — Этот эркер с окном — святая святых для старика. За спинкой кресла у него стоит ширма, да еще стол отделяет от остальной части комнаты. Я редко бываю в клубе настолько рано, чтобы застать его приход, но часто вижу, как он ковыляет к выходу — всегда в половине седьмого.

— Значит, он не слишком здоров? — не унимался суперинтендант. — Но при этом выглядит молодо? Простите, что так вас допрашиваю, — добавил он. — Не люблю отклонений от нормы. Насколько молодо он выглядит вблизи и при хорошем освещении?

Мистер Кэмпинг колебался.

— Старик очень хорошо сохранился, — сказал он наконец. — Наверняка чего только с собой не делал.

— А, вся эта косметическая чепуха — омоложение, парики, зубные протезы, чтобы щеки впалыми не казались, понятно. — В голосе суперинтенданта зазвучало презрение. — В этом все дело. Терпеть не могу подобных трюков. Они и для пожилой женщины непристойны, а если речь о мужчине — это просто отвратительно.

Он помедлил и, очевидно подумав, что его слова могли показаться грубыми, великодушно добавил:

— Конечно, если вспомнить, что он был знаменитым актером, может, и не стоит судить его так строго. Он ведь стал одним из первых актеров, кто получил рыцарское звание, не так ли?

— Именно так. Сэр Чарльз Розмари, знаменитость восьмидесятых. Говорят, он был великолепен.

— А теперь целыми днями занят тем, что сидит у окна и пытается выглядеть на шестьдесят, — пробормотал суперинтендант. — Он и вправду сидит там каждый день с утра до вечера?

— Двадцать лет — без единого пропуска. — Мистер Кэмпбл начал уставать от допроса. — Это уже стало доброй традицией. Появляется в клубе в одиннадцать и сидит до половины седьмого.

— Неужели! — выразительно отозвался Оутс, но вдруг резко добавил: — Вот и все, он ее заметил!

Мистер Кэмпбл оставил попытки отвлечь его. Круглые тусклые глаза суперинтенданта вдруг осветились весельем.

— Пляньте на Марча, — сказал он. — Просто вне себя. Обычное дело для людей такой породы. Он, кажется, не понимает, что сам сидит в той же луже. Вам его видно?

— Да, в зеркале позади вас, — нехотя признался Кэмпбл. — Его спутница оказалась не в самом приятном положении, верно?

— Уверен, она к такому привыкла, — весело заявил бывший инспектор. — Посмотрите-ка на него.

Артур Марч был зол и, кажется, не скрывал этого. Он выпрямился на стуле и, побелев от негодования, сверлил взглядом свою невесту и ее спутника.

Девушка в серой шляпке постаралась придать своему лицу безразличное выражение, но во взгляде ее читалась настороженность.

Кэмпбл посмотрел на мисс Уоррен и поймал тот момент, когда любопытные взгляды посетителей привлекли ее внимание к разгневанному мужчине в другом конце зала. Она встретила с ним глазами и медленно покраснела. Затем прошептала что-то своему невозмутимому спутнику.

Оутс был весь внимание.

— Марч идет сюда, — сказал он внезапно. — Нет, передумал. Пишет записку.

Официанту, который нес записку, спешно нацарапанную на странице из записной книжки, казалось, было очень неловко, и он передал ее мисс Уоррен с извинениями. Она бросила на нее взгляд, покраснела еще сильнее и передала листок Филдингу.

Правильное, бесстрастное лицо молодого хирурга чуть потемнело, и, потянувшись к девушке, он что-то отрывисто сказал. Она помедлила, но потом посмотрела на него и кивнула.

Через секунду официант снова пересек комнату с легкой улыбкой на лице. Суперинтендант нахмурился.

— Что произошло? — спросил он. — Я не разглядел, а вы? Подождите минутку.

Прежде чем Кэмпбл мог его остановить, Оутс поднялся с места и непринужденно прошел через зал,

Артур Марч был зол и, кажется, не скрывал этого. Он выпрямился на стуле и, побелев от негодования, сверлил взглядом свою невесту и ее спутника.

якобы желая достать трубку из кармана пальто, которое висело рядом со входом. Кружной путь, который он избрал, привел его прямо за спину Марча, когда тот получил записку от официанта.

Когда Оутс вернулся, на лице его сияла улыбка.

— Так я и думал, — торжествуя, еще провозгласил он, сев на место. — Она вернула ему кольцо, завернув в его собственную записку. О, это был достойный и сокрушительный ответ, что бы он там ни написал! Посмотрите-ка на него теперь... он что, собирается устроить скандал?

— Надеюсь, что нет, — выпалил мистер Кэмпиион.

— Нет, передумал и решил уйти. — Суперинтендант, казалось, был слегка разочарован. — Все же он разъярен. Пляньте на его руки. Просто трясется от злости. Слушайте, Кэмпиион, не нравится мне это. Он прямо вне себя от ярости.

— А вы не глазейте на него так, — посоветовал тот. — Вы собирались рассказать мне что-то невероятно увлекательное об акционерном праве.

Суперинтендант сдвинул брови, не отрывая взгляда от удаляющихся фигур в другом конце зала.

— Правда? Этот небольшой спектакль сбил меня с мысли, — рассеянно отозвался он. — Вот, они ушли, а эти двое остались как ни в чем не бывало. Что ж, конец мелодрамы. Мне понравилось.

— Я заметил, — горько промолвил мистер Кэмпиион. — Это, должно быть, стоило мне двух хороших знакомых, но какая разница, если вы счастливы? Две-три слезинки смоят случив-

шееся без следа, и не пройдет пары дней, как обо всем этом можно будет благопристойно забыть. Зато вам так понравилось...

Бывший инспектор тяжело посмотрел на него.

— Вы не правы, — сказал он. — Я не склонен верить в эти... когда предсказывают... как это называется?

— В пророчества? — со смехом предложил Кэмпиион.

— В пророчества, — удовлетворенно повторил Оутс. — Но я вас уверяю, Кэмпиион, у меня такое впечатление, что сцена, свидетелями которой мы стали, будет иметь далеко идущие последствия.

Оутс, конечно, покривил душой, но, что удивительно (как он сам отмечал впоследствии), был в то же время совершенно прав.

О помолвке между мисс Дениз Уоррен и мистером Рупертом Филдингом, членом Королевской коллегии хирургов, было объявлено в конце августа, по прошествии подобающих шести недель после сообщения, что ее бракосочетание с мистером Артуром Марчем, сыном покойного сэра Джошуа Марча, не состоится, и к тому времени, как одним октябрьским утром мистер Кэмпиион шел по Пэлл-Мэлл в сторону "Джуниор Грейз", вся эта история уже отошла в далекое прошлое.

Был почти полдень, и солнце сияло в окна клуба — такие большие и прозрачные, что разодетые джентльмены за ними были больше похожи на экспонаты под стеклом, чем на наблюдателей, следящих за оживленным движением на улице.

Подойдя к зданию, мистер Кэмпиион ясно почувствовал, что чего-то не хватает. Он несколько мгновений простоял на тротуаре, изучая широкий фасад левого крыла здания, и лишь тогда понял, что именно изменилось. Он пришел в изумление. В большом кресле у центрального окна комнаты для отдыха Кэмпиион увидел вместо привычного величественного силуэта старика Розмари невысокого, полноватого джентльмена по фамилии Бриггз, который состоял в клубе всего каких-то десять или пятнадцать лет и уже заслужил всеобщую нелюбовь своей бестактностью и вульгарностью.

Предчувствуя беду, мистер Кэмпиион прошел через портик, выполненный в стиле братьев Адамов*, и его опасения тут же подтвердились, когда он увидел Уолтерса, старшего распорядителя, в слезах. Уолтерс был на редкость представительный мужчина шестидесяти пяти лет и славился своей сдержанностью, так что зрелище это вызывало изумление и неловкость. Завидев мистера Кэмпииона, он поспешно высморкался и пробормотал извинения, после которых прямо сказал:

— Его больше нет, сэр.

— Старика... То есть сэра Чарльза Розмари? — Мистер Кэмпиион был потрясен.

— Да, сэр. — Уолтерс мрачно шмыгнул носом. — Это случилось сегодня утром, сэр. Как ему бы и хотелось — в

том самом кресле, где он всегда сидел. Когда он вошел, мистер Марч и еще один-два джентльмена немного с ним побеседовали. Потом он задремал. Это был очень тревожный сон, но я не подумал ничего плохого, ведь он был так стар. Но когда где-то с час назад пришел мистер Филдинг, он сразу же заметил, что что-то не так, и позвал меня. Мы посадили сэра Чарльза в такси между нами и повезли домой. Он умер прямо на сиденье. Мистер Филдинг только что вернулся и сообщил нам. Еще два дня — и ему исполнилось бы девяносто. Такой удар. словно конец эпохи, сэр. Я помню, как умерла королева, но даже тогда я такого не почувствовал. Он уже был здесь, когда я только начал работать в клубе — сорок лет назад, понимаете?

Мистер Кэмпиион с удивлением обнаружил, что и сам несколько расстроен. Уолтерс очень верно сказал: старик Розмари всем казался чем-то неизменным.

Войдя в комнату для отдыха, Кэмпиион заметил Филдинга, стоящего у восточного камина в окружении небольшой толпы людей, и присоединился к ней.

Профессиональное спокойствие Филдинга сослужило ему хорошую службу. Он рассказывал тихо и серьезно, не подчеркивая и даже, казалось, не ощущая, что волей случая оказался в центре внимания. Он кивнул Кэмпииону и продолжил говорить.

— Мистер Розмари так громко хрипел, что я решил подойти и осмотреть его, — рассказывал Филдинг. — Он был без сознания и не пришел в себя до самого конца. Это случилось, как вы знаете, в такси.

* Имеется в виду архитектурный стиль начала XVIII в., названный именем братьев-архитекторов Роберта (1728–1792) и Джеймса (1732–1794) Адамов. Этот стиль развивался в рамках неоклассицизма и пережил второе рождение в Викторианскую эпоху.

— У него была квартира на Довер-стрит, так ведь? — спросил кто-то.

Филдинг кивнул:

— Да, Уолтерс дал мне адрес. Мистер Розмари скончался раньше, чем мы доехали, и я знал, что больше уже ничего не могу сделать, поэтому позвал его камердинера, судя по всему, очень толкового человека. Мы положили его в кровать, и слуга сказал мне, что его личного врача зовут Филлипсон, так что я позвонил на Харли-стрит, а потом уехал.

— Уверен, сэра Эдгара это очень расстроило, — сказал неизвестный Кэмпioniу человек. — Они хорошо знали друг друга. Хотя он ведь был очень стар. Не думаю, что сэр Эдгар удивился. Очень старые люди часто умирают вот так, внезапно и мирно.

Толпа разбилась на небольшие группы, но, по мере того как к обеду подходили все новые члены клуба, каждая группка опять начинала разрастаться в толпу. Поведение мистера Бриггса — оккупация неприкосновенного кресла — вызвало всеобщее негодование, секретарь даже получил несколько жалоб. Мрачное возбуждение, словно при серьезном бедствии, выплескивалось в курительной комнате, и в газеты, уже оповещенные одним из подчиненных Уолтерса, было сделано внушительное количество звонков.

Прямо перед обедом случился неловкий инцидент. Мистер Кэмпиион присутствовал при нем и был шокирован, как и девять десятых его соратников по клубу. Заявился Артур Марч и устроил сцену.

Все началось еще в холле, когда он услышал новость от привратника

Скрупа. Изумленные восклицания Марча донеслись до комнаты для отдыха раньше, чем он сам появился в дверях, бледный и взволнованный. Марч упал в кресло, рявкнул на официанта и, демонстративно отерев пот со лба, снова поднялся и прошел через всю комнату к Филдингу, стоявшему в обществе Кэмпииона.

— Это ужасно, — начал он без предисловий. — Знаете, я только утром с ним говорил. Он, правда, был не в духе, но на вид казался вполне здоровым. Это ведь вы его нашли? Он... он не мучился?

— Ничуть, — коротко ответил Филдинг. Он явно был смущен, и Кэмпиион спросил себя, перемолвились ли эти двое хоть словом после той сцены в ресторане три месяца назад.

— Слава богу, — отозвался Марч с какой-то наигранной пылкостью. — Слава богу!

Он не сдвинулся с места, и хирург, поколебавшись, спросил:

— Он был вашим родственником?

Марч покраснел.

— Практически. Они с моим дедом были как братья.

Натянутость этого объяснения, очевидно, бросилась в глаза даже ему самому, и он попытался скрыть ее ничем не оправданной грубостью.

— Вам-то не понять настоящей преданности, — пробормотал он и развернулся на каблуках.

Филдинг проследил за ним взглядом, подняв брови.

— Что-то он не в себе... — начал он, но тут мистер Кэмпиион дотронулся до его рукава.

— Обед, — напомнил он.

После трапезы, ближе к концу того священного часа приятной сонливости, когда воздаются почести богам пищеварения, в "Джуниор Грейз" случилось первое необычайное происшествие со времен достопамятной осады клуба суфражистками*, о которой здесь никогда не упоминают. Кэмпиион лениво следил за попытками сидящего поблизости епископа сосредоточиться на брошюре, которую тот держал на коленях, как вдруг слуга господень выпрямился в кресле и здоровый румянец сбежал с его полных щек.

В ту же секунду на другом конце комнаты сигара выпала из рта генерал-майора Стакли Уивенхоу и покатилась по ковру.

Все как один ахнули, словно вздохнул огромный зверь, а в дальнем углу кто-то опрокинул чашку.

Мистер Кэмпиион обернулся, приподнявшись на локте, и на несколько секунд застыл в этом весьма неудобном положении.

Через комнату медленно шел старик Розмари, как всегда безупречно элегантный.

В петлице у него была красная гвоздика, седая грива блестела, а на удивительно гладком, лишенном морщин лице играла обычная легкая улыбка.

За ним внушительно и важно вышагивал сэр Эдгар Филипсон, врач с Харли-стрит.

Это было потрясение такой силы, что клубу "Джуниор Грейз" потребо-

валось все его пресловутое достоинство до последней унции.

На полпути через комнату ново-прибывшим преградил дорогу мальчик, принесший свежие газеты. Увидев старика Розмари собственной персоной, он совсем потерял голову. Мальчик ткнул в старика экземпляром "Ивнинг уайр".

— Тут... тут пишут, что вы умерли, сэр, — выпалил он.

Розмари взял газету и внимательно изучил, пока все ждали в ошеломительном молчании.

— Сильно преувеличивают, — сказал он в той отрывистой манере, которая всем им была так хорошо знакома. — Забери.

Он двинулся к своему креслу. Никто не видел, как оттуда исчез Бриггз. Одни уверяют, что он прополз за ширмой на четвереньках, другие — с более богатым воображением — утверждают, что он выпрыгнул в окно, и когда позже его обнаружили — в подвале, — бормотал что-то нечленораздельное. Как бы то ни было, исчез он тихо и мгновенно.

Старик Розмари сел и, подозревая оторопевшего слугу, заказал виски с водой.

Тем временем сэр Эдгар Филипсон окинул взглядом комнату, и Филдинг, бледный и ошеломленный, поднялся ему навстречу. Старший врач был суров.

— Вот в чем беда молодежи, Филдинг, — пророкотал он приглушенно, но достаточно громко, чтобы его слышали. — Слишком поспешные диагнозы. Всегда проверяйте, прежде чем действовать, мальчик мой. Проверьте.

* Суфражистки (от англ. *suffrage* — "избирательное право") — сторонницы движения за политическое равноправие женщин с мужчинами, распространившегося в конце XIX — начале XX в.

И он отошел — статный пожилой джентльмен, чрезвычайно довольный собой.

Филдинг беспомощно обвел взглядом комнату, но все избегали смотреть ему в глаза. Мистер Кэмпцион, единственный сочувствующий, глядел на старика Розмари, на здоровый блеск его глаз и румянец на щеках.

Филдинг молча вышел из комнаты.

Мистер Кэмпцион этим вечером поужинал в одиночестве у себя на Боттл-стрит и был занят небольшим отчетом о своем участии в “Деле о желтых ботинках”, которое только что было успешно распутано. Его прервал приход Филдинга. Молодой хирург был смущен и не стал этого скрывать. Он сконфуженно остановился посреди кабинета и поспешно извинился.

— Мне ужасно неловко так злоупотреблять нашим знакомством, Кэмпцион, — сказал он. — Но я чертовски запутался. Понимаете, этот старик Розмари, он ведь утром был мертвее мертвого.

Мистер Кэмпцион взял графин.

— Давайте сядем, — сказал он. — И нервы успокоятся, и ноги отдохнут. Полагаю, этот случай повредит вашей... эээ... профессиональной репутации?

На правильном, серьезном лице Филдинга появилась слабая улыбка облегчения.

— Катастрофически, — ответил он, принимая протянутый Кэмпцином стакан. — Видите ли, что получается: Руперт Филдинг такой блестящий хирург, что не может отличить живого от мертвого... Все уже в курсе. Мне конец. Некомпетентность плоха

в любом деле, в моем же — фатальна. Но он ведь был мертв, — беспомощно добавил хирург. — По крайней мере, я так считал. Сердце остановилось, и я проверил дыхание на зеркале, когда привез его домой. Конечно, в наши дни случаются чудеса, но творит их не старик Филипсон. По крайней мере, вчера я был в этом уверен. Странно, не правда ли?

— Да, необычно, — медленно произнес мистер Кэмпцион. — А что именно вы подразумеваете под современными чудесами?

*Все как один
ахнули, словно
вдохнул
огромный зверь,
а в дальнем углу
кто-то опрокинул
чашку...
Через комнату
медленно шел
старик Розмари,
как всегда
безупречно
элегантный.*

— Ну, электрический ток и все такое прочее, — расплывчато ответил Филдинг. — Понимаете, — добавил он откровенно, — я не терапевт. Я хирург. Конечно, терапию я изучал, но это не мое призвание. В лекарствах я не разбираюсь.

Мистер Кэмпиион поднял взгляд, за стеклами очков его светлые глаза смотрели вопросительно.

— Вы думаете, старик мог принять нечто такое, что вызвало состояние, похожее на смерть? — предположил он.

Молодой человек твердо смотрел на него.

— Знаю, это звучит надуманно, — сказал он, — но это единственное объяснение, которое приходит мне в голову, хотя понятия не имею, что именно он мог принять. Понимаете, самое ужасное — я ничего не сделал для его спасения. Просто подумал: “Он умер”, — и, решив, что надежды нет, позвонил Филипсону, как требует врачебная этика.

— Понимаю, — серьезно произнес мистер Кэмпиион. — Но чего вы хотите от меня?

Филдинг замялся.

— Если вы выясните, что на самом деле произошло, то спасете хотя бы мой разум, — сказал он просто, без малейшего оттенка драматичности в голосе. — Боюсь, подобное пятно на репутации мне не смыть — по крайней мере, в ближайшие несколько лет. Но, Кэмпиион, мне нужно знать, хватку я теряю или рассудок. Мне нужно знать, как случилось, что я совершил такую немыслимую ошибку.

Мистер Кэмпиион взглянул на молодого человека. Тот держался с до-

стоинством, ничем не выдавая бушевавшее в нем волнение. Внезапно почувствовав симпатию и вместе с тем интерес, он хотел уже ответить, но тут Филдинг продолжил.

— Есть и другие осложнения, — сказал он смущенно. — Понимаете, я помолвлен с внучкой старика Розмари, и если я скажу вам, что она его основная наследница, вы поймете, как чудовищно неудобно все получилось.

— Ну и ну, вот незадача! — Мистер Кэмпиион даже присвистнул.

— Еще какая, — уныло отозвался Филдинг. — И это еще не все. Она ведь разорвала помолвку с Артуром Марчем из-за меня, и у него хватило наглости позвонить ей почти сразу же, как все это произошло. Я видел его сегодня вечером и, честное слово, понять не могу, что с ним. Знаю, я совершил ужасающую ошибку. Старик Розмари имеет полное право подать на меня в суд. Но почему-то именно Марч воспринял это как личное оскорбление. Отчитал меня, как мальчишку, а ведь он, в конце концов, всего лишь внук друга семьи. Они даже не родственники. Но мне нечего было ему возразить, я ведь сам оказался безнадежно неправ.

Мистер Кэмпиион задумался.

— Сегодня днем, когда старик вошел, я обратил внимание, как хорошо он выглядит.

Филдинг криво усмехнулся.

— Это вы его вблизи не видели, — ответил он. — Я видел, когда ехал с ним в такси. Пустое тщеславие, но страшно представить, какую уйму времени его камердинер, должно быть, тратит на то, чтобы приготовить его к выхо-

ду. Наверное, это продолжается уже столько лет, что незаметно накопилась целая куча мелких ухищрений, и то, что, наверное, вначале было накладкой, теперь стало почти полноценным париком. Не думаю, что вы смогли бы заметить хоть какие-то последствия лекарства, даже если бы они и были. Но хватит мне болтать. Так как, возьметесь вы за это дело?

Мистер Кэмпиион ответил уклончиво.

— Я попытаюсь, — сказал он. — Но не могу ничего обещать. Звучит все это довольно невероятно.

Но все же на следующее утро он появился в “Джуниор Грейз” намного раньше обычного. Он отыскал Уолтерса и загнал его в угол в пустой курительной комнате. Уолтерс был в настроении поговорить.

— Да, настоящий скандал, сэр, — согласился он. — Кошмар. С позволения сказать, мы привыкли доверять врачам. Но лучше дюжина скандалов, чем смерть сэра Чарльза. Да, он уже здесь, пришел в обычное время и в хорошем настроении.

— Интересный феномен — эти его перепады настроения, не правда ли? — улыбнулся мистер Кэмпиион.

— Он ведь уже стар, сэр, — снисходительно ответил Уолтерс. — Бывают дни, когда он на всех огрызается, угрюмо смотрит в газету и не разговаривает, но я не обращаю на это внимания, потому что знаю: завтра он снова будет очаровательным стариком и для каждого у него найдется кивок и улыбка. Я всегда узнаю, в каком он настроении, по тому, как он заказывает виски, когда приходит. В хорошие дни это виски с водой, в

угрюмые — виски с содовой, так что я, понимаете ли, всегда в курсе.

Мистер Кэмпиион поблагодарил его и отошел. Он почему-то очень по-мрачнел, в глазах за очками в роговой оправе читалась тревога.

Он сошел вниз к телефону и позвонил Оутсу. Меньше чем через двадцать минут они с суперинтендантом ехали в такси в направлении Флит-стрит. Станислав Оутс был хмур, как обычно. Та несколько неуклюжая веселость, которая владела им тогда в мясном ресторане, испарилась без следа. Этим утром он был немного раздражен.

— Надеюсь, это не охота на ведьм, Кэмпиион, — заявил он, когда кэб свернул на набережную. — Вы ведь знаете, я человек занятой, и мне не пристало бросать профессиональные обязанности ради увеселительных прогулок.

Кэмпиион повернулся к нему, и Оутс а удивило, каким серьезным было его лицо.

— Мне кажется, сегодня вам при всем желании не удастся забыть о своих профессиональных обязанностях, — мрачно ответил он. — Мы на месте. Подождите здесь.

Кэб остановился в узком дворике, у облупившегося здания, и суперинтендант проводил взглядом своего удаляющегося спутника. Тот исчез в дверях офиса “Закулисья”, известного театрального еженедельника, знаменитого объявлениями о премьерах и колонками сплетен.

Кэмпиион отсутствовал совсем недолго, но возвратился довольным. Он дал водителю адрес в Стретэме и забрался на заднее сиденье рядом с другом.

— Теперь все ясно, — сказал он коротко. — Мы еще успеем вмешаться, хоть, конечно, самое плохое уже случилось. Но зачем все это? Вот чего я не понимаю. Не только же ради того, чтобы дискредитировать Филдинга, — шансы, что все случится именно так, были мизерные.

— Может, вы перестанете изображать испорченный телефон и объясните? — недовольно проговорил Оутс. — Что вы добыли в этой богом забытой дыре?

Кэмпиион посмотрел на него так, словно только что вспомнил о его существовании.

— Его адрес, естественно, — коротко ответил он.

Такси наконец свернуло на широкую улицу в пригороде, где каждый дом в точности походил на соседние — красный кирпич, белая штукатурка и солидная краска цвета темного шоколада.

Мистер Кэмпиион прошел к двери по короткой мощеной дорожке, Оутс бросил взгляд на окна с задернутыми шторами и поспешил за ним, забыв о раздражении.

Дверь им открыла маленькая женщина в черном, с седыми волосами, собранными в тугой пучок на затылке. Лицо у нее было в пятнах, глаза покраснели.

— Мистер Ноуэлл? — отозвалась она на вопрос Кэмпииона и, торопливо достав платок, залилась слезами.

Мистер Кэмпиион был с ней очень мягок.

— Простите, — сказал он. — Мне не стоило так о нем спрашивать. Он ведь умер, я прав?

Она внимательно посмотрела на него.

— А, вы из полиции, да? — неожиданно спросила она. — Доктор предупреждал, что будет дознание, раз смерть такая внезапная. Просто ужасно. Он так долго тут жил.

Она пропустила их в маленький холл. Суперинтендант понимал, что они проникли сюда обманом, но не было смысла сейчас вдаваться в объяснения.

— Когда вы его нашли? — осторожно спросил Кэмпиион.

— Только утром, когда пошла отнести ему чай. — Ей явно хотелось выговориться. — Он, должно быть, умер ночью, так доктор сказал. Очень подробно расспрашивал. “Ну, в десять часов он был жив, — говорю. — Я с ним разговаривала”. Я всегда ложусь в четверть десятого, и мистер Ноуэлл не хотел, чтобы я дожидалась его прихода. У него был свой ключ, и кто-нибудь всегда помогал ему подняться.

Она сделала паузу, чтобы перевести дыхание, и Кэмпиион ободряюще кивнул.

— Так вот, — продолжила она. — Вчера, только я погасила свет в спальне, как слышу — остановился автомобиль и дверь открывается. “Это вы, мистер Ноуэлл?” — говорю. “Да, миссис Белл. Доброй ночи”. А чуть позже мотор вдалеке затих.

— Водитель поднимался вместе с ним? — перебил ее Оутс.

Миссис Белл повернулась к нему:

— Не знаю, был ли это водитель, сэр, да только кто-то поднимался. Ему ведь было почти восемьдесят, и джентльмену, который с ним при-

ехал, ничего не стоило помочь ему подняться в комнату.

— Пожалуйста, можно нам его увидеть? — мягко попросил мистер Кэмпиион.

Миссис Белл снова заплакала, но позже, когда они обнажили головы в просторной спальне и взглянули на неподвижное худое тело на постели, она заговорила тихо и с гордостью:

— Ах, видели бы вы его раньше! Он был такой красивый со своей седой гривой, тростью и цветком в петлице. Так гордился своей внешностью. Кучу времени и денег тратил на себя, да-да. Он что-то такое делал со щеками, чтобы они не вваливались, не знаю даже что.

Кэмпиион наклонился к ней и что-то прошептал. Миссис Белл с сомнением покачала головой.

— Фотография, сэр? — повторила она. — Нет, этого, пожалуй, у меня нет. Удивительно, он не разрешал себя фотографировать, а ведь так любил покрасоваться. Конечно, в этом нет ничего дурного. А впрочем, погодите. Кажется, есть у меня одна фотография, я как-то сфотографировала его в саду, когда он не видел. Сейчас принесу.

Как только они остались одни, Кэмпиион наклонился к старику на кровати и аккуратно приподнял ему веко.

— Да, я уверен, — проговорил он медленно. — Филдинг не виноват, что не понял. Смерть выглядела совершенно естественной, учитывая возраст бедняги. Позовите сейчас сюда ваших людей и проведите анализ на сульфат морфия, уверен, результат получите положительный, если поторопитесь.

Только суперинтендант собрался задать вопрос, как вернулась миссис Белл с выцветшей фотокарточкой в руках. Они прошли в маленькую светлую комнату в задней части дома.

— Вот он, — гордо указала она. — Повезло, что удалось найти. Это я сняла еще прошлым летом. Он тогда не так часто бывал в Лондоне.

— Чем он занимался в Лондоне? — спросил мистер Кэмпиион, держа фотографию изображением вниз, к недовольствию суперинтенданта.

Миссис Белл, очевидно, почувствовала себя неловко.

— Я и не знаю, — ответила она. — Он обычно говорил, мол, присматривает за делами в конторе племянника, но мне кажется, он бывал в какой-нибудь шикарной библиотеке, знаете, есть такие люди, которые просто сидят и создают атмосферу респектабельности. “Красят место”, можно это так назвать.

— Забавная мысль, — улыбнулся Оутс. — Никогда не слышал, чтобы это делали в библиотеке.

— Ну, значит, у дорогого портного, — не отступилась она. — Мне показалось, я видела его один раз в окне дома в Вест-Энде. Он ничего не делал, просто сидел там и чудесно выглядел. Я, конечно, попыталась расспросить об этом, но он очень рассердился и взял с меня слово, что я больше об этом не заговорю.

Звонок в дверь прервал ее, и, извинившись, она поспешила открывать.

Оутс повернулся к Кэмпииону.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Вам придется объяснить.

Кэмпиион протянул ему карточку, и он взглянул на небольшое изобра-

жение высокого, стройного, представительного джентльмена, идущего по тротуару дорожки в крошечном садике.

— Старик Розмари! — воскликнул суперинтендант и в замешательстве посмотрел на друга. — Боже мой, Кэмпиион, кто лежит в соседней комнате?

— Джон Ноуэлл. Он был дублером сэра Чарльза Розмари в театре “Лицедей” тридцать лет назад — и, видимо, остался им, — спокойно объяснил мистер Кэмпиион. — Признаюсь, сначала эта идея показалась мне невероятной, — продолжал он. — Но потом, когда я разобрался получше, все встало на свои места. Почти шестьдесят лет назад Ноуэлл получил работу, потому что был похож на Розмари. Тогда ему было двадцать. Розмари был почти десятью годами старше, но они походили друг на друга и фигурой и лицом. С тех пор Ноуэлл всю жизнь подражал великому актеру. Он копировал его походку и манеры, и чем старше они становились, тем больше становилось сходство. Розмари использовал различные средства, чтобы выглядеть моложе, а Ноуэлл — чтобы походить на Розмари.

— Да-да, это я понял, — нетерпеливо сказал суперинтендант. — Но, господи, зачем?

Мистер Кэмпиион пожал плечами.

— Тщеславие трудно объяснить, — отозвался он. — Но Розмари богат, и думаю, он не пожалел бы усилий нанять кого-то, тем более уже готового дублера, чтобы тот сидел в “Грейз” и поддерживал миф о его несокрушимом здоровье. Если Розмари не мог пойти в клуб, вместо него отправлялся Ноуэлл. Если задуматься, то

представить, что Розмари проводил в "Трейз" каждый день с утра до вечера в течение двадцати лет, даже труднее, чем принять такое объяснение.

Оутс все глядел на фотографию.

— Ладно, сходство я допускаю, — сказал он внезапно. — Теперь, когда посмотрел на того, в соседней комнате. Но что, если ему приходилось говорить?

— Не приходилось, — ответил Кэмпбелл. — По крайней мере, очень редко. Последние несколько лет Розмари был подвержен приступам дурного настроения. В хорошие дни он был самым собой. В плохие — почти всегда угрюмо молчал. Если честно, именно эти приступы и навели меня на мысль о Ноуэлле. Уолтерс рассказал мне сегодня утром, что в хорошие дни Розмари пил виски с водой, а в дурные — виски с содовой. Я знал людей, которые пили виски с бульоном, когда жизнь заставляла, но таких, кто не отдавал бы предпочтения чему-то одному, не встречал. Поэтому я подумал, что это должны быть два разных человека, и сразу же мне на ум пришел дублер, ведь имитация была безупречна. Я заглянул в редакцию "Закулисья", и мне повезло застать Беллью — он специализируется на сплетнях о старых актерах. Я спросил, были ли у Розмари постоянный дублер, и он тут же выдал мне имя и адрес.

— Четко сработано, — задумчиво признал суперинтендант. — Весьма. Но мы-то что здесь делаем и где преступление?

— Это, вообще-то, убийство, — кротко заметил мистер Кэмпбелл. — Вчера утром некто подлил бедняге

что-то в виски с содовой, считая, что имеет дело с Розмари. В клубе Ноуэлл впал в кому, и юный Филдинг, наш хирург, видя, что старик совсем плох, повез его домой. В такси тот умер. Отравление сульфатом морфия дает точно такие же симптомы, как острая сердечная недостаточность, и Филдинг посчитал, что все ясно, оставил тело слуге Розмари на Довер-стрит, позвонил сэру Эдгару Филипсону и удалился, как и подобает примерно-му доктору. Конечно, когда Филипсон прибыл, его встретил сам Розмари в полном здравии. Думаю, тело Ноуэлла оставалось на Довер-стрит весь день, а вечером, когда миссис Белл уже должна была лечь, камердинер с помощью водителя Розмари привез его сюда. Они доставили его прямо в комнату, как бывало и раньше, и уехали.

— А как же голос? — возразил суперинтендант. — Он говорил с хозяйкой, она сама сказала.

Кэмпбелл взглянул на него.

— Думаю, — медленно произнес он, — старик Розмари тоже приехал, на всякий случай. Понимаете, после стольких лет лицедейства голос Ноуэлла был копией голоса Розмари.

— В девяносто лет? — воскликнул суперинтендант. — Такие железные нервы в девяносто?

— Кто знает, — отозвался мистер Кэмпбелл. — Вероятно, без железных нервов до девяносто не доживают.

Оутс посмотрел на дверь.

— Что-то ее долго нет, — сказал он. — Не от коронера ли там пришли...

Он вышел на узкую лестничную площадку, Кэмпбелл пошел следом, и тут же миссис Белл открыла дверь

спальни покойного и выпустила в коридор мужчину с побледневшим лицом.

— Я ничего больше рассказать не могу, сэр, — твердо говорила она. — Может быть, вам спросить вот этих джентльменов из полиции?

Больше она ничего не успела сказать. С нечленораздельным возгласом мужчина повернулся, и свет из окошка на лестничной площадке упал ему на лицо. Это был Артур Марч. Его впившиеся в Кэмпiona глаза сузились, на висках взбухли узловатые вены.

— Ты... вечно ты везде суешь свое рыло! — воскликнул он вдруг и бросился вперед.

Кэмпиион едва успел отразить нападение. Когда пальцы Марча сомкнулись на его горле, он ударил противника коленом под дых. Марч упал на шаткую балюстраду, которая от неожиданной тяжести сломалась, и полетел вниз, на ступени, а Кэмпиион рухнул следом.

Энергичный стук во входную дверь, возвестивший о приходе помощника коронера, усилил всеобщую суматоху, и суперинтендант с живостью, удивительной при его несколько грузной фигуре, спрыгнул вниз, к дерущимся на ступеньках мужчинам.

Почти три часа спустя мистер Кэмпиион сидел в кабинете суперинтенданта в Скотленд-Ярде и мягко увещевал его:

— Все это замечательно, вы арестовали Марча по обвинению в нападении, — говорил он, — но вам его не посадить. Вы не докажете ни покушения на Розмари, ни убийства Ноуэлла.

Станислав Оутс, скрестив руки, сидел за столом. Он был очень доволен.

— Не докажем, думаете? — переспросил он.

— В общем, — рассудительно продолжил мистер Кэмпиион, — не хочется подрезать вам крылья, но что у вас есть? Уолтерс покажет под присягой, что вчера утром Марч попросил у него разрешения самому отнести Розмари виски. Он будто бы хотел найти повод заговорить со стариком, который был в дурном настроении. Значит, возможность у него была, но в суде это немного значит. Еще вы можете сказать, что Марч понял свою ошибку и, проделав те же умозаключения, что и я, нашел Ноуэлла. И вы можете доказать, что он на меня напал. И все. Его оправдают. В конце концов, зачем Марчу убивать Розмари? Из-за того, что внучка старика отказалась за него выходить?

— Это не так абсурдно, как вы думаете, мальчик мой, — отечески снисходительно проговорил Оутс. — В сущности, если бы Дениз Уоррен вышла за Артура Марча, Розмари ничто бы не угрожало.

Мистер Кэмпиион внимательно смотрел на суперинтенданта, и тот продолжил с довольным видом:

— Помните, как мы праздновали в ресторане Бенджамина мое повышение?

— Отлично помню. Вы напились и выставили нас на посмешище.

— А вот и нет, — возмутился Оутс, — я проявил наблюдательность и осведомленность. Я обратил внимание, что мисс Уоррен разорвала помолвку с внуком старого друга Розмари, сэра Джошуа Марча, и попытался сооб-

щить вам кое-какие факты. Но вы меня не слушали. Помните, я говорил, что вы, любители, собираете слишком мало информации? Помните, я говорил об акционерном праве?

— Припоминаю, — признал мистер Кэмпион.

Суперинтендант заговорил спокойнее.

— Вам известно, что небольшие компании часто берут ссуды под залог страховки жизни одного из руководителей с целью получения крупной суммы в короткий срок?

— Да, я слышал о таком. Но страхует свою жизнь обычно партнер, разве нет?

— Не всегда. В этом-то все и дело. — Оутс просиял. — Если ни один из партнеров не соответствует требованиям, часто страховку оформляют на имя младшего сотрудника или даже на не связанного с фирмой человека, если он, как они выражаются, “надежный объект страхования”. Смотрите, Кэмпион... — Оутс облокотился на стол. — Больше шестидесяти лет назад “Аллан Марч и Сын” — первый сэр Джошуа был тогда еще сыном — оказались на мели, и им понадобился страховой полис на шестьдесят тысяч фунтов, чтобы брать под него займы. Аллан Марч был стариком, а у Джошуа было слабое сердце. Им нужен был надежный объект, понимаете, чтобы платить взносы поменьше — сумма-то ведь огромная. Розмари и Джошуа были тогда друзьями, и Розмари подходил идеально. Здоровье у него было отличное, привычки умеренные, да к тому же он был знаменитостью — завидным клиентом.

Оутс сделал паузу, и Кэмпион кивнул:

— Продолжайте. Я слежу за вашей мыслью.

— Так вот, “Марч и Сын” обратились в “Страховой Кооператив” — недавно открывшуюся фирму, одну из этих бойких новомодных страховых компаний, которая согласилась на очень низкие взносы по причине известности Розмари и, конечно, его крепкого здоровья. Он согласился сыграть свою роль в этом деле, то есть позволил себя застраховать, чтобы выручить друга из беды. Но шутки ради сделал оговорку. “Если я доживу до девяноста лет, — сказал он, — вы вернете мне страховой полис”. В то время никто не воспринял это требование всерьез, ведь даже самые крепкие викторианцы обычно и близко не подбирались к этой цифре, и в любом случае “Марча и Сына” тогда интересовали немедленные выгоды. Как бы там ни было, они согласились и скрепили договор подписями и печатями.

— “Марч и Сын” не аннулировали страховку?

— Ты... вечно ты
везде суешь свое рыло! —
воскликнул он вдруг
и бросился вперед.

— О нет. — Суперинтендант следил за выражением лица Кэмпiona. — Не думаю, что им хотелось возвращать все деньги, которые они заняли под залог страховки, к тому же где бы еще они нашли такое обеспечение займа, ведь страховые взносы были предельно низкими. Вот теперь вы в курсе всего. Вы могли бы узнать еще летом, если бы меня выслушали. Все как на ладони, правда?

Мистер Кэмпion моргнул.

— Если бы старик Розмари умер, не дожив до девяностолетия, — сказал он наконец, — тогда то, что осталось от этих шестидесяти тысяч, получили бы “Марч и Сын”. Но если он проживет до послезавтра, эти деньги отойдут к нему и Дениз Уоррен.

— Девяностолетие уже завтра, да? — сказал Оутс. — Марч ходил по

лезвию ножа. Наверное, надеялся, что невеста вернется к нему и он получит деньги через нее. Ну, дружище, что вы теперь скажете?

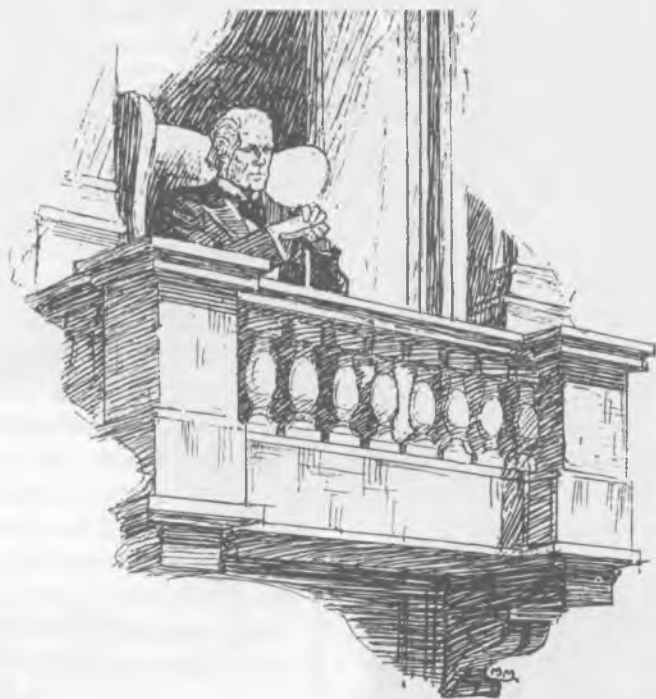
— Ничего, — добродушно отозвался Кэмпion. — Ничего, вот только акционерное право тут ни при чем, вам не кажется? Это скорее страховое.

Оутс пожал плечами.

— Может, вы и правы, — небрежно ответил он. — Я — не энциклопедия и университетов не кончал. Но все же, — добавил он со смешком, — нам нравится думать, что мы, профессионалы, чего-то стоим, понимаете ли. Вы, любители, тоже иногда неплохо справляетесь, но, если нужна тщательная работа, мы вас всех обставим.

Мистер Кэмпion ухмыльнулся:

— Ну что ж, старина, человеку нужно во что-то верить.

Сирил Хэйр

1900–1958

Перевод и вступление Надежды Гайдаш

СИРИЛ Хэйр — псевдоним Альфреда Александра Гордона Кларка. Он родился в семье виноторговца в Суррее, изучал историю в Оксфорде, в Нью-колледже, в 1924 году начал работать адвокатом, в 1933-м женился. Во время войны Гордон Кларк работал в прокуратуре, а в 1950 году стал судьей по гражданским делам и оставался на этой должности до самой своей смерти от туберкулеза в 1958 году.

Остроумный оратор и с 1946 года уважаемый член Детективного клуба, Гордон Кларк о себе распространяться не любил, и, кроме основных биографических фактов, известно о нем мало. В поисках подробностей мы связались с сыном писателя, Чарльзом Гордоном Кларком, и вот что он пишет: “В 1933 году, перед тем как они с мамой поженились, он бросил свою предыдущую невесту — шведскую оперную певицу. Она угрожала подать в суд, и (через ее старшего брата) отец откупился огромной по тем временам суммой в 750 фунтов стерлингов. Так что в первые годы брака денег у него было в обрез, но он все-таки снял просторную квартиру в модном лондонском районе Баттерси, в “Сирил Мэншнс”; соединив это с названием суда в Темпле, где он работал, — “Хэйр Корт” — он и составил свой псевдоним. В 1938 году они с мамой переехали в отдельный дом на Альберт-Бридж-роуд на углу Баттерси-парк, так что если бы он начал писать чуть позже, звали бы его не Сирилом Хэйром, а Альбертом!”

CYRIL HARE

Так или иначе, первый роман Сирила Хэйра “Арендатор смерти”, познакомивший публику с инспектором Маллетом, был написан в 1936 году и вышел в 1937-м, через год после рождения Чарльза. Очевидно, расходы молодой семьи сыграли не последнюю роль в том, что Хэйр взялся за перо. Тогда же, в 1937 году, в журнале “Скетч” вышел рассказ “Загадочная смерть Эми Робсарт”, за которую автор получил рекордную по тем временам сумму в 40 гиней (около 42 фунтов стерлингов), несомненно пришедшуюся как нельзя более кстати.

Если в России Сирил Хэйр известен в первую очередь благодаря фильму Самсонова “Чисто английское убийство”, то на родине писателя одноименный роман выдающимся не считают, и он куда больше известен как создатель инспектора Скотленд-Ярда Маллета и, позже, адвоката Френсиса Педигрю.

Герой этого, а также множества других рассказов и нескольких романов инспектор Маллет — недалекий на вид здоровяк с добродушным лицом и неожиданно свирепыми усами. Впрочем, внешность его обманчива — под маской обывателя, интересующегося прежде всего обедом, скрывается острый ум, а что до внушительного веса, то им Маллет заслуженно гордится — однажды он даже разгадал хитроумное преступление лишь благодаря своей комплекции. Интересно, что Маллет так же скрытен, как и его создатель: о нем известно лишь то, что он вдовец. Даже его имя ни разу нигде не упоминается, впрочем, по словам сына писателя, Маллета, “кажется, звали Джоном”.

© Charles Gordon Clark

© Н. Гайдаш, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ
ЭМИ РОБСАРТ” БЫЛ НАПЕЧАТАН
В ЖУРНАЛЕ “СКЕТЧ” В 1937 ГОДУ.

THE DEATH OF AMY ROBSART

//////////////////////////////// THE SKETCH, 1937. //////////////////////////////////

СИРИЛ ХЭЙР

Загадочная смерть Эми Робсарт

I

Гус Константинович был англичанином. Так было написано в его паспорте. В фамилии его слышалось что-то не то русское, не то греческое, цвет лица наводил на мысль о Леванте, а нос обнаруживал явное иудейство. Фигура его отличалась поистине космополитической широтой благодаря не менее космополитическим кулинарным пристрастиям. И все же, когда Константинович, стоя в дверях танцевального зала у себя дома в Аскоте, перекачивал сигару во рту или, прощаясь, бросал гостям односложные реплики, нетрудно было принять его за американца. Виной тому была его профессия. Став председателем правления и исполнительным директором "Циклоп-Фильм Лимитед" — компании, которая (по его словам) должна была побить Голливуд на его собственном поле, — он естественным образом обзавелся всеми отличительными признаками этого племени.

Вечер по случаю закрытого предпремьерного показа "Эми Роб-

сарт"* ("бесподобной картины!") потихоньку угасал. Со своего поста у двери Гус тусклым взглядом обвел последних гостей. По его лицу было невозможно понять, понравился ли ему фильм или хотя бы вечеринка. Длинный зал с окнами, глядевшими в душную июльскую ночь, почти опустел. Граммофон играл Штрауса, но в центре зала кружилась лишь одна пара — стройный молодой человек в вечернем наряде и бледная белокурая девушка с усталыми глазами. Девушка была в костюме Эми Робсарт — пышном платье эпохи Тюдоров. В углу худощавая молодая женщина с хищным лицом беседовала с мужчиной необычайной красоты и поистине великанских пропорций.

— Хорошенькая девчушка, вы согласны? — сказала она, указав на танцующих.

— Кто, Камилла? — переспросил он. — Да, леди Порция, очень хорошенькая.

Леди Порция Фэннинг по-тигриному улыбнулась:

* Эми Робсарт — жена одного из фаворитов Елизаветы I, погибшая при загадочных обстоятельствах. Подробнее см. глоссарий (35).

— Да, мистер Бранкастер, я знала, что вы со мной согласитесь. А что думает ваша жена?

Тедди Бранкастер бросил взгляд на другую сторону зала, где у бара его жена беседовала с двумя мужчинами.

— Не думаю, что Женевьеву стоит в это посвящать, — покраснев, ответил он.

— Конечно-конечно. К тому же она француженка, а они смотрят на подобные дела совсем не как вы, американцы. Не правда ли? Иначе стоило бы ожидать, что она найдет утешение в объятьях этого юноши, с которым разговаривает. Как там его, Бартрем, да?

— Дик Бартрем — честный малый.

— Ничуть не сомневаюсь. Но мы с вами говорили про Камиллу Фрейн. Вы посмотрели фильм?

— Нет. Утром у меня были съемки, а днем я тренировался здесь в бассейне — прыгал с вышки.

— У Гуса и бассейн есть?

— Есть, в саду. Очень неплохой, надо сказать.

— Какая прелесть! Голливудский шик! Неужели вам, такому атлету, нужны тренировки?

— Если я не хочу потерять форму, то да, каждый день.

— Какой вы молодец! Что до фильма, вы немного потеряли. Хотя ваша Камилла и хороша, актриса она никудышная.

— А теперь, Тедди, я потанцую с тобой.
Поставь другую пластинку, специально для нас...

— Возможно.

Она посмотрела на часы:

— Мне пора. Вас не подвезти, мистер Бранкастер?

— Нет, спасибо. Я остановился у Гуса.

— Ах да, я и забыла. Ну что ж, может быть, мы еще встретимся в Лондоне. Если миссис Бранкастер не будет против, конечно.

Она подошла к хозяину:

— Доброй ночи, мистер Константинович. Вечеринка была просто восхитительная, и картина, конечно, обречена на успех.

— Доброй ночи, леди Порция. Я счастлив, что вы пришли.

Вальс закончился. Партнер Камиллы отклонялся и удалился. Стоило ему уйти, как, шурша юбками, она пересекла зал и подошла к Тедди Бранкастеру.

— А теперь, Тедди, я потанцую с тобой. Поставь другую пластинку, специально для нас, — сказала она и уставилась ему в глаза, как маленькая девочка на витрину кондитерской.

Будто бы по волшебству, Женевьева, на протяжении танца спокойно стоявшая у бара, материализовалась рядом с мужем.

— Ей больше не стоит танцевать, Теди-и, — провозгласила она. — Посмотри, какая она усталая!

— Чистая правда, — спокойно ответил Тедди. — Маленьким девочкам пора спать, Камилла. — Когда он обратился к ней, его голос стал совсем другим: в нем появились тепло и нежность.

Безыскусным детским жестом она поднесла ладонь ко лбу.

— Что толку идти спать, если все равно не спится! — надулась Камилла. — Я не сплю уже целую вечность! С тех пор как начались съемки.

К ним присоединился Гус Константинович.

— Теперь съемки закончены, — сказал он. — Сегодня ты как следует выспишься, Камилла. Именно для этого ты и живешь в моем доме — чтобы крепко спать.

— Но, Гус, я хочу танцевать. Еще только один танец, с Тедди!

Тедди покачал головой.

— Для танцев уже слишком поздно, — возразил он. — Пойду окунусь перед сном.

— Я тоже. Сходим в бассейн вместе, Теди-и, — торопливо сказала Женевьева.

— Как же иначе, — ядовито согласился Тедди, — ты за мной хоть на край света, да, дорогая? Ну пойдем переоденемся.

— Я тоже пойду! — заявила Камилла. — Купание при луне, какая прелесть!

— Ты пойдешь спать, — решительно возразил Тедди. — К тому же сегодня нет ни луны, ни даже звезд. Хоть глаз выколи.

— Ах, так даже лучше! Нырнуть во тьму, когда не видно ни зги! Совсем как Эми Робсарт! Упала во тьму, и все было кончено.

Ее голос неуверенно стих.

— Камилла! — рявкнул Гус. — Миссис Бранкастер, отведите ее в спальню. Вы ведь знаете, где ее спальня? Рядом с вашей. И проследите, чтобы она больше не спускалась.

Женевьева взяла девушку под руку. Какое-то мгновение казалось,

что Камилла будет упираться, но француженка сжала ее локоть, как в тисках, и та кротко уступила.

— Вот и умница, — по-отечески обрадовался Гус. — Иди спать, а дядюшка Гус зайдет и подоткнет тебе одеяло.

Из них получилась странная парочка — хрупкая девушка, обмякшая в своем тюдоровском облачении, под руку с сильной, мускулистой молодой женщиной. Тедди Бранкастер смотрел им вслед, будто бы сравнивая.

— Пойду переоденусь, — резко сказал он.

За ними наблюдал Дик Бартрем, стоявший среди гостей у бара.

— Красивая, — заметил кто-то.

— Жаль, что играть не умеет.

— Играть? Почему же? У нее наверняка получилось бы, если бы она попробовала.

— Интересно! Чем же она тогда занималась последние полгода?

Дик мучительно покраснел.

— А! Вы про Камиллу! Я... Я думал, вы...

Раздался дружный хохот, отчего его щеки запылали еще ярче.

— Мой несчастный друг! — заговорил наконец тот, кто затеял этот разговор. — Не стоит растрачивать на нее свою юношескую любовь. Вы не заметили? Женестьева однолюбка.

— Вот бы еще ее муж был однолюбом.

— Ну, об этом не стоит беспокоиться. Прекрасная Женестьева сумеет постоять за себя. Наверняка у нее за каждой подвязкой по стилету — соперницам не поздоровится.

Не ответив, Дик вышел из зала.

— Полюбуйтесь, и это лучший кинооператор в Англии, — ска-

зали ему вслед. — Впрочем, если Гус и дальше будет снимать такую же дрянь, как этот его последний опус, Дик скоро останется безработным.

— Как ты думаешь, в Америке это купят?

— Никаких шансов. Сегодня после показа я видел Содерберга, он сказал...

— Я еще тогда заметил, какой Гус был зеленый с лица.

— Это ничего не значит. Он всегда такой. Британская кровь в жилах бурлит.

— Говорят, у них на студии были проблемы. Из Скотленд-Ярда приходили.

— Ерунда. Какой-то смышленный кассир воспользовался случаем и запустил лапу в кассу.

— Куда это делся Гус? Только что тут был.

— Надо думать, ушел подсчитывать убытки. Ну, за удачу.

Вернулся Тедди Бранкастер с полотенцем на плече. Его великолепное загорелое тело было облачено в одни лишь плавки.

— Женестьева уже спустилась?

— Дражайший Аполлон, разве женщина когда-нибудь бывает готова вовремя? Нет, разумеется.

Тедди подошел к лестнице и крикнул наверх:

— Эй, Женестьева! Ты идешь?

Женестьева оказалась на лестничной площадке.

— Скоро спущусь, Теди-и! — крикнула она.

Позади нее открылась дверь, и в щели показалось бледное лицо Камиллы.

— Пожалуйста, можно я тоже пойду? Тедди, пожалуйста! Только в этот раз!

Тедди с улыбкой покачал головой.

— Ты не пойдешь! — отрезала Женестьева, и дверь закрылась.

— Ну, я в бассейн, — сообщил Тедди. — Увидимся там. Пока!

Дик Бартрем, сидевший в укромной нише, проводил его завистливым взглядом и затем подошел к лестнице.

— Женестьева! — тихо позвал он.

II

Примерно двадцать минут спустя последние гости стали неохотно расходиться. Они уже успели до малейших подробностей обсудить все недостатки “Эми Робсарт” в целом и актерской игры Камиллы в частности, злорадно предсказать такое же фиаско фильму, роль в котором репетировал Тедди Бранкастер, и почти что исчерпать обильные хозяйские запасы спиртного, когда в зал вернулся Гус.

— Гус, старина, мне пора. Отличная вечеринка.

— Рад, что тебе понравилось, Том.

— Доброй ночи, Гус. Эта твоя Фрейн — настоящая находка. “Эми Робсарт” ждет большая слава. Мы все тут так думаем.

— Да, Майк, я надеюсь, я надеюсь.

— Доброй ночи, старина. Боюсь, мы злоупотребили твоим гостеприимством.

— Ничуть, Джимми. Всегда рад тебя видеть.

— Доброй ночи... Доброй ночи...

— Друзья, вы не видели мою жену?

Из сада вошел Тедди Бранкастер. На его коже блестели капли воды, его босые стопы оставляли мокрые следы на паркете.

— Ну и ну! Аполлон вернулся! Тедди, неужели она не пришла на свидание?

— Нет. Я поплавал пятнадцать минут, она так и не появилась.

— Как жаль, Тедди. Ты небось не привык оставаться с носом? Прости, что не можем остаться на финал этой драмы, но нам пора. Доброй ночи.

Тедди жизнерадостно ухмыльнулся:

— И вам доброй ночи. Пойду ее искать.

— Надеюсь, когда ты ее найдешь, обойдется без кровопролития.

Шумная толпа гостей наконец отправилась восвояси. Тедди проводил их до холла и поднялся наверх. Через несколько секунд он уже спустился. В холле стоял Гус, и Тедди бросил на него тревожный взгляд.

— Гус, ее нет в комнате. Как ты думаешь, что случилось?

— Не стоит волноваться, Тедди. Наверное, она осталась с Камиллой, пока та не уснет. Если хочешь, я поднимусь и посмотрю.

— Но она собиралась со мной плавать, — возразил Тедди.

— Сейчас же пойду и посмотрю, — заявил Гус и двинулся к лестнице.

На мгновение Тедди замер в нерешительности.

— Не меня ищешь, Теди-и? — раздался голос у него за спиной.

Он дернулся, как будто в него выстрелили, и резко повернулся. Женестьева и Дик Бартрем вышли из небольшой комнаты в противоположном конце холла.

— Прости, Теди-и, что не пошла с тобой, — начала Женестьева, но муж ее перебил. Его лицо покрылось смертельной бледностью, глаза засверкали от ярости.

— Ты!.. — крикнул он. — Ты!.. — Казалось, ничего больше он произнести не способен.

— Что-то не так, Теди-и?

— Что не так? Разве ты не собиравась со мной в бассейн? Где ты была? Чем ты занималась? И кто... ах, господи!

Но к Женестьеве вернулось самообладание.

— Ах вот, значит, как? — воскликнула она. — Теперь великий Теди-и ревнует, а? И все потому, что я не пришла, когда ты хотел? Как будто ты часто меня хочешь! Разве я хоть слово сказала против твоей Розы, твоей Китти, а теперь еще и твоей Камиллы? Теперь ты знаешь, что я чувствовала! Я рада!

— Ты сучка!

— Послушайте, Бранкастер, — начал Бартрем, — вы не должны так говорить с женой. А если вы предполагаете, что мы с ней...

— Помолчи, Дики-и. Это фамильное дело.

— Помолчите вы оба. Я...

Раздался голос Гуса, перекрывший шум ссоры. Гус был явно встревожен.

— Ради бога, прекратите! Камилла пропала!

Все трое тут же замолчали.

— Ее нет в комнате, — продолжал Гус. — И... и окно нараспашку!

Прежде чем кто-то заговорил, прошло довольно много времени. Гус медленно спускался по лестнице. Его землистое лицо было таким же невы-

разительным, как всегда, но он судорожно хватался за перила — ноги его не слушались. Когда он наконец спустился, чары будто рассеялись, и все заговорили одновременно.

— Камилла! — простонал Тедди. — Нет, не может быть!

— *Ah, la pauvre fille!* — воскликнула Женестьева. — *Elle est somnambule sans doute. C'est ce que j'ai toujours cru!**

Дик спросил только:

— Вы заглянули в ее ванную?

— Заглянул, — ответил Гус. — Там пусто. Повсюду разбросана одежда, постель не смята.

Они снова замолчали и теперь лишь смотрели друг на друга с растущим беспокойством. Повисла гнетущая тишина.

— Чего мы ждем? — опомнилась Женестьева. — Надо искать — в доме, в саду, везде!

— В саду! — повторил Дик. — Гус, у тебя не найдется фонаря? Скорее, ради бога, скорее!

Первым в сад через черный ход ринулся Тедди, а за ним в смятении бросились и все остальные.

После ярко освещенного холла сад казался погруженным в кромешную тьму. На мгновение они замешкались на пороге. Падавший из открытой двери свет озарял участок террасы, которая тянулась вдоль дома, и край газона, начинавшегося за ней. Их тени дрожали на фоне белого камня и пышной зелени.

— Нам направо, — произнес Дик. — Ее окно в той стороне, да? Гус, принеси, наконец, фонарь!

* Ах, бедная девочка! Она, конечно, ходит во сне! Я так и знала! (фр.)

Но они не успели дожидаться фонаря. Их глаза все еще приковывались к темноте, когда Тедди заметил, что вдалеке что-то тускло белеет.

— Сюда! — вскрикнул он и бросился вперед.

Остальные услышали топот босых ног, а затем сдавленный вскрик. Наконец Гус дрожащей рукой нащупал выключатель электрического фонаря, и перед ними предстала ужасная картина.

Тедди стоял на коленях у тела Камиллы Фрейн, раскинувшегося в неестественной позе на широкой каменной террасе. На фоне темно-синего купального костюма — единственного, что было на ней надето, — ее руки и ноги казались выточенными из алебаstra. Лицо было так изуродовано, что его нельзя было узнать. Из чудовищной раны на голове сквозь полотенце, на котором она лежала, сочилась кровь, окрашивая камни в тусклый красный цвет.

Тедди, никого не стесняясь, рыдал.

— Камилла, Камилла, любовь моя! — всхлипывал он. — Зачем ты это сделала! Как я тебя любил! Как я тебя любил! Ради тебя я бы не пожалел собственной жизни! Камилла!

— Теди-и! — раздался пронзительный голос Женеьевы. — Теди-и, встань. Ты ничего не изменишь.

Тедди поднялся на ноги. Теперь его лица не было видно в темноте. Голос казался глухим и безжизненным.

*Раздался голос Гуса, перекрывший шум ссоры. Гус был явно встревожен.
— Ради бога, прекратите!*

III

— Конечно, теперь ничего не изменишь! Эми Робсарт упала во тьму, вот и все! Ты, конечно, счастлива!

— Как ты смеешь! — воскликнул Дик.

— Замолчите все! — скомандовал Гус. — Или для вас нет ничего святого? Дик, пожалуйста, сходи и вызови врача и полицию.

— Врача и полицию! — едко повторил Тедди. — Что от них пользы! Разве они вернут мне Камиллу? Спросите их! Спросите... — Он снова разрыдался.

— Тедди, — повелительно сказал Гус. — Сейчас ты пойдешь в дом. В моем кабинете есть бренди. Выпей. И больше из дома не выходи. Женестьева, ты побудешь тут со мной, пока не приедет помощь. Мертвых не стоит оставлять одних.

Утро выдалось замечательное. С безоблачного неба полыхающее солнце озаряло комнату, где Гус лежал без сна. Поднявшись, он подошел к окну. Комната находилась в отдельном крыле, пристроенном к дому, и отсюда открывался вид на всю террасу, спокойный и безмятежный; на первый взгляд ничто в нем не напоминало о событиях прошлой ночи. Лишь одна из каменных плит была накрыта дерюгой. Гус торопливо отвел глаза. Переломанное тело несчастной Камиллы увезли еще ночью по распоряжению врача, бормотавшего что-то про множественные черепные ранения и силу удара, в сопровождении сержанта полиции, который казался воплощением сосредоточенности и сочувствия. В доме, где еще вчера Камилла была почетной гостьей, от нее не осталось никаких следов, кроме жуткого красного пятна, укрытого от стихий половиной мешка.

Из-за дальнего угла дома появились двое мужчин. Один — давешний добродушный сержант, второй — вы-

сокий широкоплечий здоровяк в сером твидовом костюме и с лихими армейскими усами. Они были погружены в серьезную беседу.

— Датский бекон! — говорил тот, что в твиде. — Прекрасная вещь, Паркинсон, но когда я выезжаю за город, это последнее, что я ожидаю увидеть на своей тарелке!

— Знаю, сэр, — понимающе ответил сержант, — но теперь уж везде так. То ли дело, когда я был мальчишкой... э-э... вот мы и пришли, сэр.

— Камилла,
Камилла, любовь
моя! — всхлипывал
он. — Зачем ты это
сделала! Как я тебя
любил!

Они остановились у куска дерюги. Сержант приподнял его, и оба посмотрели на то, что под ним скрывалось. Затем сержант вернул его на место.

— Видите, сэр, где пятно, — сказал он. — Если кто-то выпадет или прыгнет из того окна сверху, именно сюда он и упадет.

— Вижу, — согласился второй. — Впрочем, строго говоря, выпасть из этого окна невозможно. Сначала придется перелезть через балюстраду.

— Конечно. Но это несложно сделать.

— Разумеется.

— Сэр, вы, наверное, уже видели тело?

— Да, я заскочил в морг по дороге.

— По-моему, дело довольно простое. Все подтверждают, что нервы у девушки были слабые. С актрисами такое на каждом шагу, знаете. Она вбила себе в голову, что хочет искупаться, “нырнуть во тьму”, как она выразилась. Ей велели ничего такого не делать и уложили спать. Потом она встает, не просыпаясь, как лунатик, понимаете, надевает купальный костюм и ныряет в окно.

— Звучит логично.

— Мне кажется, сэр, дело ясное. И вот что я еще скажу. Эта девушка играла в кино некую Эми Робсарт. Эми Робсарт, насколько я могу судить, погибла точно так же, только выпала она не из окна, а...

— Знаю, знаю. Я читал книгу.

— Это не книга, а фильм. Хотя по мне все едино. Я к чему веду-то: раз она была вся на нервах, то, вполне возможно, решила, что она и есть Эми Робсарт, и все сделала по сценарию, понимаете.

— Разве Эми Робсарт переодевалась в купальный костюм?

— Верно, сэр, она не переодевалась. Наверное, у этой девицы совсем каша в голове была, раз она все перепутала.

— Вполне возможно.

Открылась дверь, и в ней появился Тедди Бранкастер, одетый — точнее, раздетый — для бассейна. Увидев полицейских, он остановился.

— Доброе утро, — сказал сержант Паркинсон. — Раненько вы встаете.

— Я всегда стараюсь поплавать перед завтраком, когда ваша английская погода это позволяет, — ответил Тедди и пристально посмотрел на мужчину в твиде. — Мы раньше не встречались? — спросил наконец он.

— Это инспектор Маллет из Скотленд-Ярда, — представил его сержант. — Он вел расследование на студии “Циклоп” и сегодня утром любезно согласился нам помочь.

— Приятно познакомиться, — ответил Тедди. — Ну что ж, если вы меня извините, я пойду плавать.

— Может быть, вы уделите мне несколько минут после завтрака? — спросил Маллет.

— Конечно.

Великан вышел на узкую, выложенную брусчаткой тропинку и вскоре скрылся за кустами. Мгновение спустя раздался громкий всплеск.

— Видный мужчина, — отметил Паркинсон. — Сразу заметно, что поддерживает себя в форме. Сравнить с ним — так мы с вами совсем обрюзгли, да, сэр?

— Зато у меня по утрам мешков под глазами не бывает, — оскорбился Маллет.

— Ну, это простительно. Вряд ли ему довелось поспать этой ночью. Когда я пришел, на него было жалко смотреть — он рыдал и завывал так, что даже не знаю, как он не лопнул.

— Да ну? Давайте пройдем в дом.

Они вошли в дом. При их появлении перепуганная горничная ретировалась в комнаты.

— Чуть не забыл, — сказал Маллет. — Что насчет слуг? Они что-нибудь слышали?

— Они все легли спать, — ответил Паркинсон. — Слуги живут в отдельном крыле. Гости на вечеринке развлекались сами. Говорят, это называется богемная вечеринка. Они, значит, могут пить сколько влезет, и никакая челядь потом не будет распускать слухи.

— Понятно. Ну и куда нам теперь?

Сержант повел его на второй этаж. Остановившись перед дверью на лестничной площадке, он достал ключ из кармана и отпер замок.

— Это ее комната, — сказал он. — Здесь ничего не трогали.

Комната была среднего размера с большим подъемным окном в сад. Кровать была расстелена, но не смята. На ней, а также на стоявшем рядом кресле был разложен вчерашний наряд Камиллы: тяжелое расшитое платье елизаветинских времен и корсаж на китовом усе; со всем этим резко контрастировало тонкое шелковое белье двадцатого века. Дверь гардероба была открыта. На туалетном столике валялось жемчужное ожерелье и несколько колец. Комнату пропитывал тонкий аромат, поднимавшийся из незакрытой пудреницы. Открытая дверь справа вела в

ванную. Здесь, в отличие от комнаты, все было в полном порядке. Полотенца лежали стопочкой, твердые, сухие губки были аккуратно разложены, а на коврик в центре ванной явно не ступали с тех самых пор, как служанка его постелила. Маленькое окошко было закрыто.

Маллет быстро все осмотрел. Затем, вернувшись в спальню, подошел к окну. Оно было приоткрыто, и на несколько секунд Маллет высунулся наружу. По всему второму этажу тянулась балюстрада в два фута высотой. Между ней и окном было достаточно места, чтобы там мог встать человек.

Увидев все, что хотел, Маллет повернулся к сержанту.

— Вы туда выглядывали? — спросил он Паркинсона.

— Нет, сэр. Когда я тут вчера все осматривал, там было темно.

— Посмотрите сейчас.

Сержант посмотрел.

— Ну что? — поинтересовался Маллет. — Что-нибудь заметили?

— Да, сэр.

— Что?

— Тело нашли не под этим окном, сэр, а чуть дальше справа.

— И о чем вам это говорит?

— Ну как же? О том, что юная леди, прежде чем упасть, прошла по балюстраде.

— Зачем?

— Разве лунатики не так себя ведут? Ходят по опасным местам, пока не оступятся? Я слышал, такое не раз случалось.

— Лунатики... Гм... Где же она уснула, сержант?

Паркинсон обернулся к кровати и покраснел.

— Наверное, на кресле, почему бы нет.

— Сидя на собственном белье? Ну что ж, ничего невозможного. Хотя тогда оно помялось бы гораздо сильнее. Но одну вещь вы не учли.

— Что именно, сэр?

— Если она, как вы думаете, гуляла во сне, почему, когда нашли тело, голова была завернута в полотенце?

— Боже мой, сэр! Почему я сразу не догадался! Конечно, это все объясняет! Она вовсе не упала во сне, это было самоубийство!

— Что-то я не понимаю.

— Как же, сэр, неужели вы не видите, какая тут психологика?

— Что-что?

— Психологика, сэр.

— Ах, психологика... Нет, боюсь, что не вижу.

— Ну, по-моему, все очень просто. Вот смотрите, сэр. Юная леди хочет покончить с собой и решает выброситься из окна. Но когда доходит до дела, выясняется, что ей не хватает духу. И что она делает? Она завязывает глаза полотенцем, чтобы не видеть, что ждет ее впереди, понимаете?

— Понимаю, сержант, понимаю.

— И дальше идет по балюстраде, пока не свалится. В некотором смысле застает себя врасплох. Правильно?

— Возможно, сержант. Кстати, под чьим окном все-таки нашли труп?

— Под окном спальни мистера и миссис Бранкастер. Это соседняя комната, сэр, между ними только ванны.

— Понятно. Ну, кажется, ничего нового мы тут уже не узнаем. Сейчас нам бы лучше спуститься и расспросить обитателей дома.

IV

Спустившись в гостиную, детективы застали Тедди Бранкастера за завтраком. Он успел переодеться в серый фланелевый костюм, подчеркивавший все достоинства его бесподобной фигуры.

— Я смотрю, вы совсем один, — сказал Маллет.

— Как видите, — утрюмо согласился американец.

— Миссис Бранкастер завтракает в постели?

— Вероятно. Сегодня утром я ее не видел.

— Как же так?

— Раз вам так интересно, вчера я спал у себя в гардеробной*. Если это вообще можно назвать сном, — горько добавил он.

— И когда вы в последний раз заходили к ней в спальню?

На лице Тедди отразилось удивление. Прежде чем ответить, он некоторое время подумал.

— Кажется, вчера перед ужином, — медленно произнес он.

— Разве вы туда не заходили, когда искали ее, вернувшись из бассейна?

— Заходил, конечно. Забыл. Но ее там не было.

— Боже мой, сэр! Почему я сразу не догадался!
Конечно, это все объясняет!

* Мужская гардеробная в английских домах обычно примыкает к супружеской спальне и считается личной комнатой мужчины (подробнее см. комментарий, стр. 604–605).

— А можете ли вы сказать, когда вы туда заглянули, окно было открыто или закрыто? — не унимался инспектор.

— Закрыто.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверен.

— Вы знаете, что мисс Фрейн нашли именно под этим окном?

— Неужели? — протянул Тедди. — Нет, я не знал.

— Мне пришло в голову, что она могла выпасть из этого окна, но раз вы говорите, что окно было закрыто, это невозможно, так?

— Похоже, что так.

— И вы по-прежнему уверены, что окно было закрыто?

— Да, сэр.

— А когда вы вчера поднялись наверх переодеться, вы ничего подозрительного не слышали?

— Я не поднимался. Гус разрешает мне переодеваться внизу, в гардеробной для верхней одежды. Я плаваю по десять раз на дню, и так удобнее.

— Спасибо. Это может оказаться важным. А теперь я вынужден спросить вас совсем о другом: говорят, прошлым вечером вы с женой из-за чего-то поссорились?

Тедди нахмурился.

— Да, — признался он.

— Ваши отношения нельзя называть безоблачными?

— Ну... вы, наверное, не в первый раз слышите, что семейная жизнь у кинозвезд складывается не очень гладко?

— Браки кинозвезд, мистер Бранкастер, нечасто длятся так долго, как ваш. Ну-ка дайте припомнить, вы женаты уже шесть лет, правильно?

— Похоже, вы очень много обо мне знаете, инспектор.

— Не забывайте, что я провел довольно тщательное расследование на студии и по необходимости ознакомился с жизнью практически каждого, кто с ней связан.

— Вы, англичане, вообще все делаете тщательно, — произнес Тедди с вялой улыбкой.

— Мы стараемся. Кстати, ваша американская полиция ненамного от нас отстает, когда мы нуждаемся в их помощи. Насколько я знаю, с тех пор как вы женились, ваше имя... скажем, связывали...

— Связывали — самое подходящее слово.

— ...С несколькими женщинами. Например, некая Роза Лейтон. С ней произошел несчастный случай, правильно, мистер Бранкастер?

— Да, она утонула во время прогулки на лодке.

— Потом была Китти Кардью.

— Да. Бедняжка погибла от передозировки веронала.

— Жена ревновала вас к этим женщинам?

— И к ним, и ко всем остальным. Да.

— И к мисс Фрейн тоже?

— И к ней, разумеется.

— Вам никогда не приходило в голову, что между всеми этими несчастными случаями может быть связь?

Тедди Бранкастер некоторое время сидел молча, глядя в свою тарелку. Наконец он процедил:

— До сих пор — никогда.

В комнату вошел Дик Бартрем. Тедди бросил ему "с добрым утром" и поднялся.

— Мне пора на площадку, — объявил он. — Господа, если я вам еще понадобится, вы знаете, где меня найти.

Тем временем Бартрем сел за стол и мрачно набросился на грейпфрут. Он предпочел не замечать присутствия посторонних, пока Маллет не заговорил с ним сам.

— Думаю, вы знаете, кто я такой? — спросил он.

— Конечно. Вы из Скотленд-Ярда, правильно? Как ваши дела на ступице?

— Неплохо. Но сегодня я пришел не за этим.

— Да?

— Я расследую обстоятельства гибели Камиллы Фрейн.

Дик с любопытством поднял глаза и оттолкнул от себя тарелку.

— Вы действительно думаете, — спросил он, — что в ее смерти есть что расследовать?

— Естественно, каждый случай внезапной смерти подлежит расследованию.

— Но вы считаете, что это дело... требует особого расследования?

— Я этого не исключаю.

— Тогда я постараюсь помочь вам всем, чем могу. Боюсь только, — добавил он, — что оторваться сейчас от завтрака — выше моих сил.

— Конечно, продолжайте... Должен заметить, ваш кофе пахнет просто необыкновенно.

— Гус заказывает его из Коста-Рики. Хотите чашечку?

— Ну раз вы так настаиваете... Спасибо... Действительно, замечательный кофе. Коста-Рика, говорите? Надо будет запомнить.

— Сержант, может, и вам налить?

— Спасибо, сэр, не надо, — добродетельно ответил Паркинсон. — Я пью только чай.

— А теперь, сэр, — продолжал Маллет, с довольным видом опустив чашку на стол, — я бы хотел задать вам несколько вопросов о том, где вы были прошлым вечером.

— Рассказывать тут особо нечего, инспектор.

— Чем вы занимались после того, как мисс Фрейн поднялась наверх?

— Я еще некоторое время сидел у бара в танцевальном зале, а потом вышел в холл.

— И?

— Там я оставался, пока Бранкастер не отправился плавать.

— Когда вы были в холле, вы не слышали, чтобы мистер Бранкастер разговаривал со своей женой?

— Да, слышал. Она говорила с ним и с мисс Фрейн.

— То есть голос мисс Фрейн вы тоже слышали?

— Да.

— Вы уверены?

— Никаких сомнений. Последние два-три месяца моя работа заключалась в том, чтобы каждый день снимать мисс Фрейн на пленку, и вряд ли я способен не узнать ее лицо, ее голос, ее духи, да что угодно, с ней связанное.

— Ясно. И что вы сделали потом?

— Как только Бранкастер вышел, я позвал Женевьеву. Она сразу же спустилась. Мы удалились в курительную рядом с холлом и там и оставались, пока Бранкастер не вернулся.

— И все это время вы находились в курительной?

— Да.

— И слышали бы любого, кто попытался бы подняться или спуститься по лестнице?

— Не уверен. Голос Тедди, когда он пришел, мы слышали, но он говорил довольно громко.

— А чем вы с миссис Бранкастер занимались в курительной? — внезапно спросил инспектор.

— Я пытался убедить Женевьеву бежать со мной, — без колебаний ответил Бартрем.

Паркинсон с ошеломленным видом присвистнул, но Маллет, ничуть не смутившись, продолжал:

— Успешно?

— Нет, — горько ответил Дик. — Что бы я ни говорил, она не соглашается оставить эту скотину, своего мужа. Я не понимаю женщин. Он отвратительно себя с ней ведет, пренебрегает ею ради какой-то глупой куклы, которая возомнила себя актрисой, потому что у нее смазливое личико...

Он резко замолчал.

— Простите, — промямлил он. — Я забыл... что она умерла. Нехорошо было о ней так говорить. Думаю, Камилла не понимала, что творит. Такая молоденькая, к тому же Бранкастер совсем вскружил ей голову. Но она разбила сердце женщины, которая стоит десятка таких, как она, и этого я никак не мог ей простить.

Они помолчали, и наконец инспектор жизнерадостно сказал:

— Подведем итоги, мистер Бартрем. Вы с миссис Бранкастер были наедине с момента, когда мисс Фрейн в последний раз видели живой, до того самого времени, когда обнаружилась ее пропажа.

— Да.

— И кроме миссис Бранкастер никто не может подтвердить... О, доброе утро, мистер Константинович.

В дверях возникло землистое лицо Гуса.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы хотели со мной поговорить, инспектор?

— Если можно. Но я могу подождать, пока вы позавтракаете.

— Я не завтракаю, — сообщил Гус, погладив себя по необъятному животу. — То ли дело в юности... Но нет, вот уже много лет, как я не завтракаю.

— Примите мои соболезнования. В таком случае...

— Пройдемте сюда.

Маллет и Паркинсон прошли вслед за ним в кабинет — небольшую комнатку, почти целиком занятую огромным столом времен Людовика XV, который был основательно захламлен бумагами. Сев за стол, Гус тяжело вздохнул.

— Ну и что же, инспектор, вы хотите мне сказать? — спросил он.

— Дело очень серьезное, — сообщил Маллет. — Растрачены гораздо большие деньги, чем мы предполагали. Все махинации обставлены чрезвычайно ловко, и следы замечены очень тщательно.

— А! Полагаю, это дело рук Снейда!

— Похоже, что так.

— И конечно, мы должны подать в суд. Но что хорошего нам это принесет? Все это как нельзя более не к стати, инспектор. Студия "Циклоп" окажется в очень щекотливом положении. Между нами говоря, очень щекотливом.

— Даже величайшая трагедия имеет свои светлые стороны, — согласился Гус.

— Вчера ваша компания понесла и другую потерю, — заметил Маллет.

— Бедняжка Камилла! Да-да, конечно! Талант, — напыщенно произнес он, — утрата которого стала тяжким ударом для британской киноиндустрии.

— Ваша компания застраховала ее жизнь? — резко спросил Маллет.

— Конечно. На срок контракта мы страхуем всех наших звезд.

— И каковы были условия контракта мисс Фрейн?

— Контракт на три года, триста фунтов в неделю*. Ее звезда только еще поднималась, — добавил он извиняющимся тоном, будто ему было стыдно за подобную нищенскую сумму.

— А страховка?

— На двадцать тысяч фунтов.

— Значит, с точки зрения компании, ее смерть принесла не одни только убытки, — заключил Маллет.

— Даже величайшая трагедия имеет свои светлые стороны, — согласился Гус.

— Чем вы занимались вчера вечером, — задал инспектор свой следующий вопрос, — с того момента, когда мисс Фрейн отправилась спать, и до того времени, когда вы поднялись наверх и обнаружили, что ее

комната пуста?

— Когда она ушла к себе, — ответил Гус, — я некоторое время оставался в

* Триста фунтов в неделю — баснословная сумма. Для примера, первый роман Сирила Хэйра принес ему (сравнительно скромный) гонорар в 30 фунтов.

танцевальном зале с гостями — теми, кто еще не разошелся. Но они, казалось, прекрасно проводили время и без моего участия, так что я удалился в этот кабинет, где и оставался почти до тех самых пор, когда мистер Бранкастер вернулся из бассейна. Мне нужно было изучить кое-какие отчеты.

— Отчеты об “Эми Робсарт”?

— Да. Секретарь принес их мне чуть раньше вечером.

— Они оказались не очень-то удовлетворительными, верно?

Гус пренебрежительно отмахнулся.

— Объем заказов меня разочаровал, — признался он.

— Однако трагическая гибель мисс Фрейн, несомненно, поспособствует успеху фильма.

— Да, несомненно, сенсация пойдет нам на пользу.

— Спасибо, мистер Константинович. Думаю, это все, что я хотел узнать.

Маллет и Паркинсон вышли.

— Вы большой мастак выуживать из них информацию, — восхищенно заявил Паркинсон. — Теперь, конечно, настал черед миссис Бранкастер?

— Миссис Бранкастер? Нет, я пока не вижу причины ее беспокоить. Пожалуй, пойду прогуляюсь по саду. Я его толком и посмотреть не успел.

— Прогуляетесь по саду, сэр? Ах да... просто... прогуляетесь по саду. Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Вряд ли вам стоит утруждаться. У вас, конечно, более чем достаточно других дел.

— Честно говоря, да, сэр. Всего доброго, сэр!

Сержант отправился восвояси, а Маллет в полном одиночестве вышел в освещенный солнцем сад.

Здесь был истинный рай для садовника. На восемьдесят ярдов от террасы простирался ухоженный газон, широкий и зеленый, главная достопримечательность сада. По бокам газон обрамляли аляповатые клумбы с цветущими фуксиями и львиным зевом, в дальнем конце стояли литые статуэтки, призванные создать атмосферу старой доброй Англии, каковая атмосфера немедленно бросалась в глаза. Справа виднелись безыскусные солнечные часы, служившие центральным элементом невыразительного розария, отделенного от газона дорожкой, которая вела к бассейну.

По ней и направился Маллет. Дорожка привела его к небольшой, засаженной кустами аллее, где этим утром и скрылся Тедди Бранкастер. Здесь дорожка резко пошла вниз, бестолково поблуждала из стороны в сторону и внезапно уперлась в бассейн.

Он был небольшой — примерно пятьдесят футов в длину и двадцать в ширину, но хорошо оснащенный, с вышкой, трамплином и обычным спуском в воду. Они были расположены с глубокого конца бассейна, куда и вышел Маллет. Инспектор встал одной ногой на трамплин и задумчиво взгляделся в чистую воду, сквозь сверкающую рябь которой виднелось выложенное белой и голубой плиткой дно. Подняв глаза, Маллет увидел на противоположном конце бассейна мужчину, занятого, очевидно, тем же, что и он. По одежде было понятно, что

это садовник, а по выражению лица — что работать ему не хочется. Маллет подошел поближе:

— Доброе утро.

Вместо приветствия садовник шмыгнул носом и подозрительно на него уставился.

— Неплохой у вас тут бассейн, — добродушно продолжал Маллет.

— Еще бы он был плохой, когда в него такие деньжищи вбухивают, — услышал инспектор в ответ.

— О! Дорого обходится?

— Целое состояние, чтобы соорудить, и еще одно, чтобы все это работало. Деньги, мол, не проблема! Нет чтобы мне на мои теплицы что-нибудь подкинуть! Опоры для горошка не могу попросить, чтобы на меня небеса не разверзлись! Нет, тут всегда одно и то же! “Дженкинс, мне это не по карману!” “Дженкинс, сад обходится мне слишком дорого!” Зато вот любимый бассейн его величества — ну, это совсем другая история!

Он с отвращением плюнул в воду. Реакция Маллета, видимо, отразилась на его лице, потому что садовник поспешил добавить:

— Да не бойтесь! Я сейчас буду воду менять.

— Не похоже, чтобы это было так нужно.

— Нужно? Конечно, никому это не нужно. И все равно. Два раза в неделю, пока его величество пребывает здесь, бассейн полагается чистить. Хорошенькая работенка для англичанина, а? Драить ванну для кучки иностранных актеришек! Вода-то покупная, между прочим! Потеря денег и потеря времени, вот как это называется.

— И много времени это занимает?

— Два часа — чтобы слить воду, четыре часа — чтобы набрать. И пока еще всю плитку протрешь.

— А как сливается вода?

— Вот смотрите. Прямо рядом с вами видите краник? Поворачиваете его — вода и вытекает. А чтобы наполнить, надо вон тот повернуть. Вот и вся премудрость.

— Большое спасибо. Может быть, вы сможете мне помочь. Наверное, сначала я должен представиться...

Разговор Маллета с садовником продолжался добрую четверть часа. Затем инспектор удалился, оставив садовника мрачно наблюдать за тем, как убывает вода, явно преисполненного решимости не делать ничего, пока бассейн не опустеет.

Вернувшись в дом, Маллет прямиком направился в кабинет. Гус говорил по телефону. Положив трубку, он повернулся к Маллету, и лицо его было гораздо более жизнерадостным, чем за час до того.

— Вы оказались совершенно правы, инспектор, — сообщил он. — Это происшествие... наша невосполнимая утрата стала огромной сенсацией. Гораздо большей, чем я предполагал, а уж я-то в сенсациях разбираюсь. Я уже дал три телефонных интервью прессе. Надо думать, теперь прокатчики поменяют свое первое впечатление от “Эми Робсарт”. Я же говорил, что во всем есть своя светлая сторона! — добавил он.

— Говорили, — признал инспектор. — А теперь, мистер Константинович, у меня к вам одна просьба. Я уйду и вернусь сюда вечером. Можно ли сделать так, чтобы собрались все, кто ночевал здесь вчера?

— Это можно устроить, инспектор. К какому времени?

— Я приду к десяти.

— Замечательно. Алло? Да? Мистер Константинович слушает... Конечно, у меня найдется, что сказать вашим читателям. Трагическая гибель пленительной юной звезды, только вознесшейся на самый пик своей славы, снявшись в картине, которую критики единогласно признают...

Маллет оставил Гуса наедине с телефоном и вернулся в полицейский участок. Его восторженно поприветствовал сержант Паркинсон.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

— Да, — ответил Маллет. — Вы можете мне сказать, где находится контора местной водопроводной компании.

На лице Паркинсона проступило разочарование.

— Я сам вас отведу, — ответил он. — Но я имел в виду... я надеялся... видите ли, я думал, вы захотите, чтобы я что-нибудь сделал, понимаете?

— Мне ничего не нужно. По крайней мере, не сейчас. Но я бы очень хотел, чтобы сегодня в десять часов вечера вы пришли к дому мистера Константиновича. Возможно, тогда нам найдется что сделать.

Не удостоив сержанта объяснением, Маллет распрощался с ним на пороге водопроводной компании. Здесь он расспросил толкового молодого инженера. Инженер встретил Маллета с недоверием и в начале беседы откровенно скучал, но чем дальше, тем больше разгорался его интерес, и в конце концов он охотно взялся за дело.

V

Компанию, собравшуюся в танцевальном зале после ужина, прошедшего почти в полном молчании, веселой назвать было нельзя. Гус, который, в отличие от остальных, сохранял спокойствие, предложил партию в покер. Он всегда был хорошим игроком, и в этот раз никто не мог с ним тягаться. Женевьева казалась вялой и погруженной в собственные мысли, Дик нервничал, Тедди злился на свои карты, на всех собравшихся и на самого себя. Все, за исключением Гуса, существенно облегчившего к тому моменту карманы гостей, были только рады, когда с десятым ударом часов объявили приход Маллета.

— Я думаю, вы всех уже знаете, — сказал Гус, — кроме миссис Бранкстер.

Маллет поклонился даме. Она безжизненно кивнула ему и отвернулась. Инспектор встал в центре зала и откашлялся.

— Как вам уже известно, — сказал он, — я расследую обстоятельства смерти мисс Камиллы Фрейн. Нам, конечно, придется провести дознание, и все, кто находился в доме во время этого события, будут важными свидетелями. По некоторым причинам, распространяться о которых я пока не могу, мне необходимо знать все о ваших перемещениях с того момента, как мисс Фрейн покинула зал, и до тех пор, как ее нашли за домом.

— Но мы ведь все уже рассказали, — возразил Дик.

— Согласен. Но некоторые детали мне бы хотелось прояснить, и, думаю, лучший способ это сделать — воссо-

здать события прошлого вечера. По крайней мере то, что происходило с каждым из вас. Я хочу, чтобы вы в точности повторили все, что делали вчера вечером. Согласны?

Все невнятно пробормотали что-то утвердительное.

— Вот и прекрасно. Начнем с того момента, как мистер Константинович просит миссис Бранкастер препроводить мисс Фрейн в постель. Где вы стояли?

— Здесь, — ответил Гус.

— Замечательно. Миссис Бранкастер, пожалуйста, тоже встаньте там. Вы были с ними, мистер Бранкастер? Тогда тоже, пожалуйста. А где были вы, мистер Бартрем?

— У бара на той стороне зала.

— Тогда, будьте любезны, отойдите туда. Итак, миссис Бранкастер, что вы сделали?

— Я ушла из комнаты с Камиллой, *вот так*.

— Вы отправились следом, мистер Бранкастер?

— Не сразу.

Маллет прошествовал за Женеьевой до двери в холл. Она поднялась по лестнице и встала у входа в комнату Камиллы.

— Я вошла внутрь ненадолго, чтобы поговорить, — объяснила она.

— Тогда войдите туда, — сказал ей Маллет из холла.

— Войти? Туда? Я не могу... я не буду. Там нехорошо.

Маллет пожал плечами.

— Ну ладно, — разрешил он. — Пойдите у двери, пока не настанет пора выходить. Теперь мистер Бранкастер.

Из танцевального зала появился Тедди.

— Я вышел в нижнюю гардеробную, чтобы переодеться в плавки, — сообщил он.

— Значит, идите туда.

— И переодеться?

— Разумеется. Я хочу понять, сколько времени это у вас займет.

— Можно переодеться в любые плавки или обязательно в те же самые? — съязвил Тедди.

— Это не важно. Кто следующий?

— Я вышел из зала сразу за Бранкастером, — сказал Дик на ходу, — и сел в холле, *вот здесь*.

Сверху раздался голос Женеьевы:

— Теперь я выхожу из этой комнаты и иду в свою.

— Прекрасно, миссис Бранкастер.

Гус прошел через весь зал.

— Я иду в кабинет поработать с бумагами, — сообщил он.

Наступила пауза, во время которой никто не двигался. Маллет взбежал по лестнице, оглядел холл сверху и снова спустился. Вошел Тедди в плавках.

— Вот и я, Шерлок, — объявил он. — Куда мне теперь?

— Туда же, куда вы пошли прошлой ночью.

Тедди вошел в танцевальный зал, но тут же вышел.

— Я ищу мою жену, — объяснил он.

— Он зовет, и я выхожу сюда, — донесся сверху голос Женеьевы. — Потом Камилла открывает дверь, и я захопываю ее обратно, *вот так*.

— Я отправляюсь плавать, — сказал Тедди, снова выходя в танцевальный зал.

— Пойдите минутку, мистер Бранкастер. Что делаете вы, мистер Бартрем?

— Эй, что все это значит? — вскричал Тедди.

— Зову миссис Бранкастер.

— Не поднимаясь?

— Да.

— Тогда спуститесь пожалуйста, миссис Бранкастер.

Женевьева спустилась.

— Теперь мы идем в курительную, — сказала она.

Проследив за их маневром, Маллет вернулся в танцевальный зал, где его ждал Тедди.

— Что дальше? — спросил тот.

— Куда вы пошли?

— Туда, — сказал он, махнув в сторону французских окон.

— Тогда идемте.

Маллет прошествовал за ним в сад. Светила луна, и было прекрасно видно все вокруг.

— Вчера, конечно, было хоть глаз выколи, — сообщил Тедди.

— Но вы хорошо знали, куда идти?

— Да-да. Надо просто не сходить с дорожки. Здесь она уже не петляет.

— Ну идемте.

Тедди пожал плечами, и они пошли дальше. Дойдя до зарослей кустарника, он остановился.

— Вот и все, — сказал он. — Отсюда я разбежался и нырнул.

— Ну что ж, бегите, — дружелюбно сказал инспектор.

Они поравнялись с краем бассейна.

— Ныряйте, — предложил Маллет.

— Эй, что все это значит? — вскричал Тедди.

Перед ними в лунном свете сверкал чистотой совершенно пустой бассейн.

— Ныряли ли вы вчера вечером? — спросил Маллет совсем другим,

страшным голосом. — Или в него нырнул кто-то другой, кто не знал, кто не мог видеть, что ныряет в пустой бассейн?

Позади них из тени неслышно появился сержант Паркинсон и встал у плеча Бранкастера.

— Вы знали, что бассейн пуст, — продолжал Маллет. — Вы сами слили воду. Вы хотели заманить сюда свою жену, чтобы в темноте она разбилась. Вы ждали здесь и видели, как она нырнула навстречу своей смерти. По крайней мере, вам показалось, что это была она. Спустившись вниз, вы обернули ее голову полотенцем, чтобы капли крови не выдали вас, и перенесли тело под окно жены, перед уходом повернув кран, чтобы бассейн снова на-

полнился. Затем вы вошли в дом и начали расспрашивать, где Женестьева. Лишь когда вы нашли ее, вам открылась правда: что к бассейну за вами пошла не она, а Камилла Фрейн, что вы убили женщину, ради которой хотели убить жену. Разве не так?

Тедди дышал прерывисто, его трясло.

— Да-да, это так, — забормотал он. — Все так, все так. Я ее убил... Я убил ее! Единственную девушку, которую я любил! Я убил ее! Пустите меня!

Не успел Маллет опустить руку ему на плечо, как Тедди резко развернулся, отбросил его мощным ударом, сшиб с ног Паркинсона и бросился к трамплину. Одним скачком он опустился всей своей тяжестью на конец доски и взмыл в небо. Описав идеальную дугу, его загорелое тело сверкнуло в лунном свете, и в то же мгновение его голова разбилась о кафельное дно.

Э. К. Бентли

1875–1956

Перевод и вступление Екатерины Кузнецовой

ЭДМУНД Клерихью Бентли, как и Филипп Трент, его герой, был человеком удивительно разносторонним: выпускник Оксфорда, юрист, историк, преуспевающий журналист, автор романа, положившего, по мнению современников, начало Золотому веку британского детектива, изобретатель нового поэтического жанра. Кроме того, современники отмечали его необычайную сдержанность и столь же необычайное — а для многих и неожиданное — чувство юмора.

Бентли родился в Лондоне в 1875 году. В 1887 году поступил в известную лондонскую школу Святого Павла, где познакомился и на всю жизнь подружился с Г. К. Честертоном. В школе же он сочинил первые биографические четверостишия, назвав их *клерихью* — по своему второму имени. Самое раннее из этих четверостиший, согласно легенде и свидетельству Честертона, было создано на уроке химии. Честертон иллюстрировал и первый сборник клерихью, изданный в 1905 году. Подобные сборники издавались и позже, в том числе с рисунками младшего сына Э. К. Бентли — Николаса, известного иллюстратора, тоже писавшего детективы*. Жанр клерихью прижился в английской поэзии наряду с лимериком.

В девятнадцать лет Бентли поступил в Оксфорд, в Мертон-колледж, где изучал древнюю историю, а попутно выступал в Оксфордском союзе (универ-

* Его рассказ "Бдительный ювелир" включен в настоящую антологию.

E. C. BENTLEY

ситетском клубе дебатов) и участвовал в соревнованиях по гребле. И в дискуссиях и в гребле он добился больших успехов: стал президентом Оксфордского союза и капитаном своей команды. С учебой оказалось сложнее: вопреки своим надеждам, Бентли не получил высшей степени отличия на выпускном экзамене. Окончив Оксфорд в 1898 году, он сразу же уехал в Лондон учиться на адвоката, а выучившись, занялся журналистикой, сначала в “Дейли ньюс”, затем, с 1912 года, в “Дейли телеграф”, где в течение многих лет писал переводы. Там же работал другой популярный автор детективов — Г. К. Бейли.

В 1913 году увидел свет роман “Последнее дело Трента” (в Америке он был издан под названием “Леди в черном”). Этот роман Агата Кристи называла “одним из трех лучших в мире детективов”, и, как подчеркивала Дороти Сэйерс, он во многом повлиял на последующую историю жанра. Сам Бентли объяснял (уже гораздо позже), что дело тут в типе героя. По собственному признанию, создавая Филиппа Трента, он “стремился уйти как можно дальше от шерлок-холмсовской традиции”. Вплоть до мелочей: Холмс ощущает себя в своем деле экспертом — Трент себя экспертом не считает, Холмс относится к полицейским свысока — Трент их искренне уважает, Холмс не читает книг — Трент в романе то и дело сыплет цитатами. Интересно, что первый роман был посвящен “последнему делу” героя: по словам Бентли, сочинить детектив оказалось непросто — и он решил, что зарабатывать на жизнь да и занимать свое свободное время лучше другими способами. Тем не менее в дальнейшем Бентли написал о Тренте еще один роман (совместно с Г. Уорнером Алленом) и серию рассказов.

В 1930 году, когда был основан Детективный клуб, Бентли стал одним из его первых членов. Он же был вторым по счету (после Честертона) президентом клуба, с 1936 по 1949 год. В 1949 году этот пост заняла Дороти Сэйерс.

© E.C. Bentley. Reproduced by permission of Curtis Brown, London, on behalf of the Estate of E.C. Bentley

© Е. Кузнецова, перевод на русский язык и вступление, 2011

РАССКАЗ “НАСТОЯЩИЙ ТАВАР” ВПЕРВЫЕ БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН В 1938 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ “СТРЭНД”.

THE GENUINE ≡ TABARD ≡

//////////////// THE STRAND MAGAZINE, 1938. //////////////////

Э. К. БЕНТЛИ

Настоящий табар

Супругами Лэнгли, впервые приехавшими в Европу, Филипп Трент познакомился совершенно случайно. На обеде у военно-морского атташе Соединенных Штатов, еще за коктейлями, внимание Трента привлек Джордж Д. Лэнгли, самый представительный мужчина в комнате: высокий, крепкого сложения, румяный, бодрый для своих лет, с крупными чертами лица и благородной сединой.

Они обсудили Тауэр, ресторан "Чеширский сыр"*, зоопарк — все места, где супруги побывали в тот день. Атташе рассказал Тренту, что Лэнгли его родственник и сделал себе состояние на производстве чертежного оборудования. Он известный человек в Кордове, штат Огайо, где находится

* "Чеширский сыр" — один из старейших в Лондоне пабов, восходит к XVI веку. В 1666 г. сгорел во время Великого лондонского пожара и был отстроен заново. Этот паб посещали многие писатели, в том числе Ч. Диккенс, А. Теннисон, А. Конан Дойл.

РАССКАЗ "АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ" ВПЕРВЫЕ БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН В 1938 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ "СТРЭНД".

**THE MINISTERING
≡ ANGEL ≡**

//////////////// THE STRAND MAGAZINE, 1938. //////////////////

штаб-квартира его предприятия, а его жена в девичестве была Шуйлер. Кто такие Шуйлеры, Трент не знал, но догадался, что на них стоит жениться.

В чем он и убедился, оказавшись за столом рядом с миссис Лэнгли.

Миссис Лэнгли всегда полагала, что интереснее всего говорить о ее собственных делах, а поскольку собеседницей она была живой и остроумной (обладая притом редкой красотой и добрым сердцем), то обычно оказывалась права. Она сообщила Тренту, что без ума от старых церквей — уже не помнит, сколько их посетила и сфотографировала во Франции, в Германии и в Англии. Трент, любивший витражи тринадцатого века, упомянул Шартр, и миссис Лэнгли согласилась, что красота этого собора описаниям не поддается. Он спросил, не была ли она в Фэйрфорде*, в графстве Глостершир. Как же, была. Лучший день за все их пребывание в Европе, заявила она с воодушевлением. Не только из-за церкви (хотя и церковь бесподобна) — главное, что там они нашли настоящее сокровище.

Трент попросил рассказать поподробнее. Это целая история, отозвалась миссис Лэнгли. Мистер Гиффорд отвез их в Фэйрфорд на своей машине. Знает ли мистер Трент мистера Гиффорда — У. Н. Гиффорд, живет в гостинице “Суффолк”? Сейчас он в Париже. Тренту обязательно нужно с ним познакомиться — он знает все

про витражи, про орнаменты, про бронзу и прочие древности. Они познакомились с мистером Гиффордом, когда он зарисовывал ажурные окна Вестминстерского аббатства, и стали большими друзьями. Он их повозил по разным местам в окрестностях Лондона. И конечно, он знает все про Фэйрфорд; это была чудесная поездка.

Они уже возвращались в Лондон и проехали Абингдон, когда мистер Гиффорд сказал, что пора выпить кофе. Он всегда его пьет в пять часов, сам варит (притом отлично) и берет с собой в термосе, если куда-то едет. Они сбавили скорость, высматривая, где бы остановиться, и тут миссис Лэнгли заметила на повороте указатель, что-то там и Эпископи. “Эпископи” — значит епископы, а значит — церкви, и, заинтересовавшись, она попросила мистера Гиффорда остановить машину. На облезлом указателе значилось: “Силькот-Эпископи, ½ мили”.

Мистер Трент о таком слышал? Вот и мистер Гиффорд не слышал. Но одно название чего стоит. Там наверняка есть церковь — и старая! — и вообще, ей для коллекции необходим “Силькот-Эпископи”. И она спросила мистера Гиффорда, нельзя ли туда заехать, ведь это совсем недалеко: сделать пару снимков и там же выпить кофе.

Они нашли церковь и при ней дом священника, а неподалеку виднелась деревня. Перед церковью располагалось кладбище, проходя через которое они заметили могильную плиту. Да, не памятник, а именно плоскую плиту, но на возвышении, обнесенную высокой оградой. Плита привлекла их внимание потому, что ка-

* Церковь Святой Марии в Фэйрфорде датируется 1497 г. и знаменита своими витражными окнами — это единственная в стране церковь, где полностью сохранились все позднесредневековые витражи.

мень, несмотря на свою древность, был в хорошем состоянии — ни грязи, ни мха, так что можно разобрать надпись, и трава вокруг аккуратно подстрижена. Они прочли эпитафию сэру Роуленду Вери, и миссис Лэнгли даже вскрикнула от радости — честное слово!

Какой-то человек подстригал живую изгородь вокруг кладбища и, когда миссис Лэнгли вскрикнула, посмотрел на них, как ей показалось, с подозрением. Миссис Лэнгли решила, что это церковный сторож, и, пустив в ход все свое обаяние, поинтересовалась, можно ли сфотографировать надпись. Можно или нет, сторож не знал — вообще, надо бы спросить vikария, это ведь, так сказать, его могила. Ну то есть могила его предка, а он за ней ухаживает. А сейчас, наверное, он в церкви — если они к викарию, — да, наверняка в церкви.

Мистер Гиффорд сказал, что церковь они в любом случае собирались осмотреть, вероятно, она того стоит. При этом он заметил, что здание не очень старинное — середина семнадцатого века, не раньше (совсем еще церквенок — задорно пояснила миссис Лэнгли). И еще мистер Гиффорд сказал, что, судя по названию, здесь когда-то была другая церковь — потом она, вероятно, сгорела или разрушилась, и построили эту. Ну так вот, они вошли в церковь, и мистер Гиффорд был немедленно ею очарован. Он отметил, что и кафедра, и крестная перегородка, и скамьи, и витражи, и хоры в западной галерее — все принадлежит одному периоду. Миссис Лэнгли принялась фотографировать, и тут из ризницы вышел чело-

век — приятный на вид, средних лет, в священническом облачении и с большой книгой под мышкой.

Мистер Гиффорд объяснил, что они заехали сюда случайно. Им так понравилась церковь, что они решили осмотреть ее изнутри. Не мог бы vikарий рассказать что-нибудь о тех геральдических витражах в окнах нефа? Викарий мог и рассказал, но миссис Лэнгли не интересовали истории знаменитых семейств — кроме семейной истории самого vikария. И потому она вскоре заговорила о надгробии.

Викарий, улыбаясь, сообщил, что и сам носит имя Вери и почитает своим долгом заботиться о могиле единственного из Вери, кто похоронен в этих краях. Он добавил также, что получил этот приход по наследству и что за последние двести лет в Силькот-Эпископи было три vikария из их рода (он третий). Что касается надписи, миссис Лэнгли конечно же может ее сфотографировать. Только вот он не уверен, получится ли на ручную фотокамеру сделать хороший снимок, тем более что снимать придется через ограду — миссис Лэнгли нашла эти опасения более чем справедливыми. Затем vikарий спросил, не удовлетворит ли ее копия надписи, которую он готов сделать, если они зайдут к нему в дом и немного подождут. А жена тем временем напоят их чаем... Мистер Трент может вообразить, как они обрадовались.

— Но что же в этой эпитафии так восхитило вас, миссис Лэнгли? — спросил Трент. — Пока я понял только, что она посвящена некоему сэру Роуленду Вери...

— Я как раз собиралась вам показать, — отвечала миссис Лэнгли, открывая сумочку. — Может быть, вы и не найдете ее настолько ценной... Я заказала много копий, разослать друзьям в Америке.

Она развернула небольшой листок с машинописным текстом, и Трент прочел:

*Здесь покоится прах
генерал-лейтенанта
сэра Роуленда Эдмунда Вери,
герольдмейстера наибогороднейшего
ордена Подвязки*, джентльмена-
пристава Черного жезла**
и хранителя Большой сумы***.*

*Он покинул этот мир
2 мая 1795 года на 73-м году жизни,
уповая обрести спасение души
через милосердие Искупителя.*

*Также и Лавинии Пруденс,
супруги вышеназванного, отошедшей
к Господу 12 марта 1799 года
на 68-м году земной жизни.
Она отличалась редким благоразумием,
благородством поведения,
бережливостью в хозяйстве
и прочими добродетелями.
Се врата Господни;
праведные войдут в них.*

— Вам попался превосходный образчик этого стиля, — заметил Трент. — Сейчас,

* Герольдмейстер наибогороднейшего ордена Подвязки (Garter Principal King of Arms) — первый герольдмейстер Англии, старший герольд Геральдической палаты. Один из высших чинов ордена Подвязки; участвует в важнейших государственных церемониях. Об ордене Подвязки см. подробнее в глоссарии (13).

** Пристав Черного жезла (Gentleman Usher of the Black Rod) — древняя церемониальная должность в ордене Подвязки. Подробнее см. глоссарий (14).

*** Хранитель Большой сумы (Clerk of the Hanaper) — должность в Канцлерском суде Великобритании; состоит в сборе денег, причитающихся Короне за выдачу жалованных грамот, проставлении королевской печати, издании указов и т. д.

Миссис Лэнгли принялась фотографировать, и тут из ризницы вышел человек — приятный на вид, средних лет, в священническом облачении и с большой книгой под мышкой.

как правило, ограничиваются пожеланием вечной памяти и самыми общими сведениями о покойном. Что же до титулов, неудивительно, что вас они очаровали. В них слышится пенье труб — а заодно, пожалуй, и легкий перезвон монет. По всей видимости, пристав Черного жезла — завидная должность в те времена, и хотя я не помню, о какой Большой суме идет

речь, я уверен, что ее хранитель имел дело с большими суммами.

Миссис Лэнгли убрала свое сокровище и ласково погладила сумочку.

— Мистер Гиффорд сказал, что смотритель отвечал за сбор каких-то государственных пошлин. Он получал за это семь или восемь тысяч фунтов в год и двести или триста фунтов отдавал тому, кто занимался

непосредственно сбором. Вот, а дом у викария оказался замечательный — старый, уютный, такой обжитой. На стене висело длинное весло, я спросила, откуда оно, и викарий сказал, что выступал за колледж Олл-Соулз в оксфордской гребной регате. И жена у него чудесная. Но вот что самое интересное! Пока хозяйка разливала чай, викарий переписывал для меня эпитафию и рассказывал о своем предке. И он сказал, что когда сэра Роулленда назначили герольдмейстером, первое, что ему довелось сделать в этой должности, — провозгласить Версальский мир. Да, со ступеней Сент-Джеймского дворца, вы только представьте себе, мистер Трент!

Трент с сомнением поглядел на нее:

— Значит, у них уже тогда был Версальский мир.

— Конечно был, — язвительно отозвалась миссис Лэнгли. — И притом очень важный мир. Не знаю, как у вас, а в Америке о нем помнят*. Это был первый в истории договор, который подписали Соединенные Штаты. Британское правительство поджало хвост, прекратило войну и признало нашу независимость. Так вот, когда викарий сказал, что его предок оглашал этот договор, я заметила, что Джордж наострил уши. Это и неудивительно.

* Удивление Трента вызвано тем, что под "Версальским миром" англичанин первым делом понимает Версальский мирный договор 1919 г., завершивший Первую мировую войну. В американской же истории гораздо большее значение имеет Версальский, или иначе Парижский, мирный договор 1783 г., официально завершивший Войну за независимость США и признавший США самостоятельной державой. Поэтому его-то и помнит миссис Лэнгли.

Дело в том, что Джордж собирает всякие вещицы, связанные с Войной за независимость, и, скажу вам, у него неплохая коллекция. Он начал расспрашивать викария, и тут хозяйка принесла показать табар** герольдмейстера. Вы же знаете, что такое табар, мистер Трент, — такой прелестный плащик. Я в этот табар влюбилась с первого взгляда, а Джордж его просто глазами пожирал. Красный атлас дивного оттенка, и королевский герб вышит так ярко — золотым, алым, голубым, серебряным, это не часто увидишь.

Потом Джордж стал о чем-то говорить в уголке с мистером Гиффордом — мистер Гиффорд все поджимал губы и качал головой, но Джордж только выпячивал подбородок, — и когда хозяйка показывала нам сад, он отвел викария в сторону и взял его в оборот.

Викарию это совсем не понравилось, так Джордж говорит. Но Джордж умеет добиться своего, и хозяин был вынужден признать, что предложение заманчивое, тем более что и сыновья подрастают, и подходящий налог взлетел до небес, да тут еще налог на наследство... В конце концов он согласился. Не буду говорить, во сколько это обошлось Джорджу — я обещала ему молчать, мистер Трент, — но, по его словам, в делах такого рода скупиться нельзя, да викарий и не стал бы торговаться. В любом случае Джордж получал уникальный экспонат, на зависть другим коллекционерам, и для него игра стоила свеч. Он сказал, что зайдет за

** См. глоссарий (15).

табаром на следующий день и тогда же занесет наличные, а викарий согласился, и пригласил нас всех на ленч, и пообещал к тому времени подготовить документ с историей плаща и заверить его собственноручно. Так все и вышло, и теперь табар хранится у нас в номере под замком, а Джордж любит его им утром и вечером и все не может налюбоваться.

Трент искренне признался, что в жизни не слышал более увлекательного рассказа.

— Как вы думаете, ваш супруг позволит мне взглянуть на этот плащ? — спросил он. — Я не знаток древностей, но геральдикой интересуюсь, а табары видел только современные.

— Ну конечно же, — отвечала миссис Лэнгли. — Вы только после обеда договоритесь с мужем о времени. Джордж будет счастлив. Он не из тех, кто зарывает свой табар в землю.

На следующий день в гостиной у Лэнгли Трент пристально разглядывал вынутый из шкафа табар, владелец же сокровища наблюдал за гостем с гордостью и с некоторым беспокойством.

— Ну что, мистер Трент? — сказал он. — Как он вам? Вы ведь, я думаю, не сомневаетесь, что это настоящий табар?

Трент потер подбородок.

— Да, — сказал он, — и в самом деле табар. Я и раньше видел несколько, а один так даже рисовал, прямо на человеке, когда герольд Ричмондский заказал свой портрет в полном облачении. Да, табар настоящий. Редкая вещь. Насколько я помню, до недавнего времени табар был собственностью герольда и после его смерти

хранился в семье или, если семья нуждалась, продавался частным лицам, вот как вам, например. Теперь, как рассказал мне герольд Ричмондский, все иначе: со смертью владельца табар возвращают в геральдическую палату.

Лэнгли облегченно вздохнул:

— Рад слышать, что мой табар настоящий. А то когда вы попросили на него посмотреть, мне показалось, что вы в этом сомневаетесь.

Миссис Лэнгли, не сводя глаз с Трента, покачала головой:

— Мне кажется, Джордж, он и теперь сомневается. Ведь так, мистер Трент?

— Да, так. Мне очень жаль. Понимаете, этот табар вам продали как музейную редкость, со своей историей, но когда миссис Лэнгли его описала, я понял, что вас обманули. Дело тут в гербе — миссис Лэнгли не заметила в нем ничего странного. Я хотел только удостовериться. Нет, этот табар не мог принадлежать герольдмейстеру ордена Подвязки в 1783 году.

Лицо мистера Лэнгли вмиг утратило добродушие и заметно побагровело.

— Если вы правы, мистер Трент, и если этот негодяй меня надул, уж я его засажу за решетку. Но, честное слово, не верится: проповедник как-никак, из почтенной семьи, и живет в таком милом месте, и о пастве своей печется... Вы уверены, что не ошиблись?

— По крайней мере, герб на табаре не тот.

Миссис Лэнгли вскрикнула:

— Да что вы такое говорите, мистер Трент? Мы видели ваш королевский герб, и не раз. Он такой и есть. И во-

обще, вы же сказали, что табар настоящий. Ничего не понимаю.

— Я должен перед вами извиниться, — грустно сказал Трент, — за наш герб. Видите ли, он менялся. В четырнадцатом веке Эдуард Третий претендовал на французский престол, и чтобы убедить его потомков, что претензии эти вздорны, потребовалось сто лет войны. Но и тогда они не перестали изображать на гербе французские лилии, вплоть до начала девятнадцатого века.

— Боже правый! — слабо проговорила миссис Лэнгли.

— Кроме того, все Георги до Четвертого включительно, а также Вильгельм Шестой были королями Ганновера — и так до королевы Виктории: она, как женщина, не могла наследовать ганноверский престол. А до тех пор в наш герб втискивали еще и герб Брауншвейгского дома. По сути дела, когда герольдмейстер ордена Подвязки оглашал договор с Соединенными Штатами, его табар украшала настоящая мешанина: английские леопарды, ирландская арфа, французские лилии, шотландский лев, еще несколько львов, уже ганноверских, белый конь и сердца — тоже ганноверские эмблемы. Как это все уместить на одном гербе, ума не приложу, но они как-то умещали*. А вашему табару далеко до таких ужасов, вы и сами видите. Это викторианский табар — достойно, со вкусом — незаменимая вещь в гардеробе порядочного герольда.

Лэнгли стукнул кулаком по столу:

* Как они все это умещали, можно увидеть в глоссарии (16).

— Ну а в моем гардеробе ему не место — лишь бы деньги вернуть.

— Можно попробовать, — сказал Трент, — вдруг получится. На самом деле, мистер Лэнгли, я попросил посмотреть плащ, чтобы уберечь вас от щекотливого положения. Представляете, вы бы привезли это сокровище домой, и всем бы его показывали, и рассказывали бы его историю, так что о нем бы напечатали в газетах. А потом бы кто-нибудь взялся устанавливать его подлинность, обнаружил бы то, о чем я вам сейчас сообщил, и заявил бы об этом публично... Боюсь, вам было бы не слишком приятно.

Лэнгли снова вспыхнул и многозначительно переглянулся с женой.

— Черт возьми, вы правы. И я даже знаю, кто рад будет выставить меня дураком. Есть один такой, как же. Да по мне, лучше сто раз без денег остаться, чем до этого дойти. Я вам очень благодарен, мистер Трент, честное слово. Сказать по правде, мы в Америке дорожим своей репутацией и рассчитывали ее упрочить этим треклятым плащиком. Черт! Подумать только — впрочем, думать надо не о том. Сейчас нужно добаться до этого жулика и выпотрошить его хорошенько. Уж деньги-то свои я из него вытрясу...

Трент покачал головой:

— А я настроен не столь оптимистически, мистер Лэнгли. Но как вы смотрите на то, чтобы поехать завтра к этому викарию со мной и одним моим другом? Он интересуется такими делами и поможет, если тут можно помочь.

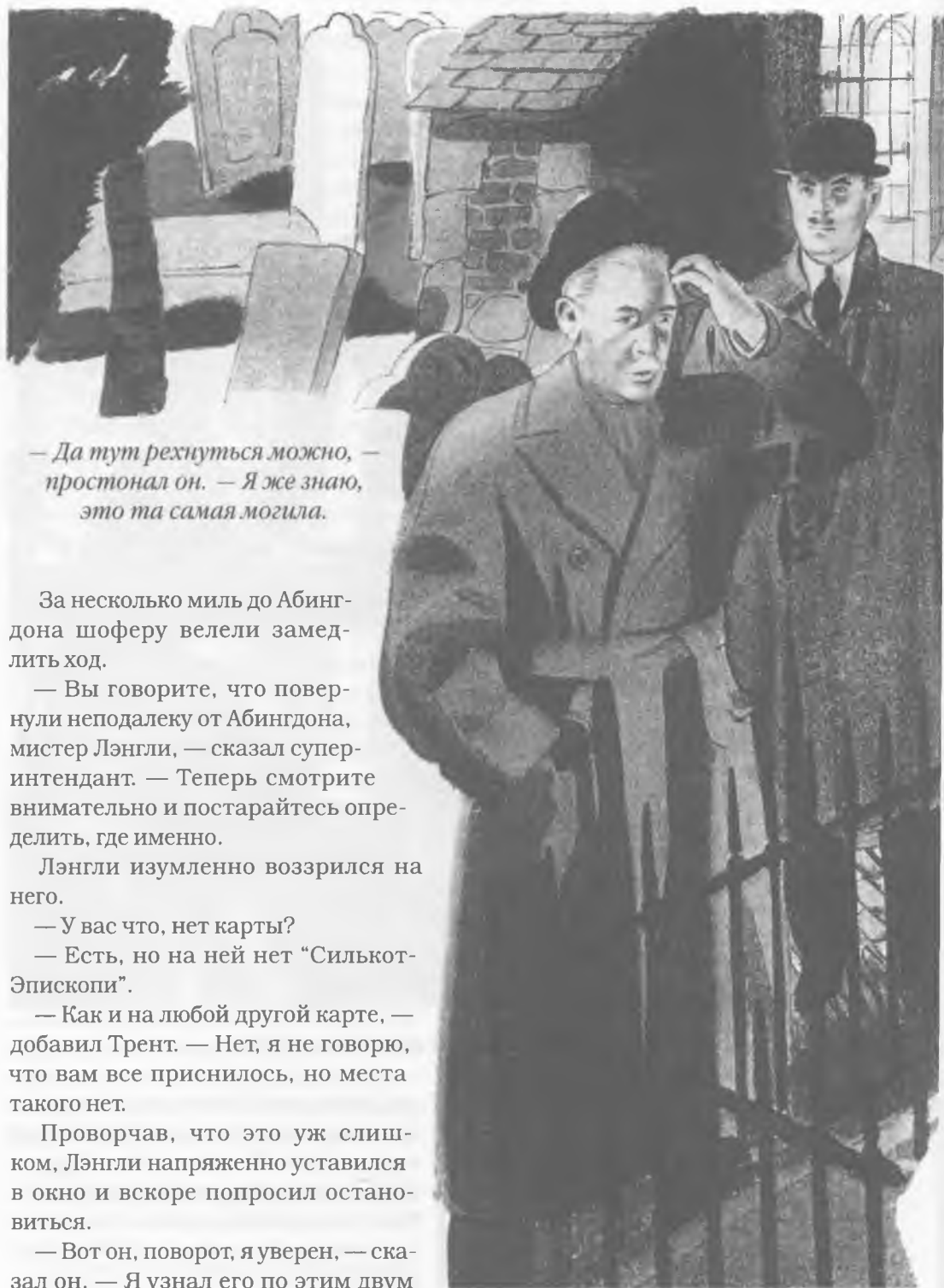
Лэнгли с энтузиазмом согласился.

Уж деньги-то свои я из него вытрясу...

В машине, приехавшей за Лэнгли на следующее утро, ничто не выдавало принадлежности к Скотленд-Ярду; то же самое можно было сказать и об элегантном шофере. Вместе с Трентом в машине сидел темноволосый круглолицый чело-

век, которого Трент представил как суперинтенданта Оуэна. Именно по его просьбе Лэнгли и рассказал со всеми подробностями о покупке табара (который он, кстати, предусмотрительно захватил с собой в чемодане).

— Да тут рехнуться можно, —
простонал он. — Я же знаю,
это та самая могила.

За несколько миль до Абинг-дона шоферу велели замед-
лить ход.

— Вы говорите, что повер-
нули неподалеку от Абингдона,
мистер Лэнгли, — сказал супер-
интендант. — Теперь смотрите
внимательно и постарайтесь опре-
делить, где именно.

Лэнгли изумленно воззрился на
него.

— У вас что, нет карты?

— Есть, но на ней нет “Силькот-
Эпископи”.

— Как и на любой другой карте, —
добавил Трент. — Нет, я не говорю,
что вам все приснилось, но места
такого нет.

Проворчав, что это уж слиш-
ком, Лэнгли напряженно уставился
в окно и вскоре попросил остано-
виться.

— Вот он, поворот, я уверен, — ска-
зал он. — Я узнал его по этим двум

получит сполна — как бы там ни называлось это чертово место.

— Это чертово место, — заметил Трент, — называется Оукхэнгер.

Они вышли из машины и направились через кладбище к дому священника.

— А где могила? — спросил Трент.
— Там, — указал Лэнгли.

Они подошли к огороженному надгробию, и вдруг американец схватился за голову.

— Да тут рехнуться можно, — простонал он. — Я же знаю, это та самая могила. Но здесь написано, что в ней покоится Джеймс Родерик Стивенс, из прихожан.

— Скончавшийся, судя по всему, лет на тридцать позже сэра Роуланда, — заметил Трент, изучая надпись, в то время как суперинтендант в немом восторге похлопывал себя по ляжкам. — Что ж, быть может, викарий прольет свет на эту проблему?

стогам на лугу и по тому пруду с ивами. Но здесь точно был указатель, а теперь нет. То ли мне и правда все приснилось, то ли сейчас снится. — Когда машина повернула, он продолжал: — Да, конечно, вон церковь — и ворота и кладбище, — а вон там дом священника, тисы, сад... да, все так. Что ж, джентльмены, ну теперь-то он

Они подошли к дому, и Оуэн позвонил. Приветливая темноволосая служанка, открывшая им, узнала Лэнгли и улыбнулась.

— Ну хоть вы-то настоящая! — воскликнул он. — Вас, кажется, зовут Эллен? Вижу, вы меня помните. Ох, так-то лучше. Мы хотели бы видеть викария. Он дома?

— Каноник, сэр, — отвечала девушка, особо подчеркивая сан, — вернулся два дня назад. Он сейчас в деревне, но должен прийти с минуты на минуту. Не хотите ли его подождать?

— Непременно, — заявил Лэнгли, и их провели в большую комнату, где недавно был куплен табар.

— То есть его не было дома? — спросил Трент. — И вы говорите, он каноник?

— Да, сэр, каноник Мейберли, сэр, он на месяц уезжал в Италию. А леди и джентльмен, которые тут жили до прошлой недели, они сняли дом на время его отъезда. Мы с кухаркой остались им прислуживать.

— А этот джентльмен, мистер Вери, заменял каноника в приходе? — с едва заметной усмешкой поинтересовался Трент.

— Нет, сэр, каноник договорился с мистером Джайлсом, это котморский викарий. А потом, он и не знал, что мистер Вери священник. Он его вообще никогда не видел. Это ведь миссис Вери и дом осматривала, и все устраивала, а о том, видно, не говорила. Мы потом рассказали канонику, когда они уехали, — так он был просто потрясен. Ничего, говорит, не понимаю. Зачем, говорит, это скрывать. “Как бы там ни было, сэр, — это я ему, — они очень любезные люди,

сэр, и друзья к ним приезжали очень любезные, и шофер у них, говорю, такой достойный человек”.

Трент кивнул.

— Вот как? Так к ним и друзья приезжали?

Служанка была счастлива посплетничать.

— Конечно, сэр. Тот джентльмен, что вас тогда привез, сэр, — тут она обернулась к Лэнгли, — он до этого и других привозил. Я думаю, они тоже американцы.

— То есть говорят не по-британски, — сухо предположил Лэнгли.

— Ну да, сэр, и у них были такие хорошие манеры, вот как у вас, — отвечала девушка, не замечая, как смутился Лэнгли и как исподтишка пересмеиваются Трент с суперинтендантом. Последний теперь завладел разговором.

— Этот их достойный шофер — невысокий, худой, с длинным носом, лысоват и все время курит сигареты?

— Да, сэр, именно. Вы, наверное, его знаете.

— Да уж, знаю, — мрачно сказал Оуэн.

— И я знаю! — воскликнул Лэнгли. — Это с ним мы говорили на кладбище.

— Были ли у мистера и миссис Вери какие-нибудь... э-э-э... ценности? — спросил суперинтендант.

Во взгляде Эллен загорелось воодушевление.

— Да, сэр, всякие чудесные вещи. Они их доставали, только когда приходили друзья. А так где-то прятали — ну, в спальне у мистера Вери, видать. Мы с кухаркой решили, что это они от воров.

Суперинтендант потрогал свои щетинистые усы.

— Что ж, так я и думал, — произнес он. — Но какого рода чудесные вещи? Серебро, или фарфор, или что?

— Нет, сэр, не то, совсем необычные вещи. Вот как однажды они достали красивый кубок: такой золотой, на нем фигурки всякие, узоры — и все такое яркое — и весь облеплен камушками, синими, зелеными и белыми. Я прямо чуть не ослепла.

— Чаша Дебенхемов! — воскликнул суперинтендант.

— Так это известная вещь, сэр? — спросила девушка.

— Совсем нет, — ответил мистер Оуэн. — Это фамильная ценность, она передается из поколения в поколение. Но мы случайно про нее слышали.

— Надо же, такое с собой возить, — заметила Эллен. — А в другой раз они достали большую книгу и положили вон на тот столик у окна. Бумага в книге была желтая, а буквы золотые, и по краям такие чудесные картинки, золотые, серебряные, разноцветные.

— Псалтырь Маррейнов! — откликнулся мистер Оуэн. — Продолжайте, уже яснее.

— А еще, — продолжала девушка, обращаясь к Лэнгли, — у них была красивая красная накидка с гербом, да, как на монетке в полкроны. Вы же помните, сэр, они ее вам показывали.

Лэнгли скривился.

— Кажется, припоминаю, — проговорил он. — Спасибо, что напомнили.

— А вот и каноник, — сказала Эллен, посмотрев в окно. — Я передам, что вы его ждете, джентльмены.

Она поспешила из комнаты, а вскоре появился и каноник — высокий сутулый старик с приятным лицом и неуловимым ореолом учености.

Суперинтендант шагнул к нему навстречу.

— Я офицер полиции, — сказал он. — Нас привело сюда расследование, связанное с арендаторами, которым вы сдавали дом в прошлом месяце. Впрочем, мы не отнимем у вас много времени, потому что ваша горничная уже почти все рассказала.

— А, вы про нашу служанку? — рассеянно отозвался каноник. — Она вам почти все рассказала? Так ведь ей дайте волю, она вообще рта не закроет. Прошу вас, присаживайтесь, джентльмены. Значит, Вери — ах да! А что с ними такое? Миссис Вери — такая любезная, респектабельная дама, и за домом они прекрасно ухаживали. И кстати, заплатили вперед — миссис Вери объяснила, что они из Новой Зеландии и никого не знают в Лондоне. Они приехали посмотреть Англию и решили снять дом в деревне, потому что это и есть настоящая Англия, — так она сказала. Я подумал тогда, что это очень разумно, куда лучше, чем ехать в лондонскую грязь и сумятицу, как обычно делают наши заграничные друзья. Честно говоря, я был тронут и с радостью сдал им дом.

Суперинтендант покачал головой:

— Вот такие разумные наниматели и создают нам больше всего проблем, сэр. Как я понял, леди не упоминала, что ее муж — священник.

— Нет, я потом удивился, когда узнал, — сказал каноник. — Но это же не важно, наверное, у них были причины...

— Были, — согласился мистер Оуэн. — Ведь если бы она упомянула сан своего мужа, вы бы заинтересовались и стали задавать вопросы — ничего сложного, конечно, для настоящей жены священника, но она бы запуталась. Другое дело — ее муж: он изображал викария перед мирянами, и притом перед иностранцами. Мне очень жаль, каноник, но ваши жильцы — мошенники. Начнем с того, что фамилия их, конечно, не Вери. Кто они такие, я, к сожалению, не знаю — мы с ними столкнулись недавно, и методы у них необычные. Но одно я знаю точно: это воры и мошенники.

Каноник откинулся на спинку стула.

— Воры и мошенники! — выдохнул он.

— И весьма умелые, — заверил его Трент. — Они привезли в ваш дом то, что украли в прошлом году — тогда ограбили несколько усадеб и, что озадачило полицию, брали такие вещи, которые, казалось, невозможно продать. В том числе, например, табар герольда — как говорит суперинтендант Оуэн, он принадлежал отцу сэра Эндрю Ричи, который в свое время был герольдом Мальтреверсским. Этот табар пропал вместе с драгоценностями, когда взломали дом сэра Эндрю в Линкольншире. Но продавать его открыто было опасно, да, в сущности, дорог он был только как память. Тогда мошенники сочинили целую историю, чтобы привлечь какого-нибудь американского богача и заставить его купить плащ. Полагаю, это обошлось их жертве в круглую сумму.

— Олух несчастный, — прорычал Лэнгли.

У каноника Мейберли дрожали руки.

— Боюсь, я не понимаю, — проговорил он. — Зачем им понадобился мой дом?

— Это важная часть их плана. Мы знаем во всех деталях, как они сбывали с рук табар, и нет сомнения, что и с другими украденными вещами они поступали подобным образом. Все-го их в шайке четверо. Кроме ваших жильцов был некий приятный, образованный человек — он, видимо, и правда знаток древностей и разбирается в искусстве. Его роль состояла в том, чтобы находить в Лондоне богатых иностранцев, втираться к ним в доверие, возить на экскурсии, обмениваться визитами и, в конце концов, привозить их в дом священника. Все было обставлено так, чтобы посетители сами захотели осмотреть церковь, поэтому у них не возникло никаких подозрений. Просто название места на указателе у поворота звучало так романтично.

Каноник беспомощно затряс головой:

— Но там нет указателя.

— Нет, но когда машина сообщника проезжала мимо, был. Видите ли, указатель поддельный, а название придуманное — чтобы в случае чего было труднее напасть на след. Потом, на кладбище, посетителей заинтересовала надпись на одной могиле. Не хочу отнимать у вас время — скажу только, что надгробие, вернее, его верхний слой тоже был фальшивый. А поддельная надпись должна была заинтересовать путешественников и привести их к мошенникам, что и вышло.

Каноник выпрямился на стуле.

— Но это же гнусное кощунство! — воскликнул он. — Тот, кто называет себя Верн...

— Кощунство, — сказал Трент, — совершил уже не он. Мы полагаем, что это дело рук четвертого сообщника, который выдавал себя за шофера, — очень интересный персонаж. Суперинтендант Оуэн вам про него расскажет.

Мистер Оуэн задумчиво подергал усы.

— Да, он единственный, о ком мы что-то знаем. Зовут его Альфред Ковни, у него есть какое-то образование и немалый талант. Когда-то он служил бутафором и рабочим сцены — можно сказать, настоящий художник. Из папье-маше он может сделать любой предмет — так, что никто и не заподозрит фальшивку. Не сомневаюсь, что так он и подделал надгробие. По сути дела, он вылепил своего рода крышку, которую можно было надевать и снимать. Впрочем, придумать надпись ему вряд ли было по силам — я думаю, ее сочинил Гиффорд, а начертание букв Альф срисовал с других надгробий на кладбище. И указатель, конечно, подделал он же, чтобы устанавливать, когда нужно, а потом убирать.

Что ж, Альф попал в дурную компанию. Когда выяснилось, что у него золотые руки, его сделали профессиональным взломщиком. Он отсидел два срока. Он единственный был под подозрением, когда ограбили имение сэра Эндрю Ричи, украли чашу из Эйншэм-парка и Псалтырь из дома лорда Суонборнского. С теми день-

гами, которые мошенники выручили в вашем доме, и с драгоценностями, награбленными еще год назад, они неплохо устроятся, и поймать их теперь будет непросто.

Каноник Мейберли понемногу приходил в себя и начинал улыбаться.

— Никогда еще не служил орудием в руках преступников, — сказал он. — Но это чрезвычайно интересно. Значит, когда приходили доверчивые посетители, мой жилец изображал священника, приглашал их в дом и продавал награбленное. Должен признаться, здесь неоткуда возникнуть подозрениям. Викарий в своем приходе, более того — в своем доме. Что тут можно подозревать? Я только надеюсь, ради чести сутаны, что роль свою он играл хорошо.

— Насколько я знаю, — сказал Трент, — он допустил лишь одну ошибку. Небольшую, конечно, но как только я о ней услышал, я убедился, что он мошенник. Видите ли, его спросили о весле, которое висит в холле. Сам я в Оксфорде не учился, но полагаю, что весло гребцу дают, когда его восьмерка отличилась в регате.

Глаза каноника за стеклами очков загорелись.

— В тот год, когда мы получили право носить свои цвета*, лодка Уодем-колледжа продвинулась вперед на пять позиций. Это была лучшая неделя в моей жизни.

— Тем не менее были у вас и другие триумфы, — предположил Трент. —

* Победившая команда носит форму с цветами своего колледжа. Подробнее см. глоссарий (21).

Например, после Уодема вы, кажется, получили место в колледже Олл-Соулз*.

— Да, и, естественно, это меня обрадовало, — отвечал каноник. — Но все же, дорогой мой сэр, это счастье иного рода, и ощущаешь его не так остро, уж поверьте. И кстати, как вы узнали?

— Меня натолкнула на эту мысль промашка вашего жилья. Когда его спросили про весло, он сказал, что греб за Олл-Соулз.

Каноник Мейберли расхохотался;

* Олл-Соулз — один из самых престижных оксфордских колледжей, за право стать его членом борются самые блестящие выпускники. До 1924 г. там могло обучаться четыре студента, теперь студентов в Олл-Соулз нет вообще, там занимаются научными исследованиями выдающиеся специалисты в разных областях.

Лэнгли с суперинтендантом недоуменно воззрились на него.

— Кажется, я понял, в чем дело, — сказал он. — Наверное, негодайрылся у меня в библиотеке, искал сведения, чтобы правдоподобнее сыграть свою роль. Я прожил в колледже пять лет, и во многих моих книгах можно увидеть экслибрис с гербом Олл-Соулза. Так что его ошибка естественна.

И пожилой джентльмен вновь залился радостным смехом.

Лэнгли взорвался:

— Я и сам люблю пошутить, но убей бог, не понимаю, в чем тут соль.

— Соль в том, — объяснил ему Трент, — что никто никогда не греб за Олл-Соулз. Там не бывает больше четырех студентов, остальные — члены колледжа.

Э. К. БЕНТЛИ

Ангел-хранитель

Что бы там ни было, а дело пренеприятное, — заявил Артур Селби, усаживаясь рядом с Филиппом Трентом в курительной комнате “Лэнсдаунского клуба”. — В юридической практике такие гадкие дела попадаются на каждом шагу — даже тем конторам, которые, как и мы, не сталкиваются с преступлениями. А по мне, так уж лучше преступления, чем подобные дела. Одна злоба чего стоит. Ты не поверишь, на что способны люди — притом люди почтенные и образованные, — лишь бы навредить ближнему. Ближний, кстати, обычно родственник. А бывает еще патологическая порочность. Был у нас клиент — он умер вскоре после того, как Сноу взял меня в компаньоны, — так жизнь его была одно сплошное непотребство.

Трент рассмеялся:

— Последние-то слова не твои, Артур. Так говорит старшее поколение.

— Верно, — согласился Селби. — Так сказал Сноу про сэра Уильяма как его... не важно, просто запомнилось. Но я отвлекся. После хорошего

обеда — кстати, сегодня обед, кажется, был хороший...

— Отличный, — откликнулся Трент, — не зря ты собой гордишься. Ты всегда знаешь, что заказать, это один из твоих главных талантов. Этот рейнвейн — просто песня, я бы даже сказал, баллада. Так что после хорошего обеда?

— После хорошего обеда мне, как правило, хочется поболтать — в конторе-то я обычно обхожусь парой яблок и стаканом молока. Кстати, вот тебе лучший способ оценить что-либо стоящее: не позволяй себе этого слишком часто, зато когда позволяешь — так от души. Но вообще-то, Фил, я хотел поговорить с тобой о другом. Как я уже сказал, нам досталось пренеприятное дело. Обычно мы сами можем разобраться, что к чему, но нынешний случай — настоящая головоломка. А головоломки ты, как известно, разгадываешь мастерски. Давай я все расскажу, а ты, может быть, поможешь советом?

— Конечно.

— Так вот, две недели назад умер один наш клиент, Грегори Лэнделл. Не думаю, чтобы ты о нем слышал: он

ничем особенно и не занимался, кроме своих хобби, — благо были деньги и не было желания прославиться. А прославиться с его мозгами можно было запросто: он получил блестящее классическое образование, увлекался Грецией. С моим компаньоном они дружили еще с детства, вместе учились в школе и в Кембридже. У них было общее хобби — садоводство, устройство альпийских горок. Альпийская горка Лэнделла славилась на всю округу, посмотреть ее приезжали издалека — что, конечно, было очень приятно хозяину. И Лэнделл и Сноу были поклонниками Льюиса Кэрролла — без цитат из “Алисы” и “Снарка” не обходился ни один разговор, — кроме того, оба любили шахматы и в молодости хорошо играли в крикет, да и в зрелые годы были не прочь посмотреть хорошую игру. По выходным Сноу часто приезжал к Лэнделлу в Беркшир, в Чолси-Вуд.

Женился Лэнделл, когда ему было уже за пятьдесят. Его избранницей стала некая Мэри Арчер, дочь морского офицера, моложе Лэнделла лет на двадцать. Он был от нее без ума, и она, казалось, отвечала ему взаимностью, хотя и не производила впечатления пылкой особы. Красивая девица, умеющая себя подать и, судя по всему, себе на уме. Лэнделл оформил завещание, по которому все его имущество переходило жене, если только у них не будет детей. Душеприказчиками были назначены Сноу и я. Прежде Лэнделл собирался оставить все наследство племяннику, которого теперь даже не упомянул, и этого племянника нам было жаль: он занимался полезным делом — какими-то

медицинскими исследованиями — и притом едва сводил концы с концами.

— А зачем Лэнделл назначил душеприказчиками вас обоих? — поинтересовался Трент.

— Так надежнее — вдруг с одним из нас что-то случится. И ведь случилось: в начале этого года бедняга Сноу сломал ногу и теперь не встает с постели. Но об этом позже. Так вот, поначалу Сноу продолжал навещать Лэнделла и уже через год заметил, что отношения между супругами разительно изменились. Стало ясно: Лэнделл теперь под каблуком у жены. Дальше — больше, скоро он и шагу не мог ступить без ее позволения.

Трент кивнул:

— Судя по тому, как ты описал его жену, оно и неудивительно.

— Ты прав, мы этого и ожидали. Но что хуже всего, Лэнделл не мог смириться с таким положением вещей, как некоторые мужья. Видно было, что он очень несчастлив, хотя и не говорит о том Сноу. Жена Лэнделла перестала даже притворяться, что любит его, и совсем с ним не считалась. Сноу не сомневался, что Лэнделл тоже до смерти ее ненавидит, хотя открыто противостоять ей и не осмеливается. А ведь когда-то у него был сильный характер.

— Понимаю, — сказал Трент. — Если муж не бесчувственная скотина, он не допустит, чтобы жена устраивала сцены. На что угодно пойдет, лишь бы избежать скандалов.

— Вот именно. Между тем Сноу вскоре перестали приглашать к Лэнделлам, и, как ты можешь догадаться, он не слишком расстроился. Эти визиты превратились в сущее мучение:

Сноу, хоть и жалел Лэнделла, понимал, что помочь тут ничем не может. Все равно миссис Лэнделл ни за что не оставила бы друзей наедине: возились ли они с альпийской горкой, или играли в шахматы, или просто гуляли, она всегда была рядом.

Трент поморщился:

— Вот радость-то... Так в чем же загдка?

— Сейчас расскажу. Около месяца назад к нам в контору пришло письмо для Сноу. Поскольку я помогал Сноу с деловой перепиской, письмо это я распечатал. Оно оказалась от миссис Лэнделл, которая сообщала, что ее муж тяжело болен, прикован к постели, хочет решить какие-то деловые вопросы и просит Сноу приехать к нему на следующий день.

Приехать Сноу, разумеется, не мог, а из письма я понял, что дело очень срочное и Лэнделл чуть ли не при смерти. Поэтому я позвонил миссис Лэнделл, объяснил ситуацию и предложил приехать вместо Сноу. Она с радостью согласилась и рассказала мне, как волнуется за мужа — с сердцем у него совсем плохо. Я сообщил ей, каким поездом приеду, и она пообещала прислать за мной машину.

Когда я приехал, миссис Лэнделл сразу повела меня в спальню мужа. Он и впрямь выглядел очень больным — казалось, даже говорить не мог. При нем была сиделка, но сиделку миссис Лэнделл сразу отослала, а сама все время оставалась в комнате, чего я и ожидал по рассказам Сноу. Лэнделл еле слышно заговорил о делах.

Он хотел произвести кое-какие операции со своими ценными бумагами и разработал по этому поводу

весьма хитроумный план: Лэнделл отлично разбирался в финансовых вопросах, у него был настоящий дар. Если честно (тут Селби похлопал Трента по колену) ему нечего было со мной обсуждать. Он прекрасно знал, чего хочет, в советах не нуждался и в таких делах понимал гораздо больше, чем я или Сноу. Тем не менее он устроил целый спектакль и советовался со мной о каждой мелочи, мне же оставалось делать умное лицо, мямлить что-то невразумительное и соглашаться, наконец, что лучше и придумать нельзя. Потом он сказал, что хочет написать деловое письмо, да доктор не разрешает напрягаться — так, может быть, я помогу?

Итак, я написал за него письмо его брокерам, он расписался, а жена приготовила акции и ценные бумаги в длинном конверте. Вот и все. Машина отвезла меня на станцию, вернулся я к обеду, потратив полдня впустую.

Трент слушал очень внимательно.

— Впустую, говоришь, — подытожил он. — Значит, письмо Лэнделл мог бы написать без тебя, например продиктовать жене?

— Жене или любому, кто умеет писать. И уж конечно он сам это знал. Говорю тебе, со мной он стал советовать просто для отвода глаз. Я это понимал, а он, судя по всему, понимал, что я понимаю. Но что именно он пытался таким образом утаить, ума не приложу. Не думаю, чтобы жена что-то подозревала: Сноу говорил, что она ничего не смыслит в коммерческих делах. Во время моего визита она ловила каждое слово и, кажется, осталась вполне довольна. План Лэнделла был выполнен, и он

Потом он сказал, что хочет написать деловое письмо, да доктор не разрешает напрягаться — так, может быть, я помогу?

собственноручно подписал договоры о передаче ценных бумаг. Это я знаю точно, потому что уже после его смерти составлял опись имущества, и все было в порядке. Ну вот, Фил. Что ты обо всем этом думаешь?

Трент неспешно почесал подбородок:

— А ты уверен, что тут и впрямь было что-то странное? Жена вот, ты говоришь, ничего не заподозрила.

— Совершенно уверен. А жена просто не знала, что Лэнделл лучше, чем я и Сноу, разбирается в ценных бумагах и что в любом случае мы не занимаемся его финансами. Если бы ему и правда нужен был совет, он вызвал бы одного из своих брокеров.

Трент вытянул ноги и принялся задумчиво жевать кончик сигары.

— Без сомненья, ты прав, — сказал он наконец. — В глубине этого и впрямь скрывается что-то неприятное. Да и на поверхности все не так уж гладко. Миссис Лэнделл — ангел-хранитель, скажите пожалуйста!

Он поднялся:

— Я еще раз обо всем подумаю. Артур, и если вдруг меня осенит, сразу же дам знать.

На следующий день Трент без особых затруднений нашел Чолси-Вуд. Это название, как оказалось, носил довольно большой участок земли, в основном поросший лесом. Между многочисленными перелесками были разбросаны строения: несколько современных домов с участками, ряд коттеджей, трактир с вывеской "Сорока и ворота", тюдоровский замок, окруженный ухоженным парком. Усадьба Вязы, куда направлялся Трент, стояла в полумиле от тракти-

ра у дороги, делившей Чолси-Вуд на две части. Усадьбу окаймляла живая изгородь с аркой, к дому вела короткая автомобильная дорога. Трент проехал сквозь арку в живой изгороди, вышел из машины и зашагал к усадьбе, любуясь цветочными клумбами и ухоженным фруктовым садом. Трехэтажный дом тоже оказался ухоженным и красивым, у крыльца разрослась глициния.

Трент позвонил, и ему открыла пухленькая горничная. Протянув ей свою визитную карточку, Трент объяснил, что много слышал об альпийской горке мистера Лэнделла. Слышал он и о том, что мистер Лэнделл показывает ее посетителям. Может ли горничная передать его карточку хозяину, и если это сейчас удобно... Тут Трент прервался, потому что в холл вошла женщина — красивая рыжеватая блондинка с жестким взглядом голубых глаз.

— Я миссис Лэнделл, — сказала она, взяв у горничной карточку Трента. — Я слышала, о чем вы говорили, мистер Трент. Я вижу, вы не знаете о моей утрате. Мой супруг скончался две недели назад.

Трент тут принялся сбивчиво извиняться и выражать свои соболезнования.

— Что вы, — грустно улыбнулась миссис Лэнделл, — вы ничуть меня не обеспокоили. Раз вы приехали, вы конечно же должны осмотреть альпийскую горку. Мой муж ни за что не отпустил бы гостя, не показав ему сад.

— Это действительно знаменитая горка, — сказал Трент. — Я слышал о ней от Артура Селби, юриста, которого вы, я думаю, знаете.

— Да, они с компаньоном были поверенными моего мужа, — сказала миссис Лэнделл. — Пойдемте со мною, я покажу вам дорогу.

Они прошли по коридору и через стеклянную дверь вышли на огромный участок с другой стороны дома.

— Вам придется осмотреть горку самому, — сказала миссис Лэнделл, — я ничего в таком садоводстве не понимаю. Мой муж ею очень гордился и постоянно пополнял коллекцию растений, до самой болезни. Ви-

дите ту рошу с вязами? В честь нее названа усадьба. Идите в том направлении, потом увидите пруд с лилиями, альпийская горка будет по левую руку. А теперь позвольте вас покинуть, боюсь, я сейчас не в силах развлекать гостей. Когда посмотрите сад, горничная вас проведет.

Трент поблагодарил ее, она кивнула и ушла в дом.

Пройдя по аллее, Трент нашел то, что искал: высокую, в несколько ярусов, груду шершавых серых камней, поросшую множеством разнообразных растений — как им только хватало скудной почвы. Хоть хозяйка и плохо разбирается в альпийских горках, подумал Трент, но едва ли хуже его самого. И он порадовался, что выяснять на практике, кто знает меньше, пока не пришлось. Трент не знал,

Сами названия ничего не говорили Тренту, он лишь удивился, почему среди многих растений подписаны лишь некоторые.

что ищет. Он просто решил почему-то, что здесь есть какая-то подсказка. И принялся думать и вглядываться, медленно расхаживая перед каменной громадой, поросшей нежным многоцвѣтьем трав.

Вскоре он заметил одну особенность, а поразмыслив немного, нашел ее еще более любопытной. Рядом с некоторыми растениями были воткнуты в землю — прямо между стеблями или неподалеку — белые деревянные таблички. Их было немного — поискав, Трент нашел всего семь. На каждой табличке было аккуратно написано латинское название растения. Сами названия ничего не говорили Тренту, он лишь удивился, почему среди многих растений подписаны лишь некоторые.

Зачем было их выделять таким образом? Может быть, это были последние приобретения. Может быть, Лэнделл подписал растения, чтобы привлечь внимание старого друга Сноу — тот ведь тоже страстный садовод. Трент помнил, что перед смертью Лэнделл хотел видеть Сноу. Но Сноу приехать не смог, вместо него явился Артур Селби. Еще одна зацепка: свое “срочное” дело Лэнделл придумал для отвода глаз, письмо за него мог написать любой. Почему он хотел, чтобы приехал именно Сноу?

Может быть, он собирался лично обсудить со своим поверенным какие-то деловые вопросы? Нет, навряд ли. Миссис Лэнделл никогда не оставляла друзей наедине, не оставила бы и теперь, и Лэнделл это знал. А может быть, он, бедняга, надеялся что-то сообщить Сноу, не прибегая к помощи слов, — так, чтобы жена не поняла?

Эта догадка Тренту понравилась. По крайней мере, все сходилось. Кроме того, догадка эта укрепила то смутное подозрение, которое возникло у Трента после рассказа Селби и побудило его приехать в Чолси-Вуд. Итак, у Сноу и Лэнделла было общее хобби. Значит, приехав в Чолси-Вуд, Сноу обязательно заглянул бы в сад друга посмотреть на его новые приобретения. А новые приобретения были, об этом Тренту сказала миссис Лэнделл. Сама она ничего в альпийских горках не понимает и не заметила бы никаких изменений. Зато Сноу сразу понял бы, если бы что-то было не так. А что здесь не так? Трент присвистнул. Деревянные таблички казались ему все любопытнее, и, достав блокнот, он принялся записывать названия растений. *Armeria halleri*, *Arcana zavetiana*, *Saponaria caespitosa*. Так, отлично. А вон те маленькие цветочки, оказывается, носят звучное имя *Acantholimon glutaceum*. А вот *Cartavacua ballabonii*. Тренту уже вспоминалась “Чепуховая ботаника” Эдварда Лира*: *Suinoobilia pyramidalis* и так далее. На следующей табличке было написано *Veronica incana*. И вот, наконец, последняя табличка. *Ludovica caroli* — такое название носила бесформенная серовато-зеленая поросль, в простонародье именуемая...

Внезапно Трент швырнул на землю свой блокнот, а с ним и шляпу. Нет,

* В своей книге “Чепуховая ботаника” Эдвард Лир, один из основоположников поэзии нонсенса, придумал и нарисовал забавные растения, подписав их псевдолатинскими названиями. “Свинообилия пирамидалис” (перевод Д. Даниловой) — одно из них. Как выглядит свинообилия, можно посмотреть в комментарии на стр. 691.

надо же быть таким дураком! Трижды осел — вот кто он такой! Мог бы и сразу догадаться! Он поднял блокнот и торопливо пробежал глазами названия растений. Да, все правильно.

Через несколько минут он уже сидел в машине и ехал в город.

На следующее утро в конторе Сноу и Селби младший партнер приветствовал Трента и предложил ему сигарету.

— За полчаса сможешь все рассказать? Я бы с удовольствием сходил с тобой пообедать и все выслушал, но сегодня очень загруженный день, освобожусь часам к семи, не раньше. Где ты был?

— В саду у твоего покойного клиента, — ответил Трент. — Должен заметить, сад произвел на меня глубокое впечатление. Миссис Лэнделл любезно разрешила его посмотреть.

Селби изумленно воззрился на него.

— Да уж, нахальства тебе не занимать... Как ты умудрился туда попасть? И зачем?

— О том как, умолчу — не хочу отнимать у тебя время. Перейду сразу к зачем. Я обдумал твои слова, и мне показалось, что безмятежная веселость сада что-то в себе таит. Еще больше я укрепился в этой мысли, когда оказалось, что наша Мэри-все-наоборот* не знает, как садик ее растет. Лэнделл хотел, чтобы приехал Сноу. Сноу же, сам любитель подобных садов, не мог

не усладить свой взор коллекцией друга. Я свой тоже усладил — и кое-что обнаружил.

— Черт поberi! — воскликнул Селби. — Что именно?

— Семь растений — заметь, только семь из всего множества — оказались подписаны латинскими названиями. Там стоят такие деревянные таблички, как в ботанических садах Кью. Четыре названия я повторять не буду, они настоящие, я проверял в справочнике. Думаю, их добавили, чтобы смотрелось естественней. Зато три других очень любопытны — отборная латынь, точные формулировки, слог как у Цицерона.

И Трент протянул другу карточку с названиями. Селби с видом полнейшего недоумения уставился на надписи.

— *Arcana zavetiana*, — прочел он вслух. — Если меня должно осенить, то пока что-то не осеняет. Что значит *Arcana*? Впрочем, раз речь о ботанике, то я здесь дуб дубом. Такое ощущение, что эту травку прозвали в честь какого-то грека.

— Начни с другого названия, — посоветовал Трент.

— *Cartavacua ballabonii*. Тоже не понимаю. Что там еще в букете? *Ludovica caroli*. Нет, Фил, не доходит. Объясни же наконец, что это значит.

Трент указал на последнее название.

— Вот как я догадался, — сказал он. — Табличку "*Ludovica caroli*" Лэнделл воткнул в кустик камнеломки. Как выглядит камнеломка, я знаю, и, как ни странно, даже слышал ее латинское название — *Saxifraga*. Тогда я вспомнил еще одну вещь:

* Мэри-все-наоборот.
Ах, как садик твой растет!
Колокольчики, ракушки,
Ноготки, а в них — лягушки!

(Перевод. А. Иванова и А. Устиновой в книге Ф. Бернетт "Таинственный сад").

Ludovicus — латинская форма имени Луи или Льюис.

— Что? — Селби вскочил на ноги. — Льюис — и *Caroli*! Льюис Кэрролл! Господи, да ведь его книги Сноу с Лэнделлом знали наизусть! Теперь ясно, что это шифр. — И он вновь принялся изучать карточку. — *Cartavacua ballabonii*. Хм, это, наверное, Балабон из "Охоты на Снарка". Но что значит *cartavacua*?

— А ты переведи, — предложил Трент.

Сноу нахмурился.

— Погоди-ка. В юридической латыни словом *carta* обозначают документ, *vacua* — значит, что он пустой. Пустой документ Балабона...

— Или просто карта. Помнишь?

Он с собою взял в плаваньё
карту морей,
На которой земли ни следа,
И команда, с восторгом
склонившись над ней,
Дружным хором
воскликнула "Да!"*

Под эту пустую карту отведена в книге отдельная страница.

— Так это значит...

— Я думаю, это значит, что искать надо на странице с пустой картой в экземпляре Лэнделла.

— Да, но что искать?

— То, что названо *Arcana zavetiana*.

— Говорю тебе, я не знаю, что такое *arcanum*. Я помню только юридическую латынь, а это не юридическая.

— Да, не юридическая. *Arcanus*, Артур, значит "спрятанный". Понимаешь, "спрятанный".

— Да что спрятано-то? — Селби вновь уставился на карточку, затем вдруг побледнел, рухнул на стул и, наконец, обернулся к Тренту: — Боже мой, Фил! Так вот что это значит!

— А что же еще?

Селби кинулся к телефону, стоявшему на столе.

— Пока я не позвоню, меня не беспокоить, — сказал он в трубку. Затем снова повернулся к Тренту.

— Я попросил мистера Трента меня подвезти, — объяснил Селби. — Мне нужна его помощь в делах, связанных с имуществом вашего мужа. Мистер Трент говорит, вы уже встречались.

Миссис Лэнделл благосклонно улыбнулась Тренту.

— Да, вчера мистер Трент приезжал смотреть альпийскую горку и упомянул, что он ваш друг.

Хозяйка проводила их в малую гостиную. Трент, который во время своего первого визита успел увидеть только холл, тянувшийся через весь дом, все больше убеждался, что во всем доме царит строгий порядок. Малая гостиная оказалась тщательно убранной и образцово чистой, на стенах — несколько картин, очень ровно повешенных, на столе — ваза с цветами, недавно срезанными и старательно расставленными.

— И какое дело привело вас сюда столь неожиданно? — поинтересовалась миссис Лэнделл. — Что-то связанное с оценкой имущества?

И она посмотрела на них удивленными голубыми глазами.

* Перевод Г. Кружкова.

Селби ответил ей таким взглядом, какого Трент от своего друга просто не ожидал. Этот доброжелательный, несколько даже изнеженный юрист глядел теперь серьезно, холодно и сурово.

— Нет, миссис Лэнделл, мы по другому делу, — сказал он. — К сожалению, у меня есть основания полагать, что незадолго до смерти ваш муж составил новое завещание и что оно находится в этом доме. Если такое завещание действительно существует и если оно составлено по всем правилам, то завещание, написанное вскоре после вашей свадьбы, становится недействительным.

Первой реакцией миссис Лэнделл было полное изумление. Глаза и рот ее широко раскрылись, руки безвольно упали на подлокотники кресла. Затем изумление перешло в гнев и недоверие, которые она тщетно старалась скрыть.

— Я не верю ни единому слову, — отрезала она. — Это невозможно. Мой муж уже очень давно не встречался ни со своим поверенным, ни с каким-либо другим юристом. Когда приезжал мистер Сноу, я всегда присутствовала при их беседах. Если бы он составил новое завещание, я бы об этом знала. Ваше предположение нелепо. Да и зачем бы ему составлять новое завещание?

Селби пожал плечами:

— Этого я сказать не могу, миссис Лэнделл. Но вопрос не в том. При желании ваш муж мог составить завещание без помощи юриста. Если такое завещание составлено по всем правилам, оно признается законом. Я же, как душеприказчик и поверен-

ный вашего мужа, обязан удостовериться, что более позднего завещания не было. А у меня есть основания полагать, что оно все же было.

Миссис Лэнделл усмехнулась:

— Да неужели? Может, у вас еще есть основания думать, что оно в этом доме? Так вот, никакого нового завещания здесь нет. Уж поверьте, я изучила в этом доме каждую бумажку.

— А под замком ваш муж ничего не держал? — осведомился Селби.

— Разумеется нет, — огрызнулась миссис Лэнделл. — У него от меня секретов не было.

Селби кашлянул:

— Возможно. Тем не менее, миссис Лэнделл, я обязан удостовериться в отсутствии нового завещания. В таких вопросах наш закон очень строг, поэтому я должен лично осмотреть ваш дом.

— А если я вам не позволю? Этот дом теперь — моя собственность, и я не обязана пускать сюда всякого, кому вздумается что-нибудь поискать.

Селби вновь кашлянул:

— Это не совсем так, миссис Лэнделл. Когда кто-либо умирает, наследство переходит под контроль к душеприказчику, указанному в завещании, до тех пор, пока все имущество не будет распределено согласно воле покойного. В том завещании, которое вы признаете и которое на сегодняшний день является единственно известным, душеприказчиками назначены я и мой компаньон. Потому мы должны действовать согласно этой роли, если только и до тех пор, пока не будет найдено новое завещание. Надеюсь, это понятно.

При этих словах миссис Лэнделл совсем пала духом. Некоторое время она сидела в угрюмом молчании, пытаясь совладать со своими чувствами, затем поднялась.

— Что ж, — сказала она, — если то, что вы говорите, верно, придется позволить вам обыскать дом, хоть вы и потеряете время попусту. С какой комнаты вы начнете?

— Думаю, с той, — сказал Селби, — где он чаще всего оставался один. Полагаю, такая комната в доме есть?

Миссис Лэнделл направилась к двери.

— Пройдемте в кабинет, — сказала она, не глядя на посетителей — Пусть ваш друг идет с вами, раз вам нужна его помощь.

Она провела их через холл в комнату с французским окном, выходящим на газон за домом. У окна стоял большой письменный стол, старинный и массивный, как и прочая мебель. Кроме того, в комнате было три книжных шкафа из кленового дерева. Селби с Трентом не стали терять времени зря и сразу же выбрали себе по книжному шкафу. Миссис Лэнделл сурово взидала на них с порога.

— “*Annales Thucydidei et Xenophontei*”*, — вполголоса прочитал Селби, разглядывая книжные полки. — “*Miscellanea Critica*” К. Кобета — нет уж, я предпочитаю “Конные прогулки”**. Слушай, Фил, это, кажется, не тот шкаф. “*Palaeographia*

Graeca”*** Монфокона. Странно, я думал, что Монфокон — это где-то в Париже, там еще кого-то колесовали****. И греческая драматургия — целые ряды... А у тебя как дела?

— Кажется, я напал на след, — отозвался Трент. — В этом шкафу стоит английская поэзия; правда, представлена не по порядку. Ага! Вот она, красавица! — И он вытащил тоненькую книгу в красном переплете****. — Одна из самых красивых книг, которые я видел. — Он принялся перелистывать страницы. — А вот и карта морей, правда, уже не пустая.

Он протянул книгу Селби. Тот внимательно изучил страницу.

— Красиво-то как написано, — заметил он. — Буквы не больше, чем самый мелкий печатный шрифт, но прочесть можно. — Он снова принялся сосредоточенно изучать страницу, время от времени одобрительно кивая, затем поднял голову. — Все верно. Завещание составлено по правилам и даже должным образом засвидетельствовано, что редко бывает в таких случаях.

Тут вмешалась миссис Лэнделл, о существовании которой Селби, казалось, забыл.

— Вы что, хотите сказать, что в этой книге написано завещание? — выдохнула она.

— Прошу прощения, миссис Лэнделл, — подчеркнуто вежливо отве-

*** “Греческая палеография” (лат.).

**** Бернарде Монфокон (1655–1741) — французский монах-бенедиктинец, основоположник палеографии. Селби путает его со знаменитой виселицей в окрестностях Парижа — и здесь он, как мы видим, вновь неточен: на Монфоконе не колесовали, а вешали.

***** См. комментарий, стр. 691–692.

* “Хроники Фукидида и Ксенофонта” (лат.) — впервые эта книга Генри Додуэлла вышла в 1702 г.

** Селби путает нидерландского филолога К. Г. Кобета (1813–1890) и английского публициста У. Коббета (1763–1835), автора книги “Конные прогулки”.

чал юрист, — но мы действительно нашли то новое завещание, о котором я говорил. Оно весьма немногословно, очень ясно сформулировано и оформлено по всем правилам. Свидетелями, заверившими завещание, стали Мэйбл Кэтрин Уиллер и Ида Флоренс Керкби — служанки, проживающие в этом доме.

— Они посмели сделать это у меня за спиной! — взорвалась миссис Лэнделл. — Это сговор!

Селби покачал головой:

— Здесь нет никаких признаков преступного соглашения, заключенного с целью причинения вреда третьим лицам. Служанки подписали завещание по просьбе своего хозяина и не обязаны были об этом никому сообщать. Возможно, он сам попросил их сохранять тайну — это не меняет дела. Что же до условий завещания, вам причитается десять тысяч фунтов, освобожденные от налога на наследство.

— Что?! — вскричала миссис Лэнделл.

— Десять тысяч фунтов, освобожденные от налога на наследство, — невозмутимо повторил Селби. — По пятьдесят фунтов причитается нам с компаньоном за исполнение обязанностей душеприказчиков — это, если вы помните, было предусмотрено и в прошлом завещании. Остальное имущество переходит к его племяннику, Роберту Спенсеру Лэнделлу, проживающему на Лонгленд-роуд, 27, в Блэксите, в графстве Кент.

Вся дрожа и задыхаясь от ярости, она выхватила книгу у Селби из рук, вырвала страницу с завещанием и разорвала ее на части.

Услышав это, миссис Лэнделл окончательно утратила самообладание. Вся дрожа и задыхаясь от ярости, она выхватила книгу у Селби из рук, вырвала страницу с завещанием и разорвала ее на части.

— Ну и что вы теперь намерены делать? — прошипела она.

— Вопрос в том, что вы теперь намерены делать, — с невозмутимым спо-

койствием отвечал Селби. — Если вы приведете документ в состояние, не подлежащее восстановлению, вы совершите тяжкое преступление, карающееся каторгой... Кроме того, новое завещание все равно остается в силе — я знаком с его содержанием и могу принять присягу. Служанки подтвердят, что завещание было засвидетельствовано. Наконец, мы с мистером Трен-

том можем рассказать под присягой о том, что только что произошло. Поэтому, миссис Лэнделл, я бы советовал отдать мне обрывки завещания. Если из них удастся склеить документ, пригодный для прочтения, то суд его примет, а я постараюсь сделать все возможное, чтобы вас не привлекли к ответственности. И еще одно обстоятельство: я прошу вас подумать о переезде. Без особой спешки, разумеется, — не хочу вас торопить, — но вы понимаете, что усадьба теперь принадлежит мистеру Роберту Лэнделлу и что вы можете жить здесь только с его позволения.

Миссис Лэнделл наконец пришла в себя. Смертельно бледная, не сводя глаз с Селби, она швырнула на стол обрывки завещания и быстро вышла из комнаты.

— Не знал, что ты можешь быть жестоким, Артур, — заметил Трент. Друзья ехали по беркширским полям по направлению к Лондону.

Селби не ответил.

— Обвиняемый воздержался от ответа, — заключил Трент. — Может быть, ты просто не замечал, что ведешь себя довольно жестоко. Чего стоят одни эти юридические разъяснения, и притом ледяным тоном. Ты все время нагнетал атмосферу в кабинете, и хозяйка была готова взорваться задолго до развязки.

Селби взглянул на Трента.

— Да, я все это видел. Знаешь, Фил, я вообще-то человек не мстительный, но миссис Лэнделл довела меня до белого каления. Что бы она там ни говорила, ясно ведь, что она сама искала новое завещание и если бы нашла, то, несомненно, уничтожила бы.

Каждую бумажку проверяла. У него не было от нее секретов! Когда приехал Сноу, она все время была рядом! Ты можешь себе представить, каково быть под каблуком у такой гарпии?

— Ужасно, — согласился Трент. — Но я одного не понимаю, Артур: раз он смог втайне от жены взять служанок в свидетели завещания, почему нельзя было написать завещание на обычной бумаге и тайно отправить к вам в контору с этими же служанками?

Селби покачал головой:

— Я сам об этом думал. Возможно, он не хотел рисковать — вдруг служанку поймали бы с письмом. А это бы подлило масла в огонь, я тебя уверяю. Кроме того, мы обязаны были бы ответить на письмо, и миссис Лэнделл прочитала бы наш ответ. Она ведь читала все его письма, готов ручаться. Нет, Фил, Лэнделл мне нравился, и потому я хотел за него отомстить. Прости, но это правда.

— Я и не думал осуждать тебя за жестокость, — отвечал Трент. — Я полностью разделяю твоё негодование и душой все время был с тобой. Особенно мне понравилось, как ты намекнул, что ее могут в любой момент выгнать из дома.

— На самом-то деле ей чертовски повезло, — сказал Селби. — На проценты от наследства она может жить припеваючи, и даже, упаси господь, снова выйти замуж. Лэнделл в конце концов взял верх, но сделал это поджентльменски.

— Как и ты, — сказал Трент. — Славная получилась пытка.

Селби горько улыбнулся:

— Я пытал ее лишь несколько минут. Минут, Фил, не лет.

Николас Блейк

1904–1972

Перевод и вступление Юлии Новиковой

НИКОЛАС Блейк — псевдоним поэта-лауреата Сесила Дэй-Льюиса, чья поэтическая слава, увы, оказалась не слишком прочной. Чтобы убедиться в этом, достаточно попытаться найти информацию о нем в интернете. Набрав в поисковой строке “Сесил Дэй-Льюис”, вы практически сразу позабудете о предмете своего поиска. Большинство ссылок приведут вас к известному актеру, обладателю “Оскара” Дэниелу Дэй-Льюису (сыну С. Дэй-Льюиса) или к Уистену Хью Одну, великому англоамериканскому поэту (близкому другу С. Дэй-Льюиса). А между тем при жизни Сесил Дэй-Льюис был знаменит и как поэт, творящий в сельской глуши, и как яркая фигура литературного Лондона, и как автор захватывающих детективов.

Будущий автор детективов и поэт родился в 1904 году в Ирландии, в семье англиканского священника. Его мать, чью девичью фамилию Блейк Дэй-Льюис взял в качестве псевдонима, умерла, когда сыну было четыре года, мальчика растили отец и тетка. Как всякий порядочный писатель, Дэй-Льюис отучился в Оксфордском университете (Уодэм-колледж, выпуск 1927 года), где и познакомился с Уистеном Хью Оденом.

После университета С. Дэй-Льюис преподавал в нескольких школах, часто меняя работу, — руководство школ, как правило, было не в восторге от его левых взглядов. В 1928 году он женился на Мэри Кинг, дочери своей бывшей учительницы, у них родилось двое сыновей. Молодой семье отчаянно не

NICHOLAS BLAKE

хватало денег. Свой первый детектив “Вопрос доказательства” С. Дэй-Льюис написал в 1935 году — “поскольку не мог найти другого честного способа заработать на починку протекающей крыши”. Этот роман принес ему успех, позволил оставить преподавание и стать профессиональным литератором.

В этом же году Дэй-Льюис вступил в коммунистическую партию и несколько лет разрывался между писательством и политической деятельностью. В конце концов поэт в нем победил политика: в 1938 году он перебрался с семьей в уединенный домик с соломенной крышей в графстве Девоншир, чтобы писать стихи и романы. Примерно в это же время У. Х. Оден отправился в Америку, и С. Дэй-Льюис, освободившись из-под влияния своего знаменитого друга, обрел собственный поэтический голос.

Во время Второй мировой войны С. Дэй-Льюис проходил службу в Министерстве информации; после войны он стал работать в издательском доме *Chatto and Windus* (это сотрудничество продолжалось до самой его смерти).

В 1951 году Льюис развелся со своей первой женой и вступил в брак с Джил Балкон (в этом браке тоже родилось двое детей, один из которых — уже упомянутый актер Дэниел Дэй-Льюис). В этом же году по радио транслировали “Энеиду” Вергилия в переводе С. Дэй-Льюиса и Оксфордский университет избрал его на почетную должность профессора поэзии. Дэй-Льюису довелось также побывать профессором поэзии Гарвардского университета. Его таланты были признаны и на государственном уровне — в 1968 году Сесил Дэй-Льюис был назначен поэтом-лауреатом, то есть придворным поэтом, оказавшись в одном ряду с такими маститами, великими и прочая авторами, как Чосер, Бен Джонсон, Саути, Вордсворт и Теннисон.

Умер Дэй-Льюис в 1972 году от рака и был похоронен в Дорсете, рядом с английским классиком Томасом Харди.

В течение своей литературной карьеры Дэй-Льюису удачно удавалось сочетать создание стихов и детективов; некоторые критики даже полагают, что детективы удавались ему лучше. В 1937 году Николас Блейк был принят в Детективный клуб, который, несомненно, является прототипом “Клуба убийц”. Расследование в этом рассказе ведет постоянный герой Николаса Блейка — детектив-любитель Найджел Стрэнджуэйз, человек задумчивый, увлекающийся эзотерикой и чем-то напоминающий У. Х. Одена.

© The Estate of C. Day Lewis/Nicholas Blake

© Ю. Новикова, перевод на русский язык и вступление, 2011

РАССКАЗА “КЛУБ УБИЙЦ” БЫЛ ОПУБЛИКОВАН
В СБОРНИКЕ “ДЕТЕКТИВНАЯ МОЗАИКА” В 1939 ГОДУ.

ASSASSINS' CLUB

DETECTION MEDLEY, 1939.

НИКОЛАС БЛЕЙК

Клуб убийц

“Н

ет, — подумал Найджел Стрэнджуэйз, оглядывая сидящих за столом, — никому и в голову не придет”.

С того момента, четверть часа назад, когда все собрались в гостиной, чтобы выпить хереса, Найджелу стало все тревожнее — и вряд ли такую тревогу можно было оправдать необходимостью произнести речь после ужина. Разумеется, от него, как от почетного гостя, ждали чего-то большего, чем обычных застольных здравиц. И без сомнения, собравшееся здесь общество по самой природе своей будет особенно придирчиво. Однако ему и раньше нередко доводилось произносить речи, и он знал, что делает это весьма неплохо. Так откуда такой мандраж? Впоследствии Найджела подмывало заметить “мандраж” на “предвидение”; и в самом деле — быть может, следовало кричать на всех площадях о своих странных предчувствиях, подобно Кассандре, пусть даже рискуя испортить этот чудный ужин. В конце концов, ужин все равно оказался испорчен, и довольно быстро. Но, если все взвесить, вряд ли это что-нибудь изменило бы.

Пытаясь развеяться, Найджел принялся играть с собой в старую

любимую игру “угадай кто”. Наблюдалось странное единство в лицах большинства из двадцати с чем-то приглашенных. Женщины — их было только три — выглядели милыми, веселыми и неухоженными. Мужчины, в конце концов решил Найджел, в массе своей напоминали либо санитарных инспекторов, либо мелких чиновников. По большей части они были маленького роста, и все впечатление от них сводилось к обвислым усам, очкам в золотых оправках и духу общей бесполезности. Бесспорно, имелись исключения. Вот тот пожилой человек в середине стола, с лицом престарелого блаххаунда, страдающего желудком, — даже без цилиндра или парика можно было узнать в нем судью Поттинджера, лучшего уголовного судью своего поколения. Слева от судьи — львиное подвижное лицо. Фотографии этого человека появлялись в газетах не реже, чем фотографии какой-нибудь светской красавицы, и весьма возможно, что даже чаще, ибо золотой язык сэра Элдреда Трэвера, по слухам, спас столько же убийц, сколько судья Поттинджер повесил. Наблюдалась еще пара исключений, как, к примеру, поэтичного вида темноволосый

юноша, сидевший по правую руку от Найджела и катавший хлебные шарики.

— Нет, — сказал Найджел, на этот раз вслух, — точно никому в голову не придет.

— Что именно? — поинтересовался молодой человек.

— Насколько кровожадно сие собрание. — Найджел взял меню, на котором красными буквами было написано: "Ужин убийц, 20 декабря".

— Нет, — рассмеялся юноша, — мы не выглядим как убийцы, должен признать, даже как заказчики убийств.

— Боже мой, неужто и вы из этой клики?

— Да. Я забыл представиться. Герберт Дэйл.

Найджел посмотрел на юношу с возросшим интересом. Дэйл опубликовал только два детективных романа, но уже вошел в писательскую элиту; в противном случае он не мог бы быть членом самого престижного клуба — Клуба убийц, так как, за исключением судьи, адвоката и инспектора Скотленд-Ярда, клуб состоял исключительно из аристократов детективной литературы.

В этот момент Найджел заметил две вещи: рука, катавшая хлебные шарики, дрожала, а на глянцевого меню, которое Дэйл только что положил на стол, был жирный след от пальца.

— Вы тоже должны произнести речь? — спросил Найджел.

— Я? Боже упаси, нет. С чего вы взяли?

— Мне показалось, вы нервничаете, — с присущей ему прямоотой ответил Найджел.

Юноша засмеялся, даже чересчур громко. И, как это бывает в таких случаях, словно по сигналу, в обеденном зале воцарилось внезапное молчание. Даже на улице все звуки, казалось, были приглушены, как будто кто-то нажал на левую педаль гигантского рояля. Найджел понял, что снегопад, похоже, не прекращался с тех пор, как он пришел в клуб. Его охватило неприятное предчувствие чего-то зловещего. Раздраженный этим ощущением (детектив не может позволить себе ясновидения, подумал он зло, даже в том случае, если этот детектив — знаменитый Найджел Стрэнджуэйз), он заставил себя оглядеть ярко освещенную залу, оживленные, но странно невыразительные лица приглашенных; метрдотеля в белых перчатках, заурядных и гладких, как и его лицо; невозмутимых официантов. Все было в полном порядке, и все же... Что-то, чего он толком не мог впоследствии объяснить, заставило его уронить в воцарившуюся тишину:

— Какая чудная обстановка для убийства!

Если бы Найджел тогда посмотрел в нужном направлении, все могло бы произойти совершенно иначе. Но он даже не заметил, как бокал Дэйла качнулся и на скатерть пролилось несколько капель хереса.

Разом зашумел весь стол. Человек, сидевший справа от Найджела через три места, поднял голову, до того почти целиком погруженную в суп, и сказал:

— Ха! Как раз здесь никакого убийства случиться не может. Мои уважаемые коллеги — мирные люди. Со-

мневаюсь, достанет ли у кого-нибудь из них смелости прихлопнуть муху. Да, конечно, они *хотели бы* быть людьми действия, суровыми парнями. Но, прошу, взгляните на них! Вот почему они стали сочинять детективы. Осуществление подсознательных желаний, как говорят психоаналитики, хотя я бы не стал их особенно слушать. Но это довольно-таки безопасно — проливать кровь на бумаге.

Мужчина повернул к Найджелу свое лицо с толстыми губами и маленькими надменными глазами.

— Беда детективов-любителей вроде вас в том, что вы слишком романтичны. Поэтому полиция вас все время и обскакивает.

Коренастый смуглый человек напротив говорившего воскликнул:

— Вы ошибаетесь, мистер Каррузерс. Нам не всегда удается обскакать мистера Стрэнджуэйза.

— Так наш задиристый друг — тот самый Дэвид Каррузерс. Ну-ну... — прошептал Найджел Дэйлу.

— Да, — ответил Дэйл, не понижая голоса. — Мерзкий тип, не правда ли? Это тем не менее не мешает его популярности. Мы продаем тысячи, но Дэвид продает десятки тысяч. Несмотря на всю свою бравату. Жаль, никто его не укокошит на этом ужине, а то он окончательно возомнил себя папой римским.

Каррузерс бросил на Дэйла злой взгляд:

— Почему бы тебе самому не попробовать? В конце концов, добавишь себе дурной славы; может, это даже поможет тебе продать твои книжон-

ки. Хотя, — он похлопал по плечу не- приметного человечка между собой и Дэйлом, — я бы поставил на маленького Криппена*. Ты жаждешь моей крови, да?

Маленький человечек сухо ответил:

— Угомонитесь, Каррузерс. Вы, должно быть, уже пьяны. И соблаговолите запомнить, что меня зовут Криппс.

Тут вмешался председатель, резко изменив тему беседы, и ужин продолжился в прежней спокойной обстановке. Пока гости поглощали весьма недурственную форель, официант позвал Дэйла к телефону. Молодой человек исчез. Найджел одновременно пытался слушать крайне запутанную историю, которую рассказывал ему председатель, и силился понять, что означало странное выражение лица Криппса, и тут погас свет.

Повисла растерянная тишина. Затем заговорили все разом; это была вымученная веселость, которой успокаивают себя, внезапно оказавшись в темноте. Найджел слышал, как все вокруг него зашевелилось, как отодвигались стулья, слышал быстрые приглушенные шаги по ковру — без сомнения, принадлежавшие официантам. Кто-то на другом конце стола довольно нелепо чиркнул спичкой, отчего темнота показалась еще непроглядней.

* Оговорка Каррузерса отнюдь не безобидна: Криппен — имя человека, совершившего одно из самых громких преступлений начала XX века. По мнению полиции, он убил свою жену, расчленил труп и упрятал его под половицами собственного дома. В 1910 г. его судили за это преступление и приговорили к смерти на виселице. До сих пор спорят, был ли этот приговор справедливым. Подробнее см. комментарий на стр. 684–685.

What is this Mustard Club?

** In response to numerous enquiries, we have pleasure in making public the following brief account of the origin and aims of the Mustard Club.*

THE Mustard Club (1926) has been founded under the Presidency of the Baron de Beef, of Porterhouse College, Cambridge. It is a Sporting Club, because its members are always there for the meat. It is a Political Club, because members find that a liberal use of Mustard saves labour in digestion and is conservative of health. It is a Card Club, but Members are only allowed to play for small steaks.

The motto of the Mustard Club is "Mustard Makyth Methuselahs," because Mustard keeps the digestion young. The Password of the Mustard Club is "Pass the Mustard, please!"

Where is the Mustard Club?

There are more than ten million branches of the Mustard Club—in fact, wherever a few people are mustered together at dinner, there you have a meeting of the Mustard Club. Every home where people respect their digestion is a branch of the Mustard Club.

The Café Royal, Simpsons in the Strand, and all restaurants where good food is enjoyed, are frequented by members of the Mustard Club. Harley Street is a stronghold of the Mustard Club because doctors know the value of Mustard in the proper assimilation of food.

The Objects of the Mustard Club.

To enrol all Grumblers, Curmudgeons, and such other persons who by omitting the use of Mustard have suffered in their digestions, and to bring such persons to a joyous frame of mind and healthy habit of body by the liberal use of Mustard.

To encourage the use of Mustard, not only with Beef and Bacon, but to show how it improves the flavour of Mutton, Fish, Cheese and Macaroni.

To teach the younger generation that the true foundation of health and good digestion is the Mustard pot.

RULES of the Mustard Club

1. Every member shall on all proper occasions eat Mustard to improve his appetite and strengthen his digestion.
2. Every member who asks for a sandwich and finds that it contains no mustard shall publicly refuse to eat same.
3. No member shall tip a waiter who forgets to put Mustard on the table.
4. Every member shall once at least during every meal make the secret sign of the Mustard Club by placing the mustard-pot six inches from his neighbour's plate.
5. Every member shall see that the Mustard is freshly made.
6. Each member shall instruct his children to "keep that school-boy digestion" by forming the habit of eating Mustard.

OFFICERS OF THE MUSTARD CLUB.

— Стивенс, разве нельзя зажечь свечи? — раздраженно воскликнул председатель.

— Простите, сэр, — раздался голос метрдотеля, — свечей нет. Гарри, сбегай к электрическому щитку, посмотри, в чем дело.

Дверь за официантом захлопнулась. Меньше чем через минуту свет вновь зажегся. Моргая, точно пловцы, только что вынырнувшие с глубины, гости посмотрели друг на друга. Найджел заметил, что лицо Каррузерса было еще ближе к еде, чем обычно. Странно — продолжать трапезу, что бы ни случилось... Но нет, его голова покоилась прямо на вершине кушанья, лежала на тарелке, точно голова Иоанна Крестителя. И между лопаток Каррузерса торчала большая белая рукоятка; рукоятка — господи, этого не может быть, это было бы чересчур зловеще — и все же именно так и было — рукоятка рыбного ножа.

Судья Поттингджер издал какой-то кулдыкающий звук. Все повернулись туда, куда указывала его трясущаяся рука, широко раскрыли глаза, а затем глупо посмотрели на судью, словно он вот-вот обратится к присяжным.

— Святой Боже, — было все, что он смог выдать из себя.

Но кое-кто уже оценил ситуацию. Коренастый человек, сидевший напротив Каррузерса, уже стоял в дверях. Его голос резко приказывал:

— Всем оставаться на своих местах. Произошло убийство. Я немедленно приступаю к расследованию. Мистер Стрэнджуэйз, не могли бы вы позвонить в Скотленд-Ярд: нам нужен судебный медик, криминалист, фото-

графы — полный джентльменский набор, ну вы знаете.

Найджел вскочил, его блуждающий взгляд отметил, что что-то изменилось, не хватало какой-то детали, но он не мог определить, какой именно. Что ж, может быть, он поймет это позже. Он направился к двери. И в тот же самый момент дверь резко открылась, толкнув коренастого человека. Все ахнули, будто ожидали увидеть убийцу с обагренными кровью руками. Но это был всего лишь юный Дэйл, несколько бледный, но дружелюбно улыбающийся.

— Что, черт возьми... — начал он. А затем увидел...

Через час Найджел и коренастый человек, суперинтендант Бэйтмен, остались в гостиной одни. Аристократы детективной литературы жались в соседней комнате и переговаривались испуганным шепотом.

— Не по душе им суровая действительность, верно, сэр? — сардонически заметил суперинтендант. — Им полезно будет разочек взглянуть на жертву преступления, так сказать, во плоти. Пусть полюбуются. — Ну что ж, — продолжал он после паузы, — похоже, небольшая потеря для общества этот Каррузерс. Ни у кого не нашлось для него доброго слова. Слишком много ел, слишком много пил, слишком много волочился. Но мотива это нам не дает. Теперь Криппс. Каррузерс сказал, что Криппс жаждал его крови. Почему, вы как думаете?

— Откуда мне знать? Криппс ничего не сказал об этом, когда мы его допрашивали.

— У него было достаточно возможностей. Все, что ему нужно было сде-

лать, когда свет выключился, это встать из-за стола, дойти до буфета, взять первый попавшийся под руку нож — может, он даже думал, что это не рыбный нож, а нож для мяса, — заколоть Каррузерса, сесть на свое место и плевать в потолок.

— Да, он мог обмотать свой носовой платок вокруг рукоятки. Это объяснило бы отсутствие отпечатков пальцев. И никто не смог бы поклясться, что он выходил из-за стола; Дэйла в комнате не было, а с другой стороны от него сидел Каррузерс, и его спрашивать поздно. Но если Криппс и правда убийца, все сыграло ему на руку.

— Затем, собственно, юный Дэйл, — сказал Бэйтмен, кусая большой палец. — Все эти его пылкие речи о том, что надо было бы укокошить Каррузерса. Возможно, двойной блеф. Видите ли, мистер Стрэнджуэйз, не может быть сомнений в свидетельстве официанта. Главный рубильник был выключен. И что же у нас получается? Дэйл подстраивает так, что ему звонят во время ужина, он выходит, выключает рубильник — в перчатках, я подозреваю, потому что на рубильнике только отпечатки пальцев официанта, — в темноте возвращается назад, убивает Каррузерса и снова выходит.

— Мм, — пробормотал Найджел, — а каков мотив? И где перчатки? И почему, раз уж убийство было спланировано, такое нелепое орудие?

— Если он спрятал перчатки, мы их скоро найдем. И... — Суперинтенданта перебил звонок телефона, стоявшего у его локтя. Последовал короткий диалог. Затем Бэйтмен повернулся к Найджелу: — Человек, которого я послал допросить Мортон — парня, который звонил Дэйлу. Клянется, что говорил с Дэйлом три-пять минут. Кажется, придется снять подозрение с Дэйла, если только это не сговор.

В этот момент в комнату вошел человек в штатском, с еле сдерживаем-

Но когда молодой человек вошел и увидел лежащие на столе перчатки, его реакция была далека от того, чего ожидал суперинтендант.

чего ожидал суперинтендант. Выражение облегчения, а не мук совести появилось на его лице.

— Как глупо! — сказал он. — Я на несколько минут потерял голову, когда... Но я лучше начну сначала. Каррузерс вечно болтал о том, какой он храбрец и в каких переделках он бывал и так далее. Гадкий типчик. И мы с Мортонем решили проучить его. Мортон

мой торжествующей улыбкой. Он подал Бэйтмену свернутые черные лайковые перчатки.

— Были запрятаны за трубы в туалете, сэр.

Бэйтмен расправил перчатки. На пальцах были пятна. Он посмотрел на изнанку и протянул перчатки Найджелу, указывая на инициалы.

— Так-так, — сказал Найджел, — Г. Д. Кажется, подозрения снимать рано. Судя по всему, тот телефонный звонок — действительно сговор.

— Да, Дэйл у нас в руках.

Но когда молодой человек вошел и увидел лежащие на столе перчатки, его реакция была далека от того,

должен был мне позвонить; я бы вышел и вырубил свет, затем вернулся бы и изобразил, что душу Каррузерса сзади — только чтобы хорошенько его напугать, — и оставил бы леденящее кровь послание на его тарелке: дескать, все это — лишь предупреждение, а в следующий раз Неизвестный доведет дело до конца. Мы подумали, что он будет бляеть от страха, когда я включу свет! Все шло по плану, пока я не подошел к нему, но потом... потом я задел нож и понял, что тут кто-то был до меня и он не шутил. Боюсь, я несколько переволновался, особенно когда обнаружил кровь на своих перчатках. Так что я их спрятал и

сжег веселенькое послание. Страшно глупо с моей стороны. Вся задумка была страшно глупой, как я понимаю теперь.

— При чем тут вообще перчатки? — спросил Найджел.

— Ну, говорят, что руки и манишка видны в темноте, поэтому я надел черные перчатки и заколол воротник фрака на груди. Вообще, скажу я вам, — добавил он пренебрежительно, — мне не хотелось бы учить вас вашему делу, господи, но если бы я хотел его убить, разве я стал бы надевать перчатки с собственными инициалами?

— Это мы еще посмотрим, — холодно ответил Бэйтмен, — но я должен предупредить вас, что вы...

— Одну минуту, — перебил Найджел. — Почему Криппс жаждал крови Каррузерса?

— Это вы лучше спросите у Криппса. Если он сам вам не ответил, не думаю, что мне следует...

— Не будьте болваном. Вы в чертовски опасном положении, не время строить из себя рыцаря.

— Хорошо. Маленький Криппс, может, и глуповат, но человек он отличный. Он мне однажды сказал в доверительной беседе, что Каррузерс украл у него сюжет и накатал бестселлер. Подлое дело. Но, будьте уверены, никто не станет убивать только потому...

— Это уж мы сами решим, мистер Дэйл, — сказал суперинтендант.

Когда юноша вышел под пристальным присмотром констебля, Бэйтмен устало повернулся к Найджелу:

— Это может быть Дэйл и может быть Криппс. Но может быть и любой

другой из этой писательской компании.

Найджел вскочил с кресла.

— Да! — воскликнул он. — Я вспомнил недостающую деталь! Быстрее! Все официанты и обслуга здесь?

— Да, мы заперли их в столовой. Но какого...

Найджел влетел в столовую, Бэйтмен — сразу за ним. Найджел выглянул из окна, верхняя створка которого была открыта.

— Что под окнами? — спросил он метрдотеля.

— Двор, сэр. Окна кухни туда выходят.

— А где сидел сэр Элдред Трэвер?

Метрдотель указал на место не раздумывая; его непроницаемое лицо не выказывало ни малейшего удивления.

— Понятно. Вы не могли бы позвать его на минутку? И кстати, — добавил Найджел, когда метрдотель дошел до двери, — где ваши перчатки?

Метрдотель отвел глаза:

— Мои перчатки, сэр?

— Да. Перед тем как выключился свет, на вас были белые перчатки. Когда свет снова зажегся, я только что это вспомнил, на вас их не было. Не могут ли они случайно оказаться во дворе?

Мужчина отчаянно огляделся, потом вся невозмутимость сошла с его лица. Он, рыдая, упал в кресло.

— Моя дочь... он погубил ее, она покончила с собой. Когда свет выключился, я не выдержал... Такая возможность... Он заслужил это. Я не раскаиваюсь.

— Итак, — рассуждал Найджел десять минут спустя. — Он не выдержал. Схватил первый попавшийся

— Итак, — рассуждал
Найджел десять минут
спустя. — Он не
выдержал.

предмет. Затем, понимая, что обы-
скивать будут всех, он вынужден был
выбросить перчатки в окно. На них
была кровь. При хорошем раскладе

он мог успеть до того, как мы обыска-
ли бы двор. А если бы мы не искали
именно их, мы бы и не увидели их на
снегу. Они белые.

This is the Glove for Wintry Wear with Fresh-Air Folk. It brings cosy finger-tip warmth to such chilly jobs as Winter Motoring, Driving, Skating, Tramping, etc.

"LAMMIE" GAUNTLETS
HAND-SEWN PELTS WITH THE
NATURAL FLEECE INSIDE.

17/6

post
free.

Send P. Order for **17/6** with name and full address. Say whether for man or lady and give ordinary glove size. Full money back *immediately* if you wish to return the gloves.

BARBOUR & SONS, Ltd.
Beacon B'ld'gs, So. Shields.

Send
him, or
her, a pair
this week.

— А зачем вы отправили его за сэром Элдредом Трэвером?

— О, я хотел его отвлечь и заставить отойти от окна. Он мог бы последовать за своими перчатками.

— Ну что ж, этот удар рыбным ножом мог бы оказаться настоящим

ударом судьбы для юного Дэйла, не будь тут вас, — сказал суперинтендант, пытаясь сострить. — Чему это вы там усмехаетесь?

— Я подумал, что, возможно, вперые свидетелем убийства оказался судья.

Дэвид Винзер

1915–1944

Перевод и вступление Александра Пиперски

ДЭВИД Майкл де Реуда Винзер родился 15 марта 1915 года на юго-западе Англии, в Плимуте. Его короткая жизнь была необычайно насыщенной: за двадцать девять лет, отведенных ему судьбой, он успел проявить себя и как писатель, и как спортсмен, и как врач, и как храбрый офицер.

Винзер учился в Оксфордском университете и оставил в его истории заметный след. В 1936 году он был награжден Премией Ньюдигейта — это оксфордская литературная премия, которая с 1806 года вручается за лучшее стихотворное произведение, написанное на заданную тему студентом, прочувшимся в Оксфорде не более четырех лет. В числе лауреатов этой премии в XIX веке были такие известные британские поэты, как Мэтью Арнольд и Оскар Уайльд. Приз достался Винзеру за сборник стихотворений “Дождь”, в который вошли пять произведений: “Летний дождь”, “Осенний дождь”, “Зимний дождь”, “Весенний дождь в марте” и “Весенний дождь в апреле”. Правда, нельзя сказать, что стихи Винзера дополнили собой золотой фонд английской литературы. Как пишут критики, в первой половине XX века Ньюдигейтская премия был оплотом литературного консерватизма и присуждалась по большей части эпигонам, подражавшим литературным вкусам 1890-х годов.

В 1935 году Дэвид Винзер стал членом гребной команды своего университета. В течение трех лет он принимал участие в традиционной регате Оксфорда

DAVID WINSER

и Кембриджа. О том, какой спортивный уровень для этого требовался, свидетельствует хотя бы то, что трое гребцов, в разные годы бывших товарищами Винзера по команде, в 1936 году защищали честь Великобритании на Олимпийских играх в Берлине. Это было тяжелое время для оксфордцев: последний раз их команда выигрывала гонку в 1923 году, а в 1930-м Кембридж обошел Оксфорд по числу побед за всю историю существования гонки (и, кстати, сохраняет первенство по сей день). Только в 1937 году, когда Винзер в третий и в последний раз участвовал в регате, оксфордцам удалось прервать серию поражений и впервые за четырнадцать лет победить. Кстати, портрет Винзера, публикуемый в нашей антологии, как раз и был напечатан в газете “Иллюстрированный Лондон ньюс” после победы оксфордской восьмерки в регате.

Окончив Оксфорд в том же 1937 году, Винзер отправился учиться медицине в Йель. Когда началась Вторая мировая война, он ушел на фронт в составе Королевского военно-медицинского корпуса. Винзер дослужился до звания лейтенанта и был удостоен Военного креста за отвагу. Он принимал участие в высадке союзников в Нормандии 6 июня 1944 года и героически погиб через несколько месяцев после этого, 1 ноября 1944 года, во время захвата нидерландского острова Валхерен.

Дэвид Винзер не был профессиональным сочинителем детективов, но его рассказ “Убийство накануне регаты” заслуживает внимания любителей криминального жанра даже спустя многие десятилетия. Нечасто профессионалу удастся написать о своем деле так, чтобы читатель смог разобраться в самых мелких деталях, не запутавшись. Дэвид Винзер с блеском справился с этой задачей, причем не в ущерб увлекательности сюжета: читая рассказ, так и проникаешься духом соперничества между двумя университетами, который может подвигнуть на все — вплоть до убийства. Кстати, этому духу соперничества рассказ обязан не только своим содержанием, но и самим своим возникновением: нет сомнений, что Винзер был знаком с творчеством кембриджского гребца Роберта Свортволта, который в 1933 году опубликовал детективный роман с тем же названием, но только на кембриджский сюжет.

© The Estate of David Winser

© А. Пиперски, перевод на русский язык и вступление, 2011

РАССКАЗ “УБИЙСТВО НАКАНУНЕ РЕГАТЫ” ВПЕРВЫЕ
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В СБОРНИКЕ “ДЕТЕКТИВНЫЕ
РАССКАЗЫ СЕГОДНЯ” В 1940 ГОДУ.

THE BOAT RACE MURDER

DETECTIVE STORIES OF TODAY. L., FABER & FABER, 1940.

ДЭВИД ВИНЗЕР

Убийство накануне регаты

Последние три недели перед регатой оксфордская команда обычно проводит в отеле, расположенном в садах Рэнли. Это обходится недешево, но зато лодочные павильоны совсем рядом, а гребной клуб денег не считает. Все дело в том, что расходы на греблю, как и на все оксфордские спортивные мероприятия, почти полностью покрываются доходами от билетов на регби. Вот мы и жили в эдвардианском комфорте, играли в крокет в специальных галошах на безукоризненных газонах и восхищались птичками и развалинами. И кормили нас тоже неплохо, потому что у нас как-никак были тренировки.

С нами случались самые разные происшествия. Например, один любвеобильный павлин воспылил страстью к президенту нашего клуба, который греб под вторым номером. Павлин приходил и распускал перед ним хвост в надежде, что тот уступит его домогательствам, — но безуспешно.

Хотя наши имена периодически появлялись в газетах, в Рэнли мы

вели совершенно свободную от журналистов жизнь. Нам не нравились всякие легенды, которые ходят вокруг гребли, вроде того, что если лодка вырвется вперед только после Барнесского моста*, то вся команда через пять лет умрет (обычно ничего подобного не происходит). В общем, в газеты просочилось мало информации об этой истории, благо мы были под защитой Оксфордского гребного клуба и Рэнли, а репортеры хорошо относились и к нам и к гребле. Но все-таки я думаю, что надо рассказать, что произошло. Пожалуй, я даже обязан это рассказать.

Представьте себе традиционную попойку в Рэнли за два дня до регаты. Тренер или кто-то из ветеранов команды вдруг достает дюжину бутылок шампанского, и тренер говорит, что команда так хорошо поработала, что заслужила выпить шипучей отравы. Все прекрасно знают, что это делается просто для того, чтобы гребцы не перегорели. Но традиция

* Считается, что к моменту прохождения Барнесского моста судьба гонки, как правило, бывает решена.

велит преподносить выпивку как награду за доблестный труд. В этот вечер старшие принесли даже не одну, а две дюжины бутылок, потому что к нам в гости из Ричмонда приезжала "Айсис", запасная команда.

Думаю, остальное вы легко можете представить себе сами. Солли Джонстон откидывался на стуле и так хотел над собственными шутками, что все остальные тоже начинали смеяться. Я даже заметил, как президент попросил его перестать шутить, потому что у него уже все болело от смеха, но Солли не останавливался. А после ужина обе команды собрались в большой комнате для игр, президент снимал все происходящее на кинокамеру с огромным прожектором, "Айсис" разгромила главную команду в настольный теннис и на бильярде, Ронни играл на пианино, кто-то пел, из граммофона доносилась "Ослиная серенада", Солли продолжал шутить, а где-то в уголке Мелвин Грин разговаривал о гребле с доктором Джеффрисом, который проводил с командой начальные тренировки. В общем, шум и хаос-шмаос, как выразился Солли, были невероятные.

Я наблюдал за этим снисходительно, хотя и несколько затуманенным взглядом, потому что считал, что не заслуживаю такого веселья, как остальные. Я был рулевым и уже знал неприятные новости. А к тому же когда двухсотфунтовые Джон Питерс и Гарри Уиттередж навеселе, рулевому опасно попадаться у них на пути. Наблюдая за ними в тот вечер, невозможно было вообразить, с каким достоинством, которое только благодаря их таланту не превращалось в

тяжеловесность, они помогали лодке двигаться вперед. Выглядели они так же величественно, как бык на коньках. Но я знал, что дурная новость потрясет их так же, как и меня, и не намного меньше, чем Джима Мэтьюза. Джим Мэтьюз был у нас загребным, и ему предстояло узнать, что его выкинули из команды.

На первый взгляд это не так уж и страшно. У него никогда не было такой репутации, как у Броклбэнка, Лори, Сатклиффа или Брайана Ходжсона. В газетах не писали, что он вытянет на себе всю команду. И он бы и не вытянул. Но как-то раз я услышал беседу Джона и Гарри. А они ведь прекрасные гребцы и знают, о чем говорят:

— Этот Мэтьюз, — сказал Джон (не ручаюсь, что точно передаю его слова), — вроде ничего особенного не делает, и говорит мало, и с виду неказистый, и вообще не очень-то мне нравится. Но, черт возьми, никто другой не оставляет мне столько времени на гребок.

— В этом наша с тобой проблема, Джон, — сказал Гарри. — Нам нужна прорва времени.

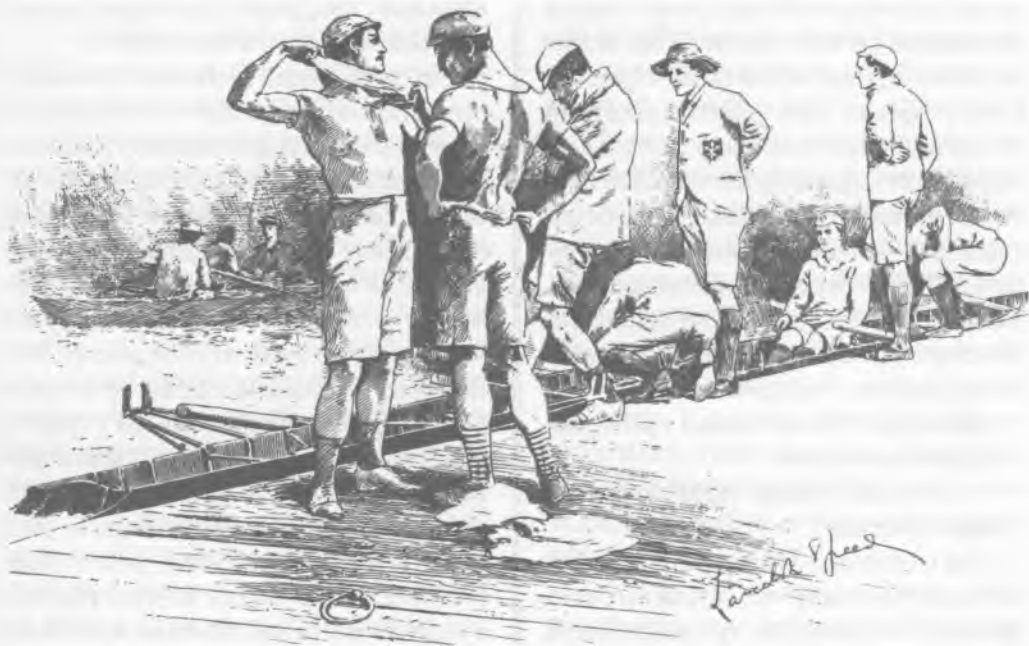
— Да, и Джим нам как раз дает время. С ним мы выиграем гонку.

— А без него, думаешь, не выиграем?

— Без Джима — нет.

— Согласен.

Вас, наверное, не так уж сильно волнует, кто выиграет регату. Но если вы хотите разобраться в этой истории, вы должны понимать: десять или одиннадцать человек три месяца думают только о том, чтобы попасть

...Десять или одиннадцать человек три месяца думают только о том, чтобы попасть в команду и привести Оксфорд к победе.

в команду и привести Оксфорд к победе.

Это уже просто помешательство, навязчивая идея. Например, когда команда отправилась из Оксфорда в Хенли, Джон и Гарри ехали на малолитражке Джона и придумали себе примету. Если им удастся по пути обогнать все остальные машины гребного клуба и коснуться их рукой, то Оксфорд выиграет регату. И поэтому, с риском для жизни (а ведь без них бы Оксфорд не выиграл) они сумели-таки дотронуться до всех машин. И что-то подобное происходило каждый день. А теперь, когда тренеры выгонят Джима Мэтьюза из команды, этим двоим не будет хватать времени для гребка. И тогда, вместо того чтобы придавать команде достоинство и

устойчивость, они будут мешать всем своими бестолковыми движениями. Может быть, для вас или даже для самого Оксфорда это все не так важно, но для команды расставание с Джимом было трагедией. Все знали, что если в команду возьмут Дэвиса, темноволосого коренастого загребного из "Айсис", то он и будет участвовать в гонке. А Дэвис, при всем своем упорстве и выносливости, делает слишком мелкие гребки, и это бы обошлось нам слишком дорого.

Я понимал, что чувствует Джим. Меня самого один раз выгоняли из команды, потому что рулевой "Айсис" был не хуже меня, а реку знал лучше. Страшно было подумать, что сделает Джим, узнав о своем исключении. Но

когда тренеры сообщили ему о своем решении, он ошарашен. Он ничего им не сказал, и это была глупость с его стороны. Они сперва не хотели его менять, но его поведение на тренировках сыграло не в его пользу (мы-то все понимали, что он просто берег силы для того, чтобы выдать блестящую гонку). Тренеры забеспокоились, а в газетах стали писать, что оксфордцы перегорели. Попойка пришлась очень кстати — и Дэвис тоже.

Джим ничего не сказал тренерам, а обратился ко мне:

— Слушай, Питер, пошли пугнем птицу счастья.

Мы с Джоном отвезли его в Рэнли на моем “эм-джи” и высадили неподалеку от того места, где жила наша птица счастья — журавль, который улетал, когда за ним начинали гоняться. Потом я дал Джону загнать машину в гараж. Ему не разрешали прикасаться ни к рулю, ни к трубке уже шесть недель, но тут он позволил себе эту роскошь. Он догнал меня еще до того, как я достиг здания, где мы жили, и мы вошли туда вместе.

— У тебя бензин кончается, — сказал он мне. Он еще ничего не знал о Джиме, но голос у него был грустный, как будто он чувствовал неладное.

— На завтра-то хватит?

— Если датчик работает правильно, то у тебя еще осталось полгаллона.

— Тогда все в порядке. Не беспокойся насчет тренировки, Джон. Сегодня у нас попойка.

Где-то в саду бродил несчастный Джим Мэтьюз. Думаю, что журавль был для него просто поводом побыть одному. Мне было жалко Джима. Ему предстояло еще раз сходить на тре-

нировку, где Дэвис будет грести под вторым номером, а потом уйти.

На следующий день, как всегда после попойки, все пошло наперекосяк. Надеюсь поехать на машине, я вышел из дома слишком поздно, чтобы вовремя добраться до реки. Мне единственному из команды разрешали ходить в магазин: считалось, что все остальные особенно подвержены гриппу на этом этапе тренировок. Поэтому я обычно после тренировки ездил за покупками. Но утром я обнаружил, что бензина у меня все-таки не осталось, и пришлось бежать на своих двоих по площадкам для поло. Когда я прибежал, ребята как раз вынимали лодку из-под навеса, а вместо меня им помогал какой-то мальчишка. Я оттолкнул его и даже не сказал спасибо, и вообще совершенно забыл о хороших манерах. А потом Дэвис, который по понятным причинам очень волновался, сделал слишком сильный гребок, не послушав моей команды, и лодка чуть не врезалась в буй. Джим Мэтьюз, как и все остальные, сидел без дела и слушал, как я ругаюсь. Примечательно было только то, что Джон и Гарри огрызались в ответ. Они уже понимали, что загребным будет Дэвис. Он греб слишком быстро. Они устали, тренеры обвиняли их в том, что они зачерпывают слишком много воды и замедляют лодку. Я не винил их за то, что они ругаются. Я ведь и сам ругался.

Тренер взял в руки мегафон.

— Рулевой, готов? — спросил он. Голос у него был не слишком добрый.

Я ответил:

— Готов.

— Гребите вниз по течению до Эйота, — сказал он. — Джим, заставь их поработать как следует.

Эйот находится в пятнадцати минутах гребли от лодочного павильона, и Джим взялся за дело всерьез — ведь это был его последний заезд. Ему велели заставить команду поработать, вот он и заставил и один раз сделал сорок гребков за минуту. А потом еще раз. А под конец совсем разошелся. Он держался очень уверенно, легко толкая лодку вперед. Я видел, как в воде под веслами Гарри и Джона образовывались зеленоватые углубления. Лодка летела. Я подумал, не переменят ли тренеры свое решение. Сейчас ответ на этот вопрос не узнает уже никто, даже Джим. Я заметил, что лопасть весла Дэвиса плохо двигалась в конце дистанции, но я не придавал этому значения. Когда мы остановились, он оперся на весло и так и сидел, но в этом тоже не было ничего необычного: заплыв был не из легких. Потом мы отдохнули, и я велел грести вполсилы, потому что мы собирались потренировать старт с хода. Но Дэвис не двигался.

— Второй, работать! — сердито сказал я.

Видимо, потом баковый наклонился вперед и дотронулся до него, потому что тело Дэвиса завалилось через борт и упало в воду. Я не знаю, в какой момент он умер, но когда до него доплыла шлюпка, он был уже мертв. Хорошо, что доктор Джеффрис был близко: он хотел посмотреть, какой эффект произведет замена. Вот и посмотрел.

Если я и позволял себе усомниться в том, заслуживают ли наши тренеры

своей работы (а во время тренировок начинаешь сомневаться абсолютно во всем), то я был неправ. Они довезли Дэвиса на шлюпке до лодочной станции Лондонского университета, где по утрам всегда пусто, подогнали туда машину Солли, положили в нее тело и привезли его в Рэнли так, что этого не заметили ни члены команды, ни журналисты, ни управляющий Рэнли. Перед обедом они собрали команду, и доктор Джо Джеффрис обратился к нам с речью. Ведь одна из главных обязанностей тренеров — поддерживать в команде бодрость духа.

— Ну что ж, — сказал Джо, — вы все видели, что случилось. У бедняги Дэвиса отказало сердце. Я понимаю, что чувствуете вы, а вы понимаете, что чувствую я. Но вы должны ясно отдавать себе отчет в одном: он умер потому, что у него было слабое сердце уже до того, как он вышел на дистанцию. Я его не проверял, но я знаю, что это так, потому что сердце не может отказать после гребли, если оно не слабое. А ваши сердца совершенно здоровые, потому что их я проверял. И сегодня на всякий случай еще раз проверю.

Так он и сделал, и его слова подтвердились. Со всеми ребятами было все в порядке.

Но потом, когда Джон вышел, а мы с Джо и Солли остались в комнате одни, Джо вдруг сказал:

— Вообще-то я проверял ему сердце.

Солли, конечно, отпустил свою обычную шуточку насчет всех этих обследований, но я понимал, что обследо-

ванию можно доверять. Поэтому мы пошли и вызвали полицию.

— Его убили, — сказал Джо.

Солли, наверное, посчитал это шуткой. Ведь еще одна обязанность тренера — поддерживать бодрость духа в других тренерах. А то ведь перед гонкой у всех голова идет кругом.

Мы даже вышли после обеда на тренировку — вот что регата делает с людьми. Солли утверждал, что это только ради того, чтобы смягчить подозрения журналистов насчет смерти Дэвиса. Но как бы то ни было, лодка вышла на старт, Джим был просто великолепен, и команда выдала потрясающие две минуты, несясь вперед на тридцати шести гребках в минуту. С Джимом эта восьмерка была непревзойденной.

Когда мы вернулись, уже приехала полиция, но нас это не очень беспокоило. Мы хорошо знали друг друга, и никто не мог себе представить, что вместе с ним гребет убийца. Убийцы — это особая профессия, и греблей они не занимаются.

Полиция установила, чем убили Дэвиса. Назовем это вещество *дифенилтирозином*. Мы с Джимом как студенты-медики знали его настоящее название. Джо Джеффрис его тоже знал, конечно. Что интересно, оно входит в состав одного очень распространенного лекарства, которое немного стимулирует сердечную деятельность на день или на два, но если принять его перед заездом, то сердце начнет биться очень быстро — слишком быстро, чтобы работать нормально. А потом начнется фибрилляция — бесполез-

ные сокращения сердца. Если это фибрилляция желудочков, человек умирает. Дэвис был очень упорным, он греб, пока не остановилось сердце. Он был хороший загребной, но все равно ему было далеко до Джима Мэтьюза. Мне было жаль Дэвиса, но, учитывая интересы команды, я был рад, что Джим сохранил свое место. И вот что еще: тот, кто убил Дэвиса, должен был заранее знать о его упорстве.

Полиция начала обстоятельно выяснять, что делали члены команды в день накануне убийства. Детективов заинтересовал именно этот день, потому что они получили очень важные показания: в аптеку в Патни зашел человек и попросил то самое лекарство. Люди наверняка делают это каждый день. На нем был макинтош и старая шляпа.

Однако под макинтошем аптекарь заметил белые фланелевые брюки, в каких ходят члены команды, когда они не гребут.

Один из полицейских провел две очень неутешительные беседы, содержание которых с удовольствием пересказал нам.

Он спросил у аптекаря, был ли тот покупатель высокого роста. Тот ответил, что да.

— Выше, чем я?

— Может, и да.

— Вы уверены, что он был не маленького роста?

Аптекарь задумался и сказал:

— Ну, можно сказать, что маленького.

— Вы не могли бы показать его рост на стене?

Один из полицейских провел две очень неутешительные беседы с аптекарем.

Аптекарь уверенно сделал шаг вперед, остановился, подумал и сказал:

— Нет. Только примерно.

— А какого цвета у него были волосы?

— Хорош бы я был, если бы запомнил цвет волос всех моих покупателей, — сказал аптекарь. Он был уже немного раздражен. — Я знаю только то, что у него были белые брюки.

Второй разговор был такой. Полиция узнала, что мы с Джоном ставили машину в гараж в тот момент, когда команда возвращалась домой. Начали выяснять, не выезжал ли кто-нибудь из Рэнли в машине вроде моей.

Детективы отправились к сторожам у обоих выездов и стали спрашивать у них:

— Вы не видели маленькую черную спортивную машину, выезжающую за территорию? После половины шестого.

В те годы “хорнеты” и “эм-джи” попадались на каждом шагу. Один из сторожей сказал, что видел четыре такие машины, но цвет не запомнил. Другой видел семь штук, из которых три были черные или темно-коричневые.

— Ну хорошо, — сказали полицейские, — а какие-нибудь из них потом возвращались?

Тот сторож, который не был дальтоником, сказал:

— Я насчитал семь в обе стороны.

После этого от него уже ничего нельзя было добиться. В общем, от сторожей и аптекарей толку было немного. Да, кто-то из команды купил это лекарство. Кто-то, возможно, выехал из Рэнли на моей машине. Пузы-

рек так и не нашли. Ведь есть тысяча способов от него избавиться — например, бросить в унитаз и спустить воду. Это ведь очень маленький пузырек. Вы, наверное, попытаетесь угадать, что это за лекарство, но, к счастью, ошибетесь.

Кто-то оказался сообразительнее меня и понял, что если аптекарь знал свое дело, то должен был взять у человека в макинтоше расписку, потому что целый пузырек такого лекарства можно использовать как яд. Один полицейский отправился выяснять, поступил ли аптекарь именно так, а другой начал выяснять, где мы были в это время.

Интересно то, что все это расследование заняло очень мало времени. После убийства прошел только один день. Когда они поняли, что это убийство, они начали думать о сердечных средствах, которые можно подсыпать кому-нибудь в молоко перед сном или в шампанское на попойке. Поэтому они вспомнили о дифенилтирозине и, конечно, при вскрытии его обнаружили. Никто не знал, когда Дэвис его принял, но решили, что его подмешали в шампанское. Мне кажется, что проверить такое было бы трудновато, но таково было мнение полиции. Наверное, у них был опыт. Конечно, Дэвис ни о чем не подозревал: мало кто ожидает, что его отравят посредии пирушки. Полицейские были во всем этом настолько уверены (и, как оказалось, не зря), что мы не подвергали сомнению их слова. Поэтому мы все ужасно подробно расписали свои передвижения.

Их интересовало только время между половиной шестого, когда мы

вернулись с тренировки, и шестью. Аптекарь сказал, что покупатель в белых штанах приходил примерно без четверти шесть. Он знал это потому, что в шесть часов он закрывался, а за последние пятнадцать минут к нему так и не пришел никто другой, и поэтому он злился на себя за то, что он, дурак, не закрыл аптеку на четверть часа раньше. Мне показалось, что это звучит убедительно, и полицейский тоже так думал.

Большая часть команды провела время с половины шестого до шести вместе в комнате для игр. Меня, Джона и Джима там сперва не было. Мы знали, где был Джим — гонялся за птицей счастья. Мы втроем вернулись с тренировки чуть позже, потому что задержались поговорить с тренерами, и Джим вошел в дом без десяти шесть. Мы были в этом абсолютно уверены, так как к шести часам, когда начались новости, он доиграл партию в пинг-понг с Ронни. Значит, на четверть часа у Джима не было алиби.

Джон сказал, что он был у себя в комнате до шести, а в шесть спустился послушать новости.

Я сказал, что вообще не был в комнате для игр. Сперва я решал кроссворд, а потом расписывался за всю команду.

У меня спросили:

— Что значит “расписывался за всю команду”?

Я сказал им, что остальная часть команды не занимается раздачей автографов. И поэтому рулевые со времен Питера Брайана подделывают подписи всех остальных в книжечках для автографов; это одна из их обязанностей. Если у тебя есть два-три

пера и достаточно терпения, то можно все сделать очень убедительно.

— Хм, — сказали они, смеясь, — да вы подозрительная личность.

Я ответил, что ничего подозрительного во мне на самом деле нет.

Один из детективов прошелся пешком до аптеки и обратно. Двадцать пять минут быстрым шагом. Это означало, что мы с Джоном могли добраться туда либо пешком, либо на машине, а Джим — только на машине. По пути туда полицейский встретил другого, который выяснял, осталась ли у аптекаря подпись. Подпись-то была, но имя, похоже, оказалось вымышленное: кто-то написал “А. Г. Галлимеджа”.

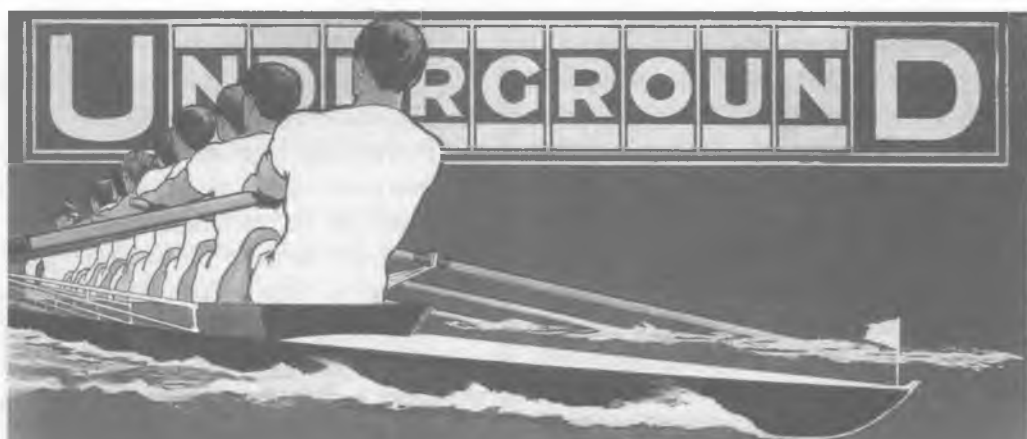
Они стали работать в этом направлении, и весьма изобретательно. Полицейский сказал, что ему нужен подлинный автограф, и подошел к каждому члену команды по отдельности, рассказывая всем душещипательную историю о том, что его дочь серьезно больна и спасут только настоящие автографы. На какую только удочку гребцы не попадутся! Только Джим заартачился. Он снова играл в пинг-понг и со свойственной ему прямоотой сказал:

— За меня рулевой подписывается.

Детектив сказал, что он это знает, но его дочь хочет настоящий автограф. Джим неохотно расписался и продолжил играть.

Почерк у него был почти как у Галлимеджа.

Значит, подозрение падало либо на Джима, либо на меня. Я забыл упомянуть, что они проверяли Джона и выяснили, что горничная видела его

BOAT RACE

THURSDAY · MARCH 13TH · 4.30 P.M.

BOOK TO

SHEPHERDS BUSH

AND THENCE BY TRAM TO

HAMMERSMITH

в комнате между 5:40 и 5:50. Думаю, он пошел наверх покурить, хотя она этого не сказала. Он считал, что ему, в отличие от других, курение только помогает грести. Так что остались Джим и я, а подпись с равным успехом могла указывать на любого из нас. Поскольку дело было перед регатой, полицейские пришли к Солли и спросили, можно ли арестовать нас обоих. Я об этом знаю потому, что я при этом присутствовал.

— Вы не против, если мы арестуем Мэтьюза и вашего рулевого? — спросили они.

— Против, — сказал Солли. — Рулевого на замену мы найдем, но загребных у нас больше нет. Если можно, оставьте обоих на воле.

Детектив нахмурился:

— У нас серьезные улики.

— Выкладывайте, — сказал Солли, откинувшись в кресле. — Мы с рулевым в два счета вас разгромим. Рулевой у нас каждое утро решает кроссворд всего за полчаса.

— А позавчера вместе с Джоном — за двадцать пять минут, — сказал я.

Потом я замолк.

Детектив изложил свои аргументы. Разобраться с ними было куда легче, чем с кроссвордом из "Таймс" или тем более с кроссвордом сочинения Торквемады*.

— Но если бы в аптеку отправился Джим, — сказал я, — он должен был ехать на машине.

— Да.

— Но в машине не было бензина.

— Вы уверены?

— Уверен. Понимаете, мы с Джоном вечером видели, что датчик показывал полгаллона. На следующее утро он тоже показывал полгаллона, но бензина не было. Датчик меня подвел.

— Вот-вот, — сказал Солли.

— Вы понимаете, что это значит? — спросил сыщик.

— Нет, — сказал я.

— Раз Джим Мэтьюз не брал вашу машину, значит, кто-то пошел в аптеку пешком. И этот кто-то — вы, потому что у Джима не хватило бы времени.

— Он мог бежать бегом, — сказала я.

— А вот и нет, — сказал сыщик. — Покупатель не запыхался.

Наверное, вид у меня был потрясенный, потому что Солли добродушно похлопал меня по спине и сказал:

— Ничего-ничего. Вот увидишь, выяснится, что это не ты и не Джим. Молодец, что вспомнил про бензин.

Меня это утешило.

— Ну что ж, — сказал я. — У "Айсис" отличный рулевой, а я и так уже один раз выигрывал в регате за главную команду. Уверен, что мы и сейчас выиграем. Мне бы только хотелось, чтобы в тюрьме было радио.

— Мы вам обо всем расскажем, — сказал детектив. Надо сказать, он очень достойно разговаривал с убийцей.

Но это еще не все. Оксфорд, конечно, выиграл, а Джим совершил великолепный рывок на финише. Он не смог бы ничего сделать без Гарри и Джона, а они ничего не смогли бы сделать без него. Он увлекал их вперед так легко и уверенно, что можно было подумывать, будто они на лодочной прогулке.

* Имеется в виду Эдвард Поуис Мэйзерс (Edward Powys Mathers, 1892—1939) по прозвищу Торквемада, составитель кроссвордов в еженедельнике "Обсервер".

ке. Если, конечно, не обращать внимания на скорость.

Но полицейские не учли одного. Вы, наверное, уже понимаете, о чем речь. Джон в тот вечер решал у себя кроссворд, и именно тогда мы решили его за двадцать пять минут и уложились как раз к новостям. Конечно, мой датчик уровня бензина немного барахлит, и они могли легко это проверить: он застревает на отметке в полгаллона.

Мне жаль Джима. Я бы хотел, чтобы все сложилось иначе. Честно говоря, я не знаю другого способа, которым наша команда могла бы выиграть, но Джим, при всем его честолюбии, тоже не хотел достичь победы такой ценой. Он подумал, что Дэвис почувствует себя плохо и сойдет с дистанции в середине тренировки. Но Дэвис греб до тех пор, пока у него не остановилось сердце.

For Strength and Nerve Force take Sanatogen

Even men in severe training find Sanatogen indispensable.

"A medical friend advised me to use it," writes one of them, who desires to remain anonymous. "The preliminary practice and tests put me to a much greater strain than I had previously had to endure, and I can honestly say that I derived the greatest benefit from Sanatogen."

Though in the pink of condition, such men are sometimes liable to "staleness"—temporary nervous exhaustion reacting on the muscular system—which is absolutely prevented by Sanatogen.

"It brings back that feeling of freshness so necessary at any athletic sport," writes Mr. J. Sharp, the famous International and Everton forward. And Mr. Jules Gantier, the well-known swimmer, writes: "I owe my improved condition to a systematic training on Sanatogen. It certainly does all it promises."

That is the difference between Sanatogen and other tonic foods—it does all it promises—not only for athletes but for the strenuous brain-worker too. Thus, the Rev. Kingscote Greenland, writes: "For weeks I have been pegging away at three doses a day of Sanatogen. The result is, my sense of 'fag' has vanished, and I tackle my work with a positive relish. I have never enjoyed a sense of well-being like it since I was a boy."

Why not enjoy that same sense of freshness and well-being? Buy Sanatogen at your chemist's to-day—from 2/3 per tin—and take it regularly.

GENATOSAN, LTD. (British Purchasers of the Sanatogen Co.) 12, Chenies Street, London, W.C. 1.
(Chairman: The Viscountess Rhonda.)

Ричард Кеверн

1882–1950

Перевод и вступление Лидии Хесед

РИЧАРД Кеверн — псевдоним Клиффорда Хоскена, автора “увлекательных и вместе с тем реалистичных историй”, как писал о его детективных рассказах Говард Хэйкрафт (“Убийство для удовольствия”).

О Клиффорде Хоскене известно очень мало. Он родился в 1882 году, в 1911-м женился на Эмме Харрис Фостер, во время Первой мировой войны служил в английской авиации. По окончании войны работал журналистом в “Дейли миррор”. Свою литературную деятельность Ричард Кеверн начинал с приключенческих рассказов для мальчиков — в ранней молодости он преподавал в частной школе.

На сегодняшний день известно 19 произведений, написанных Кеверном, среди них не только детективные романы и рассказы, но и подробный путеводитель по английским постоялым дворам “Истории старых трактиров”, ставший в свое время бестселлером. Кеверн многие годы прожил в Восточном Суффолке и очень любил эти края — там происходит действие многих его книг.

RICHARD KEVERNE

Хотя Кеверн не был членом Детективного клуба, в своих рассказах он продолжает традицию, которую заложили его основатели — Фримен Уиллс Крофтс, Дороти Сэйерс и другие. Кеверн — мастер реалистичного детектива, лишённого мистических загадок, но приятно удивляющего безупречной логикой и неожиданной разгадкой преступления.

Наиболее известный персонаж, созданный Кеверном, — инспектор Саймон Артифекс. Профессиональный детектив, он расследует большинство преступлений, о которых пишет Кеверн; встретим мы его и в рассказе “Железное алиби”. Правда, роль Артифекса в этом рассказе скорее эпизодическая. В “Железном алиби” Кеверн поручил расследование простодушному майору Майлзу Годфри, страстному любителю садоводства.

© 1941 Richard Keverne

© Л. Хесед, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ЖЕЛЕЗНОЕ АЛИБИ”
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1941 ГОДУ
В ЖУРНАЛЕ “СТРЭНД”.

THE CAST-IRON ≡ ALIBI ≡

//////////////// THE STRAND MAGAZINE, 1941. //////////////////

РИЧАРД КЕВЕРН

Железное алиби

— **М**исс Кэмпбелл, — объявила горничная, и начальник полиции встал.

— Э-э, добрый день, — сказал он, когда дверь закрылась. — Пожалуйста, присаживайтесь.

— Нет, спасибо, я не буду садиться, — ответила девушка. — Я отниму у вас буквально пару минут. Спасибо, что согласились принять меня.

— Пустяки, пустяки, — ответил начальник полиции, неожиданно смутившись. Он повернулся к столу и заглянул в блокнот. — Сегодня утром по телефону вы сказали, что хотите поговорить со мной лично по очень важному делу. Думаю, вам лучше все-таки сесть, так говорить будет проще, — заметил он с улыбкой.

— Хорошо. — Она заняла предложенный стул, Майлз также сел на место. — Майор Годфри, я пришла сообщить вам вот что. Я хочу, чтобы вы знали: перед вами Энид Кэмерон, хотя по очевидным причинам мне пришлось изменить имя.

— Энид Кэмерон? — повторил он, нахмурившись. — Энид Кэмерон?

— Да. Та, которую в 1938 году в Олд-Бейли приговорили к трем годам тюрьмы.

— Ну конечно, помню...

— Домушник в юбке — так, кажется, меня прозвали. Что-то в этом роде, броское и нелепое, — она коротко и горько рассмеялась, — впрочем, сейчас это не важно.

Лицо Майлза Годфри приняло застывшее выражение. Он перешел на официальный тон.

— Слушаю вас, — сухо произнес он, все с большим интересом глядя на стройную светловолосую девушку. Он помнил ее на шумевшее дело.

— Я пришла сказать, что супруги Пауэлл предложили мне место садовницы у себя в Гров-Лодже, это в Мерсден-Мagne, около пяти миль отсюда.

Он кивнул.

— Я как раз собираюсь к ним ехать, однако от вас зависит, возьмусь ли я за эту работу.

— От меня? При чем здесь я? — спросил Годфри уже не так резко. Ему становилось все интереснее.

— Все зависит от того, будут там шнырять ваши полицейские или нет. Если будут, я откажусь от места.

— Но... — начал он.

— В последний раз так и случилось, — перебила она. — Я работала на ферме в Южном Ридинге. Работа мне нравилась, и, кажется, мной были довольны. Затем полицейские стали назойливо обо мне расспрашивать. Незнакомый доброхот узнал меня и отправил анонимное письмо в полицию. И все, этого было достаточно. Я ушла сама, не дожидаясь, пока фермер меня прогонит. Неужели и здесь повторится то же самое?

Она с вызовом посмотрела на Годфри, и он на миг растерялся, не зная, что ответить.

— Вы не могли бы рассказать подробнее? — спросил он после короткой паузы.

— Вот что я скажу, хотя вы вряд ли мне поверите, — с нескрываемой горечью произнесла она, — урок я усвоила. Если опять начнутся преследования, у меня будет только один выход. Нет, нет, я, конечно, не вернусь на стезю порока, как вы это называете. Ничего нет хуже того, что я перенесла в тюрьме. Ничего. — Она вздрогнула. — Я слишком боюсь вновь это испытать. Но когда ты не можешь заработать себе на жизнь, остается один выход.

— Ну-ну, не надо так говорить, — растерянно пробормотал он. — Ничто не мешает вам жить честным трудом.

— Нет, мешает: вы и ваша система. Именно поэтому я здесь. Я решила, что если приду и расскажу вам все сразу, то, по крайней мере, у меня будет хоть какой-то шанс. Неужели я еще не искупила свое так называемое преступное деяние? — Она в отчая-

нии всплеснула руками. — Это ведь не преступление — сменить имя? — В ее голосе послышался приятный шотландский акцент. — И если хотите знать, — решительно сказала она, — мое настоящее имя Элизабет Кэмпбелл, а вовсе не Энид Кэмерон. Никому из ваших людей я об этом не говорила. Майор Годфри, вы ведь обещаете дать мне этот шанс?

Майлз Годфри неловко поерзал на стуле. Он был мягким, совестливым человеком, однако годы службы в полиции подорвали его веру в раскаяние преступников. Голос разума твердил ему, что здесь дело неладно, однако сердце подсказывало, что перед ним, возможно, редкое исключение: слова девушки звучали убедительно.

— Обещаю, — наконец сказал он. — Вы нас не потревожите, и мы вас тревожить не станем.

— Правда? — взволнованно спросила она.

— Разумеется, — ответил Годфри. — Желаю вам удачи в новой жизни и надеюсь, все у вас сложится хорошо. Вы мудро поступили, обратившись ко мне. Мы с вами будем, вероятно, иногда видаться у Пауэллов. Не беспокойтесь, даже если мы встретимся, я сделаю вид, что мы незнакомы. Ну вот и все, удачи вам.

Девушка быстро встала.

— Спасибо, — сказала она просто.

— Я вас провожу, — ответил Годфри и протянул руку.

Она поколебалась, прежде чем пожать ее, а потом произнесла:

— И за это тоже спасибо.

Начальник полиции наблюдал, как она быстро шла по дороге; затем

он решил пройтись по саду. Сад приносил Майлзу Годфри успокоение.

Он не знал, правильно ли поступил. Повозившись полчаса с розами, он так и не пришел ни к какому решению. За чаем он между делом завел разговор о Пауэллах.

— Ты не знаешь, эти Пауэллы купили Гров-Лодж? — спросил он у жены.

— Нет, дорогой. Миссис Пауэлл сказала, что они с мужем сняли его на три года. Их собственный дом, где-то около Уортинга, разбомбили.

— Скверно. Много они потеряли?

— Почти все, что у них было. Не дай бог пережить такое. Но они молодцы, держатся. Думаю, они тебе понравятся. Мистер Пауэлл, кажется, умнейший человек, при этом очень скромный. Он рассказывал мне, что служил в Департаменте лесничеств Индии.

— Какое несчастье вот так лишиться всего. Хорошо хоть сами остались целы. Надеюсь, у них есть какие-то средства кроме его пенсии?

— Думаю, вряд ли, — ответила миссис Годфри. Майлз Годфри с интересом ждал, что она скажет: у его жены был талант верно считать чужие деньги. — Они ведут себя разумно. Живут по средствам. Жена увлекается садоводством. Мне они оба очень понравились.

— Буду в тех краях — обязательно загляну к ним по пути, — сказал Годфри. Жена ответила на один из его вопросов. Пауэллы были не из тех, у кого в доме полно ювелирных украшений, на краже которых, как он помнил, специализировалась Энид Кэмерон.

В тот же день он ответил еще на один свой вопрос, поскольку голос разума продолжал твердить ему, что с Элизабет Кэмпбелл не все так просто.

После обеда Годфри позвонил из своего кабинета начальнику полиции Южного Ридинга. Он немного знал этого упрямого йоркширца по фамилии Акرويد, и поэтому позвонил ему домой.

— Послушайте, Акرويد. — Представившись, он сразу перешел к делу. — У меня к вам вопрос, скорее частный, чем служебный. В последнее время в ваших краях не появлялась эта небызвестная Энид Кэмерон?

— Энид Кэмерон? А, я знаю, о ком вы говорите. А что? Она опять у вас что-то натворила?

— Вовсе нет, — ответил Майлз Годфри. — А у вас?

— Нет, но кто-то прислал анонимное письмо, в котором сообщил, что она работает на ферме в Копли под именем Кэмпбелл. Мы, как водится, навели справки, но она исчезла.

— И что в результате?

— Ничего, кроме взбучки от фермера, у которого она работала. Я слышал, как он отчитал моего сержанта за то, что потерял хорошего работника. Вот так я о ней и узнал.

— А сколько она там проработала?

— Кажется, несколько недель. Ее прислал какой-то женский комитет.

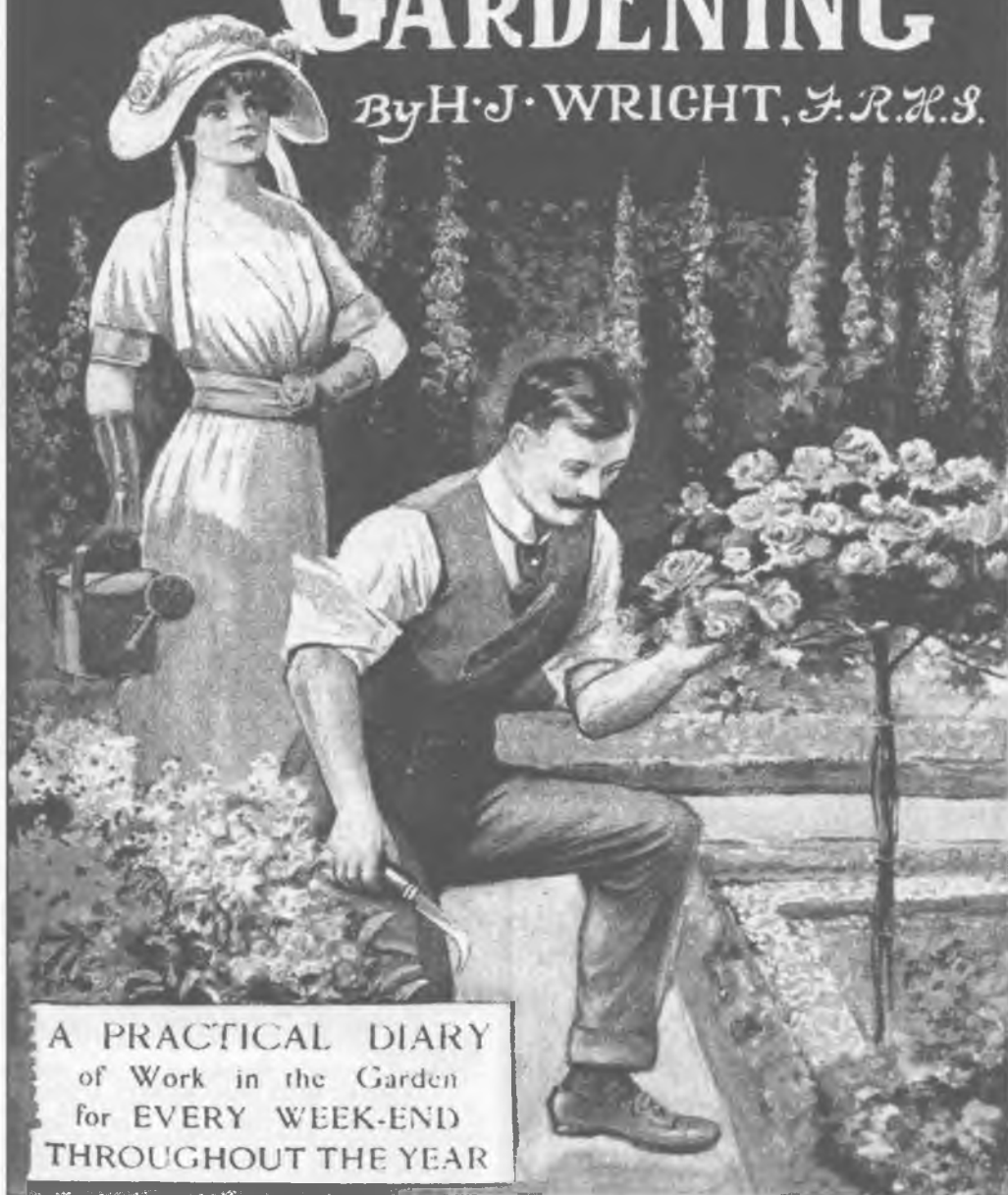
— И вы говорите, все было в порядке?

— В полном. Почему вас это так интересует?

— Пока не могу вам сказать. Просто у меня предчувствие, вот и все. Большое спасибо, Акرويد. У вас сейчас много работы?

WEEK-END 6^D_{NET} GARDENING

By H. J. WRIGHT, F.R.H.S.

— Да, джерри* нам скучать не дают. Пожалуй, даже слишком стараются. А у вас как?

Прежде чем повесить трубку, они поговорили немного о воздушных налетах, и, ложась спать, Майлз Годфри уже был спокоен насчет Элизабет Кэмпбелл. По крайней мере, ее рассказ был правдивым.

Впрочем, совсем успокоиться не получалось. Нельзя шутя относиться к тому, что в его округе находится известный специалист по краже драгоценностей. И хотя Годфри обещал, что его люди не станут зря тревожить Элизабет, это не освобождало его от необходимости присматривать за ней. На следующий день, приехав в Норминстер, Майлз Годфри принялся изучать старые выпуски местной газеты.

Дело «домушника в юбке», которое в свое время стало сенсацией, освещалось в прессе очень подробно. Годфри обнаружил, что помнит основные детали. По словам очевидцев, Энид Кэмерон спускалась по пожарной лестнице из многоквартирного дома неподалеку от Найтсбриджа. Когда ее поймали, при ней нашли украшения на сумму около пятнадцати тысяч фунтов, принадлежавшие жене аргентинского мясного магната.

Преступнице не повезло: прыгнув с высоты несколько футов, она повре-

дила лодыжку. Не случись этого, она смогла бы убежать.

Внимание инспектора привлекли еще несколько деталей. Девушка была одета в мужской костюм. После вынесения вердикта она призналась в двух похожих преступлениях. Все это, по мнению Годфри, говорило о том, что она опытная воровка. Однако, как утверждал инспектор Артифекс из Скотленд-Ярда, которому поручили расследование, за ней больше ничего не числилось и о ней так и не удалось ничего узнать.

Вынося приговор, судья заметил:

— Хотя вы решили ничего не рассказывать о том, где росли и как жили прежде, я вижу, что вы образованны и получили хорошее воспитание. Это только усугубляет вашу вину.

Майлз Годфри вернулся к себе в Шир-холл, еще больше заинтригованный Элизабет Кэмпбелл.

Он начинал получать удовольствие от дела, честно признался себе в этом и решил продолжать расследование.

— Мне нужно будет съездить завтра в Лондон, — сказал он за ужином жене. — Может быть, останусь там на ночь.

— Надеюсь, бомбежек не будет, — с беспокойством заметила она. — Постарайся вернуться к вечеру.

— Постараюсь, — заверил он.

Годфри решил побеседовать с инспектором Артифексом с глазу на глаз. У него было несколько знакомых из Скотленд-Ярда, которые могли бы его представить. Сегодня ему посчастливилось застать Артифекса на работе.

Инспектор Марчант, который недавно был в Норминстере по делу об убийстве, представил их друг другу.

* Во время Второй мировой войны англичане и американцы называли немцев джерри (от англ. *German*, немец). Немцы же называли англичан «томми», переняв это прозвище британского солдата у самих англичан еще в Первую мировую. (Том — одно из наиболее распространенных мужских имен в Англии; образцы документов в воинских частях той поры заполнялись на имя вымышленного солдата Тома Аткинса.)

— Майор Годфри хочет задать несколько вопросов о вашей подопечной Энид Кэмерон — это не связано с работой, он просто хотел бы узнать побольше о ее прошлом.

— Я тоже, — ответил с кислой миной Артифекс. — Она позаботилась о том, чтобы я ничего не узнал. Пойдемте со мной, сэр, и я расскажу вам все, что мне известно.

Через пустой холодный коридор они прошли в кабинет. Артифекс был мужчина средних лет с резкими чертами лица, похожий на кого-то из старых актеров. Он покачал головой, когда Годфри сказал:

— Итак, вам не удалось выяснить, кто она.

— Я даже не узнал, где она живет. Мы не смогли ничего на нее собрать — даже меток из прачечной и тех не нашли. А ведь она всегда говорила, — Артифекс улыбнулся, — что я никогда ничего не узнаю. Но она была настоящая леди.

— Вот как, — отозвался Годфри.

— Конечно. Превосходные манеры. Извинялась передо мной за доставленные неприятности. Напоследок она сказала: “Я хочу поблагодарить вас за вашу доброту”. — Артифекс добродушно прищурился и продолжил: — И что самое смешное, я уверен, что она говорила искренне. Хороша чертовка! И такой милый шотландский акцент...

— В самом деле? Мы можем хотя бы предположить, что она из Шотландии, — шутливо заметил Майлз Годфри.

— Я бы и за это не поручился, — ответил Артифекс.

— Отпечатки пальцев вам не помогли?

— Их не было в нашей картотеке.

— Думаете, она опытная воровка?

— Черт возьми, я в этом уверен. Я могу назвать шесть или семь краж, которые наверняка совершила она, просто мы не можем это доказать. Те же методы. Та же добыча — первоклассные украшения.

— Она ведь созналась еще в двух кражах?

— Да. — Артифекс снова прищурился. — И это тоже очень умно с ее стороны. Именно эти два случая я мог бы доказать. Признание помогло ей по крайней мере избежать дальнейших расспросов. А ведь копни мы чуть глубже, можно было бы узнать о ней гораздо больше.

— Кажется, это очень умная молодая женщина.

— Умна, как сто чертей.

— А вы-то сами что о ней думаете, инспектор? — спросил Годфри.

— Я? Я думаю, что она на кого-то работала. Ей давали задания, и она их выполняла. У меня даже есть вполне определенные подозрения, кто это мог быть. Готов ручаться, что это Каммингсы, хотя мне никогда не удавалось установить связь между ними.

— Каммингсы?

— Вряд ли вы их знаете. Их двое: мужчина и женщина. Это самые ловкие скупщики краденого из всех, кого я знаю. Арчи Каммингс, насколько мне известно, сейчас в тюрьме. Женщину в последний раз видели в Дублине. Не удивлюсь, если Энид тоже туда отправилась. Если она действительно там, ирландской полиции придется попотеть.

— Давно Энид Кэмерон на свободе?

— Да вот уже девять месяцев, если не больше. Она свое отсидела. Вообще, я говорил о ней с мистером Уэстоном пару недель назад. Он был священником в Уэнсберийской тюрьме, в которой она сидела. Ему она тоже запомнилась. Говорит, она работала в саду и никому не мешала, все ее любили. Даже жаль было с ней расставаться.

— А теперь, — сказал Годфри, — она на свободе.

— Да, но мы скоро о ней услышим.

— Вы не думаете, что она порвет с преступным прошлым?

— Так думает мистер Уэстон, впрочем, как и все священники, — цинично заметил Артифекс. — Работа у них такая. Боюсь, что нет, майор. Понимаете, такие люди любят риск и без него долго не выдерживают. Такая девушка, как она, наверняка успела кое-что припрятать. И у нее есть друзья, к которым можно обратиться. Она вышла из тюрьмы и теперь хочет пожить в свое удовольствие. Не будь войны, она бы поехала за границу, а потратив там деньги, начала бы снова их зарабатывать. Хотите знать мое мнение? Если она сейчас не в Ирландии, значит, в каком-нибудь безопасном месте, где прячутся от бомб наши богачи, точно не в Лондоне. В Девоншире или в Уэльсе. Там сейчас есть чем поживиться... Не думаю, чтобы она вернулась в ваши края. У вас ведь небезопасно. Но если она приедет, приглядывайте за ней. Знаю я эту... леди.

— Постараюсь, инспектор, — усмехнулся Годфри.

Майлз вернулся домой к ужину. Когда они сели за стол, жена сказала:

— Ты знаешь, сегодня днем заходила миссис Пауэлл из Мерсден-Магны. Они с мужем пригласили нас в гости в среду вечером на рюмку хереса. Я сказала, что ты постарайшься прийти, если сможешь. Заодно и познакомишься со всеми. Миссис Пауэлл сказала, часов в шесть.

— Неплохая мысль, надо съездить, — небрежно ответил Годфри.

Усадьба Гров-Лодж была совсем небольшая: ничем не примечательный беленый дом в викторианском стиле с большим садом. Годфри хорошо знал это место.

Когда он приехал, было почти семь часов. Жена приехала раньше. На лужайке повсюду стояли стулья, а под большим каштаном неподалеку от дома был накрыт стол с едой и напитками. Остановившись на пару минут поговорить с хозяевами, Майлз Годфри принялся с интересом рассматривать гостей. Большинство из них он знал.

— Я думаю, миссис Годфри решила посидеть в тени, — сказала миссис Пауэлл. — Сейчас еще так жарко. Правда ведь, от этого нового летнего времени одни неудобства*.

— А мне нравится. Такая жара как раз по мне, — заявил ее муж. Это был высокий худощавый человек с желтоватым цветом лица, который, казалось, всю жизнь провел в тропиках.

— Миссис Пауэлл, если у вас будет позже минутка, покажете мне ваш

* Во время Второй мировой войны в Великобритании было введено так называемое двойное летнее время: весной часы переводились не на один, а на два часа назад. Переход на новое летнее время был впервые осуществлен в 1940 г. Двойное летнее время было полностью отменено с начала 1948 г.

сад и розы? — спросил Майлз Годфри, прежде чем отойти от нее. — Я и сам пытаюсь выращивать розы.

— С удовольствием, — ответила она. — Боюсь только, они не произведут на вас особого впечатления.

— Ну что вы, напротив, — улыбнулся он.

Он направился через всю лужайку к жене, но прежде чем дойти до нее, он несколько раз останавливался поболтать со знакомыми.

Разговаривая с местным священником, он услышал позади голос:

— Не желаете еще хереса, сэръ? — Передним стояла Элизабет Кэмпбелл.

На ней было простое льняное платье, в руках она держала поднос с рюмками. В ее взгляде не было ни тени узнавания.

— Спасибо, — сказал он и взял новый бокал. — Большое спасибо.

Она отошла к другим гостям, и Годфри невинно спросил:

— Кто эта девушка, святой отец?

— Вон та? Это садовница Пауэллов. По словам миссис Пауэлл, просто сокровище. К тому же она леди, понимаете?

— Так я и думал. Если она хоть что-то смыслит в садоводстве, им действительно повезло. Моего садовника призвали в армию, с тех пор я не могу найти ему замену. Приходится почти все делать самому.

— Я думаю, она мастер своего дела, — ответил священник. — Удивительно, чем только леди в наши дни не занимаются!

— Да уж, удивительно.

Он видел, как мисс Кэмпбелл обносила гостей напитками. Чуть позже она совершенно непринужденно

предложила ему сэндвич, и он заметил, что женщины поглядывают на нее с любопытством.

Жена Годфри сказала:

— Нам тоже нужно нанять женщину для работы в саду. Пауэллы поступили очень разумно. Я имею в виду

— Не желаете еще хереса, сэр? — Перед ним стояла Элизабет Кэмпбелл.

Земледельческую армию*. — Миссис Годфри имела склонность выражаться туманно.

Чуть позже Майлз Годфри вновь столкнулся с Элизабет Кэмпбелл.

Гости начали расходиться, и миссис Пауэлл решила выполнить свое обещание — показать ему сад.

Когда они дошли почти до конца огорода, он увидел садовницу, которая поливала грядки.

— Ну-ка, что это у вас здесь растет?

— Боюсь, что не знаю, — ответила миссис Пауэлл. — Овощи меня не особо интересуют. Конечно, это неправильно, но тут я во всем полагаюсь на мужа и мисс Кэмпбелл. Мисс Кэмпбелл, а что у нас здесь растет?

Девушка подняла голову.

— Зеленый горошек, — ответила она, на что Годфри добродушно заметил:

— Поздновато, не так ли? Ну, надеюсь, вам с поздним горохом повезет больше, чем мне: мой всегда покрывается мучнистой росой.

— Ему нужно постоянное внимание и много воды, — ответила девушка, — но, в общем, я с ним неплохо справляюсь.

— Это мисс Кэмпбелл, она заботится о нашем саде, — сказала миссис Пауэлл, решив, что нужно представить их друг другу.

— Она также позаботилась обо мне и спасла от жажды, — заметил с улыбкой Годфри, и девушка улыбнулась ему в ответ. — Какого сорта ваш горошек? — спросил он. В нем проснулся садовник.

— Буковое чудо, — ответила она.

— Буковое чудо? Первый раз слышу. Надо попробовать. Сейчас уже поздно сеять, мисс Кэмпбелл?

— Нет, до конца месяца можно спокойно сеять.

— А где купить семена? Они здесь продаются? — Майлз Годфри на миг забыл, что он полицейский и должен внимательно следить за опасной преступницей. Сейчас ему хотелось только одного: посадить у себя в саду этот новый поздний сорт горошка.

— Нет, сэр, я выписывала их из Эдинбурга для мистера Пауэлла. Этот сорт очень известен в Шотландии.

— Может быть, у нас получится дать майору Годфри немного семян?

— Сколько угодно, мадам.

— Нет-нет, я вовсе не хочу вот так вас грабить.

— Грабить? Да что вы, майор! Мы будем очень рады. Мисс Кэмпбелл, принесите, пожалуйста, немного семян.

Девушка пошла к сараю, миссис Пауэлл и Годфри неторопливо последовали за ней.

— У вас прекрасная садовница, миссис Пауэлл, — сказал Годфри.

— О да. Она очень усердная, не боится никакой работы. В то же время меня это немного смущает.

— Смущает? Что вы имеете в виду?

— Понимаете, это настоящая леди, однако она настаивает на том, чтобы с ней обращались как с простой служанкой: она говорит мне “мадам”, а моему мужу “сэр”. Звучит глупо, особенно в такое время.

— Да, согласен, но если бы она общалась с вами на равных, было бы совсем неловко. Она живет с вами?

— Нет, она живет в деревне.

* Земледельческая армия — женская организация времен Второй мировой войны.

— Как вы ее нашли?

— Через Земледельческую армию или что-то в этом роде. Это муж предложил там поискать. Она работала на ферме в Йоркшире, но там ей было тяжело. А вот и мисс Кэмпбелл.

Девушка вышла из сарая, держа в руках большой пакет. Годфри принял ее возражать.

— Нет-нет, мне действительно нужно совсем немного, — сказал он, — всего на одну грядку. Вот, — он достал из кармана конверт, — положите, пожалуйста, сюда несколько семян, мисс Кэмпбелл. Спасибо, этого достаточно!

— Мне повезло, — сказал Годфри жене, когда они наконец воссоединились. — Я видел прелестный сад и прелестную садовницу, и мне дали семена горошка, который еще не поздно посеять, чтобы он поспел к осени.

Майлз Годфри вновь вспомнил о том, что он полицейский, лишь когда пошел переодеваться к ужину. Вынув из кармана драгоценный конверт, он увидел на нем три превосходных отпечатка, которые оставила садовница испачканными в земле пальчиками. Забавно: такие вещи случаются, когда они не нужны.

На следующее утро, листая за завтраком "Таймс", Годфри обратил внимание на следующий заголовок: "Дерзкое ограбление! Похищены драгоценности!" По мере чтения статьи Майлз Годфри проникался к ней все большим интересом. Во всем угадывался почерк Энид Кэмерон. Ограбили загородный дом в Глостершире. Как сообщала заметка, шкатулка с жемчугом и другими украше-

ниями на сумму свыше двадцати тысяч фунтов была украдена из спальни супруги богатого биржевого маклера накануне вечером. Хозяйка драгоценностей утверждает, что около восьми часов, перед ужином, украшения еще были на месте. После ужина она осталась послушать новости по радио, а когда в половине девятого поднялась в спальню, шкатулка исчезла. Предполагалось, что кража была совершена во время выпуска новостей; грабитель по водосточной трубе проник в смежную со спальней ванную. Годфри, нахмурившись, принялся считать.

От Мерсден-Магны до Глостершира добрых полторы сотни миль, возможно — больше. Даже на самой быстрой машине дорога займет четыре часа, а с Энид Кэмерон он говорил около половины восьмого или чуть позже. Это снимало с нее всякие подозрения. Майлз Годфри мог сам обеспечить ей железное алиби. Морщины на его лбу разгладились: Майлз был рад, очень рад.

Впрочем, вскоре Годфри понял, что Энид Кэмерон оказалась в довольно затруднительном положении. Полицейские Глостершира и Скотленд-Ярда, если они не дураки, наверняка уже ищут ее. В Южном Ридинге они быстро выйдут на ее след, который приведет их прямоком в Мерсден-Магну. Бедняжка! Даже с таким железным алиби она потеряет работу. Годфри пытался найти самый разумный выход. Он должен что-то предпринять. Годфри решил поговорить с Артифексом, однако тот опередил его и позвонил в Ширхолл сразу после обеда.

— Вот видите, я был прав, сэр, — сказал Артифекс. — Энид Кэмерон снова дала о себе знать. Думаю, вы уже прочли газеты.

— Вы про случай в Глостершире?

— Именно.

— Так вы думаете, это ее работа?

— Конечно. Это ее почерк. Больше никто так не работает. Я же говорил, что она непременно появится в каком-нибудь безопасном месте, куда переехали все драгоценности.

— Вы занимаетесь этим расследованием, инспектор?

— Да, сэр. Примерно час назад мне позвонили из полиции графства. Сегодня вечером я выезжаю, но сначала я хотел поговорить с вами.

— О чем же? — Годфри изобразил удивление. — Думаете, я могу вам чем-нибудь помочь?

— Знаете, — начал шутливо Артифекс, — мне кажется, вы тогда не случайно зашли ко мне поговорить. Может быть, я ошибаюсь...

— Может, и не ошибаетесь, — ответил Годфри. — Скажите, инспектор, в газетах время ограбления указано точно?

— Абсолютно точно. Местная полиция уверена в этом. Как раз в духе Энид Кэмерон: ограбить во время выпуска новостей. Она знала, что и хозяева и слуги будут слушать радио. Двадцати минут ей хватило.

— Думаете, вы сможете ее поймать?

— Ее поймать нетрудно, однако гораздо больше меня интересуют ее сообщники. Драгоценности сейчас сбыть непросто. За границу их не отправишь, не то что раньше.

— Да, это точно... А чем я могу вам помочь?

— Вы что-нибудь о ней знаете?

— Да, — медленно произнес Годфри, — и боюсь, вам это не понравится.

— Что вы имеете в виду?

— Я абсолютно уверен в том, что она не совершала это ограбление.

— Что значит "не совершала"? — раздраженно произнес Артифекс. — Почему вы так в этом уверены, сэр?

— Потому что, инспектор, я сам могу обеспечить ей алиби.

— Что? — сказал Артифекс

— Да, и притом железное алиби. Скажу вам по секрету: Энид Кэмерон завязала с воровством. Я знаю, где она сейчас находится: я уже некоторое время за ней приглядываю.

— О господи!

— Я не хочу, чтобы вы зря тратили время на ее поиски и чтобы она из-за ваших расспросов потеряла работу. Я знаю, что вчера вечером после половины восьмого она находилась за полторы сотни миль от Глостершира, и если время ограбления указано правильно, она просто не могла его совершить. Надеюсь, вам этого достаточно.

— Раз вы так говорите, сэр, придется вам поверить, — с сомнением сказал Артифекс.

— Все же убедитесь, что время указано правильно. Если произошла ошибка, я все еще раз проверю. А пока пришлю вам подарок.

— Подарок, сэр?

— Да. Вы думаете, я ошибаюсь, но мой подарок вас переубедит: я пришлю вам превосходные отпечатки трех пальцев. Если отправить письмо с трехчасовым поездом, без пяти пять оно будет на Ливерпуль-стрит. Заберите письмо, проверьте отпечатки и

позвоните мне. Я буду здесь до шести часов.

Наконец разговор был окончен. Майлза Годфри позабавило то, что инспектор категорически отказывался верить в невиновность Энид Кэмерон. Он с интересом представлял его смущение.

Артифекс позвонил без четверти шесть.

— Ну что, вы убедились, инспектор? — спросил со смехом Годфри.

— Нет, сэр.

— Как? Разве вам не знакомы эти отпечатки?

— Знакомы.

— Так в чем подвох? Не то время?

— Не стану сейчас объяснять, сэр. Я как раз хотел к вам приехать, постараюсь успеть на поезд в шесть пятнадцать. А вы пока приглядывайте за этой леди. Я бы хотел задать ей пару вопросов. Где вас найти?

— Меня? Приезжайте в Шир-холл, к тому времени я успею вернуться.

— Спасибо. — Артифекс повесил трубку, а Годфри еще некоторое время сидел, глядя нахмурившись на телефон.

На душе у него было беспокойно. Либо Артифекс не прав, либо он, Майлз Годфри, где-то ошибся. Он никак не мог понять, где именно. Даже если бы ограбление в Глостершире произошло в полночь, у Энид Кэмерон было железное алиби. Нужно было что-то предпринимать. Конечно, бедняжке не повезло, но если бы делом занялся Годфри, ей было бы не много легче.

Годфри решил немедленно отправиться в Мерсден-Магну, придумав какой-нибудь предлог — например,

попросить еще немного тех семян, — и заодно повидаться с девушкой.

По дороге к своей машине он столкнулся с миссис Пауэлл. Он хотел пройти мимо, но она заговорила с ним.

— Добрый день, майор Годфри! — радостно сказала она. — Как же скучно в Норминстере, особенно когда рано закрываются магазины.

— Да, скука смертная, — ответил он.

Миссис Пауэлл продолжала:

— Я совсем забыла, что сегодня четверг. Я отвозила мисс Кэмпбелл на станцию, поэтому пришлось захватить сюда.

— Мисс Кэмпбелл, вашу превосходную садовницу? Надеюсь, миссис Пауэлл, вы не расстались с ней навсегда? — Годфри вдруг не на шутку забеспокоился.

— Нет, что вы. Она просто поехала на пару дней в Лондон. У нее сестра служит то ли в ПВО, то ли в ВВС — я все время путаю эти странные сокращения. У них база где-то в центральной Англии, а сестра неожиданно получила отпуск. Она прислала телеграмму мисс Кэмпбелл, чтобы узнать, смогут ли они встретиться в Лондоне. Конечно, мы ее отпустили, хоть это и не очень удобно, и я отвезла ее на станцию. Я думала, что смогу на обратном пути пройти по магазинам, но потом вспомнила, что сегодня этот ваш ужасный четверг и все магазины закрыты.

— Какая досада, — горячо поддержал ее Годфри. — Вы были так добры, что отпустили ее. Хотя, мне кажется, отказать было нельзя. Во сколько уезжает ее поезд?

— Кажется, в шесть двадцать. Я высадила ее на стоянке. У нее осталось в запасе время, и она решила прогуляться до станции, а я отправилась по магазинам, которые оказались закрыты.

Короткий рабочий день в Норминстере не давал миссис Пауэлл покоя. Годфри снова ей посочувствовал. Он наскоро с ней попрощался и повернул обратно в Шир-холл.

— Передайте суперинтенданту Форду, чтобы он срочно зашел ко мне в кабинет, — сказал Годфри полицейскому при входе.

Минуту спустя он уже беседовал с Фордом.

— Сюда едет инспектор Артифекс из отдела уголовного розыска. Его поезд отправляется в шесть пятнадцать со станции “Ливерпуль-стрит”. С ним нужно срочно связаться. Позвоните в Скотленд-Ярд. Позвоните в полицейский участок на станции. Скажите, что в шесть двадцать я выезжаю в Лондон, пусть он ждет меня на выходе со станции “Ливерпуль-стрит”. Скажите, что это крайне срочно, он поймет. Все ясно, Форд?

— Да, сэр.

— Хорошо.

Майлз Годфри поспешил на станцию. Он успел как раз к прибытию поезда и с облегчением обнаружил Элизабет Кэмпбелл в толпе пассажиров на платформе. Он заметил, что она заходит в вагон-ресторан, и вошел в один из первых вагонов.

За время пути поезд остановился только один раз, но, судя по наблюдениям Годфри, девушка на станции не вышла. Годфри все больше успокаивался. Чем дольше он ехал, тем

сильнее убеждался в том, что она не совершала ограбление. Если уж Артифекс хочет непременно допросить ее, пусть лучше допрашивает в Лондоне, а не в Мерсден-Магне: Пауэллам все это знать ни к чему. Поезд медленно подъезжал к вокзалу, а Годфри уже стоял у дверей вагона. Он прыгнул на платформу прежде, чем поезд остановился. Дойдя до выхода, он стал искать Артифекса и увидел его неподалеку от ворот.

— Я рад, что вы вовремя получили мое сообщение, — сказал Годфри. — Девушка здесь. Я вовремя узнал об этом и успел на тот же поезд. Она сказала хозяйке, что едет на пару дней к сестре, которая получила отпуск по службе, кажется, она служит в ВВС. У меня нет фактов, которые могли бы это подтвердить или опровергнуть. Я решил поехать сам: не было времени объяснять суть дела моим людям.

— Очень разумно, сэр, большое спасибо, — ответил Артифекс, внимательно наблюдая за пассажирами, проходящими через турникет.

— Вот она. Узнаете? — сказал Годфри, заметив Элизабет Кэмпбелл, которая подходила к турникету с чемоданчиком в руках.

— Да, узнаю, — странным тоном произнес Артифекс. — А это, полагаю, ее сестра.

К Элизабет подошла девушка в форме.

Они поздоровались, поцеловались, и не спеша пошли к выходу.

— Спасибо, сэр, большое вам спасибо, — неожиданно сказал Артифекс. Он пошел им навстречу, Годфри шел за ним по пятам.

К Элизабет подошла девушка в форме.

— Добрый вечер, мисс Кэмерон, — сказал Артифекс, вежливо приподняв шляпу. — Думаю, вы меня помните.

Девушки резко остановились. Годфри уставился на Элизабет Кэмпбелл. Она окаменела. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что Артифекс обращался не к ней. Он разговаривал с девушкой в форме.

Девушка в форме отрывисто произнесла:

— Да, что вам угодно?

— Я хочу, чтобы вы отправились со мной в Скотленд-Ярд и ответили на несколько вопросов, — вежливо сказал Артифекс. Затем он повернулся к мисс Кэмпбелл: — Я офицер полиции. Полагаю, вы — Маргарет Каммингс? — начал он. — Я должен...

— Что? — воскликнул Годфри.

— Быстро же вы соображаете, — усмехнулась девушка, сверля взглядом Годфри, в то время как Артифлекс продолжал изрекать казенные фразы.

Через час Артифлекс сообщил Майлзу Годфри:

— Драгоценности у нас, сэр, они лежат в чемодане на Ливерпуль-стрит. Мы нашли у Кэмерон номерок от камеры хранения. А ведь ей все могло сойти с рук. Я бы принял ваше алиби, если бы не отпечатки пальцев. Мне бы и в голову не пришло поехать на нее посмотреть. Когда мы обнаружили, что отпечатки принадлежат Маргарет Каммингс, я сначала не понял, что они задумали. Но, черт возьми, это было ловко! — Артифлекс одобрительно улыбнулся. — Интересно, кому из них пришла в голову эта идея? Похоже, вместе придумали; не поймешь, кто из них хитрее. В жизни не видел ничего подобного!

— Еще бы! Вот и я тоже, — ответил, нахмурившись, Майлз Годфри. — Черт возьми, Артифлекс, я пока еще не во всем разобрался. Вы что, думаете, у этой Каммингс хватило бы наглости вернуться в Мерсден-Магну?

— Нет, сэр, она не так проста, но она позаботилась о том, чтобы замести следы. Взгляните: мы нашли это у

Кэмерон, это ее почерк, — сказал Артифлекс и добавил: — Если бы мы ее не задержали, она бы успела отправить письмо. — Годфри взял письмо, адресованное ему, и прочел следующее:

Сегодня я узнала из газет об ограблении в Глостершире и поняла, что ничего хорошего мне это не сулит. Полиция, конечно, скажет, что это сделала я, сюда пошлют людей, чтобы меня допросить, поэтому мне лучше уехать. Вы, как и многие другие, знаете, что я этого не делала, но это меня не спасет. Пожалуйста, объясните все мистеру и миссис Пауэлл. Все это уже не важно, но мне хочется, чтобы они знали обо мне то, что знаете Вы. Скажите, что я сожалею о случившемся и благодарю их за доброту. И Вас тоже.

Элизабет Кэмпбелл.

— Какая подлая лицемерка! — в ярости воскликнул Годфри

— Хитра, хитра! — перебил его Артифлекс. — Исчезает и оставляет вам самое железное алиби. Сама невинность. Все продумано. Если б не вы, сэр, они бы спокойно сбежали со всей добычей.

Майор Майлз Годфри загадочно хмыкнул.

Картер Диксон

1906–1977

Перевод и вступление Александры Скворцовой

КАРТЕР Диксон (он же Джон Диксон Карр) — первый американец, которого приняли в английский Детективный клуб. И не зря — ведь он прожил в Англии большую часть жизни, писал самые что ни на есть английские детективы, и прототипами двух придуманных им сыщиков были такие образцовые англичане, как Честертон и Черчилль.

Джон Диксон Карр родился 30 ноября 1906 года в Пенсильвании в семье Вуда Николаса Карра, юриста и политика. Унаследовав от отца увлечение правом, а от деда (совладельца местной газеты) — интерес к журналистике, Диксон Карр с 11 лет пишет статьи, а с 15 ведет свою колонку, посвященную боксу.

В Пенсильвании Джон Диксон Карр закончил престижную частную школу и колледж. В обоих учебных заведениях он был редактором литературного журнала, публиковал рассказы и даже стихи. Однажды, придумав замысловатый сюжет о расследовании убийства, он решил напечатать его без завершения, предоставив читателю самому разгадать головоломку, и пообещал первому решившему 25 долларов. Джон вовсе не ожидал, что уже через час после выхода номера скучающего вида юноша принесет ему детальный план расследования и потребует награду. Пришлось просить денег у отца. Вместе с чеком пришло письмо, в котором отец рассуждал о безрассудстве таких увлечений, как литература и сочинение детективов.

CARTER DICKSON

Родители надеялись, что Джон станет адвокатом, и отправили его учиться дальше в Сорбонну, но в Париже Карр лишь пишет днями напролет. Так в 1929 году рождается его первый детективный роман “Бродящие по ночам”.

Усилиями его друга Томлинсона, отвечающего за продажи в издательстве “Харпер энд бразерс”, Карру удается в 1930 году опубликовать свой роман. Его ждал успех — реклама во всю страницу в “Нью-Йорк таймс”, 15 000 проданных экземпляров. Так было положено начало писательской карьере.

Вскоре Карр встречает свою будущую жену, англичанку Кларисс Кливз. Поженившись в 1932 году, молодые переезжают в Англию, где Карр начинает заниматься радиопостановками на Би-би-си. Англия становится для Карра родным домом. Здесь родились три его дочери, здесь были придуманы главные герои его детективных серий — Гидеон Фелл, а за ним и сэр Генри Мерривейл. В 1936 году Карр стал членом Детективного клуба.

В начале войны Карра призвали в Америку на военную службу, откуда, по иронии судьбы, отправили обратно в Англию. После войны он на несколько лет уезжает в США, где пишет биографию Конан Дойла, удостоившуюся премии Эдгара По. Затем Карр возвращается в Англию, в 60-е живет в Марокко, потом вновь в США, в Южной Каролине. Последние годы писатель страдал раком легких, но, даже перестав писать романы, продолжал вести рубрику в “Детективном журнале Эллери Куина”. Карр умер в Америке 27 февраля 1977 года.

Джон Диксон Карр — непревзойденный мастер “убийства в запертой комнате” (в одном из его романов содержится целая лекция на эту тему). Для него детектив — игра, в которую автор играет против читателя. Каждый его роман — новая головоломка, поражающая новизной сюжета. “У меня с одиннадцати лет хранятся наброски ста двадцати романов на случай непредвиденных обстоятельств”, — как-то раз признался Карр друзьям.

Неизвестно, использовал ли он все сто двадцать набросков, но с 1930 по 1941 год ему удалось выпустить 39 книг — впечатляющая цифра.

По причине необычайной плодовитости Карр печатался сразу в двух издательствах (“Харпер” не мог выпускать больше двух его романов в год), причем под несколькими псевдонимами: Картер Диксон, Карр Диксон и Роджер Фэрберн.

Так, весь цикл романов о Генри Мерривейле издавался под псевдонимом Картер Диксон. Сэр Генри Мерривейл (Г. М.) — английский аристократ и человек со связями; в первых романах серии он возглавляет британские спецслужбы (как раз его прототипом и послужил У. Черчилль). Несмотря на свое высокое положение, Г. М. весьма замысловато ругается и способен проявлять прыть, неожиданную при его внушительной комплекции. “Дом в Гоблинском лесу” сочетает в себе загадочность и легкость, что позволяет писателю успешно обманывать читателя. “Пока автор заливается соловьем, — писал Карр, — он может незаметно протащить мимо публики целый вагон улик”.

КАРТЕР ДИКСОН

Дом в Гоблинском лесу

Жарким июльским полднем, за три года до войны, напротив “Клуба старейших консерваторов”* на Пэлл-Мэлл остановился открытый седан.

И в нем сидели двое заговорщиков.

В клубах царил сонный послеобеденный час, когда силы оставались

* “Клуб старейших консерваторов” (The Senior Conservatives Club) — вымышленный клуб, который фигурирует в романах П. Г. Вудхауза о Псмите.

только у солнца. “Peg” дремал, “Атенеум” спал беспробудно. Но двое заговорщиков — темноволосый мужчина чуть старше тридцати и светловолосая девушка моложе его лет на пять — не двигались. Они пристально смотрели на готический фасад “Старейших консерваторов”.

— Послушай, Ева, — сказал молодой человек и ударил по рулю кулаком, — ты думаешь, это сработает?

— Не знаю, — отозвалась светловолосая девушка. — Он терпеть не может пикники.

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ДОМ В ГОБЛИНСКОМ ЛЕСУ”

БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1947 ГОДУ СРАЗУ

В ДВУХ ЖУРНАЛАХ: В “СТРЭНДЕ”

И В “ДЕТЕКТИВНОМ ЖУРНАЛЕ ЭЛЛЕРИ КУИНА”.

THE HOUSE IN GOBLIN WOOD

THE STRAND MAGAZINE, 1947. EQMM, 1947.

— Кажется, мы все равно его упустили.

— Почему?

— Не может же он так долго обещать! — воскликнул ее спутник, глядя на наручные часы. Молодой человек был порядком взвинчен. — Без четверти четыре! Даже если...

— Билл! Смотри!

Они были вознаграждены за терпение вдохновляющим зрелищем.

Из парадных дверей "Старейших консерваторов" величаво выплывал высокий, дородный, бочкообразный джентльмен в белом льняном костюме.

Его брюхо шествовало впереди него, словно носовая фигура военного корабля. Очки в роговой оправе низко сидели на носу, затененном широкими полями его летней шляпы.

Стоя на верхней ступеньке каменной лестницы, джентльмен с надменной усмешкой посмотрел сначала налево, а потом направо.

— Сэр Генри! — позвала девушка.

— А? — ответил сэр Генри Мерривейл.

— Я Ева Дрейтон. Не помните меня? Вы были знакомы с моим отцом.

— Ах да, — сказал великий человек.

— Мы ждали вас ужасно долго, — пожаловалась Ева. — Не могли бы вы уделить нам пять минут? Главное, — прошептала она своему спутнику, — не испортить ему настроение. Не испортить настроение.

Анастроение у Г. М. было хорошим: он только что переспорил министра внутренних дел. Но даже родная мать Г. М. не смогла бы об этом догадаться. Величественно, с той же презри-

тельной усмешкой, он начал свой спуск по ступеням "Старейших консерваторов". Спуск продолжался до тех пор, пока подошва его ботинка не встретилась случайно с незаметным объектом, лежавшим футом в трех от тротуара.

Это была банановая кожура.

— Боже мой! — воскликнула девушка.

Здесь стоит с прискорбием отметить, что в былые времена некоторые уличные мальчишки, из так называемого *низшего сословия*, имели обыкновение размещать таковые объекты на ступеньках в надежде, что какой-нибудь высокопоставленный государственный деятель навернется по пути к Уайтхоллу*. Этот предосудительный, но по-человечески понятный обычай вынудил мистера Гладстона сказать то, что он сказал в 1882 году**. То же самое сказал теперь и сэр Генри Мерривейл.

С тротуара, на который Г. М. приземлился в сидячем положении, послышался такой поток богохульства, брани и гнуснейших непристойностей, какой крайне редко взрывал священное спокойствие Пэлл-Мэлл. На шум прибежал швейцар, а Ева Дрейтон вылетела опрометью из машины.

В окнах "Атенеума" через дорогу начали появляться головы любопытных.

* Уайтхолл — улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения.

** Гладстон, Уильям Юарт (1809–1898) — английский государственный деятель и писатель, четырежды занимал пост премьер-министра Великобритании, установив тем самым своеобразный рекорд. Что именно он сказал в 1882 г., достоверно выяснить не удалось, но можно догадаться.

*На шум прибежал швейцар, а Ева Дрейтон
вылетела опрометью из машины.*

— Вы не ушиблись? — воскликнула девушка, и в ее голубых глазах отразилось искреннее беспокойство.

Г. М. только смотрел на нее. Шляпа его упала, открыв взорам крупную лысую голову; он просто сидел на тротуаре и смотрел на девушку.

— Вставайте же, сэр! Вставайте!

— Да, сэр, — умолял швейцар. — Бога ради, вставайте!

— Встать? — проревел Г. М. так, что его было слышно и на Сент-Джеймс-стрит. — Разрази меня гром! Да как же я встану?

— А что с вами?

— Я себе задницу свернул, — сказал Г. М. незамысловато. — Я страшно ушибся. Наверное, останусь калек на всю жизнь.

— Но, сэр, люди же смотрят!

Г. М. объяснил, куда могут пойти все эти люди. Он глядел на Еву Дрейтон поверх очков с неопикуемой злобой в глазах:

— Полагаю, дорогуша, это ваша работа?

Ева смотрела на него в оцепенении:

— Что, банановая кожа?

— Именно, — сказал Г. М., складывая руки на груди подобно прокурору.

— Да ведь мы... мы только хотели пригласить вас на пикник!

Г. М. закрыл глаза.

— Прекрасно, — промолвил он замогильным голосом. — Только не кажется ли вам, что намекнуть можно было и потоньше — вылить майонезу мне на голову или насыпать муравьев за шиворот? Ек-стебелек!

— Я не это имела в виду! Я же...

— Позвольте помочь вам, сэр, — перебил их спокойный, обнадеживающий голос ее спутника, темноволосого свежесбритого мужчины.

— А, вы тоже хотите мне помочь? Вы, собственно, кто?

— Простите, пожалуйста! — сказала Ева. — Я вас не познакомила. Это мой жених, доктор Уильям Сейдж.

Лицо Г. М. побагровело.

— Я несказанно рад, — отметил он. — Как предусмотрительно было с вашей стороны привести с собой доктора! Я вам очень признателен, очень. А машина, как я полагаю, тут для того, чтобы в ней спустить с меня штаны и провести осмотр?

Швейцар испуганно вскрикнул.

Билл Сейдж громко рассмеялся, то ли от нервного напряжения, то ли от абсурдности ситуации.

— Я сто раз в день говорю Еве, — сказал он, — что меня не нужно называть доктором. Ведь я хирург...

Тут Г. М. по-настоящему насторожился.

— Впрочем, я думаю, мы обойдемся без операции. И по-моему, — Билл рассудительно обратился к швейцару, — необходимости снимать штаны с сэра Генри перед "Клубом старейших консерваторов" тоже нет.

— Огромное вам спасибо, сэр.

— С нашей стороны было чудовищной наглостью прийти сюда, — признался молодой человек, — но мне правда кажется, сэр Генри, что вам было бы удобней в машине. Как вам такое предложение? Позвольте подать вам руку?

Увы, даже десять минут спустя, когда сердитый Г. М. сидел на заднем сиденье, а молодые люди, вытянув шеи, развернулись к нему, мир не был восстановлен.

— Ну как скажете! — проговорила Ева. Ее прелестное, обычно невозмутимое личико пылало румянцем, а губы жалобно искривились. — Очень жаль, что вы не хотите ехать с нами на пикник. А я так надеялась...

— Ну... я... — растерянно пробормотал великий человек.

— Думаю, вас интересует еще одна наша гостья. Но Вики — непостоянная девушка. Без вас она точно откажется.

— Вот как? И кто же эта другая гостья?

— Вики Адамс.

Рука Г. М., поднятая было для ораторского жеста, тут же упала.

— Вики Адамс? Не та ли это девица, которая?..

— Она самая, — кивнула Ева. — Это, говорят, была одна из величайших загадок лет двадцать назад, которую полиция так и не сумела разгадать.

— О да, дорогуша, — мрачно согласился Г. М. — Так и есть.

— Теперь Вики уже взрослая. И мы подумали, что если бы вы, именно вы, поехали с нами и поговорили с ней по душам, она бы рассказала, что на самом деле случилось той ночью.

Маленькие пронзительные глазки Г. М. неподвижно уставились на Еву, и она поежилась под этим взглядом.

— Позвольте, дорогуша, а вам-то все это зачем?

— Да так... — Ева взглянула на Билла Сейджа, который опять угрюмо постукивал по рулю, и осеклась. — Какая теперь разница? Если вы все равно не едете с нами...

Г. М. принял мученический вид.

— Я ведь не говорил, что *отказываюсь* ехать, — заявил он. (Тут он слукавил, но не в этом суть.) — Я не отказался даже после того, как вы едва меня не изувечили. — Он начинал все больше горячиться. — Но сейчас мне пора, — добавил он извиняющимся тоном. — Мне пора вернуться к делам.

— Мы подвезем вас, сэр Генри.

— Нет, нет, — сказал едва не изувеченный сэр Генри, выбираясь из машины с удивительным проворством. — Прогулка будет полезна моему пищеварению, хотя заду придется нелегко. Я незлопамятен. Заезжайте за мной завтра с утра. Счастливого!

И он грузно зашагал в сторону Хэймаркета.

Даже не слишком внимательный наблюдатель заметил бы: Г. М. был глубоко погружен в свои мысли, причем погружен настолько, что его чуть не сбило такси у Арки Адмиралтейства. На полпути к Уайтхоллу его окликнул знакомый голос:

— День добрый, сэр Генри.

Перед ним стоял старший инспектор Мастерс, дородный и вальяжный, в глухо застегнутом костюме из синего сержа* и в котелке, и смотрел на него выцветшими голубыми глазами.

— Странновато, — отметил старший инспектор приветливо, — видеть вас на прогулке в такой день. Как поживаете, сэр?

— Ужасно, — резко ответил Г. М. — Но дело не в этом. Мастерс, змей вы подколотный, вы-то мне и нужны.

Мало что могло испугать старшего инспектора. Но эти слова — испугали.

— Я вам нужен? — переспросил он.

— Ага.

— И по какому поводу?

— Мастерс, помните ли вы дело Виктории Адамс, которое расследовалось около двадцати лет назад?

Старший инспектор вдруг изменился в лице и насторожился.

— Дело Виктории Адамс? — задумался он. — Нет, сэр, что-то не припомню.

— Врете, юноша! Вы тогда были сержантом при старом инспекторе Резерфорде, и даже я это помню!

Мастерс держался с достоинством:

— Возможно, сэр. Но двадцать лет назад...

* Серж — шерстяная костюмная ткань.

— Девочка двенадцати или тринадцати лет, дочь очень состоятельных родителей, исчезла однажды ночью из загородного дома, все двери и окна которого были заперты изнутри. Неделю спустя, когда все уже дошли до истерики, девочка снова оказалась в своей постели, несмотря на все засовы и замки, и спала, как ни в чем не бывало. И до сегодняшнего дня так никто и не узнал, что же случилось на самом деле.

Повисло молчание. Мастерс стиснул зубы.

— У этого семейства, у Адамсов, — настойчиво продолжал Г. М., — был загородный домик недалеко от Эйлсбери, на краю Гоблинского леса, напротив озера. Вспоминаете?

— Ах да, — проворчал Мастерс, — вспоминаю.

Г. М. посмотрел на него с любопытством:

— Они приезжали туда кататься на коньках зимой и купаться летом. Девочка исчезла глубокой зимой, а все двери были заперты от сквозняков. Говорили, что ее папаша чуть было совсем не слетел с катушек, когда нашел ее неделю спустя спящей под ночником. Но когда ее спрашивали, где она была, она отвечала только: “Я не знаю”.

Снова повисло молчание, лишь красные автобусы громыхали по запруженному Уайтхоллу.

— Вам придется признать, Мастерс, что тогда поднялась жуткая шумиха. Вы, кстати, не читали “Мэри Роуз”* Барри?

* Пьеса Дж. Барри, написанная в 1920 г. Девочка, отдыхая с родителями на острове, исчезает на несколько недель, а после возвращения становится все более странной. Позже она выходит замуж, у нее рождается ребенок, но она так и не может повзрослеть в душе.

— Нет.

— Все было прямо как в этой пьесе. Говорили даже, что Вики Адамс — подменыш, ее похитили эльфы...

Тут Мастерс взорвался.

Он снял котелок, протер лоб. И изложил свои соображения об эльфах столь обстоятельно, что даже сэру Генри было нечего добавить.

— Знаю, юноша, знаю, — успокоил его Г. М. Затем голос его снова зазвучал настойчиво. — Теперь скажите мне. Неужели все это правда?

— Что правда?

— Окна все были заперты? Засовы задвинуты? Ни люка на чердак? Ни подвала? Ни подпола? Одни глухие стены?

— Да, сэр, — ответил Мастерс, мощным усилием воли возвращая себе обычную невозмутимость. — Должен признать, что все это правда.

— Значит, никаких фокусов с этим домом?

— На посторонний взгляд — никаких, — ответил Мастерс.

— В смысле?

— Послушайте, сэр, — понизил голос Мастерс. — До Адамсов там было логово Чака Бэндалла. А он был отъявленной бандит; мы в конце концов его поймали через пару лет. Полагаете, Чак бы не устроил в своем доме потайного выхода? То-то же. Вот только...

— Ну? Что же?

— Мы его не нашли, — пробормотал Мастерс.

— И как это понравилось старшему инспектору Резерфорду?

— Скажу вам прямо: он рвал и метал. В особенности потому, что малышка была чудо как прелестна, с

большими глазами, темными волосами. Ей просто невозможно было не поверить.

— Да, — сказал Г. М. — Это-то меня и тревожит.

— Тревожит?

— Еще как! — мрачно ответил Г. М. — Кто такая Вики Адамс? Избалованная дочь безумно любящих ее родителей. Ее считают странной и не от мира сего. Даже потворствуют этому. С самого нежного возраста она была окутана облаком тайны, о которой люди говорят до сих пор. Какова же эта женщина сейчас, Мастерс? Какова же эта женщина сейчас?

— Дорогой сэр Генри! — промурлыкала Вики Адамс нежнейшим голосом.

Машина как раз сворачивала с главной дороги, Билл Сейдж и Ева Дрейтон сидели на переднем сиденье, а Вики с Г. М. — на заднем. За ними простирались красные черепичные крыши Эйлсбери в лучах предзакатного солнца. Машина свернула на проселочную дорогу, укрытую влажной зеленью деревьев, и оттуда на дорожку, которая была немногим шире тропинки между живыми изгородями.

Г. М. — хотя взор его веселили набитые деликатесами корзины для пикника из "Фортнум и Мейсон"* — отнюдь не выглядел счастливым. Да и никто в этой машине не выглядел

* "Фортнум и Мейсон" (Fortnum and Mason) — универсальный магазин в Лондоне; рассчитан на богатых покупателей; известен своими экзотическими продовольственными товарами.

Gift Hampers from

They're bumper Hampers at Fortnum's this Christmas. The one shown at £10. 10. 0 contains seventeen luxury foods, among them being Real Turtle Soup, Pâte de Foie Gras, Ham, Fruits in Brandy, Honey, Iced Cake, and the famous Fortnum Christmas Pudding. Other hampers at £7. 7. 0 and £5. 5. 0.

Wonderful Wine Boxes, too. This Family Box at £15. 15. 0 contains 2 bottles each of Scotch Whisky, Gin, Red and White Bordeaux, and 1 bottle each of Champagne, Sherry, Vermouth, Cognac.

The Bachelor's Box at £7. 7. 0 contains 1 bottle Scotch Whisky, 1 Gin, 1 Champagne, 1 Sherry and 2 Red Bordeaux.

Full details of these and other Hampers and Wine Boxes are in Fortnum & Mason's exciting full-colour Christmas Catalogue, which will be sent on request.

FORTNUM & MASON · 181 PICCADILLY · LONDON · W1
· REGENT 8040

счастливым, за исключением разве что мисс Адамс.

Вики, в противоположность Еве, была небольшого роста, темненькая и оживленная. Ее большие светлосиние глаза с черными как смоль ресницами то искрились кокетством, то задумчиво туманились. Покойный сэр Джеймс Барри назвал бы ее лесной феей. Люди более приземленные увидели бы в ней иное: она обладала чрезвычайной притягательностью, которую любой мужчина в радиусе нескольких ярдов ощущал как физическое прикосновение. Несмотря на небольшой рост, у Вики был такой же звучный голос, как у Евы. И все эти качества она использовала постоянно, даже просто показывая дорогу водителю.

— Сначала направо, — говорила она, наклоняясь вперед и кладя руки на плечи Биллу Сейджу. — Потом прямо до следующего светофора. Вот умница!

— Ну будет, будет, — не признавал своих заслуг Билл. Уши его горели, а машина виляла во все стороны.

— Нет, ты умница! — И Вики играючи потрепала его за мочку уха, прежде чем сесть назад.

Ева ничего не сказала. Она даже не обернулась. И все же атмосфера этого тихого английского пикника слегка накалилась.

— Дорогой сэр Генри! — промурлыкала Вики, когда они свернули на дорожку между живыми изгородями. — Нельзя же быть таким материалистом! Ей-богу, нельзя! Неужели в вас нет ни капельки духовности?

— Во мне? — спросил Г. М. с изумлением. — Во мне море духовности. Но

чего бы мне хотелось сейчас, дорогуша, — так это пожрать. Ого!

Билл Сейдж оглянулся.

— Судя по спидометру, — сказал Г. М., — мы проехали сорок шесть с лишним миль. Когда мы выезжали из города, все приличные и здравомыслящие люди уже сели пить чай. Куда мы вообще едем?

— Так вы не поняли? — спросила Вики, широко распахнув глаза. — Мы едем в загородный домик, где со мной в детстве приключилась та ужасная история.

— Вики, дорогая, а была ли история и правда такой ужасной? — поинтересовалась Ева.

— По правде сказать, я не помню, — ответила Вики с отсутствующим видом. — Ведь я была совсем ребенком. Я еще ничего не понимала. Мои способности тогда не были столь развиты.

— Какие способности? — спросил Г. М. резко.

— К дематериализации конечно же, — ответила Вики.

На залитой солнцем теплой дорожке между изгородями боярышника колесо машины попало в выбоину. Звякнула посуда.

— Ага, понимаю, — сказал Г. М., не меняя интонации. — И куда же вы отправляетесь, дорогуша, когда дематериализуетесь?

— В неведомую страну. Сквозь крошечную дверцу. Вам не понять! Вы все такие филистеры! — простонала Вики. Затем настроение ее внезапно переменялось, она наклонилась вперед и вновь направила поток флюидов на Билла Сейджа.

— Ты же не хочешь, чтобы я исчезла, правда, Билл?

(Полегче, полегче!)

— Только если ты пообещаешь немедленно вернуться обратно, — ответил Билл с отчаянной галантностью.

— О, у меня нет выбора. — Вики откинулась назад, вся дрожа. — Моих возможностей еще недостаточно. Но даже такое беспомощное существо, как я, может преподать вам урок. Смотрите!

Она указала вперед.

Слева от них, там, где дорожка расширялась, на десяти акрах протянулась мрачная темень леса, который причудливо называли Гоблинским лесом. Справа синело небольшое озеро. Оно было расположено на частной территории, и потому там было пустынно.

Загородный домик стоял поодаль на опушке леса, лицом к дороге, отгороженный от нее буковой аллеей. Это была одноэтажная постройка, сложенная из дикого камня, с крытой шифером крышей. Вдоль фасада располагалась деревянная терраса, довольно неприглядная, как и заросли желто-зеленой травы перед домом. Билл оставил машину у обочины, поскольку ближе подъехать было нельзя.

— Здесь как-то безлюдно, правда? — громогласно спросил Г. М. Его голос прогремел в полной тишине в раскаленном воздухе.

— О да, — выдохнула Вики. Она выскочила из машины в вихре юбок. — Вот почему они смогли прийти и забрать меня, когда я была ребенком.

— Они?

— Дорогой сэръ Генри! Неужели вам нужно объяснять?

Затем Вики посмотрела на Билла.

— Я должна извиниться за состояние дома, — сказала она. — Я здесь так давно не была. Рада сообщить, что ванная здесь современная. Только лампы керосиновые, конечно. Впрочем, — мечтательная улыбка скользнула по ее лицу, — вам же не понадобятся лампы, да? Если только...

— Если только ты не исчезнешь снова, ты об этом? — сказал Билл, достававший черный чемоданчик из машины.

— Да, Билл. И пообещай мне, что не испугаешься, когда я исчезну.

Молодой человек начал было клясться всеми святыми, но сэръ Генри Мерривейл строго заявил, что не одобряет святотатства. Ева Дрейтон промолчала.

— А пока, — сказала Вики мечтательно, — давайте забудем обо всем. Давайте смеяться, и танцевать, и петь, как дети! А наш гость, наверное, совсем умирает с голоду?

В этом возбужденном состоянии они приступили к пикнику.

Сказать по правде, голодная смерть Г. М. не угрожала. Вместо того чтобы сесть на пригорке около дома, они вытащили стол и стулья на тенистую террасу. Голоса у всех звучали напряженно, но никто ни с кем не спорил. Только после того как скатерть была убрана, мебель и корзины внесены в дом, а пустые бутылки выкинуты, в воздухе повеяло опасностью.

Из-под крыльца Вики выудила два полусгнивших шезлонга, которые она разместила в высокой траве на лужайке. Они предназначались для Евы и Г. М., а Билла Сейджа Вики удела осматривать какое-то удивитель-

ное сливовое дерево. В чем была его удивительность, она не уточнила.

Ева молча села. Г. М., куривший черную сигару напротив нее, выждал, прежде чем заговорить.

— А знаете, — сказал он, вынимая сигару изо рта, — вы просто отлично держитесь.

— Да, — рассмеялась Ева, — правда?

— Вы ведь хорошо знаете эту девушку Адамс?

— Она моя кузина, — ответила Ева просто. — Теперь, когда ее родители умерли, я ее единственная родственница. Я все про нее знаю.

Откуда-то из-за лужайки доносились два голоса, говорившие о землянике. Ева, чье бледное лицо и светлые волосы четко вырисовывались на фоне темной полосы Гоблинского леса, сложила руки на коленях.

— Видите ли, сэр Генри, — замялась Ева, — у меня была еще одна причина

И Г. М., сидевший лицом к дому, увидел, как Вики и Билл вошли внутрь и как Вики, мечтательно улыбаясь, закрыла за собой дверь.

позвать вас сюда. Я... я даже не знаю, с чего начать.

— Я тут за старшего, — сказал Г. М., убедительно постучав себя кулаком в грудь. — Рассказывайте.

— Ева, дорогая, — донесся голос Вики с другой стороны заросшей лужайки. — Ева, ау!

— Да, милая?

— Я только что вспомнила, — прокричала Вики, — что еще не показала Биллу дом. Ты не против, если я украду его ненадолго?

— Что ты, милая! Конечно нет!

И Г. М., сидевший лицом к дому, увидел, как Вики и Билл вошли внутрь и как Вики, мечтательно улыбаясь, закрыла за собой дверь. Ева даже не обернулась.

Солнце садилось, пробиваясь огненно-рыжими лучами сквозь густой Гоблинский лес за домом.

— Я ей его не отдам! — неожиданно вскричала Ева. — Не отдам! Не отдам!

— А он ей нужен, дорогуша? А главное, нужна ли она ему?

— Не нужна, — ответила Ева с жаром. — И не будет нужна.

Г. М. неподвижно выпустил облако дыма.

— Вики притворщица, — сказала Ева. — Думаете, это я из ревности?

— Вовсе нет. Мне только что подумалось то же самое.

— Я терпелива, — сказала Ева. Ее голубые глаза были неподвижны. — Я ужасно, ужасно терпелива. Я могу годами ждать того, чего хочу. Билл сейчас не особенно много зарабатывает, а у меня нет ни гроша за душой. Но за всем его легкомыслием скрывается большой талант. Ему обязательно нужна такая девушка, которая будет ему помогать. Лишь бы только...

— Лишь бы только эта феечка оставила его в покое?

— Вики ведет себя так, — сказала Ева, — практически с любым мужчиной. Вот почему она так и не вышла замуж. Видите ли, это позволяет ее душе свободно общаться с другими душами. Этот ее оккультизм...

И она начала рассказывать всю семейную историю Адамсов. Эта сдержанная девушка говорила долго, говорила так, как, возможно, не гово-

рила никогда в жизни. Вики Адамс, дитя, стремившееся привлечь к себе внимание, ее отец, дядя Фред, и мать, тетя Маргарет, как будто ожили среди сгустившихся теней.

— Я, конечно, не помню, какой она была до “исчезновения”. Но, ей-богу, я знаю, какой она стала после! И я подумала...

— Что же?

— Я подумала, что если бы вы согласились приехать сюда, — сказала Ева, — Вики попыталась бы вновь затеять игру, чтоб покрасоваться. И вы бы ее разоблачили. И Билл увидел бы, какая она притворщица. Но все это безнадежно! Безнадежно!

— Послушайте-ка! — заметил Г. М., куривший третью сигару. Он выпрямился. — Вам не кажется, что эти двое, черт возьми, подозрительно долго осматривают небольшой домик?

Ева, словно пробудившись ото сна, пристально посмотрела на него и вскочила на ноги. Теперь, как можно догадаться, она уже не думала ни о каких исчезновениях.

— Извините, я на минуту, — сказала она отрывисто.

Ева поспешила через лужайку к дому, взошла на крыльцо и открыла входную дверь. Г. М. слышал, как по коридору простучали ее каблуки. Через мгновение она вышла, закрыла входную дверь и вернулась к Г. М.

— Двери во всех комнатах закрыты, — сообщила она, едва сдерживая слезы. — Думаю, не стоит их беспокоить.

— Ну-ну, успокойтесь, дорогуша!

— Мне больше нет до них никакого дела, — заявила Ева со слезами на

глазах. — Давайте возьмем машину и поедем обратно в город без них?

Г. М. выкинул сигару, поднялся и взял ее за плечи.

— Я здесь за старшего, — сказал он с людоедской ухмылкой. — Послушайте, что я вам скажу.

— Не хочу ничего слушать!

— Если я хоть что-то смыслю в человеческой механике, — упорно продолжал Г. М., — этот парень увлечен Вики Адамс не больше, чем я. Он напуган, дорогуша. Напуган. Понятия не имею чем. — Г. М. наморщил лоб. — Хоть убейте, не знаю! Но...

— Эй! — раздался голос Билла Сейджа.

Голос доносился не со стороны дома.

Гоблинский лес, расплывшийся в сумерках, окружал их с трех сторон. Крик раздавался с севера и сменился треском сухого подлеска. Перед ними предстал изрядно сердитый Билл, с грязными волосами, в основательно перепачканных фланелевых брюках и куртке.

— Вот ее проклятая земляника, — заявил он, протягивая им раскрытую ладонь. — Три штуки. Вот, с позволения сказать, плоды сорока пяти минут каторжной работы. Я решительно отказываюсь искать эту гадость в темноте.

Сперва Ева Дрейтон не могла выдать себя ни звука.

— Значит, вы... были не в доме все это время?

— В доме? В доме я был минут пять. А потом Вики раскапризничалась. Захотела земляники из этой, как она ее назвала, “лесной чащи”.

— Погоди-ка минутку, сынок! — сказал Г. М. очень резко. — Ты не выходил из этой двери. И никто не выходил.

— Да, я вышел с черного хода. Он ведет прямо в лес.

— Хорошо, и что же было потом?

— Ну, я пошел искать эту чертову...

— Нет, нет. Что делала она?

— Вики? Она закрыла дверь на замок и задвинула засов. Я видел ее усмешку сквозь дверное стекло. Она...

Билл вдруг осекся, словно пораженный внезапной мыслью. Все трое обернулись посмотреть на дом.

— Слушайте, — сказал Билл. Он громко прокашлялся. — Вы что, с тех пор не видели Вики?

— Нет.

— Неужели она...

— Ужели, сынок, — сказал Г. М. — Пойдемте посмотрим.

Они на секунду остановились в нерешительности на крыльце. После заката от земли поднимался теплый влажный дух. До полной темноты оставалось полчаса.

Билл Сейдж распахнул входную дверь и громко позвал Вики. Звук, казалось, раскатился повсюду, проликая во все комнаты. Их обдало сильным жаром и затхлостью дома, в котором окна не открывали месяцами. Но никто не ответил.

— Заходите внутрь, — отрывисто сказал Г. М. — И прекратите вопить. — Старый маэстро нервничал. — Я абсолютно уверен, что она не выходила из этой двери; но на всякий случай надо убедиться, что теперь отсюда никому не выскользнуть.

Спотыкаясь о столы и стулья, принесенные с террасы, он запер вход-

ную дверь. Они стояли в узком коридоре, когда-то красиво отделанном, с паркетным полом и обшитыми соевой стеной. В конце его находилась задняя дверь со стеклянной вставкой. Г. М., тяжело ступая, пошел осмотреть дверь и обнаружил, что она заперта на замок и на засов, как и сказал Билл.

Гоблинский лес становился все темнее.

Держась все вместе, они обыскали дом. Он был не очень большим: две комнаты порядочного размера по одну сторону коридора и две поменьше — по другую, так что оставалось место для ванны и кухоньки. Г. М., поднимая клубы пыли, обшарил каждый дюйм, где бы только мог спрятаться человек.

Все окна были заперты изнутри. Дымоход — слишком узок, чтоб в него пролезть.

Вики Адамс нигде не было.

— Мать моя родная! — выдохнул сэр Генри Мерривейл.

Они собрались у открытой двери в ванную, поддавшись дурацкому импульсу, который не мог объяснить даже Г. М. Кран монотонно капал. В последних лучах света в матовом стекле отражались три лица, словно отделенные от тел.

— Билл, — сказала Ева нетвердым голосом, — это все ее фокусы. Хотя бы ее уже разоблачили! Это все фокусы!

— Где же она тогда?

— Сэр Генри нам расскажет! Правда?

— Ну... ээ... — протянул великий человек.

На светлой шляпе Г. М. чернел отпечаток ладони, появившийся там,

когда он поправил ее после осмотра камина. Он сердито глядел из-под нее.

— Юноша, — сказал он Биллу. — Я хочу задать вам всего один вопрос про все эти чудеса. Можете поклясться, что, когда вы ушли собирать землянику, Вики Адамс не вышла с вами?

— Бог свидетель, она не выходила, — произнес Билл с жаром. — К тому же как, черт возьми, ей бы это удалось? Вы видели этот засов на задней двери?

Г. М. взялся за шляпу и посадил на нее еще пару черных пятен. Он сделал два-три тяжелых шага по узкому коридору. Ботинки скользнул по чему-то, лежащему на полу, и он нагнулся. Это был большой квадратный кусок тонкой непромокаемой клеенки, неровно оборванный с одного угла.

— Вы что-то нашли? — спросил Билл напряженным голосом.

— Да нет, это к делу не относится. Но погодите-ка минутку!

Сзади по коридору, по левую сторону, располагалась спальня, из которой Вики Адамс исчезла, будучи ребенком. Хотя Г. М. уже осматривал эту комнату, он вновь открыл дверь. За окном уже почти стемнело.

Словно сквозь туман он увидел эту комнату, какой она была двадцать

Г. М. проявил особенный интерес к окнам.

лет назад. Кружевные занавески, бантики и рюшечки, полированное красное дерево, белые обои, мерцающие зеркала. Г. М. проявил особенный интерес к окнам.

Он осторожно провел руками по периметру каждой рамы, даже взобрался с трудом на стул, чтобы проверить верхушки. Он попросил у Билла коробок спичек, и крошечные вспышки света, сопровождавшие чирканье спички, будто чиркали по нервам.

Последняя искра надежды погасла в его глазах, и его спутники увидели это.

— Сэр Генри, — произнес Билл в сотый раз, — где же она?

— Не знаю, юноша, — уныло ответил Г. М.

— Давайте выйдем отсюда, — неожиданно сказала Ева. В ее голосе были слышны пронзительные нотки. — Я знаю, это все ее фокусы! Вики обманщица! Но давайте выйдем отсюда. Ради бога, давайте выйдем отсюда!

— Честно говоря, — Билл прокашлялся, — я согласен. Вряд ли она даст о себе знать до завтра.

— Ну отчего же, — прошептал голос Вики из темноты. Ева закричала.

Они зажгли лампу. Но в комнате никого не было.

Их отступление, надо отметить, не отличалось особым достоинством.

О том, как они спотыкались на неровной лужайке в темноте, как записывали в машину пледы и корзины для пикника, как с трудом отыскивали дорогу, лучше умолчать.

Сэр Генри Мерривейл позже посмеивался над этим — “не то чтобы струхнули, так, мурашечки”, и действительно, напугать сэра Генри не так просто. Но его можно встревожить, сильно встревожить, а то, что он был встревожен, видно из дальнейшего.

Зайдя в “Кларидж”^{*} на скромный поздний ужин — омар и “персик Мельба”, — Г. М. вернулся домой на Брук-стрит и заснул беспокойным сном.

^{*} “Кларидж” (Claridge's) — одна из самых известных лондонских гостиниц высшего класса, расположенная на Брук-стрит.

Было три часа ночи, еще не рассвело, когда его поднял телефонный звонок.

От того, что он услышал, кровь застыла у него в жилах.

— Дорогой сэр Генри! — пропел знакомый голосок лесной феи.

Г. М. снова был самим собой: воплощенная желчность. Он включил лампу возле кровати и аккуратно надел очки, чтобы быть во всеоружии.

— Я имею честь говорить с мисс Вики Адамс? — угрожающе вежливо сказал он.

— О да!

— Смеею надеяться, что вы прекрасно проводите время, — сказал Г. М. — Вы уже материализовались?

— О да!

— Где же вы сейчас?

— Боюсь, — в голосе слышалась кокетливая усмешка, — это останется секретом еще на день-другой. Мне хочется преподать вам хорошенький урок. Счастливо оставаться!

И она повесила трубку.

Г. М. ничего не сказал. Он поднялся с постели. И принялся расхаживать по комнате. Его брюхо величественно колыхалось под старомодной ночной рубашкой до пят. Раз уж его разбудили в три часа ночи, сам бог велел разбудить какого-то еще, посему он набрал домашний номер старшего инспектора Мастерса.

— Нет, сэр, — решительно возразил Мастерс, хорошенько прокашлявшись, — ничего, ничего, даже хорошо, что вы мне позвонили, — сказал он не без удовольствия. — У меня тоже есть для вас новости.

Г. М. подозрительно посмотрел на телефон:

*О том, как они спотыкались на неровной лужайке в темноте,
как закидывали в машину пледы и корзины для пикника,
как с трудом отыскивали дорогу, лучше умолчать.*

— Мастерс, вы снова меня за нос водите?

— Это скорее по вашей части.

— Хорошо, хорошо, — прорычал Г. М. — Что за новости?

— Помните, вчера вы упоминали дело Вики Адамс?

— Припоминаю, да.

— Так вот. Я переговорил тут с людьми. Мне намекнули, что неплохо бы встретиться с неким адвокатом. Он вел дела старого мистера Фреда Адамса до самой его смерти. Тот умер лет шесть-семь назад.

Тут Мастерс заговорил вкрадчиво, с ликованием в голосе:

— Я всегда говорил, сэр Генри, что Чак Бэндалл должен был соорудить в доме какой-то потайной выход. И это оказалось...

— Это оказалось окно с секретом.

Телефон, если так можно выразиться, подпрыгнул.

— Что?!

— Окно с секретом, — терпеливо продолжал Г. М. — Нажимаешь на пружину. И вся рама целиком, с закрытыми створками, съезжает вниз, так что можно незаметно выбраться. А потом ты снова ее поднимаешь.

— Но как вы, черт побери, узнали об этом?

— О, юноша! Еще во времена гонений на католических священников окна в деревенских домах строили таким образом. Догадаться нетрудно. Только вот окно-то не работает!

Мастерс был явно разочарован.

— Да, не работает, — согласился он. — А знаете почему?

— Могу догадаться. Расскажите.

— Потому что как раз перед самой смертью мистер Адамс обнаружил,

как именно дражайшая дочка одурачила его. Он никому не рассказывал об этом, кроме своего поверенного, — взял пригоршню четырехдюймовых гвоздей и приколотил раму вверх так крепко, что даже орангутан не смог бы ее сдвинуть, а чтоб было незаметно, покрасил их сверху.

— Ага. Сейчас их можно заметить.

— Сомневаюсь, что юная леди знает об этом. Но, честное слово! — воскликнул Мастерс разгневанно. — Хотел бы я посмотреть на того, кто снова решит поиграть в эту игру.

— Правда? Тогда вам будет небезынтересно узнать, что та же девица снова исчезла из того же дома.

Г. М. начал подробно излагать факты, но ему пришлось прерваться, потому что телефон разбушевался.

— Честное слово, Мастерс, — сказал Г. М. серьезно. — Я не шучу. Она выбралась не через окно. Но как-то же она выбралась. Давайте встретимся завтра утром. — Он объяснил, как добраться. — А пока, юноша, приятных снов.

Неудивительно, что у Мастерса было помятое лицо, когда он на следующий день вошел в гостиную в "Старейших консерваторах".

Гостиная "Старейших консерваторов" — мрачная, траурная комната, выходящая окнами на узкий внутренний двор, вся обвешанная портретами бородатых джентльменов с такими лицами, будто они страдают несварением желудка. В ней царит затхлый запах дерева и кожи.

Хотя виски и содовая стояли на столе, Г. М. сидел поодаль в кожаном кресле, почесывая свою лысую голову.

— Вот что, Мастерс, спокойствие! — предупредил он. — Дельце, конечно, то еще. Но пока не уголовное. Пока.

— Знаю, что пока не уголовное, — сказал Мастерс мрачно. — Я все-таки переговорил с суперинтендантом в Эйлсбери.

— С Фаулером?

— Вы его знаете?

— Конечно. Я всех тут знаю. Надеюсь, он будет смотреть в оба?

— Он собирается взглянуть на этот проклятый дом. Я договорился, чтобы все телефонные звонки перенаправлялись сюда. А пока, сэр...

Именно в этот момент, как по дьявольскому замыслу, зазвонил телефон. Г. М. успел дотянуться до него раньше Мастерса.

— Я тут за старшего, — сказал он, неосознанно принимая величественную позу. — Да, да, Мастерс здесь, только он пьян. Расскажите-ка мне сперва, в чем дело?

В трубке едва слышно забубили.

— Конечно, я посмотрел на кухне в буфете, — промычал Г. М. — Хотя я, честно говоря, не ожидал найти там Вики Адамс. Что-что? Можно еще раз? Тарелки? Чашки?

Выражение лица Г. М. пугающе переменялось. Он замер на месте. Все его позерство как рукой сняло. Он даже больше не слушал голос, который продолжал бубнить в трубке, он пытался сопоставить в голове факты.

Наконец он повесил трубку (хотя голос все еще бубнил).

Он нетвердой походкой добрал до стола и тяжело опустился на стул.

— Мастерс, — сказал он очень тихо. — Я чуть не сделал глупейшую ошибку в своей жизни.

Он прокашлялся.

— Я свалил дурака, юноша, свалил дурака. Не надо кричать на меня за то, что я бросил трубку. Теперь я могу рассказать вам, как исчезла Вики Адамс. Раз в жизни она сказала правду: она действительно отправилась в неведомую страну.

— Что вы имеете в виду?

— Она мертва.

Слова тяжело повисли в тусклой комнате, где со стен глядели бородастые лица.

— Видите ли, многие справедливо подозревали, что Вики Адамс — обманщица, — продолжал Г. М. безучастно. — Так и было. Чтобы привлечь к себе внимание, она разыграла родственников, провернув этот трюк с окном. И с тех пор она ловко этим пользовалась. Вот я и пошел по ложному следу. Я был начеку, ждал, что Вики Адамс выкинет что-нибудь эдакое. Потому мне и в голову не пришло, что опасность угрожает ей: эта элегантная пара красавчиков — мисс Ева Дрейтон и мистер Уильям Сейдж — задумала убить ее.

Мастерс медленно встал:

— Вы сказали... убить?

— Да.

Г. М. снова прокашлялся.

— Мне заранее отвели роль свидетеля. Они знали, что Вики Адамс не упустит шанса исчезнуть, — ведь Вики всегда полагала, что сможет выбраться через окно с секретом. Вики должна была сказать, что она исчезнет. Они ничего не знали про окно с секретом, Мастерс. Но они отлично знали свой план.

Ева Дрейтон даже раскрыла мне мотив. Она, конечно же, ненавидела

Вики. Но это было не главное. Она была единственной родственницей Вики Адамс и унаследовала бы чертову уйму денег. Ева говорила, что может быть очень терпеливой. (И черт поberi, с какой страстью в глазах она это говорила!) Чтобы избежать малейших подозрений в убийстве, она готова была ждать семь лет, пока пропавший без вести человек не будет признан мертвым.

Думается мне, наша Ева была движущей силой этого сговора. Ей было страшно только иногда, а Сейджу было страшно все время. Но именно Сейдж и проделал всю грязную работу. Он завлек Вики Адамс в дом, пока Ева отвлекала меня задушевными разговорами на лужайке...

Г. М. остановился.

В голове старшего инспектора Мастерса возникло невыносимо отчетливое воспоминание: домик из дикого камня на фоне темнеющего леса.

— Мастерс, — сказал Г. М., — откуда возьмется капающий кран в доме, в котором не жили месяцами?

— Ну и откуда?

— Видите ли, Сейдж — хирург. Он у меня на глазах забирал из машины свой черный чемоданчик с инструментами. Он отвел Вики Адамс в дом. В ванной он ее заколол, раздел и *расчленил тело*. — Так-то, юноша!

— Продолжайте, — сказал Мастерс, не двигаясь.

— Голова, туловище, сложенные руки и ноги были завернуты в три больших куса тонкой прозрачной клеенки. Каждый был зашит суровой ниткой так, чтобы кровь не капала. Прошлой ночью я нашел один из кусков клеенки, который он порвал с

угла, когда возился с иглой. Затем он вышел из дома, оставив дверь с черного хода открытой, чтобы обеспечить себе то самое земляничное алиби.

— Сейдж вышел оттуда, — воскликнул Мастерс, — оставив тело в доме?

— Да, — кивнул Г. М.

— Но где же он его оставил?

Этот вопрос Г. М. проигнорировал.

— А что тем временем делала Ева Дрейтон? По истечении условленных сорока пяти минут она заявила, что ее жених и Вики Адамс крутят там шуры-муры. Она влетела в дом. Но чем она там занималась? Она прошла по коридору до конца. Я слышал ее шаги. Там она попросту заперла дверь и задвинула засов. Затем она вышла ко мне со слезами на глазах. И эти красавчики были готовы к осмотру дома.

— К осмотру дома? — спросил Мастерс. — *Пока тело еще лежало внутри?*

— Да.

Мастерс крепко сжал кулаки.

— Должно быть, Сейдж порядком перепугался, — сказал Г. М., — когда я нашел этот кусок клеенки, который он успел помыть, но обронил. Как бы там ни было, у этих двоих в планах была еще пара фокусов. "Исчезнувшая" девица должна была заговорить — чтобы доказать, что она еще жива. Если б вы там были, сынок мой, вы бы заметили, что голоса Евы Дрейтон и Вики Адамс очень похожи. И если Ева заговорит в темноте, тщательно имитируя жеманность, которая ей самой несвойственна, иллюзия будет пол-

ной. То же и с телефоном. Дело было сделано, Мастерс. Оставалось только убрать тело из дома и увезти его подальше...

— Но я как раз об этом вас и спрашивал, сэр! Где лежало тело все это время? И кто, черт возьми, вынес его из дома?

— Мы все, — ответил Г. М.

— Как так?

— Мастерс, — сказал Г. М. — вы не забыли о корзинах для пикника?

И тут старший инспектор заметил, что Г. М. бледен как полотно. Его следующие слова сразили Мастерса наповал.

— Три плетеные корзины приличного размера, с крышками. После нашего пиршества на террасе эти корзины занесли в дом, так что они были у Сейджа под рукой. Ему пришлось оставить большую часть грязной посуды в буфете. Три плетеные корзины для пикника и три подарочка от мясника внутри них... Одну из них я собственноручно донес до машины. Что-то с ней было не так...

Г. М. нетвердой рукой потянулся к виски.

— Знаете, — сказал он, — а ведь я так никогда и не узнаю, что же я нес — может, голову?

What better accompaniment to a journey can you have than distinctive yet practical luggage as shown in the Travel Goods Department at FORTNUM'S? Three examples:

New Gladstone Air Case in green or brown canvas with hide surround, weighing only 11 lbs. Spring-top Bag in canvas and hide, 3 sizes. Special Lightweight Last-minute Bag in stout fawn canvas, also in 3 sizes.

Third Floor for Travel Goods.

FORTNUM & MASON

181 PICCADILLY, LONDON. W.1. REGENT 8040.

19" £10. 11. 3
26" £11. 14. 3
33" £13. 17. 0
when up all four.

14" £4. 3. 6
18" £4. 7. 6
26" £4. 13. 6

Джозефина Белл

1897–1987

Перевод и вступление Дарьи Горяниной

СВОЙ псевдоним Джозефина Белл взяла в честь шотландского хирурга сэра Джозефа Белла, который послужил прототипом самого известного сыщика в мире — Шерлока Холмса. Оба они по образованию были медиками, а своим хобби избрали детективы и раскрытие тайн — на бумаге или в реальной жизни.

Будущая Джозефина Белл, а тогда еще Дорис Кольер, родилась 8 декабря 1897 года в Манчестере. Ее отец, Джозеф Кольер, знаменитый хирург своего времени, не только побудил дочь выбрать профессию врача, но и предположительно стал прообразом героя ее будущих книг — Дэвида Уинтрингема. Их роднит наблюдательность, преданность своему делу и любовь к спорту.

С 1910 по 1916 год юная Дорис училась в Годольфин-скул — в те же годы там училась будущая королева детективного жанра Дороти Ли Сэйерс, которая была на три года старше. Затем Дорис училась в Кембридже и стажировалась в клинике Лондонского университета, где получила степень бакалавра хирургии. В 1923 году будущая писательница вышла замуж за доктора Нормана Болла — брак оказался счастливым, и за следующие 13 лет у них родилось четверо детей. В 1936 году ее супруг погиб в автомобильной катастрофе. В том же году Дорис Болл, не оставляя медицинской практики, начала писать детективные романы под псевдонимом Джозефина Белл. Преуспела она в обеих сферах.

JOSEPHINE BELL

В 1953 году Джозефина Белл вместе с Джоном Кризи основала Ассоциацию детективных авторов (процветающую и по сей день) и в 1959—1960 годах была ее председательницей. В 1954 году она ушла из медицины и до самой смерти в 1987 году писала детективы и ходила на яхте.

Всего Белл написала более сорока детективных рассказов и романов. Нет ничего удивительного в том, что действие большинства из них происходит в больницах или же так или иначе связано с медициной. Врачебная практика предоставляла ей постоянную возможность для наблюдения за людьми, особенностями их поведения в стрессовых ситуациях и тонкостями взаимоотношений в замкнутом коллективе. В своих книгах Джозефина Белл часто сравнивала искусство врача с искусством сыщика — для обеих профессий важно внимание к фактам и понимание причинно-следственных связей.

В первом же романе — “Убийство в больнице” (1937) — Белл выводит на сцену молодого врача Дэвида Уинtringема. Впоследствии он появится еще в восемнадцати ее книгах. Несмотря на то что Уинtringем был главным героем многих произведений Белл, читатели так ни разу и не получили подробного описания его внешности. Уинtringема отличает пронизательность и тонкая интуиция, поэтому больничное начальство порой просит его разобраться в том или ином запутанном происшествии, как в рассказе “Смерть в больничной палате”. Здесь появляется еще один важный персонаж Белл — жена Уинtringема, Джил, с которой он ежедневно обсуждает все, что случается на работе, в том числе и свои расследования. Зачастую именно она своими замечаниями наводит его на верную мысль.

© Д. Горянина, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “СМЕРТЬ В БОЛЬНИЧНОЙ
ПАЛАТЕ” БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1949 ГОДУ
В ГАЗЕТЕ “ИВНИНГ СТАНДАРД”.

≡ DEATH ≡

IN AMBROSE WARD

//////////////// THE EVENING STANDARD, 1949. //////////////////

ДЖОЗЕФИНА БЕЛЛ

Смерть

в больничной палате

Дэвид Уинтрингем открыл дверь в детскую. Невообразимый гвалт, производимый двумя его младшими детьми, миготал. Они бросились к отцу с радостными возгласами.

Жена подняла взгляд от своей работы:

— Дэвид! Почему так рано?

Увидев выражение его лица, она быстро спросила:

— Что-то случилось?

— Давай спустимся, — сказал он. — Надо поговорить.

— Нам с папой нужно спуститься вниз, — сказала Джил, отцепляя детей от мужа. — Вы же прекрасно играли сами.

— А нам можно с вами? — спросила Бет, глядя в лицо отцу. — Спорим, ты снова что-то расследуешь?

— Нельзя, — твердо ответил Дэвид. — Оставайтесь здесь.

— Когда няня берет выходной, вечно что-то случается, — кротко заметила Джил, спускаясь за мужем по лестнице.

— Я вернулся так рано, потому что в больнице Святого Эдмунда сегодня произошла ужасная вещь, — начал

Дэвид. — Старшую сестру Бэнкс оперировали в прошлый понедельник. Все прошло отлично, ее вернули обратно в палату, но...

— Какой ужас, — охнула Джил.

— Увы. Операция прошла успешно, но пациентка умерла. Но причиной ее смерти стал не хирург, а кто-то из медсестер.

— Дэвид! Какой ужас! Сегодня?

— Нет. Она умерла в понедельник, примерно через час после того, как ее привезли из операционной. Дежурная медсестра пошла проверить, пришла ли Бэнкс в себя после наркоза, и увидела, что у той очень слабое дыхание, а пульса почти нет, и послала за Джилли, ординатором хирургического отделения. Сестре Бэнкс стало плохо, когда она была на неотложном вызове, поэтому ей отвели одну из хирургических коек в ее же отделении, но оперировали не сразу.

— Да, ты говорил, что она внезапно заболела, — произнесла Джил. — Бедная старая ведьма. Ужасно обращалась с подчиненными — что поделаешь, так их учили, старая школа. Да и характер у нее был соответствующий. Но прекрасная медсестра.

— Когда няня берет выходной,
вечно что-то случается, —
кратко заметила Джил, спускаясь
за мужем по лестнице.

— Первокласная. Характер-то ее
и сгубил.

— Я тебя перебила. И что, когда
пришел доктор Джилли, она была уже
мертва?

— Не совсем так. Он попытался ее
реанимировать, но когда обследовал
ее повнимательнее, понаблюдав реф-
лексы, то увидел признаки острого
отравления морфием. Для него это
было, конечно, крайне неприятное
открытие. Противоядия не подей-
ствовали, и четверть часа спустя она
умерла. Вскрытие подтвердило диа-

гноз, а сегодня пришли результаты анализов. Ей дали смертельную дозу, сколько надо, ни граном более.

— Но кто? — в ужасе спросила Джил. — Кто мог это сделать во время операции?

— Пришлось, конечно, известить коронера, — продолжил Дэвид, не отвечая на ее вопрос. — Он приказал сделать анализ, и сегодня, как и мы, получил результаты. Теперь в любое время может нагрянуть полиция. Может, уже нагрянула после моего ухода. Предполагалось, что я начну расследование после вскрытия и к обеду, когда придут результаты анализов, уже во всем разберусь. По крайней мере, так себе это представляет главврач.

— Разобрался?

Дэвид в беспокойстве шагал по комнате.

— Все слишком просто, — сказал он. — Слишком просто и одновременно слишком сложно.

— Не говори загадками. Объясни.

— Дело обстоит так. Когда старшую сестру Бэнкс отправили в операционную, дежурила сестра по фамилии Эллис. Она вообще туго соображает, а в последние месяцы и вовсе работает спустя рукава. Сестра Бэнкс советовала главной медсестре предложить Эллис оставить медицину и попробовать себя где-нибудь еще. К сожалению, девушка просто без ума от своей профессии и вполне разумно говорит, что при нынешней нехватке медсестер каждые руки на счету, к тому же она хочет в будущем уехать с миссией за границу. Очень религиозная девушка. Но на самом деле она получила предупреждение, и все из-

за сестры Бэнкс. Таким образом, налицо кое-какой мотив.

— Довольно сильный, учитывая, что она хочет стать миссионеркой.

— Вероятно.

— У нее была возможность дать сестре Бэнкс смертельную дозу морфия?

— Едва ли, но и никто другой не мог сделать этого беспрепятственно. Все сильнодействующие лекарства хранятся под замком, и их выдает старшая медсестра по назначению врача. Но когда проходят операции, морфий выписывают всем прооперированным, и уколы делают уже в палате. А перед операцией назначают атропин, так что в подобные дни шкаф с сильнодействующими лекарствами весьма востребован.

— Сестра Эллис могла получить доступ к ядам?

— Не напрямую. Старшая медсестра уверена, что в тот день ни у кого, кроме нее, не было доступа к ключу от шкафа. Я подумал сначала, что Эллис могла стащить морфий из шкафа, но это было бы невозможно. Собственно, доказано, что это не так. Все записи сходятся, их проверяли и в отделении, и по всей больнице. Нигде не обнаружено ни недостачи, ни излишков. Морфий, который вкололи сестре Бэнкс, был принесен откуда-то извне.

— Сестрой Эллис?

— Если это ее рук дело. Но в том-то и сложность. Где, кроме больницы, она его могла добыть? С этим, конечно, разберется полиция. С такими задачами они неплохо справляются.

— Ты, кажется, говорил, что она закончила дежурство после того, как сестру Бэнкс привезли обратно в палату?

— Да.

— Тогда, должно быть, она дала сестре Бэнкс морфий вместо атропина перед операцией?

— Нет. Тогда Бэнкс умерла бы в операционной. Она пробыла на столе час сорок пять минут.

— Эллис могла сделать это после операции, перед окончанием своего дежурства?

— В принципе, могла. Она помогала перекладывать Бэнкс в кровать. Та, конечно, еще не пришла в себя после наркоза.

— То есть она могла тихонько вернуться перед уходом с дежурства и вколоть лежащей без сознания женщине дозу морфия, которую принесла с собой?

— Да.

— Как это мерзко!

— Как я уже сказал, это проще простого: жертва без сознания, полностью в твоих руках. Но, повторяю, сложность с морфием.

— Однако же люди где-то добывают морфий. Наркоманы, например.

— Наркоманы — да. Но совершенно обычная замотанная медсестра в рядовой больнице? Маловероятно, чтобы она знала, где его взять, как ты думаешь?

— Я так полагаю, что старшая медсестра выдала правильную дозу морфия? Не слишком много? Я имею в виду тот морфий, который вколола Бэнкс вторая медсестра. Ах да, ты же говорил, что ей больше не делали уколов, потому что увидели, что ей стало плохо.

— Погоди-ка, — сказал Дэвид. — Ты меня натолкнула на мысль. Давай разберемся. Бэнкс не получила

своей дозы морфия, он был в шприце — старшая медсестра приготовила его для сестры Прэтт. Я видел поднос, доктор Джилли забрал его в тот же момент, как у него возникли первые подозрения. После Прэтт к нему никто не прикасался. Там лежало четыре пустых шприца и один полный. Сестра наполняет шприцы в соответствии с распоряжениями хирурга и втыкает их иголками в проспиртованную вату.

— Четыре пустых шприца? — повторила Джил.

— Да. Погоди. Не торопи меня. Мы подумали, что это могла быть передозировка, и проверили полный шприц. С ним было все в порядке. Я поговорил с тремя другими пациентами.

— Ты же сказал, что их было четверо.

— Одна из них умерла в ночь после операции, бедняжка, общая слабость и шок. У нее была злокачественная опухоль, которую не смогли удалить, так что это и к лучшему. Еще одна оказалась на редкость стойкой старушкой. Я спросил, чувствует ли она сонливость после операции, и она ответила: "Это не ко мне, сынок. Я никогда ничего не упускала и не собираюсь упускать. Я знаю, что может быть больно. Роз без шипов не бывает, так ведь?"

— Прекрасно.

— Следующая была полной противоположностью. Настоящая истеричка. Дежурная сестра рассказала, что она подняла страшный шум перед операцией, а после вела себя еще хуже. Кричала на всю палату. Невозможно проверить, сколько ей дали

морфия — подобную натуру лекарство скорее возбудит, чем успокоит.

— Как кошек, — предположила Джил.

— Кошечка ты моя.

— А кто был третий?

— Девушка, которой удалили аппендикс. Ее оперировали как раз перед старшей сестрой Бэнкс, но управились гораздо быстрее. Она начала приходить в себя, когда на дежурство заступила сестра Прэтт, иными словами — вскоре после того, как Бэнкс привезли обратно в палату. Прочие получили свой морфий незадолго до или после этой девушки.

— То есть Прэтт сделала все необходимые инъекции?

— Все, которые подготовила старшая медсестра. Пять пациентов — пять шприцев. Тот, который предназначался сестре Бэнкс, остался неиспользованным. Проверка показала, что там содержалась обычная доза морфия. Нет причин подозревать дежурную сестру.

— Да, похоже, что тот морфий пришел из какого-то внешнего источника. Ты не закончил — что сказала девочка с аппендицитом?

— Она пожаловалась, что после операции испытывала сильнейшие боли — гораздо тяжелее, чем ей описывали знакомые, которым уже вырезали аппендикс. Но на следующий день боль утихла. Она сказала, что ей было бы легче, если бы ее мать не устраивала скандала.

— А почему скандалила мать?

— Насколько я понял, ее возмутило, что сестра Прэтт не сделала укол в тот же момент, когда девочка начала приходить в себя после нарко-

за. Потом мать пожаловалась Прэтт, что дочери снова плохо, и заставила ту выдать обезболивающее — кодеин. После этого девушка заснула и на следующее утро чувствовала себя удивительно хорошо.

— Странно, что она в таких деталях запомнила все, что происходило после операции.

— Мне это тоже пришло в голову. Я спросил у нее, и она объяснила, что запомнила все потому, что очень стыдилась поведения своей матери. Она сказала, что Прэтт, естественно, была на них очень рассержена.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему “естественно”? Если сестра Прэтт отличается вспыльчивым или деспотичным характером, то может беспричинно раздражаться при работе с оперированными больными. Но почему пациент считает это естественным?

— Да, — произнес Дэвид. — Я тебя понял.

Он в задумчивости походил по комнате, затем внезапно бросился ко входной двери.

— Опять уходишь? — спросила Джил.

— Хочу повидаться с матерью этой девушки. Я же говорю, ты навела меня на мысль.

— Ты что-то еще вспомнил или взглянул на дело с другой стороны?

— Я внезапно понял, как все могло произойти, если в больницу не приносили никакого морфия. Возможно, мать девушки поможет мне найти доказательства.

Прежде чем Джил успела ответить, Дэвид вышел. Она вернулась в дет-

"OVALTINE"

"Ovaltine" gives strength, vitality and endurance, is a splendid pick-me-up, and as a restorative in fatigue has no equal. Prepared from Malt, Milk and Eggs, "Ovaltine" makes a delicious beverage which is taken with or between meals, or, with a few biscuits, of itself forms a light, satisfying meal. It has the advantage that little or no sugar is required. The crisp golden granules are merely stirred into hot milk or milk and water. In Convalescence and cases of Feeble Digestion "Ovaltine" provides the most nourishing, sustaining and easily assimilable food drink possible. Taken just before retiring it ensures sound, refreshing sleep.

Nerve Support

Guard against nervous breakdown, which results from strain and overwork, worry and concentrated mental effort, by drinking "Ovaltine." It supplies just the extra food needed to rebuild the worn nerve cells.

OVALTINE

TONIC FOOD BEVERAGE

Builds-up Brain, Nerve and Body

*Of all Chemists and Stores,
A. WANDER, LIMITED,
21, Cannon Street, London, E.C.1,
Wholesale Agents, Birmingham.*

скую и не получала никаких известий от мужа до вечера. В девять он вошел в гостиную.

— Дэвид! — Она вскочила ему навстречу. — Дорогой, ты кошмарно выглядишь. Налью тебе выпить.

— Ты была права, — сказал он чуть позже. — Та девушка и ее мать обещали нас всеми необходимыми показаниями. Я встретился со Стивом Митчеллом из Скотленд-Ярда, и мы представили сестре Прэтт все улики. Она тут же впала в истерику и немедленно выдала себя, хотя мы предупредили ее, что все, что она скажет, может быть использовано против нее. Не хотелось бы мне еще раз увидеть, как арестовывают женщину.

— Какие были основные улики?

— Я тебе расскажу все, что мне поведала мать девушки. Она, как и дочь, сказала, что раздражение сестры Прэтт было вполне оправданно, так как до того они уже сталкивались. Мать пробралась в больницу со служебного входа — боялась, что у главного входа ее задержат и она не успеет повидать дочь перед операцией. В коридоре она наткнулась на сестру Прэтт, которая обнималась с мужчиной в белом халате. И это, как ты понимаешь, в разгар его рабочего дня. Позже, в палате, мать снова наткнулась на ту же сестру, и, по ее словам, они узнали друг друга.

— Но...

— погоди. Я спросил у девушки, этот ли эпизод она имела в виду, и она ответила отрицательно. По моему мнению, сестра Прэтт рассердилась потому, что мать устроила скандал на пустом месте — сестра как раз

делала уколы прооперированным больным. Мать стала требовать укола в тот момент, когда сестра Прэтт отходила от соседней койки. Сама девушка, разумеется, не могла этого видеть, так как постели в палатах разгорожены ширмами, а сама она была в сознании лишь наполовину, поэтому я спросил у матери, как было дело. Мать все подтвердила и добавила, что позднее она рассказала об этом эпизоде дочери, хотя и не упоминала про объятия в коридоре. А в тот момент сестра Прэтт отошла от постели старшей сестры Бэнкс и направилась напрямик к девушке, хотя и весьма неохотно.

— У нее в руках был поднос со шприцами?

— Да.

— Но ведь сестру Бэнкс к тому моменту только что привезли из операционной. Ей еще рано было делать укол.

— Именно. А сестра Бэнкс ранее угрожала, что донесет на Прэтт — она встречалась с одним из рентгенологов в его рабочее время. Ему уже делали нагоняй за отсутствие на рабочем месте, но он так и не объяснил причин своего отсутствия. Бэнкс знала об этом из других источников, но дожидалась прямых доказательств.

— Бедняга Бэнкс снова влезла не в свое дело?

— Именно так.

— И Прэтт убила ее?

— Да. И ей это чуть не сошло с рук.

— Я так и не поняла, как все произошло.

— На самом деле все было очень просто. Мы думали о чрезмерной

дозе, а нам следовало подумать о недостаточной.

— Ох, Дэвид, не занудствуй. Ты же не Пуаро и не отец Браун.

— Извини. У сестры Прэтт было пять шприцев с морфием. Один она не трогала, чтобы предъявить позже. Содержимое остальных она перелила в один шприц, а три пустых наполнила соответствующим количеством дистиллированной воды. Сестре Бэнкс она дала учетверенную дозу морфия и тем самым ее убила. Остальным она вколола воду. Возможно, это ускорило смерть одной из них и определенно усилило или, по крайней мере, не облегчило страдания остальных. Стойкая старушка и молодая, психически устойчивая девушка справились с этим, но истеричке это сильно повредило.

— Какой ужас! Но получается, что сестра Эллис тут ни при чем. Я оши-

балась. Серьезная религиозная девушка, которая мечтает о том, чтобы стать миссионеркой и служить людям, не способна на такую жестокость. Сестра Прэтт, видимо, сумасшедшая.

— Вовсе нет. В своем уме, но нравственно неполноценна. Абсолютно эгоцентрична и, следовательно, способна на жестокость. Из прихоти она практически разрушила карьеру рентгенолога. Они прекрасно могли бы встречаться в свое свободное время. Вместо этого она рисковала тем, что их обоих уволят, а когда сестра Бэнкс попыталась вмешаться, спокойно устранила ее. Человек, который способен поступить подобным образом и вколоть четырем прооперированным больным воду вместо морфия, вызывает не жалость, как помешанный, но ужас, как чудовище.

— Будем надеяться, она получит по заслугам, — сказала Джил.

Николас Бентли

1907–1978

Перевод и вступление Марии Виноградовой

ПРИНЯТО считать, что участь сыновей, выступающих на одном поприще со знаменитыми отцами, незавидна. Однако Николас Бентли, младший сын Эдмунда Клерихью Бентли — известного английского писателя, которого современники называли родоначальником Золотого века британского детектива, — сумел вступить на это поприще оригинально и не без изящества. Сам он тоже добился известности, хотя в первую очередь как художник-иллюстратор и карикатурист.

Николас Бентли родился в 1907 году в городе Хайгете. С самого раннего детства, еще не выучившись читать, он с интересом рассматривал иллюстрации к книгам в библиотеке отца — в том числе работы Гюстава Доре.

В семнадцать лет Николас поступил в Лондонскую школу живописи. Однако, будучи, как и его отец, человеком крайне разносторонним, довольно скоро покинул ее, недоучившись, и стал клоуном в цирке, причем денег ему там не платили. Правда, и в цирке не задержался — уже через шесть недель оставил арену, после чего снялся в массовках нескольких фильмов.

Известно, что первый рисунок Николас Бентли продал своему крестному отцу, Честертону, хотя и неизвестно, что именно это был за рисунок. Потом он иллюстрировал журнал, посвященный мужской одежде, работал в рекламном отделе компании “Шелл”. Ему очень нравились люди, с которыми он оказался рядом, но совершенно не привлекала сама реклама, поэтому он с радо-

NICOLAS BENTLEY

стью ухватился за предложение Хилэра Беллока, еще одного старинного друга Бентли-старшего, проиллюстрировать новый сборник его стихов. С этого началась его профессиональная карьера. За свою жизнь Николас Бентли проиллюстрировал более семидесяти книг, а также постоянно рисовал карикатуры для газет. В его работах проявлялось фамильное чувство юмора — мягкое, но очень точное. Среди самых знаменитых его работ — иллюстрации к “Практическому котоведению” Т. С. Элиота и “Как быть иностранцем” Джорджа Микеша, а также рисунки к знаменитым клерихью Бентли-старшего.

Продолжая по традиции сотрудничать с членами семьи, он иллюстрировал книги не только своего отца, но и жены, Барбары Хастингс, написавшей несколько детских книг. Помимо литературных плодов этот союз был увенчан рождением дочери Арабеллы.

После войны Николас сделался издателем, что упрочило его финансовое положение. Писать он не бросил, зато мог отныне заниматься этим в более свободном режиме.

Хотя в историю Николас Бентли вошел как художник-иллюстратор, сам себя он считал в первую очередь писателем и среди всех своих книг больше всего любил те, где сам был и автором и художником. Отдал он дань и детективному жанру, написав несколько сборников детективных рассказов.

В рассказе “Бдительный ювелир” он формулирует свои представления о правильном детективе — чтобы “и расследование настоящее, без дураков, и сыщик не какой-нибудь супергерой, а самый обычный человек, наделенный лишь зорким глазом да здравым смыслом”. Очень трогательно также, что в этом рассказе он мимоходом делает комплимент отцу, упоминая его героя, Филиппа Трента, среди тех, кто способствует формированию вкуса к классическому детективу.

© М. Виноградова, перевод на русский язык и вступление, 2011

РАССКАЗ “БДИТЕЛЬНЫЙ ЮВЕЛИР” ВПЕРВЫЕ
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В ГАЗЕТЕ
“ИВНИНГ СТАНДАРД” В 1950 ГОДУ.

THE LOOK-OUT MAN

//////////////////// EVENING STANDARD, 1950. //////////////////////

НИКОЛАС БЕНТЛИ

Бдительный ювелир

Меня зовут Уильям Моррис (нет-нет, никакого отношения к тому, знаменитому*. Мы родом из Сэлфорда). Мне скоро исполнится пятьдесят три, я женат, у нас есть дочь (сама уже замужем), а живу я в Суррее, в городке под названием Уолдинхэм. Я из породы людей, кого вы бы, наверное, назвали тихонями, и жизнь моя, на посторонний взгляд, выглядит не слишком захватывающей, однако мне она по вкусу.

Я люблю читать (захватывающих событий мне хватает в книгах), люблю рисовать (хотя до сих пор брался лишь за акварели) и заниматься всякой всячиной по дому. Пожалуй, во мне и впрямь есть немного от того, другого Морриса — он тоже любил заниматься всякой всячиной.

* Уильям Моррис (1834–1896) — английский поэт, художник и дизайнер, представитель направления прерафаэлитов. Был основателем "Движения искусств и ремесел", построенного на убеждении, что эстетически продуманная среда обитания человека способствует духовному совершенствованию общества. Разрабатывал дизайны узоров ткани, обоев, обивки мебели. Пытался воплотить свои идеи в декорировании собственного дома.

Хоть я заядлый читатель, но сам никогда и не думал взяться за перо, пока в моей жизни не произошло это вот великое событие, — и тут я понял: такое надо записать. Поэтому вы уж смиритесь и проявите снисхождение, если моя писательская несостоятельность будет слишком бросаться в глаза.

Я более тридцати лет усердно штудировал детективы — но третьесортной литературы не читал, несмотря на то что ее, видит небо, развелось предостаточно. Мой вкус сформировали По, Коллинз и Габорио, ну и, разумеется, Холмс, а позднее Трент и доктор Торндайк**. По мне, настоящий детективный рассказ — это такой, в котором и расследование настоящее, без дураков, и сыщик не какой-нибудь супергерой, а самый обычный человек, наделенный лишь зорким глазом да здравым смыслом.

** Интересно, что в случае с "отцами детектива" рассказчик перечисляет писателей: Эдгара По, Уилки Коллинза, Эмиля Габорио; а в случае с современниками — персонажей-сыщиков. Доктора Торндайка придумал писатель Остин Фримен (его рассказ есть в антологии "Не только Холмс"). Филипп Трент — постоянный герой произведений Эдмунда Клерихью Бентли.

В результате я, как мне кажется, приучился глядеть на людей вокруг внимательнее, чем принято. Но не из праздного любопытства, отнюдь, а лишь ради того, чтобы получше узнать человеческую природу в целом. В конце-то концов, наблюдают же люди за птицами, а сдается мне, если хорошенько понаблюдать за повадками, к примеру, бармена, то и рассказать о нем можно не меньше, чем о каком баклане. (Не то чтобы сам я был завсегдатаем пабов, потому что жена у меня трезвенница.)

Мало какая поездка на поезде или автобусе обходится без того, чтобы я не узнал о своих попутчиках что-нибудь этакое, что на первый взгляд легко упустить. Мне нравится разглядывать (ненавязчиво, разумеется) детали и состояние их одежды, их руки, зубы и волосы, украшения (если они носят украшения), очки, авторучки и так далее, а также подмечать, что они читают, что держат в руках, как разговаривают и как ходят. Из одного факта много не извлечешь, но сопоставь хотя бы пару — и этого, глядишь, будет достаточно, чтобы отправить человека на виселицу.

Не удивлюсь, если мои умопостроения чаще всего ошибочны. Мне редко выпадает возможность проверить их. Зато они дают больше пищи для ума, чем любой кроссворд, а в придачу азартнее и выгоднее тотализатора, уж в этом-то я уверен.

Каждый день, заходя в поезд — я работаю в антикварном ювелирном магазине в Найтсбридже, у Ренье, — я сажусь и наблюдаю. Однако до той неприятной истории в магазине мне

ни разу не доводилось испытать свою наблюдательность на деле.

Случилось все утром, примерно через полчаса после открытия. Магазинчик у нас маленький: один прилавок слева у двери, второй, поменьше — перпендикулярно ему, а в самой глубине — крошечный кабинет мистера Ренье. У нас превосходная коллекция старинных драгоценностей, но, по понятным причинам, мы не выставаем ее всю напоказ — лишь некоторую часть, да и ту в надежно запертой витрине. Кроме того, мы предлагаем широкий выбор *objets d'art*: Фаберже, перегородчатая эмаль, камен, хрусталь, нефрит и так далее — это все выставлено. В лавке торгуем только мы с мисс Зюскинд. (Починщик работает на дому.) Мистер Ренье лично занимается лишь особыми клиентами и теми, кто делает большие покупки.

По утрам я всегда первым делом оформляю витрину (мы убираем товар на ночь). В тот день, занимаясь этим, я обратил внимание на девушку, что разглядывала витрину похоронного бюро напротив, хотя кроме пары урн и фотографии катафалка там едва ли что могло заинтересовать молодую особу ее возраста, и помню, что уже тогда это показалось мне странным. А обратил я на нее внимание (обычно я не заглядываюсь на девушек, в мои годы все они для меня на одно лицо, разве что служат предметом моих абстрактных умозаключений) из-за плаща — желтого длинного плаща в крупную коричневую клетку. Волосы у нее были под цвет плаща и тоже длинные, а сама она принадлежала к тому типу, который называют богемным — шляпы нет, каблуки совсем низкие, да и

принципы, насколько я мог судить по общему виду, немногим выше.

Я некоторое время наблюдал за ней, но тут меня отвлек посетитель — один из вечно жующих резинку американцев. Впрочем, этот был еще ничего, если не считать галстука — не галстук, а катастрофа. Я бы дал ему лет тридцать пять — сорок. Рослый, лицо гладкое и розовощекое.

Он прошел прямо к прилавку и выразил желание посмотреть кольца. Я принес пару подносов на выбор, просто чтобы понять, какого рода кольцо он ищет. Но очень скоро стало ясно: он ровным счетом ничего не смыслит в старинных украшениях, да и вообще, сдастся мне, ни в чем старинном не разбирается, разве что оно разлит в бутылки.

Он спросил цену на несколько колец, а два или три даже взял рассмотреть — тогда-то я и заметил, что он левша. Однако видно было: в камнях и оправе он тоже ничего не понимает, а судит исключительно по стоимости.

Было там одно кольцо начала семнадцатого века — цветочный мотив, бриллианты и рубины. Ей-богу, изумительное кольцо. Мистер Ренье так его любил, что даже расставаться с ним не хотел, а потому назначил за него совершенно несусветную цену. Уж явно не по карману тому американцу. Да и не то чтоб он мог отличить кольцо по-настоящему тонкой работы от второсортных.

Наконец на прилавке выстроилось уже три подноса, а мой американец

все никак не мог выбрать. Потом он заметил в открытом сейфе позади меня четвертый поднос и спросил, нельзя ли и на него взглянуть. Я вытащил и четвертый, но не успел даже на прилавок поставить, как понял: цветочное кольцо с бриллиантами и рубинами исчезло.

Я был совершенно ошеломлен — да и растерян изрядно. За все семнадцать лет со мной еще не случалось, чтобы хоть что-то, доверенное моему попечению, пропало.

Поставив поднос, я движением бровей подал мисс Зюскинд знак подойти, а когда она оказалась достаточно близко, чтобы засвидетельствовать происходящее, обратился к покупателю — и нелегко же мне было говорить ровным голосом, как ни в чем не бывало:

— Решили взять цветочное кольцо, сэр? Позвольте, я подберу для него коробочку....

И я протянул руку. Американец же ответил (я помню его слова в точности):

— Нет, я ничего еще не решил. Да и вообще просто хотел пока приглядеть пару-другую колец, чтоб жене было из чего выбирать. Мы с ней еще зайдем.

Не помню дословно, что именно сказал на это я, помню лишь, что тянул время, чтобы собраться с мыслями. Я всегда теряюсь в первую минуту. Мисс Зюскинд (она отнюдь не глупа) незаметно выскользнула из комнаты и отправилась за мистером Ренье. Я вышел из-за прилавка и принялся искать вокруг, покупатель тоже, а потом к нам присоединились и мисс Зюскинд с мистером Ренье.

Ну, разумеется, мистер Ренье был в ярости. Он человек вспыльчивый, но обычно умеет держать себя в руках, поскольку высоко чтит чувство собственного достоинства. Однако сейчас он начал мало-помалу горячиться (нет-нет, конечно, никаких прямых обвинений, так не делают), американцу это не понравилось, и я уже думал, что дело обернется худо.

Но тут мисс Зюскинд (ума не приложу, почему это пришло в голову именно ей) предложила ему поискать за отворотами манжет и брюк. Но он только злобно посмотрел на нее. Лицо у него побагровело, во всяком случае, мне так показалось, да и жевать он перестал: стиснул зубы, как створки капкана — и, судя по выражению лица, не отказался бы зажать этим капканом ногу мисс Зюскинд. Однако нагнуллся и ощупал отвороты брюк. Безрезультатно. Тогда он разразился хохотом.

Знаю, чувство юмора не сильная моя сторона, но даже я понимал, что в тот момент стоящая на четвереньках мисс Зюскинд являла собой пре-забавное зрелище.

— Проклятье! — воскликнул американец, отсмеявшись. — Похоже, вы думаете, что я его, это, присвоил.

Разумеется, мистер Ренье вынужден был возразить. Поднявшись с ковра, он очень любезно попросил покупателя пройти в кабинет. А там (как он мне потом рассказал) прямо и открыто заявил, что, хотя никто никого и не думает подозревать в воровстве, все же в интересах страховки необходимо удостовериться, что кольцо случайно не завалилось в какую-нибудь складку у него на одежде.

Покупатель отнесся к просьбе добродушно и с пониманием, во всяком случае с виду, и немедленно разделся до башмаков и носков. Однако кольца там и в помине не было.

Мы с мисс Зюскинд тем временем продолжали искать, хотя, признаться, у меня особой надежды не оставалось. Все произошло так быстро и внезапно — тут поневоле возникнут подозрения. Мы еще не закончили, как в лавку снова вошли. И кто бы вы думали? Та самая девица, что десять минут назад разглядывала витрину гробовщика. Не знаю, чему тут было удивляться, но мне сразу показалось: это совпадение не случайно.

При ближайшем рассмотрении я заметил в ее внешности кое-какие мелкие, но красноречивые подробности — прическу, перчатки, сумочку, намекавшие на стесненные обстоятельства. Ничего особенного, но все-таки. Так-то она держалась как настоящая леди. Не часто к нам заходят такие вот слегка обтрепанные посетители, если понимаете, что я хочу сказать, а если уж зайдут, то, десять к одному, хотят что-нибудь продать, а не купить.

Девушка сняла перчатки, достала из сумочки бумажный пакетик и положила его на прилавок. (Я сразу обратил внимание на ее пальцы: для женщины необычайно короткие и слишком уж сильные с виду, без обручального кольца, ногти покрашены небрежно. Обратил внимание и на разошедшийся шов на правой перчатке, на указательном пальце.)

Я открыл пакет. Там оказался дешевый браслетик со стекляшками.

— Вы не могли бы его починить? — спросила она. — А то, кажется, застежка сломалась.

— Прошу прощения, мадам, — ответил я, — но мы не занимаемся починкой.

(Такой хлам мы и впрямь не чиним.)

Девица замялась, словно не зная, что ей теперь делать, но потом пожала плечами:

— Что ж, спасибо.

А потом — и преловко же она это проделала! — словно бы невзначай задела сумочкой бумажный пакет, так что он свалился по мою сторону прилавка.

Я нагнулся за ним, и тут со мной произошло нечто такое, что иначе как озарением я назвать не могу. Мне вдруг все стало ясно — словно кусочки проволоочной головоломки внезапно сцепились друг с другом.

Я сказал — мне все стало ясно, но так ли оно было на самом деле? И уж совсем неясно было — как теперь поступить. Я знал: мистер Ренье захотел бы любой ценой обойтись без сцен в магазине. Я медленно поднялся из-за прилавка. Сердце у меня разве что изо рта не выскакивало, да и вид, без сомнения, был соответствующий. Я завернул браслет в бумагу и вручил его девушке, а когда она, спрятав его в сумочку, уже поворачивалась, чтобы уйти, сказал:

— Одну минуту, пожалуйста. — Однако она словно бы не слышала, так что я добавил — поспешно, но, разумеется, учтиво: — Прошу прощения, мадам, но если вы не остановитесь, я вынужден буду нажать кнопку сигнализации, и дверь перед вами запрется автоматически.

Примерно посередине фразы мне пришлось сглотнуть, чтобы договорить до конца, так сильно я волновался.

Тогда посетительница остановилась, однако не обернулась. Мисс Зюскинд за соседним прилавком застыла, точно Лотова жена в очках.

Я вышел из-за прилавка и заявил девушке:

— Мадам, никто из нас не хочет неприятностей. Так что если вы просто-напросто отдадите кольцо, что лежит сейчас у вас в левом кармане пальто, мы не будем иметь к вам никаких претензий. В противном же случае мисс Зюскинд нажмет кнопку сигнализации.

Мисс Зюскинд кивнула. Я видел: ей до смерти хочется нажать кнопку уже сейчас.

Девушка побледнела. В этот миг мне даже стало ее жалко, но я знал: надо проявить твердость. Она бросила на меня испуганный взгляд, а потом отдала кольцо и выбежала вон. В эту самую минуту мистер Ренье вышел из кабинета вместе с полностью одетым американцем.

Американец сыпал улыбками направо и налево, словно весь этот эпизод показался ему просто-напросто шуткой. Однако мистеру Ренье было не до шуток. Он сыпал не улыбками, а извинениями. И тут я разжал кулак и показал им кольцо. Видели бы вы

YOUR RING

IS AS SAFE AS THE BANK OF ENGLAND

Under our new value for money scheme we give a **FREE INSURANCE** with every ring of £5 & upwards protecting you against Fire, Theft or Loss

RING BOOK POST FREE

BRAVINGTONS

KINGS CROSS N.I.

(OPEN UNTIL 9 P.M. ON SATURDAYS)

CITY STORE

71, LUDGATE HILL

EC4 6

WEST END STORE

189 BROMPTON ROAD

SW3

THE RINGS ILLUSTRATED ARE SPECIMENS FROM OUR WINDOW DISPLAY OF 10,000 RINGS PRICED FROM £5 UPWARDS

Fine quality Diamonds in Gold or Platinum mounts

лицо мистера Ренье, когда он узрел свое уже оплаканное сокровище, а в следующий миг обнаружил, что американец вылетает из лавки точно камень из рогатки!

Само собой, мистеру Ренье не терпелось узнать, как, черт возьми, мне это удалось, — и я объяснил.

Во-первых, у нас очень редко случаются покупатели вроде такого вот американца. Они предпочитают вещицы поблескучее и посовременнее, чем наши драгоценности. У людей его склада нет ни вкуса, ни хоть малейшего представления, чего они, собственно, хотят. Большинство покупателей приходит к нам потому, что знает: у Ренье вы найдете то, чего

не встретишь на каждом углу. Так что вопрос номер один для меня (не то чтобы я и впрямь уже в тот момент начал что-то подозревать) формулировался так: а зачем он вообще к нам пришел?

Второе: насчет той девицы. Зачем торчать перед витриной похоронного бюро? (Конечно же на том этапе я еще никоим образом не связывал девушку с американцем.) Либо тебе требуются услуги гробовщика, либо нет — обычно этот вопрос не оставляет места для сомнения. Так почему же девушка так долго там околачивалась? Для меня ответ был очевиден: убивала время. Но чего ради? Если она с самого начала собиралась зай-

Every Woman
SEES A HOME
THROUGH HER
ENGAGEMENT RING

We have
10,000
Rings in stock
Finest Quality White
Diamonds in Gold
& Platinum Mounts.

£10 to £50 £10 to £50 £5 to £25
£10 to £50 £10 to £40 £10 to £50 £5 to £25

BRAVINGTONS
KINGS CROSS
OPEN UNTIL 9 P.M. ON SATURDAYS

CITY STORE
71 LUDGATE HILL EC4.

WEST END STORE
189 BROMPTON RD. SW3

ти к нам, к чему было мешкать перед похоронной конторой?

Да еще дешевая безделушка, которую она принесла в починку. Судя по виду, она была настоящая леди и понимала, что в магазине вроде нашего не чинят дешевку. Все это пронеслось у меня в голове, пока я смотрел на ее браслет.

Теперь третье: я заметил, что девушка не левша. И все-таки, войдя, она сняла перчатку именно с левой руки, хотя бумажный пакетик разворачивала правой. Прилавок у нас маленький, такой ширины, что стоять там удобно только одному человеку. Последнее, что я запомнил, нагибаясь за уроненным пакетиком: левая рука девушки лежала ровно на том же месте, куда клал руку американец после того, как я достал последний поднос с кольцами из сейфа — американец-то и вправду был левша.

И наконец, у меня в голове отложилось еще кое-что. Отложилось так глубоко, что всплыло только в решающий миг. Когда мы все ползали по полу, а американец злобно смотрел на мисс Зюскинд, я обратил внимание на то, что он перестал жевать резинку. Ну не станете же вы плевать изжеванную резинку прямо на ковер, даже если вы американец. А он

с того места, где стоял, ни на шаг не сходил, так что *ipso facto* должен был избавиться от резинки где-нибудь в пределах досягаемости, между тем возле прилавка не было ни корзинки для мусора, ни чего-либо еще, куда бы он мог деть резинку — разве что прилепить с нижней стороны прилавка. Там-то, на том самом месте, где он стоял, я и стал искать резинку, там-то ее и нашел ровно в тот миг, как девушка собиралась выйти из лавки. Причем на резинке еще оставалась отчетливая вмятина от кольца.

Забавно, как разные люди по-разному реагируют на одно и то же событие. Мистер Ренье так разволновался и был так мне признателен — я даже растрогался, — что когда я рассказал, как все произошло, он почти и говорить-то не мог.

Мисс Зюскинд вообще неразговорчива, разве что по любому поводу приговаривает “гм-гм”, но если уж зарядит — скажет раз сто. Вот и сейчас.

А у меня самого — хотя, наверное, стыдно в таком признаваться, в моем почтенном возрасте! — к концу рассказа не только ладони вспотели, но я и сам весь дрожал и успокоился только некоторое время спустя. И с чего бы это?

Энтони Гилберт

1899–1973

Перевод и вступление Игоря Мокина

“ХОРОШО, что мне по душе быть писательницей, ведь больше я ничего не умею,” — сказала однажды Люси Беатрис Мэллесон, постоянный участник и секретарь Детективного клуба.

Какое отношение имеет эта цитата к творчеству популярного детективщика Энтони Гилберта? Самое прямое, ведь мисс Мэллесон и есть тот самый Энтони Гилберт. Люси Мэллесон занималась литературным трудом всю жизнь, с самой ранней юности, и неизменно придумывала себе псевдонимы. Первую ее книгу, вышедшую в 1925 году, “написала” некая Дж. Кильмени Кейт. Далее, когда Мэллесон всерьез взялась за детективы, она публиковала их под именем Энтони Гилберт, которое вскоре стало очень известным. Затем, чтобы попробовать себя в новом поджанре детектива, она взяла псевдоним Энн Мередит. В других — не детективных — жанрах она использовала псевдонимы Люси Эгертон и Сильвия Дениз Хук.

Многоликая писательница родилась в пригороде Лондона. Она была дочерью разорившегося маклера и рано начала зарабатывать своим трудом. Училась она в частной школе Святого Павла для девочек, и ее мать настаивала, чтобы Люси выбрала карьеру учительницы; однако та не послушалась и выбрала совсем иной путь. Сначала она служила машинисткой и стенографисткой; к этому занятию она вернулась и позже, в годы Второй мировой, когда каждый работник был на счету, и устроилась в Красный Крест, а затем в Министерство питания. Уже в молодости Мэллесон добилась и первых, пусть и небольших,

ANTHONY GILBERT

литературных успехов: начинала она с немудреных стишков, но сразу в “Панче”. Однако первый роман никуда пристроить не удалось, а второй встретили прохладно. Большой прорыв произошел, лишь когда мисс Мэллесон послала издателю рукопись под мужским именем; так и родился популярный писатель Гилберт. Впрочем, успех никогда не кружил ей голову, и Люси Мэллесон довольно долго умудрялась скрывать от заинтригованной публики, что Энтони Гилберт — это она. Люси даже снялась в мужском костюме, когда в один из журналов с ее рассказами потребовалось фото загадочного Гилберта.

Помимо книг она написала также множество радиопьес и несколько сценариев для телесериала, съемками которого руководил сам Хичкок. В 1933 году под именем Энтони Гилберт она была принята в Детективный клуб по приглашению Дороти Сэйерс, а в 1940-м под именем Энн Мередиث выпустила автобиографию, которая стала бестселлером; к этому времени ее псевдонимы уже были раскрыты. Мэллесон никогда не была замужем, а в свободное от литературных занятий время обычно путешествовала или ходила в театр (кстати, ее кузен был киноактером и снялся, помимо прочего, в “Собаке Баскервилей”).

БОЛЬШИНСТВО книг, опубликованных под псевдонимом Энтони Гилберт, — это похождения адвоката-сыщика Артура Крука, которого она придумала в 1936 году. Неряшливый, тучный, любитель выпить, он к тому же носит фамилию, которую можно понять как “мошенник”. Такой образ во многом противопоставлен популярной в те годы фигуре детектива-джентльмена вроде лорда Питера Уимзи. Однако, несмотря на неказистую внешность, Крук оказывается и способным сыщиком, и честным человеком. Кроме того, писательница любила прием “детектива наизнанку”, когда имя преступника читатель узнает сразу. А рассказ, который вы прочитаете сейчас, тоже не вполне стандартный — хотя бы потому, что в нем нет героя-сыщика.

© Anthony Gilbert, 1950

© И. Мокин, перевод на русский язык и вступление, 2011

**ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ЧЕРНЫЙ — ЦВЕТ НЕВИННОСТИ”
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1950 ГОДУ В ГАЗЕТЕ
“Ивнинг стандарт”.**

BLACK FOR INNOCENCE

////////////////

Evening Standard, 1950.

////////////////

ЭНТОНИ ГИЛБЕРТ

Черный — цвет невинности

Как только я увидела эту девчонку, Джойс Харт, я сразу почувствовала — быть беде; правда, и подумать не могла, что все обернется вот так. Она проникла в дом хитростью и до последнего только и делала, что хитрила. Появилась из ниоткуда — и хоть бы кто меня предупредил, а ведь я уже больше дюжины лет как сиделка, и по совместительству компаньонка, в доме Лейтонов, и вы понимаете, что меня просто нельзя было не поставить в известность. Но такая уж была миссис Лейтон. Сколько я для нее сделала — и что же: ни доверия, ни понимания. Наверно, нужно пояснить: меня зовут Рита Хендерсон, мне сорок семь лет, я сиделка. Вообще-то я нанялась ухаживать за Стивеном Лейтоном во время его последней болезни; никогда не встречала более вздорного и неуживчивого пациента. А какой он был жадный! Если бы не характер, он бы, может, и остался жив. И доктор и я запрещали ему вставать с постели, но стоило мне отвернуться, он всякий раз крался к окну на лестнице — должно быть, чтобы проверить, не со-

рвал ли кто розу с клумбы или не выдернул травинку из его драгоценного газона, пока хозяин лежит больной.

И вот однажды... ну да, потом на дознании решили, что у него закружилась голова и он выпал из окна, а я всегда говорила, к этим окнам и так-то подходить страшно. Я услышала переполох и сразу бросилась по лестнице наверх, а там миссис Лейтон в истерике и Паркер — здешний дворецкий, мы с ним неплохо ладим — говорит ей, что она ни в чем не виновата и уже не могла бы его спасти. Паркер сказал, что как раз поднялся на лестничную площадку, когда это произошло, и все видел. Ей эти его слова пришлось очень кстати, ведь вы понимаете, какие начинаются слухи, если некий склочный старик выпадает из окна, разбивается насмерть и оставляет вдове шестьдесят тысяч фунтов.

После похорон миссис Лейтон была так подавлена, что я предложила побыть при ней некоторое время; она сказала, что я могу остаться ненадолго. Но за повседневными мелочами время бежит быстро, и когда у нас объявилась мисс Джойс Харт, я служила в доме уже двенадцать лет.

Никогда в жизни я так не удивлялась, как в тот день, когда миссис Лейтон приехала домой с незнакомой девушкой. До сих пор не понимаю, как моя почтенная хозяйка умудрилась подать объявление в газету — “Вдова ищет молодую общительную компаньонку”, — получить ответ и нанять девицу, а я ничего и не заподозрила. Впрочем, не только эта Джойс Харт имела привычку хитрить.

— Это Джойс Харт, — говорит моя миссис Л., а сама и бровью не ведет. — Она будет моей компаньонкой, так что у вас останется больше свободного времени.

— Так я вроде не жалуюсь, — возразила я, но она ничего не ответила, только улыбнулась.

Я могла бы еще поспорить, но промолчала. Место у меня хорошее, если посмотреть; какой бы там ни был наш старик, а сама миссис Лейтон никогда не скупилась. Каждый год появлялась нам с Паркером жалование, а если было нужно что-то еще, покупала — конечно, в разумных пределах. Не забывайте, она была нам многим обязана: все-таки у нее имелись некоторые странности, если не сказать больше. К тому же если бы не мы, она бы уже давно сидела за решеткой.

Поначалу я не волновалась. У нас и раньше бывали молодые слуги, но долго они не задерживались. Спросите меня — а что им за интерес? Хозяйка — пожилая больная женщина, да и мы с Паркером тоже не первой молодости, так сказать. Зато служба спокойная, и мы знали, что и после смерти нашей миссис без средств не останемся, а когда тебе за сорок, о таких вещах забывать не стоит.

Девчонка оказалась красотка, каких поискать, — а это само по себе подозрительно. Не верю я этим медоточивым девицам с серебристым голоском. Как вы думаете, зачем таким наниматься в дома вроде нашего? Вот-вот.

— У нас очень размеренная жизнь, вот увидите, — предупредила я ее в первый же вечер. — Совсем ничего не происходит.

— Как раз это мне по душе, — ответила она.

— А где вы до нас работали? — спросила я.

Выяснилось, что она жила у тетушки в Эдинбурге, а недавно старушка умерла, и девица отправилась на юг, искать место.

— Наверно, вам будет не хватать ваших друзей, — предположила я. — Отсюда в Эдинбург просто так не съездишь.

Но она ответила, что у нее никого нет, и это тоже было подозрительно.

Не знаю уж, как она умела ухаживать за больными — в этом доме ничего такого делать не приходилось, — но карту свою разыграла прекрасно. И полутора месяцев не прошло, а наша миссис у нее уже чуть ли не из рук ела. Джойс то, Джойс се — мне уже тошно было слышать ее имя.

И это еще цветочки: к лету стало совсем плохо. В первый раз за все время миссис Лейтон решила снять на лето домик в деревне. Это ее девчонка подбила, конечно, чтобы увезти подальше от друзей. Она даже предложила сама отвезти миссис Л. на машине — представьте себе, она и водить умеет, — и миссис Лейтон впервые за много лет велела выкатить машину из гаража.

А нам с Паркером, представьте себе, предложила ехать поездом. Дом оказался в какой-то глухой деревне, и когда мы добрались, миссис Лейтон уже распорядилась, чтобы девчонка спала в гардеробной при ее спальне, а мне велела спать в комнате на другом конце дома, будто я простая горничная.

— Это слишком большая ответственность для Джойс, — возражала я. — Вдруг у вас ночью случится приступ?

— Вы спите всего в двух шагах отсюда, — ответила миссис Лейтон. — К тому же я приступам не подвержена.

Когда я приехала, они уже расположились, так что спорить было бесполезно. Я даже стала гадать, скоро ли хозяйка скажет, что сиделка ей больше не нужна, но когда я поделилась сомнениями с Паркером, он только рассмеялся.

— Нам не о чем беспокоиться после двенадцати лет службы, — ответил он. — И потом, эта девица, может, и не задержится у нас. Остальные ведь быстро уходили.

Тут он был прав. Миссис Лейтон обычно укоряла меня, что я не помогаю им освоиться, но дом вроде нашего — не место для молодых женщин. Я мысленно соглашалась с Паркером, но сил моих не было смотреть, как бессовестная девка веревки вьет из нашей хозяйки. Конечно же, любой человек в здравом уме сразу бы раскусил эту Джойс. Впрочем, как я уже сказала, свою роль она знала твердо.

— Скажите, вы не играли в театре? — спросила я ее как-то раз. — Или ваша тетушка была против?

Она тут же перевела разговор на что-то еще. Про тетю она говорить не

желала, а однажды миссис Лейтон услышала, как я спрашиваю, и заметила: “Не надо беспокоить Джойс расспросами о ее прошлом. Живя в Эдинбурге, она много страдала, и я стараюсь помочь ей прийти в себя”.

И правда, она старалась как могла. Обращалась с девчонкой так, как будто та ее дочка.

Чем больше я задумывалась обо всем этом, тем больше находила подозрительного, но вдруг вспомнила, что один мой кузен работает в Эдинбурге в газете, и написала ему, не может ли он сообщить мне что-нибудь о девушке по имени Джойс Харт. Ответа я ждала целых три недели, но когда он пришел, поняла, что ждать стоило. Похоже, ее тетя, мисс Бенсон, тоже была богатая женщина со странностями, а умерла она внезапно, от передозировки снотворного. Полиция взялась расследовать дело и, как писал мой кузен, “до суда не дошло только потому, что ее наверняка бы отпустили “за отсутствием доказательств”. По завещанию тетки девица ничего не получала, хотя и не могла доказать, что знала об этом заранее. В любом случае шума поднялось много, и она уехала из Эдинбурга сразу после похорон”.

Как вы понимаете, это дало мне пищу для размышлений. Миссис Лейтон иногда принимала снотворное — такие крошечные белые таблетки, очень похожие на сахарин, который она клала в любую еду, даже в горячее молоко на ночь. Я, разумеется, могу их спрятать, но миссис, конечно, сразу же их и попросит; и я не удивлюсь, если она заявит, будто я хочу отравить ее, и тут же меня уволит. Да-да, она ведь уже совсем поме-

шалась. Как бы то ни было, все знают, что преступники не прекращают просто так свои злодейства, поэтому я стала еще внимательнее.

Я никому ничего не рассказывала, только Паркеру, но когда Джойс и в самом деле убедила старушку изменить завещание, я подумала, что пора вмешаться. Про это я бы тоже не узнала, не встретиться мне почтальон на следующее утро после того, как миссис Лейтон с девчонкой съездила в Рейвенстаун; это торговый городок, они туда наведывались два раза в неделю. Я намекала и даже разок прямо сказала, что хозяйке, возможно, будет приятно иногда для разнообразия ездить со мной, но ничего этим не добилась. Ну а письмо от адвоката узнать нетрудно, и хотя Паркер заметил, что это еще не обязательно завещание, мои подозрения все крепили. Я чувствовала себя ответственной за миссис Лейтон — ее разум явно слабел — и поэтому совершила неблагоприятный поступок. Открыла письмо над паром и прочла перед тем, как отдавать хозяйке.

Это и правда был черновик завещания, и по нему почти все отходило Джойс Харт, а нам с Паркером оставались жалкие гроши. Меня чуть удар не хватил. Подумать только, после двенадцати лет службы, после всего, что мы для нее сделали!

Тут я приняла окончательное решение. Надо показать хозяйке письмо моего кузена. Даже она не сможет закрыть глаза на такое. Понимаете, я не хотела никому зла, но надо же думать и о себе, да и мисс Харт пусть лучше отыщет какую-нибудь другую полоумную старушку и ее охмуряет. Но тем утром мне не представилось

подходящей возможности — Джойс все время была при ней. И все же после ленча я сказала Джойс, что у нас кончился сахарин, а когда девчонка хотела возразить, я сразу поставила ее на место. Все складывалось хорошо: оказалось, ей и самой надо сходить в Рейвенстаун забрать авто-ручку из починки, а еще нужно было купить для нас пергамент и длинные конверты, так что девчонка уехала дневным автобусом, а я взяла вязанье и пошла к миссис Лейтон. Но старушке на месте не сиделось.

— Пойду в церковь, — заявила она. По-моему, из чистого упрямства, хотя я помнила, что в годовщину смерти мужа на нее иногда находит.

Я предложила сопроводить ее, но она вспыхнула, сказала, что шпионить за собой не позволит, и я отпустила ее одну. Впрочем, я удостоверилась, что хозяйка пошла в церковь, и никуда больше, а сама затем поспешила домой и накрыла стол к чаю как раз перед ее возвращением.

— Вы могли бы дождаться Джойс, — укорила она меня. Что бы я теперь ни делала, для нее все было не так.

— Вы же не знаете, когда она вернется, — возразила я.

— Она обещала приехать четырех-часовым автобусом.

— Мне нужно вам кое-что сказать, — продолжала я.

— Если про Джойс, то не желаю ничего слушать. Вы ревнуете к ней с первого дня.

— Вы не знаете, какая опасность вам грозит, — предупредила я, но это не помогло. Миссис не слушала. Не успела я заикнуться о письме, как вошла эта девчонка. Видите ли, не

хотела нас оставлять надолго. Сразу видно, что у нее совесть нечиста.

Она сказала, что все купила, и села посплетничать с хозяйкой, как будто она ей родня, а не компаньонка на содержании. Да еще принесла в подарок белые розы. Да уж, ничего не упустит, чтобы выслужиться.

— Белый — цвет невесты, — сказала миссис Лейтон. Говорю же, помешалась. И потом, белые цветы еще на похоронах бывают, правда ведь? Кому, как не девчонке, это знать, а?

После ужина мы играли в карты, но рано закончили: старушка сказала, что завтра собирается в Рейвенстаун.

— Вы ведь никогда туда не ездите по четвергам, — сказала я. — Магазины рано закрываются.

— А мы не в магазин, — отрезала она. — Джойс, милая, за мной шесть пенсов, твой выигрыш.

Что ж, я сдержала себя и поднялась наверх прибраться в комнате миссис Лейтон, как обычно, а Джойс пошла в кухню подогреть ей молока. Знаете, хозяйка, как мне кажется, вообще бы запретила мне входить к ней в комнату, если бы могла, но я дала ей понять, что есть некоторые пределы, дальше которых даже ей не зайти.

Конечно же, я догадалась, зачем ей понадобилось в Рейвенстаун, и вся кипела от гнева. Но я ни словом на этот счет не обмолвилась и только пожелала ей спокойной ночи, как всегда; потом девчонка подоткнула ей одеяло, та поцеловала ее — в общем, все как всегда, самый обычный вечер.

Вот только в полседьмого утра девчонка застучала в мою дверь; лицо у нее было бледное как мел.

— Пойдемте скорее, Хендерсон, — умоляла она. Ага, как только что-то стряслось, прибежала ко мне как миленькая. — Мне кажется, у миссис Лейтон ночью случился приступ.

— А вы ничего не слышали? — спросила я.

— Ни звука.

— Кажется, она говорила, что приступаю не подвержена. — Я не могла удержаться от насмешки. Но когда я вошла в комнату, стало понятно: сегодня миссис Лейтон не поедет в Рейвенстаун и вообще уже больше нигде никогда не поедет. — Разбудите-ка Паркера и пошлите его за врачом, — велела я. В доме не было телефона. Она убежала, оставив меня в комнате одну.

Когда она вернулась через пару минут, я уже знала, как ее встретить.

— К чему вы это скрываете? — спросила я ее прямо. — Или скажете, что не видели? — Я взяла со стола листок бумаги и показала ей.

— Что это? — спросила она потрясенно.

— Сами прочтите.

Она взяла листок, на котором было написано три строчки синими чернилами. Почерк был тонкий и мелкий. Я всегда говорила: любой, кто разбирается в почерках, сразу поймет, что миссис Лейтон не в себе. Вот что она писала:

Четверг.

Все напрасно. Я так больше не могу. С того самого ужасного дня он все зовет меня, и теперь мне пора к нему. Я слышу его голос днем и ночью, днем и ночью...

Потом все обрывалось и стояла только разлапистая незаконченная подпись.

— Что это значит? — прошептала девочка.

— А зачем меня спрашивать? — отозвалась я. — Вы и сами знаете, не правда ли?

— Что знаю?

— Что это она его убила. Конечно, она. Паркер сам видел, но, понимаете, старик был такой мерзавец, да и было бы жаль, если бы миссис повесили.

Джойс сделала рукой движение, как будто закрывая мне рот.

— Не говорите так, — пробормотала она. — Это неправда. Я не верю.

На самом деле, конечно, поверила.

— Так бывает, если человека довести до крайности, — продолжала я. — Особенно когда у покойного много денег.

Она и так была бледная, а стала еще бледнее, как будто прямо сейчас упадет в обморок.

— Ах, бедная миссис Лейтон! — прошептала она. — Как ужасно, все эти годы...

Ну да, одного поля ягоды...

Когда доктор пришел, он сказал, что смерть наступила от передозировки снотворного, и захотел взглянуть на ее таблетки.

— Думаю, она развела лекарство в молоке, — сказал он. — Кто принес ей молоко?

— Я, — ответила Джойс. — Но в нем не было снотворного, потому что она попросила только сахарин. Я его сама положила.

Доктор взглянул на нее как-то странно:

— Я полагаю, спутать сахарин с лекарством вы не могли?

Но она повторяла, что брала сахарин прямо из вазочки, которая стояла возле кровати миссис Лейтон, и этого, разумеется, никто не мог опровергнуть, потому что я тогда уже ушла и никого больше в комнате не было. Пустая чашка от молока так и стояла на столике у двери, и доктор сказал, что надо оставить все как есть до прихода полиции.

— Полиции?

— Должно быть назначено королевское дознание, — сказал он нетерпеливо. — Да, но если она приняла таблетки не в молоке, то как тогда?

Тут и начинались трудности, потому что мы все знали, что миссис Лейтон не могла глотать даже самые маленькие таблетки, не разводя их, но в комнате не было никакой другой жидкости, даже стакана воды. Доктор, казалось, по этому поводу не беспокоился.

— Пусть у полиции об этом голова болит, — проговорил он.

Полицейский инспектор, как говорится, ворон не считал. Он прочел письмо и сказал:

— Я вижу, тут написано "четверг", значит, она писала его после полуночи.

— Если она все-таки приняла снотворное с молоком, то нет, — ответил доктор. — К полуночи она давно заснула бы.

На самом деле миссис Лейтон приняла снотворное именно с молоком, так что вы видите, к чему нас привели рассуждения. К тому же, когда они стали искать ручку миссис Лейтон, ее нигде не было. Мы все пользовались авторучками, которые управляли из

— Что это значит? — прошептала девчонка.
— А зачем меня спрашивать? — отозвалась я. — Вы и сами знаете, не правда ли?

большой бутылки синих чернил, стоявшей внизу. А если ручки при ней не было...

— Ну конечно, — прошептала Джойс, — она оставила ручку вечером в гостинной. Ручку нужно было заправить, но хозяйка сказала, что это подождет до утра.

Вот так и попадают на виселицу — стоит только забыть какую-нибудь маленькую деталь.

Я наблюдала за Джойс.

— Вы не могли так глупо ошибиться, — произнесла я. — Причем во второй раз. Полагаю, вы думали, что она уже подписала завещание.

И тут девица сбросила свою бомбу:

— Она и правда подписала! Вчера она пошла в церковь и пригласила в свидетели викария и диакона. А вечером, когда я принесла молоко, рассказала мне. До вчерашнего дня я даже не знала, что миссис Лейтон переписала завещание.

Я рассмеялась — просто не могла удержаться.

— И не знали, в чью пользу? Дурочка. После того, что произошло в Эдинбурге...

— Что вы хотите сказать? — Она вспыхнула. — По-вашему, я ее отравила... и подделала записку? Я? Но я любила ее!

— Поосторожнее, — предупредила я. — Здесь же полиция.

— Не только мисс Харт следовало бы быть поосторожнее, — вставил инспектор, оказавшийся сварливым и упрямым типом.

И вдруг девчонка успокоилась.

— Это все неправда, — сказала она инспектору. — Более того, я могу это доказать.

Это еще что такое, подумала я. А вот что: Джойс сходила в гардеробную и принесла свою ручку.

— Возьмите, — сказала она полицейскому. — Напишите ею что-нибудь. Это докажет, что я не подделывала записку.

Он взял ручку, нацарапал пару строк и отдал обратно.

— В самом деле, мисс Харт. Если у вас нет другой ручки, вы не могли написать записку. Но кто-то ведь написал, и похоже, что сама миссис Лейтон тоже не была в состоянии. — И тут он взял обе записки и положил передо мной...

Я же говорила, она все время хитрит: это ее хитрость отправила меня сюда — в камеру смертников. Да-да, это я сделала. А что еще оставалось? Я подменила сахарин в вазочке на таблетки, когда убиралась в комнате вечером, я захватила с собой записку и подложила ее, когда Джойс ушла за Паркером. И даже не забыла опорожнить ручку хозяйки.

Но как я могла предположить, что когда девчонка заберет свою ручку из починки в Рейвенстауне, она попросит заправить ее черным цветом, черным как ночь, — и черный цвет оправдает ее и отправит меня сюда ждать утра — последнего утра в моей жизни?

А. А. Милн

1882–1956

Перевод и вступление Андрея Азова

ЕСЛИ БЫ справки об авторах имели заглавия, эту, безусловно, стоило бы назвать “Не только Пух”.

Алан Александр Милн известен нам — как, впрочем, и своим соотечественникам — почти исключительно как автор “Винни-Пуха”, а между тем он был разносторонним и плодовитым писателем, проявившим себя в разных жанрах. Одаренный ребенок, он уже с самых ранних лет был смысленнее обоих старших братьев и годом раньше положенного срока начал учиться в частной школе-пансионе, которую содержал его отец, Джон Милн. Среди учителей Алана в этой школе был, между прочим, молодой Герберт Уэллс, который приохотил его к математике. За свои познания в математике Алан получил стипендию для обучения в Вестминстерской школе, однако там его ждало горькое разочарование. Один несправедливый отзыв невнимательного директора, посланный отцу Милна, — и оскорбленный Алан из старательного ученика превратился в отъявленного лоботряса. “Вестминстерская школа погубила во мне математику”, — вспоминал впоследствии Милн. Она же стала тем местом, где Милн открыл в себе писательский талант, обнаружив в переписке со старшим братом Кеном, что оба они могут недурно писать шуточные стихи.

В старших классах Милну попался на глаза журнал “Гранта”, который издавали студенты Кембриджа. Он строился наподобие популярнейшего тогда

A. A. MILNE

юмористического журнала “Панч”, и Милн твердо решил, что поступит в Кембридж и станет редактором “Гранты”. Так и случилось. В 1900 году Милн, как подающий надежды математик, поступил в Тринити-колледж Кембриджа, в феврале 1901 года его стихи (написанные совместно с братом и потому подписанные инициалами “А. К. М.” — Алан и Кен Милны) впервые появились в “Гранте”, а через год забросивший математику Милн уже был ее редактором. К окончанию Кембриджа (с не слишком выдающимися результатами) летом 1903 года Милн окончательно утвердился в мысли, что намерен в дальнейшем заниматься не математикой, а литературой.

Первые шаги на литературном поприще дались Милну непросто и были, кстати сказать, связаны с детективным жанром. Его заветной мечтой было работать в “Панче”, однако его первый рассказ — пародию на Шерлока Холмса — “Панч” отклонил, и рассказ вышел в другом журнале. Понадобилось несколько лет настойчивого труда, чтобы мечта наконец сбылась: в 1905 году Милна начали регулярно печатать в “Панче”, а в 1906-м пригласили в “Панч” на должность заместителя редактора.

С тех пор дела Милна пошли в гору. Он обращался к разным жанрам: юмореске, роману, драме, детективу, детской литературе, привнося в каждый из них свой неизменный юмор и добиваясь в каждом выдающихся результатов: прежде чем прославиться на весь мир как детский писатель, он прославился на всю Англию как драматург (комедия “Мистер Пим проходит мимо”) и как детективный писатель (роман “Тайна красного дома”). Ни в одном из испробованных жанров Милн не задерживался подолгу: его постоянно тянуло к чему-нибудь новому. “Как писателю мне сопутствовала удача, — говорил он о себе, — то, что мне хотелось писать, хорошо продавалось. Как дельца меня преследовал злой рок: если что-то вдруг особенно хорошо продавалось, мне уже больше не хотелось этого писать. К счастью, я удачно женился: жена ценила во мне писателя, а не дельца”. Женился он в 1913 году на Дороти де Селинкур (“за то, что она смеялась над моими шутками”, — ехидничал потом Милн), а в 1920 году у них родился сын, всем известный Кристофер Робин.

“ХЛЕБ по водам” относится к позднему периоду творчества Милна, когда он вновь обратился к детективу и написал несколько рассказов, объединенных одним героем по имени Колби. Как и Милн, Колби — писатель. Иногда он берется за раскрытие преступлений, полагаясь вместо дедуктивного метода или достижений криминалистики на свою профессионально тренированную писательскую фантазию, а иногда, как в данном случае, выступает повествователем, занимательно пересказывающим какую-нибудь необычную историю.

А. А. МИЛН

Хлеб по водам*

— **Д**обро не всегда вознаграждается, — сказал Колби, — и я как раз знаю одну печальную историю, которая это подтверждает.

— Добро — само по себе награда, — возразил я, понимая, что не я, так кто-нибудь другой наверняка это скажет.

— Наградой в этой истории была виселица. О чем я и говорю.

— Это история про убийство?

— О да.

— Отлично!

* "Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его" (Екк. 11:1).

— И как звали несчастного добряка? — спросила Сильвия.

— Джулиан Крейн.

— И его повесили?

— Да, и по его мнению — совершенно несправедливо. И если вы выслушаете мою историю, вместо того чтобы задавать глупые вопросы, то сами увидите, согласны вы с ним или нет.

— Сколько ему было лет?

— Около тридцати.

— А он был красивый?

— Когда повесили — уже нет. Так что, будете слушать историю или не будете?

— Будем! — хором откликнулись мы.

И вот какую историю рассказал нам Колби.

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1950 ГОДУ
ПОД НАЗВАНИЕМ "ХЛЕБ ПО ВОДАМ" В ГАЗЕТЕ
"ИВНИНГ СТАНДАРД" И ПОД НАЗВАНИЕМ "ПОЧТИ
БЕЗУПРЕЧНО" В ЖУРНАЛЕ "КОСМОПОЛИТЕН".

BREAD UPON THE WATERS

////////////////// EVENING STANDARD, 1950. //////////////////

— И его повесили?
— Да, и по его мнению —
совершенно
несправедливо.

Джулиан Крейн (начал он) жил в загородном поместье у своего дяди Мариуса и был весьма елейным молодым человеком. Ему бы следовало работать, но работать он не любил. Он и загородную жизнь не любил, но все его намеки на то, чтобы отпра-

виться в Лондон за дядюшкин счет, встречали у Мариуса холодный прием. Джулиан обещал даже приезжать к дяде на выходные с друзьями, но и это не помогало. Нельзя сказать, чтобы Мариус души не чаял в своем племяннике, но ему нравилось, когда тот был рядом. Богатые холостяки к старости часто становятся занудами,

а занудам всегда хочется иметь под рукой кого-нибудь, кому некуда от них сбежать. Поэтому Мариус и не собирался отпускать Джулиана. Тихие будни, когда не с кем перемолвиться словечком, и шумные выходные с нашествием горластых юнцов, не особенно желающих его слушать, — все это не входило в его представление о приятной жизни. Деньги давали ему власть над племянником, и он предпочитал ею пользоваться.

— Дорогой мой мальчик, — говорил он. — Тебе и так все достанется, когда я умру, а пока не отказывай больному старику в удовольствии наслаждаться твоим обществом.

— Конечно, дядя, — отвечал Джулиан. — Я просто боялся вам надоест.

Если бы Мариус и правда был больным стариком, всякий любящий племянник вроде Джулиана охотно бы подождал. Но Мариусу было всего шестьдесят пять, а Джулиан как раз прочитал в утренней газете статью о каком-то долгожителе из Ранкорна, который только что отпраздновал свой сто пятый день рождения. Где находится Ранкорн, Джулиан не знал, но он мысленно добавил сорок лет к своему возрасту и спросил себя, на кой черт ему нужны будут все эти деньги, если он получит их в семьдесят лет, тогда как сейчас, со ста пятидесятью тысячами фунтов в банке и целой жизнью впереди... В общем, сами можете себе представить, в каком свете ему рисовалось положение дел.

Не знаю, задумывался ли кто-нибудь из вас о том, как убить дядю; я хочу сказать, дядю, которому вы приходитесь единственным родственником и наследником. Мы прекрасно

знаем, что мотивы убийства бывают самые разные: месть, страсть, корысть, страх или просто чья-то мерзкая рожа настолько примелькалась в газете, что вы чувствуете себя чуть ли не обязанным с нею покончить. Я, например, за всю свою жизнь хотел убить лишь одного человека, и только из-за того... Впрочем, молчу, молчу: кто знает — может, я еще на это решусь. Но скучная полиция, лишенная всякого воображения, первым делом всегда проверяет денежный мотив, и если он есть, то, считайте, вас уже поймали.

Так что вы понимаете, в каком трудном положении оказался Джулиан. Он жил с дядей один, был его единственным наследником, а дядя был очень богат. Что бы ни изобретал Джулиан, все его планы рушились под тяжестью этих ста пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. Любой другой столкнул бы Мариуса в реку и спокойно бы дожидался заключения о смерти от несчастного случая — но не таков был Джулиан. Любой другой подсыпал бы в бутылку с содовой какого-нибудь необнаружимого яда и ждал бы свидетельства о смерти от естественных причин — но не таков был Джулиан. Любой другой натянул бы веревку над верхней ступенькой чердачной лестницы, но... Думаю, дальше можно не продолжать. Джулиан терзался от мысли о несправедливости всего этого. Она не давала ему покоя. По ночам он лежал без сна и думал, до чего все нечестно и насколько было бы проще, если б не эти сто пятьдесят тысяч.

Что обиднее всего, ему даже не с кем было посоветоваться. Впервые в

жизни он пожалел о том, что не женат. Как приятно было бы разрабатывать безупречный план рука об руку с любящей женой. Как благотворно повлияло бы на него нежное белокурое создание с интеллектом среднестатистического полицейского, которое указывало бы на недостатки того или иного плана и предугадывало бы возможные подозрения. В таком тонком деле две головы гораздо лучше, чем одна, даже если вторая голова ничего не делает, а только завороченно смотрит в рот первой. Тогда хотя бы можно изложить свой план и посмотреть на него со стороны. Но, увы, единственным доступным собеседником был все тот же дядя, и это тоже казалось Джулиану ужасно несправедливым.

Что ему требовалось найти — в одиночку, уж если иначе никак нельзя, — так это другого подозреваемого; такого, у которого, в глазах полиции, был бы столь же веский мотив. Но какой еще может быть мотив, чтобы избавиться от столь почтенного человека, как Мариус Крейн? Да, он зануда, но посчитает ли среднестатистический инспектор, что это достаточное основание для убийства? А если даже и посчитает, первым подозреваемым опять оказывается Джулиан. Оставалась, конечно, возможность “подставить” кого-нибудь, как это постоянно делают в детективах, но единственным, кого можно подставить, был старый садовник Джон Коппард, и сколько следов, отпечатков пальцев, подброшенных тупых предметов и окровавленных платков с инициалами “Дж. К.” потребуется, чтобы перевесить полное отсутствие

у него мотива, Джулиан даже боялся себе представить.

Я говорил уже, что дядя Мариус был занудой. Зануды делятся на два класса: те, у кого есть свой конек, и те, кто и без конька прекрасно обходится. Мариус относился к первому, менее назойливому классу. Незадолго до того, как отойти от дел (раньше он торговал чаем), Мариус, чудесным образом, дважды сорвал банк. Сначала он заполнил билет футбольного тотализатора — впервые в жизни, просто чтобы “посмотреть, как пойдет”, — и, щедро расставив циферки и крестики равнодушной рукой, отправил его по почте, “так, смеха ради”. Вскоре после этого он приобрел в поезде лотерейный билет у одного застенчивого, но довольно настырного джентльмена. Когда стали известны результаты, Мариус уверился, что у него есть особое чутье, или, как он выразился, “нюх на такие вещи”. И потому, когда обнаружилось, что длинными зимними вечерами — да, в общем-то, и днями — за городом нечего делать, кроме как читать детективы, он открыл, что его нюх распространяется и на преступления.

С этим-то нюхом и пришлось иметь дело бедняге Джулиану. Достаточно утомительны были дядины нападки на бестолковый Скотленд-Ярд, когда речь шла о настоящих преступлениях, о которых то и дело трезвонили газеты (потому что очевидно же: это теща подсыпала мышьяк в черничный пирог!), но куда хуже обстояло дело, когда убийство совершалось в очередном детективе, и Мариус путано излагал содержание первой части, подробно анализируя улики.

— Да, я еще не сказал тебе, что этот молодчик... как бишь его... Кармайкл, что ли... встретил эту девицу, Дорис... то есть Филис... ну, в общем, случайно встретил ее в Париже за несколько лет до того... год или два — не важно... ну и она вместе с этим... как же его?.. Арбатнотом...

И вот в одну из таких минут на Джулиана вдруг снизошло вдохновение.

— Послушайте, дядя Мариус, — сказал он с улыбкой, — отчего бы вам не написать детектив?

Мариус польщенно похихикал и ответил, что не уверен, получится ли у него.

— Еще бы не получилось! Кому же, как не вам, их писать! У вас как раз нюх на такие вещи, и вы не наляпаете таких глупых ошибок, как остальные.

— Ну, с дедукцией, индукцией и так далее я, конечно, справлюсь, они-то меня и интересуют, но чтобы писать... Тут, знаешь ли, особая сноровка нужна. Как у тебя, скорее.

— Гениально, дядя! — воскликнул Джулиан. — Давайте писать вместе. Одна голова хорошо, а две лучше. Будем обсуждать наш детектив по вечерам и критиковать идеи друг друга. Что вы на это скажете?

Дядя Мариус пришел в восторг от этой мысли. Джулиан, разумеется, тоже. Наконец-то он нашел своего сообщника!

Налейте-ка мне еще.

Да (продолжал Колби, вытерев рот), я знаю, чего вы ждете. Половина из вас полагает, что именно дядя придумал

безупречный план убийства, который племянник привел в исполнение, а остальные надеются, что план придумал племянник, а потом, к его удивлению, им воспользовался дядя. Но все вы ошибаетесь.

Когда дошло до дела, дядя так и не смог ничего предложить, зато он понял, что ему нравится. Одного убийства ему уже было мало — теперь ему нужно было два. Одно желательно на званом вечере в загородном доме, с кучей подозреваемых. Когда инспектор полиции на время запутывается в них, он неожиданно получает письмо с приглашением на тайное свидание в полночь, во время которого ему должны сообщить важные сведения. Он идет туда и находит смертельно раненного человека, который успевает лишь прошептать "Хорас" (а может, "Хокстон") и умирает у него на руках. Убийца нанес новый удар.

— Понимаешь, мой мальчик? Это развеет у читателя всякие сомнения в случайности первой смерти и даст сыщику новые улики. Объединив их с предыдущими...

— То есть вы хотите сказать, — уточнил Джулиан, — никто не усомнится в том, что оба убийства совершены одним и тем же человеком?

— Ну конечно, мой мальчик, конечно! — Мариус даже удивился такому вопросу. — Как же иначе? Какой-нибудь бродяга, или заблудившийся охотник, или кто-то еще стал случайным свидетелем первого убийства, но неосторожно проболтался об этом в местной пивнушке. Разумеется, убийца должен избавиться от него, прежде чем тот успеет рассказать все полиции.

— Разумеется, — задумчиво повторил Джулиан. — Да... Именно... — Он просиял. — Знаете, по-моему, из этого может кое-что выйти.

Ибо он тут же сообразил, что вот он, безупречный план. Сначала совершить убийство без всякого мотива, чтобы его, Джулиана, никто не мог заподозрить, а потом (что не составит труда) уговорить дядю Мариуса проверить свой нюх на этом деле, убедить его, что он, и только он, нашел разгадку, и уговорить назначить встречу с местным инспектором полиции. А затем, перед самым приездом инспектора, "нанести новый удар". Все это было, как говорил Джулиан, выдавая себя за военного летчика в барах на Пикадилли, раз плюнуть.

Кому-то может показаться, что этим вторым убийством Джулиан лишь усложнял свой план и брал лишний грех на душу. Но вспомните, что все эти месяцы мучительных сомнений его терзала лишь одна мысль — мысль о неустраимости мотива, так что внезапно открывшийся выход в виде немотивированного убийства подарил ему пьянящее чувство свободы, когда кажется, что все пойдет как по маслу. Он всегда считал, что такое убийство совершить нетрудно. Теперь он был убежден, что его можно совершить безнаказанно.

Жертва, можно сказать, подвернулась сама собой, причем Джулиану нравилось думать, что дядя Мариус одобрил бы его выбор. В одной-двух милях от них, в поместье Берч-холл жил пожилой джентльмен

Джулиан не был сильным шахматистом, но был достаточно знаком с этой игрой, чтобы доставить сэру Джорджу удовольствие постоянно у него выигрывать.

по фамилии Корфью. У него было много жадных родственников обоего пола, и к тому же в молодые годы он вел загадочную жизнь где-то на Востоке. Не нужно было особого напряжения фантазии, чтобы представить его неопытным юношей, случайно попавшим в какое-то тайное общество, или искателем приключений, крадущим из храма священную драгоценность, и хотя в последнее время никаких темнокожих бродяг в округе не наблюдалось, все знали, что у сэра Джорджа Корфью денег куры не клюют и что он постоянно переписывает или грозитя переписать свое завещание. Словом, все это сделало бы его в глазах дяди Мариуса идеальным героем хорошего детектива.

Джулиан, правда, не был лично знаком с сэром Джорджем. Поначалу он скромно собирался оставаться в стороне и, так сказать, соприкоснуться с ним лишь под самый конец. Однако, по зрелом размышлении, он рассудил, что может попасть в разряд тех загадочных незнакомцев, которые порой оказываются под подозрением у полиции, тем более что сам он был смугл и темноволос. Поэтому он решил, что будет лучше стать одним из знакомых сэра Джорджа: явно безобидным и явно ничего не выигрывающим, а кое-что даже теряющим от его смерти.

В сближении с жертвой Джулиану сопутствовала удача. Отказавшись от своего обычного способа знакомства (предложить сэру Джорджу акции нефтяной скважины в Британской Колумбии), он уже подходил к особняку, намереваясь представиться специальным корреспондентом

газеты, интересующейся Востоком, как вдруг услышал крики о помощи из зарослей кустарника на обочине дороги. Это был сэр Джордж: он споткнулся о корень дерева и подвернул ногу. Движимый искренним человеколюбием, Джулиан отнес его в дом. Через час, уходя, он пообещал прийти на следующий день и сыграть с большим партию в шахматы.

Джулиан не был сильным шахматистом, но был достаточно знаком с этой игрой, чтобы доставить сэру Джорджу удовольствие постоянно у него выигрывать.

Между партиями он выведал все, что мог, о привычках хозяина и о членах семьи. Среди них оказалось несколько замечательных кандидатов на роль главного подозреваемого. Особенно приглянулся Джулиану младший брат сэра Джорджа по имени Юстас — джентльмен довольно зловещей внешности, который мнил себя главным наследником. Джулиана даже посетила мысль подставить Юстаса, но он вовремя сообразил, что тогда придется снова подставлять его во время убийства Мариуса, а это грозило непредвиденными трудностями. Пусть сами разбираются. Чем больше подозреваемых, тем лучше.

Если вы ждете от меня подробно-го отчета об убийстве сэра Джорджа Корфью, то спешу вас разочаровать: я не собираюсь удовлетворять этого болезненного любопытства. Скажу лишь, что убийство было совершено, как водится, тупым предметом и произошло в то время, когда по крайней

мере некоторые члены семьи покойного не имели алиби. Джулиан был тогда еще неопытным убийцей и первым признал бы, что был несколько неосторожен со следами ботинок, отпечатками пальцев и сигаретным пеплом. Но поскольку никто и никогда не мог заподозрить его в этом убийстве, он не придал этому ни малейшего значения.

Все шло так, как он и предполагал. Лондонский адвокат привез завещание, в котором фигурировали все члены семьи, и инспектор занялся проверкой их алиби, давая понять, что относится к каждому с живейшим подозрением. В свою очередь дядя Мариус с удовольствием принялся за собственное расследование, которое, задержавшись ненадолго на викарии, семимильными шагами приближалось теперь к разоблачению младшего садовника по имени Спратт.

— Только не доверяйте ничего бумаге, — заботливо посоветовал Джулиан. — Это может быть опасно. Лучше позвоните инспектору и попросите его приехать сегодня же вечером. И вы сами все ему расскажете.

— Прекрасная мысль, мой мальчик, — сказал Мариус. — Так я и сделаю.

Но инспектор и без того был уже в пути. Объявился местный стряпчий с новым завещанием, составленным лишь несколько дней назад. “В награду за доброту и игру в шахматы с больным стариком” сэр Джордж назначал Джулиана Крейна своим единственным наследником.

Ужасно несправедливо.

Алан Томас

1896–1969

Перевод и вступление Марии Переясловой

АЛАН Томас (настоящее имя — Эрнест Вентворт) родился в 1896 году в Лондоне. Он получил образование в Малверн-колледже и Кембридже. Во время Первой мировой войны служил офицером на Западном фронте. После войны занимался адвокатской практикой. В 1939 году он стал редактором журнала “Слушатель” (*The Listener*), учрежденного в 1929 году компанией Би-би-си для освещения и анонсов радиопрограмм. В журнале также публиковались рецензии на книжные новинки, среди сотрудников были известные писатели и поэты: Т. С. Элиот, Дж. Оруэлл, В. Вулф, У. Х. Оден, С. Плат. Томас оставался редактором журнала около двадцати лет.

Первый детективный роман Томаса написан в 1928 году. “Убийство Лоуренса Вайнинга” эксплуатирует популярный в то время прием — разрушение традиционного образа “великого детектива”. Томас переворачивает с ног на голову сразу несколько принципов, которые чуть позже стали заповедями

ALAN THOMAS

Детективного клуба. Во-первых, изображенный в романе сыщик-любитель, этакий новый Шерлок Холмс с подпорченным характером, сам оказывается жертвой. Кроме того, инспектор, ведущий расследование, проявляет себя как настоящий детектив, разумный и проницательный, отчего читатели в двадцатые годы уже начали отвыкать. И наконец, верный друг погибшего Вайнинга, новый доктор Ватсон, оборачивается хладнокровным убийцей, много лет вынашивавшим ужасный план.

ИРОНИЧНОЕ обыгрывание детективного канона происходит и в других романах Томаса, написанных на рубеже 20–30-х годов. “Сила привычки” — рассказ, замечательный своим центральным персонажем — дворецким. Так все-таки — может ли дворецкий быть убийцей?

© М. Переяслова, перевод на русский язык и вступление, 2011

РАССКАЗ “СИЛА ПРИВЫЧКИ” ВПЕРВЫЕ
БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1950 ГОДУ
В ГАЗЕТЕ “ИВНИНГ СТАНДАРД”.

≡ FORCE ≡ OF HABIT

//////////////// THE EVENING STANDARD, 1950. //////////////////

А Л А Н Т О М А С

Сила привычки

Хорас Флегг, когда-то знаменитый адвокат по уголовным делам, повернулся в постели и зевнул.

— Доброе утро, Халлидей, — сказал он дворецкому, когда тот вошел с утренней чашкой чая и принялся раздвигать шторы. — Какая сегодня погода?

— Похоже, сильный зюйд-зюйд-вест, сэр. Какой костюм приготовить?

— Темно-синий. Я сегодня не буду обедать дома. Леди Хазард зайдет на чай.

— Есть, сэр.

— Халлидей! Сколько раз я просил тебя приберечь флотские словечки до тех пор, пока ты не вернешься на корабль? Мы сейчас на суше.

— Прошу прощения, сэр. Сила привычки..

— Когда-нибудь привычка доведет тебя до беды, Халлидей.

— Да, сэр. Вы сегодня ужинаете дома, сэр?

Флегг ненадолго задумался. Помолчав, он ответил:

— Да. Я буду ужинать дома, около половины восьмого. А после займемся марками.

— Есть... хорошо, сэр.

Халлидей уже собирался удалиться, но тут Флегг снова заговорил.

— Да, кстати, — произнес Флегг, пристально глядя в окно и как бы не замечая слугу, — меня уже начинает утомлять этот... э... Карвер.

— Карвер, сэр?

— Ты слышал, я о нем говорил.

— Ах да, сэр. Вы о том шантажисте.

Флегг поморщился:

— Именно. Не думал, что ты так хорошо осведомлен.

По лицу Халлидея промелькнула легкая тень улыбки и тут же исчезла.

— С некоторых пор я знаю о Карвере, сэр.

— И что ты о нем знаешь?

Халлидей опустил глаза.

— Что он причиняет вам беспокойство, сэр, — ответил он, — и что чем быстрее мы от него избавимся, тем лучше. Позволю себе заметить, сэр, он вам ничего, кроме вреда, не приносит.

— Да, очень верное замечание, — согласился Флегг. — Всего один неосмотрительный поступок, о котором я горько сожалею, — и вот Карвер уже с нами, причем, видимо, до конца моих дней — или, по крайней мере, пока у меня не кончатся деньги. Самый мерзкий тип из всех, кого я когда-либо встречал. А это что-нибудь да значит, с моим-то опытом в уголовном суде. Впрочем, я сам виноват. И почему я не обратился в поли-

цию, как я столько раз советовал другим! Но что уж теперь говорить? Я далеко не единственный, кто всю жизнь давал окружающим полезные советы и сел в лужу, когда дошло до дела.

Некоторое время оба молчали.

— Я должен встретиться с ним сегодня в шесть вечера, — сказал наконец Флегг, — чтобы, как он выразился, заключить окончательное соглашение.

— Вряд ли это соглашение будет окончательным, сэр, — заметил Халлидей.

— Ты прав. Не будет.

— Могу я спросить, где вы встречаетесь с ним, сэр?

— У него. Есть место, где он обретается, когда приезжает в город.

— Он будет один?

— Да. Или ты думаешь, он позовет гостей по такому случаю?

Снова повисла пауза. Наконец Халлидей прервал молчание:

— А что, если... если вместо вас... к нему пойду я, сэр?

— Ты? — Флегг быстро взглянул на него. — А что можешь сделать ты, Халлидей? Ты ведь не знаешь, в чем дело.

— Я ничего не знаю... о том неосмотрительном поступке, сэр, и не хочу знать. Но я знаю, что за человек этот Джимми Карвер; не считите за дерзость, сэр, но возможно, мне будет проще иметь с ним дело, чем вам.

Флегг улыбнулся:

— Не могу сказать, что мне когда-либо было легко иметь с ним дело. Слишком мы разные.

— Так точно, сэр.

— И все же я не знаю, что ты можешь сделать.

— Я пока тоже не знаю, сэр. Но очень скоро выясню.

Халлидей произнес это с уверенностью, которая понравилась хозяину.

— Это рискованно, — пробормотал Флегг.

— Рискованно, сэр?

— Я пообещал прийти. И мне не хотелось бы его разочаровывать.

— Простите, сэр, но в наши дни мы все привыкли рисковать. Однако, если вы позволите мне увидеться с ним, сэр, никакого разочарования не будет, во всяком случае — у вас, сэр.

Они пристально посмотрели друг на друга; хозяин старался проникнуть в мысли слуги. При этом он отметил про себя, что Халлидей был по меньшей мере вдвое крупнее Карвера.

— Хорошо, — тихо сказал Флегг. — Если хочешь, можешь с ним встретиться.

— Спасибо, сэр.

— Не знаю, что ты там задумал.

— Да, сэр.

— Но... это рискованно, понимаешь, для меня рискованно.

— Понимаю, сэр. Не могли бы вы дать мне его адрес?

— "Королевские покои", 2А, Сент-Джеймс. Первый этаж.

Халлидей поднял брови и улыбнулся:

— Позволю себе заметить, очень неплохое место, сэр.

— Да, наш мистер Карвер уж точно не бедствует, — заметил Флегг. — За это ручаюсь.

Халлидей повернулся, чтобы уйти.

— Вы не будете возражать, сэр, — сказал он уже у двери, — если я отлучусь сегодня на час-другой, чтобы осмотреться?

— Как угодно.

— Спасибо, сэр. Я проверю, все ли готово к чаю для леди Хазард.

— Хорошо.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Больше ничего, спасибо, Халлидей.

— Спасибо, сэр.

Флегг приятно провел день. Он великолепно пообедал с другом в клубе и поспел домой, на Керзон-стрит, как раз к приезду сестры, Мюриэл Хазард. С детских лет они с Мюриэл были очень близки, и когда оставались вдвоем, для обоих время пролетало незаметно. Мюриэл понимала Хораса, как никакая другая женщина, и обо всех своих делах он советовался с ней одной. У Хораса почти не было от нее секретов; даже если он не посвящал ее в свои мысли, она обычно чувствовала, что он чем-то озабочен.

Когда в половине пятого леди Хазард приехала, Халлидей был дома и открыл ей дверь. Леди Хазард ценила неустанную заботу Халлидея о хозяине и потому испытывала к нему особую симпатию; войдя, она приветливо улыбнулась и осведомилась, как он поживает.

За чаем, как обычно, шла приятная, оживленная беседа. Неизвестно, заметила ли Мюриэл, что брат думает о чем-то своем, так как он ничем себя не выдал. Невидимому наблюдателю показалось бы, что Флегг, как и всегда, в прекрасном расположении духа.

Около шести — или чуть позже, в половине седьмого, — Мюриэл ушла, и Хорас проводил ее до калитки. Затем он достал альбом с марками и начал приготовления к вечерним занятиям. Вскоре, как было заведено, с

напитками на подносе вошел Халлидей. Флегг, сидевший за столом, молча на него посмотрел.

— Хотите херес, или смешать коктейль, сэр? — спросил Халлидей.

Флегг облизнул губы.

— Ты виделся с ним? — произнес он.

— С Карвером, сэр? Да, сэр, я виделся с ним.

— Что он сказал?

— Не так много, сэр. Я собираюсь встретиться с ним еще раз, чуть позже. Вы будете пить херес?

— Позже? Когда?

— Мы не назначили точное время, сэр.

Повисла пауза. Флегг приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, и снова закрыл. Он знал, что Халлидей станет говорить, только когда сам захочет.

— Я буду пить коктейль, — сказал Флегг.

— Хорошо, сэр.

— Если хочешь, налей себе тоже, Халлидей.

— Спасибо, сэр.

Халлидей приготовил два коктейля и подал один из них хозяину на серебряном подносе.

— За удачу, Халлидей.

— За удачу, сэр.

Они выпили, и Халлидей поставил свой бокал:

— Нет ничего лучше сухого martin, сэр... разве что глоточек рома. Вы велели подать ужин в половине восьмого, сэр?

— Если возможно.

— Конечно, сэр, — ответил Халлидей и удалился.

Через час он сообщил, что ужин готов. Несколько хороших, незамыс-

ловатых блюд, которые, Халлидей знал, нравились хозяину. Тот внимательно следил, как дворецкий твердой рукой наливает кларет.

После ужина оба занялись альбомами для марок. Флегг коллекционировал марки и в Халлидее обрел преданного и увлеченного единомышленника.

— Ты виделся с ним? — произнес он.
— С Карвером, сэр? Да, сэр, я виделся с ним.

Вечер они тихо провели за работой, и около одиннадцати, когда Халлидей поднес хозяину рюмочку на ночь, Флегг отправился спать.

— Доброй ночи, Халлидей, — сказал Флегг, идя в свою спальню. — Приятных снов.

— Спасибо, сэр, и вам того же, сэр.

И Флегг удалился в спальню, а Халлидей — в свою комнатку рядом с кухней.

На следующее утро Флегг повернулся в постели и зевнул.

— Доброе утро, Халлидей, — сказал он дворецкому, когда тот вошел с утренней чашкой чая и принялся раздвигать шторы. — Какая сегодня погода?

— Полный штиль, сэр. Какой костюм приготовить?

— Светло-серый. Я не буду обедать дома. Есть какие-нибудь новости?

— Советское правительство собирается...

— Меня не интересует советское правительство. Я имел в виду Карвера.

— Карвера, сэр?

— Да. Только не говори, что ты никогда о нем не слышал.

— Мне кажется, сэр, есть подходящее латинское изречение, но я не могу его вспомнить.

— Ты хочешь сказать, он мертв?

— Да, сэр.

— Откуда ты знаешь?

— Видите ли, сэр...

— Неужели ты хочешь сказать, что ты... убил его, Халлидей?

— Да, сэр.

Халлидей был так спокоен, словно сообщал хозяину о заказанной в бакалее провизии. Какое-то время

Флегг молча смотрел в окно. Затем сделал глоток чая.

— Итак, — заговорил он. — Что произошло?

— Все было очень просто, сэр. Он сам открыл мне дверь — как вы и говорили, он был один, — и потом... сомневаюсь, что после этого он много запомнил, сэр.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, сэр, что я не дал ему времени собраться с мыслями. Он и моргнуть не успел, а уже лежал плашмя на полу в своей прихожей. Потом я закрыл дверь в квартиру, втолкнул его внутрь... и с помощью подушки остановил его дыхание.

— Поблизости никого не было, Халлидей?

— Никого, сэр. "Королевские покои", как вы сами знаете, сэр, теперь уже не те. Что и говорить, сэр, обещало все, да и живут там, насколько я понял, одни букмекеры — я имею в виду ту часть здания, которая уцелела, сэр, — этот район сильно бомбили. Позволю себе заметить, сэр, это весьма печально, когда прекрасные квартиры превращаются...

— Довольно об этом, — прервал его Флегг. — Что ты сделал потом?

— Как вы помните, сэр, через четверть часа я вернулся и мы с вами выпили сухого martini за удачу.

— То есть тело все еще там, где ты его оставил, — в пустой квартире?

— Нет, сэр. Мне показалось неправильным оставлять его в квартире, сэр. Неизвестно, сколько бы оно там пролежало, а через некоторое время могли начаться жалобы от соседей... Извините за подробности, сэр.

— Что ты сделал с телом?

— Видите ли, сэр, я предусмотрительно положил его в мешок, и прошлой ночью, когда вы отправились спать, сэр, я выскользнул из дома и убрал тело.

— Как ты попал в квартиру?

— С помощью ключа Карвера, который я у него позаимствовал, сэр.

— Куда ты отнес тело?

— Видите ли, сэр, перед “Королевскими покоем” стоит несколько мусорных ящиков. Это я заметил еще днем, сэр, когда ходил осмотреться. Туда, очевидно, сваливают отбросы. Так что я поместил Карвера в один из ящиков, сэр.

— Значит, ты вынес его из квартиры...

— Да, сэр, с первого этажа — это всего в двух шагах отсюда.

— В мешке?

— Да, сэр. На случай, если кто-то решит полюбопытствовать, я завязал мешок. Но в столь поздний час поблизости не было ни души.

— Где ты взял мешок?

— Возле мусорных ящиков я приметил несколько мешков, сэр... Вы, должно быть, видели, сэр, — такие фиолетовые мешки для отбросов. Подходят как нельзя лучше.

— И теперь Карвер там?

— Если только его уже не увезли, сэр.

— Или если его не обнаружила полиция, — произнес Флегг.

— Или, как вы изволили заметить, сэр, если его не обнаружила полиция. Что-нибудь еще, сэр?

— Пока нет, Халлидей. Думаю, ты и так сделал достаточно. Кажется, все было довольно просто.

— Если подумать, сэр, это и правда довольно просто, — ответил Халлидей, перед тем как уйти. — Как и вообще почти все хорошее в нашей жизни, сэр, если мне будет позволено заметить.

В дверях он остановился и повернулся:

— Еще одна мелочь, сэр...

— Какая?

— Думаю, мы оба согласимся, сэр, что, на случай каких-либо расспросов, я не отлучался из дома с повинности пятого до сего момента. Леди Хазард сможет... подтвердить это, если... э...

— Я понял, Халлидей.

— Спасибо, сэр.

— Да, просмотри утреннюю прессу, нет ли там чего-нибудь интересного.

— Конечно, сэр.

Не только в утренних — во всех газетах обнаружилось немало “интересного”.

Прошло три дня; вечером, в половине шестого, Халлидей услышал звонок и распахнул входную дверь.

— Как вас представить? — спросил он у дородного господина, который пожелал увидеть Флегга.

— Инспектор Виджен, Скотленд-Ярд.

— Проходите, инспектор, — ответил Халлидей совершенно невозмутимо.

Через час инспектор ушел.

— Я питаю глубочайшую симпатию к полиции, — сказал Флегг, когда Халлидей вошел со всегдашними напитками на подносе.

— Правда, сэр? — Голос Халлидея звучал не очень уверенно.

— И кроме того, я не люблю лгать, Халлидей.

— Как и я, сэр, — в большинстве случаев.

— Только что я солгал в твоих интересах, Халлидей.

— В моих интересах, сэр?

— Ну... если хочешь, в наших интересах.

— Надеюсь, ваши слова прозвучали убедительно, сэр?

— Без сомнения. В Скотленд-Ярде я пользуюсь большим уважением, Халлидей.

— И с полным на то основанием, сэр, если позволите.

— Халлидей, хоть я перед тобой в долгу за твою помощь, все же мне кажется, что ты немного перегнул палку.

Халлидей опустил глаза:

— Услуга за услугу, сэр. Вы спасли меня от виселицы.

— Если ты имеешь в виду, что я когда-то успешно выступил в твою защиту по делу об убийстве...

— Да, сэр, так и было, и, кроме вас, никто не смог бы меня вытащить.

Флегг пожал плечами. Оставив практику, он на свой страх и риск взял на службу этого человека — или, как выражался Халлидей, “дал ему еще один шанс”. Однако в его жизни это был не единственный безрассудный поступок; в том, что касалось карьеры или человеческих отношений, риск до сих пор себя оправдывал. Но всему есть предел.

— Если теперь ты решил, что можешь самочинно вершить суд, то я твоего мнения не разделяю, — продолжал Флегг.

— Разумеется, сэр. Это больше не повторится.

— Рад слышать. Конечно, такой человек, как мистер Карвер...

— Крайне неприятный субъект, сэр. Хорошо, что с ним покончено. Не стоит щадить шантажистов, сэр. Говорят, шантажист — все равно что убийца.

— Несомненно. И скажу тебе по секрету, Халлидей, мне кажется, что и полиция не очень-то опечалена его кончиной. Они знали, что он замешан в некоторых темных делах, но не могли ничего доказать.

— А мы, сэр, могли бы.

— Да, могли бы. И все-таки, Халлидей, я не люблю лгать.

— Рискну предположить, сэр, что при сложившихся обстоятельствах это ложь во спасение. Я уверен, что леди Хазард примет такую точку зрения.

— У леди Хазард доброе сердце.

— Тем лучше, сэр.

— Вот именно. Я сообщил инспектору, что ты не покидал этого дома с половины пятого до половины седьмого вечера, и сказал, что леди Хазард может подтвердить мои слова.

— Уж если на то пошло, сэр, я думаю, ради вас она бы подтвердила что угодно.

— Скорее всего. Даже если бы я не позаботился предупредить ее, что могут потребоваться ее показания. Но они не потребуются. Инспектор сразу поверил мне на слово.

— То есть я был здесь все это время, сэр?

— Все время с половины пятого до полудни до самого вечера, когда мы с тобой занимались марками — а это действительно так, — и до следующего утра. Я заверил инспектора, что ты никуда не отлучался.

— Спасибо, сэр.

— Не стоит благодарности. Но пусть это будет тебе предупреждением, Халлидей.

— Хорошо, сэр. Я только одного не могу понять.

— Почему полиция вообще явилась ко мне?

— Так точно, сэр.

Флегг усмехнулся.

— Ты-то думал, комар носа не подточит, а, Халлидей?

Халлидей опустил голову:

— Я был уверен, что все учел, сэр.

— Не все.

— Чего же я не учел, сэр?

— Силу привычки. Ты помнишь, как завязал мешок?

На мгновение Халлидей задумался.

— Не могу вспомнить ничего особенного, сэр.

— Вот именно. Ты сделал это машинально. А у Скотленд-Ярда, знаешь ли, хорошая память. Когда-то они думали, что ты у них на крючке. Ты сам только что вспоминал этот случай.

— Но благодаря вам, сэр, с этим давно покончено.

— Да, ты прав. Но в Скотленд-Ярде попадают неглупые люди с отличной памятью. Когда тебя оправдали, они были просто ошарашены. Так что никто не забыл случая с моряком, которого так и не повесили...

— Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, сэр.

— Конечно, улики у них никаких, одни догадки. Инспектор сам это признал. Но через своих осведомителей они разузнали, что я мог быть одним из тех несчастных, кого этот негодяй пытался шантажировать. А когда они увидели, как был завязан узел на

мешке... Естественно, тут же ожили старые воспоминания, и полиция решила, что неплохо бы и здесь все проверить.

Халлидей судорожно вздохнул.

— Теперь вспомнил, сэр, — сказал он, — китайский рукав!

— Так точно! Этот узел и подсказал полиции, что здесь не обошлось без моряка. Понимаешь?

— Видимо, виновата привычка, сэр.

— Привычка, говоришь. Халлидей, из-за этой привычки мы оба могли попасть в беду.

— Я очень сожалею, сэр, — смиренно проговорил Халлидей.

— Ничего. Но позаботься, чтобы это не повторилось.

— Да, сэр.

— А сейчас можешь сделать два коктейля — или лучше один коктейль и немножко рома.

— Спасибо, сэр.

— И отныне, Халлидей, иди только прямой дорогой.

— Как пожелаете, сэр.

— Абсолютно прямой.

— Есть, сэр.

— Халлидей!

— Прошу прощения, сэр. Сила привычки.

≡ КОММЕНТАРИЙ ≡

“О БАШМАКАХ И СУРГУЧЕ,
КАПУСТЕ, КОРОЛЯХ...”

А. БОРИСЕНКО

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ — “ДЛИННЫЙ УИК-ЭНД”

Хочется начать как у Диккенса — “это было лучшее из времен, это было худшее из времен”.

Когда английские дети изучают в школе межвоенный период, им рассказывают о безработице, о Всеобщей стачке 1926 г., о депрессии 1930-х и о голодных походах отчаявшихся шахтеров и судостроителей с северо-востока Англии. В то же время в массовой культуре образ “бурных двадцатых” — это танцы до утра, коротко стриженные девушки, открытые автомобили, дух бесшабашного, отчаянного веселья. Между прочим, в русских мемуарах того времени тоже витает эта “невыносимая легкость бытия” — мир рушится, о будущем думать бесполезно, можно жить налегке. Как писала Н. Трауберг, “фокстротами, курением, модой, сленгом наши и тамошние были очень похожи”.

Конечно, в Британии мир не обрушился до основания, как в России, но перемены были существенными — Первая мировая война потрясла самые основы жизненного уклада.

А жизненный уклад казался незыблемым. Когда Алан Томас (автор рассказа “Сила привычки”) в 1914 г. заканчивал престижную частную школу Малверн, к ним на школьный вечер пришли выпускники. Мальчики смотрели на них и знали, что видят себя в близком будущем: все было расчерчено раз и навсегда, они принадлежали к уважаемому классу людей, которым официанты и носильщики говорят “сэр”, которые твердо стоят на ногах и верны неписаному кодексу поведения. Мальчики не могли знать, что этот стабильный мир рухнет уже завтра — потому что завтра будет война.

Когда англичане говорят “Великая война”, они имеют в виду Первую мировую. Именно эта война оставила непреходящее чувство горечи и разочарования. Почти все мальчики из частных школ и университетов пошли на войну

офицерами — и, как велел им их неписанный кодекс, бросались в атаку первыми. И первыми погибали. А за ними погибали те, кто называл их “сэр”.

Когда в 1918 г. война закончилась, сдержанные британские женщины танцевали на улицах, а премьер-министр Ллойд Джордж обещал сделать Англию страной, достойной героев, но эта его фраза в первые послевоенные годы приобрела привкус горькой насмешки. За время войны Британия потеряла то место, которое занимала в мировой экономике, и обросла огромными долгами. Героев ждала безработица, разруха и очереди за пособием. Однако, как ни странно, именно в межвоенное время кардинально улучшились жилищные условия, здравоохранение и качество жизни. Война обострила социальные проблемы настолько, что их уже нельзя было игнорировать, к тому же на горизонте маячил грозный призрак русской революции. У людей стало больше свободного времени и свободных денег, развивалась индустрия развлечений. После страшной войны всем хотелось полной грудью вдохнуть радость жизни.

Потребление дало толчок производству — патриотичный лозунг “Покупай британское!” и пошлины на импорт делали свое дело: промышленность пошла в гору. Потом ударила Великая депрессия; после нее снова начался рост.

В межвоенный период ввели всеобщее избирательное право, реформировали школьное образование, создали первую государственную радиокomпанию, открыли пенициллин, к власти впервые пришло лейбористское правительство. В 1936 г. сгорел Хрустальный дворец, сменилось три короля, прошла массовая антиправительственная де-

монстрация (марш Джарроу), заработало телевидение.

Вторую мировую англичане встретили стоически: они уже знали, что их ждет. Они трудились не покладая рук под бомбежками, ухаживали за ранеными, заботились об эвакуированных. “Работаем как обычно” — такую табличку можно было увидеть, например, на разбомбленной книжной лавке, продолжающей торговать среди развалин.

Вторая мировая как бы подвела черту под зыбким, странным переходным периодом, который писатель Роберт Грейвз так метко назвал “длинным уик-эндом”*. И который стал Золотым веком британского детектива.

А. БОРИСЕНКО

ДВОРЕЦКИЙ И ДРУГИЕ СЛУГИ

“Я думаю, если бы мое детство пришлось на нынешние времена, то больше всего мне не хватало бы слуг”, — пишет Агата Кристи в “Автобиографии”. Няня, изрекающая банальные житейские истины, служанки, “вечный источник драматических коллизий и разрозненной, но чрезвычайно интересной информации”, кухарка, священнодействующая на кухне, — все они давали постоянную пищу детскому воображению.

В викторианские времена в большом деревенском доме было много прислуги

* “Длинный уик-энд: социальная история Великобритании в 1918–1939 гг.” — книга Роберта Грейвза и Алана Ходжа, одно из самых авторитетных исследований о жизни Британии в период между мировыми войнами.

и еще больше работы: нужны были садовники, чтобы ухаживать за огромным садом, конюхи — смотреть за лошадьми, кухарка и кухонные служанки — готовить несколько перемен блюд на обед для хозяев и их гостей, горничные, чтобы убирать спальни, зажигать камины, драить каминные решетки, носить воду для ванны, а также лакеи, камердинеры, камеристки, няньки, экономка, дворецкий и другие. В начале XX века слуги, живущие в доме, все еще были обязательным атрибутом жизни среднего класса и аристократии. Некоторая нехватка слуг — особенно обученных — стала ощущаться еще до войны, но именно Первая мировая нанесла сокрушительный удар по сложившейся системе сосуществования слуг и хозяев. Вторая мировая разрушила ее окончательно.

Ностальгия по слугам — неизменная черта английского детектива. Оттого в нем так много ярких, колоритных портретов кухарок, садовников и, конечно, дворецких.

ДВОРЕЦКИЙ И КАМЕРДИНЕР

Величественная фигура дворецкого неразрывно связана с детективным жанром. Сначала он был самым вероятным подозреваемым: “Убийца — дворецкий!”, потом, наоборот, оказался вне подозрений. В “Лунном камне” Уилки Коллинза Беттередж, гадающий по томику “Робинзона Крузо”, — один из самых запоминающихся персонажей. Безусловно, больше всего на образ дворецкого/камердинера в литературе XX века повлиял Дживс, герой П. Г. Вудхауза, — невозмутимый, находчивый, преданный. Пара “хозяин — слуга” ко-

чет из детектива в детектив: лорд Питер Уимзи и Бантер, Альберт Кэмпбелл и Лагг, адвокат Хорас Флегг и Халлидей (рассказ “Сила привычки”). Лагг и Халлидей — бывшие преступники, что не мешает им верно служить своим господам. Образ безупречного дворецкого укрепился

Дживс и Вустер.
Рис. Гилберта Уилкинсона

так прочно, что продолжает использоваться и сегодня: в романах современной американской писательницы Элизабет Джордж (которая всегда пишет об Англии) действуют полицейский-аристократ сэр Томас Линли и его слуга Чарли Дентон. В одном из романов коллеги Линли с раздражением задается вопросом, как называть Чарли: камердинер? дворецкий? личный помощник?

Это вопрос, которым пришлось задаться и нам. В викторианские времена дворецкий отвечал за винный погреб и столовое серебро, прислуживал семье во время трапез (иногда с помощью лакеев), руководил всей мужской прислугой (лакеями, камердинерами, садовниками и т. д.). Иногда в очень больших усадьбах или дворцах над дворецким

был еще стюард, но в большинстве домов дворецких и экономка возглавляли штат прислуги. Камердинер был личным слугой хозяина дома, который следил за его гардеробом и выполнял разного рода поручения. Однако у холостого джентльмена обязанности камердинера и дворецкого мог выполнять один и тот же человек — такая ситуация стала обычной в послевоенные годы, когда домашней прислуги остро не хватало. Поэтому в этой книге мы считали термины *butler* (дворецкий) и *valet* (камердинер) взаимозаменяемыми. И того и другого было принято называть “джентльмен джентльмена”.

Бантер следит за винным погребом лорда Питера, нанимает слуг в деревенский дом (обязанности дворецкого), подбирает ему одежду (обязанность камердинера) и, в сущности, является его главным советчиком — помимо прочего, их объединяет фронтовой опыт (Бантер был денщиком лорда Питера во время войны).

Питер и Бантер.

Рис. Джона Кэмпбелла

САДОВНИК И КУХАРКА

После дворцового воображение писателей больше всего волновали кухарка и садовник. Оба занимали особое положение в иерархии слуг, поскольку были в некотором смысле представителями творческих профессий. Кухарку всегда называли “миссис”, даже если она была не замужем, — просто в знак уважения. Хозяева слишком боялись потерять хорошего садовника и хорошую кухарку, и потому часто весь дом подчинялся их капризам. Агата Кристи отмечала, что хорошие слуги были скорее тиранами, чем рабами, — когда они говорили, что “знают свое место”, то в этих словах звучала гордость профессионала. В одном из рассказов Кристи к Пуаро приходит женщина, у которой пропала кухарка. Когда Пуаро пытается отказаться от дела, она возражает: “Хорошая кухарка — это хорошая кухарка. Для меня она значит не меньше, чем жемчуга для какой-нибудь знатной леди”. И Пуаро не может не согласиться с этим доводом.

Недостаток садовников особенно остро ощущался в военные и послевоенные годы. Многие садовники ушли на фронт, сады пришли в запустение, на месте редких цветов появились грядки с капустой и картошкой. “Моего садовника призвали в армию, с тех пор я не могу найти ему замену. Приходится почти все делать самому”, — грустно говорит герой рассказа “Железное алиби”. Интересно, что многие газеты и

Хозяйка. Нора, нельзя ли сделать так, чтобы отбивная была прожарена чуть меньше?

Нора (угрожающе). Не понравилось, значит?

Хозяйка. Нет-нет! Я просто беспокоюсь, что вы так долго стоите над огнем.

"Панч", 1920 г.

журналы призывали хозяев отправлять на войну слуг-мужчин: "Есть ли у вас дворецкий, шофер, садовник, который служит вам в то время, когда он должен служить своей стране?" — строго вопрошал журнал "Кантри лайф" в 1915 г.

лучше оплачивалась. Однако, когда солдаты стали возвращаться с фронта, общество потребовало от женщин, чтобы они освободили рабочие места для мужчин. Газеты, которые только вчера прославляли их патриотизм, сегодня

стыдили их за то, что они отнимают рабочие места у защитников отечества. Волны экономической депрессии и безработицы в 1920-е и 1930-е годы заставили многих неохотно вернуться в услужение: между 1921 и 1931 гг. количество

Садовник. Сцены из деревенской жизни.

"Иллюстрийтед Лондон ньюс", 1934 г.
Рис. Эдмунда Блам্পье

Леди. Почему вы ушли от своих последних хозяев?

Горничная. Какая вы любопытная, мэм! Я же не спрашиваю, почему от вас ушла ваша последняя горничная.

"Панч", 1920 г.

нако повсеместное распространение в домах воды и электричества, а также новомодные бытовые

женщин-служанок в Англии и Уэльсе возросло с 1,1 млн до 1,3 млн, а в конце тридцатых достигло 1,4—1,5 млн. В домашние слуги вынуждены были идти и многие беженцы из нацистской Германии. И все-таки слуг не хватало.

Некоторое время слуг продолжали нанимать из соображений престижа или просто потому, что так было принято. Порой молодая семья, принадлежащая к среднему классу, едва сводила концы с концами, но даже не задумывалась о том, чтобы отказаться от служанки. Од-

приборы — пылесосы, стиральные машины и т. п. — постепенно позволяли все большему количеству семей нанимать приходящих уборщиц или вовсе обходиться своими силами.

Изменились и отношения между хозяевами и слугами. В среднем послевоенные слуги были старше (молодежь старалась любой ценой избежать этой участи), они знали себе цену и могли выбирать хозяев, им больше платили. Начиная с 1920-х годов карикатуры в "Панче" постоянно изображают заис-

кивающих хозяев и высокомерных слуг. Кроме того, стирались социальные границы — нередко служанка бывала одета лучше своей хозяйки; некоторые девушки из обедневших семей шли в услужение

Гостья: Новая машина?
Хозяйка: Нет, новая кухарка.

"Панч", 1928 г.

к людям, стоящим не выше их на социальной лестнице. “Удивительно, чем только леди в наши дни не занимают-ся!” — говорит одна из героинь рассказа “Железное алиби”.

Без слуг по-прежнему не могло обходиться загородное поместье — хозяева просто физически не могли самостоятельно справиться с таким объемом работы. Но слуг нанимали меньше, чем прежде, что оборачивалось для них дополнительной работой.

Под конец жизни Агата Кристи жаловалась, что в наши дни не бывает уже *настоящих* слуг. Есть лишь помощники по хозяйству, милые дилетанты, с которыми можно подружиться, но которые не вызывают “священного трепета”.

А. БОРИСЕНКО

ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ И “ДОБРАЯ СТАРАЯ АНГЛИЯ”

Главное место действия английского детектива — деревенская усадьба с ее укромными уголками, лестницами, гостиной, выходящей в сад, и, конечно, с библиотекой (именно в библиотеке чаще всего обнаруживается труп). Загородное поместье аристократов — место не только уютное и мирное (а значит, идеально подходящее для загадочного убийства), но и символ “старой доброй Англии”, оплот традиции.

Многие столетия собственность на земли и дом передавалась по майорату — то есть была неделима и пере-

ходила по мужской линии от отца к старшему сыну или к ближайшему родственнику мужского пола. Эта система хорошо знакома русскому читателю по романам Джейн Остин — частенько случается, что после смерти хозяина дом должен отойти не его жене и дочерям, а какому-нибудь неприятному двоюродному племяннику, а матушки присматривают своим дочкам исключительно старших сыновей. Эта система наследования сохранялась отчасти и в XX веке: вспомним разговор Гарриет Уимзи с мисс Кверк в рассказе “Толбойз”, где Гарриет объясняет, что детей нужно заранее готовить к неравенству, поскольку старший сын наследует все недвижимое имущество.

Однако в Первой мировой войне погибло огромное количество молодых аристократов, и многие семейства остались без наследников. Кроме того, ввели высокие налоги на собственность, и содержать усадьбу стало очень непросто. Добавим к этому нехватку слуг, о которой уже упоминалось выше. Все чаще старинные дома английской знати попадали в руки нуворишей (как это произошло с Аббатством Лэнгли в рассказе “Дознание”), земли дробились и продавались под застройку, железные дороги и автомобили проникали в самые удаленные уголки (от этой печальной судьбы спасает свою любимую деревню Своллоусбат героиня рассказа “Образцовая подделка”).

Неприятие перемен составляет и силу и слабость английской деревни. Наши авторы охотно потешаются над сельским консерватизмом: в рассказе “Длинный курган” местные жители пытаются помешать раскопкам самыми экзотическими способами, в “Загадочной смерти Эми

Викарий. Сцены из деревенской жизни.

"Иллюстрийтед Лондон ньюс", 1934 г. Рис. Эдмунда Блампые

Робсарт" садовник ругает новомодные штучки вроде бассейна — по его мнению, опоры для горошка гораздо важнее. А в рассказе "Деревенский вампир" врач саркастически замечает: "На меня смотрят как на возмутительное новшество, потому что мне всего лишь пятьдесят семь, а в графстве я живу лишь двадцать восемь лет".

Однако в этом постоянстве можно найти и опору: из детектива в детектив кочует, кажется, одна и та же деревня. Церковь, окруженная кладбищем, соседствует с домом священника. В местном пабе всегда можно узнать последние новости, а приезжие могут здесь и заночевать (больше обычно нигде). Деревенский викарий, стряпчий и

Стряпчий. Сцены из деревенской жизни.

"Иллюстрийтед Лондон ньюс", 1934 г. Рис. Эдмунда Блампые

лекарь — неизменные участники всех местных событий. Такова деревушка Сент-Мери-Мид, где живет мисс Марпл, таков Потперс-Понд из рассказа Честертона, а также деревня, где проводят лето Питер и Гарриет в рассказе “Толбойз”.

АНГЛИЙСКИЙ ДОМ

Важнее дома для англичанина может быть только сад — не зря английские сыщики вечно выращивают розы и кабачки. Впрочем, дом и сад, как правило, составляют гармоничное единство. Почти любое описание дома начинается с окружающей его растительности — газонов, клумб, альпийских гор.

Английским домам часто дают имена: только в этой книге встречаются Вязы, Толбойз, Бёрч-холл, Аббатство Лэнгли, Фермерский дом и т. д. Иногда часть названия указывает на тип дома: “корт” обычно выстроен вокруг внутреннего двора, “холл” скорее всего будет большим особняком, принадлежащим старинной аристократической семье; “грэндж” мог быть построен на месте старинного амбара — обычно такой дом находится на отшибе и примыкает к ферме. Современные англичане, впрочем, воспринимают слово “грэндж” (*grange*) просто как общее название деревенского дома, значение “хранилище зерна” устарело и мало кому известно. Название может быть и обманчивым — как мы помним, имя Аббатство Лэнгли носил обыкновенный георгианский особняк и единственным намеком на аббатство было витражное окно в ванной комнате (хотя, возможно, до Реформации на месте этого дома и было аббатство).

В начале XX века немецкий архитектор и дипломат Герман Мутезиус, долго живший в Англии, восторженно описал устройство английского дома в трехтомном труде, который так и называется: “Английский дом”. Будучи иностранцем, Мутезиус особенно чувствителен ко всему, что составляет особенность английской жизни и отличает ее от европейской. В частности, он отмечает, что двери в английском доме всегда открываются так, чтобы входящий не мог сразу увидеть “стратегические” части комнаты (например, кресло у камина). Таким образом тот, кто находится внутри, не оказывается застигнутым врасплох и может приготовиться к общению. Усадьба обычно скрыта от посторонних глаз за воротами; в саду можно найти уединенную беседку, дом полон потайных уголков.

Английский уют. Рис. Евы Хольер

Особенно затейливые тайники встречаются в домах, построенных в период гонений на католических священников. Когда Рональд Нокс в своих десяти правилах детектива предостерегает от злоупотребления потайными ходами,

он тут же добавляет, что такой прием допустим в случае, если для него есть исторические основания: “Когда я сам ввожу в повествования тайники, то обязательно заранее сообщаю, что дом принадлежал католикам во времена гонений”. С гонениями на католических священников (приблизительно 1560–1640-е гг.) связан обычай делать в деревенских домах окна с секретом, в которых вся рама целиком съезжает вниз при нажатии на спрятанную пружину, — такое окно встречается в рассказе “Дом в Гоблинском лесу”. Можно вспомнить роман Джона Голсуорси “Конец главы”, где упоминается замурованная комната — там в елизаветинские времена брат-протестант прятал от преследователей брата-католика, передавая ему еду в корзинке через окно. Такой тайник (“нора священника” — priest hole) мог находиться под полом, под лестницей, за фальшивой панелью, под алтарем в семейной часовне.

Другая яркая черта английского дома — “разделение сфер”. Существует главный вход и вход для торговцев, лестница для хозяев и лестница для слуг, служебные помещения и жилая часть дома, “парадные комнаты” и комнаты для личного пользования. Практически всегда кухня отделена от судомойни, ванная комната — от туалета, детская делится на “ночную” и “дневную”.

Что касается чрезвычайно важного разделения пространства на мужское и женское, то дом, в принципе, — скорее женское царство, в то время как сфера мужчины — парламент, контора, клуб. Герман Мутезиус выражает некоторое удивление по поводу того, что у хозяина, как правило, нет даже

собственного кабинета. “У англичан не принято работать дома”, — замечает он. Если хозяин художник — он работает в отдельной студии, если банкир — трудится у себя в банке. (Как тут не вспомнить диккенсовского мистера Уэммика: “Контора одно, личная жизнь — другое”).

НАЗНАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ КОМНАТ

Спальня и гардеробная

В рассказе “Черный — цвет невинности” сиделка высказывает свое негодование в следующих выражениях: “Миссис Лейтон уже распорядилась, чтобы девчонка спала в гардеробной при ее спальне, а мне велела спать в комнате на другом конце дома, будто я простая горничная”. Чем так уж завидно место в гардеробной? Дело в том, что, во-первых, комнаты слуг и хозяев всегда находились в разных частях дома, то есть здесь речь идет о вопросе статуса. Во-вторых, гардеробная обычно была личной комнатой хозяина дома.

Спальня считалась женской комнатой — в этой комнате женщина переодевалась и приводила себя в порядок; здесь же стоял ее туалетный столик. В более просторных домах бывала и отдельная женская гардеробная. Но гардеробная мужа (*dressing room*), примыкающая к спальне жены, — практически обязательная деталь любого английского дома, как загородного, так и городского. В рассказе “Толбойз” Гарриет рассуждает о тесноте деревенского жилища: “Можно, забрав мужа к себе в

Гости в холле. "Панч", 1937 г.

комнату и разместив двух старших детей в его гардеробной, поместить еще одну особу". Заметим, что о спальне она говорит именно как о своей комнате.

Писательница Пенелопа Лайвли в книге "Отпертый дом" пишет, что для нее мужская гардеробная в доме ее бабушки и дедушки — символ прежней концепции брака, когда между мужем и женой сохранялась дистанция и у каждого было свое личное пространство. В мужской гардеробной часто находилось отдельное спальное место, иногда мужчина использовал эту комнату как кабинет. Мутезиус называет такое устройство "большим культурным преимуществом".

Нижняя гардеробная, чулан и холл

Комнаты в английском доме так разнообразны по своим функциям и названиям, что это часто создает трудности при переводе. Например, и *dressing room*, и *cloak room* переводятся обычно как "гардеробная", между тем это совершенно разные помещения. *Cloak room*, которую мы вынуждены были громоздко называть гардеробной для верхней одежды, чтобы не путать ее с хозяйской гардеробной при спальне, всегда находится на первом этаже дома, недалеко от входа, и предназна-

чена исключительно для мужских пальто и плащей. Женщины, приходящие в дом на обед или на праздник, снимали пальто наверху, в специально отведенной для этого комнате.

Недалеко от входа находился и обувной чулан, служивший для хранения и для чистки обуви (именно туда отправляется мисс Кверк в поисках улик в рассказе "Толбойз"). По всей видимости, телефонная комната, упомянутая в рассказе "У телефона", также была переделана из обувного чулана (за занавеской на полках там по-прежнему стояла обувь). Специального помещения для телефона в домах, разумеется, не было, поскольку в начале века телефон был еще относительно новым изобретением, — чаще всего его устанавливали в холле, иногда в больших домах использовались телефонные будки.

Холл в английских домах, как правило, очень просторный и имеет главным образом декоративную функцию. В Средние века холл был, в сущности, единственным жилым помещением

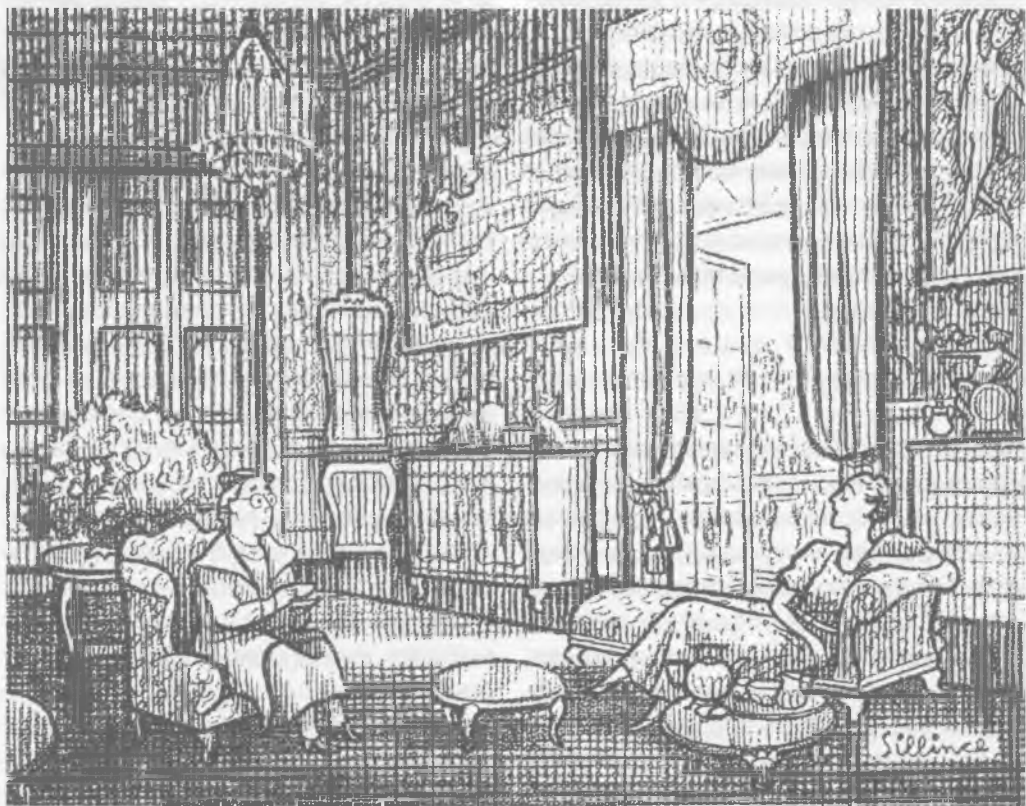
в доме — здесь устраивались пиры, здесь же спали и хозяева и слуги. С течением времени холл утратил эти функции, но, странным образом, отчасти сохранил свой статус помещения, по которому гости будут судить о хозяине. В XVIII веке его часто украшали мраморными колоннами и картинами, и даже в более поздние и более прагматичные времена сохранилась традиция выставлять в холле всевозможные сувениры и редкости. Вспомним описание холла в рассказе “Дознание”:

“Два длинных стола, дубовый комод, несколько жестких стульев и бирманский гонг. На стенах — олени рога, литографии, изображающие ранних

христианских мучеников, <...> чучело двадцатифунтовой форели, пойманной сэром Гаем в Шотландии, и недурной гобелен”. Кроме того, холл — центр дома: сюда выходят все помещения, коридоры и переходы.

Гостиная и столовая

Столовая (*dining room*) стала специальной комнатой, используемой исключительно для приема пищи, только в XIX веке. С этого времени стол постоянно находится на середине комнаты — раньше стол и стулья отодвигали к стене после обеда. Столовая традиционно считается “мужской” комнатой — для

Дамы в гостиной. “Панч”, 1925 г.

ее отделки используются более темные цвета, там стоит более строгая мебель. После обеда дамы обычно удалялись в гостиную, давая возможность мужчинам спокойно выпить и покурить без облагораживающего — и сковывающего — дамского общества.

Поскольку до обеда все должны перейти из гостиной в столовую, а после — из столовой в гостиную, эти две комнаты обычно располагаются так, чтобы подобного рода передвижения были максимально удобны: например, двери этих комнат могут находиться напротив друг друга через холл. Кроме того, столовая должна располагаться удобно по отношению к кухне.

Гостиная (*drawing room*) вначале была комнатой “для личного пользования”, куда удалялись хозяева, чтобы побыть в тишине и покое (полное название этого помещения — *withdrawing room*, т. е. комната, куда удаляются). Со временем, однако, гостиная стала одной из “парадных” комнат дома, где хозяева и гости собирались до и после обеда — для беседы, чтения, музицирования и пр. Комната эта традиционно считается женской, с более светлой и легкой отделкой, чем столовая, здесь самые лучшие виды из окон и много света, что обеспечивается в том числе “французскими окнами” — так называют в Англии большие стеклянные двери, выходящие в сад. Обычной чертой гостиной также являются эркеры — оконные ниши, в которых расположены уютные сиденья (*window seats*) — нечто среднее между диваном и подоконником.

В зависимости от величины дома в нем может быть специальная комната для завтрака, менее помпезная, чем столовая, и предназначенная только

для своих, а также всевозможные “малые гостиные” — например, “утренняя комната” (*morning room*), где хозяйка дома проводит первую половину дня и принимает ранних посетителей.

А. БОРИСЕНКО, В. СОНЬКИН

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

На заре века Честертон заявил, что детектив — единственный из популярных жанров, способный воспеть поэзию города как стихии: “Ведь город, коли на то пошло, даже более поэтичен, чем сельская местность, ибо если Природа являет собою хаос бессознательных сил, то город — это хаос сил сознательных”^{*}.

Золотой век тем не менее предпочел воспевать поэтичность сельской местности — а в городе выбирал главным образом островки довоенной стабильности и покоя: клубы джентльменов, респектабельные особняки лондонского района Мэйфер, роскошные отели и рестораны.

Читателю дозволяется бросить взгляд на бурный, опасный, “первобытный” город, но лишь затем, чтобы вернуть его в сверкающий огнями ресторанный зал или в бархат театральной ложи. Тем не менее городская жизнь после войны была полна тягот: долго еще сохранялся дефицит продуктов, отчаянно не хватало жилья, очереди безработных стояли за пособием, трущобы задыхались в грязи.

^{*} Цит. по: Честертон Г. К. Как сделать детектив. Пер. В. Воронина.

В рассказе “Две бутылки приправы” скромный коммивояжер пытается снять квартиру в Лондоне, и это оказывается очень нелегко: “Домовладелец отвернулся к окну и начал ковыряться в зубах. Как много можно выразить таким простым способом. Он имел в виду, что квартир у него сотни, а желающих тысячи, поэтому ему все равно, кто останется тут, а кто пойдет искать дальше”. В начале 1920-х годов население Лондона увеличивалось пугающими темпами.

Однако обострившиеся после войны социальные проблемы — а также грозный пример русской революции — заставили правительство всерьез заняться жилищными вопросами. В 1920–1930-е гг. был принят ряд законов, которые обязывали муниципальные органы власти отвечать за то, чтобы

Агент. Если не считать всех современных удобств, мадам, перед вами — точная копия елизаветинского коттеджа. “Панч”, 1933 г.

Метроленд: деревенская тишина в городе

население было обеспечено жильем, и на это выделялись значительные средства. И хотя стратегия экстенсивного строительства несколько раз менялась, дело все-таки двигалось — постепенно удавалось расселять трущобы, строить новые пригороды, отдельные коттеджи и многоквартирные дома. За время строительного бума было построено более 4 миллионов домов, и это во многом изменило английский пейзаж и образ жизни.

Строительству пригородов Лондона способствовало развитие транспорта и появление длинных линий метро — новые районы, возникавшие вокруг удаленных станций, называли Метроленд. При этом идеология и реклама этих

районов, ориентированная на средний класс, воспевала не новизну и перемены, а все ту же “поэзию сельской местности”. Городские дома стали строить так, чтобы они казались загородными: в новых районах оставляли большие зеленые зоны, вокруг домов непременно было место для сада. “Такое ощущение, что мы за городом”, — одобительно говорит герой рассказа “У телефона”, идя по пригороду Лондона.

В новых домах было электричество, вода, туалет и ванная (по-прежнему раздельные), много света (французские окна и эркеры оставались в ходу). Во многих домах были телефоны — что, увы, не пошло на пользу одному из наших героев. Но снаружи эти дома при-

творялись настолько старинными, насколько было возможно: в городском строительстве широко использовались элементы архитектурных стилей, прочно ассоциировавшихся со старой доброй Англией, особенно популярен был псевдотюдоровский стиль. Даже старая почтенная компания “Либерти” в 1924 г. открыла в Лондоне новый универмаг, построенный “под Тюдоров”, — реклама сообщала, что и внутри и снаружи здание выдержано в стиле XVI века, а фахверковые фасады сделаны из древесины двух старых военных кораблей.

РЕСТОРАНЫ В ОТЕЛЯХ

Можно заметить, что наши герои нередко ужинают в отелях — причем не только на курортах, но и в Лондоне. Саймон Темплар и инспектор Тил (“Человек, который любил игрушки”) приходят в выдуманный “Пэлас Роял”, сэр Генри Мерривейл (“Дом в Гоблинском лесу”) “скромно ужинает омаром и персиком Мельба” в существующем “Кларидже”. Именно в отеле работает эксперт по винам, к которому обращается мистер Клерихью (“Вино кометы”). Рестораны при отелях и в самом деле приобрели совершенно особый статус.

Начиная со второй половины XIX века услуги в сфере гостеприимства (*hospitality business*) стали подвергаться радикальному преобразованию. Постоялые дворы и харчевни, издавна славившие рассадниками разврата, преступности и антисанитарии, ушли в тень, а на первый план вышли изысканные рестораны и роскошные отели. Теперь в этих заведениях ужи-

LIBERTY'S NEW SHOPS

**OPEN
MONDAY NEXT**

THE EXTERIOR AND THE INTERIOR
ARE BUILT IN THE STYLE OF THE
XVI CENTURY WITH TIMBERS FROM
THE OLD MEN-OF-WAR H.M.S. HINDUSTAN
AND H.M.S. IMPREGNABLE

LIBERTY & CO. ARGYLL PLACE REGENT ST. LONDON, W.

Новое здание “Либерти”.

“Иллюстрированный Лондон ньюс”, 1924 г.

нали и останавливались на ночлег аристократы и коронованные особы. Эта перемена была тесно связана с невиданными ранее свободой и комфортом передвижения, которые породила железная дорога.

Главным английским преобразователем гостинично-ресторанного бизнеса стал Ричард д'Ойли Карт. По основному занятию он был музыкальным продюсером (тогда это называли "импресарио") и состояние скопил на комических операх Гилберта и Салливана. Заработанные деньги он вкладывал в постройку, покупку и реконструкцию роскошных отелей. В 1889 г. в Лондоне на Стрэнде открылся отель "Савой" — первая в мире гостиница с электрическим освещением и электрическими лифтами. Карт понимал, что одной роскоши будет недостаточно и что большому кораблю нужна лучшая в мире команда. Ценой невероятных усилий ему удалось переманить в Лондон лучших профессионалов — швейцарского управляющего Сезара Рица и французского кулинара Огюста Эскофье. Вдвоем Риц и Эскофье превратили "Савой" в образец роскоши и хорошего вкуса. Устройство ресторанной кухни, разработанное Эскофье, и "русская подача" (*service à la russe*, когда блюда подаются одно за другим) навсегда заменили "французскую подачу" (*service à la française*, когда все блюда подаются одновременно).

После этого отели и рестораны высшего класса (которые еще долго

существовали в неразрывном союзе) стали появляться повсюду. Карт позже перекупил конкурирующий знаменитый отель "Кларидж" и не менее знаменитый ресторан "Симпсонс" на Стрэнде, а Риц и Эскофье основали собственный бизнес и открыли гостиницу и ресторан "Риц" на Пикадилли. Проект предполагал такие огромные и богато обставленные ваннанные комнаты (очередное новшество), что подрядчик с недоумением спросил, кто собирается останавливаться в отеле — амфибии?

За карьерой Эскофье, которого называли "королем поваров и поваром королей", внимательно следил принц Уэльский, будущий король Эдуард VII; благодаря этому покровительству заведения Эскофье и Рица всегда притя-

Шеф всегда рекомендует соусы Эскофье

гивали бомонд. В 1890-е гг., работая в "Савое", Эскофье создал в честь австралийской оперной певицы Нелли Мельба десерт *Pêche Melba* ("персик Мельба") из очищенного персика, мороженого и малинового соуса — у сэра Генри Мерривейла был неплохой вкус.

КЛУБЫ И БАНИ

Другим местом, где можно было изысканно пообедать, был клуб — как мы помним, сыщик-гурман Реджи Фортун отправляется в клуб, где "знают толк в селедке".

Клубы играли в жизни Англии очень значительную роль — это можно заметить и по детективным рассказам. Они

упоминаются постоянно — настоящие и выдуманные, но неизменно узнаваемые. Старик, сидящий в оконной нише своего клуба десятилетие за десятилетием в рассказе Марджери Аллингем, — воплощение того консерватизма, который сохранялся в этих учреждениях даже в бурные межвоенные годы. В клубе "Рейнбоу" происходят многие события рассказа "Карающий случай"; сэр Генри Мерривейл состоит членом "Клуба старейших консерваторов", где собирается политическая элита. Этот выдуманный Вудхаузом клуб расположен на Пэлл-Мэлл и соседствует с реально существующим и весьма престижным клубом "Атенеум".

Разумеется, авторы детектива не забывали и собственное детище — Беркли создал пародию на Детективный клуб в романе "Отравленный шоколад", в записных книжках Агаты Кристи набросан план убийства на обеде Детективного клуба, а Николас Блейк осуществил похожий замысел в рассказе "Клуб убийц". В этом рассказе Блейк не слишком церемонится с собратьями по перу: женщины у него выглядят "милыми, веселыми и неухоженными", впечатление от мужчин "сводится к отвислыми усам, к очкам в золотых оправках и духу общей бесполезности".

Первые клубы джентльменов возникли в Англии еще в XVIII веке, и в то время они предназначались почти исключительно для аристократов. Однако настоящего расцвета клубная жизнь достигла в XIX веке — к этому времени клубы объединили и верхушку среднего класса. Нужно отметить, что с каждым этапом демократизации общества (в частности, когда проходили реформы избирательной системы и расширился

Джентльмены в клубе.
"Панч", 1927 г.

круг людей, имеющих право голоса) количество клубов заметно увеличивалось. В конце XIX века возникли первые женские клубы — например, "Женский университетский клуб", основанный в 1883 г. выпускницей кембриджского Гиртон-колледжа и существующий до сих пор; членами клуба по-прежнему могут стать только женщины, хотя мужчин можно приглашать в гости*. В межвоенный период женских клубов было уже великое множество, как аристократических и модных, так и довольно демократических.

Вначале же клубы были исключительно мужским царством — в этом и заключался их смысл. Английские клубы были устроены так, чтобы стать для джентльменов вторым домом. Здесь мужчина мог вкусно пообедать и пообщаться с друзьями, почитать газеты

и написать письма, провести деловые переговоры и вздремнуть в кресле у камина. Вышколенная мужская прислуга предупреждала любое желание посетителя, в каждом клубе был обеденный зал, гостиная, библиотека; во многих клубах можно было остановиться на ночь, как в гостинице. Миссис Битон — автор самой авторитетной викторианской книги по кулинарии и домоводству — предостерегает женщин, что если мужчина не найдет покоя и уюта в собственном доме, он станет все чаще искать убежища в клубе.

Членство в клубе обыкновенно было платным и часто дорогим, многие клубы считались престижными, и туда было трудно попасть. Джентльмен мог быть членом одного или нескольких клубов; клуб мог объединять людей по интересам, политическим взглядам, профессиональной принадлежности и так далее, но мог быть и просто местом для светского общения.

* Знание этого клуба послужило Дороти Сэйерс моделью для городского дома Питера и Гарриет (рассказ "Толбойз").

Другим местом, где джентльмен искал отдохновения от суеты, были так называемые турецкие бани — такие, как описаны в рассказе “Чайный лист”. На самом деле принцип устройства бань был не столько турецким, сколько римским. Сначала следовало попариться в помещениях, куда подавался горячий сухой воздух. Нагревание проходило постепенно — посетитель сначала проходил в тепидарий (от лат.

tepidus — “теплый”) — помещение с умеренной температурой, а потом уже в калдарий (от лат. *calidus* — “горячий”) — жаркое помещение; после следовало мытье с обильным намыливанием, в котором посетителю помогал банщик, затем — массаж и наконец, можно было расслабиться в прохладном помещении — фригидарии (от лат. *frigidus* — “холодный”) и поплавать в бассейне.

Писатель (увидев знакомого в турецкой бане).
Я смотрю, вы читаете один из моих триллеров?
Знакомый. Да, и если хотите знать, от этой чертовой книжки я весь в холодном поту! “Панч”, 1928 г.

Можно заметить, что в рассказе “Чайный лист” герой, регулярно посещающий бани, — член клубов “Атенеум”, “Девоншир” и “Сэвил” (все три — реально существовавшие и очень респектабельные).

Если клубы джентльменов стремились законсервировать прошлое, то новые ночные клубы, которые стали один за другим открываться после Первой мировой войны, были воплощением современности — здесь царил дух бурных двадцатых. Там танцевали модные американские танцы, играли в азартные игры и вообще развлекались напропалую. Кроме того, в ночных клубах продавали крепкие напитки даже в поздние часы, хотя это было запрещено законом (поэтому в начале рассказа “Человек, который любил игрушки” со столов пропадает алкоголь). Некоторые бани тоже стали ареной развлечения золотой молодежи.

ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ

Золотая, или блестящая, молодежь (*bright young people, bright young things*) — это молодые люди, принадлежавшие к аристократии или верхушке среднего класса и превратившие развлечения в своего рода искусство — их эпатажные проделки были у всех на устах и становились главными светскими новостями. Некоторое представление об их увеселениях можно составить по роману Ивлиина Во “Мерзкая плоть”.

Среди блестящей молодежи — как и среди авторов детектива — было много университетских выпускников. Весьма заметную роль в этом своеобразном движении играла группа денди и эстетов из Оксфорда (позже их прозвали “оксфордскими остроумцами”, *Oxford wits*) — в группу входили писатели и

поэты Ивлин Во, Брайан Ховард, Джон Бетжемен и другие.

Эскапады блестящих молодых людей шокировали публику, но по сути были довольно безобидными. Например, однажды они устроили своеобразный “флэш-моб”, сыграв в игру “делай как я” в большом универмаге: Брайан Ховард прыгал по прилавкам и принимал дикий позы, а остальные должны были все в точности повторять за ним (продавцы отнеслись к происходящему с юмором). Устраивались тематические вечеринки — на “белый вечер” все должны были прибыть в белом, на “вечере самозванцев” все должны были изображать каких-нибудь знакомых. В легенду вошла “плавательная вечеринка”, проходившая в банях с бассейном, — играл негритянский джаз, гости в купальных костюмах пили коктейли и

Золотая молодежь идет домой “с первым молоком”. “Панч”, 1928 г.

веселились в воде. Блюстителей морали больше всего возмутило соседство черных мужчин и белых девушек в купальниках.

Всем надолго запомнился эпизод, когда группа “блестящих молодых людей” буквально подожгла Темзу. Английская идиома “он Темзу не подожжет” примерно соответствует русскому “он пороха не выдумает”, то есть о человеке таким образом отзываются как о посредственности. Блестящие молодые люди решили раз и навсегда пресечь подобные подозрения в свой адрес. В июне 1927 г. Гэвин Хендерсон (будущий лорд Фаррингтон) устроил мальчишник накануне свадьбы. Тридцать гостей собрались в “Филис Корт Клуб” в Хенли (этот клуб существует и сейчас) и при помощи восьми двухгаллонных канистр бензина подожгли прибрежные

воды Темзы. После этого журнал “Панч” опубликовал серию карикатур, представляя себе, как блестящая молодежь могла бы буквально осмыслить и другие поговорки — такие, как “приходить домой с первым молоком” или “не знаешь время — спроси полисмена”.

В классическом английском детективе золотая молодежь упоминается неоднократно, большей частью иронически. Иногда детективный сюжет строится вокруг кокаина, который был довольно популярен в этом кругу (у Г. К. Бейли есть несколько таких рассказов). Как вы помните, в рассказе Честертона доктор говорит, что ему “не доставляет удовольствия весь этот джаз и гедонизм нынешней золотой молодежи”. На что отец Браун отвечает: “Он и золотой молодежи не доставляет удовольствия, вот где трагедия-то”.

Золотая молодежь спрашивает время у полисмена. “Панч”, 1928 г.

В. СОНЬКИН, Н. ГАЙДАШ

МИР ИЛЛЮЗИЙ

Действие рассказа Сирила Хэйра “Загадочная смерть Эми Робсарт” происходит в мире кино. Все особенности этого мира, которые мы привыкли отождествлять с Голливудом, здесь уже есть: и прижимистый продюсер, и избалованные актеры, и беспокойство о сборах, и желание “побить Голливуд на его собственном поле”. В межвоенную эпоху кино заняло особое место в жизни страны.

Искусство кино ведет начало от работ братьев Люмьеров, в частности — от “Прибытия поезда на вокзал Ла-Сьота” и еще десяти короткометражных фильмов, впервые показанных публике на рубеже 1895–1896 гг. Однако самый первый фильм в истории, судя по всему, был снят в Лидсе в 1888 г., а первый фильм на целлулоидной пленке — в Гайд-парке год спустя. До Первой мировой войны синемаграф оставался забавным курьезом, не более чем “движущимися картинками”, но уже в 1915 г. “Бродяга” Чарли Чаплина завоевал сердца зрителей всего мира. В континентальном прокате характерный герой с котелком и тростью, который по-английски так и стал называться Бродягой — *The Tramp*, был известен как “Шарло”: “А он сейчас разинет рот / Пред идиотствами Шарло”, — неодобрительно писал в 1925 г. Владислав Ходасевич. Постепенно новое развлечение завоевывало все большую популярность, успешно соперничая с пабами, мюзик-холлами и спортивными состязаниями. Ранние фильмы страдали от множества технических проблем:

Чарли Чаплин.
“Панч”, 1928 г.

SUSPENSE.
MR. CHARLES CHAPLIN IN “THE CIRCUS”
(NEW GALLERY CINEMA).

целлулоидная пленка быстро изнашивалась, и после нескольких показов любой фильм казался снятым под проливным дождем, а между сменой катушек с частями фильма порой проходило несколько минут. Разумеется, эти фильмы были немymi, что тоже порождало сложности. Для пояснения были нужны вставные титры, которые зрители читали с разной скоростью: образованные успевали заскучать, а полуграмотные не успевали дочитать до конца. Музыкальное сопровождение обеспечивали пианисты-таперы, часто — преподавательницы музыки из местных школ. Если к ним присоединялся скрипач, билет стоил дороже.

Центр мирового кинопроизводства уже тогда находился в Голливуде, и дру-

Экранная любовь. "Панч", 1928 г.

гие национальные кинематографы с трудом могли соперничать с этим гигантом; англичанин Чаплин стал всемирной знаменитостью только после того, как уехал в Америку. Немые картины обеспечивали подлинный интернационализм кинобизнеса; когда во второй половине 1920-х стали поговаривать о звуковых фильмах (опыты со звуком начали проводить еще в 1910-х), в Британии считалось, что американский акцент отвратит зрителей от киноэкранов. Студии-однодневки возникали в немалом количестве; для одной из них — "Минерва Филмз" — писал сценарии

уже довольно популярный А. А. Милн. Некоторые из этих фильмов сохранились в архивах Британского института кино.

Как любое новшество, кинематограф у многих вызывал недовольство. Его обвиняли в безнравственности, в пропаганде секса и насилия, в восхвалении распутного образа жизни и американских ценностей, чуждых простому британскому труженику. Из-за него, утверждали критики, слуги начинают себя вести как кинозвезды, а туземцы в колониях, насмотревшись американских мелодрам, теряют уважение к белому человеку. Профашистский политик А. К. Честертон (кузен писателя) считал голливудское кино инструментом всемирного еврейского заговора.

И конечно, особой прозорливости не требовалось, чтобы понять, что в кино ходят не только ради фильмов: кинозал обеспечивал темноту, укромность и иллюзию анонимности. Поскольку львиную долю зрителей составляли женщины, блюстители морали били тревогу.

Не все было гладко и с финансовой точки зрения: начиная с 1910-х гг. стремительное развитие юной киноиндустрии и постоянное появление новых стандартов производства требовало от кинопроизводителей "бежать со всех ног, чтобы оставаться на том же месте". Новенькое, с иголки, оборудование, купленное какой-нибудь новой амбициозной студией, максимум через пять лет морально устаревало настолько, что годилось разве в музей кинематографа,

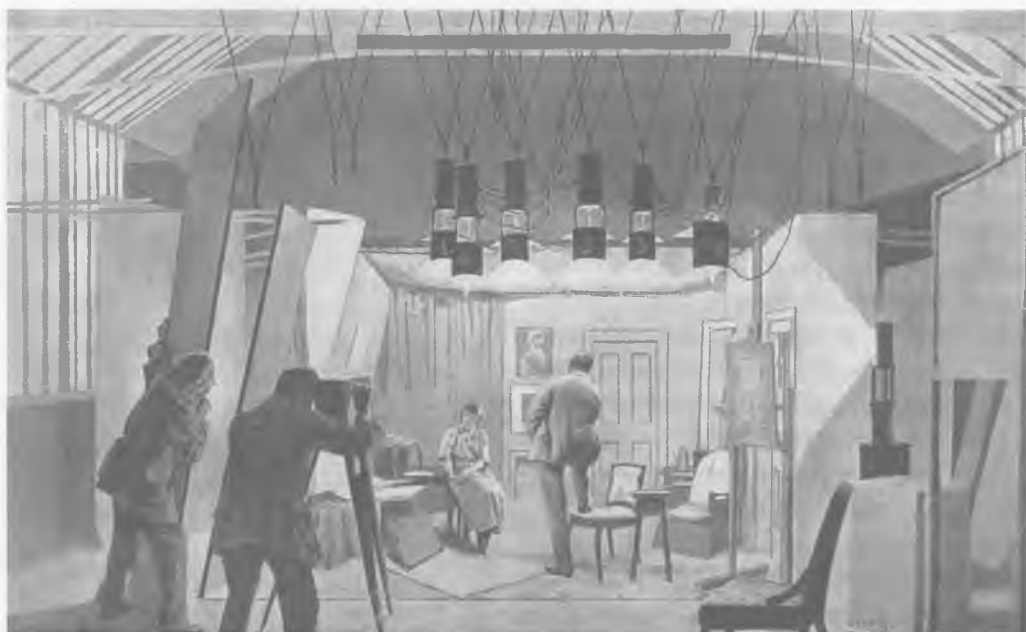
а регулярные обновления технической базы могли себе позволить лишь голливудские студии-конвейеры с огромным денежным оборотом. В отличие от Голливуда, не затронутого тяготами Первой мировой войны, киностудии Великобритании зарождались и выживали в куда более тяжелых условиях. Неудивительно, что с 1914 г. (когда еще была актуальна военная хроника) по 1926-й доля отечественного кино на британском кинорынке упала с 25 до 5 процентов.

Чтобы хотя бы частично смягчить пагубное влияние американского кинематографа и не желая окончательно сдавать иностранцам потенциально прибыльный британский кинорынок, в 1927 г. парламент принял “Акт о кинематографических фильмах”, устанавливающий квоту для отечественной кинопродукции в прокате на десять лет. Статистически акт оказался безусловно успешным, хотя историки считают, что большой пользы от него не было. Некоторые студии стали имитировать голливудские блокбастеры (такого слова тогда не было, но явление было — например, фильм “Бен-Гур” 1925 г. с уникальной сценой колесничных скачек был типичным блокбастером). Конечно, британские имитации не окупались. С другой стороны, закон породил огромное количество низкобюджетных “однодневок для квоты” (*quota quickies*). Скорее всего, “Эми Робсарт”, которую снимают герои Хэйра, — одна из подобных однодневок. Они делались “на коленке” и никакими художественными достоинствами не отличались. Тем не менее они помогли британской киноиндустрии удержаться на плаву в худшие для нее времена. С них начали свою

карьеру многие блестящие кинематографисты, например Альфред Хичкок. В 1929 г. он снял “Шантаж”, который считается первым британским звуковым фильмом. До отъезда в Голливуд Хичкок снял такие важные для его карьеры триллеры, как “39 ступеней” и “Леди исчезает”.

Изобретение звукового кино во многом усложнило жизнь и актерам — не только иностранным, которые внезапно поголовно остались без работы, но и многим британским актерам с сильными региональными акцентами.

Тем не менее, несмотря на все сложности, в 1930-е гг. британская киноиндустрия испытала настоящий бум. Появились звуковые картины и, несмотря на проблемы с синхронизацией звука и изображения и на непривычный американский выговор голливудских звезд, приобрели огромную популярность. Были сняты первые цветные фильмы. Шотландец Джон Гирсон стал снимать неигровые картины и, по легенде, изобрел выражение “документальный фильм” (*documentary*). Британское кино многим обязано венгерскому иммигранту Александру Корде, который разочаровался в Голливуде и, узнав об “Акте о кинематографических фильмах”, разумно предположил, что если снимать не однодневки, а качественное кино, это может поднять всю британскую киноиндустрию. Его компания “Лондон Филмз” продюсировала множество выдающихся картин, включая “Пламя над Англией” (из елизаветинских времен, с Лоуренсом Оливье и Вивьен Ли), “Московские ночи” (любовная драма времен Первой мировой войны, тоже с Оливье), “Алый первоцвет” (экранизация авантюрно-

Вызов американской монополии:
съемки в британской киностудии.
"Иллюстриейтед Лондон ньюс", 1920 г.

А. БОРИСЕНКО, В. СОНЬКИН

ИНОСТРАНЦЫ

исторического романа Баронессы Орци) и "Багдадский вор" (по мотивам арабских сказок; во время Второй мировой войны Корда подарил права на прокат "Багдадского вора", "Леди Гамильтон" и "Книги джунглей" советским союзникам, и они имели бешеный успех в СССР).

В 1937 г. британское кинопроизводство поразил кризис, и в новых обстоятельствах государство стало поощрять качество, а не количество фильмов, а также обратилось к американским инвестициям в местную киноиндустрию, что привело к ряду успешных совместных проектов. О размахе индустрии и всеобщего увлечения кинематографом говорит тот факт, что в течение 1939 г. в Великобритании был продан почти миллиард билетов в кино.

Английская ксенофобия хорошо известна — над ней подшучивают все кому не лень, включая самих англичан. В викторианском детективе преступниками часто оказывались зловещие иностранцы или хотя бы полукровки (мать-испанка считалась достаточным объяснением необузданного темперамента). В начале XX века эта тенденция пошла на убыль — главным образом потому, что стало модно делать преступником наименее подозрительного персонажа, а иностранца, конечно, каждый заподозрит в первую очередь.

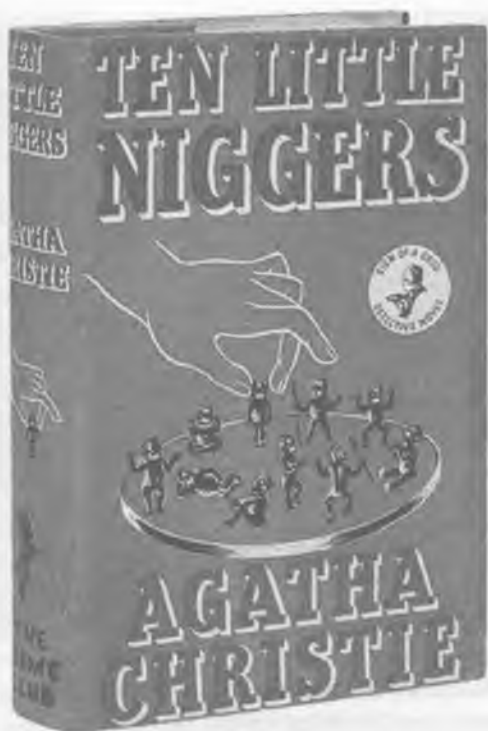
Триллер, правда, продолжал штамповать коварных злодеев-китайцев, вызывая законное презрение членов Детективного клуба. Сделав Пуаро бельгийским беженцем, Агата Кристи тем самым подарила ему своего рода

маскировочную личину: никто не ожидает от него особой проницательности, ведь он “француз” (“Бельгиец”, — терпеливо поправляет Пуаро).

Тем не менее политкорректность авторов Золотого века была далека от современных стандартов. В рассказе “Методом пристального взгляда” один из героев походя называет индусов “черными”, нередко в детективах того времени действуют комические персонажи-евреи и не слишком сообразительные туземцы. В 1939 г. в Англии вышел роман Агаты Кристи под названием “Десять негритят” (*Ten Little Niggers*), в котором действие развивалось по сценарию старинной считалки — “Десять негритят решили пообедать, Один вдруг поперхнулся, их осталось девять”*, и так далее. Однако при издании в Америке название пришлось поменять, так как его сочли рискованным. Книга стала называться “И никого не стало” (*And Then There Was None*; в считалке негритят заменили на солдатиков). Потом название поменяли еще раз — на “Десять маленьких индейцев” (*Ten Little Indians*), хотя чем последовательная гибель маленьких индейцев лучше, чем гибель негритят, не вполне ясно. Интересно, что в России книга продолжала издаваться под первым названием, в том числе по-английски (в издательстве “Прогресс”).

При переводе рассказа “Изумруд раджи” мы с изумлением обнаружили, что в современных английских изданиях словосочетание “состоятельные евреи” заменено на “состоятельные купцы”.

В межвоенные годы в Англию хлынул поток иммигрантов — в том числе это

Первое издание “Десяти негритят”, 1939 г.

были люди, которые искали спасения от коммунизма и фашизма. Существовали также большие китайские и индийские сообщества. Лондон уже тогда был многонациональным городом со всеми вытекающими из этого преимуществами и проблемами.

АМЕРИКАНЦЫ

Главной мишенью сатиры в английском детективе Золотого века стали американцы. После Первой мировой войны отношения между Британией и Америкой, и так непростые, еще усложнились. Англичан невероятно раздражала риторика американской прессы: в американских газетах того времени было принято сравнивать Британию с ране-

* Цитируется в переводе С. Маршака.

ным львом, который зализывает раны, но никогда уже не станет прежним. Кроме того, британцы с горечью воспринимали огромные военные долги — получалось, что Британия должна отдать Америке чуть ли не все содержимое своей казны. Многие знатные семьи обеднели; американцы же принялись скупать антиквариат, произведения искусства и старинные усадьбы, причем иногда купленные дома разбирали на камни и перевозили в Америку, чтобы там воздвигнуть их заново.

Сразу после войны в Америке возникла мода на путешествия в Европу; толпы американских туристов вызывали насмешки европейцев, и британцы с удовольствием присоединились к этому хору. Один итальянский историк писал в газете “Иллюстрейтед Лондон ньюс” в 1925 г., что американцы не столько наслаждаются путешествием, сколько выполняют тяжелую работу: времени мало, Европа большая, надо посмотреть все любой ценой. “Европейцы и представить себе не могут, — пишет синьор

Гульельмо Ферреро, — сколько достопримечательностей может посетить за две недели торопливый американец”.

Расхожий образ американца в те годы — богатый малообразованный субъект, стремящийся купить как можно больше дорогих и старинных вещей, но ничего в них не понимающий. “Поначалу Клерихью немного сомневался в искренности американца, поскольку утонченный вкус редко присущ его соотечественникам”, — читаем мы в рассказе “Вино кометы”. В рассказе “Настоящий табар” американца легко обводят вокруг пальца мошенники, а в рассказе “Бдительный ювелир”, наоборот, американец пытается обворовать ювелирную лавку (безуспешно), и ювелир с презрением замечает: “...у нас очень редко случаются покупатели вроде такого вот американца. Они предпочитают вещицы поблескучее и посовременнее, чем наши драгоценности. У людей его склада нет ни вкуса, ни хоть малейшего представления, чего они, собственно, хотят”. До-

стается и внешности заокеанских гостей: их кричащей одежде, привычке жевать жвачку, их манерам и произношению, их очкам и гладко выбритым лицам. “Один из вечно жующих резинку американцев”, “не галстук, а катастрофа”, “рослый, лицо гладкое и розовощекое” (“Бди-

Прибытие в Лондон
экспедиционных войск
США. “Панч”, 1922 г.

тельный ювелир"). Или: "Мэнтон был крупным мужчиной с громким голосом и раскатистым смехом, гладко выбритый на американский манер" ("Вино кометы"). И даже у злодея-индуса в рассказе "Методом пристального взгляда" американский акцент.

Интересно, что в то же самое время — в начале 1920-х гг. — в Британии возникает бешеная мода на все американское, прежде всего — кинематограф, музыку, танцы и одежду. Особенно большое влияние американская культура оказала на стиль женских платьев. Новомодные американские танцы не слишком хорошо сочетались с корсетом — "мужчины не станут с тобой танцевать, если ты вся перетянута". Женская одежда и так стала гораздо более удобной и свободной во время войны, и эта тенденция продолжала развиваться. Молодые американки, хлынувшие в Англию, носили яркие платья и яркую косметику, были раскованнее и свободнее своих английских ровесниц — и оказали на них некоторое влияние, что с негодованием отмечали консервативно настроенные издания. Впрочем,

даже мода на все американское не заставила англичан воспринять американский сленг и жевательную резинку.

Как известно, американский экономический бум закончился в 1929 г. биржевым крахом и Великой депрессией, которая вскоре накрыла и Европу. В новых бедах все тоже винили американцев. Получалось, что Новый Свет равно раздражает британцев и в бедности и в богатстве.

РУССКИЕ

Отношение к русским в межвоенную эпоху было противоречивым. В 1920-е гг. Лондон рукоплескал Анне Павловой, которая танцевала на сцене "Ковент-Гардена", в моде был русский стиль (императорский, а не советский, уточняет на всякий случай Роберт Грейвз), устраивались вечеринки *à la russe*. Русская революция, как всякая стихия, внушала одновременно ужас и восторг — понадобилось время, чтобы ужас одержал окончательную победу.

Характерная смесь интереса и отвращения хорошо видна в путевых заметках скульптора и писательницы Клер Шеридан, двоюродной сестры Уинстона Черчилля. В 1920-е гг. она решительно разошлась с кузеном в политических взглядах: Клер

Американская "крошка" завершает образование в Европе

находила русскую революцию чрезвычайно увлекательной и отправилась в Россию создавать бюсты революционных вождей (среди ее моделей были Ленин, Троцкий, Дзержинский, Зиновьев и Каменев). Английские спецслужбы даже считали ее русской шпионкой. По возвращении Клер Шеридан много писала о России. Ее впечатления о визите в Большой театр появились, в частности, в газете "Иллюстрейтед Лондон ньюс". Клер с энтузиазмом рассказывала, как толпа рабочих заполнила императорскую ложу, но не могла не от-

ном (они были поразительно похожи внешне), последовал совету своего секретаря лорда Стамфордхема и отказал семье Николая в убежище (после отречения Николай рассчитывал найти приют в Англии). Причем король лично настоял на том, чтобы его министры отозвали приглашение, которое уже было сделано, — настолько он боялся, что приезд русского монарха спровоцирует народные волнения (в частности, в Лондоне жило много евреев, которые нашли здесь спасение от погромов, происходивших при попустительстве

От власти монарха к власти народа: большевики в императорской ложе московского театра. "Иллюстрейтед Лондон ньюс", 1920 г. Рис. А. Форестье, по рассказам Клер Шеридан

метить, что мужчины не снимают шапок, женщины грызут яблоки, а запах немых тел мешает воспринимать музыку.

Правление царя Николая II считалось в Англии тираническим и вызывало всеобщее возмущение. Георг V, который приходился Николаю II кузе-

русского царя). Тем не менее английские войска, посланные на помощь Колчаку и Деникину, были отозваны только в 1920 г.

В 1924 г. англо-советские отношения оказались в центре крупного скандала, решившего судьбу тогдашнего британ-

ского правительства. Первый в истории лейбористский кабинет министров под руководством Рамсея Макдональда подвергался нападкам со стороны консерваторов и либералов. Когда власти не стали преследовать одного журналиста коммунистического толка по старинному Закону о подстрекательстве к мятежу, палата общин вынесла правительству вотум недоверия. Макдональд был вынужден обратиться к королю с просьбой о роспуске парламента и назначении новых выборов. Как раз в этот момент консервативная пресса опубликовала секретное письмо за подписью тогдашнего председателя Исполкома Коминтерна Григория Зиновьева. Письмо призывало к укреплению связей между СССР и Великобританией с целью развертывания ленинистской пропаганды и последующей организации пролетарской революции в Англии. В свете коммунистической угрозы у лейбористов, которые снисходительно отнеслись к потенциальным мятежникам, не осталось шансов, и на выборах они потерпели сокрушительное поражение. Недавние исследования показали, что «письмо Зиновьева» почти наверняка было фальшивкой, сфабрикованной представителями белого движения в Германии или Латвии именно с той целью, которая и была в результате достигнута — не допустить укрепления лейбористов, симпатизирующих Советам.

В годы, предшествующие Второй мировой войне, англо-советские отношения были напряженными: СССР выступал против Мюнхенского соглашения, Великобритания не была в восторге от советско-германского раздела Восточной Европы по договоренностям Молотова-Риббентропа. Со вступлени-

ем СССР в войну страны стали союзниками: британские корабли везли оружие и продовольствие в Мурманск и Архангельск, а в августе-сентябре 1941 г. британские и советские войска провели совместную военную операцию в Иране и заблокировали Германию и ее союзникам доступ к нефтяным месторождениям Персидского залива.

Основными русскими персонажами в детективах бывают либо зловещие анархисты/чекисты, либо романтические и темпераментные русские княгини — княгиня может оказаться шпионкой или авантюристкой, но как русской ей это простительно. Именно этот набор штампов мы видим в рассказе «Вино кометы» — мистер Клерихью снисходительно относится к преступлению русской красавицы, которая отравила злодея-большевика Азефа. Пуаро у Агаты Кристи тоже питает слабость к русской княгине с преступным прошлым.

Николай II и Георг V

А. БОРИСЕНКО

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

В этой книге всего один рассказ про семью (если не считать нескольких супружеских убийств), но зато он — именно о семейном счастье, а вовсе не о краже нескольких персиков накануне цветочной выставки. Дороти Сэйерс написала несколько романов о том, как развивались отношения Питера Уимзи и его будущей жены, Гарриет Вэйн, — в последнем из них они проводят медовый месяц в деревенском доме Толбойз (разумеется, одновременно расследуя убийство). Рассказ “Толбойз” — осколок семейной саги; зарисовка, изображающая в нескольких штрихах несбывшуюся мечту автора.

Представления о браке и воспитании детей претерпевали в межвоенный период довольно существенные изменения — некоторые отголоски горячих общественных дискуссий слышны и в этом рассказе. И пожалуй, разговор этот стоит начать с той семьи, которая находилась у всех на виду.

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Культ семьи связан в Англии с именами королевы Виктории и принца Альберта — счастливой, добродетельной и многодетной четы (правда, королева Виктория ненавидела все, связанное с беременностью, родами и младенцами, но тем не менее у пары было девять детей). В 1901 г. на престол вошел старший сын Виктории и Альберта, Эдуард VII, который не разделял строгие нравы родителей, — его интрижки

и бурные развлечения были известны всей стране.

Георг V, на чье царствование пришелся почти весь межвоенный период (он правил с 1910 по 1936 г.), вернул королевской семье ореол стабильности и благопристойности. Это был человек крайне консервативный. Он ненавидел любые перемены и новшества (например, аэропланы, джаз и коктейли), увлекался охотой, собирал марки. По словам одного из его биографов, король “любил книгу с сюжетом, мелодию, которую мог напеть, и картину, которая рассказывает историю”. И он и королева были достаточно неприспособлены к быту, серьезно относились к своим обязанностям, проявляли осторожность и сдержанность в политике. При этом Георг V, как и королева Виктория, был подвержен внезапным и бурным припадкам бешенства, третировал близких мелочными придирками, не терпел даже минутного опоздания к

Георг V и королева Мария.
Серебряный юбилей: 25 лет на троне

обеду, держал детей в крайней строгости. Однако все эти черты его характера касались в основном близкого окружения — подданные относились к королевской семье с уважением, особенно после Первой мировой войны, во время которой король, королева и их дети активно занимались благотворительностью, лично ездили по госпиталям и т. д.

В 1922 г. произошло значительное событие: британский принц впервые женился на женщине, в чьих жилах не текла королевская кровь. Это было политическое решение: королевские дома по всей Европе рушились, и союз с любым из них мог принести непредсказуемые политические последствия. Невеста — дочь шотландского пэра леди Елизавета Боуз-Лайон — приняла предложение только с третьего раза, после чего немедленно дала интервью газете “Дейли стар”, в котором называла жениха домашним именем Берти. Георг V, ненавидевший журналистов, был в ужасе. Молодая пара, у которой родились две прелестные дочери (старшая — нынешняя королева Елизавета II), постоянно находилась в центре внимания. Все с нетерпением ждали, когда женится принц Уэльский — будущий Эдуард VIII (его в семье называли Дэвид).

Принц Уэльский пользовался огромным успехом у подданных — он был хорош собой, обаятелен, много ездил по стране, был достаточно красноречив (в отличие от младшего брата, страдавшего заиканием). В 1936 г. Георг V умер, отпраздновав годом ранее серебряный юбилей (четверть века на троне). На престол взошел Эдуард VIII. И тут выяснилось, что он намерен жениться на женщине, с которой был связан уже несколько лет, — на миссис Уоллис Симп-

Эдуард VIII

сон. Это была самая неподходящая кандидатура на роль королевы, какую только можно было себе вообразить: американка незнатного происхождения, находящаяся в процессе второго развода. К тому же у нее были весьма сомнительные знакомства в высших кругах нацистской иерархии. Премьер-министр Стэнли Болдуин и парламент категорически воспротивились планам новоиспеченного короля. (В народе появилась шутка “Боже, спаси короля от мистера Болдуина!”) После долгих дебатов и утомительного торга Эдуард VIII решил отречься от престола. Он обратился по радио к подданным (вероятно, это одно из самых знаменитых радиообращений в истории страны). “Наконец-то я могу сказать несколько

Миссис Уоллис Симпсон

слов от себя лично, — сказал он. — ...Вы должны поверить мне, когда я говорю, что не смог бы нести тяжкую ношу ответственности и выполнять обязанности короля так, как хотел бы, без женщины, которую я люблю”.

Многие осуждали короля за то, что он пренебрег долгом, но большинство

подданных горячо ему сопереживали. Под Букингемским дворцом собирались толпы, скандировавшие: “Мы хотим Эдуарда!” Испуганный парламент выслал отрекшегося короля из Англии, и эта ссылка продлилась всю его жизнь.

На престол взошел герцог Йоркский — он стал королем Георгом VI. Поначалу отношение к нему было сложным — слишком яркой фигурой был его предшественник. Но постепенно, в большой мере благодаря своей супруге Елизавете, Георг VI обрел популярность. Окончательно королевская семья утвердилась в годы Второй мировой войны — когда все стремились вывезти детей из Лондона, королева заявила: “Дети не могут ехать без меня, я не могу оставить мужа, а король, конечно, никуда не поедет”. Они остались в Лондоне под бомбежками, бесстрашно ходили по улицам, подбадривая людей, и проявили полную готовность разделить со своими подданными любую участь. Англичане этого не забыли.

Королева Елизавета и Георг VI

НА ПУТИ К РАВНОПРАВИЮ

Даже по реакции публики на любовную историю принца Уэльского видно, как сильно изменилась общественная мораль. Во время войны заключалось много поспешных браков, без лишних формальностей, иногда без благословения родителей — порой жених уходил на фронт прямо от алтаря (или из брачной конторы). Война во многом раскрепостила женщин: они выполняли мужскую работу, носили брюки и укорачивали юбки (во время войны экономия материала считалась проявлением патриотизма). Женщины почувствовали вкус свободы, и по окончании войны

Послевоенная проблема: носить их и дальше или выйти замуж?

оказалось, что их не так легко загнать в прежние рамки.

Нельзя сказать, что консервативно настроенное общество не пыталось это сделать. Женские журналы, не жалея сил, прославляли “лучшую работу в мире” — работу жены и матери. Женщинам все настойчивее внушалось, что они должны как можно дольше сохранять красоту и стройность и во всем потакать мужу; а уж если незамужняя девушка ищет работу, то нужно выбирать такую, где скорее всего найдешь своего суженого. Самыми перспективными с этой точки зрения считались профессии медсестры и секретарши.

И все-таки политикам пришлось покориться требованиям времени: в 1918 г. получили право голоса женщины старше 30 лет, в 1928-м вышел закон о всеобщем избирательном праве, и женщины стали голосовать с 21 года, наравне с мужчинами. В 1919 г. появилась первая женщина — член парламента, леди Нэнси Астор; к 1929 г. их было уже 19.

После войны существенно увеличилось количество разводов — в 1920 г. их было в пять раз больше, чем в 1914-м. В 1921 г. в судах по разводу появились первые женщины-присяжные. В 1923 г. вышел закон, по которому женщина могла развестись с мужем на основании его измены (прежде нужно было доказать жестокое обращение).

Конечно, развод все еще осуждался, но уже не делал из женщины парию. Гораздо спокойнее относились и к добрачному сексу. В рассказе “Чайный лист” героиня совершенно спокойно признается в зале суда, что состояла в близких отношениях с женихом, более того, она заявляет, что “в этом нет ничего постыдного”. У Гарриет Вэйн, жены

*Любопытствующие женщины
на бракоразводном процессе.
"Иллюстрейтед Лондон ньюс", 1923 г.*

Питера Уимзи, в ранней молодости тоже был любовник — и ее даже обвиняли в его убийстве (безосновательно).

Такое раскрепощение нравов было во многом связано с распространением контрацепции. Впервые контроль рождаемости стал предметом широкого обсуждения — до этого тема считалась глубоко неприличной и большинство населения было абсолютно невежественно в этих вопросах. Главным пропагандистом сексуального просвещения стала доктор Мэри Стоупс — правда, докторскую степень она получила не в медицине, а в палеоботанике. Мэри Стоупс написала несколько книг о сексе и контрацепции, наиболее известная из них — "Супружеская любовь" (1918). В 1921 г. она открыла в Англии первый центр планирования семьи, который существует до сих пор. Религиозные круги (особенно католические) отчаянно протестовали против деятельности Мэри Стоупс,

Мэри Стоупс

респектабельные аптеки по-прежнему отказывались продавать контрацептивы, многие врачи не хотели (или не могли) давать женщинам советы о том, как избежать беременности. Но остановить процесс было уже невозможно.

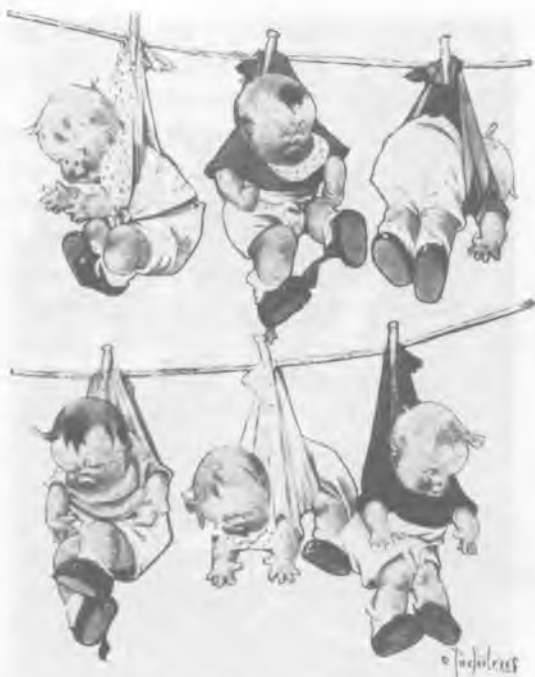
Все больше женщин получали высшее образование и достигали успехов в разных профессиональных сферах. Вопрос о том, как сочетать карьеру с семьей, был для тех времен новым и довольно мучительным. Гарриет Уимзи, как мы видим, успешно решает его, одновременно дописывая книгу и приглядывая за детьми, но далеко не всем это удавалось с такой легкостью.

В 1930-е образец супружеского счастья для большинства воплощала молодая семья герцога Йоркского; во многих журналах появлялись их идиллические портреты с двумя прелестными дочками. Это было в новинку публике, как и то, что столь высокородные родители проводили столько времени со своими детьми. Детей было всего двое, что тоже отражало дух времени.

ДЕТИ

В 1920-е годы британское общество стало пересматривать отношение к детям — никогда еще им не уделяли столько внимания в национальном масштабе. Поколение, пережившее войну, считало, что именно с помощью правильного воспитания детей можно создать новый, более счастливый мир.

Поскольку в обиход вошла контрацепция, в семье рождалось гораздо меньше детей, а благодаря успехам медицины родившиеся дети чаще выживали. Женские журналы печатали

От греха подальше

бесконечные советы по уходу за младенцами, появился отдельный стиль детской одежды (детей перестали одевать как маленьких взрослых), выходили учебники по воспитанию.

Именно в эти годы в Англии вошел в моду фрейдизм и появилось множество психологов, психоаналитиков, врачей и педагогов, которые давали родителям разнообразные и подчас противоречивые советы. Большим авторитетом пользовался доктор Труби Кинг, который не устал писать о том, как важно не баловать детей, ни в коем случае не портить их лаской, неукоснительно соблюдать режим и рано приучать к горшку; он также считал, что женское образование опасно для нации, так как мешает женщинам выполнять свое жизненное предназначение (авторитет Кинга существенно упал в 1930-е). С другой стороны, было немало спе-

циалистов, которые предупреждали о хрупкости детской психики и о том, к каким травмам может привести раннее подавление либидо.

В викторианский период отношение к воспитанию было проще и опиралось на нехитрую максиму: "Детей должно быть видно, но не слышно" (британская суровость к детям всегда поражала европейцев с континента). Воспитание обычно было довольно строгим, родители виделись с детьми мало, оставляя их на попечение нянек (в бедных семьях старшие дети заботились о младших). Мальчиков в обеспеченных семьях отправляли в школы-интернаты, девочки получали домашнее образование с гувернантками.

Старая школа. "Панч", 1913 г.

Новая школа. "Панч", 1935 г.

Отец. Я так и знал! Говорил тебе: не надо покупать ему неломаящихся кукол, нервующую книжку и нелопачущий шарик! "Панч", 1928 г.

Разлучение детей и родителей не рассматривалось как трагедия: если отец семейства работал в Индии, то сына вполне могли отослать в одну из школ в Англии, после чего он не виделся с родителями несколько лет. Некоторые благотворительные организации, такие как Армия спасения, организовывали отправку детей бедняков в отдаленные части Британской империи — например, в Канаду. Считалось, что это спасет их от нищеты и морального разложения, хотя в лучшем случае они становились дешевой рабочей силой на фермах.

Эти взгляды и практики во многом оставались актуальными и в XX веке — во время Второй мировой войны сначала стали эвакуировать детей в Америку, но после того, как один из кораблей, на котором плыли дети, разбомбили, этот путь стал считаться опасным. Потом детей стали отправлять в сельскую местность, и они часто страдали от разлуки с близкими (многие родители вскоре забрали детей обратно).

Суровый спартанский режим английских школ тоже подвергся критике в межвоенный период. Началось движение за реформирование школьного образования, у которого было три основных пункта: совместное образование девочек и мальчиков, отсутствие наказаний и развитие естественных склонностей ребенка. Появились совершенно новые типы школ, где детям разрешали делать буквально все, что взбредет им в голову, — одну из таких школ основал известный математик и философ Бертран Рассел со своей женой Дорой. Они считали, что школа нужна не столько для того, чтобы давать знания, сколько для того, чтобы воспитать "свободную личность".

Тем не менее большинство школ работали по старинке: в ходу были телесные наказания, левшей заставляли писать правой рукой. Эта участь постигла несчастного герцога Йоркского (и, возможно, усугубила его заикание).

Нужно сказать, что новые тенденции находили отклик далеко не у всех. Фрейдистские теории вызывали скепсис у многих авторов детективов Золотого века. Можно заметить, что психологией, как правило, интересуются экзальтированные дамочки вроде мисс Веррекер-ле-Флемминг: “Психология — это безумно интересно, не правда ли, мистер Шерингем?” (“Карающий случай”) — и мисс Лайелл: “Человеческая натура — это так увлекательно! Правда, месье Пуаро?” (“Пуаро и родосский треугольник”).

“Изабель находится в таком состоянии, что все эти трюкачи-психоаналитики запрыгали бы от восторга”, — роняет доктор Медоуз в рассказе “Смерть в эфире”.

Но самую развернутую дискуссию мы видим все в том же рассказе “Толбойз”, где докучливая мисс Кверк пытается учить Питера и Гарриет воспитывать их собственных детей. Она осуждает Питера за то, что он применяет физические наказания, и приводит в пример своих маленьких племянников и племянниц, “которые не знают слова *нельзя*”. Кроме того, мисс Кверк сыплет новомодной терминологией, и лорд Питер с удовольствием ее передразнивает: “Но зачем мне извлекать его оттуда и развивать у него ужасный фрустрационный комплекс, связанный с котельной?”

Такое же скептическое отношение к новомодным теориям мы встречаем и у Агаты Кристи. “Я думаю, викторианские родители были более реалистичны, более внимательны к своим детям, лучше понимали, что может сделать их жизнь счастливой и успешной, — писала она. — В наши дни часто кажется, что родители хотят от детей успехов ради

своего собственного престижа. Викторинцы умели критически посмотреть на своих отпрысков и решить, на что те способны. А. явно будет красоткой, В. — умницей, С. нехороша собой и уж точно не интеллектуалка. Ее единственный шанс — благотворительность. И так далее. Иногда они ошибались, но в целом это работало. Это огромное облегчение — когда от тебя не ждут того, чего ты не можешь дать”. Примерно это и пытается толковать Гарриет своей назойливой гостью.

А. БОРИСЕНКО

ОКСФОРД И КЕМБРИДЖ

Почти все выдающиеся авторы детективов Золотого века учились в Оксфорде или в Кембридже, в результате чего возникла новая разновидность жанра — университетский детектив. Когда писатель Майкл Иннес вступал в Детективный клуб, Дороти Сэйерс спросила его грозным голосом: “Есть ли на свете что-то, что вы принимаете всерьез?” И тот не задумываясь ответил: “Ректор Бэйлиола”. Мисс Сэйерс такой ответ вполне удовлетворил, тем более что ее сыщик лорд Питер Уимзи тоже окончил этот оксфордский колледж.

Старейшие английские университеты возникли из монастырей и до сих пор сохранили многие монастырские черты в архитектуре и в стиле академической одежды. Все старые колледжи построены вокруг внутренних дворов с безупречными зелеными газонами, дворы

окружены прохладными гулками галереями, арки ведут в тихие сады (иные из них — профессорские, и туда заказан вход даже студентам). В каждом колледже непременно есть трапезная с витражными окнами и портретами ректоров, где длинные ряды деревянных студенческих столов стоят вдоль стен, а перпендикулярно им, на возвышении, стоит так называемый Высокий стол, за которым едят преподаватели. Еще в каждом колледже есть часовня и библиотека, студенческая и профессорская гостиные (общие комнаты, где собираются студенты и преподаватели соответственно), а также собственные правила, легенды и чудачества. И конечно, собственный герб.

Герб колледжа Олл-Соулз, который был изображен на экслибрисе каноника в рассказе "Настоящий табар"

Оксфорд был основан приблизительно в конце XI века, Кембридж — в начале XIII века. Соперничество между двумя университетами — неотъемлемая часть их жизни. Даже само название университета-соперника не принято произносить вслух — вместо этого говорят "Другое место" (*The Other Place*).

Веками в Оксфорде и Кембридже обучались будущие короли, министры, епископы — и просто талантливые юноши, порой из самых бедных семей.

Конечно, каждый бедняк был исключением в своем роде, и все-таки они были — к выдающимся способностям в Англии всегда относились с уважением.

Но в основном в университеты попадали из престижных частных школ-интернатов — Итона, Харроу, Рагби и т. д. Один из преподавателей колледжа Олл-Соулз отметил как-то, что в других странах юноши поступают в университет, чтобы учиться, а в Англии — чтобы развиваться. В том числе приобретать необходимые знакомства. Этому способствуют дискуссионные клубы, театральные общества, спортивные состязания.

Для простого человека Оксфорд был окутан ореолом учености и избранности — как для героя рассказа "Две бутылки приправы", который надеется перенять от своего соседа по квартире немного оксфордской премудрости:

Библиотека Мертон-колледжа.

Рис. У. Дж. Блэколла

“Вот я и подумал: ведь что такое оксфордские манеры в торговле? Да это же просто золотое дно. Если бы я мог усвоить хотя бы четвертую долю манер мистера Линли, то и продавать смог бы вдвое больше <...> Вовсе не обязательно цитировать “Божественную комедию” целиком, чтобы доказать, что ты читал Мильтона, — и полстрочки хватит”.

Университетская жизнь всегда считалась оплотом традиций, но и она стремительно менялась между двумя мировыми войнами, и оттого в этот период воспоминания писателей о студенческих годах полны особенной ностальгии — не только об ушедшей молодости, но и об ушедшем “старом мире”. Герой рассказа “Пропавший студент” с умилением любит неизменными очертаниями средневекового города: “Ах, вот они, “дремлющие шпили”: башня Модлин-колледжа справа — дальше, по

“Старый Том” — сторожевая башня колледжа Крайст-Черч. Рис. У. Дж. Блэколла

Принц Уэльский в Оксфорде, 1909 г. Рис. С. Бегга. Принц в короткой мантии коммонера, поскольку он платит за свое образование, а не получает стипендию

Юноши за книгами.

Рис. С. Бегга

левую сторону, ее скромный двойник, Мертон-колледж, затем колледж Святой Марии, и на переднем плане старый замок, из которого королева Матильда бежала через снега в 1141 г., — за ним “Старый Том”, чудесная надвратная башня колледжа Крайст-Черч, словно король в окружении очаровательных принцесс”.

Та же интонация слышна и в “Возвращении в Брайдсхед” Ивлиана Во:

Оксфорд — теперь похороненный в памяти и утраченный невозвратно, как земля Лион, ибо с такой бедственной быстротой нахлынули перемены, — Оксфорд был еще в те времена городом старой гравюры. По его широким тихим улицам люди ходили, беседуя, как при Джоне Ньюмене; осенние туманы, серые весны и редкая прелесть ясных летних дней — подобных этому дню, ког-

да каштаны в цвету и колокола звонко и чисто вызванивают над шпилями и куполами, — все мирно дышало там столетиями юности. Здесь, в этой монастырской тиши, особенно звонко раздавался наш веселый смех и далеко разносился над гудением жизни.*

ЖЕНЩИНЫ В ОКСФОРДЕ

Продолжается эта цитата так: “И вот сюда, в строгий монашеский Оксфорд, на гребную неделю хлынула толпа представительниц женского пола числом в несколько сот человек, они щебетали и семенили по булыжнику мостовых и по ступеням старинных лестниц, осматривали красоты архитектуры и требовали развлечений...” А ведь действие происходит в 1923 г. — к этому времени

* Цитируется в переводе И. Бернштейн.

Когда же Кембридж последует примеру Оксфорда? "Иллюстриред Лондон ньюс", 1920 г. Первые женщины, получившие оксфордскую степень. Рис. Уилтона Уильямса

женские колледжи существовали в "монашеском" Оксфорде более 40 лет.

Женщины в университете долго оставались невидимками — это было сознательное тактическое решение. Ни в коем случае не хотели они быть похожими на суфражисток с их демонстрациями и дикими выходками, — напротив, всячески подчеркивалась благопристойность студенток, их скромность и трудолюбие. Соппротивление истеблишмента было велико: приходилось постепенно, годами завоевывать право посещать лекции, право сдавать экзамены, право получать степени. Однако многие либерально настроенные преподаватели поддерживали женщин в их стремлении получить образование.

В Кембридже два первых женских колледжа — Гиртон и Ньюнем — появились в 1869 и в 1871 гг. Оксфордские колледжи Леди-Маргарет-Холл и Сомервиль были основаны в 1879 г. Однако Кембридж оказался более консервативным в вопросе о присуждении женщинам ученых степеней — Оксфорд сдался в 1920 г., Кембридж — только в 1948-м.

Женские колледжи сначала представляли собой что-то вроде пансионов, где девушки могли жить под присмотром наставниц и посещать лекции. Но постепенно эти колледжи становились полноценными учебными заведениями — особенно после того, как появились первые выпускницы, способные выполнять обязанности преподавателей. Женские колледжи были ограничены в средствах и отличались чрезвычайно строгими правилами. Контраст между жизнью студентов и студенток был разительным и не раз обыгрывался в разного рода юмористических скетчах. Юноши занимали просторные комнаты в старинных колледжах, их обслуживали скауты (университетские слуги, которые часто играли важную роль в жизни своих подопечных); они поздно вставали, устраивали бесконечные пирушки, проводили целые дни на реке или в клубах.

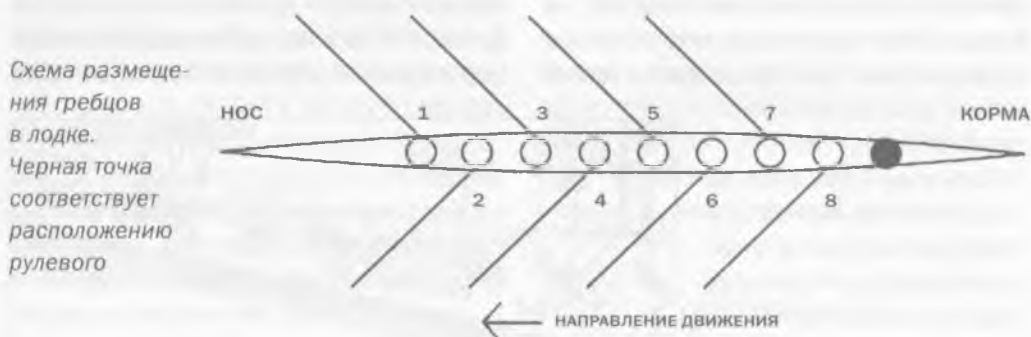
Девушки жили в спартанских условиях, питались крайне аскетично, на лекции ходили только с сопровождающими-компаньонками, много занимались и, как считалось, не имели особых шансов на замужество. Агата Кристи вспоминает, что когда ее матери пришлось в голову послать старшую дочь в Гиртон, отец категорически возражал: "Нельзя, чтобы наша Мэдж стала синим чулком!"

ли в крикет и другие спортивные игры, но главным спортом Оксфорда и Кембриджа, безусловно, оставалась гребля.

Сочетать тренировки с напряженной учебой было практически невозможно, но, как отмечает Э. К. Бентли, никто не видел в этом ничего дурного — таков был дух времени. Сам Бентли был выдающимся гребцом и капитаном гребного клуба.

Есть два основных вида университетских гребных гонок: внутренние, которые называются *bumps* — буквально “толкалки” (они проходят два раза в год, в феврале и в мае), и ежегодная рега-

Лодка, оказавшаяся первой, называется “глава реки” (*head of the river*) — это очень почетное звание. Последняя лодка — “хвост реки” (*tail of the river*). На стенах в Оксфорде и Кембридже можно видеть граффити, прославляющие победу над противником. Победители заказывают себе весло, которое можно вешать на стену — на нем часто бывают выгравированы названия тех колледжей, которые удалось оставить позади в ходе гонок. Кроме того, победившая команда получает право “носить свои цвета” — у каждого колледжа свое определен-

та, в которой соревнуются Оксфорд и Кембридж.

Поскольку и Кэм и Айсис (приток Темзы, протекающий в Оксфорде) — довольно узкие реки, то внутренние соревнования устроены как своеобразные салочки: лодки идут друг за другом, задача заключается в том, чтобы толкнуть впереди идущую лодку — тогда можно занять ее место (продвинуться вперед на одну позицию). Порядок, в котором лодки стартуют, определяется прошлогодними результатами. Точно так же результат каждого предыдущего дня определяет порядок построения на следующий (гонки длятся несколько дней).

ное сочетание цветов на спортивной одежде.

В рассказе “Настоящий табар” речь идет об оксфордских внутренних гонках:

Глаза каноника за стеклами очков загорелись.

— В тот год, когда мы получили право носить свои цвета, лодка Уодем-колледжа продвинулась вперед на пять позиций. Это была лучшая неделя в моей жизни.

Получение места в престижном колледже обрадовало каноника меньше: “...это счастье иного рода, и ощущаешь его не так остро, уж поверьте”.

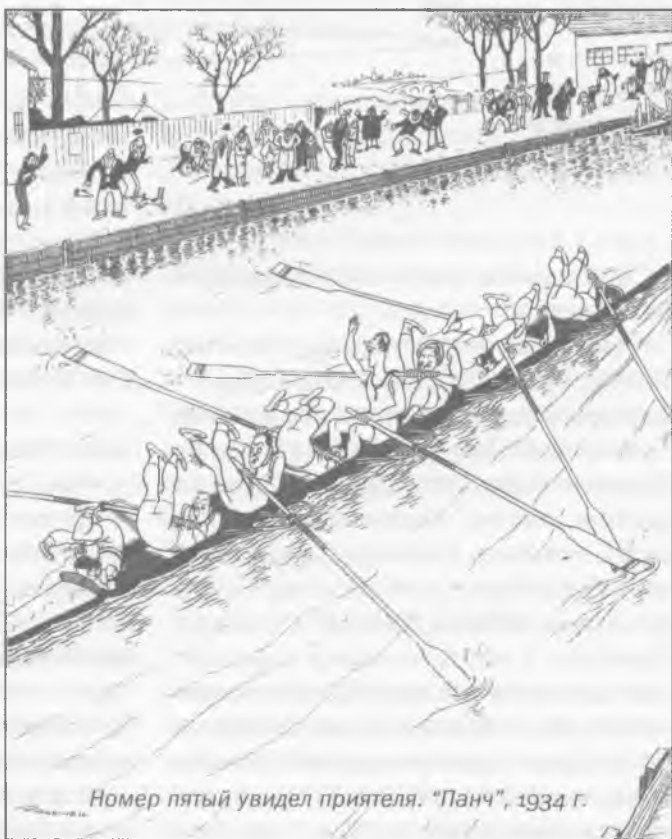
*Гребные гонки Оксфорда и Кембриджа, 1936 г.
Загребной — Дэвид Винзер, автор рассказа “Убийство накануне регаты”.*

Однако гребные гонки с Кембриджем — событие еще более важное. Они проходят весной в Лондоне, на Темзе, и собирают огромное количество зрителей. Цвет Оксфорда — темно-синий, цвет Кембриджа — голубой.

Некоторое представление о том, что значит для гребцов участие в этом состязании, дает рассказ Дэвида Винзера “Убийство накануне регаты”: “... десять или одиннадцать человек три месяца думают только о том, чтобы попасть в команду и привести Оксфорд к победе. Это уже просто помешательство, навязчивая идея”.

Опять-таки, Дэвид Винзер знал об этом не понаслышке: он не только был членом команды Оксфорда, но и участвовал в легендарной регате 1937 г., когда Оксфорд победил впервые после тринадцати лет поражений.

Внутренние гонки, как правило, проводятся на лодках-восьмерках, а ежегодная регата — исключительно на них. В такой лодке находятся восемь гребцов и рулевой. Рулевой сидит на корме.

Номер пятый увидел приятеля. “Панч”, 1934 г.

Он управляет лодкой, дает указания команде, принимает тактические решения. Следующий от кормы — загребной (восьмой номер), он определяет ритм и скорость гребли. Обычно загребной — самый искусный гребец, у него лучше всего отточена техника. Седьмой номер — своеобразный буфер между загребным и остальной командой, он должен особенно точно повторять его движения. В середине, как правило, находятся самые физически сильные гребцы — в рассказе Винзера это Джон и Гарри, успех которых напрямую зависит от того темпа, который задает загребной, — а номер второй и номер первый (баковый), сидящие ближе всего к носу, отвечают за устойчивость и направление, от них в первую очередь требуется быстрота реакции.

Э. К. Бентли писал, что “не променял бы реку ни на какие академические достижения”. Вероятно, многие выпускники Оксфорда и Кембриджа могли бы сказать о себе то же самое.

В. СОНЬКИН

АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

В рассказе Г. К. Честертона “Деревенский вампир” отец Браун изобличает актера, выдающего себя за англиканского священника. Преступник имел смутное представление о церковных обычаях и правилах и поэтому вел себя как “плохо прописанный почтенный старый глупец, которого мог придумать популярный драматург или актер старой школы, если уж им пришлось бы

придумывать нечто столь нелепое, как набожный человек”.

Отца Брауна такая оплошность несколько не удивила. “Англия мало знает о римской церкви, — говорит он, — но Англия мало знает и об англиканской церкви. <...> Вы удивитесь, как плохо публика понимает внутренние англиканские противоречия; множество народу, в сущности, не представляет, что такое Высокая церковь и Низкая церковь, не понимает, в чем разница даже в их обиходе, не говоря уж об исторических и философских концепциях, которые стоят за каждым из направлений”.

Помимо модернизации и обмирщения жизни, о которых скорбит отец Браун, у ошибки афериста есть и другие объективные причины: среди больших христианских конфессий англиканство — едва ли не самая запутанная, неоднородная и противоречивая.

ОТ ГЕНРИХА VIII ДО РЕСТАВРАЦИИ

В первой трети XVI века ряд политических, династических и личных факторов сподвигли английского короля Генриха VIII на разрыв с Римом. Формальным поводом для этого стал отказ Папы Римского Климента VII расторгнуть брак короля с Екатериной Арагонской: у короля до сих пор не было сына-наследника, и, не желая оставлять династию Тюдоров в неустойчивом состоянии, он хотел родить преемника от своей фаворитки Анны Болейн. Но ситуация была намного сложнее: на континенте уже бушевали волны протестантской Реформации, и среди советников короля хватало как убежденных папистов, так и тех, кто

симпатизировал Мартину Лютеру. Поскольку католическая церковь традиционно была важнейшей политической и финансовой силой, Генрих VIII в первую очередь стремился устранить те церковные порядки, которые мешали его собственной власти. Чтобы добиться этого, король применил самый прямолинейный способ: он лично возглавил церковь Англии и в своих владениях стал, по сути дела, английским Папой. Он не мог совершать церковные таинства, но кадровой и финансовой политикой церкви распоряжался полновластно. Все монастыри были распущены, а их владения переданы в собственность короны.

Генрих VIII

В течение нескольких следующих десятилетий церковная история Англии была весьма бурной. Дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской Мария I восстановила в Англии католицизм и сожгла на костре множество протестантов, за что заслужила прозвище “кровавая Мэри”. После ее смерти трон заняла дочь Генриха VIII и Анны Болейн Елизавета; католическая церковь не при-

знавала ее законной наследницей, и молодой королеве пришлось приложить серьезные усилия для того, чтобы организовать национальную церковь, по возможности не нажив себе смертельных врагов ни в условно-католическом, ни в условно-протестантском стане. Ей это удалось: так называемое Елизаветинское религиозное урегулирование (*Elizabethan Religious Settlement*) подвело итог первой главе английской Реформации и заложило основы той весьма специфической конфессии, которая впоследствии стала называться англиканством. С государственной точки зрения костяк урегулирования обеспечили два законодательных акта 1558 г.: Акт о верховности (*Act of Supremacy*), подтверждавший статус монарха как Верховного управляющего (*Supreme Governor*) церкви, и Акт о единообразии (*Act of Uniformity*), который обязывал каждого подданного короны ходить в церковь хотя бы по воскресеньям под страхом существенного штрафа и утверждал обязательный для всех молитвенник — “Книгу общей молитвы” (*Book of Common Prayer*).

В середине XVI века английская церковь почти вслепую нащупывала свой мировоззренческий фундамент. В это время было составлено несколько взаимоисключающих наборов догм. Зачастую их протестантский радикализм диктовался политическими соображениями — в частности, необходимостью союза с германскими правителями континентальной Европы. Наконец, в 1563 г. были приняты 39 статей англиканского вероисповедания, составленные тогдашним архиепископом Кентерберийским Томасом Кранмером. Они стали главным вероучительным документом

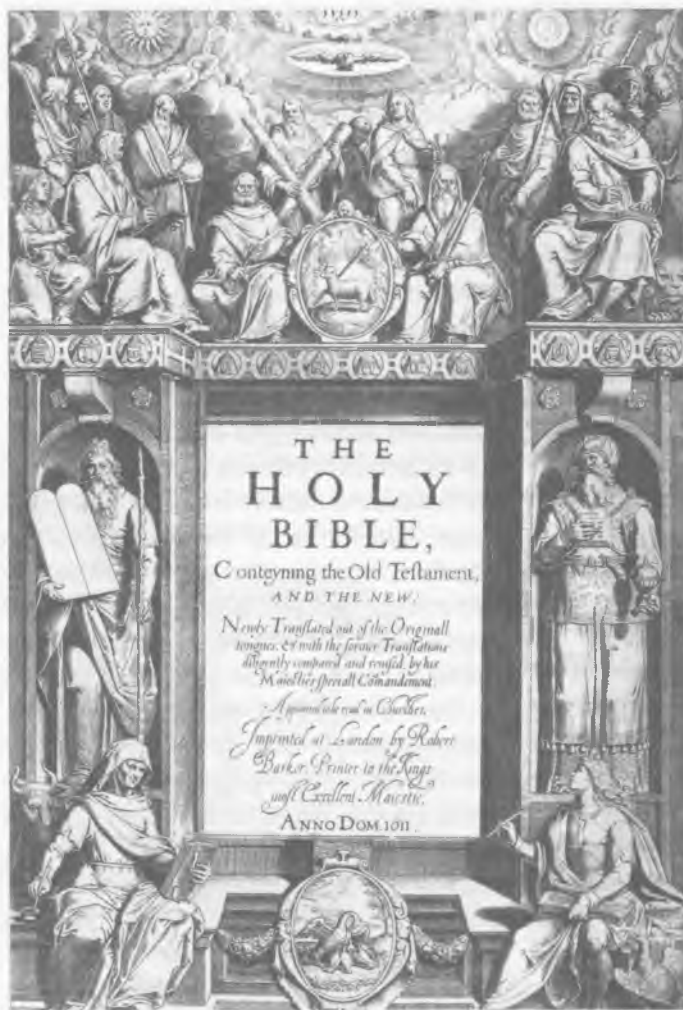
Томас Кранмер

Церкви Англии и сохраняют эту роль по сей день. Характерно, что 39 статей были приняты решением парламента.

Англиканство почти официально называет себя “средним путем” (латыни *via media*); под этим подразумевается, что Церковь Англии не впадает в крайности, характерные как для католицизма, так и для протестантизма. В реальности, конечно, английская церковь на протяжении всей своей истории постоянно колеблется между двумя этими крайностями, что приводило ко множеству внутренних противоречий, расколов, течений, споров, догматических и обрядовых проблем на каждом уровне и на каждом этапе. Некоторые сложности касались самых базовых догматических разногласий между Римом и протестантами, например вопроса о пресуществлении (когда во время церковной службы хлеб и вино превращаются в тело и кровь Христовы, происходит ли это на са-

мом деле или только символически?) или вопроса об оправдании (нужны ли для оправдания грешников Богом добрые дела или достаточно одной лишь веры?). Другие, как это часто бывает, возникали из-за обрядовых мелочей, например из-за использования комжи (*surplice*) — белого облачения с длинными рукавами; в зависимости от того, надевали священники такую рубашку во время службы или нет, делались выводы о том, истинную или ложную религию исповедуют в данной церкви. Из-за деталей обряда разные течения англиканства бились между собой даже чаще, чем из-за догматических противоречий, потому что в установительных церковных документах формулировки опасных мест (например, о пресуществлении) были намеренно уклончивыми.

После смерти Елизаветы, которая умерла бездетной девицей, английский престол занял шотландский король Иаков VI (в Англии до этого королей Иаковок не было, и он сменил порядковый номер на I). Иаков, человек пылкий и образованный, был впечатлен тонким равновесием между государственной и церковной властью, которое он обнаружил в Англии. Он старался продолжать политику “среднего пути”, сложившуюся при Елизавете, но это не всегда было легко. Протестанты-пуритане требовали радикально упростить обряды и избавиться от епископов. Иаков настоял на сохранении *status quo*, но одного важного успеха пуритане все же добились: было принято решение о новом, авторизованном (то есть официально одобренном) английском переводе Священного Писания. Этот монументальный труд был выполнен в сжатые сроки, так что на-

Фронтиспис первого издания Библии короля Иакова, 1611 г.

Карл I унаследовал от отца как склонность к традиционному, ритуализованному англиканству, так и запутанный клубок государственно-религиозных проблем. Теология при нем расцвела: поколение ученых мужей, известных как Каролинские богословы (*Caroline Divines*), продолжало утверждать “средний путь” не как компромисс, а как наиболее верное выражение христианского духа. Самым известным в их плеяде был архиепископ Кентерберийский Уильям Лауд, апологет Высокой церкви; протестанты считали его орудием дьявола и ненавидели. В “Деревенском вампире” мошен-

начо XVII века — время Библии короля Иакова и Шекспира — можно считать временем рождения современного английского языка.

К католикам Иаков относился без враждебности и даже лелеял планы женить своего сына Карла на испанской инфанте. После попытки очередного католического теракта, известного как “Пороховой заговор”, он принял ряд антикатолических мер, но до конца жизни терпел в своем ближайшем окружении тайных католиков.

ник пытается представить себя “образцовым пастором, тори, приверженцем Высокой церкви в духе замшелых канонов архиепископа Лауда”. Религиозные разногласия не были главной причиной разгоревшейся гражданской войны, но масла в огонь они подлили; когда парламент предъявил королю “Великий протест”, Лауд был осужден за измену, заточен в Тауэре и позже обезглавлен. Спустя несколько лет та же участь постигла и самого Карла I.

С момента реставрации английской монархии и до наших дней ритуальная и организационная преемственность Церкви Англии фактически не прерывалась, но количество различных течений и фракций внутри нее по-прежнему оставалось значительным.

ВЫСОКАЯ, НИЗКАЯ, ШИРОКАЯ

Сообщество, в совокупности называющее себя Церковью Англии, делится на несколько течений, которые частично пересекаются между собой, а сами разделы проходят по разным плоскостям. В результате картина получается крайне сложной — неудивительно, что бедный мошенник-актер запутался.

Одна граница делит прихожан на приверженцев Высокой и Низкой церкви. В Высокой церкви (*High Church*) сопротивляются модернизации, чтут обряды, дорожат тесной связью церкви и государства; приверженцы Высокой церкви предпочитают богато украшенные церкви, музыку, орган. С догматической точки зрения их взгляды выражены в трудах Каролинских богословов (“замшелые каноны архиепископа Лауда”); с политической точки зрения они консерваторы-тори. Отдельную проблему для человека со стороны представляет изменчивость этого термина (и почти всей прочей англиканской терминологии): в частности, до 1830-х гг. и после выражение “Высокая церковь” значило разное (об этом чуть позже).

Низкая церковь (*Low Church*, изначально — уничижительный термин) объединяет прихожан, которые подчеркивают протестантское наследие Церкви Англии. Они склонны к боль-

шей свободе в ритуале и обрядности, большей строгости в убранстве церквей и более буквальному толкованию Писания. Многие представители Низкой церкви считают себя выразителями истинного духа англиканства и подчеркивают свою приверженность 39 статьям.

Идейные разногласия Высокой и Низкой церкви пытается сгладить Широкая церковь (*Broad Church*), представители которой любят напоминать о “среднем пути”, восходящем, как минимум, ко временам Елизаветы I. Само название “Широкая церковь” им не нравится, потому что намекает на еще одну группировку, почти секту — в то время как им хотелось бы стать объединителями и примирителями.

В 1830-е гг. ряд шагов правительства, направленных на некоторую либерализацию общественной и религиозной жизни, вызвал резкую реакцию некоторых представителей Высокой церкви. Большинство из них были связаны с Оксфордом, особенно с тогдашним центром интеллектуальной жизни университета, колледжем Ориэл, и выражали свои взгляды в форме трактатов. Поэтому их деятельность получила название Оксфордское движение (*Oxford Movement*), а самих их иногда называли трактарианцами (*Tractarians*).

Трактарианцы считали, что англиканская церковь, наряду с православной и римско-католической, является одной из трех “ветвей” общей “кафолической” (апостольской) церкви. В ритуальной и архитектурной практике они ратовали за возвращение к средневековым канонам, считая, что современная церковь чересчур опростилась. В этом они добились полного успеха: с 1840 по 1900 г. около 7000 английских

Джон Генри Ньюмен.

Портрет работы Джорджа Ричмонда, 1844 г.

церквей (подавляющее большинство) были восстановлены или перестроены в средневековом духе — точнее, в духе викторианского представления о Средневековье. Почти все церкви, которые можно увидеть сегодня в английской глубинке, выглядят так, как выглядят, в результате “средневекового возрождения” викторианских времен. В области догматики оксфордцы указывали на тесную связь англиканства с традиционным католичеством. В нашумевшем 90-м трактате один из вождей Оксфордского движения священник Джон Генри Ньюмен утверждал, что 39 англиканских статей не противоречат римско-католическому вероучению.

Последователей Оксфордского движения со временем стали называть англо-католиками (*Anglo-Catholics*), и

сейчас этот термин в значительной степени совпадает с понятием “Высокая церковь”. Между тем многие трактарианцы сделали следующий логический шаг и перешли в католичество; самым известным из них был тот же Ньюмен, получивший к концу жизни сан кардинала. В 2010 г. Папа Римский Бенедикт XVI объявил о его беатификации. Пример оксфордцев подвиг многих позднейших представителей английской интеллектуальной и культурной элиты на обращение в католичество; среди них — Г. К. Честертон и его близкие друзья Хилэр Беллок и Рональд Нокс (который был священником — сначала англиканским, а потом католическим).

В сфере догматики и обрядности англо-католикам противостояло движение, условно и весьма расшири-

Попытка перевести церковь на новые рельсы. “Панч”, 1879 г.

тельно называемое евангельским (*Evangelicals*). В религиозной теории “евангельский” противостоит “апостольскому”: католическая и Высокая англиканская церковь подчеркивают идею Апостольского преемства, согласно которой все епископы принимают эстафету духовного пастырства, восходящую по прямой линии к Христу и апостолам, а протестанты и приверженцы Низкой церкви делают упор на авторитет Писания и соблюдение требований Библии; одно движение опирается на иерархию, другое — на учение. Евангелисты начали активно проповедовать свои взгляды раньше, чем оксфордцы, — в XVIII веке. Одним из их главных идеологов был проповедник и теолог Джон Весли. Он тоже учился в Оксфорде; вместе с группой единомышленников он стал устраи-

вать религиозные собрания и стремиться к методичному порядку и святости в повседневной жизни. За это их издевательски прозвали методистами — но Весли, как это часто бывает, принял кличку с гордостью, и она стала официальным названием нового течения. Евангелисты и методисты настаивали на необходимости личного религиозного обращения, личного общения с Богом, внимательного и благочестивого изучения Библии. Обрядовая сторона их интересовала мало; основным инструментом распространения религиозных знаний для методистов была проповедь, которую нередко читали не с амвона, а в любых подходящих условиях, в том числе под открытым небом. Методисты активно участвовали в миссионерской деятельности, сопряжен-

Воскресная проповедь

ной с колонизаторским напором властей, и поэтому в бывших британских колониях, включая США, англиканство методистского толка распространено едва ли не шире, чем в Англии.

Борьба фракций внутри Церкви Англии продолжалась и в поздневикторианские времена, и в XX веке. С особой страстью противники накидывались на мелочи. Следует ли писать перед именем святого St. или просто S? Можно ли украшать алтарь цветами? Можно ли использовать в церкви ладан и прочие благовония? Можно ли ставить на алтарь свечи и зажигать их, и если да, то в какой момент? Англо-католики настаивали на усложненной, тщательно продуманной церковной службе (*High Mass*), использовали четки, отмечали этапы Крестного пути, становились на колени; евангелисты издевались над ними и предупреждали об опасности папизма. (Лжесвященник у Честертона требует чтить день воскресный, как евангелист-пуританин, а дома держит распятие, как англо-католик.) Отдельную группу англо-католиков составляли эстеты-романтики, близкие к пре-рафаэлитам и таким идеологам культа красоты, как Уильям Моррис и Джон Рескин; для них эстетическая составляющая религии была не менее важна, чем духовная, и противники называли их движение “религией Британского музея”.

В межвоенную эпоху англо-католицизм стал доминирующим течением в Церкви Англии. На Англо-католических конгрессах 1920-х гг., которые пользовались огромной популярностью, тон задавал харизматический архиепископ Занзибара Фрэнк Уэстон. Он шокировал публику как своими речами в за-

щиту дарохранительницы (*tabernacle*) — священного сосуда для хранения Святых Даров, то есть тела и крови Христовой, — так и своим политическим радикализмом: “Вы не смеее утверждать, что чтите Иисуса в дарохранительнице, если вы не соболезнуете Иисусу в трущобе”. Однако после смерти Уэстона в 1924 г. у движения не нашлось ярких лидеров, и англо-католицизм стал постепенно уступать под напором евангелистов. В 1927–1928 гг. попытка модифицировать “Книгу общей молитвы” в духе умеренного англо-католицизма встретила яростное сопротивление и в конце концов была отвергнута парламентом.

ВИКАРИИ, КАНОНИКИ, ЕПИСКОПЫ

В рассказе Э. К. Бентли “Настоящий табар” служанка священника строго поправляет гостей, когда они спрашивают, дома ли викарий. “Каноник, сэр, — отвечала девушка, особо подчеркивая сан, — вернулся два дня назад”. Каноник (*canon*) — обычно член капитула (*chapter*), управляющего органа собора или соборной церкви, то есть более важная персона, чем простой викарий. Это тоже простительная ошибка, и даже не только для американцев, как в рассказе. Церковь Англии не обладает по-военному строгой структурой, как римско-католическая, но и не представляет собой бесконечное число деноминаций и сект, как протестантские церкви. На этом “среднем пути” немудрено заблудиться.

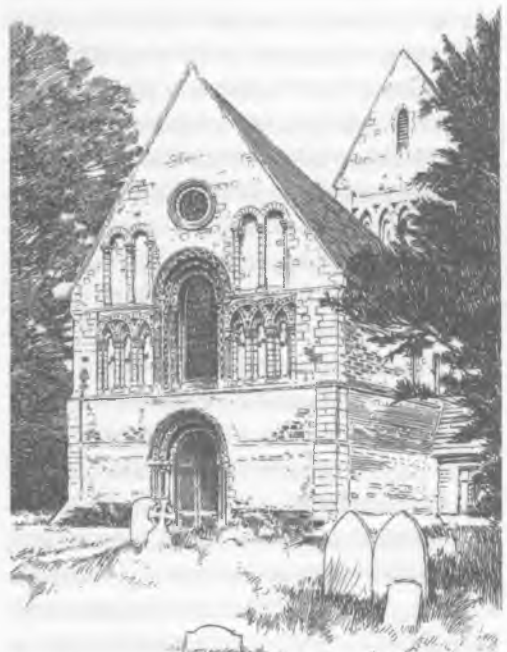
Во-первых, термины “Церковь Англии” и “англиканская церковь” нетожд-

дественны. Церковь Англии (*Church of England*) — это официальная христианская церковь Англии; поскольку она является порождением государственной воли Генриха VIII, она до определенной степени является государственной: монарх по-прежнему ее официально возглавляет, самостоятельность в литургических вопросах она получила только в 1974 г., а премьер-министр может заблокировать назначение епископов и сейчас. Единой англиканской церкви с общей юрисдикцией не существует — есть каноническое единство национальных англиканских церквей, для которых Церковь Англии является “материнской”. Это единство называется Англиканским сообществом (*Anglican Communion*) и включает ряд национальных церквей, из которых какие-то официально называются англиканскими (как в Канаде), а какие-то нет. Докматическую основу Англиканского сообщества в самом концентрированном виде символизирует так называемый “Чикагско-Ламбетский Четырехугольник” (*Chicago-Lambeth Quadrilateral*) 1888 г.: Священное Писание как основа для спасения, Символы Веры как достаточное выражение христианского вероисповедания, таинства крещения и причастия и историческая традиция епископства (которая в разных церквях может проявляться по-разному).

При этом в Шотландии доминирующее положение занимает пресвитерианская (протестантская) Церковь Шотландии, которая, в отличие от Церкви Англии, отделена от государства, а англиканская церковь Уэльса перестала быть официальной составной частью Церкви Англии в 1920 г., оставаясь в лоне Англиканского сообщества. На

фоне относительно лояльных взаимоотношений между англиканской и католической церквями может вызвать недоумение тридцатилетний религиозный конфликт в Северной Ирландии, отголоски которого не стихают до сих пор. Дело в том, что ирландские “унионисты”, сторонники британской короны, принадлежат не к англиканской Церкви Ирландии, а к Пресвитерианской церкви Ирландии, исторически связанной не с Англией, а с Шотландией. А между католиками и протестантами конфликтов всегда хватало.

Базовой единицей структурной иерархии Церкви Англии является приход (*parish*), в котором живет и работает приходской священник. Священник обычно называется викарием (*vicar*) или ректором (*rector*) — истори-

Приходская церковь в Норфолке.
Рис. Гордона Хоума

чески разница заключалась в том, из каких средств складывался его доход. Несколько приходов образуют деканат (*deanery*), во главе которого стоит декан (*dean*); поскольку университеты выросли из монашеских школ, университетские администраторы тоже называются деканами. Глава оксфордского колледжа Крайст-Черч одновременно возглавляет оксфордский кафедральный собор и поэтому называется деканом; как всякого декана кафедрального собора, на должность его назначают королевским указом. Несколько деканатов образуют архидеканат под началом архидиакона (*archdeacon*). Следующий уровень — диоцез (*diocese*; в православном обиходе этому соответствует епархия) во главе с епископом (*bishop*). Диоцезы объединяются в церковные провинции (*province*) во главе с архиепископом. Таких провинций внутри Церкви Англии всего две: Провинция Кентербери и Провинция Йорка. Традиционно старшим из двух архиепископов считается архиепископ Кентерберийский: он возглавляет Церковь Англии и — символически — Англиканское сообщество, хотя официально главой церкви остается британский монарх. Нынешний архиепископ Кентерберийский, Роуэн Уильямс, — первый со времен Генриха VIII, кто был избран на эту должность не из рядов Церкви Англии: валлиец по национальности, он был архиепископом Уэльса. А нынешний архиепископ Йоркский — Джон Сентаму, уроженец Уганды. Не только Англиканское сообщество, но и Церковь Англии в строгом терминологическом смысле в наши дни становится все более многообразной и многонациональной.

В. СОНЬКИН

МОДА НА АРХЕОЛОГИЮ

В этом собрании рассказов встречаются два персонажа, свихнувшиеся на археологии: специалист по финикийцам, пытающийся раскопать курган в английской глубинке (“Длинный курган”), и зловещий египтолог, бальзамирующий заживо студента по древнеегипетскому рецепту (“Пропавший студент”). Археологические мотивы можно встретить во многих детективах начала XX века, и это не случайно. Сенсационные находки начала 1920-х гг. пробудили необычайный интерес к раскопкам и древним культурам.

СТАНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ

Тот род занятий, что мы сегодня называем археологией, долгое время сводился к разграблению гробниц и бессистемному собиранию древностей. Древность при этом ценилась весьма высоко: классические языки и античная литература составляли основу всей британской образовательной системы, а джентльмен, закончивший университет, был просто обязан отправиться в Большой тур (*The Grand Tour*) — поездку по континенту, кульминацией которой было прибытие в Рим и знакомство с памятниками Вечного города.

В конце XVIII века исторические обстоятельства изменились. В неаполитанских владениях династии Бурбонов были обнаружены древние города, похороненные под пеплом и лавой

Англичане в Италии.

"Панч", 1913 г.

Везувия. Раскопки Геркуланума и Помпей стали одной из первых попыток использования инженерных методов и учета найденного материала, а сам сюжет — мгновенная катастрофическая гибель нескольких городов — вызвал всплеск интереса к античности. В 1830-е гг. картина русского художника Карла Брюллова "Последний день Помпеи" удостоилась восторгов всей Европы, а читающая публика не выпускала из рук одноименный роман английского писателя Эдварда Бульвер-Литтона.

Наполеоновские войны и кратковременная оккупация Папской области французами прервали традицию Большого тура, которая больше не восстановилась в прежнем виде. Зато Наполеон взял с собой в египетский поход сотни ученых мужей и художников, которые в кратчайшие сроки собрали гигантский описательный и иллюстративный материал (второе издание вышло в 37 томах). Этот труд, под названием "Описание Египта" (*Description de*

l'Égypte), впервые продемонстрировал европейцам монументы и сокровища загадочной страны. Тогда же была найдена уникальная двуязычная надпись (Розеттский камень) с текстом царского указа на древнеегипетском языке (иероглифами и упрощенным письмом) и на древнегреческом; в результате превратностей военного времени памятник оказался в руках у англичан и до сих пор стоит на почетном месте в Британском музее. Несмотря на сложные отношения между европейскими державами, надпись на Розеттском камне была доступна исследователям любой национальности, и в результате одновременных (хотя и не совместных) усилий англичанина Томаса Юнга и француза Жана-Франсуа Шампольона к 1820-м гг. египетские иероглифы были наконец расшифрованы.

Одновременно с открытием Египта англичанам стала доступнее Греция, до того считавшаяся опасной турецкой окраиной Европы. Еще в 1730-е гг.

несколько джентльменов, побывавших в Большом туре, создали так называемое Общество дилетантов для изучения древностей; писатель Хорас Уолпол говорил, что формальным требованием для членства в обществе было посещение Италии, а настоящим — непрерывное пьянство; несмотря на легкомысленный подход, “дилетанты” организовали ряд археологических экспедиций в Грецию и опубликовали результаты в труде “Ионийские древности”, оказавшем огромное влияние на британский неоклассицизм в архитектуре, моде и изобразительном искусстве.

Большая политическая игра Британской империи на Востоке сопровождалась изучением исчезнувших цивилизаций. Британские консулы, атташе и шпионы (как, впрочем, и французские и русские) часто по совместительству были филологами, историками и собирателями древностей. Так, английский резидент в Кандагаре, сэр Генри Роулинсон, первым прочитал ассирийско-вавилонские клинописные надписи и по праву считается одним из основателей ассириологии.

Ближневосточные студии XIX века в значительной степени были направлены на подтверждение правоты библейских текстов и сказаний. В этом контексте одно из самых выдающихся открытий сделал Джордж Смит, гравер-самоучка, протеже Роулинсона, работавший над разбором клинописных табличек в Британском музее. Однажды, расчищая халдейскую надпись, он вдруг вскочил и стал бегать по комнате, срывая с себя одежду. Оказалось, что он наткнулся на описание великого потопа, явно связанное с библейской

легендой о Ное — но более древнее и из независимого источника (сейчас мы знаем, что этот текст — часть эпоса о Гильгамеше). Резонанс открытия был так силен, что газета “Дейли телеграф” немедленно предложила профинансировать путешествие Смита на Восток с целью найти недостающие таблички — и эта казавшаяся невозможной миссия была им блистательно выполнена. В 1872 г. Смит читал свой перевод сказания о потоке перед аудиторией, включавшей тогдашнего премьер-министра Уильяма Гладстона (который и сам был выдающимся филологом-классиком, автором обширного труда о поэтическом языке Гомера).

Постепенный переход от авантюристов и политиков, увлеченных древностями, к профессиональным археологам совершался на протяжении всего XIX века. Его проще всего проследить на примере египтологии. В начале столетия тон задавали люди вроде Джованни Бельцони. Бельцони бежал из континентальной Европы в Англию, чтобы спастись от тюрьмы, и некоторое время работал цирковым силачом; потом отправился путешествовать по южной Европе и странам Леванта и по совету британского консула в Египте Генри Солта (тоже, конечно, ученого-любителя) стал заниматься вывозом египетских древностей из Фив (сейчас это место называют Луксором). Знаменитая статуя Рамзеса II (“Молодой Мемнон”) в Британском музее — это добыча Бельцони, который ценой недюжинной инженерной смекалки сумел подтащить ее к Нилу и погрузить на баржу.

Яркий представитель следующего поколения английских египтологов — сэр Флиндерс Питри. Уже в восьми-

летнем возрасте он возмущался тем, как грубо и неаккуратно ведутся раскопки римской виллы на острове Уайт. Разработанная им система сериации (установления последовательности артефактов) и запись мельчайших деталей, которые раньше нисколько не занимали умы кладоискателей, используются в археологии до сих пор. Среди его находок — так называемая “стела Мернептах”, где фараон хвастается победами над разными “народами моря”, в том числе над народом “И-си-ри-ар”; прочитав эту надпись, Питри воскликнул “это же Израиль!” и добавил, что “преподобные будут в восторге” (имеется в виду — от такого подтверждения библейских преданий).

Питри стал первым профессором египетской археологии и филологии в Англии и выучил многих будущих исследователей. Одним из его учеников был молодой художник Говард Картер, постепенно перешедший от зарисовок египетских фресок и артефактов к полноценной археологической работе.

ПРОКЛЯТИЕ ФАРАОНОВ

В начале XX века Египтом заинтересовался английский аристократ Джордж Герберт, граф Карнарвон. Лорд Карнарвон больше всего на свете любил быструю езду, поэтому разводил скако-

Лорд Карнарвон

вых лошадей и увлекался новомодными средствами передвижения; в 1901 г. в Германии он попал в серьезную автомобильную аварию, подорвавшую его здоровье. Узнав о его интересе к Египту, французский ученый Гастон Масперо свел Карнарвона с Картером в надежде, что профессионализм последнего будет хорошо сочетаться с порывистым характером первого. Многолетние раскопки (с перерывом на Первую мировую войну) не принесли никаких сенсационных результатов, и в 1922 г. лорд Карнарвон объявил Картеру, что этот сезон будет последним.

4 ноября 1922 г. рабочие Картера обнаружили ступени, ведущие к гробнице; Картер вызвал Карнарвона на место раскопок и при стечении народа

проделал крошечную дырочку в двери. Сквозь нее удалось разглядеть множество удивительных предметов; стало ясно, что найдена уникальная неразграбленная гробница. Подготовка к ее вскрытию продолжалась несколько месяцев и подогревалась сенсационными заявлениями в прессе. 16 февраля 1923 г. гробница была вскрыта; многочисленных журналистов заставили томиться в своих гостиницах, и на площадке присутствовал только молодой Генри В. Мортон, будущий классик литературы о дальних странах; его корреспонденции в газете “Дейли экспресс” превратили Картера и лорда Карнарвона в знаменитостей мирового масштаба. Гробница Тутанхамона, юного фараона XVIII династии, оказа-

лась наиболее богатой из всех когда-либо обнаруженных гробниц древнего Египта и по праву считается самым выдающимся археологическим открытием XX века.

В апреле 1923 г. 56-летний лорд Карнарвон умер в каирской гостинице “Савой”; этот факт, равно как и скорая смерть еще нескольких связанных с раскопками людей, породил устойчивые слухи о “проклятии фараонов”, якобы поражающем каждого, кто тревожит покой древних правителей. Популярности этой теме добавил большой любитель всего потустороннего сэр Артур Конан Дойл, который предположил, что египетские жрецы могли поместить в гробницу “составляющие”, способные убить осквернителей праха, или

Говард Картер

Тутанхамон на Даунинг-стрит
(возле резиденции премьер-министра):
"То, что нужно, — здесь гораздо спокойнее,
чем у меня в гробнице". "Панч", 1923 г.

что образовавшаяся в под-
земелье плесень оказалась
смертельной для людей.
Впрочем, далеко не всех
участников вскрытия гроб-
ницы настигла стремитель-
ная месть мумии: Картер
умер в 1939 г. (от лимфомы,
в Лондоне), а Г. В. Мортон —
в 1979-м.

Впечатление, произве-
денное на широкую публику
сокровищами Тутанхамона и
другими египетскими древ-
ностями, было столь значи-
тельно, что на протяжении
долгого времени египетская
тема не сходила со страниц
газет и журналов, в моде
были наряды и украшения
в египетском стиле (причем
не только на сценах мюзик-
холлов), в загородных домах

устроивались тематические египетские
вечеринки. Это увлечение продолжа-
лось весь межвоенный период и не
вполне угасло после Второй мировой; в
детективном жанре оно особенно ярко
выразилось в творчестве Агаты Кристи,
что было связано с некоторыми личны-
ми обстоятельствами ее жизни.

После развода с первым мужем Ага-
та Кристи отправилась путешествовать
на Восток и участвовала в качестве го-
стя в археологической экспедиции сэра
Леонарда Вулли, который раскапывал
шумерский город Ур (эта поездка по-
служила материалом для романа "Убий-
ство в Месопотамии"). Там она позна-
комилась с ассистентом Вулли Максом
Маллоуэном и очень скоро вышла за
него замуж. Маллоуэн впоследствии и

Недавние находки в Луксоре существенно
повлияли на нашу моду. "Дейли экспресс", 1923 г.

Агата Кристи и Макс Маллоуэн перед отъездом в экспедицию на Восток, 1933 г.

сам стал одним из ведущих специалистов по ближневосточной археологии. Его заслуги перед наукой были отмечены избранием в члены оксфордского колледжа Олл-Соулз и рыцарским званием — редкий случай, когда муж и жена стали сэром и кавалерственной дамой за независимые заслуги.

Агата Кристи часто ездила в экспедиции вместе с мужем и помогала на раскопках; об этом она написала небольшую книжку воспоминаний «Скажи, как ты живешь» (1946). В 1944 г. она опубликовала свой единственный детектив, действие которого происходит не в XX веке, — это роман «Смерть приходит в конце», посвященный загадочным убийствам в доме египетского жреца Имхотепа. Сюжет детектива основан на «папирусах Хеканахта» — подлинных древнеегипетских письмах XX века до н. э.

Межвоенная эпоха была отмечена многими археологическими и филологическими достижениями: супруги Мэри и Луис Лики работали в ущелье Олдувай в Восточной Африке, все глубже проникая в тайну происхождения человека; сэр Фредерик Кэньон изучал древневосточные папирусы и толковал их связь с Библией; сэр Артур Эванс продолжал разрабатывать свою теорию минойской цивилизации с центром на Крите (после Второй мировой войны молодой архитектор и филолог-самоучка Майкл Вентрис частично ее опровергнет); Михаил Иванович Ростовцев возглавлял экспедиции Йельского университета на раскопках уникального города Дура-Европос в сирийской пустыне; британский подданный Аурел Стейн, по происхождению — венгерский еврей, обнаружил в глубинах Восточной Азии следы исчезнувшего индоевропейского

народа, условно названного тохарами; В. Гордон Чайлд изучал шотландское местечко Скара-Брей — лучше всего сохранившееся неолитическое поселение в Европе. Но самое большое впечатление на публику произвела все-таки гробница Тутанхамона.

А. АЗОВ, А. БОРИСЕНКО

МЕДИЦИНА

Медицинская среда не устает производить на свет писателей, в том числе — работающих в детективном жанре. Врачом-офтальмологом был Артур Конан Дойл — и его Шерлок Холмс создан по образу университетского преподавателя Конан Дойла, доктора Джозефа Белла. Из писателей, вошедших в нашу антологию, врачами были Остин Фримен, Дэвид Винзер и Джозефина Белл. Герои их тоже зачастую врачи: у Фримена это доктор Торндайк, у Белл — доктор Дэвид Уинtringем. Врач Роберт Юстас прославился как соавтор и консультант: он сотрудничал с такими выдающимися авторами, как Л. Т. Мид, Эдгар Жепсон и Дороти Сэйерс. Агата Кристи почерпнула немало полезной информации о ле-

карствах и ядах, работая в провизорской во время Первой мировой войны.

Любопытно, что практически все медицинские манипуляции, о которых мы читаем в книгах того периода, происходят дома у пациента (исключение составляют некоторые произведения Джозефины Белл). Дело в том, что в Англии среди всех сословий закрепилось стойкое недоверие к больнице — считалось, что там тебя либо обдерут как липку, либо угробят. А может быть, и то и другое. Рассказ Джозефины Белл, вошедший в этот сборник, только подтверждает опасения такого рода.

Врач и рассказчик:
Конан Дойл навещает
раненых. "Иллюстрированный
Лондон ньюс", 1900 г.

ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ МЕДИЦИНЫ

В XIX веке медицина совершила резкий рывок вперед — можно даже сказать, родилась заново. У Артура Конан Дойла есть рассказ “Отстал от века” (*Behind the Times*), в котором действует старик врач, чья молодость пришлось еще на первую половину столетия: по его взглядам видно, как быстро развивалась медицина и как далеко она шагнула за время жизни одного человека. Для этого старика врача медицина — скорее милосердное искусство, чем наука: он кое-как смирился с вакцинацией (которая стала активно внедряться в начале XIX века), недоверчиво относится к простейшим диагностическим

инструментам (например, к появившемуся в 1810-х гг. стетоскопу), опасается хлороформного наркоза (вошедшего в медицинскую практику на рубеже 1840–1850-х гг.) и не верит ни в эволюционную теорию Дарвина (первое издание “Происхождения видов...” вышло в 1859 г.), ни в микробную теорию заразных болезней (достижение 1860–1870-х гг.).

Наркоз и учение о микробной природе инфекционных болезней — это, пожалуй, самые важные медицинские открытия XIX века: благодаря им далеко вперед продвинулась хирургия. Наркоз дал хирургу возможность выполнять обширные полостные операции, не опасаясь погубить больного болевым шоком,

Первая операция под наркозом, 1846 г. Художник Роберт Хинкли

а учение о микробах и сопутствующее ему учение о профилактике заражения операционных ран — асептика и антисептика — резко снизили смертность от послеоперационных нагноений. Другой крупнейший теоретический прорыв века: клеточная теория Шванна и Шлейдена и приложение ее к медицине Рудольфом Вирховом — навсегда изменил облик патологоанатома, который с тех пор стал неразлучен с микроскопом и превратился в главного эксперта по механизмам развития болезней.

Добавим сюда перетряску медицинского образования в XIX веке, после чего оно приняло вполне современный вид; добавим происшедшее на рубеже веков открытие рентгеновских лучей и групп крови, добавим сформировавшуюся психиатрию и неврологию — и вот сложившаяся к началу межвоенной эпохи медицина становится уже совсем похожа на современную. Хирургия, конечно, по своим возможностям стоит далеко впереди — настолько, что самые смелые мечты о пересадке органов уже начинают казаться не столь отдаленными от действительности. Терапия медленно ее догоняет, обогащаясь все более и более эффективными лекарствами. Правда, общественное положение терапевта оставалось по старинке выше, чем у хирурга: он ведь, по устоявшемуся мнению, работает головой, а хирург — руками; но об этом впереди.

Межвоенный период, в свою очередь, обогатил медицину несколькими важными достижениями. В начале двадцатых был открыт инсулин и появилась возможность лечить сахарный диабет первого типа, прежде убивавший больных детей за один-два года. Резонанс этого открытия был настолько ве-

лик, что уже в 1923 г. канадца Фредрика Бантинга и шотландца Джона Маклауда наградили за него Нобелевской премией. Кроме того, в межвоенные годы произошла настоящая революция в борьбе с инфекционными заболеваниями. Еще до Первой мировой появился первый эффективный противосифилитический препарат — сальварсан, и если в литературе XIX века попадаются персонажи с поздней стадией сифилиса: у Конан Дойла в рассказе “Третье поколение” (*The Third Generation*) это молодой баронет с врожденным сифилисом, у Киплинга в рассказе “Бабыя погибель” (*Love-o'-Women*) — солдат со спинной сухоткой, то есть третичным сифилисом, у Ибсена такие персонажи встречаются в нескольких пьесах, — то теперь такие больные практически исчезают из литературы: сифилис вылечивают на ранних стадиях (пожалуй, самое яркое исключение — Адриан Леверкюн в “Докторе Фаустусе” Томаса Манна). В 1928 г. шотландец Александр Флеминг открыл пенициллин — чрезвычайно эффективный на то время антибактериальный препарат, массовое производство которого удалось наладить лишь к началу 1940-х. А в 1930-х появились другие противомикробные средства — сульфаниламиды. Таким образом, врачи получили мощное оружие для борьбы с пневмониями, менингитами, туберкулезом, родильной горячкой (послеродовым сепсисом) и другими смертельно опасными заболеваниями, а позднее, во время Второй мировой войны, — и с гнойными раневыми инфекциями.

Самые поздние рассказы в нашей антологии датированы 1950 г. Пройдет еще всего три года, и в свет выйдет

статья Джеймса Уотсона и Фрэнсиса Крика о структуре молекулы ДНК, знаменующая собой новую веху в развитии медицины. Но это уже совсем другая история.

ВРАЧИ, ХИРУРГИ, АПТЕКАРИ

В рассказе “Старик в окне” молодой врач говорит: “Понимаете, я не терапевт. Я хирург. Конечно, терапию я изучал, но это не мое призвание. В лекарствах я не разбираюсь”. В рассказе “Дом в Гоблинском лесу” другой молодой врач постоянно повторяет: “Меня не нужно называть доктором. Ведь я хирург”.

Дело в том, что к середине XIX века существовала четкая социальная структура, которая делила членов медицинской профессии на три группы, принадлежащие, соответственно, к Королевской коллегии терапевтов (*The Royal College of Physicians*), Королевской коллегии хирургов (*The Royal College of Surgeons*) и Обществу аптекеров (*The Society of Apothecaries*). Врач-терапевт делал “чистую” работу — осматривал больного и прописывал лекарства (“джентльмен не режет джентльмена”); он мог стоять достаточно высоко на социальной лестнице, часто был выпускником Оксфорда или Кембриджа; экзамен в Королевской коллегии терапевтов проходил на латыни. К врачам обращались только богатые пациенты; к слугам вызывали аптекаря. Аптекарь не только готовил лекарства по указанию врача, но мог сам давать медицинские советы — это было разрешено специальным Законом об аптеках 1815 г. В глубинке статус

аптекаря был не ниже статуса врача: в рассказе Честертона “Деревенский вампир” доктор Малборо говорит о своих пациентах: “Они признают право на существование обычного доктора, такого, как я, — ведь кто-то должен помогать аптекарю”. К хирургу обращались представители всех социальных слоев, когда нужно было сделать операцию, вправить вывих, перевязать рану. Хирург работал руками, что было недостойно джентльмена; его работа, как и работа аптекаря, считалась ремеслом, обучались ей тоже как ремеслу — в учениках у специалиста. В давние времена обязанности хирурга выполнял цирюльник.

К концу XIX века упорядочилось медицинское образование, появились врачи общей практики (*general*

Доктор, вы уверены, что это инородное тело?
“Панч”, 1920-е гг.

practitioners), которые сочетали умение работать руками со знанием лекарств. Социальная грань между терапевтами и хирургами к XX веку в большой степени стерлась; престиж хирурга во время войны был чрезвычайно высок. И все-таки профессиональное разделение оставалось ощутимым: хирурга по-прежнему называли не “доктор”, а “мистер”.

ЖЕНЩИНЫ В МЕДИЦИНЕ

Традиция отводила женщине в медицине две роли: акушерки и медицинской сестры. С давних времен медицинскими сестрами были монахини: их доброта, внимание и нежное обхождение должны были облегчить страдания больного, — но в XIX веке положение стало меняться: медсестра превращалась постепенно в помощницу врача, ее работа становилась все более светской, диктовалась достижениями науки и специальным сестринским образованием; религиозная составляющая отступила на второй план. Появление сестринского образования связывают с именем Флоренс Найтингейл. Шла Крымская война — первая война с постоянными газетными репортажами с места событий, сопровождаемыми фотографиями и рисунками. Узнав из этих сообщений о почти полном отсутствии медицинских сестер в британской армии, Найтингейл с группой женщин отправилась в прифронтовые госпитали. Вернувшись с войны народной героиней, она в 1860 г. основала школу медицинских сестер при больнице Святого Фомы в Лондоне. Так в Англии война создала профессию медсестры. Позднее, в эпоху развенча-

ния викторианских мифов, вспомнили, что Найтингейл была на самом деле отнюдь не тем ангелом во плоти, какой ее принято было живописать: вспомнили и о ее деспотичном характере, и о страшной требовательности к другим, и о нетерпимости к чужому мнению, и о женоненавистничестве. Отголосок этого слышится в рассказе Джозефины Белл “Смерть в больничной палате”, где об убитой старшей медсестре говорят: “Бедная старая ведьма. Ужасно обращалась с подчиненными — что поделаешь, так их учили, старая школа. Да и характер у нее был соответствующий. Но прекрасная медсестра”.

С началом Первой мировой войны огромное количество девушек записалось в отряды добровольной по-

Отряд добровольной помощи

Врач. Вы умеете делать инъекции?
Сестра (в прошлом — актриса
театра "Фриволитэ").

А как же! Каждый вечер
делала смертельный укол
премьер-министру
во втором акте.

"Панч", 1916 г.

мощи (*voluntary aid detachments*, сокращенно *VADs*). Они работали на заводах, производивших боеприпасы, шили обмундирование, водили автомобили — но больше всего среди них было медсестер. Добровольцам не платили за работу, но возмещали расходы на жилье, питание, форму и тому подобное. Сестры сами нашивали красный крест на белые передники, поэтому кресты были разного размера и оттенка. Некоторые специально застирывали свой крест, чтобы казаться более бывалыми и опытными. Профессиональные сестры в госпиталях относились к добровольным помощницам настороженно и нещадно их муштровали — это очень ярко описала Вера Бриттен в книге "Заветы юности" (*Testament of Youth*). Над ними постоянно подшучивал вездесущий "Панч" — либо подчеркивая их никчемность, либо намекая, что девушки пришли в госпиталь с единственной целью подцепить жениха. Сами профессиональные медсестры, кивая на необученных девушек, решительно заявляли, что профессия медсестры должна регулироваться общенациональными стандартами. В результате после войны сестринское дело как медицинская профессия окончательно отделилось от

простой "заботы о больных". В 1920-е гг. ввели обязательное профессиональное обучение и регистрацию медсестер, а с 1925 г. — государственные экзамены.

С середины XIX века женщины начали бороться за право получать высшее медицинское образование: довольствоваться лишь ролями акушерки или медсестры они больше не хотели. Борьба эта приняла характер настоящей подковерной войны, с тактическими хитростями с обеих сторон. Когда женщин еще не принимали на медицинские факультеты, Элизабет Блэквелл ухитрилась поступить в малоизвестный медицинский колледж в Соединенных Штатах и, вернувшись в 1859 г. в Англию с дипломом врача, стала первой женщиной, зарегистрированной в Британском медицинском реестре, после чего тут же было принято постановление не вносить в реестр никого с иностранными дипломами. Вдохновленная ее примером, Элизабет Гаррет (которая сказала знаменитую фразу, что хочет стать врачом, чтобы "зарабатывать не двадцать фунтов в год, а тысячу") получила степень лицензиата Аптекарского

Элизабет Блэквелл

общества, дававшую право на диплом врача, — Аптекарское общество тут же потребовало, чтобы будущие лицензиаты непременно имели диплом выпускника аккредитованного медицинского факультета, лишая других женщин возможности пойти таким же путем. А тем временем со страниц журнала “Ланцет” лезли утверждения, что женщина, предназначенная природой на роль жены и матери, физически не способна быть врачом, что ей нельзя доверять жизнь другого человека и что тяжкий врачебный быт, с которым героически справляются отважные мужчины, вреден для нее и для ее будущих детей. “Не могу

себе представить порядочную женщину, которая хотела бы заниматься медициной, — сказал своей студентке профессор Лэйкок из Эдинбургского университета в 1869 г. — А уж для леди об этом и речи быть не может”.

Войну эту традиционалисты, конечно, проиграли. В 1874 г. появилось Лондонское женское медицинское училище — первое учебное заведение в Англии, где стали готовить женщин-врачей. В 1876 г. в парламенте был принят закон, разрешающий британским университетам давать выпускникам дипломы. Постепенно во всех медицинских специальностях стали появляться женщины-врачи, хотя даже в межвоенный период некоторое предубеждение против них все еще сохранялось. Достаточно сказать, что до 1950 г. женщины на военно-медицинской службе не могли получать офицерские звания,

Эскулапы в юбках:
обучение женщин-врачей
в Америке. “Иллюстрийтед
Лондон ньюс”, 1907 г.

что до 1944 г. сохранялись медицинские факультеты, куда принимали либо только юношей, либо только девушек, и что даже на тех факультетах, где велось совместное обучение, допустимое количество девушек иногда ограничивали одной третью от общего числа студентов.

ПРЕСТУПНИК С МЕДИЦИНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Издавна ведутся споры о том, что такое преступление — вина человека или его беда? По собственному ли злomu умыслу действует преступник, или им движет какая-то болезнь? Добр человек по природе или рождается злым? Или когда как? К последнему варианту в середине XIX века склонялся итальянец Чезаре Ломброзо — человек обширнейших интересов: судебный медик, психиатр и основатель нового научного направления, которое он назвал криминальной антропологией. По мнению Ломброзо (если представить его в упрощенном виде), иногда человек действительно рождается злым. Тяга к преступлению присутствует в таком человеке уже с рождения и представляет собой атавизм, то есть черту, доставшуюся по наследству от прошлых этапов эволюции человека. Этот психический атавизм, продолжает рассуждать Ломброзо, сопровождается и атавистическими чертами внешности, напоминающими черты первобытных людей или человекообразных обезьян; таким образом, с помощью антропометрических измерений можно распознать преступника.

Теория Ломброзо была встречена в Европе очень холодно, особенно в медицинских кругах. Тем инте-

1. Trocôcéphale vic'ateur, de Ravenne.

2. Voleur milanais, condamné 13 fois.

*Ломброзо: физические черты,
присущие преступникам*

реснее услышать родственные нотки в рассуждениях уже знакомой нам писательницы-врача Джозефины Белл. В книге «Беседы о преступлениях» (*Crime in Good Company*), рассчитанной на ценителей детективов, помещена ее статья «Преступник с точки зрения врача: психопатология преступления», где она рассматривает нервные и психические расстройства, способные толкать человека на пре-

ступления. Помимо предсказуемых расстройств: шизофрения, паранойя, маниакально-депрессивный психоз, алкоголизм, наркомания, горячный бред — в обзоре Белл встречаются такие неожиданные болезни, как истерия (преступление ради того, чтобы обратили внимание) или сахарный диабет (сильное снижение уровня сахара в крови после укола инсулина нарушает поведение и вызывает агрессивность). Это группа приобретенных расстройств, но интереснее группа расстройств врожденных. В нее вошла умственная отсталость ("среди тех, кто не столь тяжело болен, попадают те несчастные, но крайне опасные создания, которыми владеет совершенно необоснованная и неуправляемая атавистическая жажда убивать без всякого мотива" — тут так и слышится Ломброзо). Сюда же, по классификации Белл, попали так называемые половые извращения: садизм, гомосексуализм, сатириаз. Но особенно интересно третье расстройство из этой группы — врожденное отсутствие совести. Белл называет это нравственной неполноценностью, или нравственной отсталостью (*moral deficiency* — по аналогии с умственной отсталостью, *mental deficiency*), то есть, на языке современных психиатров, одной из форм психопатии. Этим расстройством Белл наделила убийцу в рассказе "Смерть в больничной палате". Заканчивая наш очерк, приведем описание нравственной отсталости, какой ее представляла себе Белл:

Полное отсутствие всякой нравственности у человека, в остальном совершенно психически здорового, встречается очень редко. Но именно среди

таких людей попадают расчетливые и хладнокровные убийцы, планирующие свое преступление ради выгоды — часто ужасающе жалкой в сравнении с тяжестью преступления. Классический пример убийцы такого рода — Смит, известный по "Делу невест в ванной".* Он женился на женщинах с небольшими сбережениями на банковском счету, страховал их жизнь, топил в их же ванне, а после "несчастливого случая" получал страховку и сбережения. Он настолько точно повторял свой метод, что третье его убийство было замечено: слишком невозможным казалось такое совпадение. Его осудили и приговорили к повешению. Интересно здесь то, что он и раньше должен был привлечь внимание врачей и, может, даже привлекал, но не подпадал ни под один известный медицине диагноз. Мальчиком Смит с бессердечным постоянством крал деньги у своей едва сводящей концы с концами семьи, примечая, куда мать прячет тяжело заработанную плату за жилье. Он сидел в тюрьме для малолетних, пока не вышел из соответствующего возраста. Он был вполне умен и совершенно способен честно зарабатывать себе на жизнь, но работать он не хотел, а хотел денег и ради них готов был на все. Как ни воспитывали его — ничто не помогало; сомневаюсь, что и новейшие сегодняшние методы, и даже сам премудрый мистер Ливард** смогли бы как-то на него повлиять. В природе всегда случаются ошибки — и среди растений, и среди животных, и среди людей. Я

* Подробнее о нем см. раздел "Детектив и громкие преступления века" на стр. 685–687.

** Джордж Ливард (1894–1973) — английский педагог, педиатр и психоаналитик, занимавшийся воспитанием трудных детей.

считаю, Смит и ему подобные лишены при рождении стадного инстинкта — очень важной части человеческого наследия. Они не способны принимать законы общежития; они отрицают любые ограничения — не только личной свободы, но и дозволенных прав. Они целиком сосредоточены на себе, но не в том смысле, что замкнуты в себе, как психически больные, а в том, что рассматривают других как свою законную добычу в мире, управляемом по закону джунглей, где они охотятся в одиночку и ощущают себя царями.

А. БОРИСЕНКО

МОРСКИЕ КУПАНИЯ

Главной интригой английской пляжной жизни в течение многих лет оставалось переодевание. Европейские же курорты всегда поражали англичан свободой нравов. Два рассказа Агаты Кристи, включенные в эту антологию, знакомят нас с английским морским курортом средней руки в 1920-е гг. и с отелем на острове Родос, принимающим состоятельных англичан в 1930-е.

В начале XX века в Англии произошли большие перемены: появились совместные пляжи и палатки-раздевалки, были упразднены громоздкие купальные машины, существенно изменились требования к купальным костюмам женщин. Однако англичане еще долго не могли забыть свое недавнее прошлое.

Агата Кристи, выросшая в приморском городе Торки, вспоминает в «Автобиографии»:

На пляже было восемь купальных машин на попечении древнего старика, отличавшегося непредсказуемым нравом, — его работа заключалась в том, чтобы непрерывно перемещать машины вверх и вниз. Вы заходили в свою купальню, раскрашенную в веселую полосочку, тщательно запирали обе двери и начинали осторожно раздеваться — в любую минуту старик мог решить, что настала ваша очередь быть спущенным в воду. Тогда кабину начинало бешено раскачивать и она со скрипом и скрежетом продвигалась вниз по камням, швыряя вас из стороны в сторону. Ощущение было очень похоже на то, что испытываешь в наши дни, пересекая каменистую часть пустыни на «джипе» или «лендровере». Останавливалась купальная машина так же внезапно, как и стартовала. После этого можно было продолжить переодевание и облачиться наконец в купальный костюм. Обычно это было весьма неприглядное одеяние, сшитое из темно-синей или черной альпаки, с многочисленными юбками, оборками и складками, которые спускались ниже колен; рукава должны были закрывать локти. Затем, в полном обмундировании, можно было отпереть дверь со стороны моря.

"Панч", 1870 г.

КУПАЛЬНИ НА КОЛЕСАХ

Увлечение морским отдыхом началось в Англии на заре XVIII века — врачи уверовали, что морская вода является панацеей и лечит от всех недугов, а особенно от подагры, и прохладные воды английского побережья приняли первых купальщиков (вначале большинство людей не умели плавать и просто плескались на мелководье).

К середине XVIII века на английских берегах появились довольно причудливые приспособления, которым суждено было на долгие годы стать неотъемлемой частью английской курортной жизни, — купальные машины. Это были деревянные домики на колесах, которые втаскивали в море лошади (иногда кабины опускались в воду при помощи веревок — это зависело от рельефа). Они решали двойную задачу: позволяли сохранять благопристойность и облегчали

вход в воду инвалидам, приехавшим на лечение. При купальной машине часто работали особые служители или служительницы — «окунальщики» (*dippers*).

Изначально купания были времяпровождением состоятельных людей — в том числе и английских монархов. Для Георга III была выстроена специальная купальная машина с пирамидальной

"Панч", 1886 г.

крышей и королевским гербом; королева Виктория, которая наслаждалась морскими купаниями на острове Уайт, также имела собственную купальную машину с серебряной отделкой и ватерклозетом.

Постепенно отдых у моря становился все более доступным для средних классов, чему немало способствовало распространение железных дорог. Английские курорты развивались: появилась специфическая приморская архитектура — променады вдоль набережной, пирсы, развлекательные парки и павильоны, концертные площадки и т. п. Вдоль моря выстраивались роскошные отели “с видом”, подальше находились пансионаты.

В 60-е годы XIX века был принят закон о раздельном купании мужчин и женщин. Мужчины на своих отдельных пляжах нередко купались обнаженными, женщины погружались в воду в крайне громоздких и неудобных одеяниях. Было запрещено входить в воду иначе, чем из купальных машин, так что морские купания оставались недешевым удовольствием. Кроме того, нужно было долго ждать своей очереди (как мы видим из рассказа “Изумруд раджи”, очереди остались непременно атрибутом приморского отдыха и тогда, когда купальные машины вышли из обращения).

Купальные машины неоднократно упоминаются в художественной литературе — так, у Льюиса Кэрролла “пристрастие к купальным машинам” — один из основных признаков загадочного Снарка, а Алиса считает, что на море все всегда устроено одинаково: купальные машины в море, малыши с деревянными лопатками на берегу,

дальше — пансионаты и железнодорожная станция.

Это ощущение однообразия посещает и героя рассказа “Голубая улика”:

Он знал, куда поедет на две недели в сентябре: куда-нибудь в Маргит, Богнор или Кромер. Какая разница. Повсюду одно и то же: причал, разноцветные фонари и съемные комнаты, где к концу первой недели радушие хозяев заметно ослабевает.

С изменениями пляжных обычаев купальные машины использовались все меньше, и им на смену пришли другие приморские сооружения.

КУПАЛЬНИ БЕЗ КОЛЕС, ПАЛАТКИ И БУНГАЛО

Сначала появились палатки. Они пришли с континента и постепенно стали отвоевывать пространство у купальных машин. Палатки были различной раскраски и формы: полосатые или однотонные, прямоугольные или сделанные в виде шатров, по образцу армейских. Их можно было арендовать на день, на неделю или на сезон. Натянута на деревянный каркас стационарная палатка с запирающейся дверью представляла собой промежуточную форму — нечто среднее между палаткой и домиком.

В переходный период в начале XX века палатки и купальные машины существовали параллельно — каждый мог следовать своим предпочтениям. В Великобритании не каждый решался пройти по берегу в купальном костюме, поэтому палатки иногда ставились на колеса, а иногда поверх купаль-

"Пирсонс", 1933 г.

ного костюма надевался просторный плащ-макинтош, который снимали только у воды — эта мода тоже пришла из Франции и называлась "макинтошным купанием".

Поскольку купальная машина, в сущности, представляла собой деревянную кабинку для переодевания, поставленную на колеса, то ничего не стоило снять ее с колес и продолжать использовать по назначению. Внутри обычно находилась скамья, крючки для одежды, иногда — столик и зеркало. В самой купальне обычно было довольно темно, зато снаружи она обыкновенно была раскрашена в яркую полоску. Купальни стали очень популярны — в них можно было не только переодеваться и хранить вещи, но и, например, приготовить чай и легкий ленч. Благодаря купальне семья могла провести на пляже весь день с относительным комфортом. С годами ценность этой собственности только росла — сегодня "пляжный домик" на каком-либо из английских курортов стоит десятки тысяч фунтов.

Еще один вид приморских сооружений назывался бунгалом. Первые бун-

гало, построенные по образцу индийских домиков, появились в 1870-х гг. в Кенте, само экзотическое слово имело артистический привкус. Такие романтические прибежища у моря строили себе состоятельные представители богемы. Впоследствии это заманчивое название стали использовать муниципалитеты, ставящие ряды маленьких домиков у моря для сдачи в аренду, и вскоре слово стало обозначать множество самых разных приморских построек. Не всегда можно различить "пляжный домик", "бунгало", "шале" — иногда употребление того или иного названия варьируется от местности к местности. Поэтому трудно с уверенностью сказать, какие именно "бунгало" упоминаются в "Изумруде раджи" — это может быть буквально все, что угодно.

"Панч", 1920 г.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Кампания за совместное купание мужчин и женщин началась еще в конце XIX века, но продвигалась поначалу медленно. На континенте — например, во Франции — нравы были куда более свободными. Когда совместное купание наконец разрешили на нескольких курортах, всем пришлось надевать на себя еще больше одежды: мужчины больше не могли плавать нагишом, а женщинам приходилось натягивать чулки.

К счастью, врачи открыли целебное воздействие солнца. Если в XVIII и XIX веках люди приезжали на море, чтобы купаться и “дышать озоном”, то в 1920–1930-е гг. они хотели еще и загорать. Теперь панацеей считалось солнце — в том числе лекарством от туберкулеза. Именно благодаря этому новому медицинскому веянию громоздкие купальные наряды отошли в прошлое — теперь полагалось подставить целебным лучам как можно больше обнаженного тела. Бледная кожа пере-

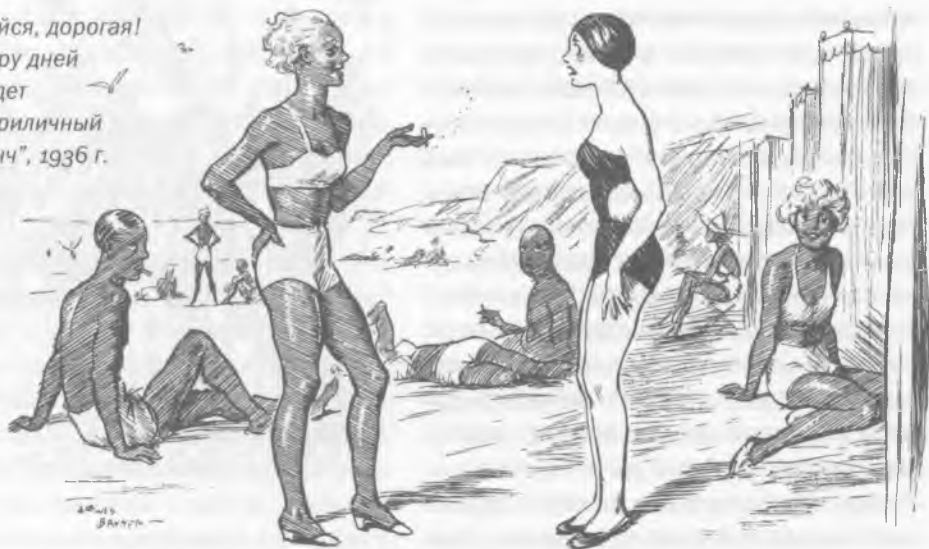
стала восприниматься как признак аристократизма, женщины больше не скрывали лица под шляпами. За этой новой модой недоверчиво наблюдает Пуаро в “Родосском треугольнике” — и, конечно, “Панч” тоже не преминул отметить всеобщую одержимость загаром.

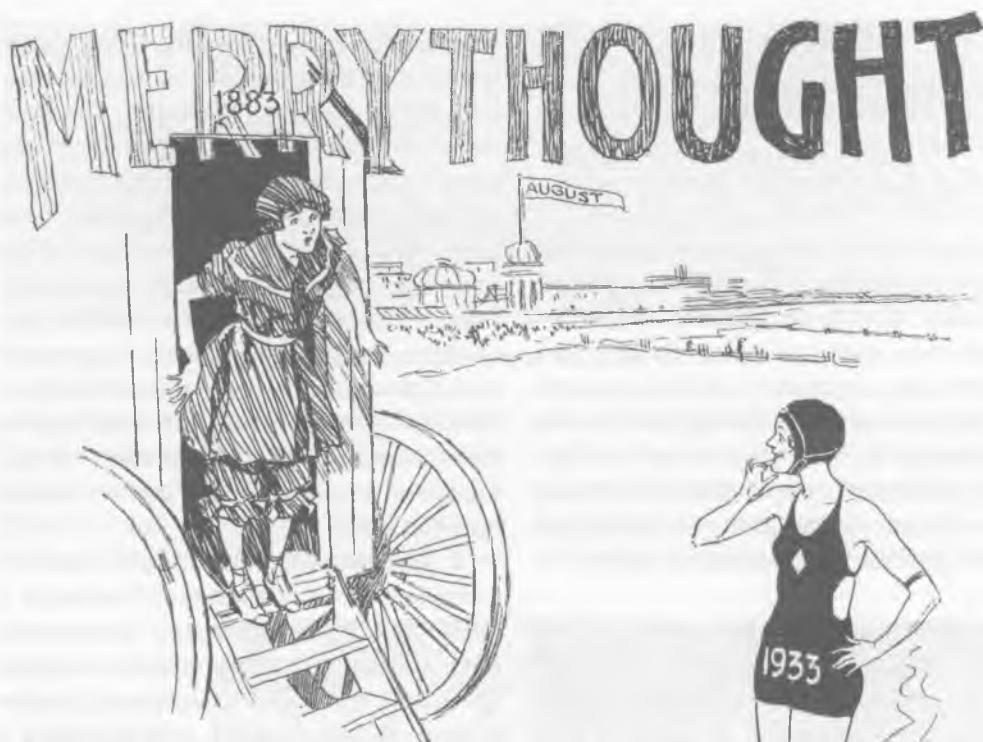
Такое раскрепощение неминуемо вело к тому, что люди все меньше пользовались платными сооружениями для переодевания — будь то палатки или купальни. Несмотря на отчаянное сопротивление местных властей, платный доступ в море, начавшийся с купальных машин, был обречен. Наступила настоящая пляжная свобода.

Купальные машины, впрочем, были все еще живы в памяти (а кое-где и использовались) — как видно из карикатур, напечатанных в журнале “Пирсонс” за 1933 г., женщины продолжали радоваться своей изменившейся участи.

Еще одно изменение касалось социального состава курортников — теперь на английских курортах было гораздо боль-

Не волнуйся, дорогая!
Через пару дней
у тебя будет
вполне приличный
вид! “Панч”, 1936 г.

"Пирсонс", 1933 г.

ше представителей рабочего класса, мелких служащих, домашних слуг и пр. Этому способствовал и послевоенный рост благосостояния, и появление оплачиваемого отпуска. Нередко семьям приходилось весь год копить на отдых, но все по возможности старались ездить на море. Кроме того, развитие автомобилизма позволяло многим приезжать к морю на день-другой. Английские курорты — Истбурн, Брайтон, Гастингс, Блэкпул и др. — необычайно разрослись.

Среди людей более состоятельных после Первой мировой войны возник настоящий бум заграничных поездок. Во время войны передвижения были ограничены, но в двадцатые и тридцатые годы люди много путешествовали и часто предпочитали отдых в Европе, где вода была теплее, а нравы свободнее.

Большой популярностью пользовались морские круизы и отдых на островах. Впрочем, даже в путешествиях англичане всегда предпочитали держаться вместе — селиться группами в одних и тех же пансионах и гостиницах. Многие детективные рассказы Золотого века используют круизные лайнеры или "английские" пансионы и отели за границей в качестве места действия. Ограниченная группа подозреваемых, которая вынуждена находиться в изолированном пространстве, представляет собой идеальную завязку для герметичного детектива.

А. БОРИСЕНКО

ТРАНСПОРТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

После войны в Англии активно развивались новые виды транспорта. Лондонское метро стало расширяться — появились длинные линии, уходящие в пригороды. Появились удобные карты метро, расписания, проездные билеты. Наземное железнодорожное сообщение, наоборот, переживало трудные дни из-за слишком активной конкуренции с другими видами транспорта.

Реклама метро

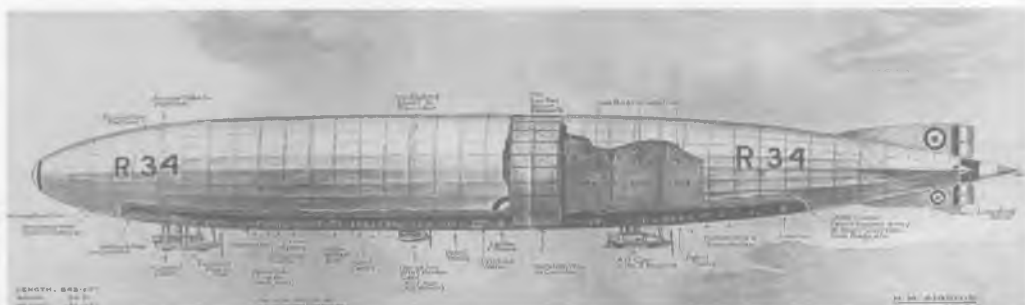
Маршруты автобусов тоже удлинялись, развивалось междугороднее автобусное сообщение. Правда, на двухэтажных автобусах вплоть до 1920-х гг. не разрешали устанавливать крышу — считалось, что в случае аварии крыша может упасть на людей и покатечить их, так что сидящим наверху пассажирам приходилось терпеть все капризы английской погоды. По улицам городов ходили трамваи и троллейбусы; оставался в ходу и конный транспорт — вплоть до 1930-х гг. почти все товары, включая уголь и молоко, доставлялись на повозках.

В межвоенную эпоху страна пережила бум велосипедов и мотоциклов — семьи, которые не могли позволить себе автомобиль, покупали мотоцикл с коляской. Кроме того, мотоцикл разрешалось водить с 14 лет, а автомобиль — только с 16.

Что до воздушного транспорта, то существовали огромные дирижабли, которые предназначались для пассажирских перелетов и были устроены как роскошные океанские лайнеры, с ресторанами, комнатами отдыха, комфортабельными каютами и т. д.

Газета "Иллюстриейтед Лондон ньюс" рекламировала их как "летающие отели". В Англии их слава пошла на убыль, когда в 1930 г. дирижабль R-101 потерпел страшную аварию: большая часть пассажиров погибла, включая министра авиации лорда Томсона. Окончательно звезда дирижаблей закатилась в 1937 г., когда при посадке в Нью-Джерси взорвался самый большой в мире немецкий пассажирский дирижабль-лайнер "Гинденбург".

Впрочем, уже в двадцатые годы было ясно, что будущее — за аэро-

Первый трансатлантический авиалайнер R 34

планами. Регулярные международные рейсы между Лондоном и Парижем были запущены в 1919 г., к 1924 г. британские авиакомпании успели обслужить 35 000 пассажиров. Вме-

сте с обыкновенными аэропланами в межвоенное время на пассажирских линиях британских авиакомпаний использовались “летающие лодки” — самолеты с корпусом наподобие кора-

Летающий отель R101. Курительная комната, каюта и променад

Пешеход. Не убивай меня!
Я иду покупать машину —
я скоро буду на твоей стороне!
"Панч", 1928 г.

К 1927 г. на дорогах Британии ежедневно погибало около 14 человек. В 1930 г. в авариях погибло 7 тыс. человек, еще 15 тыс. были ранены. Однако отношение правительства к этой новой опасности было удивительно спокойным — один из членов парламента даже

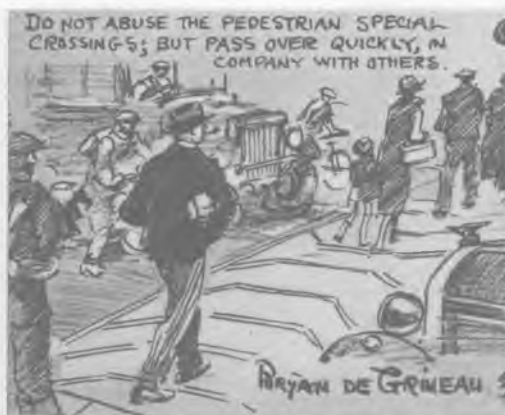
заявил, что не видит смысла обсуждать подобную тему: "Более 6 тысяч человек ежегодно совершают самоубийства, — заметил он, — никто же не поднимает шум по этому поводу". Возможно, дело было в том, что вначале автомобили воспринимались не столько как способ передвижения, сколько как опасный спорт — что-то вроде охоты или скачек. Свернул шею? Не повезло.

Четких правил движения не существовало, водители игнорировали ограничения скорости, хотя дороги были совершенно не приспособлены для гонок: автомобилиста повсюду подстерегали пригорки, овраги, крутые повороты, нерегулируемые железнодорожные переезды и т. д.

Не было и установленной судебной практики. С одной стороны, деревенские судьи, ненавидевшие автомобилистов, часто штрафовали их за любую мелочь, с другой — водитель, как правило, не нес никакой серьезной ответственности за гибель пешехода, это считалось несчастным случаем.

Железнодорожный переезд

По законодательству, принятому в 1903 г., машины должны были иметь номерные знаки, а владельцы — ежегодно обновляемую лицензию. Но до 1930 г. не существовало экзамена по вождению — купив машину, можно было садиться в нее и ехать куда глаза глядят. Агата Кристи вспоминает, как вынуждена была везти мужа на работу, еще не умея разворачиваться, — из-за Всеобщей стачки не ходил транспорт. Муж развернул машину, и она поехала обратно домой.

В 1926–1928 гг. в Лондоне стали устанавливать светофоры и организовывать круговые развязки; по всей стране постепенно унифицировали дорожные знаки. Уже в это время автомобилистам были хорошо знакомы такие трудности, как пробки, отсутствие парковочных мест и полицейские заставы на дорогах. Впрочем, созданная в 1905 г. Ассоциация автомобилистов активно сопротивлялась такой тактике полицейских: специальные патрули предупреждали автомобилистов об опасности. Эта организация вообще последовательно препятствовала любым попыткам хоть в чем-то ущемить права водителей. Только в 1934 г. у

нее появился достойный противник — новый министр транспорта Лесли Хор-Белиша твердо решил провести серьезные реформы. Прежде всего он установил мигающие желтые фонари, обозначавшие пешеходный переход (черно-белую зебру стали рисовать позже) — эти фонари в народе называли “маяки Белиши”. Кроме того, он ввел ограничение скорости в населенных пунктах — 30 миль в час, а в 1935 г. все-таки заставил автомобилистов сдавать экзамен. Увы, несмотря на все его усилия, существенно снизить смертность на дорогах не удалось.

В основном британцы покупали отечественные автомобили. Американские машины оказались в невыгодном положении из-за пошлин на импорт, а также за счет большой мощности: в Британии автовладельцы платили налог в зависимости от количества лошадиных сил. К 1920 г. на британских дорогах было около 200 тыс. частных автомобилей, к 1939 г. — 2 миллиона. В середине двадцатых годов существенно упали цены; машину можно было купить за 200–300 фунтов. Состоятельные клиенты по-прежнему выбирали “роллс-ройсы” и “бентли”, королевская

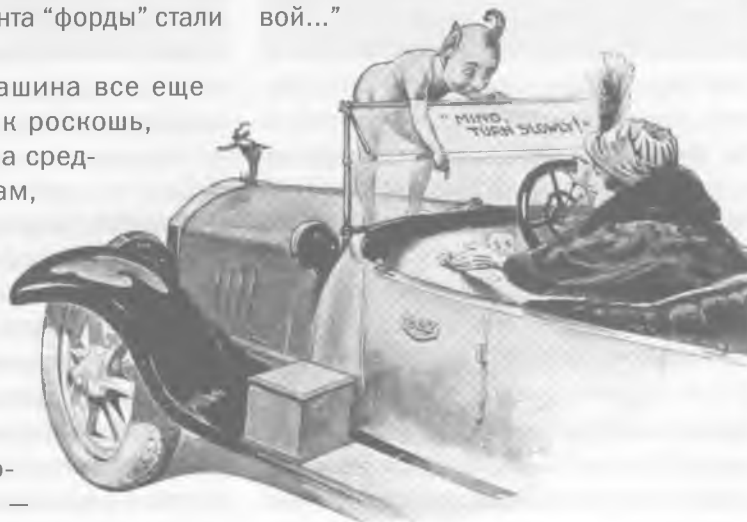

Опасности дорожного движения.
"Иллюстейтед Лондон ньюс",
1934 г.

семья и лорд Питер Уимзи ездили на "даймлере", но две трети продаж на автомобильном рынке приходилось на продукцию Уильяма Морриса и Генри Остина — потому что они ориентировались на массового покупателя. Невероятной популярностью (особенно во время депрессии) пользовались так называемые "народные автомобили" — маленькие, с небольшим расходом топлива, доступные по цене: "моррис-майнор", "остин-севен", маленький "форд-У" ("форд" выдерживал конкуренцию с британскими автомобилями за счет низкой цены; кроме того, с определенного момента "форды" стали собирать в Англии).

В 1920-е годы машина все еще воспринималась как роскошь, но уже была доступна среднему классу — врачам, юристам, архитекторам, писателям. Агата Кристи вспоминает, как муж предложил ей купить автомобиль на полученный от журнала крупный гонорар (500 фунтов) —

мысль эта вначале показалась ей совершенно дикой, ни у кого из знакомых автомобилей еще не было, но потом она с восторгом согласилась: "Я хочу признаться здесь и сейчас, что дважды за свою жизнь испытала настоящее потрясение. В первый раз — когда у меня появилась машина, мой носатый серый "моррис-коули". Во второй — когда более сорока лет спустя мне довелось ужинать с королевой в Букингемском дворце. Потому что и то и другое было сродни волшебству, в это невозможно было поверить: иметь собственную машину, ужинать с английской королевой..."

А. БЕРДИЧЕВСКИЙ

ОРУДИЯ УБИЙСТВА И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Как правило, радиоприемники
не опасны для жизни.

Найю Марш, "Смерть в эфире"

При расследовании убийства одной из ключевых уликой является орудие, которым оно было совершено. Без орудия труднее реконструировать события, труднее доказать вину подозреваемого в суде. Поэтому и в реальной жизни, и в литературе преступник часто скрывает орудие убийства, а следовательно, соответственно, его ищет. Таким образом, перед преступником стоит задача со следующим противоречием: с одной стороны, орудие должно быть (чтобы совершить убийство), с другой стороны, его быть не должно (чтобы следователь его не нашел). В жизни обычно принимается самое очевидное решение — использовать и выбросить, а вот в литературе авторы детективов с самой зари жанра изощряются в остроумии, сочиняя необыкновенные способы убийства и изобретая незаметные орудия. В XX веке они при этом нередко полагаются на недавние достижения технического прогресса.

ИСЧЕЗАЮЩЕЕ ОРУЖИЕ

Идеальное решение вышеупомянутого противоречия — это орудие, которое само исчезает после использования.

Оно в буквальном смысле существует в момент убийства и отсутствует после него. Изящный способ это реализовать — изменение агрегатного состояния, и в литературе неоднократно встречается ледяное оружие, которое впоследствии тает и обнаружено быть не может. В рассказе "Чайный лист" представлена еще более совершенная разновидность такого оружия: клинок из сухого льда, то есть твердого углекислого газа. Он тверже обычного льда и к тому же при комнатной температуре, не говоря уже о температуре турецкой бани, не плавится, а очень быстро испаряется. Для самоубийцы Келстерна это существенно: ему необходимо, чтобы оружие бесследно исчезло примерно за две минуты.

Твердый углекислый газ впервые наблюдался в 1834 г., когда его случайно получил французский химик Шарль Тилорье. Успешное же коммерческое его использование (для охлаждения продуктов) началось только в 1925 г., как раз когда вышел "Чайный лист". Неизвестно, знали ли об этом авторы рассказа: успеха добилась американская компания. Часто встречается утверждение, что само название "сухой лед" появилось благодаря названию компании "Драй-Айс Корпорейшен", однако на самом деле оно возникло раньше, не позднее конца XIX века.

Сам по себе процесс изготовления сухого льда несложен, и Келстерн успешно его осуществляет. Он, однако, не учитывает, что в лаборатории останется достаточно следов, по которым можно будет разгадать его замысел и даже воссоздать пропавшее орудие, отсутствие которого в данном случае должно было не спасти виновного, а погубить невиновного.

СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ

Другое решение противоречия “орудие есть, но его нет” — это замаскировать орудие подо что-то другое, под невинный предмет обстановки. Для преступника орудие есть, для остальных — нет. Таких попыток в нашей антологии три. В рассказе “У телефона” замысел состоит только в том, чтобы спрятать орудие:

Звонят полицейские при этом на почту: в Великобритании почта с самого начала контролировала услуги телефонной связи и по большей части сама же их и предоставляла. Такое положение дел было в 1880 г. закреплено судебным решением о том, что телефон является телеграфом, а телефонный разговор — телеграммой (что неудивительно: даже оригинальный патент Белла называл-

Телефонируем в Америку —
революция в беспроводных сообщениях!
“Иллюстриейтед Лондон ньюс”, 1920 г.

Голос золотых труб:
радиомызыка в Олимпии.
“Иллюстриейтед Лондон ньюс”, 1923 г.

в телефонный аппарат встраивается мушкетон, который разносит голову абонента на куски при попытке ответить на звонок. Обратите внимание, что телефон уже давно не экзотика, но еще и не такая обыденная вещь, как сейчас: тот факт, что в округе недавно пропал телефонный аппарат, полиция легко устанавливает за несколько минут.

ся “Улучшение телеграфии”), а значит, телефония находится в ведении почты. Почта утратила эту роль лишь через сто с лишним лет.

В рассказе “Смерть в эфире” замысел хитрее: убийство маскируется под естественную смерть. Эта затея проваливается сразу, когда становятся видны электрические ожоги на руках убитого,

но преступник еще долго надеется, что полиция не разберется в переделанном радиоприемнике и признает причиной смерти несчастный случай.

Многие англичане разделяли страсть убитого Септимуса Тонкса к радио, хотя первые шаги нового средства коммуникации были нелегкими. Если телефон — это разновидность телеграфа, то радио сначала воспринималось как разновидность телефона и, собственно, так и называлось: “беспроводная телефония” (контролировала его опять же почта). Соответственно, и применение ему искали главным образом как телефону: обмен информацией между несколькими абонентами. Идея одностороннего вещания на большую аудиторию возникла позже. Когда началась Первая мировая война, в Англии все любительское (читай: гражданское) вещание запретили. Когда война кончилась, его вновь разрешили, и в 1920 г., после выдачи первых лицензий, на станции в Челмсфорде, принадлежавшей компании Маркони, состоялся концерт знаменитой певицы Нелли Мельба*.

Его слушала вся Европа, и эта передача считается переломной точкой: публика по-настоящему заинтересовалась радио. Тем не менее в том же 1920 г. в Великобритании вещание опять запретили на два года — по техническим причинам. Иначе обстояло дело в Америке: там ничего не запрещали и вообще регулировали вещание значительно меньше. К тому же там можно было получать доход за счет рекламы, поэтому станции стали расти как грибы. Англи-

чане, с одной стороны, завидовали, с другой — критиковали американцев за хаос в эфире (многочисленные станции мешали друг другу) и за рекламу. В итоге в феврале 1922 г. вещание возобновилось, а в октябре была основана компания Би-би-си (с 1927 г. — корпорация), которая на десятки лет сохранила монополию на радиовещание в Англии и стала крупнейшим вещательным предприятием в мире. Би-би-си быстро начала передавать концерты, радиопьесы, дебаты, прогнозы погоды и многое другое, а в 1924 г. по радио впервые выступил король. Радио стало по-настоящему массовым средством информации: для него пространство было небольшим препятствием.

Король говорит: радиообращение Георга V

Всеобщее доверие к радио позволило одному из авторов нашей антологии сыграть с англичанами злую шутку. 16 января 1926 г. священник Рональд Нокс прервал передачу о литературе XVIII века сообщением, что в Лондоне вспыхнул бунт. Описывая события, он упомянул, что Биг-Бен расстреляли из пушек, отель “Савой” сожгли и одного из министров линчевали. Время было беспокойное (всего через полгода, в мае, состоялась Всеобщая стачка), и

* Именно в ее честь знаменитый кулинар Эскофье назвал изысканный десерт “персик Мельба” (см. раздел “Столичная жизнь”, стр. 611).

сообщение прозвучало убедительно. Вечером Би-би-си выпустила в эфир опровержение, разъясняя, что это был розыгрыш, но паника улеглась не сразу. Особенно долго оставались в неведении жители провинции: снежная погода задержала доставку к ним газет.

Серьезный конкурент у радио зародился в 1930-е годы: Би-би-си начала и телевидение, впоследствии приостановленное войной.

Орудие убийства в рассказе "Человек, который любил игрушки" имеет косвенное отношение к телевидению и кино. Здесь у преступников замысел самый тонкий: убийство маскируется под самоубийство, а орудие найти практически невозможно. Взгляды полиции естественным образом прикованы к револьверу, из которого застрелился Льюис Энстоун, между тем как истинным орудием убийства, приспособлением, которое заставило его выстрелить себе в глаз, является игрушечный револьвер-"кинотеатр".

Любопытно, что во всех трех рассказах орудия убийства связаны со средствами коммуникации — одним из самых ярких достижений прогресса в XX веке.

Глава семьи. Мэри, скажите этим музыкантам, чтоб уходили! Они мешают нам слушать рождественские песни по радио! "Панч", 1925 г.

Танец на реке: новые радости радио. "Иллюстрийтед Лондон ньюс", 1923 г.

А. БОРИСЕНКО, А. ЗАВОЗОВА

ДЕТЕКТИВ И ГРОМКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕКА

С самого начала существования детективного жанра писатели использовали реальные преступления как основу для своих сюжетов — так поступали Эдгар По, Чарльз Диккенс, Уилки Коллинз. Криминалистика, в свою очередь, многим обязана детективной литературе: герои Эмиля Габорио начали снимать гипсовые слепки со следов задолго до того, как этот метод взяла на вооружение французская полиция, Конан Дойл стал считать отпечаток пальца надежным свидетельством раньше, чем английское правосудие.

Авторы Золотого века несколько меньше своих предшественников увлекались тонкостями полицейского расследования, однако и их воображение будоражили громкие преступления — особенно те, где преступника не удавалось найти или его вина оставалась недоказанной. Детективный клуб в 1936 г. издал два сборника: “Анатомия убийства” и “Еще раз анатомия убийства”, в которых писатели размышляли над нераскрытыми преступлениями прошлого. Нетрудно заметить, что больше всего их привлекало супружеское убийство. Дороти Сэйерс цитирует адвоката, который говорил, что не нужно искать в таком преступлении дополнительный мотив — самого факта супружества вполне достаточно. Однако мисс Сэйерс тут же замечает, что автор детектива, в отличие от судей и присяжных, ищет не самое простое объяснение, а, наоборот, самое невероятное. Может

быть, поэтому писатели часто скептически относились к вердиктам присяжных и предлагали изобретательные альтернативные версии.

ЖЕНЩИНЫ-ВАМП И УБИТЫЕ МУЖЬЯ

Пожалуй, среди авторов, представленных в этой антологии, к судебной хронике чаще всего обращались Энтони Беркли и Джон Диксон Карр. В романе “Отравленный шоколад” Беркли использовал целых шесть реальных судебных дел. Реальными преступлениями интересовалась также и Дороти Сэйерс — в романе “Приложено к делу” она вполне сознательно делает героиню похожей на знаменитую Эдит Томпсон, приговоренную к смертной казни на одном из самых шумевших процессов начала XX века. В романе Сэйерс молодая женщина расправляется с мужем руками любовника, причем действует хладнокровно и безжалостно. В реальной жизни все было не так просто. Эдит Томпсон, скучающая домохозяйка из Илфорда, вступила в любовную связь с молодым жильцом по имени Фредди Байуотерс. Она писала ему письма, где высказывала настоятельное желание избавиться от постылого супруга. В конце концов Фредди зарезал мужа Эдит. Но не существовало никаких доказательств, что она знала о готовящемся преступлении. “Эдит Томпсон повесили женщины Англии”, — заявляет Энтони Беркли. Повесили за то, что она подрывала семейные устои, изменяла мужу и превосходила каждую из них женственностью. Это очень поэтичное объяснение, но мужчины тоже приложили руку

к казни “илфордской Месалины”, как прозвали ее газеты. Заместитель генерального прокурора солгал присяжным, что в письме к любовнику Эдит назначила ему свидание на месте будущего убийства. Ничего подобного в письмах не было, а сами письма присяжным не предоставили из соображений благопристойности: в них упоминались такие скандальные вещи, как менструация и оргазм. Против Эдит сыграло и то обстоятельство, что Фредди был моложе ее на девять лет: ей было 29, ему — всего 20. Обоих приговорили к смертной казни; после суда было собрано огромное количество подписей с требованием пересмотра дела. Тем не менее 9 января 1923 г. осужденных повесили. По всей видимости, Эдит Томпсон была беременна.

История Эдит Томпсон легла в основу нескольких детективов и биографий, о ней сняли фильм, ее могилу до сих пор показывают туристам.

В книге “Еще раз анатомия убийства” Энтони Беркли разбирает другой судебный процесс, сюжет и действующие лица которого очень напоминали дело Эдит Томпсон. Это был суд 1935 г. над миссис Раттенбери и ее молодым любовником. По мнению Беркли, подсудимая избежала виселицы только благодаря тому, что все помнили о несправедливости, допущенной по отношению к Эдит. “Если бы миссис Томп-

Суд над Эдит Томпсон и Фредериком Байуотерсом, Олд-Бейли. “Иллюстрийтед Лондон ньюс”, 1922 г.

сон не повесили, то миссис Раттенбери повесили бы наверняка”.

Решение присяжных часто зависело не столько от фактов, сколько от эмоционального отношения к подсудимому. Это прекрасно понимает героиня рассказа “Показания судьи”: “Гэмбл не раз участвовал в заседаниях уголовного суда как главный герой или же как заинтересованный зритель и прекрасно отдавал себе отчет в важности драматической паузы, каковую он и сделал, наклоняясь к барьеру трибуны и спокойно, торжествующе улыбаясь”. В рассказе “Чайный лист” прокурор пытается вос-

пользоваться “инстинктивным стремлением британских присяжных и британских судей к защите нравственности: они всегда готовы повесить человека, обвиняемого в убийстве, за аморальные отношения с противоположным полом”. Кроме того, суд был своего рода представлением, куда охотно ходила публика. Особенно любили это развлечение женщины. “Разумеется, зал суда был полон женщин — расфуфыренных и надушенных — жен пэров, букмекеров и политиков” (“Чайный лист”). Большое влияние на присяжных оказывало красноречие адвоката: “Хейзелдин всегда одерживает верх, или, по крайней мере, так кажется. А значит, на его стороне и симпатии присяжных”. Очень возможно, что прототипом Хейзелдина послужил блестящий адвокат сэр Эдвард Маршалл Холл, который в двадцатые годы находился в расцвете своей карьеры. Но в начале XX века у артистичного барристера появился серьезный соперник — компетентный эксперт.

БЕРНАРД СПИЛСБЕРИ И УБИТЫЕ ЖЕНЫ

В рассказе “Чайный лист” эксперт — профессор Мозли — выступает на стороне защиты. Однако самый известный эксперт того времени прославился тем, что отправил многих обвиняемых на виселицу. Впервые молодой патологоанатом Бернард Спилсбери привлек к себе внимание в 1910 г., когда ему довелось сыграть решающую роль в громком судебном процессе. История Криппена — американца, жившего в Лондоне, — на первый взгляд была довольно обыкновенной: муж убил постылую жену, чтобы

соединиться с любовницей. Однако в деле было много деталей, распаливших воображение публики.

Во-первых, судя по свидетельским показаниям, жена Криппена, бывшая певичка варьете, открыто изменяла мужу и всячески над ним издевалась. Роджер Шерингем (сыщик, придуманный Энтони Беркли) говорит в одном из романов, что если существовала на свете женщина, которая просто напращивалась на то, чтобы ее убили, то это была Кора Криппен. Сам же Криппен был врачом-гомеопатом, безобидным и добросердечным человеком. На суде он держался мужественно, вину свою отрицал, изо всех сил выгораживал любовницу — словом, производил приятное впечатление. Во-вторых, парочка уже отплыла на корабле в Канаду (причем любовница Криппена была переодета мальчиком), и их задержали в порту прибытия благодаря радиосвязи с кораблем, что было первым случаем такого использования радиogramмы. И в-третьих, против Криппена практически не было доказательств. Да, его жена исчезла неизвестно куда. Да, он привел в дом любовницу и отдал ей украшения жены. Да, под полом его квартиры удалось обнаружить фрагменты человеческих останков, но установить, что они принадлежали жене Криппена, не представлялось возможным (не было найдено ни головы, ни конечностей). Тут-то и вышел на сцену Бернард Спилсбери — он не только обнаружил в останках следы скополамина (сильнодействующего алкалоида), но и уверенно утверждал, что ему удалось идентифицировать шрамовую ткань в нижней части живота (в этом месте был шрам у покойной Кору Криппен). Это

свидетельство оказалось решающим — Криппен был приговорен к смертной казни и повешен.

Маршалл Холл впоследствии заявил, что если бы он защищал Криппена, то того бы отпустили или в худшем случае вменили бы ему убийство по неосторожности. По его версии, Криппен дал жене лекарство от депрессии, но не рассчитал дозу. А потом, испугавшись, расчленил и спрятал труп. Так же считал и Энтони Беркли — в 1937 г. он опубликовал заметку “Был ли Криппен убийцей?”, в которой доказывал, что если и имело место убийство, то непреднамеренное. Скополамин должен был просто усыпить Кору и тем самым дать Криппену возможность провести спокойный вечер. “Человек не может сорок восемь лет быть милым и добрым, а потом оказаться чудовищем”. Сомнения в справедливости приговора высказывал и американский автор детективов Раймонд Чандлер.

Дело Криппена вызвало огромный резонанс — о нем даже слагали стихи. Однако настоящую известность Спилсбери принес другой судебный процесс — действительно из ряда вон выходящий. Это было дело Джорджа Джозефа Смита (хотя у этого человека было много других имен), которое вошло в историю как “Дело невест в ванной” (1915 г.). Смит трижды в течение трех лет женился на дамах со

Зарисовки с процесса над Криппеном. “Скетч”, 1910 г.

средствами, после чего эти достаточно молодые и здоровые женщины оформляли страховку в его пользу, стремительно заболевали, обращались к врачу и тонули в ванной “в результате припадка”. В каждом случае проводилось дознание с вердиктом “смерть в результате несчастного случая”. Надо учесть, что ванные комнаты были далеко не во всех домах, и Смит проявлял большую настойчивость, чтобы снять именно комнаты с ванной. Поскольку в то время не существовало документов, надежно идентифицирующих личность, он проделывал все это без труда и по-

пался, в сущности, случайно. После того как в ванной утонула третья по счету жена, в газете появилась заметка, описывающая это происшествие, и хозяин квартиры, в которой утонула предыдущая жертва, написал в Скотленд-Ярд о сходстве этих двух случаев. Началось следствие, Смит предстал перед судом. По ходу дела обнаружилось еще две жены (на этот раз живых). В многоженстве сомнений не было, но убийства Смит отрицал.

На этот раз Бернард Спилсбери и Маршалл Холл встретились в зале суда, и Холл проиграл.

Бернард Спилсбери в "Галерее знаменитостей" журнала "Панч", 1928 г.

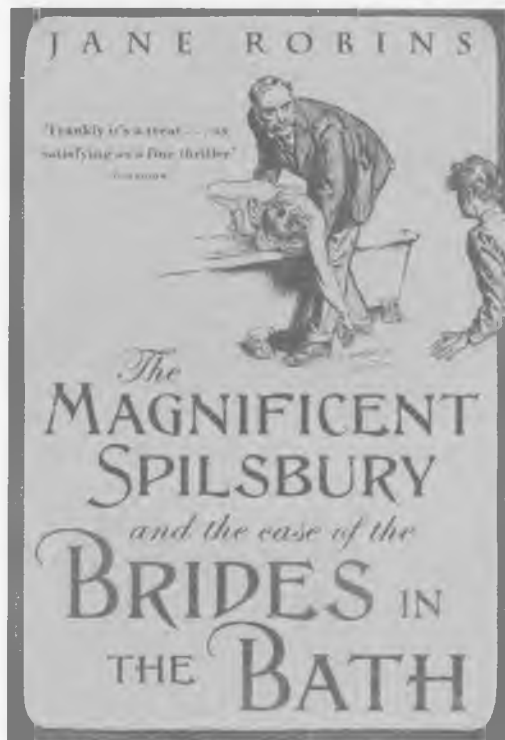
О ты, кому подсыпали нарочно
Зловещего в напиток порошка —
Покойся с миром: Спилсбери дотошный
Найдет его и у тебя в кишках.

Спилсбери провел следственный эксперимент: пловчиху погрузили в ванну с водой и резко дернули за ноги. Она моментально захлебнулась — полицейским едва удалось ее откачать. На этом Спилсбери и построил свои выводы: если бы жертвы тонули в результате припадка, смерть не была бы мгновенной, утверждал он. А гусиная кожа, обнаруженная им на останках одной из жертв, и тот факт, что женщина в момент смерти крепко сжимала в руке мыло, говорят о том, что смерть была насильственной. Кроме того, он представил замеры ванн и сложные рассуждения о том, могла ли жертва оказаться в той или иной позе в момент утопления. С точки зрения сегодняшней науки доводы Спилсбери кажутся сомнительными, но в то время они произвели большое впечатление на присяжных и существенно повысили престиж судебно-медицинской экспертизы. Нельзя не добавить, что Спилсбери прекрасно умел держать внимание публики и обладал большим личным магнетизмом. Его называли "настоящим Шерлоком Холмсом". В деле Смита старая судебная система, построенная на красноречии (Маршалл Холл), проиграла новой, "научной", которую представлял Спилсбери. Интересно, что автор триллеров Эдгар Уоллес писал репортажи об этом деле для журнала "Титбитс".

Оба эти дела и сегодня продолжают вызывать интерес самых разных людей. В 2007 г. американские исследователи провели экспертизу материала по делу Криппена и пришли к выводу, что ДНК жертвы не соответствует ДНК потомков Кору Криппен, и вообще труп принадлежал мужчине. (Надежность этого

Маршалл Холл
 "Иллюстрированный Лондон ньюс", 1920 г.

Обложка книги Джейн Робинс
 "Великолепный Спилсбери...", 2010 г.

исследования тут же была оспорена.) Постоянно появляются новые книги о Спилсбери и его роли в развитии криминалистики.

В 1920–1930-е гг. память об этих двух громких процессах была еще свежа — в детективной литературе отсылки к ним встречаются буквально на каждом шагу: многоженцы-убийцы у Агаты Кристи (например, в рассказах "Коттедж Соловей" и "Кровь на мостовой"), трупы женщин, спрятанные под полом (этот сюжетный элемент очень любил Рой Викерс), и, конечно, бесконечные ванны, представляющие непосредственную угрозу для жен. Интересно, что во многих рассказах такого рода женщина спасается, найдя газетные вырезки с описаниями прошлых преступлений мужа или просто проявив находчивость (а иногда даже успевает убить мужа первой). В рассказе Марджери Аллингем "Три — счастливое число" героиня объясняет, что немолодая женщина, заключившая поспешный брак, не может не насторожиться, когда муж предлагает приготовить ей ванну.

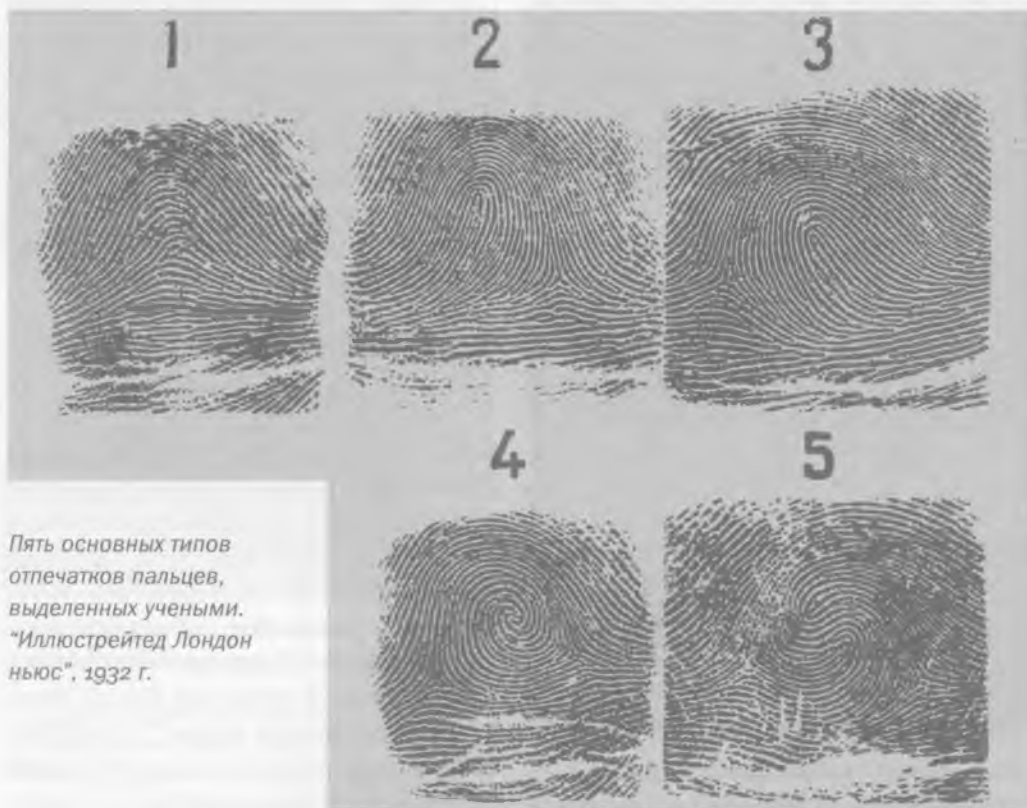
ДРАМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДАКТИЛОСКОПИИ

Несмотря на громкий успех Бернарда Спилсбери, в межвоенные годы многие скептически относились к научным методам в криминалистике. Маршалл Холл говорил на процессе Смита, что все это — американские штучки, которые не следует допускать в британское правосудие. В рассказе Дж. С. Флетчера "Показания судьи" (1919) мы видим, как театральный жест торжествует над научным фактом. С самого

начала мы узнаем, что “судья Стэплтон скептически относится к теории об отпечатках пальцев” и инспектор Дикинсон — “убежденный сторонник дактилоскопии” — вовсе не уверен, что найденная им улика будет принята во внимание. Это неудивительно, поскольку в полной мере систему опознания преступников по отпечаткам пальцев в Скотленд-Ярде внедрили только после 1920 г., а до того дактилоскопия была всего лишь интересной теорией, вызывавшей сомнения из-за полной недоказуемости своего основного принципа — что у двух человек не может быть одинаковых отпечатков пальцев.

История этой системы идентификации началась достаточно давно —

в 1855 г. Именно тогда Уильям Гершель, губернатор довольно глухой местности в Бенгалии, обнаружил наконец способ заставить подрядчиков-индусов выполнять свою работу — теперь к контракту они прикладывали не только свою подпись, от которой потом можно было и отказаться, но и отпечаток ладони. Позднее, в 1873 г., в Токио английский врач Генри Фолдс, участвуя в археологических раскопках, заинтересовался древними отпечатками пальцев на керамике. Он стал снимать и изучать отпечатки пальцев у родственников и коллег, но только когда он с их помощью раскрыл преступление — кражу медицинского спирта из больничного сейфа, — то понял: так можно ловить преступников.

В 1880 г. Фолдс пишет о своем открытии в журнал "Нейчур", но ученое сообщество не проявляет никакого интереса к его статье. Откликается только Гершель — с рассказом о своем индийском опыте. Тогда Фолдс пишет письмо Дарвину с подробным описанием своих исследований, и Дарвин пересылает письмо своему кузену Френсису Гальтону. Создатель евгеники Гальтон одержим идеей доказать генетически превосходство одних людей над другими, и отпечатки пальцев кажутся ему общей человеческой "подписью", которая поможет ему в исследовании. Однако он делает первооткрывателем не Фолдса, а своего друга Гершеля, просто переставив очередность писем Гершеля и Фолдса в своем докладе, подготовленном для Королевского института. Генри Фолдс — нищий, никому не известный врач с кучей детей и долгов — будет всю жизнь пытаться доказать свое участие в этом открытии, но так и не преуспеет.

В 1894 г. сэр Эдвард Генри, старший инспектор Бенгальской полиции в Индии, начинает использовать отпечатки пальцев для идентификации преступников. Он активно переписывается с Гальтоном и, усовершенствовав его классификацию, создает собственную систему классификации отпечатков пальцев, которая и становится основной.

В том же 1894 г. английская полиция неохотно вводит в действие систему опознания преступников, основанную на сочетании бертильонажа* и снятия отпечатков пальцев, после того

как в 1892 г. в Аргентине преступника удалось изобличить исключительно по кровавому отпечатку пальца на дверном косяке. Это была сенсационная история: зверски убили детей некой Франсиски Рохас; она обвинила в преступлении своего бывшего ухажера; потом выяснилось, что у Франсиски есть еще один ухажер, который на дух не переносит ее детей, и полиция арестовала его. Но Хуан Вучетич, поклонник дактилоскопии, учредивший в полиции Бюро идентификации, обнаружил, что кровавый отпечаток принадлежит самой Франсиске Рохас.

Однако для того, чтобы система победила в Англии, нужен был английский судебный процесс. Такой процесс состоялся в 1905 г. — двух бандитов, братьев Альберта и Альфреда Страттонов, осудили за убийство пожилой пары (владельцев лавки) на основании одних только данных дактилоскопии. Известный медэксперт доктор Гарсон так ненавидел новомодную теорию, что взялся лжесвидетельствовать в пользу защиты, однако инспектору Коллинзу удалось разбить все его построения с помощью наглядной демонстрации: отпечаток пальца одного из обвиняемых в точности совпадал с отпечатком, обнаруженным на коробке с вырубкой. Братьев Страттонов приговорили к смертной казни.

Становлению системы во многом помог крах бертильонажа: в 1911 г. из Лувра похитили "Мону Лизу", причем преступник оставил полный набор отпечатков. Поскольку французская полиция пользовалась системой Бертильона, у нее не было картотеки отпечатков пальцев; картину нашли только спустя два года. Надо отметить, что в Скотленд-

* Бертильонаж — метод идентификации преступников, изобретенный Альфонсом Бертильоном и основанный на описании и измерении антропометрических параметров, которые остаются неизменными в течение всей жизни человека.

Ярде отдел дактилоскопии существовал уже с 1901 г. — изначально он состоял из трех человек и использовал систему классификации, предложенную сэром Эдвардом Генри. В двадцатые годы у Скотленд-Ярда на вооружении были разнообразные научные методы — работали эксперты, графологи (в рассказе “Образцовая подделка” графологи определяют, что подпись на чеке фальшивая), была и картотека отпечатков пальцев. В рассказе “Показания судьи” инспектор сверил найденный отпечаток с картотекой и на этом основании арестовал преступника. Но, как мы видим, этого оказалось недостаточно.

А. БОРИСЕНКО

КЛЕРИХЬЮ И ПОЭЗИЯ НОНСЕНСА

В оксфордском Мертон-колледже, где учился Эдмунд Клерихью Бентли, о нем предпочитают вспоминать не как об авторе детективов, а как об изобретателе нового стихотворного жанра — клерихью. Этот жанр, при всей своей легковесности, опирается на весьма почтенную традицию нонсенса. Старинные “песенки матушки Гусыни”, считалки, скороговорки занимают важное место в английской литературе. У Агаты Кристи есть несколько романов, которые построены на этих нелепых стишках: “Десять негрятят”, “Пять поросят”, “Раз, два, три, пряжку застегни” и т. д.

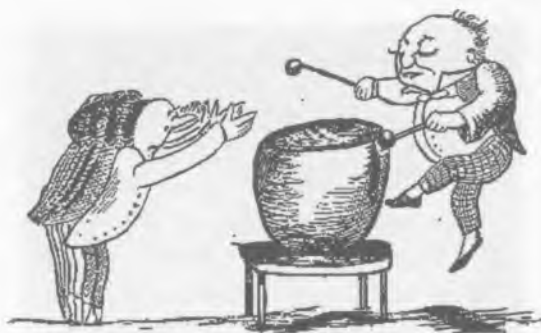
Однако прежде всего поэзия нонсенса связана с именами Льюиса

Кэрролла и Эдварда Лира. Они оба упоминаются в рассказе Бентли “Ангел-хранитель”, включенном в этот сборник, — и не просто упоминаются, а, можно сказать, указывают Тренту путь к спрятанному завещанию.

ЛИМЕРИКИ

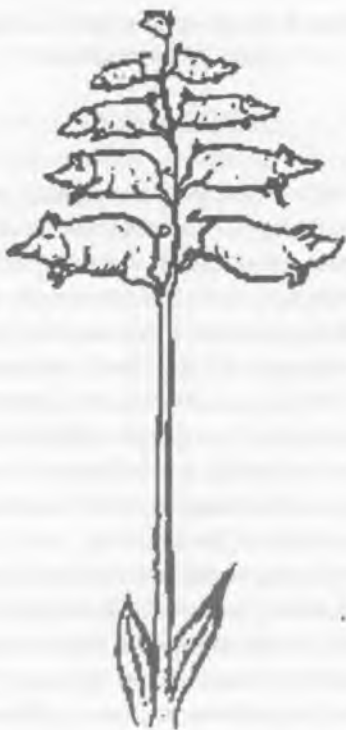
И “ЧЕПУХОВАЯ БОТАНИКА”

Эдвард Лир был художником и сам иллюстрировал свои абсурдные произведения. В 1846 г. он издал “Книгу нонсенса”, в которой возродил традицию лимерика — стишка очень строгого по форме и довольно безумного по содержанию. В лимерике пять строк с рифмовкой *aabba*, причем третья и четвертая строки существенно короче остальных. В первой строчке появляется герой и, как правило, географическое название (такой-то оттуда-то), часто со сказочным зачином вроде “жил да был”. Потом сообщается, чем именно замечателен был этот герой, причем описательная неторопливая интонация часто обрывается энергичной и не всегда благоприятной для героя концовкой. Разумеется, в лимерике могут быть всевозможные вариации, но размер, ритм и рифмовка остаются неизменными. Григорий Кружков, много переводивший Лира, пишет, что судьба персонажа в нем определяется “не прошлой логикой жизни, а рифмой”: “Если наш герой из Тобаго, то он должен есть саго. Если, скажем, из Кёльна — огурец малосольный. Дама из Салоников не может обойтись без поклонников, а леди из Атлантики просто обязана вязать бантики”... Вот пример классического лимерика из “Книги нонсенса”:

Жил да был старичок из Гонконга,
Танцевавший под музыку гонга.
Но ему заявили:
“Прекрати это — или
Убирайся совсем из Гонконга!”*

В рассказе “Ангел-хранитель” Бентли упоминает другой шедевр Лира — “Чепуховую ботанику” (1888). Вот так выглядит упомянутая в рассказе Свинообилия пирамидалис** (*Piggjawiggia pyramidalis*):

А вот Щекорожия шарообразная (*Phatt-facia stupenda*):

“ОХОТА НА СНАРКА”

Что касается поэмы Льюиса Кэрролла “Охота на Снарка”, то это весьма загадочное произведение, которому многие пытались дать разного рода глубокомысленные истолкования. Сам же Кэрролл писал об этом так: “Боюсь, что я не имел в виду ничего, кроме нонсенса! Все же слова, как вы знаете, значат больше, чем мы хотим сказать, и книга в целом должна значить больше того, что мы имели в виду. А потому я готов согласиться с любым добрым смыслом, который вы обнаружили в этой книге”***.

В рассказе “Ангел-хранитель” Трент восхищается и внешним видом книги: “Ага! Вот она, красавица! — И он

* Перевод Г. Кружкова.

** Названия растений приведены в переводе Д. Даниловой.

*** Перевод Н. Демуровой.

Обложка первого издания
"Охоты на Снарка"

вытащил тоненькую книгу в красном переплете. — Одна из самых красивых книг, которые я видел". Разумеется, у такого ценителя и знатока, как мистер Лэнделл, на полке стояло первое издание — 1876 г., с иллюстрациями Генри Холлидея. Примечательно упоминание красного переплета — дело в том, что весь тираж был выполнен в бежевом цвете, и только сто экземпляров, заказанных Кэрроллом, чтобы дарить друзьям, были красные с золотым тиснением. Книга должна была выйти 1 апреля, в "день дурака", но первые экземпляры в красной обложке были готовы раньше и подписаны уже 29 марта. Если книга была красной, то почти наверняка в ней был автограф Кэрролла.

Пустая карта, на которой мистер Лэнделл
написал завещание

КЛЕРИХЬЮ

В журнале "Стрэнд" за 1947 г. опубликована короткая заметка Николаса Бентли, сына Э. К. Бентли, которая начинается так: "Бесполезно искать слово *клерихью* в словарях. Его там нет — пока что". Сегодня, открыв большой Оксфордский словарь английского языка, вы без труда найдете там это странное слово (оно было внесено в словарь еще при жизни Бентли, и он очень этим гордился).

Клерихью — комический стишок биографического характера, состоящий из четырех строк разной длины с рифмовкой *aabb*. Чаще всего первая строка состоит из имени героя — обычно это

Первые школьные клерихью Э. К. Бентли
с иллюстрациями Г. К. Честертона

реальное историческое лицо, — после чего сообщаются истинные или выдуманные факты его биографии. По духу эти стишки немного напоминают приписываемые Хармсу анекдоты о великих людях — с одной стороны, там может быть написано что угодно, с другой — анекдот про Пушкина не подойдет Достоевскому.

Клерихью во многом похож на лимерик — краткостью, абсурдностью содержания и чрезвычайной заразительностью: начав писать (или переводить) клерихью и лимерики, очень трудно остановиться и не увлечь этим занятием всех окружающих. (Редакторы “Стрэнда” предлагали заплатить гинеей тому, кто напишет достойный

публикации клерихью, руководствуясь инструкциями Николаса Бентли, — странно, что они не разорились.)

Первый клерихью Э. К. Бентли написал еще в школе, на уроке химии (героем этого стишка был химик сэр Хамфри Дэви) — забаву тут же подхватили его школьные друзья; Честертон рисовал к клерихью иллюстрации. Само название закрепилось за жанром много позже, после публикации в 1905 г. “Биографии для начинающих”, поскольку Бентли подписал книгу своим средним именем. Вступительное слово выглядело так:

Науку биографию
Не следует путать с географией,
География — это горы да реки,
А биография — люди да человеки.

Перевод Е. Кузнецовой
Рис. Г. К. Честертона

В книге можно было прочитать увлекательные “жизнеописания” Сервантеса, Рузвельта, Вольтера, Бернарда Шоу и многих других. Вот несколько примеров:

Великий герцог Веллингтон
Считал: есть много — моветон.
Живот от голода свело,
И тут случилось Ватерлоо.

Перевод М. Виноградовой
Рис. Г. К. Честертона

Эразм, съев обед,
Сказал: "Не богохульствуй, Колет".
А Колет ответил Эразму:
"Повтори-ка, зараза!"

Перевод О. Попова
Рис. Г. К. Честертона

Синьор Муссолини
Ненавидел фамилию Суини.
"Перережу, — кричал, — как свиней,
Этих грязных ублюдков Суиней!"

Перевод А. Азова
Рис. Н. Бентли

Сэра Кристофера Рена
Позвали есть индюшку с хреном.
Уходя, он сказал камердинеру:
"Если что, я собор проектирую!"

Перевод А. Борисенко
Рис. В. Рейнгаума

Джон Стюарт Милль
Свой характер переломил:
Перестал разводить антимонии
И написал "Принципы
политической экономии".

Перевод А. Борисенко, О. Попова
Рис. Г. К. Честертона

Техника у Ференца Листа
Лучше, чем у прочих пианистов, —
Он всегда усердно и рьяно
Кулаком колотит по фортепьяно.

Перевод Е. Кузнецовой
Рис. Г. К. Честертона

Когда у Тициана
Саднила душевная рана,
Ему лечил нервы
Сам Франциск Первый.

Перевод А. Борисенко
Рис. Г. К. Честертона

На сэра Хамфри Дэви
Весь мир взирает в гнев:
Он всем изрядно насолил —
Он натрий невзначай открыл.

Перевод А. Азова
Рис. Г. К. Честертона

Через 24 года Бентли выпустил еще одну книгу клерихью, с иллюстрациями Г. К. Честертона, Виктора Рейнгаума и Николаса Бентли. Одну картинку автор нарисовал сам.

Во втором томе, в частности, досталось основателю детективного жанра Эдгару По:

По Эдгар Аллан,
Икру обожал он —
Чавкал громко и смачно ею,
Сочиняя что-нибудь мрачное.

Перевод А. Борисенко
Рис. Н. Бентли

У жанра было много продолжателей и подражателей, но Н. Бентли предупреждает, что легкость написания таких стишков обманчива. “Поначалу задача кажется легкой, поскольку клерихью коротки и просты. Но именно по этим причинам писать их довольно трудно”.

Как и следовало ожидать, Эдмунд Клерихью Бентли и сам не раз становился персонажем клерихью. Например, вот такого:

Час настал подходящий, момент ли,
Новый жанр
изобрел Эдмунд Бентли.
Так какое нам дело, заметим,
Что себя он прославил
лишь этим?

Автор Д. У. Циммерман
Перевод М. Виноградовой

Несправедливо, зато в рифму.

Писать клерихью довольно трудно.
Рис. Николаса Бентли

А. БОРИСЕНКО

ШЕРЛОК ХОЛМС

Конан Дойл умер в 1930 г., последний рассказ о Холмсе был опубликован в журнале “Стрэнд” в 1927-м. Для писателей Золотого века Конан Дойл гораздо чаще был не соперником, а мэтром, которому они не уставали отдавать дань восхищения. Они выросли на его детективах и с наслаждением возвращались к ним снова и снова. Когда создавался Детективный клуб, Конан Дойлу хотели предложить пост председателя, но он был уже очень болен.

В первом же романе Агаты Кристи, “Таинственное происшествие в Стайлз” (1920), дама спрашивает Гастингса (ватсоноподобного персонажа, беззастенчиво позаимствованного у Конан Дойла), каким сыщиком он бы хотел быть — настоящим из Скотленд-Ярда или Шерлоком Холмсом? “Конечно Холмсом!” — отвечает Гастингс. И в самом деле, плох тот Ватсон, который не хочет быть Холмсом.

Много и проникновенно писал о Шерлоке Холмсе (и о Конан Дойле) Г. К. Честертон.

Джозефина Белл, врач по образованию, взяла себе писательский псевдоним в честь хирурга сэра Джозефа Белла, который был прототипом Великого сыщика.

Пародии на Шерлока Холмса появились чуть ли не одновременно с самим Холмсом; пародировали его и авторы Золотого века — первый рассказ А. А. Милна, отвергнутый журналом “Панч”, был как раз такой пародией. Однако с течением времени авторы детективов стали обращаться к жизни

и творчеству своего кумира с гораздо большей изобретательностью.

Энтони Беркли в эссе “Литературный стиль” предлагает читателю вообразить, что Конан Дойл подхватил корь или заигрался в гольф и его рассказ для очередного выпуска журнала поручили написать Вудхаузу (Вудхауз тоже был постоянным автором “Стрэнда”). Далее следует собственно рассказ, в котором появляется гибрид Берти Вустера и Джеймса Ватсона — Берти Ватсон. (“— Ну, Ватсон? — сказал Холмс, плеснув себе содовой в стакан с кокаином”.). Рассказ заканчивается помолвкой Холмса со “сногшибательной” светской красоткой, в которую Берти Ватсон, разумеется, тоже влюблен.

Шерлок Холмс и Берти Ватсон.

Рис. Джорджа Морроу

В 1912 г. Рональд Нокс тоже написал пародию, относящуюся к Конан Дойлу, но пародировал Нокс не его, а чрезмерное рвение комментаторов. Особое удовольствие, пишет он, изучать то, что не предназначалось для изучения. Например, человек написал книгу о брюкве, а ты пытаешься откопать в ней свидетельства его сложных отношений с женой. Правда, по словам Нокса, Холмс, с его вниманием к мелочам, сам провоцирует подобный подход. Далее идет скрупулезное обсуждение всевозможных нестыковок и расхождений в рассказах, высказываются гипотезы (в том числе о злонамеренной недобросовестности Ватсона), споры с воображаемыми оппонентами, которые носят самые невероятные имена.

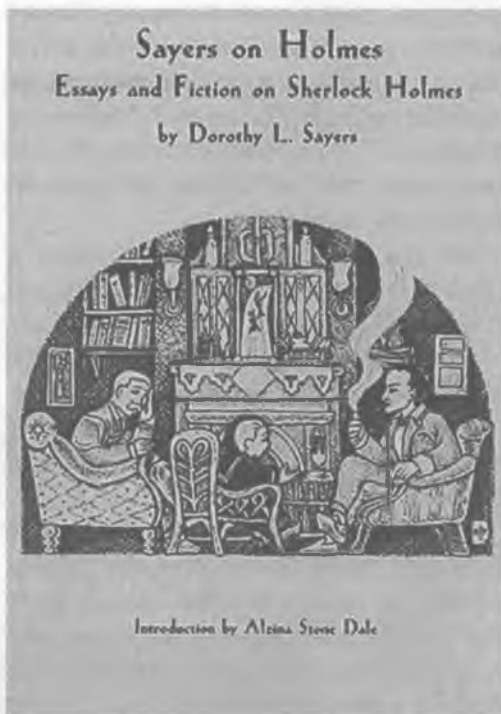
*...Но хуже всего — манекен в окне на Бейкер-стрит, задрапированный в старый, “мышинного цвета” халат Холмса! Как будто мы могли забыть, как, разгадывая мрачную загадку человека с рассеченной губой, Холмс выкуривал унцию табаку зараз, возлежа на подушках в синем халате! Мсье Папье-Маше утверждает: “Сыщик стал хамелеоном”. Более основательный комментатор Зауvox пишет: “Не в первый раз разноцветные одежды послужили средством обмана! Но на самом деле Шерлок Холмс, этот современный Иосиф, исчез совсем — его пожрал хищный зверь Ватсон”**.

* Аллюзия на библейскую историю про Иосифа и его разноцветные одежды (“И взяли одежду Иосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью; и послали разноцветную одежду, и доставили к отцу своему, и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда или нет. Он узнал ее и сказал: это одежда сына моего; хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф”) (Быт. 37:31–33).

Конан Дойл не вполне оценил юмор Рональда Нокса: в своем ответном письме он несколько неловко оправдывается, что рассказы писались не подряд, что он их не перечитывал, что Холмс менялся по мере изменения авторских взглядов и так далее. “Я могу только радоваться, что вы не нашли еще большего количества несоответствий, особенно в том, что касается дат”, — пишет он Ноксу.

Игра, начатая Ноксом, стала любимым развлечением фанатов Конан Дойла — в том числе и за океаном. Так, американский писатель Рекс Стаут вполне аргументированно доказал, что Ватсон был женщиной.

В литературоведческих изысканиях такого рода преуспела и Дороти

Обложка книги Дороти Сэйерс
о Холмсе

Сэйерс — гуманитарная оксфордская выучка не прошла даром. Сэйерс не обошла вниманием даты: в одном из эссе она обсуждает хронологические нестыковки “Союза рыжих”. Кроме того, она пытается установить, какой университет заканчивал Холмс — Оксфорд или Кембридж — и в каком году он все-таки родился. Отдельное исследование посвящено изменчивому имени Ватсона (Джон или Джеймс?) и еще одно — его запутанной матримониальной истории.

В 1947 г. Рональд Нокс вновь вернулся к любимому герою и написал “апокрифическую историю” о Холмсе “Приключение в вагоне первого класса” с иллюстрациями Тома Первиса. Рассказ написан в подражание Конан Дойлу, рисунки заставляют вспомнить Сидни Паджета. Это не пародия, а дань памяти

Холмс и Ватсон. Рис. Николаса Бентли

любимому писателю и его постоянному художнику. В конце рассказа Холмс у Нокса цитирует Вергилия на латыни — и к тому же добавляет, что цитата, возможно, неверно атрибутирована.

Члены Детективного клуба также поставили одноактную пьесу “Дело о брюках французского посла” — сочинил ее Джон Диксон Карр. Сирил Хэйр, обладавший идеальным шерлокианским профилем, играл великого сыщика, Джон Роуд — Ватсона, Дороти Сэйерс, в красной фланелевой ночной рубашке, изображала миссис Хадсон, а самому Карру досталась роль посла. Это был звездный ансамбль.

В 1949 г. Джон Диксон Карр написал биографию Конан Дойла, которая вызвала восторженные отклики в прессе.

В честь столетнего юбилея Шерлока Холмса Дороти Сэйерс сочинила радиопьесу, которую мы приводим здесь целиком. Вряд ли можно было бы закончить книгу более трогательным и наглядным доказательством преемственности — судите сами, как бережно и благодарно Золотой век принял лиру из рук мастера.

Иллюстрация Тома Первиса
к “Происшествию в вагоне первого класса”

Как юный лорд Питер стал клиентом Шерлока Холмса

*Перевод Олега Попова
Иллюстрации Тома Первиса*

Лайонел Хейл. Спасибо. А теперь о старшем гении, которому посвящена наша программа, расскажет тот, кто пошел по его стопам, другой сыщик, ведущий свою личную войну с преступностью — приношение мистеру Холмсу, сыну сельского сквайра, от отпрыска герцогского рода — лорда Питера Уимзи.

Уимзи. В нашем доме имя Шерлока Холмса звучало еще задолго до того, как доктор Ватсон прославил его на весь мир. Мало того, что Реджинальд Месгрейв приходился нам дальним родственником, — мой отец еще и занимал незначительный пост в правительстве, когда лорд Холдхерст руководил военным министерством; таким образом, его коснулись треволнения, сопровождавшие кражу и счастливое возвращение Морского договора. Я родился в 1890 году, слишком поздно, чтобы разделить горе моих родителей, вызванное мнимой трагедией у Рейхенбахского водопада в 91-м; но я уже помню, как отец пришел однажды вечером, чтобы радостно объявить матери: “Добрые вести, Онория! Шерлок Холмс жив и вернулся в Лондон!” О его подвигах мне рассказывали на ночь, и со временем я сам стал читать записки доктора Ватсона о характере и методах его необыкновенного друга.

И потому я могу с гордостью заявить, что однажды встретился с Шерлоком Холмсом и даже был его клиентом. Мне шел тогда восьмой год, и поводом, по которому я обратился к нему, стало исчезновение в нашем доме на Кэвендиш-сквер черного котенка по имени Сенека. Обстоятельства были несколько таинственными. Котенка последний раз видели в детской спальне, в которую можно войти только через комнату для игр, а там мы все завтракали с няней и гувернанткой. Мы заметили, что Сенека не явился к своему

обычному блюдечку молока, и вскоре отправились на поиски. Но его нигде не было. Никто не входил в детскую спальню, кроме горничной, которая подтвердила, что котенка не видела, хотя тщательно прибрала комнату. Он не мог выбраться из окна, надежно затянутого проволочной сеткой. Полный обыск дома не дал результатов. Взрослые, как это им свойственно, сказали: "Ничего, сам найдется"; но мы, дети, сильно подозревали горничную (которая не любила кошек) в похищении и убийстве.

Уже близился вечер, когда, после всевозможных приключений, я появился в доме 221-б по Бейкер-стрит. Не знаю, что подвигло добродетельную миссис Хадсон впустить меня: мой нежный возраст, льняные волосы или расстроенный вид. Вряд ли это был мой титул, ибо на той лестнице, по которой несли свои беды столько коронованных особ, на младших сыновей герцогов должны были смотреть как на серебро во дни Соломона*. Но она впустила меня, и я увидел великого человека — при трубке, скрипке, халате и всем остальном — сидящим у огня в компании доктора Ватсона.

* "И все сосуды для питья у царя Соломона были золотые, и все сосуды в доме из Ливанского дерева были из чистого золота; из серебра ничего не было, потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что" (3 Цар. 10:21).

Он тепло приветствовал меня, сказав: “Чем я могу вам помочь, мой юный друг?” Я скромно предположил, что он сам захочет ответить на этот вопрос. Холмс рассмеялся и сказал: “Я не настолько всезнающ, как утверждает вот этот джентльмен. Кроме очевидных фактов, что вы обеспокоены, ваши родители выписывают „Стрэнд“ и вы поспешно покинули дом, не спросившись у них, я ничего о вас не знаю”. Несколько смущенный этими выводами (так как я не осмелился надеть ботинки и уличное платье, боясь, что меня хватятся), я изложил ему свою проблему. “В дымоход вы, конечно, заглянули”, — сказал он. “О да, сэр”, — сказал я. “И никто не входил в детскую спальню, кроме горничной?” — “Никто, сэр”. — “В таком случае, — сказал он, — возможно, что вашего четвероногого друга случайно заправили в одну из кроватей”. Представшая моему воображению картина удушья настолько потрясла меня, что я залился недостойными мужчины слезами; доктор Ватсон немедленно заверил меня, что столь маленькому животному нужно совсем немного воздуха. Но он добавил, что стоит избежать дальнейшего промедления, и в самой дружеской манере предложил проводить меня домой в хэнсомском кэбе.

Мы приехали как раз вовремя, чтобы успокоить домашних, уже собиравшихся искать меня с полицией, и, поспешно направившись в детскую спальню, нашли бедного Сенеку, придавленного, но совершенно невредимого, спящим под моим матрасом, в точности как сказал мистер Холмс. Мне приятно вспомнить, что я послал своему благодетелю благодарственное письмо и все содержимое своей копилки — около двух шиллингов девяти пенсов, большую сумму по тем временам — и что он с непревзойденным тактом принял эту плату, подтвердив ее собственноручно подписанной квитанцией “За оказанные профессиональные услуги”, которую я храню по сей день. Если мистер Холмс сейчас слышит меня, я бы хотел, поздравляя его со столетним юбилеем, поблагодарить его за доброту к маленькому мальчику, который с тех пор старается, в меру своих скромных сил, идти по его стопам.

≡ ГЛОССАРИЙ ≡

А. Борисенко, А. Азов, И. Мокин, В. Сонькин

1.

"АТЕНЕУМ"

ATHENÆUM CLUB

Один из самых уважаемых лондонских клубов. Он существует до сих пор и находится на Пэлл-Мэлл, 107. Клуб был основан в 1824 г. и по изначальному замыслу должен был объединять ученых, литераторов, художников, меценатов. Но еще больше в нем оказалось епископов, пэров и министров. Киплинг говорил, что "Атенеум" напоминает собор в перерыве между службами. Здание клуба построено

в неоклассическом стиле, над портиком — статуя Афины Паллады. Клуб также славится своей библиотекой и удивительными часами над лестницей, на циферблате которых нет восьмерки, зато семерки целых две (почему — неизвестно). Среди членов клуба были такие выдающиеся личности, как Чарльз Диккенс, Уильям Теккерей, Чарльз Дарвин, Уинстон Черчилль и Артур Конан Дойл.

2.

CAFÉ ROYAL

"КАФЕ-РОЯЛЬ"

Знаменитое заведение на Риджент-стрит, возле площади Пикадилли, которое было открыто в 1865 г. обанкротившимся французским виноторговцем и просуществовало до декабря 2008 г. В девятые годы XIX в. "Кафе-Рояль" вошло в моду, там стали бывать знаменитости: Оскар Уайльд, Джордж Бернард Шоу, Вирджиния Вульф, Уинстон Черчилль и другие. Именно там Детективный клуб проводил свои ежегодные банкеты. "Кафе-Рояль" упоминается во многих детективах (в рассказе Конан Дойла "Знатный клиент" возле "Кафе-Рояль" чуть не убили Холмса).

3.

"КЛАРИДЖ"

CLARIDGE'S

Один из самых престижных и роскошных отелей Лондона, был создан в 1854 г. в результате объединения двух примыкающих друг к другу отелей. В 1893 г. "Кларидж" купил Ричард д'Ойли Карт, хозяин "Савоя", после чего отель был полностью перестроен. Новый "Кларидж" открылся в 1898 г., ресторан при отеле стал пользоваться большой популярностью среди лондонского бомонда. Во время Второй мировой войны в "Кларидже" одновременно жили несколько королевских семей, нашедших прибежище в Англии. — среди гостей были короли Греции, Норвегии, Югославии, а также королева Нидерландов. Рассказывают, что в 1947 г. некий дипломат позвонил в "Кларидж" и попросил к телефону короля. "Конечно, сэр, — вежливо ответил клерк. — Какого именно?"

4.

ОЛД-БЕЙЛИ

OLD BAILEY

Центральный уголовный суд, находящийся на улице Олд-Бейли (по которой он и получил свое название). Современное здание было построено на месте разрушенной Ньюгейтской тюрьмы в 1902 г. и официально открыто в 1907 г. Эдуардом VII. После этого некоторое время здание суда называли Нью-Олд-Бейли или просто Нью-Бейли (так называют его герои рассказа "Чайный лист").

5.

"ЧЕРНАЯ МАРИЯ"

Black Maria

Полицейский транспорт для перевозки заключенных. Сначала это была специально оборудованная повозка, потом — автофургон. И в том и в другом случае заключенного перевозили в своего рода клетке, где он был отделен от перевозящих его полицейских и не мог ни напасть на них, ни убежать. Впервые это название появилось в тридцатые годы XIX в. в Америке; по одной из версий, полицейские повозки стали называть так в честь Марии Ли, чернокожей хозяйки пансиона, которая нередко помогала констеблям Бостона препровождать за решетку разбуянившихся пьяниц. "Черная мария", запряженная парой лошадей, стала в 1858 г. первым транспортным средством Столичной полиции. Корней Чуковский в книге "Высокое искусство" приводит такой курьез: переводчик неправильно понял стихотворение Л. Хьюза, содержащее обращение к "черной марии", поскольку решил, что оно адресовано чернокожей красавице. Интересно, что и по-русски было название "черная маруся".

6.

SOLICITOR

/////// ПОВЕРЕННЫЙ (СТРЯПЧИЙ, АДВОКАТ) //////////

У этого слова нет точного русского перевода. В 1930-е годы переводчики издательства "Академия" пытались ввести в обиход слово "солиситор", но оно не прижилось. Дело в том, что в Англии юристы делятся на две категории. Солиситор ведет дела клиентов, дает им юридические советы, составляет контракты и завещания, но если клиенту предстоит суд, то солиситор обращается к барристеру. (В рассказе "Чайный лист" поверенный подсудимого помогает выяснять обстоятельства дела и присутствует в зале суда, но защищает его адвокат-барристер.)

7.

БАРРИСТЕР

BARRISTER

Юрист, выступающий в суде. Это слово прижилось несколько лучше. Барристер стоит на социальной лестнице выше, чем солиситор, больше зарабатывает, носит парик и мантию и имеет офис в одном из Судебных Иннов. Судебный Инн по устройству напоминает монастырь или университетский колледж — с внутренними дворами, трапезной и часовней. Там обучаются и практикуют барристеры.

8. ТРИБУНА ДЛЯ ДАЧИ
СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ
(СВИДЕТЕЛЬСКОЕ МЕСТО)

WITNESS BOX

Специальная трибуна в зале суда, куда выходит свидетель давать показания; немного напоминает кафедру проповедника.

9. КАФЕДРА ПРОПОВЕДНИКА

Pulpit

Неизменный атрибут церкви после Реформации (XVI в.), когда проповедь заняла центральное место в богослужении. Во многих церквях и соборах можно увидеть старинные каменные и деревянные кафедры с богатой резьбой, представляющие собой что-то вроде балкона, расположенного слева от алтаря. В пресвитерианских церквях кафедра проповедника располагается в центре.

10.

Также вошли в обиход после Реформации, по той же причине, что и кафедра проповедника. В некоторых церквях скамьи устанавливались за счет прихожан и считались их частной собственностью; скамьи знатных семейств были иногда полностью огорожены и имели отдельный выход. Скамьи могут быть совсем простыми или украшенными резьбой, могут иметь полочку для молитвенника, подушки и скамеечки для ног (консервативные церкви, как правило, обходятся без таких излишеств).

PEWS

ЦЕРКОВНЫЕ
СКАМЬИ

11. АЖУРНАЯ РЕЗЬБА

Характерна для готической архитектуры, встречается начиная с XIII в. Вот так выглядят ажурные окна Вестминстерского аббатства, которые зарисовывал мистер Гиффорд в рассказе "Настоящий табар".

TRACERY

12. ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ

SEXTON

Как правило, присматривает также и за кладбищем (поскольку кладбище обычно находится при церкви), выполняет обязанности могильщика и звонаря. Должность эта существует очень давно, и называлась она по-разному — слово *sexton* стало употребляться с XIV в.

13.

ОРДЕН ПОДВЯЗКИ

ORDER OF GARTER

Высший рыцарский орден в Англии и один из известнейших рыцарских орденов в мире. Учрежден королем Эдуардом III в 1344 или 1350 г. Событие, послужившее поводом к его основанию, доподлинно неизвестно. Самая распространенная версия гласит, что поводом к его созданию стал курьезный случай на балу, когда с ноги графини Солсберийской случайно упала подвязка. Подвязку поднял сам король и про-

тянул ее графине (другой вариант — повязал себе на ногу), сказав при этом, в упрек посмеивающимся придворным: *Honi soit qui mal y pense*, что в переводе со старофранцузского значит: "Позор тому, кто дурно об этом подумает". Заодно он добавил, что намерен возвеличить эту подвязку настолько, что его дворяне сочтут за честь сами ее носить. С тех пор фраза *Honi soit qui mal y pense* стала девизом ордена. Возглавляет орден английский монарх.

14.

GENTLEMAN USHER OF THE BLACK ROD

ПРИСТАВ
ЧЕРНОГО ЖЕЗЛА

Древняя церемониальная должность ордена Подвязки, названная так из-за особого знака власти — черного жезла, украшенного золотым набалдашником в форме королевского льва. С середины XVII в. пристав Черного жезла стал посланником от палаты лордов в палату общин в английском парламенте. Пристав направляется в палату общин, чтобы вызвать ее членов выслушать обращение монарха; при этом двери в палату перед ним запираются, и пристав должен трижды постучать в них черным жезлом. Эта церемония призвана напоминать о независимости парламентариев от монарха.

15.

ТАБАР

Короткий широкий плащ с боковыми разрезами. Табар появился в Средние века главным образом как одежда солдат-пехотинцев и вообще низших сословий. Постепенно он вошел в моду, приобрел широкие рукава, доходящие до локтей, и его стали носить рыцари поверх лат, расширяя своими гербами. К середине XVI в. табар вышел из повсеместного употребления, но сохранился как гербовая одежда герольдов.

TABARD

1198

16.

1340

ROYAL COAT OF ARMS

На английском королевском гербе династии Плантагенетов были изображены три леопарда. В правление Эдуарда III герб был изменен: к леопардам добавились золотые французские лилии на синем поле, так как английские короли стали притязать на французский трон.

Британский королевский герб с 1714 по 1801 г., при Георге I, Георге II и Георге III, изображает английских леопардов, шотландского льва, французские лилии и ирландскую арфу, а также включает герб Ганновера (леопарды Брауншвейга, лев Люнебурга и белый конь Вестфалии). Этот герб и должен был находиться на табаре герольдмейстера, оглашавшего мирный договор с Соединенными Штатами в 1783 г. Именно про этот герб Трент в рассказе "Настоящий табар" говорит, что его "украшала настоящая мешанина".

На британском королевском гербе времен королевы Виктории уже отсутствуют французские лилии (они исчезли с британского королевского герба в середине правления Георга III, отказавшегося от претензий на французскую корону), а также герб Ганновера (поскольку по правилам престолонаследия королева Виктория, будучи женщиной, не могла вступить на ганноверский престол). Поэтому викторианский табар выглядит менее эклектично.

1714

КОРОЛЕВСКИЙ
ГЕРБ

1837

"Молодой джентльмен, у которого хватило ума настолько хорошо сдать вступительные экзамены, что за него платит колледж", — пишет поэт Джон Бетжемен, выпускник Оксфорда. Университетских стипендий удостоились многие авторы, включенные в наш сборник; Э. К. Бентли вспоминает, что в трапезной Мертон-колледжа стипендиаты сидели за отдельным столом (этот обычай казался ему довольно нелепым). Стипендиаты носят длинную мантию с рукавами колоколом.

Scholar

СТИПЕНДИАТ

17.

Согласно Бетжемену, тот, "кому не хватило ума выиграть стипендию и приходится платить за привилегию учиться в университете". Название происходит от слова *commons* в том значении, в каком оно изначально употреблялось в общинах и монастырях — "общий стол". Коммонер платил за еду и комнаты, предоставляемые колледжем, в отличие от тех, кто был "на обеспечении" (члены колледжа, стипендиаты). В Кембридже вместо "коммонер" говорят "пансионер". Коммонеры носят короткую мантию.

Commoner

18.

КОММОНЕР

БАКАЛАВР ИСКУССТВ 19.

Bachelor of Arts

В Оксфорде носит длинную мантию с капюшоном, отороченным кроличьим мехом, поэтому студенты иногда называют такую мантию кроличьей шкурой. Степень бакалавра выпускник получает по окончании университета; следующая по старшинству степень — магистр.

20. МАГИСТР ИСКУССТВ

Master of Arts

Носит длинную мантию с красной шелковой отделкой на капюшоне. Любой выпускник Оксфорда и Кембриджа, получивший степень бакалавра искусств, может по прошествии некоторого времени заплатить в университетскую казну определенную сумму и стать магистром искусств, не сдавая никаких дополнительных экзаменов.

21. COLLEGE COLOURS ЦВЕТА КОЛЛЕДЖА

У каждого университетского колледжа есть свои цвета — традиционная расцветка спортивной одежды и весел. Например, у гребцов Уодем-колледжа — бело-голубая форма с мальтийским крестом; белый мальтийский крест на голубом фоне украшает также их флаг и весла. Именно такое весло висело в доме каноника, вспоминающего о своих гребных победах в рассказе "Настоящий табар".

22.

СЕЛЬСКИЙ ДОМ ЭПОХИ ТЮДОРОВ

TUDOR FARMHOUSE

Сельский дом эпохи Тюдоров (1485–1603), обычно двухэтажный, с характерными фахверковыми фасадами, многостворчатыми окнами, остроконечной крышей и кирпичной печной трубой. Главное помещение первого этажа — большая жилая комната с камином в нише, на котором готовили пищу. В спальню второго этажа ведет обычно узкая задняя лестница. В начале XX в. многие состоятельные люди покупали такие дома в качестве дачи — любимый тудоровский дом в деревне есть у Фиделити Доув ("Образцовая подделка"), а также у Гарриет и Питера Уимзи ("Толбойз").

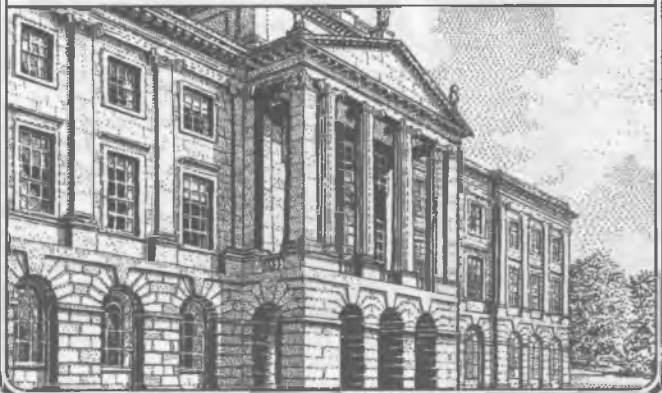

23.

ГЕОРГИАНСКИЙ ОСОБНЯК

GEORGIAN HOUSE

Здание, построенное в георгианскую эпоху (1720–1800), как правило, симметричной планировки, с четкими линиями. Это может быть дом из красного кирпича с минимальным декором или палладианский особняк с портиком, колоннами и другими классицистическими элементами. Обычно в таких домах большой холл, из которого можно попасть в парадные комнаты; широкая лестница поднимается в спальни хозяев. Комнаты слуг находятся в задней части дома или в отдельном крыле по другую сторону внутреннего двора.

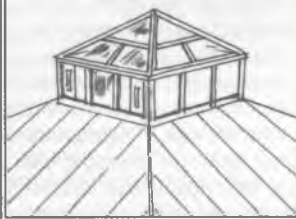

24.

ФОНАРЬ

WELL { ROOF LIGHT }

В архитектуре так называется повышенная часть крыши из светопрозрачного материала. Иногда такие фонари делают над лестницей или, как в рассказе "Методом пристального взгляда", над большим помещением.

25.

WINDOW ≡ SEAT ≡

ПРИОКОННИК

Широкий подоконник в эркерной оконной нише, специально предназначенный для сидения, иногда с мягкой обивкой или с подушками (т. е. нечто среднее между подоконником и диванчиком). Часто под этим сиденьем находилось что-то вроде шкафчика для хранения разных вещей — например, в рассказе “Убийство в Пентекост-колледже” герой достает из-под приоконника пиво. Приоконник — уютное, укромное место, где хорошо устроиться с книгой или с вышиванием; идеально подходит оно и для приватной беседы.

26.

ЛОДОЧНЫЙ
ПАВИЛЬОН

BOATHOUSE

Лодочный павильон нередко строили на озере в загородном поместье (такой павильон упоминается в рассказе “Дознание”). Чаще всего это было небольшое деревянное сооружение, выходящее фасадом на воду, с дверью сзади. В Викторианскую эпоху стали строить каменные павильоны со вторым этажом, гармонирующие со стилем усадьбы. Лодочные павильоны гребных клубов (как в рассказе “Убийство накануне регаты”) — длинные эллинги, у которых тоже часто надстроен второй этаж.

27.

ЦВЕТОЧНАЯ ВЫСТАВКА

Flower Show

Чрезвычайно важное событие в Англии, поскольку садоводство — одно из основных национальных увлечений. Главная цветочная выставка года проходит ежегодно весной в Челси, ее организует Королевское общество садоводов (Royal Horticultural Society). В деревне на цветочной выставке традиционно выставляют не только цветы, но и овощи, фрукты, всякого рода джемы и соленья — причем это не просто выставка, а соревнование. Растениям, предназначенным “для показа”, отводятся лучшие места в саду и огороде. И хотя вознаграждение победителю всегда было незначительным в денежном исчислении, страсти кипят нешуточные — в этом можно убедиться, прочитав рассказ “Толбойз”.

28.

АЛЬПИЙСКАЯ ГОРКА

Декоративное сочетание камней и растений, чрезвычайно популярное в традиционных английских садах. Под альпийской горкой может пониматься как альпинарий, где главный акцент делается на растениях, в том числе альпийских, так и рокарий, где главную роль играет живописное нагромождение камней. Создание альпийской горки — настоящее искусство, так что неудивительно, что герой рассказа "Ангел-хранитель" так гордился своими достижениями в этой области.

ROCK GARDEN

29.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Часто встречаются в английских садах (в том числе в ухоженном саду Гуса Константиновича из рассказа "Загадочная смерть Эми Робсарт"). Устроены они так: неподвижная стрелка, или "гномон", отбрасывает тень на циферблат. По мере движения солнца по небу тень движется по циферблату (современная часовая стрелка повторяет траекторию этой тени). Чтобы

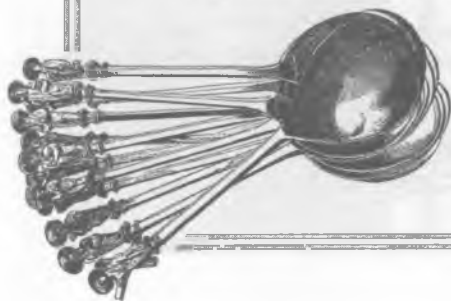
SUNDIAL

садовые солнечные часы с горизонтальным циферблатом показывали правильное время, отметка, соответствующая полудню, должна быть обращена на север, а сама стрелка наклонена соответственно широте места, где стоят часы. В XIX и первой половине XX в. в моде были часы как с горизонтальным или наклонным циферблатом, так и в виде полукольца с насечками.

30.

АПОСТОЛЬСКИЕ
ЛОЖКИ

APOSTLE SPOONS

История апостольских ложек начинается в эпоху Возрождения — именно тогда в христианских странах появилась обычай дарить на религиозные праздники наборы из двенадцати (реже тринадцати) серебряных ложек. Ручки двенадцати ложек изображали апостолов, а тринадцатой — Христа. К началу XVI в. апостольские ложки стали традиционным подарком крестных ребенку на крещение, а к середине XVII в. почти исчезли. Сегодня, как и в дни Фиделити Доув, они являются большой редкостью.

31.

ВЕДЖВУДСКИЙ ФАРФОР

WEDGWOOD

В середине XVIII в. Джозайя Веджвуд, 12-й ребенок в семье состоятельного гончара, основал собственное керамическое производство. Его новаторский подход ко всем аспектам своего дела — материалам, дизайну, организации производства, маркетингу — вскоре превратил его продукцию в неперенный атрибут аристократической жизни. Веджвуду покровительствовала королева Шарлотта, а Екатерина II заказала у него "Сервиз с зеленой лягушкой", ныне выставленный в петербургском Эрмитаже. На нем изображены английские дворцы, аббатства, усадьбы и парки — Екатерина пожелала, чтобы вся Англия была у нее на столе. Каждый предмет украшен шуточным гербом — зеленой лягушкой.

Породнившись с эксцентричным соседом Эразмом Дарвином, Веджвуд стал одним из основателей могучей династии; Чарльз Дарвин приходился ему внуком. В конце 2000-х международная корпорация, в состав которой входит компания Веджвуда, столкнулась с финансовыми трудностями и перевела большую часть производства в Индонезию, оставив в Англии только мастеров по изделиям класса люкс.

FISH
KNIFE

32.

РЫБНЫЙ НОЖ

Рыбный нож классической формы, с резной ручкой из слоновой кости. Вероятно, нож такого типа и послужил орудием убийства в рассказе "Клуб убийц".

33.

СЕРЕБРЯНЫЙ
КУБОКSILVER
CUP

В Англии вручался не только за спортивную победу, но и за героический поступок, доблестную службу и т. д. Тем не менее в рассказе "Показания судьи" грабитель, увидевший в окне судьи множество серебряных кубков, предположил самое вероятное: что тот в молодости был хорошим спортсменом.

34.

КАПИТАН ЭДВАРД ТИЧ

(1680-1718)

CAPTAIN
TEACH

Он же Черная Борода — один из самых знаменитых пиратов, разбойничавших в Карибском море. Известен своей верностью слову и уважением как к своим, так и к врагам. Однажды он блокировал порт в британских колониях только для того, чтобы получить в виде выкупа лекарства для своей команды. Легендарная жизнь Черной Бороды была многократно описана авторами приключенческих романов. Когда в рассказе "Толбойз" сыновья лорда Питера Уимзи играли с отцом в пиратов, капитаном Тичем был Бредон.

35.

ЭМИ РОБСАРТ (1532-1560)

AMY ROBSART

Жена Роберта Дадли, фаворита Елизаветы I. Дадли постоянно находился при дворе, и Эми жила в одиночестве в деревне Камнор близ Оксфорда. 8 сентября 1560 г. она отправила всех слуг на ярмарку, а когда они вернулись, то нашли свою госпожу у подножия лестницы со сломанной шеей. Хотя коронерское дознание признало смерть несчастным случаем, поползли слухи. Загадка ее смерти до сих пор будоражит умы. Ее истории посвящен роман Вальтера Скотта "Кенилворт", пьеса Виктора Гюго "Эми Робсарт", опера Газзано Доницетти "Замок Кенилворт". В 1926 г. на экраны Великобритании вышел короткометражный кинофильм "Замок Кенилворт и Эми Робсарт". Похоронена Эми Робсарт в Оксфорде, в церкви Св. Марии.

36.

КУПАЛЬНАЯ МАШИНА

BATHING MACHINE

Купальная машина (иногда встречается также перевод "купальня на колесах", "пляжная кабинка", "кабинка для купания") — своеобразная раздевалка, которую завозили в море при помощи лошадей или специального механизма. Таким образом, можно было сразу погрузиться в воду вдали от нескромных взоров.

37.

КУПАЛЬНЯ

BEACH ≡ HUT ≡

Чаще всего переводится как "пляжный домик", однако это не столько "домик" (место, где можно жить), сколько маленькое деревянное строение (например, купальная машина, снятая с колес), в котором можно переодеться, а также хранить одежду и пляжный инвентарь.

38.

ПАЛАТКА
ДЛЯ ПЕРЕОДЕВАНИЯ

Beach Tent

Обычно переводится на русский как "кабинка для переодевания", поскольку по-русски "палатка" связана скорее с туристическим походом, чем с отдыхом на море. Однако в Англии это были именно палатки — различной формы, с деревянным каркасом или без, часто веселой полосатой расцветки.

39.

МУШКЕТОН

BLUNDERBUSS

Старинное ручное гладкоствольное оружие с воронкообразно расширяющимся дулом, обеспечивающим широкий разлет пуль, дробь или картечи. Именно поэтому его и выбирает в качестве оружия убийства преступник в рассказе "У телефона". Типичный мушкетон имеет вид короткого ружья, однако существовали и пистолеты со стволом мушкетонной формы. С начала XIX в. мушкетоны вышли из употребления в армии, но сохранялись в некоторых домах как средство самозащиты.

40.

TELEPHONE

ТЕЛЕФОН

Телефон с круглым основанием (поэтому в рассказе "У телефона" на месте, где стоял такой аппарат, остается круглый след) — типичный настольный телефонный аппарат первой трети XX в.

41.

РАДИОПРИЕМНИК

RADIO SET

Радиоприемник в межвоенную эпоху был в каждом английском доме: вся семья собиралась вокруг него послушать важные новости, концерт, обращение короля. Постепенно радиоприемники становились все менее громоздкими, появились и портативные аппараты.

42.

HAMILTON TYPEWRITER

ПИШУЩАЯ МАШИНКА "ГАМИЛЬТОН"

"Гамильтон-автомат" был выпущен в 1881 г. нью-йоркским ювелиром Э. М. Гамильтоном. Эта машинка была очень необычной на вид (почти вся из меди), миниатюрных размеров (всего 9 на 12 дюймов, как коробка шоколада) и с особым расположением "пробела" — над клавиатурой (возможно, поэтому она недолго продержалась на рынке). Кроме того, это первая в мире пишущая машинка, в которой удалось сделать пропорциональный, а не моноширинный шрифт (т. е. она могла печатать буквы разной ширины). Фабрика Гамильтона просуществовала всего два года, и уже в начале XX в. ее продукция стала раритетом — неудивительно, что герою рассказа "Карающий случай" пришлось побегать по магазинам в поисках "Гамильтона № 4".

THE DAIMLER
BY APPOINTMENT
COMPANY LTD.

Daimler

43.

"ДАЙМЛЕР-ДАБЛ-СИКС"

Именно эту машину выбрала Дороти Сэйерс для лорда Питера. В 1927 г. король Георг V публично выразил одобрение двигателю "даймлера-дабл-сикс" — об этом писала газета "Иллюстриейтед Лондон ньюс". Королевская семья традиционно ездила на "даймлерах", причем Виндзоров нельзя упрекать в непатриотичности, ведь "Даймлер мотор компани" — британская фирма, а не подразделение немецкого "Даймлер-Бенца". Английский инженер Лоусон купил право на использование имени "Даймлер" у самого Готлиба Даймлера еще в 1896 г. и стал первым британским автопроизводителем. Английские "даймлеры" выпускаются до сих пор; сейчас компанией владеют бывшие жители британских колоний — индийские промышленные магнаты.

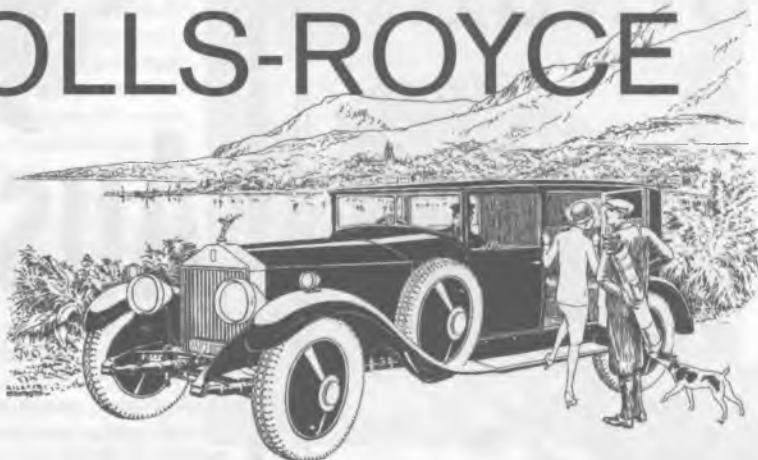
DAIMLER DOUBLE-SIX

44.

"РОЛЛС-РОЙС"

Одна из самых роскошных автомашин как в межвоенное время, так и сейчас. Особый образ "роллс-ройса" создают традиционные черты его облика, такие, как неизменная статуэтка "Дух экстаза" на радиаторе, а также романтические названия самих моделей, например, "Призрак", "Серебряное облако" и "Заря". В 1950-е "Роллс-Ройс" сменил "Даймлер" в качестве поставщика двора. Однако завод Чарльза Роллса и Генри Ройса известен не только машинами для богатых: большинство самолетов Королевских ВВС в обеих мировых войнах были снабжены именно двигателями Ройса.

ROLLS-ROYCE

45.

LINCOLN

"ЛИНКОЛЬН"

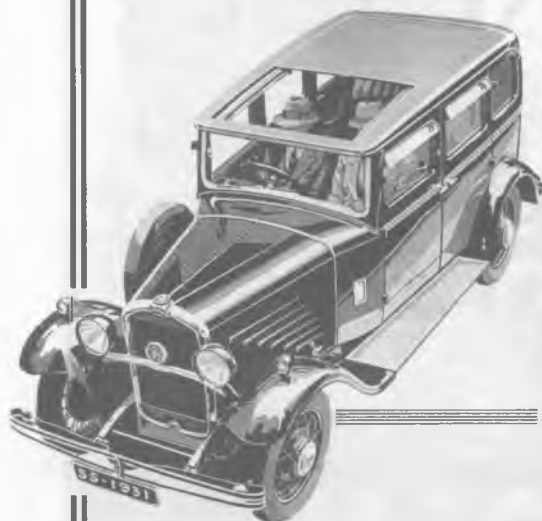

Автозавод "Линкольн" с 1922 г. принадлежал концерну Генри Форда и производил дорогие роскошные автомобили. В 1930-е был особенно популярен изящный "линкольн-зефир" — более скромный и доступный, чем другие модели "линкольна".

46.

"СИНГЕР"

SINGER

"Сингер" был одной из роскошных марок — не зря в рассказе "Железнодорожный переезд" жена упрекает мужа, что ее подруги разъезжают на "сингерах", "даймлерах" и "линкольнах", в то время как у нее допотопный "остин". Вместе с тем наряду с "остином" и "моррисом", на рубеже 20-х и 30-х гг. "сингер" повысил свою популярность за счет производства менее дорогих моделей.

Singer

47.

Austin

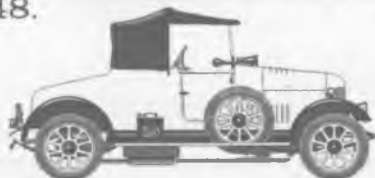
"ОСТИН"

Практичный, надежный модельный ряд "остина" всегда пользовался успехом у покупателей. Когда муж в рассказе "Железнодорожный переезд" говорит жене, что "многие дорого бы дали за пятилетний "остин", он говорит чистую правду. Как ни странно, все другие модели затмил "остин-сеवन", или "бэби-остин", который выпускался с 1922 по 1937 г. и все это время оставался хитом продаж. Хотя завистники и называли эту маленькую машинку "коляской с мотором" и даже "ночным горшком", она фактически вытеснила с британского рынка все остальные миниатюрные модели.

Austin

48.

"МОРРИС-
КОУЛИ"

Первый автомобиль Агаты Кристи. В автобиографии она вспоминает его с нежностью и говорит, что носатый "моррис-коули" был куда надежнее современных машин. "Носатый" — потому что это была модификация модели "моррис-оксфорд", с таким же выступающим округлым радиатором, но более дешевая. Впервые "коули" выпустили в 1915 г. В 1919-м появился улучшенный вариант, причем Моррис активно снижал на него цены — в год выпуска машина стоила 465 фунтов, но уже в 1921 г. цена упала до 299, а в 1922 г. — до 225 фунтов. Следующая модификация 1926 г. уже не была "носатой" — ее радиатор был плоским.

MORRIS COWLEY

49.

"ЭМ-ДЖИ"

MG

Safety first!

Из рассказа "Убийство накануне регаты" мы узнаем, что в конце тридцатых — начале сороковых "эм-джи" "попадались на каждом шагу". Аббревиатура MG означала *Morris Garages*, так как изначально эта компания была дилером "Морриса", но потом стала производить собственные модели. "Эм-джи" выво-
дился на рынок как относительно до-
ступный автомобиль спортивного типа.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РАССКАЗАМ

Все рассказы, напечатанные в иллюстрированных журналах, публикуются с оригинальными иллюстрациями. Остальные иллюстрации подобраны — то есть взяты подходящие рисунки из британских журналов соответствующего периода. Кроме того, в некоторых случаях печатаются иллюстрации к другим рассказам того же автора, где изображен нужный персонаж.

Дж. С. Флетчер. *Показания судьи*

Художник Гордон Браун (Gordon Browne).

Рой Викерс. *Образцовая подделка*

Художник К. Дж. Вайн (C. J. Vine).

Г. К. Бейли. *Длинный курган*

Художник М. Б. Кричлоу (M. B. Critchlow).

Эдгар Джепсон и Роберт Юстас. *Чайный лист*

Художник Конрад Ли (Conrad Leigh).

Агата Кристи. *Изумруд раджи*

Художник Джек М. Фолкс (Jack M. Faulks).

Агата Кристи. *Пуаро и родосский треугольник*

Художник Джек М. Фолкс (Jack M. Faulks).

Дж. Д. Х. Коул и МАРГАРЕТ КОУЛ. *У телефона*

Художник Уилмонт Лант (Wilmont Lunt).

Энтони Беркли. *Карающий случай*

Художник Кеннет Иннс (Kenneth Inns).

Г. Уорнер Аллен. *Вино кометы*

Художник К. С. Брио (C. S. Briault).

Рональд А. Нокс. *Методом пристального взгляда*

Художник Э. С. Харди (E. S. Hardy).

Лорд Дансени. *Две бутылки приправы*

Художник Джек М. Фолкс (Jack M. Faulks).

Лозль Йео. *Дознание*

Художник С. Сеймур Лукас
(S. Seymour Lucas).

Дороти Сэйерс. *Убийство в Пентекост-колледже*

Художник С. Бегг (S. Begg).

Дороти Сэйерс. *Толбойз*

Художники Джон Кэмпбелл (John Campbell)
и Элизабет Эрншо (Elizabeth Earnshaw).

Генри Уэйд. *Пропавший студент*

Художник Нора Шлегель (Norah Schlegel).

Фримен Уиллс Крофтс. *Железнодорожный переезд*

Художник Чарльз Кромби (Charles Crombie).

Найо Марш. *Смерть в эфире*

Художник Х. А. Сибрайт (H. A. Seabright).

Лесли ЧАРТЕРИС. *Человек, который любил игрушки*

Художники Сирил Холлоуэй и С. Тресириан
(Cyrill Holloway / S. Tresilian).

Уилл Скотт. *Голубая улика*

Художник М. Маккинли (M. Mackinlay).

Г. К. Честертон. *Деревенский вампир*

Художники Х. А. Сибрайт (H. A. Seabright)
и Гилберт Уилкинсон (Gilbert Wilkinson).

МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ. *Старик в окне*

Художник М. Маккинли (M. Mackinlay).

Сирил Хэйр. *Загадочная смерть Эми Робсарт*

Художник Кеннет Иннс (Kenneth Inns).

Э. К. Бентли. *Настоящий табар*

Художник Х. А. Сибрайт (H. A. Seabright).

Э. К. Бентли. *Ангел-хранитель*

Художник Р. М. Чандлер (R. M. Chandler).

Николас Блейк. *Клуб убийц*

Художники Джек М. Фолкс (Jack M. Faulks)
и Кеннет Иннс (Kenneth Inns).

Дэвид Винзер. *Убийство накануне ператы*

Художники Эндрю Лэнг, Уорвик Рейнолдс
(Andrew Lang, Warwick Reynolds).

Ричард Кеверн. *Железное алиби*

Художник Джек М. Фолкс (Jack M. Faulks).

КАРТЕР ДИКСОН. *Дом в Гоблинском лесу*

Художник Стивен Спарриер (Steven Spurrier).

Джозефина Белл. *Смерть в больничной палате*

Художник Фрэнк Олдхэм (Frank Oldham).

Николас Бентли. *Бдительный ювелир*

Художник Фрэнк Уайлс (Frank Wiles).

Энтони Гилберт. *Черный — цвет невинности*

Художник Э. Дж. Оукдейл (E. G. Oakdale).

А. А. Милн. *Хлеб по водам*

Художники Гилберт Уилкинсон (Gilbert
Wilkinson) и Кеннет Иннс (Kenneth Inns).

Алан Томас. *Сила привычки*

Художник С. Эбби (S. Abbey).

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ ДЕТЕКТИВНОГО КЛУБА (1930–1940)

(в хронологическом порядке):

Behind the Screen. The Listener. 1930.

№№ 75–80. (Воспроизведено в: *The Scoop and Behind the Screen.* London: Gollancz, 1983.)

The Scoop. The Listener. 1930. №№ 105–108, 110–117. (Воспроизведено в: *The Scoop and Behind the Screen.* London: Gollancz, 1983.)

The Floating Admiral, by certain members of the Detection Club [G.K. Chesterton, et al.]. London: Hodder & Stoughton, 1931.

Ask a Policeman / by ANTHONY BERKELEY, et al. London: Arthur Barker, 1933.

Six against the yard: in which Margery Allingham, Anthony Berkeley, Freeman Wills Crofts, Father Ronald Knox, Dorothy L. Sayers, Russell Thorndike commit the crime of murder which Ex-Superintendent Cornish, C.I.D., is called upon to solve. London: Selwyn & Blount, 1936.

The Anatomy of Murder / by HELEN SIMPSON, et al. London: John Lane, 1936.

More Anatomy of Murder / by DOROTHY L. SAYERS, et al. London: John Lane, 1936.

Double Death: A Murder Story / by DOROTHY L. SAYERS, et al. London: Gollancz, 1939.

АНТОЛОГИИ И СБОРНИКИ ДЕТЕКТИВОВ ЗОЛОТОГО ВЕКА

(в хронологическом порядке):

The Best Detective Stories of the Year, 1928 / ed. FATHER RONALD KNOX. London: Faber & Faber, 1929.

Detection Medley / ed. JOHN RHODE. London: Hutchinson, 1939.

Great Short Stories of Detection, Mystery and Horror / ed. DOROTHY L. SAYERS. London:

Gollancz, 1928. (Американское издание: *The Omnibus of Crime / ed. DOROTHY L. SAYERS.* New York: Payson and Clarke, 1929.)

Best Detective Stories of the Year 1929. London: Faber & Faber, 1930.

Great Short Stories of Detection, Mystery and Horror, Second Series / ed. DOROTHY L. SAYERS. London: Gollancz, 1931. (Американское издание: *Second Omnibus of Crime / ed. DOROTHY L. SAYERS.* New York: Coward-McCann, 1932.)

Tales of Detection / ed. DOROTHY L. SAYERS. London: J.M. Dent & Sons, 1936.

Fifty Masterpieces of Mystery. London: Odhams Press, 1937.

My Best Mystery Story. A collection of stories chosen by their own authors. London: Faber & Faber, 1939.

Detective Stories of Today / ed. RAYMOND POSTGATE. London: Faber & Faber, 1940.

101 Years' Entertainment: The Great Detective Stories, 1841–1941 / ed. ELLERY QUEEN. Boston: Little, Brown and Company, 1941.

The Third Omnibus of Crime / ed. DOROTHY L. SAYERS. New York: Coward-McCann, 1942.

The Avon Book of Modern Crime Stories / ed. JOHN RHODE, foreword by A.A. MILN. New York: New Avon Library, 1942.

The Evening Standard Detective Book. London: Gollancz, 1950.

The Evening Standard Detective Book. 2nd Series. London: Gollancz, 1951.

Best Detective Stories / ed. EDMUND CRISPIN. London: Faber & Faber, 1959.

Masterpieces of Mystery: The Golden Age. 2 vols. / ed. ELLERY QUEEN. New York: Davis Publications, 1977.

Vintage Detective Stories / ed. MIKE HIGGS. London: Gallery Press, 1987.

The Oxford Book of English Detective Stories / ed. PATRICIA CRAIG. Oxford: Oxford University Press, 1990.

Crime Stories from the "Strand" / ed. GERALDINE BEARE. London: Folio Society, 1991.

Detective Stories from The Strand / ed. JACK ADRIAN. Oxford: Oxford University Press, 1992.

London after Midnight: A Conducted Tour / ed. PETER HAINING. London: Little, Brown, 1996.

The 50 Greatest Mysteries of All Time / ed. OTTO PENZLER. Los Angeles: Dove Books, 1998.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

1920–1940-Х ГГ.

The Argosy. London: Cassell, 1926–1940.

The Cornhill Magazine. London: Smith, Elder and Company, 1860–1975.

The Evening Standard. London: E. Hulton, 1916–1980.

The Grand Magazine. London: George Newnes, 1905–1940.

The Illustrated London News. London: Illustrated London News, 1842–2003.

Pearson's Magazine. London: C.A. Pearson, 1896–1939.

Punch, or The London Charivari. London, 1841–2002.

The Red Magazine. Stories for all. London, 1908–1929.

The Sketch. London: Illustrated London News, 1893–1959.

The Strand Magazine. London: George Newnes, 1891–1950.

О ДЕТЕКТИВЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА:

The Art of the Mystery Story: A Collection of Critical Essays / ed. HOWARD HAYCRAFT. New York: Simon and Schuster, 1946.

ANTHONY BERKELEY. *Jugged Journalism*. London: Herbert Jenkins, 1925.

The Cambridge Companion to Crime Fiction / ed. MARTIN PRIESTMAN. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Crime in Good Company: Essays on Criminals and Crime-Writing / ed. MICHAEL GILBERT. London: Constable, 1959.

PETER HAINING. *The Classic Era of Crime Fiction*. London: Prion, 2002.

LEE HORSLEY. *Twentieth-Century Crime Fiction*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

P.D.JAMES. *Talking about Detective Fiction*. Oxford: Bodleian Library, 2009.

STEPHEN KNIGHT. *Crime Fiction, 1800–2000. Detection, Death, Diversity*. London: Palgrave Macmillan, 2004.

LEROY L.PANEK. *Watteau's Shepherds: The Detective Novel in Britain 1914–1940*. Bowling Green: Bowling Green University Popular Press, 1979.

LEROY L.PANEK. *An Introduction to the Detective Story*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1987.

CHARLES J.RZEPKA. *Detective fiction*. Cambridge: Polity, 2005.

JULIAN SYMONS. *Bloody Murder: From the Detective Story to the Crime Novel: A History*. London: Faber & Faber, 1972.

ОБ АВТОРАХ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Справочники и энциклопедии

100 Masters of Mystery and Detective Fiction / ed. FIONA KELLEGHAN. Pasadena: Salem Press, 2001.

MELVYN BARNES. *Best Detective Fiction: A Guide from Godwin to the Present*. London: C.Bingley, 1975.

JACQUES BARZUN, WENDELL HERTIG TAYLOR. *A Catalogue of Crime*. New York: Harper & Row, 1971.

British Mystery Writers, 1860–1919 / ed. BERNARD BENSTOCK and THOMAS F.STALEY. (Dictionary of Literary Biography. Vol. 70). Detroit: Gale Research Company, 1988.

British Mystery Writers, 1920–1939 / ed. BERNARD BENSTOCK and THOMAS F. STALEY. (Dictionary of Literary Biography. Vol. 77). Detroit: Gale Research Inc, 1989.

British Mystery and Thriller Writers Since 1940. First Series / ed. BERNARD BENSTOCK and THOMAS F. STALEY. (Dictionary of Literary Biography. Vol. 87). Detroit: Gale Research Inc, 1989.

Critical Survey of Mystery and Detective Fiction / ed. CARL E. ROLLYSON. Pasadena: Salem Press, 2008.

Encyclopedia of Mystery and Detection / ed. CHRIS STEINBRUNNER and OTTO PENZLER. London: Routledge & K. Paul, 1976.

Rosemary Herbert. *Whodunit? A Who's Who in Crime & Mystery Writing*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2003.

The Oxford Companion to Crime and Mystery Writing / ed. ROSEMARY HERBERT. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.

Oxford Dictionary of National Biography. 60 vols. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004.

Twentieth-Century Crime and Mystery Writers. 2nd ed. / ed. JOHN M. REILLY. London: St James Press, 1985.

Twentieth-Century Crime and Mystery Writers. 3rd ed. / ed. LESLEY HENDERSON. Chicago and London: St James Press, 1991.

Интернет-ресурсы

Сайт писателя Мартина Эдвардса, автора и исследователя детективов — <http://www.martinedwardsbooks.com/articles.htm>

Сайт о детективах Золотого века — <http://gadetection.pbworks.com>

Биографии и автобиографии

E. C. BENTLEY. *Those Days*. London: Constable, 1940.

NICOLAS BENTLEY. *A Version of the Truth*. London: A. Deutsch, 1960.

G. K. CHESTERTON. *Autobiography*. London: Hutchinson & Co., 1936.

AGATHA CHRISTIE. *An Autobiography*. London: Fontana, 1978.

AGATHA CHRISTIE. *Come, Tell Me How You Live*. London: Collins, 1946.

Joe R. Christopher. *THE MYSTERY OF ROBERT EUSTACE // The Armchair Detective*. 1980; vol. 13, № 4, p. 365–366.

ALZINA STONE DALE. *Maker and Craftsman: The Story of Dorothy L. Sayers*. Grand Rapids: Eerdmans, 1978.

FRANCES DONALDSON. *P. G. Wodehouse: A Biography*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1982.

JOANNE DRAYTON. *Ngaio Marsh: Her Life in Crime*. Auckland: Harper Collins, 2008.

RALPH E. HONE. *DOROTHY L. SAYERS. A Literary Biography*. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1979.

TREVOR H. HALL. *Dorothy L. Sayers and Robert Eustace // Dorothy L. Sayers: Nine Literary Studies*. London: Duckworth, 1980. P. 75–103.

S. T. JOSHI. *John Dickson Carr: a critical study*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1990.

IAN KER. *G. K. Chesterton: A Biography*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

G. K. Chesterton / ed. HAROLD BLOOM. New York: Chelsea House, 2006. (Bloom's Modern Critical Views).

ANNE MEREDITH. *Three-a-penny*. London: Faber & Faber, 1940.

WILLIAM ODDIE. *Chesterton and the Romance of Orthodoxy: The Making of GKC, 1874–1908*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

JOSEPH PEARCE. *Wisdom and Innocence: A Life of G. K. Chesterton*. London: Hodder & Stoughton, 1996.

BARBARA REYNOLDS. *Dorothy L. Sayers: Her Life and Soul*. London: Hodder & Stoughton, 1993. *The Letters of Dorothy L. Sayers. Vol. 1, 1899–1936: The Making of a Detective*

Novelist / ed. BARBARA REYNOLDS. London: Hodder & Stoughton, 1995.

JULIA STAPLETON. *Christianity, Patriotism, and Nationhood: The England of G.K. Chesterton*. Lanham: Lexington Books, 2009.

ALAN THOMAS. *A Life Apart*. London: Gollancz, 1968.

ANN THWAITE. *A.A. Milne: His life*. London; Boston: Faber & Faber, 1990.

MALCOLM J. TURNBULL. *Elusion Aforethought: The Life and Writing of Anthony Berkeley Cox*. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1996.

АНГЛИЙСКАЯ ЖИЗНЬ В ДЕТАЛЯХ

ALISON ADBURGHAM. *A Punch History of Manners and Modes, 1841–1940*. London: Hutchinson, 1961.

All Our Yesterdays: 90 Years of British Cinema / ed. CHARLES BARR. London: BFI Publishing, 1986.

DACRE BALSDON. *Oxford Life*. London: Eyre & Spottiswoode, 1957.

COLIN BEAVAN. *Fingerprints: Murder and the Race to Uncover the Science of Identity*. London: Fourth Estate, 2003.

JOHN BETJEMAN. *An Oxford University Chest*. London: J. Miles, 1938.

ASA BRIGGS. *The BBC: The First Fifty Years*. Oxford: Oxford University Press, 1985.

VERA BRITAIN. *Testament of Youth: An Autobiographical Study of the Years 1900–1925*. New York: The Macmillan Company, 1933.

HOWARD CARTER, A.C. MACE. *The Discovery of the Tomb of Tutankhamen*. New York: Dover Publications, 1977.

MARK CHAPMAN. *Anglicanism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

KATHRYN FERRY. *Beach Huts and Bathing Machines*. Oxford: Shire, 2009.

ROBERT GRAVES. *The Long Weekend: A Social History of Great Britain, 1918–1939*. London: Faber & Faber, 1941.

FRED GRAY. *Designing the Seaside: Architecture, Society and Nature*. London: Reaktion, 2006.

PAMELA HORN. *Life Below Stairs in the 20th Century*. Stroud: Sutton, 2001.

DIARMAID MACCULLOCH. *Reformation: Europe's House Divided, 1490–1700*. London: Penguin, 2004.

HERMANN MUTHESIUS. *The English House*. 3 vols. / transl. Janet Seligman and Stewart Spencer, ed. Dennis Sharp. London: Frances Lincoln, 2007.

ROBERT PEARCE. *1930s Britain*. Oxford: Shire, 2010.

MARTIN PUGH. *"We Danced All Night": A Social History of Britain between the Wars*. London: Bodley Head, 2008.

JANE ROBINS. *The Magnificent Spilsbury and the Case of the Brides in the Bath*. London: John Murray, 2010.

JOHN SHEPHERD, JANET SHEPHERD. *1920s Britain*. Oxford: Shire, 2010.

NEIL R. STOREY, MOLLY HOUSEGO. *Women in the First World War*. Oxford: Shire, 2010.

D.J. TAYLOR. *Bright Young People: The Rise and Fall of a Generation, 1918–1940*. London: Chatto & Windus, 2007.

A.N. WILSON. *After the Victorians*. London: Hutchinson, 2005.

TREVOR YORKE. *English Churches Explained*. Berks: Countryside Books, 2010.

TREVOR YORKE. *The Country House Explained*. Newbury: Countryside Books, 2003.

TREVOR YORKE. *The 1930's house explained*. Newbury: Countryside Books, 2006.

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

Главный редактор Варвара Горностаева

Художники Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев

Ведущий редактор Ирина Кузнецова

Редакторы Александра Борисенко, Игорь Мокин

Ответственный за выпуск Мария Косова

Технический редактор Татьяна Тимошина

Корректор Наталия Усольцева

ООО "Издательство Астрель",
обладатель товарного знака "Издательство Corpus"
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 70х100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитуры "BookmanC" и "FranklinGothicC"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,5
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 3659/12.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО "ИПК Парето-Принт"
г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы "АСТ" обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

9 785271 385339

